Центр изучения Современности

Серия «Открытая исследовательская концепция»
Выпуск 13

Павел Крупкин

РОССИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ: ПРОБЛЕМЫ СОВМЕЩЕНИЯ

ОПЫТ РАЦИОНАЛЬНОГО ОСМЫСЛЕНИЯ

Москва
Издательство «Флинта»
Издательство «Наука»
2010

УДК 94(47)=316.3
ББК 63.3(2)6-2
К84

Крупкин П.Л.
К84 Россия и Современность : Проблемы совмещения : Опыт рационального осмысления / П.Л. Крупкин. — М. : Флинта : Наука, 2010. — 568 с.
ISBN 978-5-9765-0891-0 (Флинта)
ISBN 978-5-02-037220-7 (Наука)

В книге представлена концепция Современности (Модерна) в ее приложении к обществоведению. Рассмотрены теоретические вопросы национального государства, нации, демократии, свободы, постиндустриальной экономики, и связанные с этим необходимые качества развитых обществ Модерна. Особое внимание уделено тщательности логической проработки используемых понятий. Полученная рамка применена к анализу текущих социальных процессов в России с использованием различного рода статистических данных и данных социологических исследований. Обсуждаются проблемы трансформации России в национальное демократическое государство, развития постиндустриальной экономики, запуска в стране цикла генерации экономических и социальных инноваций, а также проблемы российской демографии и развития человеческого капитала. Показано, что практически все проблемы в своем разрешении упираются в менталитет постсоветской элиты. Выявлен основной психо-социальный ментальный комплекс, ответственный за элитную аномию, и показаны пути его деконструкции.

Книга рассчитана на широкие слои образованных читателей с рациональным складом мышления, комфортно себя чувствующих в больших коллективах.

УДК 94(47)=316.3
ББК 63.3(2)6-2

ISBN 978-5-9765-0891-0 (Флинта)
ISBN 978-5-02-037220-7 (Наука)

© Крупкин П.Л., 2010
© Издательство «Флинта», 2010

ОГЛАВЛЕНИЕ

Социальное время Современности: предисловие редактора серии «Открытая исследовательская концепция» 3
Предисловие автора 7
Введение 10

1. Вопросы методологии 20
Очерк эпистемологии — науки о знаниях 20
Эпистема и индивиды — особенности взаимодействия 45
Методический выбор 55
Историческое время 59

2. Общество — системный подход 70
Общество: Общие моменты 71
Социальная микродинамика 74
Общественные структуры 81
Строение общества 87
Социальный коагулят — «малый народ» 92
Социально-культурные универсалии: Власть, Справедливость и др. 98
Приложение 2.1. Социальные нормы: Один из механизмов поддержания 126
Приложение 2.2. Социально значимые характеристики человека 128
Приложение 2.3. Основания экономической теории в социальном контексте 139

3. Современное общество 152
Социальное время: Поздний Модерн 152
Национальная модель государства 159
Демократия 178
Свобода 189
Общество и Современность 198

Приложение 3.1. Основы социальной теории Э. Гидденса ... 209
Приложение 3.2. Модель экономического человека и общество ... 216
Приложение 3.3. Очерк концепций генезиса наций ... 226

4. Текущее состояние и перспективы российского общества ... 230
Очерк прошедшей трансформации ... 231
Человеческий капитал России ... 256
Станет ли Россия национальным государством? ... 273
Проблемы элитного и национального консенсусов ... 307
Некоторые экономические аспекты общественного развития ... 321
Российская демографическая проблема ... 329
Проблемы инновационного развития России ... 333
Приложение 4.1. О доминирующем психотипе российского актива ... 340
Приложение 4.2. Российское предпринимательство и развитие страны ... 345
Приложение 4.3. Очерк истории субъектных идентичностей России ... 359

Заключение. Россия и Современность: Проблемы совмещения ... 372

Справочный материал ... 383
Использованные сокращения ... 383
Источники статистических данных и данных опросов ... 384
Библиография ... 384
Ссылки и комментарии ... 403

Социальное время Современности: предисловие редактора серии «Открытая исследовательская концепция»

Исчерпал ли себя Модерн, как это утверждают многие? Или же он продолжает развиваться в видоизмененных формах, с которыми знакомит нас английский социолог Энтони Гидденс (1938—) в своей «критической теории позднего модерна»? В любом случае сторонники той и другой точек зрения сойдутся в одном — в представлениях о качественном изменении социального времени. Ведь именно на основе временной парадигмы можно безошибочно утверждать, что на рубеже 60-х и 70-х годов прошлого столетия существенно ускорилась динамика общественных процессов в странах евроатлантического ареала, а после символического «падения берлинской стены» (1989) эта динамика, можно сказать, поглотила большую часть современного мира. Поэтому обобщать ли ныне социальные изменения под сводом категории «Постмодерн» или же отражать их в терминах «Другая (или Поздняя) Современность» — это по большому счету не так уж и важно. Гораздо важнее осмыслить полноту многообразных проявлений современной общественной сущности и то, как она изменяет жизнь каждого из нас, трансформируя нашу самость из части в целое. Этот лейтмотив, собственно, и характеризует содержание монографии Павла Крупкина «Россия и Современность: проблемы совмещения. Опыт рационального осмысления».

Раскрывая в контексте теории Современности российские общественные процессы, автор монографии так или иначе попадает в исследовательский поток, генерируемый концепцией Энтони Гидденса. Опорной точкой этой концепции выступает веберовская взаимосвязь Современности и рациональности, сущностно определяющая понимание нынешнего социального времени как части Модерна, которая тем не менее существенно отличается от содержания того, что символизировала «Великая французская революция» (1789—1794). Возможно, поэтому состоявшаяся в 2001 г. в Москве научно-практическая конференция, поводом к

которой послужила книга И.В. Стародубровской и В.А. Мау «Великие революции. От Кромвеля до Путина», не согласилась со стержневой авторской идеей об отождествлении трансформационных процессов в России с понятием «Модерн».

Наиболее ярко специфические черты текущего времени представлены, на мой взгляд, в книге французского психолога Сержа Московичи «Машина, творящая богов» (1988). В предисловии к этой книге российский психолог Андрей Брушлинский, акцентируя внимание читателя на ключевой идее книги, писал, что «психическое чаще, чем это принято считать, лежит в основе социального». Эта мысль вполне созвучна результатам европейских социальных исследований, в соответствии с которыми сегодня наибольшей ценностью в обществе становится семья — источник «интерперсонального мира». Понятно, что и социальные процессы «расколдования мира» сфокусировались на семье и других элементах «микросоциума». Распад устоев традиционной модели личности и появление новых качеств рационального человека закономерно обусловили стремительную динамику технологических и социальных нововведений, что делает опыт и рекомендации старшего поколения малоэффективными для человека. Да и сам личностный выбор человека сегодня сопряжен с альтернативным характером возможностей и необходимостью размышлять, выбирая «правильный» с его точки зрения вариант среди множества других, ему доступных. Такая постоянная тренировка человеческой рефлексии привносит свой вклад в ускорение разложения личностных установок, унаследованных от времени Традиции. Весь этот сложный механизм психосоциальных взаимосвязей приводит в конечном счете к качественно новому состоянию личности. Вследствие таких изменений возникает новый тип социетальной идентичности, порождающий множественность «микросоциумов» и многоликий постмодерный социальный мир.

Монография Павла Крупкина содержит широкий круг оригинальных идей и достаточно «свежих» интерпретаций уже известного. Например, меня, как читателя, не оставляет равнодушной авторская версия «рационализации» одной из ключевых идей постмодернизма, связанных с «преодолением» монополии

на истину. В авторском изложении этот теоретический конструкт своеобразного «выхода за пределы» положения о единственности истины оказался вдруг и научным (в позитивистском смысле), и истинным. Не менее оригинально решен в монографии ряд проблем элитологии применительно к российским реальностям. Автором предложены достаточно новые взгляды и подходы к решению общих проблем этнологии, национального государства и демократии. Вызывает неподдельный интерес авторская концепция свободы...

Впрочем, прервусь, перечисляя тот вклад, который вносит в современный обществедческий дискурс наш автор — пусть каждый читатель сполна насладится восприятием непростой игры оригинальных идей его монографии. Скажу лишь, что этому книжному тексту присуща логика и строгость изложения рассматриваемых концепций. Его широта и междисциплинарность, конечно, не делают чтение книги делом легким. И все же спешу отметить, что сложность предлагаемого текста существенно не выделяется среди других монографических аналогов. К тому же восприятие этого текста достаточно облегчает стремление автора аргументировать свои концепции использованием широкого исторического материала, данных социологических опросов и социально-психологических экспериментов.

В завершение могу сказать, что при чтении данной работы я получил истинное интеллектуальное удовольствие, поэтому смело могу рекомендовать ее всем, кто любит «умное» чтение.

Эдуард Афонин,
доктор социологических наук, профессор,
академик-секретарь Отделения социально-гуманитарных технологий
Украинской технологической академии,
президент Украинского общества содействия социальным инновациям,
редактор книжной серии «Открытая исследовательская концепция»

Предисловие автора

Мне, как и любому другому жителю России, очень интересна судьба моей страны. Хорошо бы научиться хоть как-то понимать доминирующие ветра, которые несут наш утлый челн по бурным волнам мироздания, расположение скал и рифов в окрестностях предполагаемого пути, надежность конструкции посудины, на которой нас угораздило оказаться...

В течение последних двух десятилетий в России произошли кардинальные перемены. Страна покинула «реальный социализм» и прошла через перестройку, революционные изменения 90-х, через период стабилизации 2000-х. В России существенным образом изменилось общество, включая его политическую, экономическую и культурную сферы. Страна уже выбралась из экономического и социального провала революционных лет, начала осваивать новые жизненные уклады. Казалось бы, что накопленный опыт развития должен дать уверенность ее жителям в том, что их ждет какой-то вариант «светлого будущего». Однако оказывается, что ощущения населения России пока еще далеки от тех, которые обычно свойственны людям, проживающим в условиях действительной стабильности. В общественном сознании все еще не сложился в достаточной степени общепринятый образ российского общества, отсутствует понимание направлений его развития, нет консенсуса по целевым характеристикам желаемого. Картина, пропагандируемая частью интеллектуалов и построенная на модели компрадорского разграбления страны пиратами, захватившими власть в 90-х, не поддерживается Властью, которая предъявляет себя обществу в качестве единственной силы, заботящейся о благе народа, и которая настаивает на том, что она здесь всерьез и надолго. Картина, ретранслируемая Властью, встречает скепсис не только у обозначенных выше интеллектуалов, но и у значительной части поддерживающего данную Власть населения: «Воруют, конечно, но и дают жить другим, не то, что раньше» — этот тезис часто возникает в моих разговорах во время случайных встреч.

Такая «раздерганность» общественного сознания сама по себе вызывает интерес. Но еще более интересным является то, что просмотр творчества наших записных «властителей дум» не дает мне ощущения, что наши интеллектуалы понимают, что происходит в стране. Зато четко возникает ощущение «осетрины 2-й свежести» — большинство работ являются либо отчетливо пропагандистскими, продавливающими в массы лишь одну специфическую партийную позицию, либо компиляторскими, тиражирующими западные смыслы без особой привязки к конкретным условиям нашей страны.

Так уж сложилось, что у меня возникло свободное время и я решил инвестировать его в то, чтобы разобраться прежде всего для себя, во-первых, в тех понятиях и социальных моделях, которыми оперируют наши и западные специалисты, объясняя проблемы современного общественного развития, и, во-вторых, в том, насколько эти понятия и модели приложимы к описанию текущей российской действительности. По мере продвижения вперед я увидел, что возникающее у меня понимание может оказаться интересным и для других — по меньшей мере если бы я получил доступ к аналогичному материалу ранее, то сэкономил бы для себя лично много часов жизни, которые я был вынужден потратить на все эти свои наработки. Данное ощущение и подвигло меня на систематизацию собранного материала в виде этой книги. А уж насколько это мое ощущение отражает действительность — судить уважаемому читателю.

В заключение хотелось бы выразить благодарность С.В. Кизюкову, А.В. Черняеву, которые просмотрели начальные варианты текста и чьи замечания существенно поспособствовали его улучшению. При этом, конечно же, я остаюсь быть ответственным за все оставшиеся в тексте недостатки. И думаю, что будет уместно сказать особое спасибо моей жене Светлане и дочери Алене, чье ангельское терпение поддержало меня в течение сложного периода написания книги и подготовки ее к изданию.

Павел Крупкин

Март 2007 — Август 2009

Введение

Что же это такое — демократия, которую многие в России так жаждут? Как вообще в принципе может быть устроена демократия в России[1]?Какова структура современного российского Политического? Куда нас несут сформировавшиеся социальные тренды? К сожалению, эти и многие другие вопросы пока еще остаются в России без общепринятого ответа. При этом я отнюдь не хочу сказать, что ответов на данные вопросы не существует в принципе. Ответы есть. Но имеющиеся ответы часто невнятны — см., например, понимание категории «демократия». Они фрагментированы по разным группам общества и обычно обслуживают чьи-то конкретные групповые интересы. При этом их «локальные» трактовки не признаются другими аналогичными группами, создавая ситуацию «раздерганности» дискурса и фактической невозможности ведения какой-либо продуктивной дискуссии.

Достаточно общепризнанным фактом является также то, что в нашей ситуации мы не только не имеем общенационального консенсуса по основным понятиям того общества, в котором мы живем и/или хотели бы жить. Мы также не имеем своей национальной привязки понятий, используемых для осмысления общественных проблем на Западе. Один из многолетних руководителей Администрации Президента РФ В.Ю. Сурков по этому поводу заявил[2]: «*Если мы в России не создадим свой дискурс, свою публичную философию, свою приемлемую хотя бы для большинства, а желательно для всех наших граждан, идеологию (я не говорю о государственной идеологии, я говорю о национальной идеологии, хотя мне не нравится термин «национальная идея», он уже какой-то затертый и девальвированный), то зачем разговаривать с немым? — с нами и не будут разговаривать. Если мы не будем говорить, с нами не будут считаться. Поэтому задача нашей культуры в широком смысле слова — и художественной ее части, и политической культуры — создать свою систему образов и смыслов*».

Обнаружив такое состояние дел в обществоведческом дискурсе, я решил подойти к вопросу с точки зрения «***критической рациональности***»[3], причем именно посмотреть на общество, как на ***единую систему***. Самое интересное оказалось в том, что такие рамки оформления процесса познания социума сразу же дали эффект — завалы «туманных» смыслов стали разбираться, общая картина изучаемого стала проясняться и появилась возможность вычленения понятий, пригодных для применения к социальной реальности людьми вроде меня — людьми не эмоциональными, не склонными к мифотворчеству, с высокой долей рациональности в обработке входящего информационного потока — теми, кого можно было бы назвать людьми «***техноструктуры***»[4], которым, кстати, многие современные социальные мыслители не находят места в будущем этой планеты.

Естественно, что начать пришлось со шлифовки методов исследования. Я неожиданно обнаружил, что в российских общественных науках имеет место процесс, который можно определить словами «***бегство от разума***», что, возможно, и является основной причиной общей неудовлетворительности имеющихся результатов по осмыслению современного мира. Например, типовым моментом в российском обществоведении оказался так называемый нормативный подход. При этом исследователи, надергав из разных источников характеристики-нормы для какого-либо социального объекта, совершенно не задумываются об их согласованности и адекватности. Получив же в результате применения данных норм к нашей социальной действительности пустоту, они почему-то делают вывод не о том, что заимствованные ими из якобы «умных» книг нормы бесполезны в плане познания, а о том, что наличествующая социальная реальность «неправильна». Тем самым они подменяют изучение российского общества морализаторством по поводу его отклонений от образцов, рамки которых задаются столь ценимыми ими «талмудами». Например, взяв для изучения такую систему общественного управления, как демократия, сто-

ронники «нормативного подхода» обычно делят данное слово на «демос» и «кратос», после чего начинают «кратить» бедный «демос» «до посинения». Это продолжается до тех пор, пока их не осеняет откровение, что управление таким сложным объектом, как общество, — это серьезная профессия, которую люди приобретают годами. Это значит, что простые представители народа управлять социумом не могут, поскольку все свое время они посвятили обретению навыков в другой профессии. Соответственно такое рассмотрение завершается выводом о том, что демократия невозможна и демократий на свете не бывает, а бывает только обман и демагогия. И данный вывод делается вместе с полным неприятием того *факта*, что в мире наличествует какое-то количество стран, которые и себя называют демократиями, и признают таковыми друг друга. Или другой пример. Взяв для изучения элиту общества, сторонники «нормативного подхода» прежде всего вспоминают о значении слова «элита» во французском языке — там это значит «лучшие». После этого они долго говорят о том, какими бы должны быть лучшие люди общества. Потом смотрят на российский правящий класс, который явно не блистает своими личностными качествами, и делают вывод, что в России элиты нет. Но потом опять смотрят на данную страту (которой по большому счету «до лампочки» то, как там ее хочется кому-то обозвать) и вводят термин «квази-элита», или «эрзац-элита», и т.д.

Сразу же определюсь со своими ожиданиями по поводу социальных объектов, рассмотренных выше. Если социальный объект наличествует в социальной действительности, то не важно, как он в принципе называется. Важно его из этой действительности очень аккуратно и вдумчиво вычленить, для чего необходимо найти основное определяющее данный объект качество. После того как объект стал четко распознаваем, его можно уже и начинать изучать в деталях, причем лучше делать это с учетом всех его взаимосвязей. Как будет показано в дальнейшем, для демократии главным отличающим качеством является возможность мирной смены правителя страны, а для

элиты — положение в стратификации, задаваемой в обществе властью, разными ее разновидностями.

С учетом вышесказанного, прежде чем заняться на должном уровне проблемами текущего российского общества (результаты чего представлены в главе 4 книги), мне пришлось уделить значительное внимание методическим вопросам и научиться вычленять из социальной действительности объекты с их всевозможными взаимосвязями, минимизируя при этом влияние на данный процесс человеческой субъективности. И среди прочего ответить себе на вопрос: «А как же должна выглядеть добротная социальная теория, чтобы иметь шансы в конкурентной борьбе за головы людей, за то, чтобы быть замеченной и оцененной в плане своей полезности для их жизни и деятельности?»

Первый момент, который мне пришлось разрешить для себя в этом месте, — это проблема множественности человеческих мировоззрений. Действительно, в окружающей жизни каждый может видеть большое количество различных взглядов людей на жизнь, причем каждый индивид считает именно свои взгляды истинными. С другой стороны, само по себе понятие истинности имманентно требует однозначности в своем определении, ибо у каждого наличествует интуитивное ожидание того, что нечто, не являющееся истинным, обязательно должно быть ложным. Обдумывание же понятия истинности немедленно потянуло за собой всю проблематику человеческого знания, ибо только к знаниям и может быть применено данное понятие. Соответствующему осмыслению посвящена глава 1, где были рассмотрены и рационализированы основные закономерности эволюции массива человеческих знаний. При этом оказалось, что объективизация истинности возможна лишь для определенной части научного знания (того, что иногда называют «позитивной наукой»), а также для части обыденного знания. Соответственно лишь для работы в этих слоях справедливо ожидание выхода процесса познания со временем на действительно истинное знание о взятых в рассмотрение объектах — с учетом допусков по

точности, естественно. Мировоззрения же и связанные с ними философские системы оказываются составляющими иного типа знания, эволюционирующего по несколько другим законам, без обязательности схождения к чему-то одному — тому, что в философии обычно определяют термином «абсолютная истина». При этом для подобных иных видов знания наблюдается их расслаивание на множество смысловых полей, так что из каждого такого поля все другие кажутся ложными, или, взяв здесь выражение помягче, бессмысленными. Если в каждом отдельном смысловом поле еще как-то можно определить его внутренние критерии истинности, то введение общей истинности, охватывающей все такие поля, оказывается также теряющим смысл в силу своей неоперабельности. Причем само данное заключение является компонентом именно научного смыслового поля, т.е. истинность данного высказывания вполне объективна.

Данный научный факт, в частности, требует, чтобы в рамках определения используемого в социальном познании метода среди прочего фиксировались бы не только относящиеся к делу элементы единого для всех научного смыслового поля, но и избранное исследователем конкретное смысловое поле для оформления вненаучных результатов. Именно последнее отвечает за то, чтобы категориальная сетка для отражения вненаучных слоев знания была бы адекватной поставленным задачам или хотя бы внутренне непротиворечивой. В соответствии с этим я был вынужден посвятить значительную часть объема книги вычленению из социальной действительности необходимых рабочих категорий, и логической шлифовке получаемой категориальной сетки с тем, чтобы обеспечить ее непротиворечивость. Этому делу посвящены главы 2 и 3 книги.

В главе 2 рассматриваются самые общие моменты, следующие из понимания общества как множества людей, взаимодействующих между собой на определенной территории. В частности, там показано, как из взаимодействия людей могут выводиться столь любимые многими социологами социальные субстанции. При этом, однако, получаются и ограничения на «субстанциональность», заключающиеся в необходимости существования основы для субстанций в головах людей, в их идентичностях. Понимание идентичности человека, следующее из модели структуры его мировоззрения, введенной в главе 1, естественным образом приводит к понятиям социальных институтов, поведенческих паттернов, социальных рутин. Рассмотрены категории социальных структур, иерархии и на их основе теории бюрократии и других форм социальной организации людей. Было всесторонне рассмотрено понятие власти, которое приводит к естественной стратификации самого верхнего уровня для любого общества. Данная стратификация представляет собой естественное расширение так называемой теории элит, с обнаружением наряду с массой и активом/элитой законного социального места для группы, обозначенной мною словом «коагулят». Несмотря на то что в изучении данного социального слоя уже наличествует значительный вклад как зарубежных (О. Кошен, Й. Шумпетер), так и отечественных (И.Р. Шафаревич) обществоведов, эта струя пока еще слабо интегрирована в социальную философию, что, возможно, и было связано с отсутствием понимания положения соответствующего социального объекта среди других подобных, которые вместе образуют человеческое общество. Здесь же получает свою естественную трактовку понятие «средний класс», включающее суб-элитные слои населения — соответствующую часть актива и верхнюю страту массы. Средний класс — это те, кто обеспечивает гегемонию элиты общества.

В социуме, как множестве всевозможнейших социальных структур, оформляющих взаимодействия составляющих его людей, естественным образом выделяются экономическая сфера, государство и те структуры, которые можно назвать словами «гражданское общество». На этой же базе возникают понятия суверенитета, права, справедливости, политики.

Общие понятия, введенные в главе 2, наполняются конкретным смыслом, связанным с Современностью, в главе 3. Сами понятия социального времени и его частного случая — Современности, рассматриваются во второй части главы 1. В начале

главы 3 определяется текущий этап самой Современности — Поздняя Современность, которая характеризуется очень высокой плотностью социальных и технологических изменений в обществе, так что «нарушается связь времен» — социальный опыт старшего поколения теряет свою полезность в плане жизненного успеха для молодежи. В дополнение к этому люди еще и вынуждены достаточно часто обновлять свои знания в профессиональном плане, а иногда даже и полностью переучиваться. И это не говоря уже о том, что им очень часто приходится выбирать что-либо их удовлетворяющее из широкого предложения альтернатив. Очевидно, что подобные специфические моменты, которые очень сильно нарастили свое влияние в последнее время, существенно влияют на приемлемые формы социальных полей общества.

Далее в главе 3 упорядочивается понятие нации и национального государства, поскольку именно данные категории лежат в основе определения естественных форм для развитой государственности Современности. Эти термины определяются таким образом, чтобы возникшая категориальная рамка охватила бы и вместила бы в себя весь имеющийся по данному направлению дискурс. Логическая проработка возникшего смыслового поля позволила проанализировать формы устойчивости национальных государств и показать, что самыми устойчивыми являются демократия, монархия, а также такая форма авторитаризма, как элитарная демократия.

Приведены и обсуждены результаты вычленения из текущей западной социальной действительности понятия демократии. Показано, что такая форма демократического правления, как либеральная демократия (которая является типовым случаем для политической системы развитых западных стран), может возникнуть лишь на базе национального государства и вне национального консенсуса она существовать не может.

Была всесторонне проработана категория свободы. Оказалось, что данное понятие лучше рассматривать «от противного» — со стороны отсутствия того, что оно означает. При этом

оказывается, что свобода существенно не аддитивна — неограниченные свободы индивидов, взаимодействуя друг с другом, порождают в обществе лишь рабство. Для увеличения степени общей эмансипации общества необходимо ограничивать индивидуальную свободу людей. Такое свойство свободы логически приводит к следствию, что в обществе, основанном на либертарианских принципах (индивидуальные свободы людей ограниченны лишь на уровне их физического взаимодействия, в то время как в экономической сфере ограничения минимальны), достижимый уровень эмансипации людей будет всегда ниже, чем там, где в целях увеличения свободы людей допускается регулирование всех сфер общества.

Получили свое осмысление некоторые специфические моменты, проявляющиеся в социальных системах, эволюционирующих в Позднем Модерне. Достигнутый уровень освобождения людей в любом из подобных обществ сопровождается «кристаллизацией» его социальных институтов в то, что можно назвать словом «матрица». Матрица является очень комфортным местом для существования основного большинства представителей социума. Матрица по сути представляет собой список общественно одобренных целей человека, дополненный списком общественно одобренных способов их достижения. Данные списки достаточно широки, чтобы не вызывать напряжений с устремлениями большинства индивидов. В матрице также наличествует широкий выбор заготовок, из которых каждый может при желании собирать свою биографию, что существенно снижает затраты на социализацию людей. Для адаптации возникающих изменений матрица общества Поздней Современности должна быть дополнена стратегической и проектной подсистемами. Первая подсистема отвечает за отработку возникающих вызовов, подготовку адекватных ситуации ответов, вторая внедряет намеченные изменения в жизнь.

Неэффективность подсистем адаптации общественных изменений может привести к возникновению в обществе значительных социальных напряжений, которые обычно снимаются

через внесистемную деформацию социальной матрицы. Обычно такая деформация сопровождается резким возрастанием вовлеченности населения в активность структур гражданского общества, и такая самодеятельность масс оставляет значительный след в институциональной и общественной памяти.

Глава 4 посвящена применению наработанного аппарата к изучению проблем российской трансформации. В начале главы дан очерк основных моментов социальных изменений, которые случились в стране в течение последней четверти века. Ускорение, перестройка, крах коммунизма, приватизация, разгул криминала, экономический коллапс, восстановление государственности, экономический бум — все это этапы того большого пути, по которому Россию протащила ее элита. Рассмотрение произошедших российских преобразований в контексте ранее изученных закономерностей, действующих для обществ Современности и Поздней Современности, приводит к заключению, что пока доминирующим трендом текущих российских социальных процессов является архаизация. Особенно ярко деградация общественной ткани наблюдалась в 90-е годы, а в 2000-е данный тренд был немного закамуфлирован попытками некоторых элитных слоев развернуть вспять направление текущих социальных изменений.

Анализ произошедших сдвигов в установках населения страны показал, что ответственность за архаизацию лежит в основном на активе и элите российского общества, на тех институтах, которые оформили групповое сознание данных социальных страт в результате трансформации позднего советского номенклатурного наследия под действием обстоятельств буйных 90-х. Произведено детальное описание основных метальных структур данной «базы общественной архаизации» вместе с их взаимосвязями, показаны пути ликвидации их контуров воспроизводства.

Проанализированы проблемы перехода России к современной форме национального государства. Показано, что основным препятствием движения страны в этом направлении является опять же доминирующая ментальность элитных слоев. Она же ответственна и за многие другие проблемы экономического и социального развития страны.

Отдельно рассмотрен демографический кризис, который является следствием охвата населения психологическими установками потребительского типа. Выявлен основной контур воспроизводства данных установок, предложен способ его деконструкции. Данный способ прекрасно интегрируется в социальный дизайн по дальнейшей эмансипации женщин с тем, чтобы позволить им накапливать социальный капитал не только на карьерном поприще, но и занимаясь с детьми, — ведь от того, удастся ли ввести в моду у людей семью с 3—4 детьми, зависит общая выживаемость обществ Поздней Современности.

1. ВОПРОСЫ МЕТОДОЛОГИИ

Познание общества, как и познание любого другого объекта, в результате должно давать ***знания*** — каким-то образом структурированную полезную ***информацию***, владение которой существенно облегчает жизнь и деятельность человека. Тем более что именно объем накопленных знаний вместе с качеством соответствующих активностей людей вокруг них (получение новых знаний, сохранение и систематизация знаний, распространение знаний) отличает человеческое общество от сообществ других социальных животных.

Включаясь в процесс познания с целью прийти к пониманию того, как функционирует современное общество, рассмотрим для начала общие закономерности, которым подчиняется накопленный массив человеческих знаний, чтобы при дизайне своих теорий опираться на лучший известный в этом направлении опыт.

Очерк эпистемологии — науки о знаниях

Начнем наше рассмотрение с обсуждения форм, которые могут принимать знания каждого социума.

Формы знания

Если взглянуть на весь массив человеческих знаний, то первым делом бросается в глаза вербализованное знание — знание, представленное в языке. При наличии письменности значительная часть такого знания будет наличествовать в текстах, которые обычно представляют собой последовательности определенных знаков, закрепленных на каком-то материальном носителе. И письменный язык может представлять собой не только какой-то обычный человеческий язык общения, но и, например, язык математики для описания математических объектов, язык химии для описания веществ, нотную запись для описания музыки и т.д. При этом часто оказывается, что именно текстовый вариант знания становится основной его версией для всего сообщества, т.е. тем, с чем члены сообщества соотносят свои персональные версии вербализованного знания.

Чуть более внимательный взгляд дает понимание наличия некоего подмножества человеческих знаний, которые существуют и в невербализованной форме. Наличие такого неявного знания станет очевидным каждому, кто вспомнит процесс своего обучения и те ситуации, когда между изучением теории решения каких-то задач и самим решением задач содержалось нечто, что требовало определенного усилия по своему овладению[5]. Очевидно, что такое неявное знание является частью любой профессии, что проявляется в стандартном требовании к любому профессионалу иметь опыт успешной работы.

Существование неявного знания дает один из способов наращивания вербализованного знания, когда в результате некоего «прорыва» удается отразить какую-то часть неявного знания в понятиях. Одним из методов подготовки подобных прорывов может оказаться ***экспликация*** — внимательная проработка смыслов, отражаемых живым языком сообщества, в плане нащупывания новых понятийных связей.

Далее обратим внимание на то, что бурное социальное развитие человечества началось уже после возникновения письменности. Если взглянуть на историю рода человеческого, то социальный этап его эволюции насчитывает всего пять тысяч лет, и все эти пять тысяч лет быстро развивавшееся человечество уже умело писать. Биологический же этап эволюции вида Homo Sapiens продолжался многие десятки тысяч лет до того и сопровождался формированием нынешнего фенотипа людей, развитием второй сигнальной системы, заложением глубинных архетипических слоев социальной культуры, отражающих накопленное передачей из поколения в поколение каждой выжившей трибы неявное знание, созданием языков общения триб

вместе с массивами соответствующего вербализованного знания. И здесь уместно обратить внимание на то, что все трибы, оказавшиеся вне социального прогресса, хоть обычно и имеют свой язык внутригрупповой коммуникации, но, увы, не имеют письменности. Данный факт вновь обращает внимание на важность понимания общих закономерностей эволюции именно текстовой части вербализованных знаний человечества, чем и занимаются некоторые направления ***эпистемологии***[6] — системы знаний о знаниях.

Множество текстов, содержащих накопленные знания, образуют «библиотеку»[7] сообщества, которая структурируется в соответствии с существующими в сообществе традициями. При этом обычно часть текстов определяется как священные, другая часть назначается основой для обучения новых поколений. Существуют тексты, которые отодвигаются на обочину общественного сознания, вплоть до полного их забвения. Какие-то тексты могут быть, однако, «выдернуты» с периферии «библиотеки» и заново введены в центр дискурса.

Такая работа по структурированию множества текстов идет всегда, и если не вполне осознанно, то по меньшей мере стихийно она все равно происходит. При этом каждая общественно значимая группа населения может работать со своими наборами текстов. Например, так называемые фольклорные тексты (сказки, поговорки, мифы) долгое время были основой общественного сознания традиционных групп населения. Когда произошел «отрыв» «просвещенных слоев» от такой традиции, там были введены в дискурс новые тексты (беллетристика, работы философов, ученых), которые и легли в основу общественного сознания данной страты. Потом «просвещенными слоями» были вновь «открыты» «фольклорные тексты» — исследователи пошли в народ фиксировать «народное творчество», — и часть таких ранее «забытых» верхними слоями текстов была вновь введена в их образовательный стандарт. В частности, такой чести были удостоены народные сказки.

Другим примером уже горизонтальной фрагментации текстовых наборов может служить уголовный мир со своим языковым творчеством. Можно также увидеть различие критериев ценности текстов у естественников и гуманитариев. И т.д.

Таким образом, в каждом обществе имеется постоянное «кипение» текстов, их перемещение внутри эпистем — «библиотек» сообществ, и между такими эпистемами. При этом какие-то тексты попадают в центр обсуждения и начинают занимать центральные и наиболее удобные «полки библиотек», другие вытесняются на периферию, «засовываются в дальние углы», третьи уничтожаются. Нет ли какой общей закономерности в подобных процессах?

Эволюция «великих рассказов» — подход Ж.-Ф. Лиотара

Очень продуктивную идею в плане структурирования социальных «библиотек» выдвинул Ж.-Ф. Лиотар. Вот как она выглядит в авторском варианте[8]: «*Знания — это рассказы различного типа. Отбор «правильных» рассказов происходит на основе различных процедур легитимизации. Для социальных рассказов в основе легитимизации лежат так называемые великие рассказы, которые, например, для традиционного общества представляют собой мифы, легенды, священные тексты, сочинения авторитетов, etc // Период Модерна характерен тем, что угасают традиционные великие рассказы и им на смену приходят два новых типа легитимирующих рассказов. Первый — это системный (или спекулятивный) рассказ, когда легитимным становится все, что соответствует принятой обществом системе или набору идей. Второй — эмансипационный рассказ, когда легитимным считается все, что способствует освобождению людей // Постмодерн характеризуется угасанием легитимизирующей силы рассказов модерна, а основой легитимности становятся перформистские рассказы. Т.е. легитимным считается все, что способствует общественной продуктивности или производительности*».

Собственно говоря, Лиотар предлагает выявлять структурообразующие характеристики любой эпистемы в виде метатекстов, которые он обозвал «великими рассказами»[9]. Примером таких рассказов в плане, например, христианских конфессий могут служить Ветхий и Новый Заветы вместе с другими священными текстами — ведь именно по отношению к данному набору текстов рассматриваются все другие тексты для определения их ценности для общества. Было время, когда в зависимости от такой оценки другие тексты могли быть приняты к распространению среди населения, или, наоборот, быть преданы забвению, или даже активно уничтожаться.

При этом мы видим, что Ветхий и Новый Заветы являются общей характеристикой для христианской эпистемы — все конфессии чтят эти тексты. А вот интерпретация данных текстов в рамках разных конфессий уже различается — каждая христианская конфессия обладает своим набором священных текстов, интерпретирующих содержание основных книг, дающих моральные ориентиры для оценки поведения людей и происходящих событий.

Лиотар выделяет несколько периодов развития эпистемы — Традиция, Модерн, Постмодерн. Ключевым в понимании данного разделения является период Модерна — период общественного развития и прогресса, период научности. Соответственно «великие тексты» Модерна, по Лиотару, базируются на идее универсальной системы мира и/или на идее освобождения людей. Идея универсальной системы, системности основана на том, что каждый новый текст должен быть соотнесен с принятой в обществе системой мироустройства (которая к тому же является единственно верной), поддерживать данную систему, развивать ее. Внесистемные тексты уходят на периферию, предаются забвению. Для эмансипационных рассказов идея освобождения дает тексту ценность в зависимости от его вклада в стремление людей к свободе. Тексты, препятствующие свободе, должны быть выведены из дискурса, забыты.

Ценность текстов традиционного общества обычно определяется из их соотнесения со священными текстами как доминирующими, так и находящимися на периферии общественного сознания. Например, несмотря на доминирование христианства в средние века, дохристианские вакхические представления позволили сохраниться в дискурсе произведениям Боккаччо и Рабле. Другими источниками легитимности являются традиция («всегда так делали»), частота упоминания («все так делают») и авторитет («вы знаете, *кто это* говорил?»).

С наступлением эпохи Постмодерна Лиотар фиксирует ослабление влияния великих рассказов Модерна. При этом он находит рост влияния нового рассказа — продуктивного рассказа, — рассказа об эффективности. Все, что способствует росту производительности общества, начинает получать приоритет в системах знаний. Однако Лиотар отмечает, что рассказы эффективности, пережив максимум своего влияния, тоже начинают уходить, уступая место другим рассказам — великим рассказам будущего. Пытаясь разглядеть современные тенденции, Лиотар отмечает среди последних паралогический рассказ (т.е. когда ценность текста ставится в зависимость от фиксации различия частей объекта, его фрагментарности).

Понятно, что в своем исследовании Лиотар сосредоточился на самых общих подходах. Он только слегка затронул (практически только перечислил) более специфические наборы знаний типа науки (основной критерий легитимности — истинность), искусство (основной критерий — чувство прекрасного) и некоторые другие.

Эволюция «великих рассказов» — обществоведческие тексты — мой вариант

Данная концепция Лиотара начинает смотреться гораздо лучше после небольшой коррекции. Рассмотрим эту правку на примере эволюции эпистемы Запада.

В традиционные для средних веков «великие рассказы», основанные на христианстве, с появлением абсолютистских тенденций начинают плавно вплетаться системные моменты. Первые системы были связаны со священным монархическим принципом и с движением реформации. В ответ на реформацию Рим тоже начал развивать свою эпистему в системном плане, приводя комплекс традиционных священных текстов в относительный порядок. В начале XIX века эти две струи слились в единой универсальной системе Гегеля и других системах немецкой классической философии.

Наряду с этим в Англии начинают развиваться эмансипационные рассказы, которые набирают мощь к концу XVIII века (США, Франция). Далее XIX и начало XX столетия отмечены жесткой конкуренцией этих двух типов рассказов Модерна с постепенным вытеснением системных рассказов эмансипационными. Сначала было долгое сражение во Франции (три революции XIX века), затем Германия и последующее смещение идейных битв на Восток.

Следует отметить, что эмансипационные рассказы шли рука об руку с прогрессистскими рассказами или рассказами развития/прогресса, о которых Лиотар почему-то не упоминает. «Расцепление» этих двух типов рассказов произошло лишь к концу XX века в результате осознания ограниченности природных ресурсов планеты.

В Европе дольше всего системные рассказы продержались в России, причем интересно, что это произошло в виде своеобразного синтеза системных рассказов с эмансипационными. То есть мы имели систему социализма, учение Маркса—Ленина—Сталина, но вместе с освобождением труда, освобождением от национального и колониального гнета, etc. Однако в конце концов системная часть была окончательно отброшена, и с 90-х годов XX века эмансипационные рассказы стали основой общественного дискурса и в России тоже, причем в интересном варианте, без рассказов развития. И лишь с началом нового,

XXI века рассказ развития стал потихоньку возвращаться в российский дискурс.

Со второй половины XX века на Западе на фоне максимума притягательности эмансипационных рассказов начинают набирать силу продуктивные рассказы. В принципе некоторое «замыливание» эмансипационных рассказов вполне понятно — идея освобождения людей в западных обществах уже исчерпала себя (люди стали практически полностью свободными) и начинает себя компрометировать (пользуясь уважением к свободе, меньшинства начинают паразитировать на обществе). С другой стороны, очевидна ограниченность продуктивных рассказов, ибо, исчерпав все резервы социальной неэффективности, которые еще остались от общества Модерна, социум довольно быстро приходит к падению отдачи от следования данной парадигме. Так же остро критикуются рассказы развития, поскольку человечество начинает упираться в ограничения ресурсной базы планеты, т.е. общество оказывается в идейном кризисе, для характеристики которого и был введен термин «Постмодерн»[10].

Интересно также проследить эволюцию телантропного[11] «великого рассказа» — метарассказа о всестороннем развитии личности. Возникнув в диалогах Платона в виде обобщения и разъяснения категории «калокагатия»[12], данный рассказ был надолго «задвинут» в общественном дискурсе, пока его вновь не достали из «дальнего угла» эпистемы гуманисты Ренессанса. Выродившись после этого в требование соответствия «естественной природе» человека как критерия разумности общественного устройства, данный рассказ был вновь поднят на щит социалистами. Начиная с Фурье[13], в теориях социализма понятия «всестороннее развитие человека», а также «возможность самореализации для каждого» и «дающий удовлетворение творческий труд» всегда числились среди основных целей общества.

Обеспечив взрывную экспансию влиятельности социалистических идей в форме различных вариантов марксистских теорий, телантропный рассказ «атаковал» сторонников эманси-

пации людей. Успешность данной атаки выразилась в возникновении социального либерализма — гуманистического направления либеральной мысли[14], который, начиная с «Нового курса» Ф.Д. Рузвельта, становится одной из двух доминирующих идеологий Запада (наряду с laisser-faire — идеологией минимизации вмешательства государства в экономические и социальные процессы). Другими словами, влиятельность телантропного «великого рассказа» становится всеобщей.

По всей видимости, именно телантропный «великий рассказ» будет основным метарассказом ближайшего будущего. Экономически это обусловлено смещением общественной потребности на рынке труда в сторону высококвалифицированных специалистов, которые по сути своей являются дорогим и штучным «товаром». Влиятельность телантропного рассказа прослеживается на примере современных западных практик управления персоналом, возрастающих общественных затрат на переобучение людей, включения соответствующих слоганов в лозунги и программы многих влиятельных партий.

В России телантропный рассказ получил максимальное развитие в советский период, но после революции 1989—1993 годов был сразу же исключен из дискурса и маргинализован. И вообще, в плане «великих рассказов» Россия последних лет является очень интересным случаем. У нас тут еще существенно не завершена ни повестка дня эмансипации — освобождения, ни повестка дня производительности — эффективности, ни повестка дня развития — прогресса. Т.е. для нас еще не исчерпана ни одна из идеологий Позднего Модерна, которые можно было бы использовать для консолидации общества. Однако вместо этого мы тоже имеем идейный кризис, аналогичный тому, что происходит в современных западных обществах. Это хорошо демонстрирует текущие способности наших «записных» обществоведов, которые, увы, могут лишь компилировать западный дискурс, но адаптация знаний к конкретным социальным условиям развития конкретного общества уже находится выше их сил.

Научные знания: Очерк развития понятия «истинность»

Другое измерение структурированию эпистемы задает желание любой системы знаний представить себя в виде науки. Данное желание связано с тем, что в течение последних двух веков произошел триумфальный расцвет естественных наук, сопровождавшийся технологическим прогрессом, который помог создать материальную базу для осуществившегося освобождения людей западного мира. И носители разных альтернативных систем знаний стали стремиться называть свою область исследований «наука», чтобы причаститься к данному триумфу.

Тесная связь науки с таким критерием качества знаний, как истинность, заставляет обратить особое внимание на проработку этой связи. При этом имеет смысл помнить, что до отделения науки от прочих систем знаний, которая произошла лишь в конце XVIII века, мыслители обычно работали со знаниями в свете трех общих критериев: истинности, красоты и этичности[15] (последнее — отвечая на вопросы типа: «Что такое хорошо и что такое плохо?»). Естественно, что многообразие критериев порождало проблемы их взаимосвязи: «В каких случаях ложь этична?», «Может ли красота быть лживой?» — эти и другие аналогичные вопросы много обсуждались в то время.

Итак, сосредоточимся лишь на такой характеристике знаний, как истинность, и посмотрим на ее развитие во времени. В древности, в изначальные для человеческой рефлексии времена, человечество имело в вербализованной форме лишь повседневное знание, включая законотворчество и мифологию. И в самых древних массовых письменных источниках содержатся в основном записи актов хозяйственной деятельности и контрактных обязательств. Более монументально фиксировались законы, а также различного рода прославления великих мира сего — царей и богов. Существовали также записи мифологического характера и литературные произведения. И весь этот вербализованный массив покоился на фундаменте из неявного

знания — различного рода дефолтных установок и поведенческих паттернов.

И категория «истинность» была порождена именно повседневным знанием, которое имело строгий внешний референс и однозначность в практических проявлениях. Действительно, высказывание: «К городу приближается враг» — могло быть либо истинным, либо ложным, и важность определения данной характеристики этого высказывания для горожан очевидна. Рефлексируя над множествами высказываний, древние мыслители обнаружили возможность их связи в рассуждениях, так что истинность начинает передаваться по цепочке, от посылок к следствиям. Отработка закономерностей передачи истинности в рассуждениях привела к созданию процедур формальной логики. В принципе формальная логика работает с высказываниями и конструированием новых высказываний на основе старых. Если при таком конструировании следовать определенным правилам, то можно осуществить перенос истинности от высказываний-посылок к высказываниям-заключениям. Для высказываний, представляющих собой знание, данный перенос истинности вперед по дедуктивной цепочке представляет несомненный интерес, поскольку он позволяет получать новое истинное знание из уже имеющегося. Множество всевозможных высказываний, полученных с помощью дедуктивных цепочек на основе какого-то набора исходных аксиом (т.е. высказываний, по отношению к которым истинность положена изначально), будем называть далее дедуктивным комплексом.

Древние начали строить различного рода дедуктивные комплексы, «укладывая» в них по возможности наличествующее знание. Так возникла философия. При этом такие свойства повседневного знания, как важность истинности для высказываний и возможность установления истинности каждого высказывания когда-то со временем, были некритически перенесены с повседневного знания на метафизические дедуктивные комплексы (МДК), даже никак не связанные с повседневностью. Правомерность подобного переноса в то время особо не рефлексировалась, а ее несомненность была усилена успехами в создании различных дедуктивных комплексов, базировавшихся на практическом знании — геометрии Евклида, космологии Птолемея.

Так возникла мощная интеллектуальная программа, в рамках которой считалось возможным представить все имеющиеся знания в виде дедуктивных комплексов. Забегая вперед, можно сказать, что данная программа закрыта лишь в 1-й половине XX века теоремой Геделя, но до этого она считалась очень многообещающей — можно вспомнить, например, проблему Гилберта о постановке задачи по аксиоматизации физики. Разработка данной программы показала определенную успешность в математике, а также при создании некоторых других дедуктивных систем знаний. Однако возникли ограничения. Первое ограничение связано со способом конструирования новых высказываний. «Парадокс лжеца» и аналогичные другие конструкты раскрыли способы создания высказываний, которые выходят за пределы дихотомии истина-ложь (т.е. фактически перестают быть знаниями). Такие высказывания было предложено определить как бессмысленные (Витгенштейн)[16]. А при построении дедуктивных комплексов возникла проблема не только доказательства истинности, но и доказательства ложности (ибо ранее по умолчанию считалось, что все, что не истинно, то ложно), с тем, чтобы отделить ложные высказывания, как тоже имеющие отношение к знаниям, от бессмысленных. Второе ограничение было вскрыто уже упомянутой теоремой Геделя о неполноте арифметики. Оказалось, что аксиоматические системы, включающие натуральный ряд, не полны. Было доказано существование в таких системах истинных формул (высказываний), истинность которых не может быть выведена из счетного набора исходных аксиом. Стандартным способом «замыкания» теории стал поиск соответствующей метатеории, которая по сути своей является внешним «определителем» истинности высказываний для дедуктивного комплекса определенного уровня сложности.

Так ограниченность аксиоматического подхода для построения систем знаний о сложных объектах порождает вопрос о внешних критериях истинности. При этом наряду с различного рода волюнтаристскими подходами, основанными на суждении авторитета или принятии каким-либо сообществом соглашения о том, что считать истинным (конвенционализм — Пуанкаре), требование прагматичности (полезность знания для человека при решении возникающих проблем) привело к появлению объективного критерия истинности — соответствия опыту (Бэкон).

Именно взятие на вооружение объективного критерия истинности структурировало соответствующую систему знаний в виде науки. Начав свое развитие с опоры на опыт и практику в средние века, соответствующая ветвь познания оформилась методически в XVII веке и к концу XVIII века, как указывалось выше, пошла «в отрыв» от остальных ветвей знания. При этом оказалось, что в рамках развитой научной методологии знание о каждом фиксированном объекте со временем становится все более точным, что опять же обусловлено наличием строгого внешнего референса и объективного критерия истинности. Такое поведение научного знания опять же усилило уверенность мыслителей разного рода, что познание со временем стремится к истинному знанию и такое знание — единственно (концепция существования «***абсолютной истины***»).

Научные знания: Структура и особенности смыслового поля

Для понимания специфики научного знания рассмотрим для начала естественные науки, т.е. те тексты, которые описывают закономерности природы (сама наука), и использование данных закономерностей для удовлетворения потребностей людей и облегчения их жизни (технология). В таком наборе текстов мы имеем несколько типов высказываний. Первый тип — это высказывания-***факты***, описывающие какие-либо природные события. По отношению к фактам истинность устанавливается

достаточно простым образом: факт истинен, если он имел место быть, и ложен в противном случае.

Возникает интересная группа фактов — ***научные факты***, основное требование к которым — *воспроизводимость*. Воспроизводимые факты могут быть проверены на истинность разными независимыми группами исследователей, что служит основой их объективизации: мы принимаем, что истинные воспроизводимые факты являются описанием событий, происходящих вне нашего сознания[17].

Установив набор истинных фактов, мы можем перейти к следующему типу высказываний — к ***теориям*** и/или ***гипотезам***. Высказывание-теория истинно, если оно соответствует фактам. Теория ложна, если существуют факты, которым она не соответствует. Здесь сразу же появляется понятие ***области применимости теории***: теория может соответствовать фактам из своей области применимости и не соответствовать другим фактам.

Следующий шаг — определение направления к истине: одна теория более истинна, чем другая, если она более полно соответствует фактам. Очевидно, что сравнение теорий может иметь место лишь на множестве фактов, входящих в области применимости обеих теорий.

Суть высказывания «теория соответствует фактам» и различные степени полноты такого соответствия определяются в рамках конкретных наук и их методов (методы *верификации* теорий и гипотез)[18]. Наиболее общая процедура строится следующим образом. Сначала теория проецируется на факт, т.е. определяется, каким должен быть данный факт, если бы природа в точности следовала бы анализируемой теории. Потом вводится мера различия между реальным фактом и проекцией теории на данный факт. В итоге получаются цифры, которые можно сравнивать и между собой, и с каким-то предельным значением, определяющим наличие соответствия в нашем конкретном понимании.

К сожалению, не всегда можно построить такую процедуру измерения степени соответствия. Поэтому науки различаются на количественные, когда такая процедура может быть построе-

на, и качественные или описательные, когда такая процедура пока еще не создана.

Однако для того чтобы теорию считать научной, одного соответствия фактам отнюдь не достаточно. Теории для этого надо быть еще и ***фальсифицируемой***. Данный критерий появляется из интуитивного требования *проверяемости* теории, и он равносилен тому, чтобы всегда была возможность ее *опровержения*. Теории, которые не могут быть опровергнуты в принципе, выводятся за пределы науки. Пример подобной нефальсифицируемой теории: «Все происходит по воле Божьей». Обычно возможность фальсификации теории следует из того, что в научной картине мира принципиально воображаемы какие-то «факты», с которыми теория может не совпасть. Другими словами, теория фальсифицируема (и научна) тогда и только тогда, когда она в области своего действия (своих проекций на пространство фактов) выделяет как множество истинного, так и множество ложного. Если при этом реальный факт оказывается в множестве истинного, то такой факт подтверждает теорию. Если же он окажется в области ложного, то опровергает ее. И именно непустота области ложного делает теорию научной. Именно то, что теория позволяет сузить пространство допустимого и отметать какие-то заведомо неприемлемые варианты при практическом проектировании. В этом плане нефальсифицируемые теории имеют свое множество ложного пустым, т.е. в ее рамках любые мыслимые варианты оказываются приемлемыми.

Очевидно, что теории, допускающие измеримость разницы между фактами и проекциями теории на данные факты (количественные теории), являются фальсифицируемыми. Интересно также отметить, что принцип фальсифицируемости по сути является «вычленением» того самого ключевого качества количественных теорий, которое делает данные теории полезными для практики. Причем появляется возможность обнаружить данное качество и у неколичественных теорий.

Рассматривая все высказывания-теории данной науки, мы можем увидеть, что не все теории равнозначны. Часть теорий

признается сообществом исследователей в качестве ***базовых понятий***, ***базовых принципов*** науки. Теория, которая может быть выведена из базовых принципов, называется формальной. Все прочие теории называются эвристическими.

Особенностью базовых понятий является то, что очень часто их верификация очень затруднена и не менее часто они относятся к классу нефальсифицируемых теорий (т.е. по сути своей не являются научными). Например, долгое время к числу подобных гипотез относился принцип «все вещества состоят из атомов и молекул». Это продолжалось до открытия рентгеновских лучей в конце XIX века, которые позволили зафиксировать результаты своей дифракции на атомах кристаллической решетки, чем перевели данный принцип в число фальсифицируемых (научных) и истинных.

Самый общий способ выделения базовых принципов науки основан на формальной логике, которая по своей сути является правилами трансформации высказываний, правилами языковой игры, в соответствии с которыми истинность передается от посылок к выводам/следствиям. Другими словами, если посылки верны и рассуждение проведено в соответствии с правилами формальной логики, то результаты рассуждения будут тоже истинны. Верно и обратное: если вывод из рассуждения неверен, то либо рассуждение в каком-то моменте не соответствует правилам, либо одна из посылок неверна. Таким образом, обнаружение ошибки в одном из следствий позволяет пересмотреть рассуждение и исходные посылки на предмет наличия ошибок. Становится понятным, почему научные знания обычно оформляются в виде дедуктивных комплексов — формальных систем, — так легче искать и исправлять ошибки. С другой стороны, каждая дедуктивная система состоит из исходных посылок и логических рассуждений. Переходя по цепочкам логических рассуждений «назад», от следствий к посылкам, потом к посылкам более раннего уровня, мы в конце концов обнаружим посылки, которые не выводятся из каких-то других посылок. Такие посылки и являются введенными в предыдущих абзацах

базовыми понятиями науки (в математике для базовых понятий теорий используется специальное слово — ***аксиомы***).

В рамках оформления теории в виде дедуктивной системы, дедуктивного комплекса легко строится общая процедура соотнесения с фактами. Действительно, если потребовать, чтобы следствия теории в виде логических рассуждений были доведены до понятий описания фактов, то именно в результате такого рассуждения появляется проекция теории на факт, которую мы обсуждали выше. Данная проекция может быть сравнена с реальным фактом, и в результате такого сравнения мы можем сделать заключение о степени совпадения теории и факта.

Появляется возможность ввести очень интересную и важную, на мой взгляд, для эпистемологии конструкцию — ***смысловое поле***[19]. Например, для науки смысловое поле формируется следующим образом. Во-первых, из различных описаний экспериментов и практического опыта, относящихся к ее предметной области, мы можем выделить все высказывания-факты. При этом в особую группу выделяются воспроизводимые факты. Во-вторых, в данное поле попадают все теории/гипотезы/базовые понятия данной науки в виде соответствующих высказываний. В-третьих, смысловое поле содержит и все соответствующие ментальные модели, содержащиеся в головах исследователей. Последнее очень важно, ведь именно работа людей со своими ментальными моделями порождает все теоретические высказывания данного смыслового поля[20]. При этом именно создание адекватных моделей в головах людей является целью их обучения/предварительной подготовки к исследованию, поскольку именно данные модели представляют суть того, что называется пониманием предмета и что помогает транслировать научные тексты в адекватные мыслеобразы и различать значимое для предмета исследования в окружающей людей реальности.

Выделенный таким образом набор высказываний (знаковую составляющую смыслового поля) можно «утюжить» в соответствии с правилами формальной логики, выстраивая непротиворечивый теоретический дедуктивный комплекс, обнаруживая

логические противоречия — ошибки, и исправляя их. Последнее обычно связано и с изменением используемых ментальных моделей.

Введенное здесь понятие смыслового поля очень близко тому, что И. Локатос определил в качестве своих научных программ[21], а Т. Кун — в качестве своих парадигм[22]. Однако есть значимое различие, заключающееся в том, что существенной частью смыслового поля в моем понимании является каким-то образом встроенный туда критерий истинности. Тогда получается, что вся позитивная наука включена лишь в одно смысловое поле, а куновские научные парадигмы являются его составными частями. Т.е. по сути своей определенное здесь смысловое поле является объединением парадигм, признающих один критерий истинности. При этом для вненаучного знания парадигма может совпасть со смысловым полем целиком.

Обращает на себя внимание еще один интересный момент. Смысловое поле науки содержит наряду с научными знаниями и примыкающие к ним различного рода нефальсифицируемые теории и гипотезы, каковыми, например, часто являются базовые принципы науки. И именно нефальсифицируемая часть в основном и определяет различие научных парадигм, поскольку в своей фальсифицируемой части результаты парадигм должны быть близки и определяться соответствующими фактами. Если приглядеться к нефальсифицируемой части науки внимательнее, то там можно найти значительный кусок, определяющий язык данной науки, — ту категориальную сетку, в которой ученые представляют результаты своей работы, чтобы быть понятыми коллегами. И в дополнение к этому можно также прочувствовать наличие массива неявного знания, являющегося существенной частью коллективной идентичности ученых, принадлежащих данной парадигме[23].

Развитие научных знаний

Рассматривая какую-либо науку, мы видим, что она постоянно развивается. Знания со временем становятся более точ-

ными, более полными, охватывают и объясняют все большее количество фактов, начинают приобретать предсказательную силу, начинают становиться технологичными, начинают ложиться в основу производства вещей, придавая вещам свойства, которые облегчают людям жизнь. Прогресс научных и технологических знаний является фактом, причем данный факт приобретает политическую окраску, ибо способность получать новые знания, разрабатывать новые технологии становится основным фактором лидерства страны в современном мире. Страны, которые способны разрабатывать новые технологии, обычно оказываются впереди других стран и по другим характеристикам социально-экономического развития.

Как же развивается система научных знаний — смысловое поле науки? Для понимания этого вопроса вспомним об обсуждавшихся выше парадигмах Т. Куна[24], наличие которых разделяют общее развитие науки на развитие содержания таких парадигм, конкуренцию парадигм между собой и смену доминирующих парадигм. Рассмотрим сначала развитие какой-либо парадигмы.

Во-первых, работая над подтверждением и обоснованием своей парадигмы, исследователи постоянно пополняют ее новыми научными фактами и связанными с данными фактами эвристическими теориями (куда входит и то, что обычно называют ad hoc гипотезами). Во-вторых, может так случиться, что какая-то теория парадигмы перестает удовлетворять исследователей. Причинами этого могут быть, например, обнаружение фактов из области действия теории, которым данная теория не соответствует, и применимые в этом месте ad hoc гипотезы являются неубедительными. Или может быть проведена ревизия базовых понятий парадигмы, которая требует переосмыслить и соответствующие теоретические дедуктивные комплексы, выстроенные на их основе. Так появляется то, что можно назвать обобщенными ошибками, — выявленные несоответствия имеющихся теорий текущему состоянию данной науки в рамках разрабатываемой парадигмы.

Обнаружив ошибки, исследователи выдвигают различные гипотезы по их исправлению и проверяют данные гипотезы на соответствие фактам, базовым принципам и другим теориям, истинность которых пока под сомнение не поставлена. Эта работа продолжается до тех пор, пока не будет разработана удовлетворительная теория, которая будет принята научным сообществом.

Иногда такая деятельность не достигает успеха в течение длительного времени. В этом случае исследователи начинают пересматривать в том числе и базовые принципы науки. Работа продолжается до тех пор, пока не будет найдено удовлетворительное соответствие всех элементов парадигмы между собой. При этом существует интересный факт: в научных знаниях до сих пор не находилось неисправимых ошибок, т.е. все обнаруженные ошибки были с течением времени поправлены. Как отметил К. Поппер: *«...Следовательно, мы умеем извлекать уроки из наших собственных ошибок // Это фундаментальное положение действительно служит базисом всей эпистемологии и методологии. Оно указывает нам, как учиться систематически, как идти по пути прогресса быстрее (не обязательно в интересах техники — для каждого отдельного искателя истины нет проблемы неотложнее, чем ускорение своего собственного продвижения вперед). Эта позиция, попросту говоря, заключается в том, что нам следует стремиться обнаруживать свои ошибки или, иначе, стараться критиковать свои теории // Критика, по всей вероятности, — это единственный доступный нам способ обнаружения наших ошибок и единственный систематический метод извлечения из них уроков»*[25].

То есть постоянный поиск ошибок, критика и разум являются основными двигателями научного познания, развития научной эпистемы. При этом основой критического метода является формальная логика, оформление систем знаний в виде дедуктивных комплексов. При обнаружении неверных следствий последующие действия по исправлению ошибок по сути осущест-

вляют транзит ошибки «вглубь» тела теории, возможно, вплоть до какого-то базового принципа.

В конечном итоге те же принципы по большому счету справедливы и для конкуренции парадигм. Однако здесь все в значительной степени отягощено вмешательством социальности, ибо существование парадигмы самой по себе поддерживается прежде всего интересом группы исследователей, которая противостоит другим аналогичным группам в борьбе за ресурсы, известность и другие факторы, влияющие на рост их социального капитала. Именно социальность привносит в развитие науки отрицательные моменты, связанные прежде всего со снижением уровня критичности к теориям своей парадигмы и снижением внимания к критике со стороны сторонников других парадигм. При этом оказывается, что сосуществование и конкуренция научных парадигм протекают в виде некоего эволюционного процесса, в котором парадигмы, имея некоторую степень автономности, в то же время находятся под общим давлением соответствия опыту. И именно данное давление в конечном итоге когда-то обеспечивает слияние/переформатирование парадигм, так что качество нашего научного знания со временем только увеличивается. При этом, как отмечал Т. Кун, из-за влияния социальности переформатированию парадигм в правильном направлении (и соответственно развитию науки) очень способствует смертность лидеров соответствующих научных школ.

Интересно также отметить, что при развитии науки теория может быть отвергнута даже в том случае, когда она совпадает с фактами, но является эвристической. Хорошим примером такого момента была теория Птолемея. Данная теория длительное время давала более точные результаты расчетов движения планет, чем теория Коперника. Однако эпициклы планет, введенные в рамках теории Птолемея, не давали никаких интуитивных выходов на базовые принципы. Поэтому усилия исследователей были сконцентрированы на развитии теории Коперника, которая была более простой по своей структуре. Такая концентрация

увенчалась успехом, поскольку были открыты сначала законы Кеплера, а потом и закон всемирного тяготения Ньютона. И в конечном итоге расчеты движения планет по этой модели стали точнее расчетов по модели Птолемея. Данный пример также обнаруживает, что «хорошие» теории конкурирующих научных парадигм не исчезают до конца, ибо в конечном итоге парадигмы Коперника и Птолемея фактически были переформатированы и слиты в рамках вновь рожденной классической механики. И действительно, с современной точки зрения гео- и гелиоцентризм являются совершенно равнозначными, поскольку определяются лишь выбором системы отсчета для соответствующих наблюдений и расчетов.

Таким образом, в плане работы с гипотезами исследователи наряду с критериями истинности используют и другие методические моменты. Чаще всего это принцип соответствия гипотезы базовым понятиям науки и принцип «экономии мышления»[26], частным случаем которого является «бритва Оккама»[27]. Нетрудно увидеть, что данные дополнительные принципы являются проекцией на научную эпистему рассмотренных выше «великих рассказов модерна» — системного и продуктивного рассказов соответственно.

Гуманитарные науки и истинность

Большой успех и хорошая практическая отдача естественных наук поставили вопрос о границах, внутри которых можно двигаться аналогичными методами. Ведь проблемы достаются людям не только от мира природы. В мире людей также возникают проблемы, которые надо решать. При этом проблемы могут касаться как отдельных людей, так и целых сообществ.

Я здесь не буду делать широкий экскурс в историю гуманитарных наук — желающие могут найти краткий очерк этого в 1-й главе книги Валлерстайна[28], например. Ограничусь лишь проблемами, возникающими в плане соотнесения гуманитарного и научного — в определенном выше смысле — знаний. И в

этом плане интересно поглядеть на взаимодействие гуманитарного знания и истинности.

Для того, чтобы объективировать критерий истинности для любого более-менее сложного знания так, как это требуется по стандартам научности, необходимо найти способ введения в рассмотрение фактов, которые могли бы быть признаны объективными. В частности, когда историки достигли соглашения о восстановлении исторических ситуаций как предмете своей науки, они сразу же получили документы интересующей их эпохи как поставщика исторических фактов и открыли для себя возможности создания слоя фальсифицируемого исторического знания: «А как же это все там было на самом деле?» Достаточной объективностью обладают, например, язык и его структуры (хоть и будучи порождением коллективного сознания какого-то ограниченного сообщества — язык одинаково явлен всем интересующимся), что делает лингвистику вполне себе наукой. Зафиксированная в текстах беллетристика дает объективные основания существованию филологии и т.д.

Некоторые направления обществоведения также находят для себя объективные основания. Особенно продвинулась в этом направлении экономика — развитие экономической статистики хозяйственных агентов в развитых государствах дало хорошую фактическую основу для развития теоретической мысли. Делаются небезуспешные попытки создать объективную фактографию и для социологии.

Другая важная сложность гуманитарного знания, которая отягощает процесс познания даже в его научной части, связана с так называемой ***рефлексивностью*** объекта исследования. Дело в том, что предметом гуманитарных и обществоведческих наук являются различные области человеческого духа, или результаты деятельности людей, а люди обладают разумом и волей. И каждое новое знание в этих областях может быть включено в цепочку выработки решений при ведении индивидами и организациями своих последующих действий. Т.е. фактически получаем, что познание объекта влияет на объект, изменяя его.

Хорошим очевидным примером рефлексивности являются так называемые самосбывающиеся пророчества, изучающиеся в рамках социальной психологии.

Существование рефлексивности может привести к тому, что полученное теоретическое знание может со временем терять свою истинность, ибо вновь получаемые факты вследствие включения теории в процессы принятия решений будут отличаться от тех, на которых была построена теория. С другой стороны, возможен и обратный процесс «стабилизации» теории, ибо, узнав «как это надо делать», люди будут следовать полученным от теории указаниям, поставляя для фиксации в последующем соответствующие «правильные» факты.

Мировоззренческие системы

Ввиду обширности и разноплановости нефальсифицируемого гуманитарного знания ограничим наше рассмотрение одним из его аспектов, который обладает высокой практической значимостью, — различного рода мировоззренческими системами. Понятно, что ввиду значимости подобного знания для общества люди вынуждены находить способы работы с ним. В принципе существующие в обществе мировоззренческие системы могут быть сгруппированы в ряд смысловых полей. Данные смысловые поля отличаются от научного главным образом тем, что у них не существует объективного критерия истинности. Истинность внутри них обычно определяется или каким-то авторитетом, или соглашениями и правилами, принятыми соответствующими носителями. Именно отсутствие возможности объективизации истинности и обусловливает множественность существующих в актуальном состоянии мировоззренческих смысловых полей, что, по-видимому, является неотъемлемым свойством общественного сознания социума. Ведь даже насильственное давление на общественное сознание в сторону единообразия, которое было неоднократно реализовано в истории в рамках различ-

ных тоталитарных проектов, никогда не увенчивалось успехом — всегда существовали альтернативные господствующей системы взглядов, хоть и вытесненные в подполье. Более детально принципы эволюции нефальсифицируемых смысловых полей изложены в подразделе «Принципы эволюции нефальсифицируемых смысловых полей» раздела «Эпистема и индивиды — особенности взаимодействия» ниже. Теория о вмененной множественности различных смысловых полей в общественном сознании и/или эпистеме социума является вполне научной теорией, поскольку она может быть опровергнута, например, сведением наличествующего разнообразия к одному смысловому полю. С другой стороны, в течение вот уже нескольких тысячелетий в каждый момент времени в каждом обществе имеется несколько конкурирующих мировоззрений. Причем даже опыты мировоззренческой унификации жесткими политическими и силовыми методами, которые делались различными политическими и церковными режимами, не приводили к желаемому результату, а при снятии политического давления угнетаемые мировоззрения быстро вновь наращивали свою область влияния до какой-то своей величины. Данные факты можно считать верификацией указанной теории, так что ***теория о вмененной множественности различных смысловых полей в общественном сознании***, во-первых, научна, и, во-вторых, верна[29].

У этого положения есть одно замечательное следствие — ***абсолютной истины***, как она понимается в рамках гегельянства и марксизма, ***не существует***.

Каждая мировоззренческая система обычно опирается на некую философию, содержит в себе какое-то структурированное ядро, к которому примыкает массив прочих нарративов разной степени структурированности. Интересные моменты возникают при более внимательном рассмотрении того, как мировоззрения взаимодействуют с освоившими их индивидуальными сознаниями, чему и посвящен следующий раздел.

Эпистема и индивиды — особенности взаимодействия

Известно, что содержимое сознания каждого человека определяется как процедурами его ***социализации***[30], так и уроками его жизненного опыта. При этом общая рамка индивидуального развития может быть представлена следующим образом. Каждый человек в своей жизни и деятельности вынужден постоянно решать различного рода проблемы. Хорошим подспорьем индивиду в поиске действий, адекватно отвечающих на различные вызовы со стороны внешнего и внутреннего миров, являются знания. По своей сути то, что мы называем знаниями, представляют собой разного рода обобщения опыта предыдущего решения проблем людьми сообщества как в вербализованной, так и в невербализованной формах.

Некоторые аспекты общего взгляда на «библиотеки» вербализованных знаний сообществ были рассмотрены в предыдущем разделе. Сосредоточимся теперь на вопросах форм существования ментальных моделей, восстанавливаемых сознанием индивида при его усвоении знаний, записанных в эпистеме, а также на основных моментах эволюции данных моделей во времени.

Структура сознания

Если задуматься над тем, в каком виде накопленный человеком опыт может содержаться в его голове, то можно прийти к мысли, что сознание индивида определяется неким набором ментальных структур, которые отвечают как за фильтрацию и обработку информации его мозгом, так и за его психологические установки и типовые поведенческие паттерны[31]. Один из наборов таких структур, например, обеспечивает индивиду владение языком: понимание говоримого, понимание написанного, умение говорить и писать[32]. Другой набор обеспечивает понимание человеком принятых в сообществе правил этикета, используемого людьми языка жестов и т.д.

Накопленный сознанием человека набор ментальных структур «фильтрует» доступный ему информационный поток, поставляя ему только те впечатления, которые согласуются с данным набором. Данные структуры также задают индивиду поведенческие паттерны его реакций на поступающие извне воздействия, поддерживая тем самым существующие социальные рутины и определяемые ими социальные институты (см. следующую главу). Значит, можно считать, что адаптация человеком себе реального мира в свете его жизненного опыта сопровождается порождением в его сознании тех самых ментальных структур, которые, в частности, и задают специфичность его видения мира. Данный мир, который открывается каждому сознанию в свете его опыта для его практической деятельности, я буду называть в дальнейшем персональным ***МойМиром*** данного индивида[33]. Здесь следует отметить, что МойМиры разных людей могут различаться существенно, в чем можно убедиться, попытавшись добиться какого-то приемлемого уровня взаимопонимания с незнакомым человеком. При этом, однако, возможно согласование МойМиров разных людей в каком-то определенном аспекте, что обычно достигается взаимной адаптацией данного аспекта их МойМиров в результате интенсивной коммуникации. Так может возникнуть элемент их общего НашМира — согласованных до какой-то степени одинаковости кусков их МойМиров. По большому счету НашМир какого-либо сообщества составляет основное ядро того, что обычно называют словами «коллективная идентичность». Так мы приходим к пониманию общего строения МойМира каждого: МойМир содержит специфическое личностное ядро, дополненное множеством различных НашМиров по числу сообществ, с которыми внутренне связывает себя человек[34].

В общем случае первичный набор своих ментальных структур каждый индивид «впитывает» ребенком от родителей и из окружающего мира. Потом в дело вступает школа, авторитеты, личный опыт. При этом со временем, когда уже усвоенные ментальные структуры вступают в противоречие со вновь поступающей информацией, у человека появляется возможность

освоить критический метод, так что с возрастом новые ментальные структуры в сознании индивида образуются уже в тесном взаимодействии с тем содержанием его сознания, которое было накоплено за весь предыдущий период его жизни.

Обычно ментальные структуры, полученные в детстве, образуют сильно фрагментарное и противоречивое мировоззрение, которое часто дает сбои в различных жизненных ситуациях. Жизненные неудачи стимулируют индивида с сильным интеллектом к переработке своих принципов, замене тех из них, которые ослабляют его суммарную жизненную позицию, а также к устранению замечаемых в мировоззрении противоречий. При этом хорошим подспорьем в данной работе являются уже проработанные мировоззренческие заготовки, которые обычно предлагаются людям в их проблемный период со стороны родителей, друзей, учителей, а также различного рода «гуру». Данные заготовки могут быть и заимствованы из эпистемы напрямую, без посредников. В принципе накопленные несоответствия установок и представлений индивида с его жизненным опытом могут привести к значительной ревизии им своего МойМира и даже к полной смене его базовой метафизической концепции.

Люди со слабым интеллектом обычно пытаются просто копировать поведенческие паттерны успешных, по их мнению, людей, и, как правило, они это делают как дети — путем полного ментального подчинения носителям выбранных образцов. Так создается психологическая база для суггестии[35] и гегемонии в части подчинения власти (см. подраздел «Власть» раздела «Социально-культурные универсалии: Власть, Справедливость и др.» главы 2).

Рассмотрим момент накопления несоответствий между какой-то частью МойМира индивида и соответствующими референсами — отражаемым объектом — чуть более детально. Итак, в каких-то однотипных ситуациях индивид в соответствии с моделями своего МойМира делает прогноз, и этот прогноз вдруг постоянно начинает оказываться значительно отличающимся от того, как ситуация потом развивается «на самом деле». Возникает когнитивное напряжение, приводящее к неудовлетворенности

человека. Первый шаг для ликвидации данной неудовлетворенности обычно делается индивидом в сторону внесения поправок в объекте. Он либо пытается воздействовать на ситуацию, переводя ее в состояние, близкое к прогнозному, либо вытесняет обнаруженную нестыковку за пределы своего сознания, внутренне отказываясь осознавать ее, либо объективирует причину таких неувязок в виде некой активной фигуры дьявола (или другого какого внешнего врага). Последнее является источником столь модных в последнее время конспирологических теорий. При неудаче «спасения» МойМира путем «ухода от проблемы» (т.е. в ситуации, когда управление нестыковкой оказывается по каким-то причинам очень важным) человек упирается в необходимость более хорошей модели «этого места» своего МойМира, что по сути есть запрос на создание в его сознании новых структур, способных различать что-то ранее неразличаемое.

На следующем шаге происходит поиск решения для обнаруженной проблемы. Причем следует отметить, что все успешные решения обладают одним общим свойством — сознание индивида поставляет самому себе новые ментальные структуры. Это обычно сопровождается тем, что в своем акте познания интеллект индивида «рвет» имеющиеся ментальные структуры в том месте своего МойМира, где у него накопилось указанное выше когнитивное напряжение, и совершает тем самым акт ***трансгрессии***[36]. В данном разрыве возникают те самые искомые новые структуры, которые немедленно начинают «срастаться» с уже имевшимися, рутинизироваться. В конечном итоге плотность ткани МойМира восстанавливается, что часто сопровождается определенным (иногда очень значительным) переформатированием старых ментальных структур.

Отметим еще одно замечательное свойство трансгрессии. Трансгрессия — это именно выход субъекта за свои пределы, который обычно обеспечивается автодеконструкцией ограничивающих его устремления существующих ментальных структур. То есть практически всегда предел задается человеку его же внутренними ограничителями. И когда напряжение воли или какое другое внутреннее действие вдруг «выбрасывает» личность за пределы подобного ограничения, резко делая «недостижимый» прежде абсолют мелкой относительностью, то обычно это сопровождается возникновением эмоциональной волны очень сильной эйфории, которая захлестывает и несет личность некоторое время. Именно это ощущение обычно называют творческим восторгом.

Виды взаимодействия сознания с эпистемой

В принципе очевидно, что ***эпистема (библиотека знаний)*** должна играть существенную роль в описанных выше процессах развития сознания каждого, которые по сути являются процессами ***человеческого познания***. Сгруппируем различаемые в общей картине моменты следующим образом (рис. 1.1)[37].

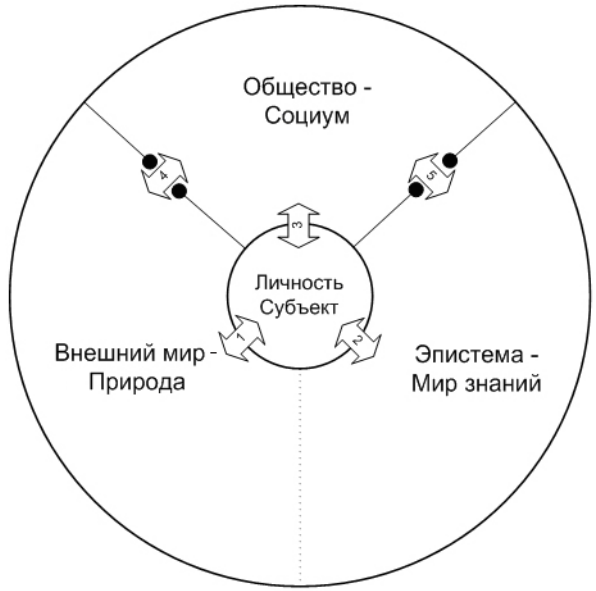

Рис. 1.1. Схема информационных потоков обеспечения процесса познания.

Мы здесь имеем субъект, взаимодействующий с тремя мирами — ***внешним миром***, включающим все, что может быть явлено сознанию субъекта в виде, который традиционно обозначается понятием «объект», ***социумом/обществом*** и «библиотекой» накопленных знаний (***эпистемой***). Взаимодействия между этими мирами отражают все важные процессы, имеющие место при развитии сознания индивида. Действительно, взаимодействия 1, 4 исследуются в рамках традиционной классической гносеологии (с упором на взаимодействие 1). Взаимодействие 3 отражает социализацию человека, 3 + 2 — его обучение. В результате этого человек усваивает не только хранимое в эпистеме уже вербализованное знание, но и различного рода навыки и умения, позволяющие ему применять имеющиеся теории к анализу реальных ситуаций, — то знание, которое иногда называют «неявным»[38]. Акт индивидуального познания происходит в рамках отношений 1, 2, 3: субъект настраивает свое восприятие в рамках избранной научной парадигмы (2, 3), и затем он обрабатывает результаты своего опыта (1) и опыта других исследователей (2). Полученные новые знания в своей вербализуемой части складируются в эпистему (2). В то же время по каналу 3 до субъекта доводятся различные социальные ограничения и табу. Например, та информация, что неуважение «талмуда» «великих рассказов» общества, являющихся каноническими для данного момента времени, может привести к репрессиям (т.е. к перекрытию канала 2 и существенному ограничению канала 1) или даже ликвидации (казни) субъекта.

Данная схема существенно основана на дефолтном использовании понятия ***информации***, которая, являясь атрибутом материи, служит имманентной составной частью внешнего мира, отражая имеющиеся в нем различия. В этом плане по своей форме эпистема представляется специальным образом организованной людьми частью внешнего мира — набором материальных носителей с записанной на них информацией: текстами, заключающими в себе знания человечества.

Рассмотренный выше общий цикл взаимодействия человека и эпистемы приводит к следующему варианту структурирования общей «библиотеки» знаний. В эпистеме имеет смысл выделить «слои» сильно формализованного знания, состоящего из (1) научных знаний[39] и прочих формальных систем, которые я буду называть (2) метафизическими дедуктивными комплексами (МДК)[40], чтобы подчеркнуть их текущую нефальсифицируемость. В эпистеме также видны «слои» слабо формализованного знания, к которым, в частности, относятся (3) прилегающие к слою МДК менее структурированные нарративы типа религиозных сводов или литературных произведений, а также (4) эмпирические знания, которые пока еще не включены в научный и/или метафизический оборот. Все это дополняется (5) обыденными практическими знаниями, результирующими повседневную практику людей.

Как уже отмечалось в предыдущем разделе, наличие объективного критерия истинности (соответствие опыту/практике) и строгого внешнего референса обеспечивает унификацию научного поля смыслов. Возникающие на «переднем крае науки» альтернативные концепции со временем тяготеют к преобразованию в какую-то единую теорию, служащую основанием для дальнейшего продвижения научного знания «вперед». Так же единое поле смыслов получается в результате повседневной практики человечества, основанием чего является существование строгих внешних референсов у мира вещей. Единство повседневного поля смыслов закрепляется и обогащается языком, выбранным для коммуникации и координации своих действий социумом, к которому принадлежит человек. По всей видимости, именно ***единственность поля смыслов*** в слоях (1) и (5), определенных выше, явилась основанием для возникновения и поддержания ***универсального системного метарассказа***, в соответствии с которым каждый человек ожидает в идеале также и наличия единого смыслового поля для всех людей и в слоях (2), (3) и (4). Однако накопленный социальный опыт показывает, что, по всей видимости, это ожидание неправомерно — см.

детальное обсуждение этого в подразделе «Мировоззренческие системы» раздела «Очерк эпистемологии — науки о знаниях» настоящей главы.

Принципы эволюции нефальсифицируемых смысловых полей[41]

Рассмотренное ранее развитие научного смыслового поля через эволюцию парадигм (см. подраздел «Развитие научных знаний» раздела «Очерк эпистемологии — науки о знаниях» настоящей главы) может быть положено в основу поиска закономерностей развития человеческой эпистемы в целом. Надо только расширить ее область описания, включив туда и другие виды текстов в дополнение к научным. При этом следует ожидать, что выход за рамки научного знания, в котором научный критерий истины осуществляет унифицирующее давление на конкурирующие парадигмы, привнесет в отбор «правильных» знаний элементы стихийности и иррациональности, сделав эволюцию такого знания более похожей на дарвиновскую.

Выше уже отмечалось (см. подраздел «Мировоззренческие системы» раздела «Очерк эпистемологии — науки о знаниях» настоящей главы), что за пределами науки чаще всего отсутствует единый подход к решению человеческих проблем. И такая неединственность принятых концепций, по-видимому, объективна, поскольку она отражает разнообразие человеческих психотипов. Действительно, трудно ожидать, что строгая рациональность, необходимая для успешной работы в области математики, будет также способствовать успеху в искусстве, где скорее от человека требуется интуиция и иррационализм, умение «слышать музыку горних сфер».

Многие актуальные философские системы дают неотличимые конкретные проекции на область человеческой практики, что не позволяет установить их ошибочность на основании практического опыта. С другой стороны, история показывает, что такие системы тоже развиваются. Они появляются, расширяют зону своего влияния, конкурируют с другими дедуктивными комплексами. Системы могут сливаться и расщепляться. Они могут потерять свою влиятельность и стать маргинальными, могут исчезнуть из дискурса и возродиться вновь через некоторое время. Или не возродиться никогда.

При дальнейшем осмыслении механизмов функционирования конкурентного поля знаний, обеспечивающих описанное выше поведение, имеет смысл опереться на микроуровень описания, которым в данном случае являются люди — последователи конкурирующих идейных подходов[42]. Чем больше людей является апологетами концепции, тем шире зона ее влияния. Поэтому сразу же выявляются два фактора, оказывающих давление на структуру эпистемы, — это полезность и простота[43]. Человеку нужно решать свои проблемы, поэтому он скорее будет «голосовать» своими каналами восприятия в пользу знания, помогающего ему жить хорошо, чем какого-то другого знания. Простота же концепции облегчает процесс обучения, поэтому при прочих равных более простая концепция будет наращивать свою зону влияния быстрее, чем более сложная.

Понятно, что каждая концепция приходит не на пустое место. Она, во-первых, «вытесняет» какую-то предыдущую концепцию и, во-вторых, конкурирует за «место под солнцем» с какими-то другими концепциями. Поэтому то, что концепция является развитием предыдущей, оказывается ее конкурентным преимуществом (в силу инертности человеческого сознания). Далее человек обычно не имеет возможности подробно разбираться с существом концепций, поэтому он вынужден доверять экспертам[44] в их оценках полезности концепций. Это дает преимущество более распространенной (более влиятельной) концепции по сравнению с менее распространенной. Еще один фактор влияния связан с общественным и групповым авторитетом сторонников и/или с государственной политикой. Данный фактор повышает конкурентоспособность концепции в лояльных авторитету слоях общества и понижает конкурентоспособность в оппозиционно-маргинальных слоях.

Общая картина развития содержимого эпистемы получается очень похожей на эволюцию биосферы — разные парадигмы борются за место в головах людей и на полках «библиотек», обеспечивая идейное разнообразие мира. При этом можно видеть, что эволюция эпистемы в принципе основана на двух основных движущих силах. Во-первых, это «внутривидовой» отбор, обеспечивающий внутреннее развитие содержания парадигм и имеющий скорее планово-селекционную природу, чем обусловленный дарвиновским «давлением естественной среды». И, во-вторых, это «межвидовая» конкуренция парадигм/смысловых полей за сознание индивидов в случае, когда несколько концепций имеют свои проекции на актуальное проблемное поле человека.

Выбор мировоззренческой парадигмы

Как это должно быть понятным из уже обсужденного материала, выбор индивидом своей базовой мировоззренческой парадигмы является актом иррациональным. И действительно, мировоззрение человека существенно опирается на его философское ядро. У философии же существуют и свои проблемы, отражающие главные жизненные вопросы человека, и свои методы их решения. Различные философские системы обычно представляют собой развитые и непротиворечивые дедуктивные комплексы. Однако в своих следствиях, которые можно сопоставить с опытом, современные философские системы обычно дают неотличимые результаты, хотя исходные посылки у них совершенно разные. В конечном итоге мы имеем дело с множественностью философских систем и с возможностью выбора из этих систем той, которая человеку больше подходит из каких-то других соображений. Обычно такой выбор осуществляется в соответствии с теми «великими рассказами», которым следует человек в своей жизни, с его моральным выбором.

Вот как, например, обосновал свой выбор критического рационализма (КР) Карл Поппер[45]. Во-первых, он показал, что

КР не может сам оправдать собственное использование. Т.е. выбор данного метода для познания является иррациональным актом, основанным на моральном решении человека[46]. Анализируя следствия принятия на вооружение КР в конкуренции с иррационализмом, Поппер пришел к выводу, что данное мировоззрение более родственно эгалитаризму и гуманизму[47] в пику тяготения иррационализма к элитарности[48]. КР продвигает в общественную практику людей убеждение, согласование позиций, в отличие от иррационализма, в рамках которого насилие часто остается единственным способом достижения цели[49]. Свобода мысли, являющаяся основой КР, оттеняет родственность иррационализма догматизму и авторитарности. В рамках КР люди принимают ответственность за свои решения на себя, в то время как иррационализм дает возможность списать последствия действий на законы истории или другие внешние обстоятельства[50].

В заключение заметим, что все моральные аргументы, которые были приведены К. Поппером в обоснование сделанного им мировоззренческого выбора, лежат в струе эмансипационного метарассказа.

Методический выбор

Пытаясь обосновать свой мировоззренческий и методический выбор, каждый человек должен прежде всего понять, каким «великим рассказам» он следует. Для себя я могу четко определить, что все «великие рассказы» Модерна мне очень симпатичны. Без всякого сомнения, я являюсь сторонником освобождения людей, причем в максимально расширительной трактовке данного понятия. Я считаю, что все люди должны быть свободными настолько, насколько это возможно в данных конкретных условиях.

Я являюсь апологетом рассказа развития, ибо все современные достижения в освобождении людей прежде всего связаны с прогрессом, с развитием производительных сил общества. Эффективное использование ресурсов также является, на мой

взгляд, очень важным, что делает меня сторонником производительных рассказов.

В дополнение к сказанному я люблю, когда знания приведены в систему (конечно, если это делается не в ущерб их истинности и полезности). Следовательно, системные рассказы мне тоже греют душу. При этом для меня оказывается нетрудным удерживать в голове достаточно сложные системы, включающие не только так называемый мэйнстрим, но и всевозможные исключения/отклонения. Другими словами, паралогический великий рассказ мне тоже симпатичен.

В завершение могу сказать, что я считаю все современные достижения человечества порождением человеческого разума. И я верю в объективное существование внешнего мира.

В свете вышеперечисленного я вслед за К. Поппером останавливаю свой выбор на методе критического рационализма.

Критический рационализм — общие замечания

Метод критического рационализма (КР) характерен тем, что в поисках истины он отдает приоритет доводам разума (доказательствам) и опыта (экспериментам, измерениям), т.е. наряду с интеллектуализмом КР существенно включает в себя эмпиризм[51]. В данном методе полагается отсутствие зон, свободных от критики. Считается, что критическое рассмотрение любых понятий только ускоряет процесс познания и/или поиск решения проблем, стоящих перед людьми. Основой метода является свободная дискуссия, в рамках которой выдвигаются и обсуждаются все возможные для рассматриваемой теории/гипотезы аргументы за и в особенности против.

Другим важным принципом метода является номинализм. То есть обобщающие гипотезы строятся на основе модели изучаемого объекта, формирующейся в сознании людей и эпистеме. При этом полагается, что используемые понятия не имеют самостоятельности вне сознания/эпистемы. Другими словами, рассуждения, построенные на основе «природы» или «сути»

рассматриваемого объекта, объявляются не имеющими самостоятельной ценности. Однако не исключается использование подобных рассуждений для выработки гипотез при обязательном условии их последующего критического осмысления.

В рамках метода КР традиция и авторитетность не являются условиями доказательности. Однако традиция наряду с интуицией и/или откровением рассматривается как важный источник знания при условии его последующей критической обработки[52]. Другие источники знания, дающие модели для критического анализа, связаны с опытом и рациональными обобщениями. Хорошим подспорьем в деле генерации гипотез для наук об обществе может быть диалектическая логика[53].

Системный подход к социальным явлениям

В применении к изучению социальных объектов критический рационализм может быть сведен к так называемому ***системному подходу***[54]. Поскольку интересующие нас объекты социальной действительности существуют в реальности, можно поставить задачу их адекватной формализации с тем, чтобы получить взаимосогласованный набор моделей — целостного логически непротиворечивого описания данных объектов в виде единой системы с вычленением основных элементов данной системы, а также взаимоотношений данных элементов между собой. Уровень строгости интересующих меня моделей желателен чем выше, тем лучше, а в идеале получаемые модели должны быть легко отражаемы в математике с построением соответствующих математических моделей.

Для исследования Социального подобную программу, в частности, активно разрабатывал А.А. Зиновьев в рамках своей логической социологии[55]. Вся предложенная им методология теоретического исследования Социального легко может быть переопределена в рамках системного подхода. Например, его ***экспликация***[56] понятий есть не что иное, как «вычленение» необходимых для описания элементов при формализации социаль-

ных объектов. Его ***сложные определения***[57] — это по сути какой-то уровень формализации исследуемого объекта как системы, с выделением элементов и связей между элементами и системой в целом. И т.д.

В принципе, при системном подходе исследователь должен обеспечивать следующие требования[58]:

- Определения элементов системы и взаимоотношений элементов социальной системы должны быть логически строгими и однозначными.
- Модель социального объекта в итоге должна представлять собой непротиворечивый дедуктивный комплекс, построенный на базе данных определений и доступных эмпирических фактов.
- Все закладываемые в модель понятия и механизмы должны быть «выводимы из людей и их взаимодействий». Практически это означает возможность «проектирования» разрабатываемых социальных теорий/моделей на психологию, этологию и биологию, а также то, что получаемые таким образом проекции не будут противоречить теориям данных наук.

Анализ методов адекватной проработки пункта 1 приводит еще к одному интересному свойству моделирования социума — возможности возникновения ограничения на адекватность вычленения элементов со стороны ментальных структур сознания исследователя. Данное свойство хорошо описал П. Бурдье[59]. Оно основано на том, что сознание каждого человека определяется набором конкретных ментальных структур, которые попадают в его голову в процессе его социализации (подробнее см. подраздел «Структура сознания» раздела «Эпистема и индивиды — особенности взаимодействия» данной главы). Поскольку данные структуры во многом определяются обществом и они сильно влияют на обработку человеком информации, то не исключено, что человек не сможет заметить и пропустит мимо сознания некие очевидности, которые, однако, являются определяющими для социума в исследуемом разрезе.

Один из способов уменьшения влияния подобного ограничения связан с рассмотрением истории становления изучаемых социальных структур и/или институтов — ведь то, что является очевидным сейчас, отнюдь не было очевидным некоторое время назад. Вследствие этого исторический ряд генезиса Социального может оттенить для современного сознания какое-то важное отличие, что поможет вычленить из реальности необходимое для ее описания качество.

В рамках принимаемой методологии при построении моделей возможна реализация так называемого метода «последовательных приближений». В рамках данного подхода сначала в исследуемой системе выделяются основные элементы и их связи — так называемый нулевой порядок модели. Затем в модель «нулевого порядка» могут быть внесены поправки следующего уровня малости с получением так называемой модели «первого порядка» и т.д. В рамках данного метода самостоятельную сложность имеет выделение параметра, по которому обеспечиваются «последовательные приближения».

Историческое время

Выбор метода осмысления реальности тесно связан с одной из самых первичных категорий мышления — временем. В принципе в ощущениях людей время может переживаться существенно по-разному. Время может отсутствовать в их категориальной сетке вообще, оно может быть цикличным или направленным. В последнем случае направленность времени может быть связана и с идеей общей онтологической деградации, как то было, например, у Платона, и с идеей развития в качестве базовой характеристики окружающего человека бытия. Под любое переживание можно подобрать соответствующие аргументы, так что в конечном итоге ощущение человеком времени является опять же результатом его изначального онтологического выбора.

Как я уже отметил выше, мой выбор — это прогресс. Вследствие этого я строю свое видение мира в однонаправленном времени, текущем из прошлого в будущее. Кстати, именно такое ощущение времени является специфичным для эпохи социального развития человечества, называемой Современностью, или Модерном.

Для контраста можно рассмотреть онтологию и политику Платона, который считал, что все в мире со временем деградирует от идеала, поэтому основная задача управления заключается в том, чтобы затормозить скорость деградации социальной системы, или, другими словами, остановить время. В принципе именно существование вне времени (или в циклическом времени) является характерным для мироощущения традиционных аграрных сообществ[60]. Конечно, и в данных сообществах существовали группы людей с ощущением времени, отличным от массового, как, например, того следует ожидать от сообщества ростовщиков/банкиров (вспомним знаменитое «Время — деньги» Б. Франклина[61]), однако в целом для Европы средних веков было характерно именно, что эсхатологическое мироощущение — вневременное ожидание «второго пришествия» и «страшного суда».

Социальное время Современности

Один из подходов к пониманию появления времени в онтологии человеческого общества был представлен Р. Козеллеком. Вот как формулирует данный подход в своей книге Ю. Хабермас: *«Р. Козеллек в рамках своих исследований истории понятий охарактеризовал сознание времени, свойственное модерну, через возрастающее различие между “пространством опыта” и “горизонтом ожидания”: “Я утверждаю, что в новое время различие между опытом и ожиданием в возрастающей степени увеличивается, а точнее, что Новое время (Neuzeit) может понимать себя как действительно новое (eine neue Zeit) лишь с тех пор, как ожидания все больше стали дистанцироваться от всего ранее*

приобретенного опыта” [54]. *Специфическая ориентация нового времени на будущее складывалась по мере того, как общественная модернизация разрушила староевропейское пространство опыта крестьянско-ремесленных жизненных миров, она привела их в движение и обесценила в качестве установок, направляющих ожидания. На место опыта предшествующих поколений приходит опыт прогресса, который придает горизонту ожидания, до тех пор прочно привязанному к прошлому, “исторически новое качество постоянной погруженности в утопию”* [55]»[62]. В рамках данного подхода именно что частота нововведений, т.е. изменений в рутине жизни, оказывается принципиальной для того, чтобы человек вдруг увидел смысл в том, чтобы «оторвать» свое будущее от своего прошлого и обнаружить для себя течение времени.

Интересно отметить, что такое массовое обретение для себя существования времени оказалось для людей значительной жизненной проблемой, вызывающей определенное экзистенциальное беспокойство (иногда вплоть до ужаса). Данную проблему с разных сторон стали изучать многочисленные философы, пытаясь найти решения по гармонизации ощущения времени человеком. Хороший обзор различных подходов по онтологизации Модерна/Современности был представлен Ю. Хабермасом[63]. Взгляд на Модерн/Современность как общественную проблему представили также А. Турэн[64] и Б.Г. Капустин[65], причем последний показал, что вызовы Современности являются постоянным фактором развития социальных систем и каждая система регулярно вынуждена находить новые решения для своей адаптации к требованиям Модерна. Данный процесс составляет суть термина «общественная модернизация», а постоянство такой модернизации — это плата социума за приобщение к Современности.

Так что же это такое — Современность, или Модерн? Все мыслители, изучавшие данную проблему, в принципе сошлись на том, что определяющими характеристиками Модерна являются следующие:

1. *Рационализация общественной жизни*. Модерн характеризуется «расколдовыванием мира»[66]. Все традиционные установления и социальные нормы оказываются «под огнем» рациональной критики. Люди пытаются определить законы мира и на основании этих законов устранить несправедливости общественного устройства.

2. *Технический и социальный прогресс*. Изучение законов природы открыло широкие возможности для роста производительности труда. Увеличение продукта, доступного обществу, позволило заняться устранением общественных несправедливостей, сначала наиболее вопиющих, затем и других.

3. *Эмансипация*. То, что «передовые» идеи появляются сначала в малых группах, которым приходится достаточно долго хранить их, передавая от учителя к ученику, разрабатывать их, пропагандировать, прежде чем они будут признаны таковыми всем обществом, поставило вопрос о свободе. Сначала данный вопрос встал в форме политических свобод, защищающих такие малые группы идейных «новаторов» от физического террора непонимающего большинства, а затем с развитием ресурсообеспечения общества он включил в себя экономические и социальные свободы человека.

По времени обычно начало Модерна часто связывают с Возрождением и Реформацией. Хабермас указывает, что к концу XVIII века все основные идейные компоненты Модерна были уже проработаны интеллектуальной мыслью Англии, Голландии, Франции (Просвещение), Германии, что создало условия для завершающего штриха Гегеля, который первым рассмотрел вопрос о Модерне в целом в качестве жизненной проблемы человечества[67].

Отражая основные характеристики Модерна в эпистеме, нетрудно увидеть, что Модерн может быть связан с доминированием метарассказов разума, прогресса и эмансипации, причем наряду с содержанием текстов разум может оказать влияние и на их форму представления. Этот вывод отличается от того, что было представлено в качестве основных метарассказов Модерна

Лиотаром. Напомню, что Лиотар указал в качестве определяющих метарассказов современности универсалистский и эмансипационный метарассказы[68] (см. также подраздел «Эволюция «великих рассказов» — подход Ж.-Ф. Лиотара» раздела «Очерк эпистемологии — науки о знаниях» главы 1). Однако очевидно, что универсалистский рассказ появился существенно раньше начала периода Модерна. Такие вехи на пути его развития, как монотеизм и империя, являлись значимыми элементами культуры в течение всего средневековья. Будучи унаследованным Модерном, универсалистский метарассказ был значительно усилен связью с таким способом рационализации человеческой деятельности, как унификация. С другой стороны, именно провозглашение стремления к унификации неотъемлемым свойством разума и явилось основой критики рациональности, предпринятой в рамках французского постмодернизма — интеллектуального течения, к которому принадлежал Лиотар. Указывая на то, что все великие проекты Модерна по унификации Социального потерпели крах, и жестко связывая стремление к унификации с разумом, постмодернисты вывели необходимость ограничения разума для дальнейшего продвижения в сторону освобождения человечества. Одновременно уничтожающей критике подвергся метарассказ о прогрессе[69]. Прогресс был назначен основной причиной экстенсивной формы развития человеческого хозяйства, которая обнаружила свои пределы, связанные с ограничениями окружающей среды. Исчерпание основных метарассказов Модерна явилось основанием в рамках данной школы сделать заключение об окончании данной эпохи в истории человечества и переходом человечества в состояние постмодерна.

Триумф данного тезиса был поддержан многочисленными противниками рационализации Социального, которые по большому счету никогда не переводились. Однако уже в процессе этого «карнавала» возник ряд вопросов, которые поставили крест на концепции постмодерна. Например, как можно будет поддержать без разума достигнутый уровень сложности социума, обеспечивающий основные права и свободы людей, в том

числе и участников «праздника»? Если остановить прогресс, то как можно будет накормить те сотни миллионов, которые все еще голодают в странах «третьего мира»?

Единственное, что было признано действительно исчерпавшим себя, — это универсалистский метарассказ. Было признано, что унификация Социального имеет свои пределы, и это вывело на передний план вопрос о совмещении разнообразия мира людей с разумом, который продолжает оставаться основным источником дальнейшего развития общества. Ограничения окружающей среды императивно переводят прогресс из экстенсивной формы в интенсивную, ставя во главу угла различные методы ресурсосбережения. Доминирование интенсивной формы развития в проекции на человека порождает новую струю в человеческой эмансипации — дальнейшее снятие внешних ограничений на саморазвитие личности, выражаемую телантропным метарассказом (см. подраздел «Эволюция «великих рассказов» — обществоведческие тексты» раздела «Очерк эпистемологии — науки о знаниях» главы 1).

Восстановление разума в своих правах не позволяет более говорить о кончине Модерна. Следуя Э. Гиддансу[70], будем называть наступившую эпоху Поздним Модерном[71]. Этим самым происходит признание и включение в поле рефлексии всего того, что было действительно значимым из критики постмодернистов. Единственное, где имеет смысл сохранить приставку пост-, — это в определении технологической фазы общественного развития: Поздний Модерн характерен завершением индустриальной фазы развития общества и переходом социума в его постиндустриальную фазу развития[72].

Еще одно различающее качество для определения социального времени получается, если обратить внимание на классификацию способов легитимации управленческих решений в обществе. По большому счету известны два класса таких способов. Во-первых, решения могут быть обоснованы ссылкой на внешний легитимирующий источник — Бога, традицию, опыт предков, авторитет. Во-вторых, легитимность решения может

определяться рациональностью обсуждения ситуации при его принятии[73]. Тогда легко видеть, что в досовременную эпоху (во время Традиции) управленческие решения практически всегда легитимировались лишь первым способом. При переходе же к Современности уже значительная доля управленческих решений стала легитимироваться вторым способом — с опорой на разум, на рациональность. А когда доля решений с рациональной легитимацией стала доминировать (это развитые общества последние пятьдесят лет), для соответствующих социумов наступило время Позднего Модерна.

В заключение следует отметить, что разные группы людей одного и того же общества могут ощущать себя в разном времени. В то время как элита общества может переживать вызовы Позднего Модерна, пытаясь найти свои ответы на вопросы очередной модернизационной адаптации социума к текущему состоянию Современности, другие люди могут замкнуться в Традиции, образовав, например, религиозную секту, так что искушения Модерна будут проноситься мимо, практически их не задевая. Молодежь же последних вполне может быть озабочена «расколдовыванием» и освобождением своей жизни, решая при этом проблемы, которые были характерны для Модерна вековой и двухвековой давности. В целом же время общества, по всей видимости, будет определяться временем, переживаемым основной массой его актива и элиты, его правящим и интеллектуальным слоями.

Социальное время и эпистема

Рассмотрим теперь, как сказывается социальное время на эпистеме — системе знаний человечества. Как это было определено выше (см. раздел «Очерк эпистемологии — науки о знаниях»), эпистема представляет собой множество текстов, написанных на разных языках, используемых людьми. Очевидно, что развитие эпистемы и развитие соответствующих языков записи текстов коррелируют между собой и они являются со-

ставными частями культуры общества, которое использует данный язык в своей практике. Рассматривая различные языки с точки зрения их использования для фиксации результатов мышления, Ю.И. Семенов предложил следующую классификацию языков:

«*Чтобы понять сущность проблемы, нужно принять во внимание, что язык (именно язык, а не речь), помимо всего прочего, представляет собой кристаллизацию мышления. Существует понятийно-словесная сеть, которая в процессе социализации человека внедряется и закрепляется в коре его головного мозга и становится основой всей его мыслительной деятельности. Эта сеть в ходе эволюции человечества развивалась и совершенствовалась, а результаты этого прогресса закреплялись в языке.*

Лингвистами созданы разные типологии языков, в том числе и стадиальные. И среди них имеет право на существование стадиальная типология языков, в основу которой положена степень развития человеческого мышления. Существуют три основных стадиальных типа языков. Первый — языки первобытного (включая предклассовое) общества, или древнементальные (археоментальные, древнемышленные) языки. С возникновением цивилизации, письменности и преднауки археоментальные языки преобразуются во второй тип — староментальные (палеоментальные, старомышленные). Таковы языки всех докапиталистических классовых обществ, исключая в определенной степени античное, в котором существовала не преднаука, а пранаука. С развитием и утверждением науки в полном смысле этого слова, прежде всего современного естествознания, что произошло в Новое время в Западной Европе, палеоментальные языки трансформируются в третий тип — новоментальные (неоментальные, новомышленные) языки. И овладеть наукой можно лишь в том случае, когда человек пользуется одним из новоментальных языков. Если же он владеет только староментальным языком, не говоря уже о древнементальном, то наука окажется для него недоступной.

Это не значит, что существуют языки, по самой своей структуре абсолютно неспособные к выражению научных знаний. Любой

древнементальный язык может в принципе превратиться в староментальный, а любой староментальный трансформироваться в новоментальный. Но для этого нужны определенные условия и время»[74].

Данная классификация хорошо ложится на предлагаемые в настоящей книге представления. Действительно, по завершении антропогенеза на дописьменной стадии все группы людей использовали для внутригрупповой коммуникации какие-то языки и имели свои групповые культуры. Эпистема на данной стадии развития человечества отсутствовала. Следуя Семенову, отнесем все такие языки к классу археоментальных. Возникшие же при этом по результатам биологической и социальной эволюции культуры были вполне традиционны. Здесь следует отметить, что традиционные культуры обычно являются достаточно однородными в плане своих сообществ, хотя и в них уже можно выделить части, специфичные для социальной верхушки соответствующих групп людей.

С изобретением письменности возникла эпистема, которая простимулировала трансформацию соответствующих археоментальных языков в палеоментальные. главным образом механизм данной трансформации основывался на возникновении, развитии и стандартизации разных вариантов письменных оборотов, получивших свое завершение в создании литературного и других эпистемных языков[75] и соответствующих эпистемных контентов (записанных мифов и эпосов, текстов мистерий, поэтических и театральных текстов, прозы, музыки). Однако ввиду массовой неграмотности населения литературный язык использовался лишь достаточно узким слоем, принадлежащим элите соответствующего общества. Остальные люди продолжали пользоваться простонародным вариантом языка, который фактически был языком предыдущей археоментальной стадии. Эпистемные языки послужили основой для зарождения элитарных культур соответствующих социумов, которые сразу же четко отделили себя от традиционных народных культур. Понятно, что, несмотря на возникшую культурную гетерогенность, традиционная и

элитарная культуры взаимодействовали между собой, оставаясь при этом отделенными одна от другой.

Следующая трансформация языков была обусловлена развитием науки. Зародившись в тиши монастырей, наука была поддержана соответствующими государствами из утилитарных (главным образом из-за вклада в военное дело) и престижных соображений. Это позволило данному виду деятельности окрепнуть и, сомкнувшись с развитием технологий в буржуазно-ремесленных кругах, отделиться от религии. Данная оппозиция позволила выделить и зафиксировать научную методологию, что сопровождалось созданием языкового слоя для строгого мышления, которое является сутью трансформации общей палеоментальной языковой среды в неоментальную. Все языки строгого мышления характеризуются встраиванием в структуру языка законов логики, четким определением основных мыслительных категорий и взаимосвязей между ними, позволяющим устойчиво работать со сложными ментальными моделями, воспроизводимо отражать подобные модели в эпистеме. Естественно, что возникший логико-научный слой взаимодействует с остальными слоями эпистемы, переформатируя их. При этом некоторые слои эпистемы встали в оппозицию научному слою и эпистема расслоилась на традиционный и прогрессивный нарративы. Именно такое эпистемное расслоение, которое может быть связано с влиянием прогрессивного метарассказа, и является характерным для Современности, определяя один из основных ее признаков.

Дальнейшая социальная эволюция современных обществ под воздействием прогрессивного и эмансипационного метарассказов потребовала массовой грамотности населения. Внедрение всеобщего образования привело к расширению влияния элитарной культуры на социальные низы, что сопровождалось разложением и ликвидацией традиционной народной культуры[76]. При правильной организации данного процесса ценные элементы народной культуры интегрировались в возникшую таким образом единую общую культуру общества, в основе которой лежит использование эпистемных языков, существовавших и на палеоментальной стадии. Языки строгого мышления остаются востребованными лишь на элитарном уровне, а простонародные варианты языка сменили свою базу, привязавшись к эпистемным.

Следует обратить внимание на то, что возникновение и развитие неоментальных языков совпадает с Современностью, что сразу же дает правдоподобную гипотезу о невозможности современного общества без наличия в его активе неоментального варианта языка. Данная гипотеза подтверждается малыми государствами Северной Европы, которые все имеют в активе английский язык в качестве языка высшего образования, что, по всей видимости, обусловлено трудностями поддержания своего родного языка на неоментальном уровне при имеющейся ресурсной базе[77].

Изложенная в данном разделе концепция является вариантом ***гипотезы лингвистической относительности***, в соответствии с которой «*существующие в сознании человека системы понятий, а следовательно, и существенные особенности его мышления определяются тем конкретным языком, носителем которого этот человек является*»[78]. В основе данного подхода лежит положение о том, что интеллектуальный уровень развития всех сторон общества во многом зависит от качества подготовки работников умственного труда. И без наличия соответственного контента эпистемы таковая подготовка требуемых временем специалистов на данном языке просто-напросто невозможна (см. также раздел «Эпистема и индивиды — особенности взаимодействия»).

2. ОБЩЕСТВО — СИСТЕМНЫЙ ПОДХОД[79]

Перед окончательным погружением в теорию современного общества имеет смысл обсудить еще один методический момент. Я принадлежу к крылу так называемых социальных номиналистов, для которых каждое сообщество — это лишь люди и их взаимодействие между собой. Это значит, что я не считаю возможным существование в социуме не сводимых к людям сущностей, как это делают сторонники альтернативного подхода — социального реализма. Однако это отнюдь не отрицает возможности существования в моем понимании социальных объектов, описание динамики которых может как будто бы «оторваться» от порождающих данную динамику людей и стать определяемой через воздействие других аналогичных социальных объектов, создав так называемый макроуровень описания. Для иллюстрации данного положения рассмотрим воду: то, что все свойства воды определяются молекулами и взаимодействием молекул между собой, отнюдь не значит, что при рассмотрении движения волн на поверхности воды нам надо учитывать отдельные молекулы. Динамика макрообъектов (в данном случае волн) определяется макромеханизмами, в которых вклад нюансов молекулярного уровня становится исчезающе малым и может быть пренебрежен. При этом не любая возможная макродинамика является приемлемой, а только та, которая может быть выведена из микроуровня описания — из динамики молекул в их межмолекулярном взаимодействии. Возвращаясь к социальным объектам, мы можем легко понять, что предлагаемый подход равнозначен существованию дополнительного ограничения на используемые модели, ибо в его рамках все социальные объекты макроуровня описания и все взаимодействия таких объектов должны быть обусловлены людьми и/или их взаимодействием между собой. Другими словами, все механизмы социальных теорий должны быть выводимы из природы людей и их взаимодействий, а те гипотезы, которые не могут быть сведены к человеку в его взаимодействиях с другими людьми, должны быть отвергнуты[80].

Общество: Общие моменты

Самые общие понятия обществоведения могут возникнуть из обобщенной модели ***социума***, в которую входят люди, населяющие какую-то ***территорию***. Люди — существа социальные, они взаимодействуют друг с другом. В результате такого взаимодействия возникают как общественные институты, так и общественные структуры, специфика которых по большому счету и определяет все качества социума. Напомню, что ***институтами*** в англоязычной литературе обычно называют всю совокупность правил и норм, которые определяет поведение человека[81], как формальных (конституции, законы, стандарты, нормы), так и неформальных (обычаи, привычки, «понятия», традиции, внутренние системы мотивации людей). В этой книге наряду с термином «институты» я буду использовать в том же значении понятие ***«социальные/общественные нормы»***. Здесь следует заметить, что принимаемое мной понимание термина «институты» отличается от принятого в отечественной обществоведческой практике, где данный термин часто используется для ссылки на какой-то определенный класс социальных структур / организаций, например на армию, церковь, школу и тому подобное. Такое предпочтение англоязычной трактовке вызвано важностью для меня опоры на достижения институционального направления западной обществоведческой мысли.

Далее в моем понимании ***общественные (социальные) структуры***, или ***организации***, представляют собой упорядоченные группы людей, объединившиеся для достижения каких-либо целей.

Каждый кусок территории Земли в настоящее время имеет отношение к какому-либо ***государству*** — особому множеству специальных организаций, которое связано и с территорией, и с людьми, населяющими данную территории. Людей и террито-

рий вне государств уже более не бывает. Государство в своей связи с территорией обычно называется ***страной***. Люди, проживающие на данной территории, образуют ***народ***. Если мы возьмем всю территорию, контролируемую государством, то получим народ страны. Вся совокупность людей вместе с их общественными структурами создает ***общество (социум)*** данной страны.

Используемая в настоящей книге система понятий близка к тому, что выделяет для своего анализа общественных процессов Ю.И. Семенов[82], который, в частности, ввел для основного рассматриваемого в настоящем разделе социального объекта термин «геосоциор» — географический социально-исторический организм. Этот же объект был обозначен А.А. Зиновьевым как «человейник»[83].

В каждом обществе можно выделить следующие три группы характеристик (измерений):

Первое измерение — ***географическое*** — представляет собой занимаемую обществом территорию с ее размерами, ландшафтом, реками, выходом к морям, полезными ископаемыми и другими параметрами. Территория, занимаемая конкретным социумом, в значительной степени определяется технологиями коммуникации, поскольку именно через коммуникацию происходит политическое и культурное структурирование людей — членов общества, что обеспечивает целостность социума. Занимаемая территория также зависит от конкурентного давления других обществ.

Второе измерение — ***организационное*** — создается общественными структурами, которые также будем называть организациями. Общественные структуры представляют собой дуализм иерархий и правил их функционирования (т.е. взаимодействия частей иерархии между собой). Через иерархию проявляется структурное управление неравенством людей. Каждая иерархия в одном своем измерении отображает вопросы власти и/или авторитета, в другом — распределение функций. Набор функций определяется целями организации, которые формулируются ее управляющей командой, ее властью.

Каждая общественная структура всегда имеет одну вмененную цель — защиту своей целостности и зоны своего контроля как географического, так и функционального. В своем функционировании организации в числе прочего структурируют справедливость (или моральное управление неравенством), правосудие (процедуры разрешения конфликтов), а также некоторые аспекты насилия.

Общая классификация организаций может быть выполнена на основе их основного вида деятельности. Уровень подробности подобной классификации может быть очень детальным, однако, оставаясь на самом верхнем уровне, имеет смысл выделять экономические структуры (ориентированные на извлечение дохода через производство и обмен товаров и услуг), структуры социальной сферы (медицина, образование, научные исследования, прочее такое), политические структуры (партии, идеологические экспертные центры), различные прочие ассоциации граждан, обычно не связанные с получением доходов от своей деятельности. При этом один вид общественных структур занимает особое место. Это государственные структуры, отличием которых является монополизация прямого насилия на данной территории, а также правосудия последних инстанций.

Третье — ***идеальное*** измерение — состоит из ***общественного сознания***, которое в значительной степени опирается на культуру[84] общества. ***Культура*** же с необходимостью включает в себя языки, причем как основной ***язык*** общения людей в данном обществе, так и другие существующие в социуме знаковые системы, которые могут быть использованы для коммуникации. Наряду с языками культура включает в себя и правила осмысления используемых практически последовательностей знаков, а также и все тексты, когда-либо созданные на данных языках, и прочие артефакты. Практически культура общества является именно тем, что обеспечивает взаимопонимание людей при их общении между собой. Соответственно, она включает в себя и институты — все используемые обществом явно и неявно социальные нормы.

Социальная микродинамика

Как уже указывалось, в моем понимании социальные объекты должны быть полностью сводимы к людям и/или к их взаимодействию между собой. Взаимодействие членов общества друг с другом обычно осуществляется через акты общения, при которых происходит передача информации от одного человека к другому или обмен информацией между людьми. Человек может также получать информацию из других источников, например, читая книги или смотря телевизор. Именно такие акты индивидуальных информационных обменов и составляют основу ***социальной ткани*** общества, микроуровень ее строения.

Понятие культуры дает возможность представить общество в виде культурной среды, в которую помещены некие культурные сгустки (люди), обменивающиеся между собой при общении разными культурными символами[85]. Социальность человека в рамках такого представления принимает вид внешнего слоя подобного культурного сгустка, внутреннее ядро которого представляет собой личностную (индивидуальную) суть человека. Данное представление дает важное понимание социальности как чего-то, напоминающего «одежду», которая защищает человека в его жизни и деятельности от внешних воздействий и обеспечивает «внутреннее тепло» его личностного ядра. Другими словами, качество социальной ткани напрямую зависит от удовлетворенности того, что можно назвать ***чувством онтологической безопасности***, стремление к которой постулируется имманентным человеческой природе (см. приложение 3.1: «Основы социальной теории Э. Гидденса»).

В рамках данной аналогии личность человека и/или его культурное ядро могут быть представлены в виде некоего набора слоев, отражающего разные аспекты представлений человека о себе, своем окружении, своей деятельности, внешнем мире. При этом без труда могут быть выделены слои как мировоззренческие (представление об онтологии, исповедуемая религия), так и институциональные (система личностных ценностей, моральные нормы, политические предпочтения) и различные другие (типовые бытовые технологии, принятые технологические стандарты, и т.д.)[86]. Если же взглянуть чуть под другим углом с учетом истории формирования культуры, то в каждом культурном слое можно разглядеть два компонента, которые можно различить при принятии во внимание двух фундаментальных качеств. Первое качество, во многом связанное с коллективным бессознательным, обеспечивается антропогенезом, то есть изначальным становлением человечества как биологического вида. Данный процесс длился 6—7 млн лет эволюции (со времени отщепления гоминид от других семейств человекообразных обезьян) и даже более, за исключением, может быть, последних 5 тыс. лет. Второе качество напрямую связано уже с социогенезом, то есть развитием и усложнением человеческой социальности, наращиванием мощи общественных структур в процессе социальной эволюции в течение последних 5 тыс. лет.

Процесс антропогенеза был характерен эволюцией гоминид в относительно малых сообществах (общепринятая оценка составляет 30—40 особей на группу), когда наряду со стабилизацией человеческих фенотипов групповой отбор в условиях жесткой конкуренции мелких сообществ за свое биологическое выживание «запустил» 2-ю сигнальную систему, производство инструментов, язык и связанное со всем этим накопление символов и знаний. Некоторые моменты эволюции триб в таких условиях будут обсуждены в подразделе «Власть» раздела «Социально-культурные универсалии: Власть, Справедливость и др.» настоящей главы и особенно в комментариях к этому подразделу. В результате длительной эволюции в таких условиях сформировалось базовое ядро культуры, тесно взаимодействующее с биологически обусловленными характеристиками человека, которое отвечает за социализацию человеческих инстинктов и воспроизводство поведенческих стереотипов, успешных для выживания людей в данном ландшафте. Данное культурное ядро во многом задает то, что называется этнической культурой и компонентами чего, например, являются язык, различного рода сакральные

символы, мифология, архетипические институты (глубинные представления представителей этноса о справедливости, нормы их реакции/ответа на разные раздражители, система социальных табу).

Дальнейшее технологическое развитие подтолкнуло сложившиеся таким образом малые группы людей к участию в последующем социальном развитии с общей тенденцией к укрупнению человеческих сообществ — ведь поддержание социальной сложности требует соответствующей плотности населения[87]. Жизнь в больших коллективах привела к обогащению культуры путем добавления фрагментов, обобщающих опыт соответствующей деятельности. При этом очевидно, что жесткая конкуренция человеческих сообществ между собой за имеющиеся ресурсы сопровождается тем, что вновь добавленные фрагменты культуры верхнего уровня с необходимостью должны будут компенсировать[88] недостатки базового ядра этнической культуры в плане обеспечения пригодности людей к формированию больших конкурентоспособных социальных организмов. Те этносы, которые не смогли создать адекватную культуру верхнего уровня, не выдержали исторической конкуренции и не смогли создать своей государственности.

При общении людей происходит обмен символами и понятиями, обеспечивающий соответствующее взаимодействие индивидов. Как правило, личностные представления при этом в целом остаются неизменными, но иногда они могут быть подправлены в свете полученной новой информации. При таком ходе событий чаще всего индивидуальные представления людей подстраиваются друг к другу[89], что вызывает ассоциацию с известным в физике спин-спиновым взаимодействием[90].

Как результат такого взаимодействия в каждом культурном подслое имеющегося множества культурных сгустков (людей) может происходить образование ***когерентных упорядоченных структур*** — «доменов», которые по сути и представляют собой идеальные объекты общественного сознания, порождая в то же время те самые ментальные структуры, во многом определяющие поведение людей (см. подраздел «Структура сознания» раздела «Эпистема и индивиды — особенности взаимодействия» главы 1). В качестве примера таких идеальных объектов/ментальных структур можно привести этническую идентичность, культурные стереотипы, различного рода социальные табу, политические симпатии, принадлежность к религии и т.д. Продолжая аналогию с теорией кооперативных процессов[91], изменение/взаимодействие таких доменов в рамках каждого слоя может быть абстрагировано от основы — множества людей. Возникает возможность построить описание поведения идеальных структур общественного сознания с учетом лишь взаимодействия между ними. При этом, как правило, на практике реализуется ситуация одновременного существования и конкуренции нескольких таких «доменов» одного структурного слоя в общественном сознании на данной территории. В качестве примера можно рассмотреть религиозный слой, в котором для одного общества мы можем наблюдать и православие, и ислам, и различные варианты протестантизма. Детали эволюции таких доменов, каждый из которых представляет собой конкретную реализацию какого-то смыслового поля общественной эпистемы, обсуждались мной выше (см. главу 1).

В рамках предлагаемой модели можно также решить проблему ***объективизации социального***[92]. Люди — это активные социальные агенты, взаимодействующие друг с другом. При этом спецификой человеческого взаимодействия, человеческой деятельности является образование знаний, накопление социального опыта. В результате из всей совокупности межличностных взаимодействий, дополненных взаимодействием человека с эпистемой — библиотекой знаний, могут быть выделены элементы, которые можно представить в качестве воздействия на человека различных структур общественного сознания. То есть действие идеального объекта социума на личность по сути является неким усреднением индивидуальных актов взаимодействия людей при межличностном общении и актов информационного влияния со стороны СМИ и других источников информации/знаний.

Некоторые люди оказываются способными менять свои взгляды самостоятельно. Обычно это происходит на основе получения новой информации из книг или других баз знаний, а также в результате умственного усилия по согласованию представлений из разных слоев своего культурного ядра. Такие «интеллектуалы» порождают «отклонения», которые приводят как к динамике самих доменов, так и к «движению» понятий внутри данных идеальных структур. В дополнение к этому существуют также «внешние поля» воздействия — когда организации задают некий желаемый стандарт личности для своих членов. Сила этого поля обеспечивается уровнем насилия по упорядочению человеческих представлений в сообществе, причем вынуждающий данное насилие фактор может принадлежать к семейству, называемому «мягкой властью». Обычно насилие по упорядочению взглядов людей максимально в тоталитарных общественных системах.

Таким образом, в рамках данной модели мы имеем как источник изменения представлений людей (интеллектуалы), так и модель распространения данных изменений. Получаем также схему взаимодействия разных вариантов взглядов людей друг с другом. Основание последней — межличностное взаимодействие. Общая схема потока обновления/удержания текущего варианта идеального: интеллектуалы => ретрансляторы => люди. Разные каналы воздействия отличаются своими ретрансляторами. В случае массового обучения/воспитания это учебные программы и учителя, во взрослом мире — популяризаторы и СМИ, в андеграунде — различного рода активисты-проповедники[93].

Другой интересный аспект межличностного взаимодействия заключается в том, что оно может быть как локальным — взаимодействие «соседей», так и глобальным — взаимодействие людей на значительном расстоянии друг от друга. Исторически доля второго компонента возрастает, причем сначала этот процесс затронул массы (работа различного рода миссионеров и СМИ), а сейчас уже затрагивает и центры интеллектуального производства (работа интеллектуалов в распределенных сетях).

Заметим, что обсужденная модель согласования взглядов людей представляет собой базовый механизм для широко известной теории спонтанного порядка Ф. Хайека[94]. Результаты предложенной модели могут быть также легко перефразированы в социологическую концепцию П. Бурдье с его активными агентами, социальными полями и символическим капиталом[95]. Общие моменты с подходами Э. Гидденса к социологии современного общества тоже имеют место, что уже было отмечено выше (см. также приложение 3.1: «Основы социальной теории Э. Гидденса»).

Рассмотренные выше механизмы и модели можно развернуть в определенную общесоциальную категориальную сетку следующим образом. Самый общий взгляд на человека и его общественную активность позволяет вычленить два измерения для описания Социального. Во-первых, это ***личностный слой***, то есть все, что связано с ***социализацией*** конкретной личности, формированием ее ***индивидуальной культуры***. Во-вторых, это ***деятельный слой***, который интегрирует в себя все, что связано с существованием человека в обществе.

Очевидно, что ***личностный слой*** сильно завязан на ***родной язык***, который обусловливает инкорпорирование в личность ее ***индивидуальной культуры***. При этом легко выделяются две базовые характеристики индивидуальной культуры — ***этническая принадлежность*** и ***гендер***. Гендерные особенности личности я здесь затрагивать не буду в силу их неактуальности для рассматриваемого в книге круга вопросов, а вот этнические особенности людей для вопросов человеческого общежития оказываются очень даже уместными. Это связано с тем фактом, что базовые основы своего сознания каждый принимает в младенчестве именно в их этническом варианте. И лишь потом на этот базис ложатся более универсальные культурные слои. Если ложатся.

В целом взаимосвязь соответствующих категорий на личностном слое можно представить следующим образом:

Человек → Язык → Этничность → Культура → Человек

Наряду с таким базовым «этническим» потоком можно вычленить еще один поток — «образовательный»:

Человек → Культура, Знания → Человек

Как это уже было отмечено, на ранних стадиях развития ребенка в его социализации доминирует усвоение именно этнической культуры, на которую по мере его взросления и образования могут накладываться более универсальные культурные слои, с частичным вытеснением этнических паттернов на периферию. Но тем не менее в личностной культуре каждого человека всегда можно выделить этнический и общеобразовательный слои, причем общим правилом для содержимого данных слоев является то, что при правильной постановке образования в обществе верхний образовательный слой культуры обычно компенсирует недостатки нижнего слоя этнических психокультурных установок человека в плане повышения конкурентоспособности данной социальной системы[96].

Перейдем далее к ***деятельному слою***, который определяется результатами ***активности*** людей. Базовый элемент данного слоя определяется на личностном уровне:

Человек → Активность → Интерес

Последующий переход к учету взаимодействия людей в обществе сразу же позволяет из множества их интересов вывести в случае совпадения ***кооперацию***, а в случае противоположения — ***конфликт***. Урегулирование вопросов ***кооперации*** и ***конфликтов*** составляет суть ***политики***. ***Кооперация*** оформляется в ***социальные структуры/организации***, которые с необходимостью для своей деятельности порождают общественные ***институты***, обогащающие ***культуру общества***. Управление конфликтами приводит к появлению ***права*** как неотъемлемой части общественных ***институтов***, что также дает вклад в общественную ***культуру***.

В целом социальный уровень деятельного слоя можно представить следующими взаимосвязями:

Интерес → (совпадение) → ***Кооперация***

Интерес → (противоположение) → ***Конфликт***

Кооперация + ***Конфликт*** → ***Политика***

Кооперация → Социальные структуры/Организации → Институты → Культура

Конфликт → Институты → Право → Институты → Культура

Следует отметить, что данные взаимосвязи понятий являются в достаточной степени универсальными и проявляются и при самоуправлении людей, и в их экономической деятельности, и при исполнении ими государственных функций.

Общественные структуры

Взаимодействие людей в рамках общественных структур является важной составляющей их жизни. Средний человек обычно работает в какой-то организации (не менее 40 часов в неделю), он состоит в различного рода ассоциациях, взаимодействует с друзьями и приятелями. Он взаимодействует с коммерческими организациями, покупая необходимые товары и услуги для обеспечения своей жизнедеятельности. Он взаимодействует с государством, платя налоги и участвуя в требуемых государством действиях. В принципе даже семью можно считать вариантом общественной структуры.

Как уже указывалось, каждая организация представляет собой дуализм иерархии и правил ее функционирования, причем последние являются отражением в организации сложившихся общественных институтов. Верно и обратное — система общественных институтов (или действующая совокупность социальных норм общества) в значительной степени складывается из правил функционирования организаций и их взаимодействия с социальным окружением.

Иерархия — это один из способов согласования и гармонизации неодинакового, поэтому по большому счету она неот-

делима от Социального. Иерархия существует уже у социальных животных, причем не только у высших (стая собак, прайд львов), но и у насекомых (пчелиный рой, муравьиная семья). При объединении людей в иерархию возникает неравенство, у которого может быть как материальное измерение (правила распределения ресурсов), так и символическое, выражаемое социальным статусом члена социума или его социальным капиталом (П. Бурдье)[97].

Правила функционирования иерархии возникают из решаемых организацией задач на основе действующей институциональной культуры. При этом обычно правила реализуются в виде набора ***рутин:*** повседневных практик взаимодействия людей в организации между собой, а также их взаимодействие с окружением — людьми, не входящими в рассматриваемую организацию, и другими организациями общества. Понятие рутины возникло в институциональной экономике для отражения некоторых фундаментальных сущностей природы человека, связанных со склонностью большинства людей к постоянству в своих привычках. Это постоянство отражает стремление людей к тому, что Э. Гидденс назвал в своей социологической теории ***«онтологической безопасностью»*** (см. приложение 3.1: «Основы социальной теории Э. Гидденса»). В принципе рутинизация повседневности, наверное, связана с тем, что человеческое общество длительное время развивалось на пределе выживания и малейшие сбои функционирования социального организма могли привести к гибели социума через его вымирание или поглощение соседями. Поэтому удачные социальные практики, помогающие социуму выжить в неблагоприятном окружении, сакрализировались, а изменения и отклонения табуизировались, отражая опыт как своих пережитых кризисов, так и кризисных ситуаций у соседей.

Так в процессе длительной социальной эволюции, по-видимому, и сформировались установки, связанные с общим нежеланием людей менять что-либо в своей жизни пока не «припрет». То, что такой подход до сих пор обнаруживается

доминирующим в исследованиях по мотивации управленцев и принятии управленческих решений, даже когда социальная среда меняется очень быстро и поток нововведений высок как никогда ранее, показывает сильную укорененность и устойчивость данной ментальной структуры общественного сознания. С другой стороны, нельзя не отметить, что социальный организм все-таки может меняться. В обществе всегда присутствует небольшая доля новаторов, людей, которые стремятся изменить жизнь к лучшему. Борьба новаторов с привычками консервативного большинства и составляет суть того процесса, который видоизменяет организации, толкая общество вперед по пути развития, и в то же время сохраняет сложившуюся общественную целостность. Социальные изменения особенно облегчаются в моменты общественных кризисов, когда имеющиеся рутины не могут обеспечить какие-то жизненно важные системы общественного функционирования и необходимость внесения изменений для спасения общества от краха становится очевидной многим. В этот момент оборона консерваторов обычно слабеет, что открывает путь внедрению социальных инноваций. Через некоторое время по мере привыкания людей инновации становятся рутинами и включаются консерваторами в свою «красную книгу» — перечня защищаемого от натиска социальных новаторов следующего поколения.

Здесь следует отметить, что процесс изменения общественных структур значительно ускорился после начала эпохи Просвещения (XVIII век), когда практически все стороны жизни стали подвергаться рациональной проработке. В частности, осмысление и рационализация сложившихся традиционных организаций, которые возникли в результате исторической социальной эволюции, привели к возникновению концепции ***бюрократии***[98] — эффективной управленческой организационной структуры. В соответствии с концепцией М. Вебера можно выделить следующие основные характеристики данной формы организации труда[99]:

1. *Специализация и разделение труда*. Каждое подразделение и каждый сотрудник имеют четко определенные обязанности и зону деятельности, которые не должны пересекаться с оными других членов организации.

2. *Вертикальная иерархия*. Каждый человек, входящий в бюрократическую иерархию, руководит нижестоящими людьми и подчиняется вышестоящим. Этим обеспечивается сходство строения бюрократии с пирамидой. Причем каждый элемент организационной структуры оказывается под контролем руководства.

3. *Регламентация и обезличенность функционирования*. Бюрократия характеризуется полной рационализацией функционирования в пределе исключающей все иррациональные и эмоциональные моменты человеческих отношений. Деятельность каждого элемента бюрократической организации четко определена правилами и инструкциями, направленными на однозначное определение допустимых действий для каждого работника, с тем чтобы организация в целом смогла бы эффективно достичь своих целей. Рационализированы и регламентированы также все внутренние процессы, включая подбор и назначение людей на посты, оценку их деятельности, их поощрение и наказание. Любые отклонения от действующих правил рассматриваются как коррупция и наказываются.

Основной идеей дизайна бюрократии как социальной структуры является среди прочего и борьба с коррупцией. Под ***коррупцией*** я буду понимать любые целенаправленные действия по созданию отклонений в функционировании социальной структуры от предписанного заложенными в основу ее дизайна правилами, приводящими к жертве ее эффективностью, целями, миссией в пользу непредусмотренной этими правилами выгоды каких-то третьих лиц. Именно для борьбы с коррупцией создаются детальные инструкции по функционированию организации, именно для этой борьбы внедряются и поддерживаются этические стандарты организационной культуры. И именно обнаружение фактов коррупции является главной целью для подразделений организационного контроля.

В своем крайнем пределе бюрократическая рационализация социальных структур привела к ***тейлоризму***[100] — системе организации труда, основанной на четком определении всех необходимых операций в рутинах бюрократической иерархии и жестком нормировании времени, требуемого для каждой операции. Однако «однобокость» такой формализации из-за принятия во внимание лишь одной группы факторов, связанных лишь с декомпозицией целей деятельности организации вплоть до конкретных операций на каждом рабочем месте, неожиданно породила проблемы совместимости человеческой психики с требованиями к элементам получаемой социальной структуры. Подобные проблемы обычно обозначаются термином ***«отчуждение»***[101]. Один из видов отчуждения в бюрократии наблюдается по линии взаимодействия организации с ее окружением, когда, например, решающие свои вопросы люди деперсонализируются бюрократической структурой до уровня своих личных дел на столе у чиновников. Другой вид отчуждения наблюдается у работников внутри самой организации, когда, например, в их головах происходит так называемая сакрализация рутин. Механизм данного процесса обычно основан на замещении в сознании исполнителей миссии организации в целом локальными «правилами функционирования», что порождает так называемый ***ритуализм***[102]. Как видно из информации, приведенной в ссылке к данному слову, ритуализм находит свое основание все в том же стремлении людей к онтологической безопасности, о котором мы уже упоминали и которое будет рассмотрено подробно в следующей главе.

В дополнение к разным видам отчуждения, вмененно свойственным бюрократии, развитие цивилизации обострило еще одну проблему — проблему эффективного совмещения бюрократии и творчества. Данная проблема актуализировалась в результате конкуренции, когда, выбрав все резервы эффективности на пути оптимизации своих структур, организации вдруг

обнаружили, что дальнейший рост отдачи от их деятельности обусловлен главным образом внедрением инноваций, которые как раз и отличают организации-лидеры от своих конкурентов и позволяют лидерам в результате своей деятельности «снимать сливки», побеждая в конкурентной борьбе. При этом создание и внедрение инноваций в существующую структуру рутин требует творческого подхода и совсем не совмещается с детальным регламентированием каждой операции, что свойственно бюрократиям из-за желания минимизировать коррупцию.

Опыт изменения структур различных организаций с целью понижения степени отчуждения вовлеченных в деятельность организации людей показал возможность роста эффективности социальных структур в результате подобной дебюрократизации. Это открыло новую страницу в теории организаций, современные исследования которой обобщают/предлагают для практической проверки различные способы более адекватного учета психики людей. Начавшись с возникновения альтернативной тейлоризму теории человеческих отношений[103], данное направление прикладной теоретической мысли существенно обогатило наши представления о влиянии «человеческого фактора» на работу организаций. В частности, отрабатывая возникшие вызовы, организации (1) занялись персонализацией отношений с окружением; (2) выделили время работников и внедрили дополнительные процессы по поддержанию стандартов корпоративной культуры с некоторыми универсальными элементами (регулярное напоминание о корпоративных ценностях, поддержка командного духа, мотивация персонала на карьерное продвижение); (3) отработали способ включения в бюрократию творческих элементов (локальная частичная самостоятельность, поощрение инициативы и нестандартности подходов) и сделали много других находок и открытий. Как результат в настоящее время в копилке человечества имеется широкий спектр апробированных практикой типовых организационных структур. Однако любая классификация теории организаций в качестве точки отсчета выбирает идеальную бюрократию, а все остальные

типы организаций определяются лишь степенями отклонения от этого полюса (дебюрократизации).

Завершив таким образом очерк общих принципов построения социальных структур, в заключение данного раздела имеет смысл кратко упомянуть о возможности классификации организаций по их целям/видам деятельности. При этом в имеющемся многообразии общественных структур четко различимы (1) государственные структуры, (2) экономические структуры, (3) политические структуры, (4) структуры социальной сферы общества, (5) различного рода досуговые ассоциации. Здесь же можно упомянуть и семью, а также многие другие более специальные типы социальных структур.

Строение общества

Как уже отмечалось, ***общественные структуры*** через свою иерархию конституируют ***социальное неравенство*** людей. Вся сумма общественных иерархий задает распределение ***общественных статусов*** среди членов социума, определяя таким образом ***строение общества***. Поскольку человек одновременно участвует во многих социальных группах и организациях, а различные организации отнюдь не однозначно соотнесены с такой характеристикой, как общественная значимость, то детальное описание устройства современного общества становится очень сложной задачей. Однако если ограничить свое рассмотрение попыткой определить самые общие универсальные группы, то очень интересный и нетривиальный результат может быть получен при рассмотрении отношения людей к функции общественного управления.

Подобный подход является характерным для так называемой ***теории элит***[104], однако, забегая вперед, хочу отметить, что в рамках моего рассмотрения выделяются не две общепринятые стандартные группы (***элита*** и ***масса***), а три (***актив***, ***масса*** и ***коагулят***)[105]. ***Элита*** при этом определяется как самый верхний слой актива[106].

Актив общества — это те люди, которые профессионально занимаются управлением, кто все свое рабочее время посвящает организации и координации других людей для достижения общественных целей. Актив возникает естественным образом в любом социуме, который достиг определенного уровня сложности. То есть в случае, когда функция управления требует своей специализации и набор решаемых задач заполняет все время выделенных обществом для этой функции людей. Ключевая характеристика актива — наличие организаторских способностей, разновидностью чего является предпринимательская способность.

При этом основная ***масса*** людей специализируется на других видах деятельности и служит для управленцев строительным материалом при создании различного рода общественных структур (см. предыдущий раздел данной главы). К числу последних относятся государство, экономические структуры (фирмы и корпорации), другие общественные структуры различных типов (профсоюзы и ассоциации, саморегулируемые профессиональные организации и кондоминиумы, неправительственные общественные организации и кооперативы).

Масса обычно делегирует политические и управленческие функции активу, занимаясь в основном частной жизнью. Актив структурирует себя и массу, задавая «каждому «сверчку свой шесток». Представители массы принимают свое положение в обществе, определяемое активом, и в основе своей лояльны сложившемуся общественному порядку.

Все вышесказанное не значит отсутствия конкуренции/соревнования между людьми. Различные части актива борются между собой за положение в обществе и влияние на общественное целеполагание и распределение ресурсов. Каждый человек из массы также желает улучшить свое личное положение, выстраивая свою карьеру. Но в целом общественные правила игры людьми из этих групп под сомнение не ставятся, люди в целом лояльны существующей общественной системе, что не мешает им, впрочем, бороться за заполнение системы выгодным им

общественным контентом. При этом могут существовать программы реформ, заключающиеся в частичном изменении действующих правил, в не очень большой перестройке общественного каркаса.

Верхний слой актива, где сосредоточено принятие стратегических решений, важных для всего общества, будем называть ***элитой***. В принципе именно элита структурирует общество, оформляя социальную систему через подчиненный себе слой профессиональных управленцев — актив, который в свою очередь уже воспроизводит заданные рутины в обществе через руководство массой. Именно в руках элиты находятся возможности по распоряжению значительными общественными ресурсами как частными, так и государственными, для обеспечения принятых ими стратегий.

В дополнение к элите, активу и массе можно выделить еще одну группу — ***социальный коагулят***. Это люди, которые в принципе не согласны с тем положением в обществе, которое им определяет актив. Претендуя на большее и не находя поддержки ни у актива, ни у массы, данные индивиды начинают отвечать им пренебрежением или даже ненавистью. Они начинают отрицать существующие ценности общества, ставить под сомнение легальность актива, естественно, при этом попадая в социальную изоляцию. Впрочем, это скорее именно самоизоляция, которую данные люди сами же и поддерживают. Избранная ими модель поведения «непризнанных гениев» толкает их к созданию мифа о собственной избранности, что завершается такой стандартной формой их общественного бытия, как секта. Один из частных примеров реализации данного механизма был рассмотрен в работе В. Нифонтова[107]. Другой пример представляет генезис такого социального слоя, как пресловутая «русская интеллигенция».

Таким образом, анализ социума по отношению к функции управления дает три основных компонента — актив (вместе с включенной в него элитой) массу и коагулят. Этим мой анализ расширяет обычный подход к теории элит[108], восходящий к Г. Мо-

ска и В. Парето (см. обзор таких теорий в комментарии по одной из ссылок выше). Он также интегрирует в естественное строение социума очень интересную страту, которая пока недоизучена, несмотря на ее влиятельность, особенно в моменты кризиса. Интересно отметить, что предложенная социальная стратификация универсальна, поскольку данные социальные группы можно выделить практически во всех известных социумах.

Грубая оценка для современных условий дает численность актива на уровне 7—15% от численности взрослого населения страны, численность элиты — около 1%, а численность коагулята обычно не превышает 1—2%.

Кстати, если вместо достаточно четко определенной функции «управления» взять традиционно используемую в теории элит функцию «правление», то вычленяться в качестве верхнего слоя будет именно элита — те, кто правит (Г. Моска). При этом на следующем логическом шаге встанут вопросы: «А на кого опирается элита в своем правлении? Кто помогает элите обеспечить ее гегемонию в обществе?» — см. также подраздел «Власть» раздела «Социально-культурные универсалии: Власть, Справедливость и др.» настоящей главы. И ответ на данный вопрос вводит в рассмотрение то, что обычно называют «средним классом», — субэлитные слои общества, несущие основную нагрузку по поддержке гегемонии текущей элиты. Опираясь на основную стратификацию данной книги, можно отметить, что к среднему классу следует прежде всего отнести внеэлитный актив, дополненный верхними слоями массы. Именно эти люди находятся в зоне видимости для остальной массы и именно они задают остальному обществу стандарты поведения. Поэтому, чем больше численность среднего класса, тем шире база гегемонии текущей элиты в обществе.

Актив

Актив общества представляют собой люди, наделенные властью, и в основном лояльные существующим порядкам. Это ста-

новой хребет социума. Люди, которые организуют пространство вокруг себя, привносят в общество пассионарность. Именно актив нации выдвигает и согласовывает цели и стратегии как на уровне страны, так и на уровне отдельных общественных структур. Именно актив организовывает людей на работу по достижению поставленных целей. Интуитивно понятно, что чем более представителен актив, тем это лучше для общества[109].

Неотъемлемой частью актива является ***техноструктура*** — слой управленцев и специалистов-экспертов в крупных и средних корпорациях и государственных органах. Дж. Гэлбрейт[110] показал, что техноструктура является ключевым слоем современного западного общества, определяющим общественные цели и правила игры. В частности, воздействие техноструктуры выхолостило суть крупной частной собственности, отделив функцию распоряжения от функции владения, что привело к ее фактическому обобществлению. Тихой сапой максимизация прибыли как цель экономических агентов была заменена ростом масштабов бизнеса; и было также сделано много других аналогичных социальных изменений, кардинальным образом преобразовавших западный мир в рамках так называемой ***революции менеджеров***.

В идеале представители актива нации должны быть харизматическими лидерами, настроенными на развитие общества, которое включает в себя как улучшение положения страны в мире, так и улучшение жизни людей в самой стране. По крайней мере те из этих представителей, которые концентрируются в верхней части актива — в элите общества, ведь во многом социальная конкурентоспособность страны определяется именно что качеством ее элиты.

Традиционно актив (и особенно элита) рекрутировался из высших классов. Однако со временем, с развитием эгалитарных тенденций, актив стал набираться на основе всего общества. Институты отбора и воспитания актива и элиты (социальные лифты) являются важной составной частью социумов преуспевающих стран.

Масса

Основная масса народа представляет собой «молчаливое большинство» — термин, введенный французским социологом Ж. Бодрийаром[111]. Обычно это люди, лишенные лидерских качеств, лояльные существующим порядкам. Они вполне комфортно чувствуют себя «ведомыми» и являются строительным материалом всех общественных структур. Делегировав управленческие и политические функции активу, эти люди в основном концентрируют свой интерес на частной жизни, на семейных делах, на различных хобби. Они избегают политики, касаясь ее, может быть, только при выстраивании своей карьеры. Или в моменты крутых социальных перемен, когда элита допускает слишком высокие социальные напряжения и не может управиться с ними. Крайним случаем последнего являются революции.

Социальный коагулят — «малый народ»

Данная часть общества формируется из тех, кто принципиально не согласен с местом в социуме, которое определяется для них существующим активом. Причина конфликта этих людей с обществом заключается в том, что, не обладая требуемыми способностями, они предъявляют повышенные претензии по своему общественному положению. Отказ общественной системы в удовлетворении данных претензий и поддерживает механизм их коагуляции, то есть отторжения от общества и замыкания в своем узком кругу.

«***Коагулят***» — это термин, который я предлагаю ввести вместо известного понятия ***«малый народ»***, который появился в трудах французского историка О. Кошена, посвященных анализу предпосылок Великой французской революции 1789—1794 гг.[112] Этот термин был также использован И.Р. Шафаревичем для понимания событий советской истории[113]. На мой взгляд, термин «малый народ» неудачен для русского языка в силу своей ал-

люзии на этничность, возникающей из ассоциации с общеупотребительным «малые народы Севера», в то время как основная характеристика означаемой группы никак не связана с этничностью составляющих ее людей. Основное их выделяющее качество проявляется вследствие их отношения к доминирующей политической структуре общества, и оно обусловливает именно ценностное общественно-политическое самоотторжение группы, их самовыделение из основного тела общества. Потому и «коагулят».

Следует также отметить, что данная группа людей под названием «интеллектуалы» также присутствует в политико-экономической теории Й. Шумпетера[114]. Именно с ней Шумпетер связывает расцвет революционного марксизма и других негативных на его взгляд общественных тенденций. Шумпетер также сделал хороший очерк истории данного слоя[115].

Характерной чертой коагулята является его нелояльность существующим порядкам. При этом данное отрицание не ограничивается лишь существующим Политическим, а распространяется и на другие стороны жизни страны — на культуру, традиции, религию, и прочее. Эти люди четко выделяют себя из общества, претендуя на монопольное владение истиной. Их уверенность в собственной избранности обычно сопровождается сектообразованием и двойными стандартами. К тому же это обычно сторонники какого-либо большого утопического проекта всеобщего переустройства жизни общества, не склонные ни к каким компромиссам.

При этом следует отметить, что, как правило, представители коагулята творчески импотентны, с чем в основном и связана их объективная неинтегрируемость в актив в современных эгалитаристских условиях. Вследствие своих ограничений они редко изобретают что-то оригинальное, обычно заимствуя систему взглядов со стороны, из других культур. Однако именно в этом заключается положительная социально-политическая роль коагулята — в импорте новых идей общественного развития, а также критике, «пробе на зуб» существующих порядков.

Основной риск удовлетворения амбиций коагулята связан с их вмененным антигуманизмом. Во время общественных кризисов представители коагулята в случае получения власти показали себя склонными устраивать кровавую расправу как над «угнетателями» из бывшего актива общества, так и «их сообщниками» из народной массы.

Структура мировосприятия коагулята — философия постмодернизма

Для понимания мировосприятия коагулята неоценимым оказался приход в «малый народ» Франции и США ряда людей с высоким творческим потенциалом, которые создали так называемую философию постмодернизма. Нетрудно видеть, что данная философия отражает мир так, как он видится коагуляту. Здесь мы имеем борьбу с Властью и с управляемыми Властью интерпретациями смыслов (Фуко). Мы имеем также недовольство пассивностью «молчаливого большинства» (Бодрийар). Здесь же наличествует отстаивание общественной значимости ролей «сумасшедшего профессора» или «городского маргинала», которые решаются критиковать структуры общественного сознания. Здесь же интересно отметить абсолютное отторжение позитивизма и познаваемости мира, а также превознесения иррационализма как основного метода творческой рефлексии.

Вот как, например, видит своего героя — Нового Человека — А.И. Неклесса: «*...Люди новой культуры выходят за пределы социального и культурного контроля «над разумом и языком», за пределы религиозного патернализма, прежних форм метафизического, психологического программирования действий. Они расстаются не только с оболочкой обрядности и стереотипов, но и со всем прежним прочтением культурной традиции — реализуя метафизическую и практическую свободу выбора. Равно как свободу существования вне какого-либо определенного метафизического модуса, что позволяет произвольно толковать основы и цели бытия, проявляя*

свою истинную сущность, какой бы та ни оказалась // Человек-суверен, расстающийся с психологией подданного и гражданина, действующий, вкупе с порождаемыми им антропологическими констелляциями как транснациональный персонаж, как существо независимое по отношению к сложившимся структурам земной власти, — умножающийся и одновременно уникальный результат новейшей истории. Он становится самостоятельным влиятельным актором, деятельно формируя пространства общественной и ментальной картографии, очерчивая горизонты обновленного театра действий, который в одном из важнейших аспектов можно определить как власть без государства»[116].

Какова поэтика образа! «*Человек-суверен, расстающийся с психологией подданного и гражданина...*», «*существо независимое по отношению к сложившимся структурам земной власти...*», «*власть без государства*»... В данном герое трудно не увидеть гения-одиночку, ниспровергающего власть государства и корпораций...

Другой вариант можно рассмотреть на примере концепции самооправдания представителя коагулята, которая была хорошо представлена в статье Ричарда Рорти «*Постмодернистский буржуазный либерализм*»[117]. В начале статьи Рорти честно представляет свою позицию: «*Обвинения в социальной безответственности и пассивности, которые зачастую адресуются интеллигенции, в большинстве случаев имеют причиной известную склонность интеллектуалов дистанцироваться от социальных процессов, их стремление занять маргинальную, независимую позицию, как бы самоустраниться, выведя себя за рамки общества. Достигается это обыкновенно путем абстрагирования от целого (социума) и внутреннего отождествления с некоторой альтернативной целостностью — например, с другим государством или исторической эпохой, или с какой-либо тайной группой или общиной внутри данного исторического сообщества, к которым интеллектуал мыслит себя принадлежащим. ...Не совсем ясно, на каком основании данная позиция подвергается критике как "социально безответственная". Можно ли считать безответственным по отношению*

к сообществу человека, не желающего признавать себя его членом? Сомневаюсь, что это так».

Мы видим, что данное позиционирование автора в основных моментах совпадает с определением коагулята, представленным в данной работе. Оправдание подобного мироощущения Рорти находит в групповом моральном релятивизме: «*...Не существует объективных оснований для наших привязанностей и убеждений, за исключением того обстоятельства, что служащие им опорой верования, желания и настроения совпадают с верованиями, желаниями и настроениями многих других членов группы, с которой мы себя отождествляем по моральным и политическим соображениям — отождествляем, в большинстве случаев, по контрасту с иными группами или сообществами. Гегельянским аналогом "внутреннего человеческого достоинства" оказывается, таким образом, "коллективное достоинство" [comparative dignity] социальной группы, с которой человек себя идентифицирует...*» Однако Рорти не считает такой моральный релятивизм релятивизмом, а считает вполне приемлемым постмодернизмом, в обоснование чего приводит не очень понятное рассуждение, которое я здесь цитировать не буду. Желающие разобраться могут сходить по интернетовской ссылке, приведенной в библиографии, и прочитать последний абзац статьи Рорти.

Далее Рорти четко видит противоречивость общей схемы своего оправдания и выходит из данного противоречия, элегантным прыжком покидая собой же предложенную схему: «*...любой маргинализированный субъект — социальный "изгой", "неформал", "чужак-аутсайдер", ...т.е. всякий аномальный индивид, выпавший из привычной для него среды и подвергшийся остракизму, — в нормальном не-маргинальном кругу может считаться особью, лишенной какого-либо "человеческого достоинства". Это, в самом деле, естественный и логичный вывод, однако из него не следует, что с маргиналом "естественно и логично" обращаться как с экзотическим существом низшего уровня, как с животным. Поскольку, наоборот, в традициях нашего общества — принять и защитить изгнанника,*

лишенного чести и уважения, попытаться вернуть ему чувство достоинства, которое было у него кем-то отнято, сделать его "своим". На этот еврейский и христианский элемент в нашей традиции с благодарностью и надеждой уповают подобные мне атеисты...»

Здесь стоит восхититься интеллектуальной честностью автора. Обычно представители коагулята несут бремя своей избранности без видимых снаружи сомнений (см., например, выше поэтический образ маргинала, представленный Неклессой). Наверное, сказался общий эгалитаристский дух американского общества.

В статье прозвучал и другой интересный момент. Оказалось, что такая самоотделенность от социума гнетет философа; он ищет и находит «золотой век» Америки, а также тот самый момент раскола, момент «изгнания из рая»: «*... во времена Дьюи американская интеллигенция все еще верила в то, что Америка являет собой блистательный исторический пример, своего рода образец-эталон подражания для других народов (в смысле удачности социального эксперимента, полезности опыта), и потому проблемы адекватного самоотождествления перед интеллигенцией тогда не стояло. главной причиной утери этой гармонии стала война во Вьетнаме. На ее фоне часть американской интеллигенции полностью отошла от общественной жизни и, естественно, перестала отождествлять себя со своим сообществом*». При этом он почему-то забывает о леваках 40-х и 50-х, которых громила Комиссия по антиамериканской деятельности (то, что более известно под термином «маккартизм»), а также о других славных представителях «малого народа» Америки.

Взаимодействие социальных компонентов в развитых обществах.

В любом социуме общественный дискурс обычно определяется активом. Контроль над дискурсом является одним из методов управления обществом. В развитых обществах четкая граница между активом и массами отсутствует. Активные люди

из народа легко находят свое место в активе, интегрируясь в социальные верхи. Массы делегируют активу политические функции и занимаются частной жизнью. Коагулят поддерживается в ослабленном состоянии разными регулирующими механизмами и выполняет свою позитивную функцию по импорту новых идей и критике старых «богов»[118]. Сильное угнетение коагулята (опыт СССР) приводит к застою и загниванию общества, вплоть до такого состояния, что общественная система рушится под собственной тяжестью.

Если провести аналогию с физикой, то можно положить, что актив задает потенциальный рельеф, в котором эволюционирует общественная система, а коагулят обеспечивает флуктуации, «тряску» системы. В здоровом состоянии общества деятельность коагулята приводит лишь к мелкой вибрации, которая способствует гладкой эволюции общества через ряд устойчивых состояний. Если же по каким-то причинам потенциальные барьеры уменьшаются, то флуктуации уже могут выбросить систему за барьер и система окажется в состоянии длительного перехода к новому положению равновесия. Так происходят революции.

Социально-культурные универсалии: Власть, Справедливость и др.

Если отвлечься от догосударственной фазы развития социумов и сконцентрироваться лишь на развитии государств, то можно обнаружить некоторые инварианты, которые присутствуют в социальной истории всех подобных объектов. Рассмотрим в данном разделе некоторые примеры подобных социальных универсалий.

Для того, чтобы выбрать исходный пункт обсуждения, давайте вспомним, что общественные структуры через свою иерархию прежде всего конституируют социальное неравенство людей, что немедленно приводит нас к вопросам власти и справедливости.

Власть[119]

Власть — это способность человека или организации изменять поведение других людей или организаций в соответствии со своими желаниями. Желание, выраженное в рамках власти, называется ***волей***. Коррекция своего поведения в соответствии с выраженной сторонней волей называется ***подчинением***. Ассоциация власти с неким актором (***господство***) неотделима от признания данного отношения другими акторами рассматриваемого сообщества. Признанная сообществом власть является ***легитимной*** властью.

Общепринятой в настоящее время является классификация власти, разработанная Вебером. Вебер выделил следующие три типа господства: ***легальный***, ***харизматический***, ***традиционный***. «*В основе **легального** типа господства (к которому относятся современные западные государства) лежит целерациональное действие и мотивом признания власти служит соображение интереса; для этого типа характерны примат формально-правового начала и развитие бюрократии. **Харизматический** тип господства (харизма — экстраординарные личные способности лидера — героя, полководца, основателя религии и т.п.) основан на аффективном типе социального действия. Базой **традиционного** типа господства, для которого характерны вера в священность существующих властных порядков и патриархальность внутригосударственных связей, является привычка к определенному поведению*»[120]. (Выделение мое. — *П.К.*)

Еще одну классификацию, отражающую инструментальный взгляд на власть, можно получить при рассмотрении мотивов подчинения. В этом плане имеет смысл сразу же выделить бессознательное подчинение, подчинение «по умолчанию». Это когда человек просто не знает, что можно вести себя как-то иначе, не подчиняясь чему-либо или кому-либо. Будем называть власть, опирающуюся на такое подчинение, ***дефолтной***[121] ***властью***. Альтернативой бессознательному подчинению является подчинение в виде сознательного акта, когда люди/структуры

выбирают такую линию поведения по каким-то причинам. Например, из страха. В этом случае имеем ***насильственную власть***. Затем подчинение может быть следствием конформности[122] человека, что дает нам ***доксическую***[123] ***власть***. И наконец, подчинение может быть добровольным, либо на основе договора, либо просто вследствие признания чужого авторитета (что, впрочем, тоже подразумевает наличие договора в какой-то форме). Получаем ***делиберативную***[124] ***власть***.

Исторически особо выделена насильственная власть, поскольку она долгое время была основой социального структурообразования и к тому же приносила наибольшие страдания людям. При этом ***насилием*** обычно называется действие (возможно неудачное) по установлению насильственного властного отношения (пусть даже временного).

Следующей по времени распознания исследователями оказалась ***делиберация***. Это когда акторы договариваются между собой о какой-то совместной активности, согласовывают свои интересы, распределяют между собой роли, и это сопровождается заключением соответствующего соглашения/договора, которому они обязываются следовать впредь. Обычно в таком договоре также оговаривается форма и пределы властного отношения, устанавливаемого между ними.

В конце XX столетия под воздействием работ М. Фуко обществоведы стали выделять и рассматривать доксическую и дефолтную власти, хотя сила доксической власти (власти общественного мнения) была известна людям и ранее. В частности, она активно использовалась правителями для своей легитимации. Именно на ней и на дефолтной власти основано то, что А. Грамши назвал гегемонией[125] правящего класса, т.е. согласием подчиняющихся масс с порядками, установленными в государстве. Заметим, что гегемония является неотъемлемым свойством развитого государства Современности.

Власть — это достаточно сложное понятие, которое имеет свои проекции не только на предметное поле социологии, но и на то, чем обычно занимается психология и даже биология.

В принципе какой-то аналог понятия власти появляется уже в ***альфа-омега модели*** поведения социальных животных[126]. Было определено, что в сообществах таких животных и птиц устанавливается иерархия, основанная на механизме индивидуального доминирования в парных столкновениях. Другими словами, социальный статус особи в рамках иерархии доминирования является результатом «побед» в индивидуальных конфликтах, приводящим к установлению парных отношений доминирования одной особи над другой. *«Иерархии доминирования возникают в группах живых организмов, чтобы минимизировать агрессию между конкурирующими за ограниченные ресурсы особями. Так как высокий социальный ранг автоматически дает доступ ко всем доступным ресурсам, естественный отбор благоприятствовал тенденциям борьбы за повышение социального статуса. А у приматов в ходе эволюции возник и высокий уровень социального интеллекта, способствующий этому продвижению вверх»*[127].

Наличие иерархий доминирования было обнаружено и в человеческих сообществах: *«Исследования на основе этологических наблюдений за детьми дошкольного возраста, подростками и за взрослыми заключенными доказали, что люди (подобно другим приматам) формируют стабильные иерархии (Austin & Bates, 1974; Savin-Williams, 1976; Strayer, 1975). Эти иерархии возникали с учетом исходов столкновений между членами группы. Было установлено, что не просто происходило формирование такой структуры, но доминирующая личность получала приоритетный доступ к любым доступным благам. Очевидно, что исследование концепции доминирования содержит подсказки для понимания социального поведения и мышления человека»*[128]. Однако оказалось, что даже в примитивных социумах это не является единственной моделью социального устройства. *«Современные охотники и собиратели — не идеальная модель наших предков из плейстоцена. Тем не менее они — значительно более адекватная модель, чем современные сообщества людей, использующие технику, или даже чем земледельцы и скотоводы, так как подразумевается, что в плейстоцене не существовало ничего подобного. В таких группах*

собирателей и охотников общество в основе своей равноправно. Другими словами, нет четкой структуры доминирования (Erdal & Whiten, 1994). В этих сообществах к мнению лучших охотников прислушиваются, планируя коллективную охоту. Но если эти лидеры попытаются установить личное доминирование, остальные члены группы быстро "осадят" их. То же самое происходит при разделе пищи. Если кто-то попытается забрать все себе, остальные члены сообщества сразу же выступят против него. Основной принцип в этих группах — "никто не должен получить больше, чем я". ...Собственнические интересы проявляются и в таких "равноправных" группах. Имеющие излишек мяса иногда пытаются избежать дележа, а не имеющие мяса порой делают попытки украсть его (Turnbull, 1965). Для описания такой сложной системы дележа пищи Эрдал и Вайтен (Erdal & Whiten, 1994) предложили термин "бдительный дележ". Члены группы хотят получить достаточно для себя и в то же время быть уверенными, что никто не получит больше, чем они»[129].

На основе данных, приведенных в последней цитате, можно сделать заключение, что развитие второй сигнальной системы[130] у человека среди прочего привело к постановке и решению задачи компенсации биологического механизма «свободы установления» отношений доминирования в сообществе[131]. Можно предположить, что ограничение данной «свободы» произошло в результате развития чувства солидарности — группа бета-особей совместно наказывает зарвавшуюся альфа-особь, которая ущемляет интересы каждой из бета по отдельности. Очевидно, что такой механизм возможен лишь на основе развития практик делиберативного согласования интересов[132], а также всего того, что впоследствии будет обобщено термином ***справедливость*** (см. следующий подраздел).

Мы видим, что развитие разума внесло существенные коррективы в поведение людей, в значительной степени компенсируя обусловленную биологией мотивацию. Человеческие иерархии можно считать иерархиями доминирования лишь условно, поскольку любой властитель ограничен в своих возможностях

социальными механизмами компенсации его властных устремлений, имеющих обычно институциональную природу. Примеры таких ограничителей власти можно найти в традиции (король — лишь первый среди равных, бароны имеют право на войну, подданные имеют право восстания против несправедливости), законодательстве (правила наследования титулов, Великая хартия вольностей), религии (король — лишь исполнитель Божьей воли, и должен править справедливо, следуя Божьим установлениям и законам королевства, уважая обычаи и привилегии подданных, защищая вдов и сирот, наказывая злодеев). Отмеченное ***ограничение власти*** тесно связано с ее ***легитимацией*** — подданные признают господство властителя, обусловив свое подчинение уважением последнего к имеющимся общественным институтам.

По мере развития общества произошел переход от доминирования ***персонализированного*** способа легитимации власти к доминированию ***институционального*** способа. В рамках персонализированной власти ставится и каким-то образом разрешается вопрос: «Кто должен править?» То есть властью наделяется конкретный человек или организация, и это обычно харизматический или традиционный тип власти. В рамках институционального подхода создаются властные структуры, уравновешивающие друг друга, и эти структуры заполняются людьми по каким-то конкретным правилам. В институциональной системе властью обладает не человек сам по себе, а человек, занимающий определенный пост, то есть фактически реализуется легальный тип господства. При создании такой системы правления обычно обращается особое внимание на то, чтобы ущерб от любой кадровой ошибки заполнения какого-либо поста был бы минимальным. Таким образом, развитие и усложнение социума привело к тому, что легальный тип господства, реализуемый через бюрократические структуры, занял главенствующее положение в человеческом обществе, вытеснив все остальные типы власти на периферию общественной жизни. Причем достигнутый уровень социальной сложности периода Модерна

сделал рациональным «раскрытие» элиты/актива и переход к эгалитарным общественным практикам, целью которых является использование для общественного развития всех людей, обладающих управленческими способностями.

Интересный пласт знания поднимается вопросами — а кто, собственно говоря, стремится к участию в борьбе за место во властных структурах? Нет ли у этих людей каких-либо общих черт в психике? Откуда берется «жажда» власти у человека?

Материал, представленный выше, позволяет выделить первый источник стремления к власти, связанный с биологией. Оказалось, что биохимические балансы в организмах высокостатусных и низкостатусных особей в иерархиях доминирования существенно различаются[133]. Повышенное содержание в организме таких веществ, как серотонин и тестостерон, стимулирует активность особей в борьбе за повышение своего социального статуса.

Другой источник стремления людей к власти был предложен Г. Лассуэллом, который предложил рассматривать «жажду» власти с точки зрения психологической компенсации за низкую самооценку[134]. *«В порядке компенсации политический лидер старается найти себе сферу деятельности, в которой он может продемонстрировать свою компетенцию и достоинство. Важность таких процессов для лиц, страдающих от низкой самооценки, очевидна. Достижение компенсации в данной сфере деятельности, в ряде случаев, однако, узкой и специализированной, создает для личности «поле», в котором политический лидер функционирует достаточно продуктивно и автономно (это «поле» свободно от вмешательства других), возможно агрессивно и самонадеянно, для достижения личностного равновесия // Процесс создания сферы компетентности отличается тенденцией к сдвигу от одного полюса субъективных чувств к другому — то есть от отсутствия уверенности в себе к высокой самооценке и самоуверенности в своих действиях. <...>*

А. Джордж в одной из своих работ продолжил линию рассуждения Г. Лассуэлла о стремлении к власти как компенсации низкой самооценки. Он детально рассмотрел возможную структуру низкой самооценки и считает, что низкую самооценку могут составлять пять субъективных негативных чувств в отношении себя в различных их комбинациях:

1) чувство собственной неважности, незначительности;
2) чувство моральной неполноценности;
3) чувство слабости;
4) чувство посредственности;
5) чувство интеллектуальной неадекватности»[135].

При этом реализация себя в своем поле компетенции позволяет скомпенсировать указанные негативные чувства через положительные: чувство собственной уникальности (для 1), чувство превосходства над другими (для 2), чувство приобщения к высшим силам (для 3), чувство принадлежности высшему классу (для 4), чувство превосходства в своей зоне компетенции (для 5).

Еще один источник личностного стремления к власти предложил Д. Винтер, введя в рассмотрение потребность *«... политического лидера в достижении. Потребность в достижении проявляется в заботе о совершенстве, мастерстве, поведении, направленном на достижение. Обычно потребность в достижении хорошо видна в предпринимательском поведении, когда бизнесмен склонен к умеренному риску, модифицирует свое поведение в зависимости от обстоятельств, использует советы экспертов. Это поведение предпринимателей является инструментальным для достижения успеха в мире бизнеса»*[136]. Потребность в достижении заставляет человека брать на себя ответственность за какое-то дело и добиваться успеха, руководя процессом движения к поставленным целям. При этом приходится маневрировать, договариваться, мотивировать, инструктировать, наказывать, устрашать принимать решения, в общем, делать всю ту работу, которую обычно исполняют лица, наделенные властью.

Справедливость

Справедливость — это «*понятие о должном, соответствующее определенным представлениям о сущности человека и его не-*

*отъемлемых правах. С. (*справедливость. *— П.К.) — категория морально-правового, а также социально-политического сознания. Так, понятие С. содержит в себе требование соответствия между практической ролью различных индивидов (социальных групп) в жизни общества и их социальным положением, между их правами и обязанностями, между деянием и воздаянием, трудом и вознаграждением, преступлением и наказанием, заслугами людей и их общественным признанием. Несоответствие в этих соотношениях оценивается как несправедливость»*[137].

По своей сути справедливость есть характеристика качества управления неравенством в обществе, организации, группе. Конкретное наполнение данной характеристики зависит от морально-этических ценностей, доминирующих на данный момент в социуме, и соответственно представления людей о справедливости обычно меняются со временем. Как это уже отмечалось в предыдущем подразделе, понятие справедливости обобщает ту часть содержимого общественных институтов, которая компенсирует антисоциальное воздействие власти. И действительно, несправедливость может быть сотворена только в рамках властного действия. Дальнейший анализ *иного справедливости* приводит еще к одному замечательному свойству данной категории — понимание важности справедливости дается человеку через ее, справедливости, недостаток. То есть фактически мы имеем понятие, обладающее свойством ресурса. При такой трактовке (***справедливость — это потребляемый человеком ресурс, который вырабатывается окружающим его обществом***) справедливость становится для людей мерой качества социальной ткани, в которую они погружены. При этом переход от человека к обществу допускает несколько легко формализуемых обобщений данного понятия. Практически можно различить (1) индивидуальное восприятие человеком качества данного ресурса в каждой конкретной ситуации, (2) интегральное восприятие человеком качества данного ресурса по отношению к разным социальным полям общества, (3) интегральное восприятие качества данного ресурса в каждом социальном поле всеми его агентами.

Политическое

Представление общества в виде множества взаимодействующих социальных структур/организаций позволяет достаточно четко обозначить область ***Политического*** в социуме.

Политика, это вид общественной деятельности, который определяет:

— положение людей в иерархии общественных структур, взаимодействие людей и частей организации между собой;

— цели общественных структур, и способы достижения этих целей;

— взаимодействие общественных структур между собой и со структурами других Обществ.

При таком определении политики активность людей, связанная с государственными структурами, оказывается только частью политической активности. При этом взаимодействие политиков с электоратом в рамках демократической системы фактически представляет собой борьбу претендентов за выборные государственные посты, то есть за их положение в государственных структурах. В дополнение к окологосударственной сфере данное определение также включает в себя и то, что каждый из нас интуитивно понимает под действием «заниматься политикой» в обыденном плане: выстраивание взаимоотношений с людьми и организациями, доведение нужной информации до нужных людей и т.д.

Особый интерес у исследователей обычно вызывает часть Политического, связанная с государственной властью. Такое сужение данной категории может быть правомерным в краткосрочном плане, однако в долгосрочном плане оно теряет свою целостность из-за недоучета некоторых существенных факторов. В качестве примера в этом плане можно привести следующее: государственная управленческая культура обычно обновляется гуманитарными технологиями, которые бывают изобретены и апробированы в бизнес-организациях, так что сужение понимания Политического только на государство может привести к не-

точностям из-за недоучета перспективных новинок из области бизнеса.

Государство

Государство представляет собой специально выделенное множество социальных структур, выполняющих определенный набор общественных функций. При этом часть функций официально монополизирована государством, и другие организации не могут выполнять эти функции. Обычно это функции, связанные с осуществлением прямого насилия (военное дело, гарантия соблюдения законов, работа с преступлениями и преступниками), с правосудием высших инстанций, с принятием целей, стратегии и методов общественного развития, с поддержанием общественной инфраструктуры. В ведении государства находятся также вопросы экономического регулирования, по меньшей мере эмиссия денег и обеспечение контрактной дисциплины.

Другие функции (например, охрана общественного порядка, вывоз мусора) могут выполняться как государством, так и негосударственными структурами, и каждое общество выбирает для себя наиболее удобное распределение данных функций по исполняющим агентам. Одна крайняя точка в представлении такого распределении задается обществами так называемого реального социализма, когда было осуществлено практически полное огосударствление всех общественных функций. Другая точка, которая определяет вмененное ядро государственных функций, практически неотделимых от государства, задается реалиями государств с доминированием либертарианской и/или анархистской идеологии. Однако ни одному такому государству пока еще не удалось избавиться от функций, перечисленных в предыдущем абзаце.

Государство всегда тесно ассоциировано с территорией — государств без контролируемых ими территорий не бывает. При этом обычно государственный контроль над территорией главным образом направлен на создание адекватных условий для воспроизводства соответствующего общества. Общество в связи с занимаемой территорией обычно называют страной. Напомню, что в рамках развиваемой концепции общество значительно шире государства — обычно это государство плюс многие другие социальные структуры, как экономические, так и всякие другие. При этом существует подход, когда от государства отделяются структуры местной власти. Правда в последнем случае возникает новый объединяющий термин — публичные службы, или публичная сфера, что делает для целей моего рассмотрения такое отделение избыточным. Я буду использовать в дальнейшем данные общие термины в качестве синонимов слова «государство».

В плане генезиса государственных образований западная политология обычно опирается на линейную схему Салинза-Сервиса: band — tribe — chiefdom — state[138]. Однако в той же статье убедительно показано, что однолинейное представление эволюции реальных социальных систем неадекватно. По сути же каждая социальная система является смесью практик вождизма и делиберативного согласования интересов, причем пропорции соответствующих «замесов» обычно слабо связаны с факторами, определяющими эволюцию[139].

И тем не менее в разнообразнейших формах государственности времен «зари человечества» (да и более поздних времен тоже) можно увидеть некие общие черты, которые системно представляют некий социальный архетип. Во-первых, в ранних государственных образованиях четко вычленяется то, что можно назвать его «центральным местом». Данное центральное место осуществляется не только географически, но и символически. В символьном пространстве центральное место государства обычно выступает в виде некоего набора сакральных символов сообщества, часто связанных с его богами и определяющих его коллективную идентичность. Сакральное чувство к данному центральному месту является одним из главных видов связи между государством и человеком, и оно же объединяет людей со-

общества между собой. Данная сакральная связь дополнительно материализуется в том, что каждый взрослый индивид должен периодически передавать богам своего сообщества определенное количество продуктов — плодов усилий рук своих. Так образуется имущественный комплекс государства/общества, обслуживающий общественные нужды.

Важным для данного архетипа является то, что элита сообщества социально и символически позиционирует себя именно рядом с центральным местом, чуть в стороне от него. Она выступает всего лишь в качестве служителей богов (а отнюдь не их заместителей, как это станет характерным для европейских сообществ позднее). Служа богам (и обществу), элита осуществляет руководство государством и его имущественным комплексом «по справедливости» в интересах всех членов сообщества.

Данный социальный архетип хорошо виден на примере самых древних государственных образований Востока — городов-государств шумеров, Вавилона и т.д. То есть во всем том, что потом было объединено под общим названием «азиатский способ производства»[140]. Что нетривиально, но та же структура социума просматривается и вокруг раннесредневековых замков и аббатств Европы. Более того, данный архетип проявляется и в развитых современных государствах. Например, в США роль подобного центрального места играют такие символы, как Америка и/или демократия, во Франции — республика. В СССР таковыми были КПСС и советское государство. И т.д.

В формировании данного архетипа можно предположить участие образов структуры улья или муравейника, впечатливших сознание людей на ранних стадиях его развития и задавших социальные стандарты обустройства стационарных поселений — ведь у стай приматов ничего похожего ни на центральное место, ни на особенности организации взаимодействий особей вокруг него не просматривается.

Интересно отметить, что следующий шаг социальной эволюции, особенно в Европе, был связан с «приватизацией» центрального места общества элитой и соответствующим самоот-

рывом элиты от общества. Многие государства превратились в корпорации знати, эксплуатировавшие поставленные под контроль территории[141]. Население, объединенное в местные самоуправляемые сообщества (обычно вокруг неких «клонов»-копий прежних центральных мест — видимо, этим и обусловлено архетипическое желание европейских исследователей отделять местную власть от государственной), обязано было содержать одного из членов управляющей корпорации (сюзерена), который претендовал на то, чтобы быть неотделимым от центрального места управляемого сообщества. Управляя присвоенным себе имущественным комплексом сообщества, локальный сюзерен передавал определенную долю ресурсных поступлений вверх по иерархии и т.д. При этом само население было полностью исключено из государственной политики, и даже вопрос о том, кто будет тем самым благодетелем, которого люди должны будут содержать в своем центральном месте, как правило, решался уже без их участия.

На уровне идентичности знать четко отделяла себя от низов, и часто это отделение поддерживалось специальными мерами: другим языком, другой культурой, специальным мифом о качественном отличии человеческого материала. При этом знать относительно свободно могла мигрировать между разными управляющими корпорациями — государствами, обслуживая династические интересы суверенов территориальных агломераций.

Население было объединено в местные сообщества вокруг своих локальных центральных мест, которые имели свои традиционно сложившиеся права и обычаи, регулировавшие их жизнь. Каждый новый сюзерен при вступлении в права управления территорией обычно подтверждал данные права и обычаи и обязывался следовать им в относящейся к нему части. То есть традиционные государства обычно представляли собой сильно гетерогенные территориальные образования как в правовом, так и культурном смыслах. При этом различия в правовых отношениях наблюдались как территориально, так и в социальном

измерении — разные группы населения могли иметь свои привилегии во взаимоотношениях со своими сюзереном и сувереном. В свою очередь отношения территориальных сообществ с центром, который формировался вокруг суверена, могли быть относительно однородными (все провинции королевства примерно равны в правовом отношении) или выстроенными иерархически (некоторые территории находятся в более привилегированном положении, чем другие).

Интересно проявлялось взаимодействие богов центральных мест разных сообществ. При подчинении одного сообщества другому локальные боги первого входили в пантеон второго на подчиненных ролях. Таким образом на объединенной под одним управлением территории возникала иерархия богов с отнесением самого старшего бога к суверену. Данная закономерность сохранилась в Европе и после распространения христианства, когда роль местных богов стали играть локальные святые.

Очевидно, что с ростом численности населения на контролируемых территориях мощь государства тоже росла. И самые мощные государственные образования исторически стали называть себя ***империями***[142]. В таких государствах примерно одинаково разрешалась проблема введения иерархии территорий, которая возникала при возрастании сложности управляемого социума по мере роста мощи государства. Правители в этом случае обычно переставали удерживать однородность отношений с провинциями и начинали давать различного рода преференции некоторым из них. Так выделялись области, которые со временем становились «ядром» империи (метрополией). Именно метрополия обычно обеспечивала кадры для имперской администрации, она же получала выгоды от администрирования налогов и от установленного властями неэквивалентного экономического обмена.

В западной истории выделяют империи двух типов — морские (Великобритания, Франция, Испания, Голландия, Бельгия) и континентальные (империи Габсбургов и Романовых, Османская империя). В морских империях метрополии были

географически отделены от колоний, а континентальные империи образовывали единый территориальный массив[143].

Следует отметить, что традиционные государства существенно отличались от современных по своим основным характеристикам, в частности, по обеспечению суверенитета и легитимации верховной власти. Очерк наиболее важных в этом плане характеристик и их изменения во времени представлен в следующем подразделе.

Усложнение социальной жизни по мере развития государств вызвало спрос на образованных людей для низшего управленческого звена, что создало предпосылки для запуска национальных проектов Современности. Замечу[144], что нация — это по сути своей политическая метаидентичность социума самого верхнего уровня, или, другими словами, политическая ипостась народа страны, формирование которой сопровождается втягиванием незнатных людей (низовых слоев общества) в государственную политику и государственное управление. Данный процесс обычно сопровождается десакрализацией элиты в сознании общества и разрушением представления о непроходимости элитной границы. Элита в целях своей легитимации на новых началах вынуждается покинуть центральное место государства и «встать» чуть в стороне от него. Сакральные символы государства и общества «очищаются» от их привязок к конкретным людям. В целом же происходит приближение системной структуры государства к описанному выше социальному архетипу.

Понятие нации также тесно связано с концепцией общественного договора и с идеями деконцентрации власти и ее ответственности (см., в частности, следующий подраздел).

Первые проекты формирования современных наций были запущены условиями социальной дискриминации[145]. Основными вовлеченными акторами были французское третье сословие, которое жестко эксплуатировалось знатью Старого режима, и американские колонии Великобритании и Испании, жители которых сильно дискриминировались метрополиями. Новые

мобилизационные возможности соответствующих сообществ, открывшиеся вследствие распространения национальной идентичности среди людей и приведшие к сокрушению армий традиционных государств, привлекли к себе внимание сильных умов того времени. Первая теория наций была построена в рамках интеллектуального течения германского романтизма. Наиболее продвинутые европейские государства начали свои национальные проекты, гомогенизируя подконтрольные территории. Основные структуры по внедрению национальной идентичности в массы представляли собой школы (всеобщее начальное образование), армия (всеобщий воинский призыв) и СМИ. Роль национальной культуры стала играть элитарная культура предшествующего периода, которая сильно потеснила соответствующие народные культуры. Сформированный в рамках данной культуры язык стал доминирующим в жизни населения соответствующего государства.

В европейских империях развитие национальных проектов метрополий отнюдь не приводило к уменьшению дискриминации и эксплуатации колоний. На том этапе социального развития никто не собирался включать жителей колоний в имперскую нацию — им отводилась роль низшего социального слоя империи. Для усиления оппозиции метрополия — имперская периферия в Европе были созданы и получили широкое распространение различного рода расистские концепции, как позитивные (цивилизаторская миссия белого человека), так и негативные (различной степени недочеловеки окраин цивилизованного мира). При этом дискриминация населения окраин порождала новые национальные проекты, приводившие к борьбе людей периферии против имперского гнета, и в конечном итоге рост подобных напряжений привел к распаду империй — деколонизации мира. Так что в настоящее время мировой нормой является именно национальное государство[146].

Здесь следует также отметить, что на ранних исторических стадиях развития категориального аппарата обществоведения государство отождествлялось с обществом в целом. И лишь с

возникновением Современности произошло вычленение понятия «гражданское общество», отражающего нечто в социуме, связанное с политикой, но не совпадающее с государством[147].

Для целей моего исследования можно отвлечься от досовременных фаз развития социумов и опереться на положение о том, что государство в какой-то своей форме является неотъемлемой частью общества.

Суверенитет

Понятие государства неотделимо от понятия ***государственного суверенитета***[148] — характеристики полноты верховной власти в государстве, а также способов ее передачи от одних лиц к другим.

Само понятие «суверенитет» возникло в Западной Европе в средние века, характеризуя суть властных отношений в цепочках «вассал—сюзерен», которые в рамках определенной территории замыкались «сверху» на фигуре суверена — верховного властителя. При этом временем возникновения данного понятия следует, по-видимому, считать период «ухода» европейских сообществ в своей самоорганизации от архетипической структуры, описанной в предыдущем подразделе. Данный период был характерен активным захватом и последующей «приватизацией» центральных мест локальных сообществ людей знатью. Так первичным источником суверенитета явилось право завоевания. Если группе вооруженных людей удавалось установить свою власть на какой-то территории, победив других претендентов или просто подчинив мирных тружеников, то право вождя группы на поборы с населения (дань) было неоспоримым. Понятно, что непредсказуемость результатов войны культивировала удачу и основной символ удачи — победу в качестве естественного знака благоволения богов, и таким образом божья воля выступала в качестве единственного источника суверенитета, реализуя себя через успех в завоевании территорий[149].

Однако существование таких ранних государственных образований было очень зыбким. Ему угрожали и соседние вожди со своими отрядами, стремившиеся увеличить свои зоны контроля, и восстания жителей-тружеников, не понимавших своего счастья быть в подчинении у завоевателей, и перераспределения ролей в самой вооруженной группе. Последнее, в частности, могло произойти, когда вождь по каким-то причинам терял контроль над ситуацией и допускал появление сильного конкурента, или просто умирал.

Взаимодействие людей в вооруженных отрядах было сильно персонализировано личной преданностью бойцов вождю в качестве основной человеческой благодетели. При этом обычно «кормление» подчиненных в ранних государствах осуществлялось вождями через передачу им захваченных ресурсов (в то время главным образом земель) в ничем не оговоренное распоряжение. Однако скоро стала очевидной непродуктивность такого подхода: некоторые подчиненные умудрялись со временем сконцентрировать в своих руках ресурсы, превышающие ресурсы вождя, что позволяло им устраивать маленькое внутреннее завоевание. К сожалению, в истории не осталось имени того гения, который догадался заменить такое ничем не ограниченное право собственности на землю правом распоряжения землей с отягощением каждого участка определенным перечнем услуг. Так личная уния «вассал—сюзерен» была усилена подведением материальной базы в виде феода — при отсутствии оказания оговоренных при пожаловании феода услуг феод у вассала (или у его наследников) мог быть изъят. Человеческое общество при этом структурировалось в виде пирамиды: каждый человек был обязан иметь сюзерена. Проблема верховного правителя была разрешена в рамках христианской религии — верховный суверенитет жаловался достойному Богом через процедуру помазания[150].

Другая проблема — возникновение смут при смене вождя — была разрешена через установление принципа наследования (изначально это были выборы или силовой захват власти внутри

группы). Приоритет права наследования над правом завоевания утверждался в течение нескольких столетий, причем для этого сначала активно использовался институт «со-правления»[151]. То есть ввиду неочевидности права наследования для баронов королевства, которые зачастую отстаивали свое право считать короля лишь «первым среди равных», король делал сына-наследника своим соправителем, проводя его через процедуру помазания будучи еще в силах, т.е. при своей жизни. В подобной борьбе сформировались и закрепились монархические принципы, четко определявшие источник верховного суверенитета в государстве в виде Бога, который наделял суверенитетом монарха при его (монарха) помазании на царство.

Следующий этап развития данной категории явилась конкуренция между универсалистскими и «местечковыми» подходами к определению верховного суверенитета. Универсалистский принцип базировался на монотеизме христианской религии, служившем основой для идеи единственности верховного суверена для всех людей. При этом на роль такого единственного правителя претендовали как церковная власть в лице римского папы, так и светская власть в лице императора. Результатом исторических процессов, закрученных напряжениями в многоугольнике папа — император — европейские короли и прочие акторы, стала Вестфальская система, успешно похоронившая универсализм. Было признано равенство суверенитетов нескольких имевшихся традиционных государственных образований, и вся территория Европы была поделена между ними. При этом государства в лице их верховных правителей получили право полностью определять все вопросы жизни людей на подчиненной территории, включая исповедуемую религию (чья власть — того и вера). Большинство признанных в Европе государств были наследственными монархиями. Однако следует отметить, что в числе европейских государств Вестфальской системы были также другие режимы. Например, были выборные монархии, среди которых особое место занимает Римско-Католическая церковь. Было также несколько республик — сообществ, не допустивших

полной приватизации их центрального места и сохранивших верность в своем устройстве изначальному социальному архетипу (см. предыдущий подраздел).

Еще одно направление политической мысли Европы возникло из борьбы подчиненных социальных слоев государства против произвола власть имущих. В этой борьбе возникли и/или укрепились такие важные политические идеи, как законодательство, независимое судопроизводство, представительская власть. Важным этапом данной струи политической мысли стало возникновение концепции общественного договора[152], которая по сути своей представляла обоснование «освобождения» центрального места государства от суверена. В рамках данной концепции властные институты государства объявлялись результатом божьей воли, являвшей себя в виде компромисса основных политических акторов. Дальнейшее развитие данной концепции, естественно, ввело в оборот понятие нации — сообщества тех самых политических акторов государства, определяющих параметры общественного договора на контролируемой территории. При этом появилась новая трактовка источника суверенитета — источником суверенитета государства продолжал оставаться Бог, но действовал он уже не напрямую через монарха, а являл свою волю подданным государства через его, государства, нацию. Так появился и оформился тренд на возврат центрального места государства и общества народу, что и определило последующую историю Европы и мира.

И действительно, обозначенные выше две идеи об источнике суверенитета в государствах не могли не схлестнуться между собой, что и определило последующее развитие данного понятия. При этом основное направление такого развития определялось переходом доминирования в умах людей от монархического принципа к национальному. Успех Голландии (закрепленный, кстати, Вестфальским договором), проба пера в Англии, образование США и, наконец, Великая французская революция четко показали главный тренд эпохи. Нация окончательно становилась основным источником легитимности государственного суверенитета, оставляя чисто монархический принцип историческим динозаврам. При этом монархи поумнее также оседлали национальный принцип и поставили его себе на службу. На национальной основе произошло объединение Германии (вокруг Пруссии) и Италии (вокруг Савойи) с созданием вполне современных монархий, на национальной основе развивались монархии и республики Франции, монархия Великобритании, скандинавские монархии.

Таким образом, период Современности характеризуется становлением национального принципа суверенитета в качестве общепринятого. Связанное с этим принципом понятие нации будет рассмотрено более подробно в следующей главе (см. раздел «Национальная модель государства» главы 3).

Экономика

Еще одна важная общественная подсистема связана с ресурсообеспечением социума. Это ***экономика***[153]. Экономические структуры не только обеспечивают жизнедеятельность общества, но и являются основным потребителем активности его членов. При этом даже не занятые непосредственно в экономике люди все равно вовлечены в экономический оборот: они покупают продукты, одежду, другие предметы и услуги, в которых имеют нужду. Они платят налоги.

Для целей данной книги имеет смысл не выводить за скобку аспект «включенности» экономики в более широкий социальный контекст общества, как это обычно принято при презентации экономических теорий. Действительно, экономическая деятельность осуществляется людьми, поведение которых определяется их воспитанием, обучением и другими видами социализации. Правила ведения сделок регламентируются социальными институтами, произрастающими из культуры общества. Соблюдение данных правил обеспечивается государством, структуры которого в настоящее время общепринято держать в стороне от экономической деятельности. Если взять экономи-

ческие структуры, то они обычно представляют собой иерархически структурированные группы людей со строгой регламентацией каждого, несущие в себе все особенности поведения людей в таких группах. И т.д. и т.п.

Одним из подходов к организации общественного устройства, который по разным причинам находится в центре общественного внимания, является случай, когда экономическая сфера общества делается несколько автономной по отношению к его государственной сфере. При этом постулируется, что государство должно являться внешним структурообразующим фактором для экономики, ответственным за установление/поддержание правил игры, за разрешение споров, за развитие общественной инфраструктуры и далее по списку. Список же относимых к ведению государства в том числе и экономических дел обычно существенно различается при переходе от страны к стране даже в случае стран, исповедующих данный подход. А в более общем случае такой автономией пренебрегают, и очень часто общество основывается именно на сильном переплетении государственных и экономических структур и функций между собой.

Экономика может обеспечить альтернативный рост общественной влиятельности человека, никак не связанный с государственной сферой, поэтому экономическая деятельность всегда привлекала активных людей, по разным причинам отлученных от участия в большой политике. Меньшая же степень сакрализации экономической сферы общества (по сравнению с его политической сферой) при одновременной концентрации в ней продвинутых людей обеспечила условия для ее рационализации и развития соответствующей теоретической мысли. Экономика в настоящее время является самой обустроенной в плане рациональности частью социального бытия, а экономическая теория представляет собой одну из наиболее развитых частей гуманитарного знания вообще и обществоведения в частности. Начало современной экономической теории положили так называемые классики А. Смит, Т. Мальтус, Д. Ри-

кардо, Ж.-Б. Сэй, Дж.С. Милль и др., которым во 2-й половине XIX века наследовали и основатель научного социализма К. Маркс, и создатели неоклассической теории — так называемые марджиналисты (К. Менгер, С. Джевонс, Л. Вальрас и др.). Им оппонировали представители исторической школы политэкономии (Ф. Лист, В. Рошер, К. Книс и др.). При этом можно отметить интересный факт: до маржиналистской революции (последняя треть XIX века) теоретические работы, касавшиеся осмысления экономических сторон деятельности, не рассматривались отдельно от вопросов политики, и это отражалось даже в названии научной дисциплины — политическая экономия. И лишь в начале XX века по результатам работы А. Маршалла, завершившем проработку основ неоклассической экономической теории, экономическую науку стали называть просто экономикой.

Впоследствии недостатки неоклассической теории критиковались как институционалистами (Т. Веблен, Дж. Коммонс, У. Митчел и др.), так и Дж. Кейнсом, заложившим основы под второй по важности экономический мэйнстрим XX века — кейнсианство. Эту же линию критики неоклассической теории продолжил Дж. Гэлбрейт, в то время как дополнительными к неоклассической теории себя спозиционировали неоинституционалисты (Р. Коуз, Д. Норт, К. Эрроу и др.).

В понимание более широкого социального плана у экономической сферы свой вклад внесли последователи К. Маркса (марксисты), а также М. Вебер, В. Зомбарт, Й. Шумпетер, К. Поланьи и др.

Несмотря на достигнутые успехи по многим направлениям экономической мысли, в плане общего понимания экономических процессов существует мнение, что «*интегральная экономическая наука об обществе только начинает складываться*»[154]. Более подробно социальная точка зрения на основания экономической теории рассмотрена ниже в приложении 2.5: «Основания экономической теории в социальном контексте».

Коллективные идентичности человека

Самоотнесение человека к какой-то группе порождает в его сознании границу, которая отделяет членов данной группы от остальных. Возникает понятие коллективной ***идентичности***, частью которой является различение людей индивидом по принципу «Свой — иной». Понятием «идентичность» обычно обозначают наличие некоторого подобия психосоциальных установок и поведенческих паттернов людей, по которым «свои», принадлежащие группе, узнают друг друга. При этом таковое отличение «своих» порождает у человека чуство эмпатии, что влияет на его социальное поведение. Вспоминая теорию структуры сознания, развитую выше (см. подраздел «Структура сознания» раздела «Эпистема и индивиды — особенности взаимодействия» главы 1), мы можем соотнести каждую коллективную идентичность соответствующей области НашМир индивидуального МойМира, которая была им согласована с другими членами группы в процессе групповой коммуникации.

Традиционно идентичность определялась местом жительства, а также клановыми и этническими факторами. Но если для землячеств и кланов было характерно явное знакомство человека со всеми представителями своего сообщества, то этническая идентичность уже является «воображаемой» (Б. Андерсон)[155]. То есть человек себя относит к сообществу, четкие границы которого ему неизвестны, и при оценке другого на принадлежность к «своим» он вынужден опираться лишь на самоназвание, а также на ряд других характеристик (язык, поведенческие стереотипы и паттерны, культура). Интересно также отметить имеющиеся в литературе трудности с формированием определения этнической группы. Известные определения обычно охватывают и другие коллективные идентичности, что заставляет задуматься о выявлении того самого качества, которое является специфичным в сознании человека именно для его этничности[156]. Этносы являются самыми древними «воображаемыми» сообществами, сформировавшимися еще в процессе антропогенеза, поэтому с

очевидностью значительное внимание в рамках этнической части человеческой культуры посвящено чисто биологическому выживанию людей соответствующей группы и их воспроизводству. В соответствии с этим этнически специфичными обычно являются вопросы брачных традиций, традиций ведения семьи, воспитания детей, вопросы межгендерных, трудовых и социальных отношений. Этническая идентичность — это, пожалуй, единственная коллективная идентичность, которая включает в себя детей в том же объеме, что и взрослых. И дополнительная ссылка в определении на культурную регламентацию вопросов биологического выживания людей данной группы и их воспроизводства немедленно исключает из рассмотрения все другие коллективные идентичности кроме этнических[157]. Этническая идентичность тесно связана с биопсихической природой человеческой личности, поэтому она во многом определяет и так называемые архетипы[158] группы, и коллективное бессознательное[159] соответствующих сообществ в целом.

Современность привнесла в обществоведение новый вид «воображаемой» коллективной идентичности — нацию. Центральным символом нации, вокруг которого ментально объединяются люди, является их страна. Более детально понятие нации будет рассмотрено в следующей главе (см. раздел «Национальная модель государства» главы 3, а также приложение 3.3: «Очерк концепций генезиса наций»). Здесь мы только упомянем, что нация является главным образом категорией Политического, и только потом и в таком виде она «прорастает» в Социальное. Национальная[160] идентичность превалирует над этнической, поскольку каждый человек — это прежде всего лояльный своему государству гражданин и уже потом носитель языка и культуры. Нация может быть полиэтничной, так же как представители одного этноса могут входить в состав нескольких наций. Более подробно взаимосвязь данных идентичностей рассмотрена в книге Ю.И. Семенова «Философия истории»[161].

Дальнейшее развитие человечества привносит для изучения идеи новых коллективных идентичностей. В связи с формиро-

ванием и развитием Европейского Союза идет обсуждение необходимости общеевропейской идентичности, опирающейся на общие ценности западного мира. Теоретическое обобщение европейского процесса ввело в дискурс понятие цивилизации и соответственно понятие цивилизационной идентичности[162]. Еще более смелым является предположение о наличии целостной группы людей, связанных закономерностями протекания глобализационных процессов, поэтически названных А. Неклессой «людьми воздуха»[163]. Однако заметим, что клановородовую, этническую, местечковую (земляки) и национальную идентичности можно считать реально существующими и устоявшимися, поскольку существуют группы людей, определяющие принадлежность к себе по какому-то из данных признаков. Причем наиболее архаичная — клановая идентичность — для развитых стран Запада уже практически не характерна.

Европейская идентичность пока еще находится в стадии формирования. В литературе по поводу данной идентичности существует как много скепсиса, так и много оптимизма. Реальное состояние дел в плане формирования данной идентичности хорошо иллюстрируется данными отчета[164], в соответствии с которым в 2000 году в рамках Европы-15 уже 10% населения идентифицировали себя с единой Европой. При этом «европейцы» были наиболее многочисленны в Люксембурге (31%), Бельгии (15%) и Италии (15%). В то же время в скандинавских странах мировосприятие около 60% жителей определялось полным доминированием в их головах национальной идентичности.

Что касается цивилизационной идентичности, то данная идея целиком опирается на процессы, протекающие в ЕС с расширительной интерпретацией, захватывающей англосаксонский мир (Запад). В других частях мира можно с какой-то долей уверенности говорить еще об общеарабской идентичности, связанной главным образом с мусульманством, и еще, может быть, о латиноамериканской метаидентичности. Если же взять Дальний Восток, то там идентичности Современности четко ограничиваются сверху национальным уровнем —

уровнем страны. Так что, на мой взгляд, в настоящее время говорить о цивилизационной идентичности как состоявшемся факте пока преждевременно.

Аналогично нереальным мне кажется и наличие глобальной идентичности, несмотря на унификацию жизненных стилей современных управленцев из экономических сфер развитых обществ, поскольку групповой солидарности там пока не прослеживается.

На ментальном уровне любая групповая идентичность предстает в виде фиксированного набора ментальных структур — представляющих элементы НашМира в МойМире индивида. Эти структуры сильно влияют на восприятие человеком информации, на выработку им решений, на его поведенческие паттерны/стереотипы. Данное влияние в утрированном виде выглядит следующим образом: «наши лучше всех», «кто против наших, тот плохой», «если ты наш, я тебе помогу даже в том случае, когда я и пальцем не пошевелю для чужого».

Как и любые другие ментальные структуры, различные групповые идентичности формируются у человека в процессе его социализации, начиная с детского возраста. Впоследствии данные НашМиры личности могут меняться во времени. Изменение НашМира может произойти, во-первых, из-за влияния окружения. Здесь наряду со СМИ и общенациональной культурой уместно упомянуть и социальные внушения со стороны групп, к которым относит себя человек. Во-вторых, на мироощущение личности могут оказать влияние внутренние факторы, связанные с интересами человека. Среди последних следует особо выделить группы экономических интересов, связанных с ростом доходов, социальных интересов, связанных с ростом социального капитала, и культурных интересов. Для полноты картины можно упомянуть еще один фактор изменения идентичности — «откровение» — иррациональное движение души, вроде того, которое превратило гонителя христиан Савла в апостола Павла.

При этом воздействие интересов на идентичность не является непосредственным. Скорее всего, практическая деятель-

ность человека, связанная с реализацией интересов, обусловливает накопление в его мировосприятии фактов несоответствия опыту, что время от времени сопровождается переосмыслением человеком своей картины мира с целью ее «гармонизации». Подобная «гармонизация» обычно происходит через легкую модификацию уже имеющейся в голове модели мира. Однако может случиться так, что человек произведет более глубокую ревизию своих взглядов. В последнем случае обычно из какого-то доверенного источника заимствуется новая «заготовка» для мировоззрения человека, которая и адаптируется к накопленному опыту. Кстати, в рамках описанного механизма через «доверенный источник» просматриваются выходы как на «внешнее влияние», так и на «откровение».

Приложение 2.1.
Социальные нормы: Один из механизмов поддержания

Как уже отмечалось выше (см. раздел «Общество: Общие моменты» данной главы), социальные нормы, их образование, поддержание и изменение занимают центральное положение в рамках институционального подхода в обществоведении. В этом плане очень интересным является момент, связанный с возможностями экспериментального изучения закономерностей образования и поддержания социальных норм в обществе. Социально-психологические эксперименты, основанные на парных и групповых играх в условиях так называемой дилеммы заключенного, показали[165], что люди в массе своей имеют тяготение к кооперации. Однако данная поведенческая стратегия является обусловленной взаимностью — человек подчиняется установленной норме, только если все остальные члены сообщества тоже ей подчиняются. Наличие же нарушителей является основанием для человека исключить данную норму из своего поведения.

Результаты многочисленных экспериментов в группах людей[166] можно обобщить следующим образом. При отсутствии

в социальной ситуации наказаний степень кооперации игроков со временем устанавливалась на каком-то низком уровне, часто близком к нулю. Если же в игре разрешалось наказывать уклоняющихся, то социальная норма достаточно быстро восстанавливалась, причем ей начинали следовать даже те, кто изначально был склонен к нарушению норм ради личной выгоды (степень такой склонности определялась по специальной методике, позволявшей для каждого участника эксперимента оценить значение специально введенного индекса Макиавелли). При этом легко кооперирующиеся участники ценили возможность наказания нарушителей настолько высоко, что они были готовы даже платить за эту возможность, реализуя на практике так называемое альтруистическое наказание.

Особенно действенные результаты в плане поддержания социальной нормы достигались в том случае, когда разрешалось наказывать не только тех, кто нарушает правило, но и тех, кто уклоняется от наказания нарушителей. В целом получается, что в условиях отсутствия альтруистических наказаний можно стабилизировать сотрудничество в группах не более 10 человек, при разрешении лишь наказания нарушителей — до 100 человек, и только введение возможности наказания участников, «толерантных к нарушению», позволяет поддерживать согласованную работу сколь угодно больших коллективов[167].

При этом визуализация состояния мозга испытуемых показала, что достижение поведенческого согласования с другими людьми сопровождается возбуждением определенной части мозга[168], близкой к тем центрам, которые отвечают за удовольствие. Вместе с тем было замечено, что индекс Макиавелли при принятии решений участниками в условиях игры коррелировал с интенсивностью возбуждения совсем другой части мозга[169]. Эти данные показывают отсутствие непосредственной связи кооперируемости человека с его способностью оценивать свою выгоду.

Изучения поведенческого разнообразия в данных играх показало[170], что среди швейцарских студентов 55% составляют те,

кто в принципе склонен к кооперации (Conditional Cooperators) — их вклад в кооперацию пропорционален среднему вкладу группы. 23% представляют собой «эгоисты» (Free Riders) — люди, ориентированные только на свой персональный интерес, вклад которых в общее дело при отсутствии внешнего принуждения к кооперации всегда близок к нулю. Еще 12% представляют собой те, кого авторы исследования назвали «треугольниками» (Triangle Contributors) — их вклад в общее дело возрастает при малых средних вкладах и убывает при больших. Аналогичное изучение российских студентов показало[171], что в России доля «нормальных» кооперирующихся людей составляет все те же 55%, а вот доли «эгоистов» (6%) и «треугольников» (8%) — ниже, чем в Швейцарии. Соответственно выше доля тех, кто не попал в основные таксоны предложенной классификации.

В заключение отметим, что описанный выше механизм принуждения к кооперации, когда «эгоисты» «с пониманием» воспринимают наказания и начинают кооперироваться с большинством, характерен не для всех культур. Как показали сравнительные исследования поведения людей из разных стран в данной игре[172], в более традиционных странах (Греция, Саудовская Аравия, Оман) «эгоисты» склонны к асоциальному поведению: будучи наказанными, они в ответ начинают наказывать «нормальных», полностью разрушая кооперацию. Асоциальное поведение «эгоистов» было отмечено и для славянских стран бывшего СССР. Особенно этим выделялась Украина.

Приложение 2.2. Социально значимые характеристики человека

Принятие требования о сводимости социальных законов к имеющимся свойствам людей заставляет обратить внимание на имеющиеся представления о человеке в различных общественных науках. Обзор таких моделей имеет смысл начать с «человека экономического» (ЭЧ) — системы представлений, возникших в экономической теории и получившей широкое

распространение в обществознании вследствие «экономического империализма»[173].

Человек Экономический

Данная модель восходит к теории Бентама о мотивации людей в своей деятельности, в основу которой Бентам положил стремление человека к удовольствию[174]. Позитивное зерно данной теории — существование возможности формализации человеческой мотивации в виде максимизации удовольствия — проросло в виде аксиомы модели ЭЧ о наличии у человека выпуклой монотонной «функции полезности», максимум которой обеспечивает выбор его линии поведения. При этом обычно считается, что каждый человек является индивидуалистом, то есть его функция полезности не включает в себя ничего, связанного с интересами других людей, и рационалистом, то есть в каждый момент выбора он честно оценивает все возможные линии своего поведения на основе своей функции полезности, и выбирает к практической реализации то, что дает максимальное значение данной функции.

Положение о влиянии подобной функции полезности на экономические решения человека дало свой вклад в представление современной экономической теории в виде эстетически безупречного дедуктивного комплекса, достаточно хорошо описывающего наблюдаемые результаты экономической жизни. Данный факт позволил ученым отвлечься от несоответствий модели ЭЧ реальным проявлениям человеческого поведения и постулировать данную модель как аксиому экономической науки. Те же из них, кто пытался логически строго проработать основания своей науки (например, Дж. Милль), обычно четко проговаривали чрезмерную идеализированность модели ЭЧ[175].

Для представления самой модели ЭЧ воспользуемся обзорной работой В.С. Автономова[176]:

«...Методологи экономической науки применяют различные группировки и описания отдельных свойств экономического человека.

Однако разночтения между многочисленными дефинициями далеко не всегда можно назвать существенными. В этом разделе мы приведем общую схему модели экономического человека, отражающую, на наш взгляд, точку зрения, принятую большинством современных исследователей[177].

1. Экономический человек находится в ситуации, когда количество доступных ему ресурсов является *ограниченным*. Он не может одновременно удовлетворить все свои потребности и поэтому вынужден *делать выбор*[178].

2. Факторы, обусловливающие этот выбор, делятся на две строго различающиеся группы: *предпочтения* и *ограничения*. Предпочтения характеризуют субъективные потребности и желания индивида, ограничения — его объективные возможности. Предпочтения экономического человека являются всеохватывающими и непротиворечивыми. главными ограничениями экономического человека являются величина его дохода и цены отдельных благ и услуг. В ситуациях, далеких от модели совершенной конкуренции, ограничениями являются также действия других участников рынка.

Предпочтения экономического человека являются *более устойчивыми*, чем его ограничения. Поэтому экономическая наука рассматривает их как постоянные, абстрагируется от процесса их формирования и изучает реакцию индивида на изменение ограничений[179].

3. Экономический человек наделен способностью оценивать возможные для него варианты выбора с точки зрения того, насколько их результаты соответствуют его предпочтениям (то, что имели в виду К. Бруннер и У. Меклинг, говоря о «человеке оценивающем» — *Evaluating Man*)[180]. Другими словами, альтернативы всегда должны быть *сравнимы между собой*.

4. Делая выбор, экономический человек руководствуется собственными интересами, которые могут при этом включать и благосостояние других людей (например, членов семьи). Важно то, что действия индивида определяются его собственными предпочтениями, а не предпочтениями его контрагентов по сделке и не принятыми в обществе нормами, традициями и т.д.

Эти свойства позволяют человеку давать оценку своим будущим поступкам исключительно по их последствиям (как предполагает утилитаристская этика), а не по исходному замыслу (как предполагает этика деонтологическая). В этом смысле экономический человек и по сей день остается утилитаристом.

Благодаря предпосылке собственного интереса всякое взаимодействие между экономическими субъектами принимает форму *обмена*[181].

5. Находящаяся в распоряжении экономического человека информация, как правило, является *ограниченной* — ему известны далеко не все доступные варианты действия, а также результаты известных вариантов — и не изменяется сама по себе. Приобретение дополнительной информации *требует издержек*. Один из доступных ему вариантов выбора состоит в том, чтобы отложить решение на потом и заняться поиском новой информации. Время, в течение которого необходимо принять решение, является наряду с доходом одним из ресурсных ограничений, а издержки поиска — одним из ценовых ограничений.

6. Выбор экономического человека является *рациональным* в том смысле, что из известных вариантов выбирается тот, который согласно его *мнению или ожиданиям в наибольшей степени будет отвечать его предпочтениям* или, что то же самое, *максимизировать его целевую функцию*. В современной экономической теории предпосылка максимизации целевой функции означает лишь, что люди выбирают то, что они предпочитают, — она просто устанавливает связь между упорядоченными предпочтениями и актом выбора или действием[182]. Необходимо подчеркнуть, что мнения и ожидания, о которых идет речь, могут быть ошибочными, и субъективно рациональный выбор, с которым имеет дело экономическая теория, может казаться иррациональным более информированному внешнему наблюдателю[183]. Экономический человек может делать ошибки, но они могут быть *только случайными, а не систематическими*.

Сформулированная выше модель экономического человека сложилась в ходе более чем двухвековой эволюции экономической науки. За это время некоторые признаки экономического человека, ранее считавшиеся основополагающими, отпали как необязательные. К этим признакам относятся непременный эгоизм, полнота информации, мгновенная реакция. Правда, точнее будет сказать, что свойства эти сохранились в модифицированном, зачастую трудно узнаваемом виде.

Главная характеристика современного экономического человека заключается в максимизации целевой функции[184]».

Предприниматели

Как это видно из предыдущего, модель ЭЧ в основном заострена на претензию по поводу описания основного механизма принятия людьми экономических решений, как в области управления предприятиями и капиталами так и в области потребительского поведения. В плане принятия управленческих бизнес-решений можно выделить области деятельности, где данная модель оказывается идеально пригодной. Это торговые и финансовые операции на бирже. Действительно, основой биржевой торговли является знание цен/котировок товаров на разных рынках, что позволяет выбирать бизнес-схемы, максимизирующие доход оператора. Становится очевидным, что модель ЭЧ предполагает определенную пассивность поведения человека, поскольку единственными «разрешенными» видами деятельности являются лишь сбор информации и выбор одной — «самой хорошей» — из уже известных линий поведения. Фактически модель ЭЧ предполагает полную детерминированность человека, его абсолютную предсказуемость — информация об условиях, в которых принимается решение, уже содержит в себе и само решение как максимум функции полезности. При этом все виды деятельности, связанные с целеполаганием и выработкой стратегий достижения поставленных целей, оказываются вне данной модели.

Игнорирование активностей, критических для целерациональности, выводит фигуру предпринимателя в том виде, в котором ее важность для общества понимали Вебер и Шумпетер, за пределы данной модели. Ни веберовское чувство долга и воля к успеху, отражающая трудовую этику протестантизма[185], ни стремление к внедрению нововведений предпринимателя Шумпетера[186] не укладываются в рамки модели ЭЧ. Здесь следует обратить особое внимание на то, что даже человеческая рациональность понимается Вебером и Шумпетером по-другому, не так, как это принято в модели ЭЧ. Рациональность — это способность построить адекватную модель сложившейся жизненной ситуации, исходя из которой наметить достижимые цели, разработать стратегии и планы продвижения вперед, сконцентрировать необходимые ресурсы, если требуется, построить организацию и в конечном итоге достичь поставленных целей и добиться успеха. Именно целерациональная активность людей создала Современность, ее социальные структуры и институты, которые привели к повышению благосостояния людей, в то же время ликвидировав многие несчастья и несправедливости, терзавшие человечество в течение многих столетий до этого.

Возрастание сложности человеческого мира отразилось в необходимости развития больших организаций (см. раздел «Общественные структуры» главы 2) с соответствующим «размазыванием» лидерской роли шумпетеровского предпринимателя по группе, связанной с управлением и стратегическим планирование в данных социальных структурах. Появилась так называемая техноструктура[187], которая вместе с лидерской ролью унаследовала и ответственность за общественное развитие.

Социальная психология

Эффективность функционирования крупных организаций требует определенного понимания управленцами особенностей человеческой психики, а также и социальных законов взаимодействия человека с другими людьми и сообществами. Закономерности поведения человека в сообществах разного типа

изучаются в рамках социальной психологии, очерк основных результатов которой начнем с классификации способов адаптации человека к требованиям общества, разработанным Р. Мертоном[188].

В основу своей классификации Мертон положил две характеристики — общественно одобряемые цели человека и общественно одобряемые способы достижения данных целей. Каждый человек вырабатывает свою позицию по отношению к этим характеристикам. Если он принимает и цели, и методы их достижения, принятые в данном обществе, его адаптация к общественным порядкам считается нормальной, и такой человек пополняет ряды лояльных членов общества.

Принятие человеком общепринятых правил поведения может сопровождаться его отчуждением от общественно значимых целей. Такой способ адаптации к порядкам в обществе Мертон назвал «ритуализмом». Ритуализм является основной причиной отчуждения человека в бюрократических структурах (см. раздел «Общественные структуры» главы 2), и он соответственно является главным объектом борьбы в рамках теории и практики организаций с целью повышения их эффективности.

Если человек принимает общественные цели, но считает себя свободным по отношению к общепринятым способам их достижения, то он попадает в класс так называемых новаторов, который, в частности, включает в себя практически всех преступников. Именно риск ухода в криминальное поведение обусловливает особый общественный интерес к данному классу и соответствующую разработку способов коррекции адаптации его представителей в сторону нормальной. Здесь, кстати, следует отметить, что крайний индивидуализм и отсутствие этической императивности, заложенные в модель ЭЧ, имеют в своем следствии принадлежность типажа ЭЧ к рассматриваемому классу мертоновских новаторов, людей, способных нарушить принятые социальные нормы в своем движении к имеющимся целям, особенно если они оценили потери от такого нарушения как незначительные. К мертоновским новаторам в массе своей принадлежит еще один уже обсуждавшийся в данной книге общественный слой — социальный коагулят (см. раздел «Социальный коагулят — «малый народ»» главы 2).

Неприятие ни целей, ни методов порождает общественный эскапизм — уход человека от реальности, его маргинализацию. А активное отрицание общественных целей и общепринятых методов их достижения характерно для революционеров, людей, склонных к социальному мятежу.

Многие современные результаты социальной психологии могут быть поняты на основе представления каждой личности в виде набора ментальных структур, обеспечивающих восприятие, хранение и переработку информации, а также выработку определенного поведения (см. подраздел «Структура сознания» раздела «Эпистема и индивиды — особенности взаимодействия» главы 2). Человек получает данные структуры в процессе социализации, и в принципе его структуры могут изменяться под действием накопленного опыта — механизм такого изменения вполне аналогичен тому, что обсуждалось на примере ***коллективной идентичности*** в разделе «Социально-культурные универсалии: Власть, Справедливость и др.» данной главы. Подмножество структур, связанных с каким-либо мыслительным объектом, образует ***установку*** человека по отношению к данному объекту. Другими словами, ***установка*** — это система представлений человека о каком-то идеальном объекте. В частности, установка по отношению к себе называется ***Я-концепцией*** человека и включает представление человека о себе, о себе в своих активностях, о себе и своем окружении, о себе в окружающем мире. Именно Я-концепция человека часто является объектом воздействия в социальных взаимодействиях, в том числе и направленных на управление его поведением.

Ментальные структуры человека ответственны за выделение в потоках информации значимых для человека кусков. Обычно это такие куски, которые подтверждают уже имеющиеся в его голове представления об объекте и/или ситуации. Лишь специально тренированные люди ищут возможности опровержения

своих взглядов, обеспечивая адекватность своего мировосприятия. Это отражает одну из социально-психических закономерностей — ***инерционность*** ментальных установок. Люди не склонны признавать свои ошибки, им комфортнее быть всегда правыми. Причем такая «избирательность» по отношению к информационному потоку характерна не только для настоящего, но и для прошлого — человек обычно помнит события в соответствии со своими актуальными установками.

В этом плане характерно наличие так называемых ***самосбывающихся предсказаний*** — если человек сознательно делает какое-либо предсказание, он подсознательно способствует тому, чтобы оно оказалось бы истинным. Например, если он оценил кого-то как не очень дружелюбного человека, то своим поведением неосознанно он спровоцирует другого на недружественные действия. Если человек сознательно допустит для себя возможность какого-либо действия, то вероятность последующего отказа в совершении данного действия существенно уменьшается. На последнем свойстве человеческой психики основан метод «нога-в-двери»: чтобы убедить кого-то сделать что-то, имеет смысл сначала добиться согласия на что-то малосущественное, но подобное. На тех же принципах работает техника «подача низкого мяча» — добившись принципиального согласия человека на сделку, можно сохранить сделку даже при существенном увеличении ее стоимости для человека.

Осознание человеком того, что его представления не соответствуют реальности, называется ***когнитивным диссонансом***. Когнитивный диссонанс обычно сопровождается ощущением внутреннего дискомфорта, а в случае несоответствия поведения человека его Я-концепции — чувством стыда. В результате когнитивного диссонанса человек стремится «поправить» свою систему представлений, сделать ее более адекватной.

Человек — существо социальное. Действуя в сообществе, он часто «подстраивает» свои установки и поведение под ожидания других. Такое свойство называют ***конформностью***. Интересно отметить, что отношение общества к конформности зависит от

культуры социума: такое отношение достаточно отрицательно в США, однако в странах Юго-Восточной Азии конформность оценивается людьми очень положительно. Следует отметить, что именно конформность человеческой психики обеспечивает возможность согласованного поведения людей в сообществах. Мотивация к конформности обеспечивается желанием улучшить свою репутацию в группе и/или избежать конфликтов. Бывает, однако, что такое поведение связано с тем, что называется словами «втираться в доверие».

В случаях, когда человек принимает групповую установку, соглашается с ней, его поведение называется ***одобрением***. Однако люди могут подчиниться социальному давлению, не принимая внутренне групповой установки. В этом случае их поведение называется ***уступкой***. Уступка человека давлению группы может привести к ситуации, когда человек имеет несколько установок по отношению к одному и тому же идеальному объекту. Это происходит в случаях, когда собственная установка человека отличается от групповой очень сильно. В этом случае поведение человека становится многоплановым. Человек обычно действует в соответствии с собственными установками, исключая случаи полного контроля группы (реальные установки). Групповые установки ему нужны лишь для демонстрации в сообществе (демонстративные установки). Однако эксперименты показывают, что добровольное принятие социальной роли, включающей в себя альтернативную установку, отличную от реальной, часто приводит к принятию человеком этой другой установки, замещению ею предыдущей установки в его сознании. Другими словами, активное поведение человека в соответствии с добровольно принятой на себя ролью способствует адаптации/изменению его реальных установок.

Наряду с конформностью люди (особенно часто мужчины) демонстрируют обратную реакцию — неприятие групповых установок. Такое подчеркивание собственного отличия от других также является одной из характерных черт человеческой

личности. При этом было замечено, что люди тяготеют к подчеркиванию собственных отличий от большинства именно в направлении, которое одобряется обществом, имеет положительный общественный вес. Хотя бывает и чистой воды эпатаж, когда человек настойчиво позиционирует себя в сообществе как «плохого».

Основные методы социального воздействия на личность связаны с насилием или убеждением. Цель любого социального воздействия — изменение поведения человека, его установок. Цель ***убеждения*** — вызвать такое изменение у человека добровольно, вовлечь саму личность в процесс своего изменения. Свойство человека поддаваться убеждению называется ***податливостью***. Убеждение тесно связано с другим фундаментальным свойством личности — ***доверием***.

Доверие является главным способом работы личности с нехваткой в ее арсенале каких-либо ментальных структур. Обычно обнаружение человеком несоответствия своих представлений о каком-либо аспекте реальности самой этой реальности сопровождается возникновением когнитивного диссонанса[189]. Человек начинает искать для заимствования какой-либо приемлемый вариант представлений, способный «заштопать» обнаруженную таким образом дыру, причем прежде всего он обращается за помощью к своим доверенным источникам. При этом можно выделить пассивное доверие, когда решение личных проблем ищется у какого-либо общепринятого авторитета, например старшего в семье. Данный тип доверия характерен для детства и/или традиционного общества. Современность сопровождается возникновением еще одного типа доверия — активного доверия. При активном доверии человек обычно прорабатывает варианты предложения нескольких разных экспертов, выбирая из них для себя самый подходящий. Концепция активного доверия является базовой для социологической теории Э. Гидденса (см. приложение 3.1: «Основы социальной теории Э. Гидденса»).

Приложение 2.3.
Основания экономической теории в социальном контексте

В настоящее время общепринято считать, что экономика в целом посвящена проблеме наилучшего удовлетворения всей совокупности потребностей людей с помощью имеющегося в руках у общества ограниченного количества ресурсов при условии обеспечения необходимого общественного развития (см. подраздел «Экономика» раздела «Власть, справедливость...» главы 2). При этом большинство теоретиков-экономистов обычно абстрагируются от социального аспекта экономических процессов, как это было рассмотрено выше на примере модели человека экономического (см. предыдущее приложение). Становится интересным посмотреть, как включение в общую картину экономического анализа социального контекста может повлиять на основания экономической теории.

Но начать все равно придется с того, что никак не связано с социальностью системы, — с логистических понятий экономической сферы.

Товаропотоки: внесоциальная специфика

В основах формализации экономической сферы лежит представление о потребностях человека. Считается, что каждый ***социальный агент*** (человек или социальная структура) имеет некие свои потребности, которые он стремится удовлетворить посредством действия, которое называется ***потребление***. То, что потребляют агенты, будем далее называть общим термином ***«продукт»***. Продукты в контексте торгового обмена между агентами часто еще называют словом ***«товар»***. Продукт/товар может представлять собой как материальную вещь, так и нечто нематериальное, например информацию, действие, услугу или что другое, могущее служить удовлетворению какой-либо существующей потребности у какого-либо агента. Важность продукта для агента в плане удовлетворения им своей потребности обычно характеризуется понятием ***«по-***

требительская ценность»[190]. В общем случае продукт должен быть кем-то где-то произведен и каким-то образом доставлен к агенту для потребления.

Важной характеристикой отношения социального агента с миром продуктов являются его индивидуальные предпочтения. Фактически каждый социальный агент является носителем определенной системы соотношений потребительских ценностей разных продуктов, каждое из которых определяет сохранение его удовлетворенности при замене одного продукта другим. Следует отметить, что данная система сугубо индивидуальна, она, как правило, допускает достаточно широкие интервалы изменения указанных соотношений, к тому же она сильно зависит от ситуации, в которой оказался агент, и может меняться во времени. Но в целом именно индивидуальные предпочтения определяют мотивацию агента по отношению к его потреблению, то есть поведение агента в мире вещей и услуг. При этом мотивация агента в плане конкретного продукта обладает одним замечательным свойством: легкая доступность продукта быстро сопровождается полным насыщением соответствующей потребности агента, что приводит к выпадению продукта из системы его мотивации. Другими словами, достижение полного насыщения делает соответствующий продукт незначимым для человека, фактически не существующим для него. Характерным продуктом такого типа является воздух.

Если теперь рассмотреть возможные индивидуальные действия агента по отношению к какому-либо продукту, то мы можем выделить такие достаточно простые действия, как ***потребление***, ***хранение***, ***перемещение*** (***передача*** или ***получение***), ***ликвидация***, и одно сложное действие — ***производство***. При этом производство продукта обладает имманентным качеством — ***технологической сложностью***, введение которого позволяет оттенить целерациональность производства как действия ***экономического агента***, то есть наличие у производителя общей схемы производственных операций и «списка» сопутствующих данной схеме необходимых компонентов и квалификаций труда участников

производства, достаточных для того, чтобы получить на выходе требуемый продукт.

Производство тесно связано с одновременным потреблением сырья, компонентов, энергии, активности людей (рабочей силы), из которых в результате определенного процесса получается желаемый продукт. Часто (особенно в рамках марксизма) основным двигателем данной трансформации считают лишь только активность людей (рабочую силу, труд). Однако, вспоминая химические производства (варку пива, например) или воображая полностью автоматизированные производства, мы видим, что производственная трансформация может осуществляться и без участия человека. Поэтому имеет смысл ввести в рассмотрение понятие «***процессинг***», который отражает движущую силу производственной трансформации всего необходимого для производства продукта в сам продукт и является тем, что актуализирует указанную выше технологическую сложность производимого продукта.

Во многих случаях процессинг тесно ассоциируется именно с рабочей силой, однако введение данного понятия позволяет оттенить тот очевидный факт, что активность человека в месте производства вполне может протекать и вне процессинга, то есть затрачиваемый человеком при этом труд может быть незначимым для производства[191]. В случае же химических технологий процессинг скорее ассоциируется с энергией и катализаторами, чем с трудом. А при полной автоматизации производства процессинг обеспечивается лишь энергией, приводящей в движение роботов.

Производящий экономический агент вместе со всем, что он использует для производства (или торговых операций), образует «***хозяйственную или производственную ячейку***» общества. Социальную структуру, задающую форму хозяйственной ячейке, обычно называют ***предприятием*** или ***фирмой***.

В общем случае для анализа экономической деятельности традиционно выделяют следующие факторы производства: ***земля***, ***труд***, ***капитал*** (Ж.-Б. Сэй), к которым после работ Й. Шум-

петера стали добавлять еще и ***предпринимательскую способность***. Будем различать широкое и узкое значение понятия «капитал». Капитал в широком смысле обозначает весь тот имущественный комплекс, ***оборот***[192] которого приносит ***доход***. Капитал в узком смысле — это денежная оценка доли конкретного капиталиста в данном имущественном комплексе. Капитал в широком смысле обычно делится на оборотный и постоянный. ***Оборотный капитал*** (сырье, текущие обязательства и все подобное), как правило, целиком потребляется при обороте. ***Постоянный капитал*** (здание, оборудование, организация, знания, бизнес-процессы и прочее такое) — это все то, что поддерживает оборот капитала, частично изнашиваясь при этом. Поэтому необходимо регулярное восстановление деградированной части постоянного капитала, с тем чтобы оборот капитала в пределе был бы вечным.

Социализация товаропотоков

Перейдем теперь к совмещению указанных выше элементов экономической сферы и социальности. Кооперация индивидуальных организмов в сообществе сразу же обращает внимание на то, что можно обозначить словами ***«права требования»***. Основой вычленения прав требования из реальности является обычно наблюдаемая неотчуждаемость права каждого члена сообщества на долю добытого сообществом продукта, причем это имеет место не только у людей, но и у других биологических организмов. Права требования обнаруживаются везде, где есть разделение труда и кооперация живых существ: в муравейниках, ульях, термитниках, львиных прайдах. Правда в человеческих обществах данный институт во многом усложнен поздними социальными наслоениями, однако в некоторых сообществах он продолжает быть четко видимым. А если взять такую традиционную и универсальную социальную структуру, как семья, то можно увидеть реализацию данного института в «чистом виде» практически повсюду в мире.

Права требования являются социальным институтом, регламентирующим потребление. В самых простых случаях данный

институт поддерживает форму движения продукта между экономическими агентами, называемую ***распределением***[193]. Усложнение общества приводит к развитию данного института. Права требования диверсифицируются по группам продуктов и по их количеству и привязываются к социальным местам, так что каждый индивид получает для потребления те продукты и в таких количествах, которые определяются его социальным положением в группе. Заметим, что такого рода усложнение наблюдается уже у коллективных насекомых (муравьев, пчел и термитов). У людей подобный путь структурирования связей между социальными агентами был реализован в обществах, объединяемых характеристикой ***«азиатский способ производства»***[194].

Следующий шаг в сторону усложнения данного института — это введение материальных сертификатов для прав требования, который позволил разнести по времени и пространству признание заслуг индивида и выдачу ему продуктов для потребления сообразно его статусу и выполняемым задачам. Так в обществе появились ***деньги***[195] и возможности для создания развитого рынка и товарообмена. К тому же следует обратить внимание на то, что сумма всех прав требования для всего общества образует так называемый ***совокупный спрос*** — важную характеристику современных теорий экономической сферы общества.

Другой важный момент воздействия социальности на взаимодействие агента с миром вещей обнаруживается через признаваемое обществом за данным агентом право на использование им какой-то конкретной вещи, распоряжения ею, что создает вокруг каждого агента ***зону операционного контроля***. Следующий шаг — признание обществом за кем-то приоритета в плане распоряжения неким предметом, что обычно обозначается понятием ***«собственность»***. Поскольку в роли агента могут выступать как индивид, так и группа, то собственность может быть и индивидуальной, и групповой. Регламентация отношений собственности и прав распоряжения (институты собственности) является важной частью социальных норм любого общества, обычно составляя центральное ядро его правовой системы.

Очевидно, что хозяйственная ячейка должна входить в зону операционного контроля экономического агента. При этом отдельные предметы хозяйственной ячейки не обязательно могут быть в его собственности (например, могут быть арендованы), но, как правило, ситуация обычно тяготеет к тому, чтобы все предметы производственного цикла были бы в собственности соответствующего экономического агента.

Рассмотрение действий по перемещению продуктов в плане их совмещения с социальностью и соответствующими институтами порождает ряд важных понятий. Начать здесь имеет смысл с ***обязательства*** — обещания одного агента другому поставить какой-либо продукт к какому-то сроку. Перемещение продукта между агентами во исполнение какого-либо обязательства будем называть ***передачей***. Аналогичное одностороннее перемещение продукта вне обязательств — это либо ***дар*** (если указанное перемещение делается с ведома собственника), либо ***кража*** (если перемещение продукта не легитимировано решением собственника). Упоминавшееся ранее ***распределение*** — это упорядоченная система передач продуктов, которая обусловлена обязательствами, возникающими из легитимированных в сообществе прав требования. Общее же регулирование обязательств агентов между собой осуществляется социальными институтами по легитимации обязательств и обеспечению контрактной дисциплины, которые составляют существенную часть человеческой культуры. При этом из-за своей общественной важности данное регулирование во многом формализовано в правовой системе общества, а принуждение к исполнению принятых обязательств поддерживается силовыми структурами государства.

Наряду с односторонними перемещениями продуктов в обществе также существуют очень важные для его функционирования их взаимосвязанные встречные перемещения — различного рода ***обмены***. Простой обмен — это именно связанная и взаимообусловленная пара из двух разнонаправленных перемещений продуктов между двумя агентами. Простой обмен обычно легитимируется согласием на данную сделку всех участников, что

позволяет ввести в рассмотрение понятие ***меновой стоимости***: акт обмена фиксирует равенство меновых стоимостей обмениваемых продуктов в данной сделке. Если обмен осуществляется без участия денег, то он еще называется ***бартер***. Обмены с участием денег называются либо ***покупкой*** (если продукт поступает агенту в обмен на выплату им некой суммы), либо ***продажей*** (если продукт отдается агентом в обмен на получаемую им сумму денег). Все множество обменов конкретного сообщества социальных агентов называется ***рынком***. При этом оказывается, что со временем в пределах каждого рынка происходит стабилизация отношений меновых стоимостей различных продуктов и их универсализация в границах связанного с рынком сообщества[196].

Усложнение обмена может идти либо по линии увеличения количества участников сделки, либо путем замены продукта обязательствами его поставки. В принципе обязательства совершенно аналогичны продуктам с точки зрения их движения между агентами и участия в транзакциях делового оборота.

Векторная теория стоимости

Система предпочтений социального агента при его совмещении с рынком может быть формализована через введение такой характеристики, как ***потребительская стоимость*** продукта для данного агента, которая выражается тем максимальным количеством денег, которые агент готов заплатить, чтобы стать собственником продукта. При этом удовлетворенность агента от совершаемой покупки отражается разностью между данной потребительской стоимостью и меновой стоимостью продукта на рынке. В принципе рассмотрение продукта в контексте общества позволяет увидеть двойственную природу продукта. Любая вещь или услуга, чтобы стать продуктом, во-первых, должна быть кем-то произведена и, во-вторых, она должна быть кому-то нужна до такой степени, чтобы тот был готов заплатить за нее деньги. И именно общественная легитимация потребительской ценности предмета создает его по-

требительскую стоимость, порождает такое важное свойство предмета, как способность быть проданным на рынке. То есть получается, что меновая стоимость продукта является актуализацией его потребительской ценности, что делает применимым к пониманию закономерностей данного показателя наработок неоклассической теории.

С другой стороны, для того чтобы быть проданным, продукту необходимо быть предварительно кем-то произведенным, что актуализирует имманентно присущую ему технологическую сложность в виде такой экономической характеристики, как ***себестоимость***. И лишь в случае, когда меновая стоимость продукта превышает его себестоимость, возникают условия для его устойчивого существования в обществе, что обусловливается принципиальной возможностью его производства. И даже отдельные случаи производства продуктов в условиях, когда их меновая стоимость лежит ниже себестоимости, отнюдь не противоречат данному выводу, ибо такое производство возможно лишь при условии его дотирования из какого-то дополнительного источника, что по сути является действием по внерыночному повышению его продажной цены для производителя.

Так мы приходим к пониманию природы экономической прибыли, которая проистекает из специфического взаимодействия потребительской ценности продукта с его технологической сложностью. Данная специфика актуализируется в социально-экономической сфере посредством значений потребительской стоимости продукта и его себестоимости так, чтобы разность этих величин (***прибыльность*** единицы продукта) была бы величиной положительной[197]. Проявляется важнейшая черта мира вещей в контексте мира людей: лишь только те предметы могут существовать и воспроизводиться в человеческом обществе без проблем (то есть быть продуктами и товарами), которые актуализированы в экономической сфере своей положительной прибыльностью. И именно умение находить такие предметы и актуализировать их в каких-то сообществах в качестве продуктов и составляет суть того, что обычно называют ***предпринимательской способностью*** — одного из упомянутых выше факторов производства.

Капитал и его иное (инкап)

Интересный и нетривиальный момент проявляется при социализации капитала[198]. Напомню (см. выше), что под ***капиталом*** обычно понимают имущественный комплекс, который дает доход. При этом капитал логически отделен от земли, от труда, от предпринимательской способности — других независимо выделяемых производственных факторов. Анализ данного понимания дает важный для дальнейшего момент: под капиталом в западном интеллектуальном мэйнстриме обычно понимается материальная и инфраструктурная составляющие действующих бизнесов, а именно их клиенты, поставщики, комплектующие на складах и в операциях, оборудование, технологии, know-how, управленческие бизнес-процессы, маркетинговые стратегии, НИОКРы, требования к квалификации сотрудников и все такое прочее. В частности, бизнес в принципе не отделим от своего рынка сбыта. И при этом он прекрасно отделяется от государства, то есть, исходя из западного понимания, функционирование бизнеса не должно зависеть от качества ***внешних по отношению к нему*** социальных мест, занимаемых его владельцами, управленцами или другими аффилированными лицами.

Включение в рассмотрение данного нюанса позволяет вычленить в экономической сфере общества ряд доходных активностей, которые могут существовать лишь при поддержке «людей с положением», т.е. внешние социальные места являются ключевой частью их доходной схемы. Для подчеркивания данного различия введем в рассмотрение категорию ***«инкап»*** — ***иное капитала***, поскольку отнюдь не капитал лежит в основе подобных деятельностей по извлечению дохода, а именно специфический сплав денег и «правильных» социальных мест основных ее участников и бенефициаров[199].

Исторический анализ показывает, что инкап развивался в мире параллельно капиталу. При этом если развитие капитала

было связано как раз с развитием производительных сил общества и концентрировалось в ремесленных и торговых низах городов, то развитие инкапа было связано главным образом с обслуживанием финансовых нужд и интересов государственных верхов. Именно оборот инкапа может быть распознан в качестве основы деятельности средневековых откупщиков налогов, поскольку без поддержки силовой составляющей государства такая деятельность не могла бы осуществляться. Сюда же примыкает деятельность кондотьеров — руководителей отрядов наемников, а также крупных ростовщиков. В Современности инкап лежит в основе многих мафиозных «бизнесов» как в чистом виде (рэкет, разрешение конфликтов), так и в форме значительной примеси к капиталу (проституция, торговля наркотиками). И успешность многих хедж-фондов, инвестировавших в развивающиеся страны, часто определялась именно что задействованным в их бизнес-схеме инкапом: в кризисных ситуациях приходил МВФ и давал стране деньги, обязывая ее расплатиться с данными «инвесторами». В последнее время в связи с разразившимся мировым финансовым кризисом появились также обсуждения многочисленных форм присутствия инкапа, например в современной американской экономике[200].

Инкап обычно плохо «уживается» с капиталом — высокая доля инкапа в какой-либо рыночной нише делает процесс декапитализации соответствующей отрасли необратимым, поскольку отсутствие равных условий конкуренции вынуждает независимые бизнесы либо искать соответствующую «крышу» у влиятельных людей региона, либо уходить с рынка. Вследствие этого сразу же бросается в глаза, что одним из трендов Современности является всяческое ограничение и ликвидация инкапа в легальных сферах жизни общества. В развитых странах считается хорошим тоном не «пачкать» капитал связью с инкапом. Бизнес-активность социальных агентов обычно отделена от государства. Государство тоже обычно стараются отделить от экономики, по меньшей мере от основной массы конкурентных рынков, делая его ответственным лишь за поддержание общих

правил игры и еще, может быть, за оформление и регулирование естественных монополий. При этом все формы извлечения доходов с использованием насилия преследуются уголовно. Также под уголовное наказание подпадают выдача не легализованных законодательно преференций и даже использование в целях извлечения дохода имеющейся у людей инсайдерской информации и т.д.

В данной категориальной сетке проявляется еще один нетривиальный момент современной экономики, связанный с тем, что финансовый капитал (финкап) без должного к нему внимания со стороны регулирующих органов тяготеет к своей трансформации в инкап (см. предыдущий комментарий по ссылке выше). И лишь строгое удержание финкапа вдали от влиятельных социальных мест общества и государства позволяет ему сохраниться как форме капитала[201].

Неоклассическая экономическая теория

Наиболее развитая в настоящее время экономическая парадигма — неоклассическая экономическая теория — может быть без труда построена на предложенном фундаменте при наложении на систему некоторых дополнительных ограничений. Часть таких постулатов-предположений относится к фиксации поведения агентов. К таким постулатам относится предположение о совершенной рациональности агентов, об их индивидуализме и даже эгоизме, о том, что их предпочтения стабильны и не зависят от внешних условий. Другая часть дополнительных положений связана с идеализацией экономической среды. В неоклассической теории предполагается, что агенты всегда обладают полной информацией о своей ситуации, что товар на рынке однороден, что всегда имеется полная определенность с правами собственности, включая совершенную контрактную дисциплину и бесплатность совершения сделок для агента. И поверх всего этого накладывается положение о «невидимой руке рынка», которое заключается в предположении о том, что усилия по максимизации каждым экономическим агентом своей функции полез-

ности в условиях идеальной и конкурентной рыночной среды суммируются в максимизацию общего блага всего социума. То есть считается, что достигаемое по результатам действия агентов равновесие является единственно возможным и наиболее эффективным по сравнению с другими состояниями экономической системы.

По всем приведенным здесь дополнительным положениям в экономической науке имеется критика неоклассической теории ее оппонентами. Например, в данной книге я коснулся критики некоторых аспектов индивидуализма (см. выше Приложение 2.1: Социальные нормы: Один из механизмов поддержания) и совершенной рациональности (см. ниже приложение 3.2: «Модель экономического человека и общество»). Однако, несмотря на все усилия соответствующих ученых-экономистов, пока еще не удалось построить ничего альтернативного неоклассической теории, что было бы подобным ей по эстетической и логической цельности. Поэтому человечество пока обречено тиражировать неоклассические мемы, пусть даже они не совсем адекватны реальности, как это прекрасно подчеркнул в своей книге Дж. Гэлбрейт: «*Содействие, которое экономическая теория оказывает осуществлению власти, можно назвать ее инструментальной функцией в том смысле, что она служит не пониманию или улучшению экономической системы, а целям тех, кто обладает властью в этой системе. <...> Частично такое содействие состоит в обучении ежегодно нескольких сот тысяч студентов. При всей его неэффективности такое обучение насаждает неточный, но все же действенный комплекс идей среди многих, а может быть, большинства, из тех, кто подвергается его воздействию. <...> Это оказывает огромное влияние непосредственно на тех, кто берется давать указания и выступать по экономическим вопросам. Хотя принятое представление об экономике общества не совпадает с реальностью, оно существует. В таком виде оно используется как заменитель реальности для законодателей, государственных служащих, журналистов, телевизионных комментаторов, профессиональных пророков — фактически всех, кто выступает, пишет и*

принимает меры по экономическим вопросам. Такое представление помогает определить их реакцию на экономическую систему; помогает установить нормы поведения и деятельности — в работе, потреблении, сбережении, налогообложении, регулировании, которое они считают либо хорошим, либо плохим. Для всех, чьи интересы таким образом защищаются, это весьма полезно. <...> Кроме того, это готовая теория. Студенты приходят, чему-то их надо учить, а неоклассическая модель имеется под рукой. Она обладает еще одной сильной стороной. Это учение допускает бесконечное теоретическое усовершенствование. С возрастающей сложностью возникает впечатление растущей точности и правильности. А по мере разрешения трудностей создается впечатление лучшего понимания»[202].

3. СОВРЕМЕННОЕ ОБЩЕСТВО

Социальные объекты, рассмотренные в предыдущей главе, вмененно присутствуют во всех общественных системах вне зависимости от их уровня развития. Однако их структура и соотношения между собой меняются во времени, отражая решаемые обществом проблемы. При этом следует особо отметить, что последовательности проходимых сообществами разных культур состояний не позволяют считать имеющиеся универсалистские гипотезы об общем пути эволюции социальных систем адекватными[203].

Следует отметить, что наряду с объектами, рассмотренными в предыдущей главе, в современных обществах возникают и некоторые социальные объекты, специфичные именно для Современности. Для целей настоящей книги меня будет интересовать именно Современность/Модерн и более того — лишь Поздний Модерн, ибо задачи, стоящие в настоящее время перед правящим слоем России, вполне соответствуют задачам, решаемым всеми развитыми странами. Конечно, архаизация жизни в России за последние 20 лет по многим направлениям была очень значительна, и общество достаточно сильно деградировало даже по сравнению с самим собой времен начала перестройки, однако пока еще мы все-таки удерживаемся на определенном качественном уровне. При этом следует отметить, что «запас прочности» социума уже подходит к концу, и если наша элита и актив окажутся неадекватными стоящим перед страной задачам модернизации, то мы вполне можем вскоре отстать от развитых стран, в том числе и качественно, сделав напрасными жертвы советского периода, принесенные во имя развития нашего общества.

Социальное время: Поздний Модерн

Понятие Современности/Модерна в своих общих чертах уже было рассмотрено ранее (см. раздел «Историческое время»

главы 1). Там же было указано, что некоторые качества текущих социальных процессов в развитых странах позволяют отделить внутри Современности настоящий период социальной эволюции от предыдущего, что подводит базу под концепцию Позднего Модерна, разделяемую рядом современных мыслителей, среди которых можно отметить Э. Гидденса[204], Ю. Хабермаса[205], А. Турэна[206].

Поздний Модерн

Остановимся прежде всего на отличительных характеристиках социального времени Позднего Модерна. Во-первых, как уже указывалось в настоящей книге (см. раздел «Историческое время» главы 1), Поздний Модерн характеризуется постиндустриальной фазой развития хозяйства. Для понимания особенностей данной стадии выделим в совокупном потреблении общества часть, которую назовем необходимым потреблением. Необходимое потребление — это тот минимальный общественный продукт, без которого социум не может себя воспроизводить в принципе. Все, что потребляется сверх этого, будем называть избыточным потреблением[207]. Если посмотреть, какая часть экономики работает на необходимое потребление общества, то можно увидеть, что еще недавно эта часть была достаточно велика. Однако из-за роста производительности труда она к последней трети XX века резко сократилась. Высвободившаяся рабочая сила была в основном поглощена различными отраслями услуг, большинство из которых обслуживают именно избыточное потребление. Данный структурный сдвиг в экономиках развитых стран, вызванный постепенным сокращением доли «реального» производства и значительным ростом доли сферы услуг, и был определен в качестве перехода к постиндустриальной фазе развития соответствующих социумов.

Переход в постиндустриальную фазу совпал с резким увеличением частоты социальных нововведений, которые обесценили жизненный опыт старших поколений и сделали его

бесполезным для молодежи. Это привело к практической ликвидации последних остатков традиционных социальных норм, включив в поле рефлексии человека все стороны его жизни. Никогда ранее человек не был так свободен в своем выборе жизненных вариантов. С другой стороны, именно это в силу необходимости нести ответственность за свой выбор привело к увеличению временных затрат на оценку разных возможностей и принятие «правильного» решения, то есть на рефлексию. Жизнь человека вдруг предстала перед ним в качестве его личного проекта, с соответствующей необходимостью целеполагания, планирования и активностью в плане достижения поставленных целей. Судьба вдруг трансформировалась в набор рисков, которыми следует научиться разумно управлять, и т.д. Подробнее эти и некоторые другие особенности изменения базовых основ Социального, обусловившие переход соответствующих обществ в Поздний Модерн, будут обсуждены далее в связи с подходом к основам современной социологии, развиваемым Э. Гидденсом[208] (см. приложение 3.1: «Основы социальной теории Э. Гидденса»).

Освобождение выбора человеком своего жизненного пути от остатков влияния Традиции вместе с уходом из царства необходимости в связи с возрастанием ресурсообеспечения его жизни создало условия для роста самоуважения человека и его способности «оплачивать» собственную непохожесть на других. Вместе с общим кризисом идеи универсальности это открыло двери для дифференциации жизненных стилей, выбираемых людьми для себя. Тем самым актуализировался круг вопросов, связанных с многокультурностью (мультикультурализм) и терпимостью людей друг к другу (толерантность). Общество вдруг обнаружило, что оно может себе позволить обеспечить каждому своему члену не только социальную поддержку в трудных жизненных условиях, но и возможности для самосовершенствования и раскрытия своих талантов. Итак, появляется ресурсная база под идею помещения обеспечения развития каждого члена общества в качестве основной соци-

альной цели — под телантропию (см. подраздел «Эволюция «великих рассказов» — обществоведческие тексты» раздела «Очерк эпистемологии — науки о знаниях» главы 1).

Модернизация общества

Все социальные мыслители, которые когда-либо занимались проблематикой Современности/Модерна, приходили к выводу о том, что Современность требует от социальных систем постоянных усилий по своей адаптации к непрерывно меняющимся условиям существования. Замечательно сформулировал проблему особенности существования в Современности Б.Г. Капустин[209]:

«...«справиться» с проблемой «современности» не означает «решить» ее раз и навсегда. Эта проблема из числа тех, которые не знают «решений», тем более окончательных. Ее можно лишь «удерживать», т.е. так канализировать присущие ей «энергии», чтобы, с одной стороны, предотвращать разрушение ими основ общественной жизни, а с другой — все же создавать морально и политически приемлемые формы общежития, никогда, впрочем, не идеальные...»

*«...Способ «справляться» с ней (*проблемой современности. — *П.К.) и есть не что иное, как «модернизация». Последняя не означает некоторое телеологическое движение к «современности» как определенной модели. «Модернизация» есть способ существования в «современности», и она не может завершиться, во всяком случае пока не завершилась «современность». Поскольку «модернизация» не представляет собою воплощения некоторых универсальных законов, постольку ее ход и формы обусловлены историко-культурным контекстом того общества, в котором она осуществляется, и чем она успешнее — тем эта зависимость выше. «Модернизаций» как способов существования в «современности» столько, сколько существует современных обществ. Отождествление «модернизации» с какой-то уже имеющейся моделью (что происходит, к примеру, когда модернизация выступает вестернизацией) представляется*

не столько даже теоретической ошибкой, сколько трагической ошибкой практики».

Другими словами, модернизация — это имманентная функция современного общества. Как только общество прекращает исполнение этой функции, оно немедленно начинает покидать Современность — архаизироваться.

Рассмотрим данную функцию из общих соображений чуть более детально в свете уже накопленного опыта внедрения различными сообществами социальных изменений[210], причем ограничимся лишь стадией отбора и подготовки соответствующих проектов. Данная стадия обычно состоит из двух основных фаз: (1) фаза формирования списка возможных изменений и (2) фаза планирования изменений — подготовки соответствующих проектов.

Для формирования списка возможных социальных изменений очень важно наладить систему мониторинга как общества в целом, так и различных его составляющих. Было бы хорошо, если бы данная система позволила бы диагностировать возникающие социальные проблемы на возможно более ранних стадиях. Для такой диагностики можно, например, отслеживать имеющиеся в обществе социальные напряжения. Другим источником возможных изменений может служить какая-то система индикаторов, отклонения в которых дают сигнал на привлечение общественного внимания и последующий анализ соответствующих общественных компонентов на предмет их эффективности.

Обнаруженные «претенденты» на внедрение должны быть оценены на предмет их общественной значимости — приоритеты здесь могут быть расставлены по результатам экспертного и общественного обсуждения. Те проблемы, по которым сложился общественный консенсус о несомненной необходимости и важности их разрешения, поступают в более детальную проработку. На этой фазе анализируются различные возможные варианты решения данных проблем и формируются стратегии по их разрешению. Данные стратегии должны обязательно учитывать сложность общества в плане взаимовлияния результатов раз-

личных воздействий друг на друга, и они должны быть обсуждены экспертами, в том числе и в целях возможной интеграции стратегий между собой.

Хорошо проработанные стратегии являются заготовками для соответствующих проектов. При этом важно, чтобы каждая такая заготовка содержала бы в себе четко определенные промежуточные цели, по которым можно было бы вести общественный мониторинг исполнения проекта при его реализации. В принципе при исполнении проекта этапы детального планирования и последующего исполнения поставленных задач должны перемежаться с этапами мониторинга достигнутых результатов с возможной последующей поправкой проекта в свете полученных социальных реакций. Важность последнего определяется сложностью и рефлексивностью общества — ведь уже произведенные воздействия меняют в том числе и само общество, что делает базовую аргументацию обоснования проекта устаревшей. Поэтому задача постоянной актуализации модельных представлений о социуме должна быть неотъемлемой частью любого подобного проекта.

Общая схема социальной технологии, описанная выше, составляет суть метода постепенных социальных изменений (piecemeal social engineering) К. Поппера[211]. Данный метод самосогласован логически, поскольку он учитывает отмеченную выше в главе 1 рефлексивность общества — способность общества к изменению под действием любой вновь полученной информации. В принципе Поппер обосновал свой метод постепенных изменений в пику большим утопическим социальным проектам (БУСП), которые были очень популярны на определенном этапе развития Современности. Основным недостатком БУСП являлось то, что в силу сложности своей реализации они стимулируют мобилизацию общества и последующий переход к использованию тоталитарных социальных практик[212]. А сложность реализации БУСП связана именно с рефлексивностью общества, и грамотная отработка этого неотъемлемого свойства человеческого коллектива разлагает БУСП на ряд небольших

проектов, каждый из которых соответствует требованиям метода постепенных изменений.

Другой интересный момент связан с взаимоотношением социальных институтов и социальных структур в процессе модернизации. Существует целое направление западных модернизационных теорий, которое предполагает эту связь однозначной. В рамках этого направления, называемого транзитологией, предполагается, что социальные структуры однозначно порождают социальные институты. То есть, например, для обеспечение развития общества считается достаточным копирование западных социальных структур. Другими словами, модернизация по сути подменяется вестернизацией. Подробный разбор этого направления был проведен, например, в уже упоминавшейся книге Капустина[213]. По большому счету данное направление наследует знаменитому положению Маркса о том, что «бытие определяет сознание». Однако, по всей видимости, базовая посылка тразнитологии не верна — для успешности модернизации общества необходимо контролировать качество желаемого изменения как структур, так и институтов, причем правильная эволюция именно социальных институтов является принципиальной для успешной общественной трансформации.

Интеграция социальной функции модернизации в общественную культуру требует наличия особого сообщества носителей данного компонента культуры в стране — сообщества социальных новаторов, то есть тех людей, которые могли бы качественно проработать и внедрить в практику социальное изменение. В экономической науке подобных новаторов обычно называют предпринимателями, и после работ Вебера и Шумпетера уже стало общим местом, что именно предпринимательский талант обеспечивает экономическое развитие общества. Поэтому предпринимательская способность признана очень важным экономическим ресурсом и качество предпринимательской способности является предметом особой заботы социальных управленцев. Очевидно, что все это верно и для государственной, и публичной сфер общества — общественная

подсистема, ответственная за социальные изменения, должна быть укомплектована адекватными ресурсами.

Национальная модель государства

В плане государственного строительства Современность характерна возникновением и постепенным переходом к доминированию в мире специального типа государственного устройства — национального государства. Теоретически национальное государство явилось продуктом развития западной политической мысли в направлении десакрализации власти. Такое «расколдовывание» политики в конечном итоге привело к установлению рационализированных процедур в рамках различных типов реализованных на практике демократий, причем основной целью рационализации была работа по устранению (или по уменьшению последствий) возможностей злоупотребления властью.

Исторически же идея нации возникла при проработке теоретического обоснования источников суверенитета государственной власти (см. также подраздел «Суверенитет» раздела «Социально-культурные универсалии: Власть, Справедливость и др.» главы 2).

Современная модель государственного суверенитета

Если проследить, как менялись представления о суверенитете в западной политической культуре в разные исторические времена[214], то можно увидеть, что легитимность власти в раннефеодальных обществах главным образом обеспечивалась победой в поединке/войне, или, по-другому, правом завоевания. Победа в свою очередь связывалась людьми с удачей, и обе они были безусловным знаком благоволения богов.

Впоследствии право завоевания было вытеснено правом крови — наследственной передачей власти по старшинству в феодальных монархиях. При этом источником верховного суве-

ренитета оставался Бог: монарх получал право верховной власти напрямую с небес через специальную церемонию помазания.

Развитие политической мысли в период Современности/Модерна привело к возникновению альтернативной концепции: Бог являет свою волю людям не через монарха, а через нацию — сообщество политических акторов государства, имеющих право заключать и пересматривать общественный договор. Данная концепция со временем стала доминирующей в западной политической культуре, а нация стала считаться единственным источником легитимного суверенитета государства. При этом сам процесс легитимации был связан с выборами — процедурой оформления решения нации по персонам, занимающим ключевые посты в национальной системе управления.

Так возникло первое значение категории «нация» в западном культурном и политическом поле смыслов — ***нация как политическая ипостась народа страны***[215] — с четким отнесением данной категории к Политическому и определения ее как основного субъекта новой и новейшей истории. Здесь же рядом возникает понятие национального государства (nation-state) — государства единой нации. При этом понятие нации обеспечило подходящую среду для последующего «расколдовывания» политики в рамках Современности — переходу в общественном сознании людей от внешнего источника суверенитета (Бог) к рационально обусловленному (воля народа). В представленном плане нация определяется как некое «воображаемое сообщество» (Б. Андерсон)[216], или, другими словами, как определенная коллективная идентичность. Здесь следует также отметить, что в современном обществоведении такое понимание стало уже классическим[217]. Для национальной идентичности выделяются следующие основные определяющие характеристики: нация — это (1) коллективная идентичность, включающая в себя ответственность за страну проживания т.е. имеющая (2) в качестве значительной доли своего содержания «высокую» государственную политику вместе с (3) наличием собственного государства.

После завершения становления данных смыслов в западной политической мысли (XIX в.) образовавшиеся национальные государства оказались в жесткой конкурентной борьбе с оставшимися феодальными монархиями. Эта борьба породила идеологию этнонационализма, которая хорошо послужила в качестве одного из инструментов ослабления застывших в своей архаике конкурентов.

Как уже указывалось, нация — это коллективная идентичность, тесно связанная с Политическим. Если рассмотреть процесс возникновения новых наций (см. обзор концепций в Приложении 3.3: Очерк концепций генезиса нации), то огромную роль в данном процессе играет дискриминация. Именно наличие дискриминации по какому-то групповому признаку заставляет людей объединяться в политической борьбе для защиты своих интересов. Именно дискриминация наполняет политическим содержанием их групповую идентичность, превращая ее в национальную по мере роста политических амбиций. В частности, нещадная эксплуатация третьего сословия Французского королевства со стороны клира и аристократии сплотила людей в борьбе со Старым режимом, что впоследствии привело к формированию французской нации. Политика дискриминации соотечественников, живущих в колониях, со стороны метрополий Британской и Испанской империй в XVIII веке[218] подтолкнула колонистов к осознанию своих отдельных от метрополии интересов, что завершилось их восстанием и последующим формированием новых наций Северной и Латинской Америки.

Однако особое место в деле формирования новых национальных идентичностей играет дискриминация по этническому признаку[219]. Этническая принадлежность и гендер — это базовые социальные характеристики личности, причем этническая идентичность полностью совместима с тем, чтобы при возникновении соответствующих условий иметь возможность быть развитой в национальную идентичность. Именно это и обеспечивает онтологическую основу этнонационализма. Субъектность

же данной идеологии обеспечивается наличием людей с лидерскими амбициями, по каким-то причинам не могущих конкурировать в рамках всей страны. Такие люди могут увидеть свой жизненный шанс в ограничении конкуренции по этническому признаку и выдвинуть соответствующий этнонациональный проект. При наличии действительной дискриминации данный проект быстро обрастает сторонниками, становясь проблемой для доминирующей политической элиты государства, часто принимая форму сепаратистского движения. Так возникает второй смысл категории «нация» — нация как этническая группа, по каким-либо признакам признанная достойной собственной государственности, и это по большому счету отражает введение Этнического (изначально принадлежащего лишь антропологии) в политику. Если вспомнить выделенные ранее основные характеристики нации, то для нации во втором понимании их следует сформулировать следующим образом: нация — это (1) коллективная идентичность, имеющая (2) в качестве значительной доли своего содержания «высокую» государственную политику вместе с (3) претензией на собственное государство. Другими словами, различие категорий «нация» в первом и втором понимании заключается в отношении к государственности — нация в первом понимании уже имеет свое государство, а нация во втором понимании стремится его заполучить. Введем в рассмотрение еще одно понятие — категория протонации[220], которая при наличии характеристик (1) имеет пункты (2) и (3) — «высокую» политику и претензию на собственное государство — лишь в потенциальной форме.

Здесь следует обратить внимание на важную часть национальной идентичности — ***национальную территорию***[221], ту территорию, которую нация ощущает своей по праву. Очень часто современные межгосударственные конфликты являются по сути конфликтами идеальных представлений населения разных стран о расположении своих естественных границ. Поэтому обоснование «правильности» взгляда национального сообщества на «естественные» границы своей национальной

территории является важной частью национального мифа, творящего национальную историю[222].

Интересно отметить, что этнонационализм может быть «выращен» и при отсутствии реальной дискриминации соответствующего этноса. Основной мотивацией людей при этом обычно бывает чувство этнического превосходства или желание получить односторонние преимущества за счет дискриминации (или даже прямого ограбления) представителей других этнических групп. Мотивация к политизации Этнического может быть также создана с помощью политических технологий без реальных к тому предпосылок. Для этого в сознании этнической группы создаются симулякры[223] — идеальные образования, воспринимаемые людьми как отражения реальности, но не имеющие с реальностью ничего общего. Например, в головы людей может быть внедрено ощущение дискриминации даже при отсутствии оной в социальной практике общества. В принципе ощущение этнического превосходства тоже можно считать подобным симулякром.

Отмеченные политтехнологии могут быть использованы разными странами в борьбе со своими геополитическими конкурентами. Для этого достаточно выявить в государстве-противнике имеющиеся этнонационалистические группировки (или создать их заново, с нуля, из имеющихся протонаций), после чего обозначить соответствующие этнические группы населения нациями и приступить к защите автоматически приобретаемой данными группами исторической субъектности — их права на самоопределение. При этом подобная трансформация протонации в нацию может в значительной степени быть основана на манипуляционных технологиях, что делает поддержку этнонационализма мощным оружием по ослаблению государства-противника.

Имеющаяся двусмысленность понятия «нация» вместе с присвоенной себе возможностью постановки и толкования данного круга вопросов является одним из методов воздействия западных государств на свое окружение. Обобщая имеющийся исто-

рический материал по политике западных стран XIX—XX веков, можно сформулировать следующие принципы, проясняющие современное западное понимание суверенитета государств:

1. Единственным источником государственного суверенитета является нация.

2. Нация в первом ее понимании — это сообщество основных политических акторов на занимаемой государством территории, которые участвуют в процедурах политического управления страной (в частности, в процедурах заключения/перезаключения общественного договора). Если данные процедуры хорошо регламентированны и допускают возможность бескровной ненасильственной смены правящей команды, то соответствующие нации определяются как «свободные», а соответствующие государственные образования называются демократиями.

3. Наряду с национальными государствами в мире существуют империи и другие несвободные государственные образования, стремящиеся к угнетению как своего населения, так и своих соседей. Свободные нации должны безусловно помогать угнетаемым.

4. Естественно, приходим к альтернативному пониманию нации: нации — это те этнически однородные группы людей в империях, которые хотят покончить с имперским угнетением себя. Данные группы безусловно достойны права на самоопределение и образование своего государства, желательно свободного и демократического. При этом чем больше наций обнаружится в империи тем лучше: сообщество свободных наций будет более разнообразным (а каждое новое государство — маломощным и вследствие этого беспроблемным для лидеров «свободного мира»).

5. Альтернативное понимание нации не распространяется на страны, где доминирует первое ее понимание, как бы того ни хотелось соответствующим этническим группам. Такие группы являются отнюдь не нациями, достойными самоопределения, а сепаратистами, сражающимися против свободного мира на стороне сил зла. (Другими словами, исключать Этническое из по-

литики на своей территории могут только страны, входящие в клуб «свободного мира».)

При этом в настоящее время ушел в историю еще один принцип, бывший очень важным где-то до середины XX века и породивший практически все европейские войны Современности: Национальное государство (nation-state) имеет право расширить свою юрисдикцию на все территории с компактным проживанием людей, относящих себя к соответствующей нации. Этот принцип определил отношение западных государств к объединению Германии и Италии в XIX веке, перемещению европейских границ как на западе Европы (франко-итальянская и франко-германская границы, захват Венецианской области Италией и др.), так и на востоке (изменения границ Польши, изменение границ Германии по результатам Мюнхенского сговора, объединение украинских, белорусских и литовских земель в рамках СССР и др.) Последним событием, оправданным данным принципом, было поглощение ГДР (1991 год). При этом сербам в подобных претензиях было уже отказано, а признание независимости Косово показало, что национализм вновь взят на вооружение западными странами для перекройки мирового пространства в своих интересах.

В этом плане становится интересным более детальное рассмотрение отмеченной выше стандартной дихотомии «национальное государство» vs «империя», являющейся базовой концепцией западного политического сознания. Привлекая введенную ранее категорию национальной территории, можно увидеть, что для национальных государств является характерным равенство или превышение их национальной территории над политической, то есть над той территорией, которую национальное государство реально контролирует. Далее в национальных государствах обычно отсутствуют значимые группы людей, которые политически исключены из национального строительства. Для империй же с активным национальным проектом характерно то, что национальная территория метрополии всегда меньше, чем политически контролируемая территория, причем

совершенно отсутствует интенция расширять национальный проект за пределы национальной территории. В этом плане возникают два выпадающих за пределы такой дихотомии случая.

Во-первых, на территории государства могут существовать несколько национальных проектов. Обычно один из данных проектов доминирует, а остальные строятся на основе оппозиции к нему (шотландцы vs британцы в Великобритании, курды vs турки в Турции, баски и каталонцы vs испанцы в Испании), но могут быть и равномощные национальные проекты (Фландрия и Валлония в Бельгии). Выпадение таких случаев из стандартной дихотомии позволяет западному экспертному сообществу в своей оценке политики доминирующей нации по отношению к альтернативным национальным проектам запросто переключаться с игнорирования заявки меньшинств, если доминирующая нация относится к категории «своих», на клеймление государства империей, если государство оценивается как враждебное. Для примера можно сравнить современную (2008) западную трактовку случаев Сербия—Косово и Грузия—Абхазия. Для подобного двойного стандарта в интерпретации аналогичных событий западными учеными был даже предложен альтернативный политически корректный термин — гетероглоссия.

Во-вторых, можно выделить случай, когда национальная территория государства меньше его политической территории, но у нации имеется четко выраженная интенция равноправного включения в себя периферии по мере ее созревания. Характерным примером такого случая являются США в XIX веке, когда они колонизировали захваченные у Мексики земли (освоение Дикого Запада).

Национальное государство: Логика общих принципов

Возникнув в качестве основы для общественного договора, концепция нации в своем логическом развитии обеспечила общие принципы структуры национального государства — того

типа государственного устройства, которое базируется на нации как источнике государственного суверенитета.

1. Нация состоит из множества людей, что диктует создание и поддержание в действии формы их политического сотрудничества. Обычно данная форма поддерживается различного рода делиберативными практиками «утрясания» интересов основных игроков, причем в качестве основного метода разрешения возникающих конфликтов выдвигаются переговоры и голосование. Рационализация этих процессов привела, в частности, к возникновению списков прав и обязанностей участников нации.

2. Наряду с появлением правил взаимодействия возникли способы ограничения нарушения данных правил основными игроками. Появилась политическая категория деспотии, объединяющая все моменты использования власти и государства в чьих-то узко-эгоистических интересах без учета интересов остальных игроков — участников нации. Соответственно получило нормативное оформление право на восстание нации против деспотии.

3. Проблема ограничения деспотии привела к бюрократизации Политического. Государственная власть была представлена в виде набора постов с четко определенными функциями. При этом все функции данных постов являются взаимодополняющими и взаимоконтролирующими, и ни один пост не имеет всей полноты возможностей по установлению деспотии. Такой подход был назван «принципом разделения властей». Заполнение ключевых постов происходит на основе избрания нацией ответственного за данный пост человека среди нескольких возможных кандидатов. Выбранная таким образом команда осуществляет государственное правление, причем она должна периодически подтверждать свой мандат, проходя через процедуру национальных выборов. Этим самым институциализируется право на восстание — у людей появляется возможность смены правящей команды в случае возникновения подобной потребности.

Наряду со структуризацией и рационализацией Политического шел процесс изменения принципов определения участников нации. Сначала нацию представляли элитарные группы мужчин — крупных собственников. Со временем круг участников нации расширялся до охвата всего взрослого населения страны. В каждый момент времени существует четкое определение социальной границы, отделяющей участников политического процесса на данной территории от лиц, по каким-то причинам пораженных в политических правах. И прохождение данной границы в любой момент времени является вопросом текущей политики.

Приведенные выше принципы выступают логическим разворотом сущностей, заключенных в принятом определении нации как основной категории современной политической философии. При этом люди долго игрались с разными способами редукции приведенных принципов. Существовали (да и существуют сейчас) национальные деспотии, долгое время практически опробовались различного рода элитарные подходы к формированию политического класса. Однако опыт показал, что устойчивое развитие общества в долгосрочной перспективе может быть достигнуто лишь на основе всех перечисленных выше принципов. Все деспотии тяготеют к элитарности, все элитарные политические конструкты со временем вырождаются, теряют свою эффективность и сталкивают общество в какой-то момент в хаос. И только имея в качестве базы отбора текущей элиты все население страны, можно надеяться на длительную стабильность развития.

Национальные ценности

Еще один интересный логический «разворот» понятия нации может быть получен при принятии во внимание условий успешного взаимодействия представителей нации — акторов в рамках установленного общественного договора. Каждый такой человек имеет свои интересы, и интересы нескольких игроков

могут как совпасть, порождая условия для их кооперации, так и быть противоположными друг другу. В последнем случае имеет место конфликт.

Все имеющиеся конфликты основных игроков создают конфликтное поле, которое должно быть каким-то образом управляемо, чтобы возникающие в нем социальные напряжения не разрушили бы целостность общества. Потребность управления конфликтами в социуме порождает как соответствующие социальные структуры (суды), так и соответствующие институты (право, социальные нормы и обычаи), которые в силу своей важности для людей дают очень сильные образы в общественном сознании, перевязываясь вокруг представлений общества о справедливости.

При этом оказывается, что понятия, занимающие центральное место в общественном представлении о справедливости, также могут быть вычленены и при анализе факторов, влияющих на принятие управленческих решений в данном обществе. Такие понятия — общественные ценности — легли в основу специального направления в философии — аксиологии[225], в рамках которой они обычно трактуются как некие культурные инварианты высшего порядка. При этом существует несколько подходов к теории ценностей[226], общим местом которых является понимание ценностей в качестве чего-то важного и структурирующего для рассматриваемого сообщества. В рамках теорий социального номинализма ценности обычно выводятся из архетипа людей и считаются отражающими нечто, реально наличествующее в коллективном бессознательном[227]. В этом плане интересен альтернативный подход, связанный с интерпретацией ценности как компенсации существующего архетипа: «*... национальные ценности, конечно, специфичны для нации, но они являются не прямым продолжением этнических стереотипов поведения, а их противоположностью, их компенсирующей силой. Они формируются по принципу дополнительности, дефицитности, редкости*»[228]. Базовая идея данного подхода основана на том, что в наличествующем этническом архетипе могут существовать

черты, являющиеся недостатком для его носителей в плане их вклада в конкурентоспособность какого-либо сообщества. Если при этом существует некий набор ментальных структур, который может скомпенсировать данный недостаток, то в процессе социогенеза данный набор будет поддержан сообществом доксически[229]. Вследствие такого процесса сообщество и получает в виде своих базовых ценностей именно те этические комплексы, которые компенсируют систематические/архетипические недостатки составляющих его групп людей.

В плане своего структурирующего действия на общество ценности тесно связаны с метарассказами, структурирующими систему знания сообщества — его эпистему (см. раздел «Очерк эпистемологии — науки о знаниях» главы 1).

Альтернативы современной государственности

Первые варианты национальных государств (Франция, США, испаноязычные страны Латинской Америки) возникли в борьбе с монархиями, что, по-видимому, и определило для них выбор республиканской формы правления. Однако если Северо-Американские Штаты оказались устойчивыми в своем изначальном демократическом выборе, то типовым вариантом для стран Латинской Америки был республиканский авторитаризм в виде пожизненного президентства, перемежаемого периодами демократических правлений и смутами государственных переворотов.

Высокий уровень сродства созданных национальных государств Современности, выражавшийся, в частности, в более высокой устойчивости соответствующих государственных образований, обратил на себя внимание продвинутых политических деятелей традиционных европейских монархий (первая половина XIX века). В результате проведенных реформ данные монархии были переформатированы с заменой их традиционного содержания на современное, определяемое логикой национального государства. Особенно в этом преуспело Прусское

королевство, создав костяк, вокруг которого впоследствии была объединена Германия. По этому же пути пошли метрополия Британской империи, скандинавские королевства и другие продвинутые европейские монархии. В конечном итоге после серии трансформаций большинство стран этого пула преобразовали себя в демократии, сохранив при этом монархическую форму государственного устройства.

На общий демократический вектор развития национальных государств Европы в XX столетии периодически накладывались апробации различными нациями авторитарных и тоталитарных политических и социальных практик. Однако все подобные попытки в конечном итоге завершались крахом и переходом соответствующих стран к демократическому правлению. В целом можно сформулировать социальную закономерность, заключающуюся в том, что национальные государства Современности в своем развитии тяготеют к демократической форме правления. Данная закономерность, как это было показано в предыдущем подразделе, оправдана логикой «раскрытия» задействованных политических категорий.

В качестве сущностной альтернативы национальному государству в современности было исторически опробовано то, что можно назвать многонационалией. Данная форма была характерна для некоторых государств социалистического лагеря (СССР, Югославия). В основу многонационалий были положены марксистские идеи о специфичности национального государства лишь для буржуазного периода развития общества и то, что было названо «ленинской национальной политикой». Здесь следует обратить внимание, что представление советской концепции государственного устройства в рамках развиваемого подхода вскрывает множество логических противоречий. Данные противоречия в свое время были замаскированы с помощью выработки специального языка описания, который и был использован тогда для презентации концепции. Однако противоречивость концепции с легкостью порождала «еретиков», что делало практическую реализацию концепции неустойчивой и

требующей насилия по ее удержанию в допустимых рамках. По всей видимости, данная неустойчивость и была одной из причин краха общественной системы при ослаблении насилия. Однако вернемся к советской многонациональной концепции, в основу которой был положен тезис о том, что классовые различия, как имеющие более универсальную природу, должны получить приоритет по сравнению со всеми остальными различиями в человеческих сообществах. Это требование с необходимостью вело к переходу основного ядра политики к классовой идентичности, что должно было бы сопровождаться соответствующей деполитизацией национальной идентичности[230]. Для стимулирования данного перехода была сделана попытка исключить понятие нации из обществоведческого дискурса, что удалось только частично — за счет первого понимания категории нации. И то не до конца: впоследствии в советское обществоведение была введена категория «советский народ», представлявшая по своей сути понятие «нация» в его первом понимании.

Второе этнонационалистическое понимание категории «нация» исключить не удалось. По-видимому, это было связано с тесным союзническим взаимодействием с различными маргинальными этнонационалистическими группами на ранней стадии развития большевизма и политикой интеграции националистических групп в победившую советскую власть во время революции. Как бы то ни было, в советском обществоведении категория нации понималась лишь во втором этнонационалистическом смысле, что отражается общеизвестным определением нации, данным Сталиным[231]. Впоследствии все этнические группы страны были отранжированы в несколько классов и для каждой отклассированной группы было создано недогосударственное образование с различной степенью «недо-» в зависимости от класса, в которую попала этническая группа. По большому счету была произведена массовая политизация этнического, что оставило в устройстве страны этнонационалистическую мину. Данная мина взорвалась, как только ослабло насилие, сдерживавшее групповой эгоизм этнических сообществ.

К сожалению, многонационалия не устойчива по отношению к сепаратизму. Имея недо-государство каждая недонация стремится избавиться от приставки недо. При этом объективно существуют факторы, отделяющие каждую национальную группу от других. Во-первых, это обиды при дележе ресурсов. Во-вторых, обиды классификации — каждая группа, естественно, стремится увеличить свой класс, и кто-то говорит ей нет, создавая иллюзию дискриминации. В-третьих, этническая бюрократия, неконкурентоспособная на общестановом уровне, имеет искушение повысить свой статус, отделившись или дискриминируя другие этнические группы на основе эксплуатации титульного статуса административного образования.

Единственный способ разминирования государственного устройства многонационалий — это отделение политики от этнической идентичности, или, другими словами, приватизация Этнического. Для этого с этнической принадлежностью людей предлагается поступить так же, как с их религиозной принадлежностью, — сделать ее и сопутствующие ей вопросы частным делом граждан. И таким образом совершить переход к национальному государству с формированием на общестановом уровне нации в первом понимании данной категории.

В этом плане интересно проследить свежий пример «приватизации национального», который развертывается перед нашими глазами в рамках трансформации Евросоюза. На первом этапе это был просто союз государств. Затем были созданы координирующие органы, в рамках которых пошла работа по выравниванию нормативного поля и созданию общеевропейской идентичности. Для последнего был сформирован лист общеевропейских ценностей, на основе которого был достигнут консенсус элит входящих в союз государств. Как результат последующей пропаганды общеевропейской идентичности все более и более людей чувствуют себя европейцами. Например, по данным «Евробарометра» к 2000 году в целом по Европе уже было 10% людей с доминированием «европейскости» в самоощуще-

нии[232], причем количество «европейцев» было выше в странах — основателях ЕС, доходя в Люксембурге до 31%.

На настоящем этапе началось формирование общеевропейских политических органов, так что по самому вероятному сценарию последующего развития произойдет «накачивание» европейской идентичности политическим содержанием и выхолащивание текущих национальных идентичностей на уровне отдельных стран. В конечном итоге наличествующий тренд вполне может привести к формированию единой европейской нации, которая соберет в себе политические компоненты имеющихся национальных идентичностей. Все остальные компоненты, которые с необходимостью будут «очищены» от политики (типа этнической принадлежности), претерпят подобную обработку и будут опущены на коммунальный уровень добровольных объединений граждан. Следует заметить, что подобные процессы уже имели место в истории при образовании и развитии США, а также Швейцарской конфедерации.

Национальное государство: Основной структурный риск

Выше уже отмечалось, что национальное государство может получить вызов своему существованию при возникновении сепаратистского движения на основе кризиса общенациональной идентичности и развития какого-то альтернативного коллективного самоощущения людей. Зарождение сепаратизма обычно начинается с активизации субъектности какой-то уже имеющейся в стране протонации. Причиной возбуждения субъектности сообщества обычно является необходимость совместной защиты какого-то важного для данного сообщества интереса. При этом дело может ограничиться обычной политической активностью в рамках имеющегося национального политического поля без актуализации сепаратистских требований. Следующий этап — возникновение маргинальной националистической группы. На этой стадии сообщество еще продолжает оставаться протонацией, но уже возникает потенция его преобразования в нацию

во втором понимании. Такая потенция становится реальностью при массовом охвате националистической идеологией членов рассматриваемого сообщества. Сепаратизм становится реальностью, что может сопровождаться уже не только политической, но и военной борьбой с элитой доминирующей нации. В конечном итоге сепаратистское движение может победить, организовав свое государство и преобразовав свою нацию в нацию в первом понимании данного понятия.

При анализе этого риска следует иметь в виду, что протонации могут иметь не только этническую природу. Одними из первых известных в истории протонаций являются янки и дикси в США, представляющие фактически сообщества внутри одного этноса. При этом история Гражданской войны и реконструкции Юга является хорошей иллюстрацией как восходящей стадии развития сепаратизма дикси, доведенного вплоть до военного столкновения, так и его нисходящей стадии деградации, вплоть до деконструкции идентичности дикси с нации в ее втором понимании обратно в протонацию. Другим примером неэтнического сепаратизма может служить недолгая история Великой Колумбии Боливара — ведь политические группы, развалившие данную страну на Венесуэлу, Колумбию и Эквадор, были совершенно «одной крови».

Естественным способом управления риска сепаратизма со стороны национального государства являются постоянный мониторинг всех имеющихся протонаций и интеграция возникающих на их базе политических активностей в единое политическое поле страны. Политика «недопущения сепаратизма» наиболее эффективна в этом плане, поскольку «если этнический антагонизм превысил определенный порог насилия, то удержать борющиеся группы внутри одного сообщества становится очень трудно»[233]. Но даже если сепаратизм возник, то еще не все потеряно. Как показывает опыт США, даже очень мощное сепаратистское движение может быть успешно деконструировано с практически полной ликвидацией его массовой опоры.

Вмененный риск развития малых наций

Другой интересный аспект проблемы устойчивого развития национального государства возникает при учете масштабного фактора — численности государствообразующей нации. Для понимания основного риска развития малых наций введем разделение националистических движений на две группы — группа национализмов-за и группа национализмов-против[234]. «Национализм-за» — это движение, направленное на развитие своей нации или этнической группы. «Национализм-против» — это борьба за ограничение других наций или этнических групп, за введение для себя привилегий по этническому признаку.

Каждой нации, каждой этнической группе для актуализации своей идентичности необходимо периодическое появление «великих людей», делающих значимый вклад в одно из направлений человеческой деятельности. Такие люди (национальный Пантеон) играют роль скреп соответствующей коллективной идентичности, подтверждают наличие «замысла Божьего» об инаковости данного сообщества.

С тех пор как развитие общества стало определяться быстротой усвоения новых технологий, а лидерство в мире — производством оных, резко усложнилась ситуация с коллективной идентификацией малочисленных субъектов истории. Действительно, для поддержания лидерства по какому-нибудь направлению необходимо поддерживать несколько творческих групп, способных продуктивно работать и соревноваться в этой области. Для малых сообществ это оказывается непосильным, поскольку практически все творческие ресурсы забираются другой задачей — задачей усвоения нацией наработанного в мире. Это делает дискурс малочисленного замкнутого сообщества объективно вторичным.

Единственное направление, в котором нация или этнос всегда первичны, — это традиция. Данный факт обусловливает концентрирование амбициозных творческих кадров на этом на-

правлении и соответствующее развитие дискурса национализма. Как уже отмечалось, идеология национализма может принять формы «национализма-за» и «национализма-против». Что может предложить малой нации националистическая идеология в качестве «национализма-за»? Только лишь включение национального сообщества в дискурс какой-нибудь большой нации, которая «тянет» технологическое лидерство по некоторым направлениям, с тем, чтобы способные национальные кадры могли участвовать в позитивном мировом распределении труда на первых ролях, пополняя национальный Пантеон и обеспечивая сообществу ощущение первичности. Другими словами, частичную ассимиляцию малочисленной нации.

В итоге мы видим, что «национализм-за» при малочисленности носителей сам себя «съедает», и, следовательно, целостность и воспроизводство националистического дискурса малочисленной нации или этноса могут состояться только в рамках «национализма-против», который, впрочем, отнюдь не решает проблему ощущения обществом своей вторичности. Но может хорошо ее объяснить происками врагов.

Данный анализ показывает также ограничения для малых наций в плане поддержания различных эпистемных вариантов своего родного языка. При этом трудности имеются не только в плане поддержания языков строгого мышления, которые делают язык неоментальным и позволяют работать со сложными в интеллектуальном плане моделями, но и даже в плане литературного языка, наличие которого делает язык палеоментальным. (О принятой в настоящей книге классификации письменных языков см. подраздел «Социальное время и эпистема» раздела «Историческое время» главы 1.) Последнее связано в основном с обеспечением качества контента соответствующей эпистемы — у малых народов с этим возникают естественные трудности, связанные как с малочисленностью талантливых людей соответствующего уровня, так и с желанием данных талантов расширить зону своего признания путем перехода на язык более многочисленной нации.

В целом похоже, что эволюция множества взаимодействующих национальных идентичностей аналогична эволюции множества зародышей новой фазы при фазовом переходе 1-го рода. При этом существует критический размер зародыша, так что зародыши меньшего размера растворяются, давая материал для роста зародышей большего размера. В свете этой аналогии, нации с численностью менее определенного критического значения объективно испытывают кризис национальной идентичности, втягиваясь в поле притяжения более крупных наций, способных обеспечить человеческое самоуважение в полном объеме. Современные данные по националистическим дискурсам в разных странах позволяют считать, что в настоящее время критическая численность нации, допускающая устойчивое существование «национализма-за», составляет 50—60 млн человек.

Демократия

Как это уже косвенно проявилось в предыдущем разделе (см. подраздел «Национальное государство: Логика общих принципов»), общественное устройство, естественно получаемое при логическом развертывании понятия «нация», является очень похожим на то, что обычно подразумевается под термином «либеральная демократия». Рассмотрим понятие демократии и связанный с данным понятием круг вопросов чуть более подробнее.

Демократия — естественная модель национального государства

Понимание нации как множества людей, задающих правила игры в государстве, приводит к необходимости определения данных правил в части взаимодействия этих людей между собой. При желании минимизировать насилие и максимально расширить круг согласия приходим к необходимости различного рода делиберативных практик достижения компромиссов, а также к голосованию как основному способу разрешения конфликтов.

Представление любой социальной организации в виде структуры постов с предписанными функциями, которые занимаются ответственными за исполнение данных функций людьми, легко совмещается с вышеизложенным путем введения выборных процедур для определения достойных занимать руководящие посты граждан. Применительно к государству выборы фактически являются делегированием нацией своих властных полномочий неким своим представителям. Сложность соответствующей управленческой работы порождает необходимость профессионализации таких выборных представителей, то есть люди, желающие занимать соответствующие посты, должны посвящать подготовке к этому занятию все свое рабочее время. Так появляется профессия «политик» и пул избравших данную профессию людей, которые предлагают свои услуги нации по представлению ее интересов на государственном уровне.

На следующем шаге мы, естественно, приходим к возникновению дифференциации политиков, поскольку люди по-разному представляют себе национальные интересы и способы их реализации. Мы приходим также к конкуренции разных политиков за выборные места — за право представлять и реализовывать интересы нации. Возникает согласование действий политиков со сходной системой взглядов между собой, порождающее соответствующее политическое направление в обществе. Каждое политическое направление оформляется политическими партиями, движениями, сочувствующими данным структурам гражданами. Появляется конкуренция политических направлений, особенно острая в момент выборов, когда политики соревнуются в борьбе за голоса граждан. Таким образом мы приходим к модели демократии Шумпетера[235], в рамках которой у общества должно иметься в наличии несколько конкурирующих групп политиков, способных выполнять возлагаемые на них функции по государственному управлению в случае их избрания на соответствующие посты. При этом, что очень важно, если какая-

то группа проиграла выборы, то она должна иметь возможность достойного существования в стране без существенной потери управленческой квалификации.

Анализ проделанного вывода показывает, что в нем существенно используется положение о минимизации насилия в обществе. Снятие данного требования открывает возможность реализации авторитарной модели национального государства, когда государственная и публичная власть монополизируется представителями одного политического направления с насильственным подавлением политических конкурентов. Авторитарная модель государственного устройства может оказаться эффективной в краткосрочном плане, хотя бы за счет снижения издержек поддержания альтернативных управленческих команд или издержек от дискуссий при выборе направления общественного развития, однако в долгосрочном плане она неэффективна. Издержки от застойных явлений в обществе, которые развиваются из-за отсутствия политической конкуренции, издержки от общественных напряжений, возникающих в случае массового несогласия населения с проводимым политическим курсом, и особенно издержки при транзите власти, когда старая команда по каким-то причинам уходит и власть берется новой командой (иногда даже через кровопролитие), резко ухудшают общественный баланс авторитарного правления.

Логическая проработка периодов властного транзита в сторону смягчения приводит к другой устойчивой в долгосрочном плане государственной конструкции — монархии, которая является одной из логически непротиворечивых форм реализации авторитаризма. В рамках монархии противоречия властного транзита снимаются принципом наследственности при передаче роли высшего авторитета в государстве. Однако возможность возникновения общественных напряжений, могущих привести к восстанию народа против правительства, является стандартным риском любого авторитаризма, а следовательно, и такой его формы, как монархия.

Еще одна устойчивая общественная конструкция может быть получена при «смешении» авторитарной и демократической моделей. Если политическая элита (актив) страны использует демократическую модель для внутриэлитных отношений и авторитарную модель для отношения с народом (массой), то реализуется вполне устойчивый в долгосрочном плане гибрид. По большому счету все современные демократии со стажем были такими гибридами на ранних фазах своего развития[236].

Проработка характеристик различных моделей общественного устройства реальных государств с целью выделения основного определяющего качества демократий приводит к определению государственного демократического устройства К. Поппера[237]: *«демократия — это форма государственного устройства, позволяющая нации совершать бескровную ненасильственную смену правящей команды даже против ее на то желания»*[238]. Очевидно, что данное качество оформляет практическую реализацию принципа минимизации общественного насилия, и оно позволяет, в частности, понять, почему монархии Великобритании, Дании, Бельгии и ряда других европейских стран считаются образцовыми демократиями.

На основе данного определения можно увидеть, что конечное отнесение обсужденной выше гибридной модели к авторитаризму/демократии будет зависеть от того, насколько политическая элита подчиняет себя нации. В крайнем случае сословного общественного устройства, когда элита и нация совпадают между собой, государство можно в принципе посчитать демократическим, поскольку оно удовлетворяет приведенному выше критерию. Однако в современных условиях по умолчанию признается расширительное понимание нации, включающее большинство взрослых дееспособных подданных государства. Поэтому элитарная демократия в таких условиях представляет собой форму авторитаризма и соответственно включает в себя риск восстания народа (массы) против политической элиты (актива) страны.

Целью любого восстания народа против правительства является смена данного правительства, и если возможность бескровной смены правящей команды интегрирована в государственное устройство страны (см. выше понимание Поппера), то можно говорить о демократии как о способе институализации права нации на восстание[239]. Другими словами, неотъемлемым свойством любой демократии должно быть спокойное отношение к праву граждан бороться против возможности установления деспотии (авторитаризма). И это в принципе подтверждается практикой — в современном мире наблюдается поддержка элитами стран, которые называют себя демократическими и признают таковыми друг друга, наполнения права на восстание массы реальным ресурсообеспечением (доступ граждан к оружию, военным технологиям и т.д.)

Интересный аспект демократии открывается, если задуматься над конкретным содержанием процессов делиберации элит (особенно в плане разрешения конфликтов) и поддержания внутриэлитных социальных норм. Так можно выйти на проблемы обеспечения доверия, организации единого коммуникационного пространства, внутриэлитной солидарности в плане наказания девиантов. Весь этот комплекс институтов можно определить термином «элитный консенсус». При этом нетрудно видеть, что элитный консенсус является необходимым условием для демократии: *«Политический режим любого сорта, включая либеральные демократии, прежде всего является продуктом действия элит. И стабильные либеральные демократии являются продуктом действия конкретного типа элит. Это тот тип элит, который я называю объединенным на основе консенсуса. Я могу сказать, что никогда не было стабильных либеральных демократий, которые бы не возникли на основе консенсуса элит, потому что элиты всегда предшествуют режиму. Если режим существует в форме либеральной демократии, то этой форме демократии предшествует создание элиты, объединенной на основе консенсуса»*[240]. И действительно, только элитный консенсус определенного качества может обеспечить

гарантии безопасности уходящему правителю, без чего тот с очевидностью будет противодействовать попыткам своей смены, опасаясь за жизнь и имущество — свои и своей семьи. Другим важным моментом является признание одной из сторон соревнования за верховную власть своего проигрыша в случае прихода к финишу «ноздря в ноздрю» — уж больно велик соблазн для формально проигравшего перевода спора в силовую плоскость путем мобилизации своих сторонников. Эти и многие другие моменты показывают, что демократии без элитного консенсуса действительно быть не может.

Демократия и свобода

То, что демократическое устройство правления обществом формировалось в постоянной оппозиции к деспотии, определило специальное отношение демократии и свободы, обусловливаемое высоким уровнем сродства данных категорий друг другу. Более подробно суть категории свободы будет рассмотрена в следующем разделе. Здесь же мы ограничимся одним интересным наблюдением, которое воспроизводится в течение всего времени формирования либерализма. Оказалось, что по мере освобождения человека, которое происходило благодаря развитию политической и экономической подсистем общества, возникли условия для формирования того, что Б.Г. Капустин определил словами «новый деспотизм»: *«Здесь Токвиль подходит к определению важнейшего отличия “нового деспотизма” от “старого”. “Новый деспотизм” — это не насилие в старом понимании данного слова. Он не подавляет, не ограничивает в желаниях и стремлениях. Он сам формирует желания и стремления, направляет и удовлетворяет их. Он упраздняет классические категории и “свободы от”, и “свободы для”: первую — ибо не от чего освобождаться, коли власть становится не ограничением, а поощрением, вторую — ибо к чему-то стремиться и для чего-то быть дееспособным не имеет смысла, коли все дано, и само стремление продуцируется предметом, даваемым властью, т.е. тоже задается, когда пред-*

мет стремления уже есть в наличии. Вместе с упразднением категорий свободы упраздняются и категории принуждения. "Новый деспотизм" аннигилирует все политические категории, оставляя лишь неполитическую категорию счастья, вообще не поддающуюся, как показал Гегель, определению, и производные от нее — "понятия" удовольствия и неудовольствия. Это и есть инфантильное мышление, т.е. "сохранение людей в их младенческом состоянии", которое аутентично воспроизводится политическими теориями инфантильности в виде бихевиоризма, "рационального выбора" или "экономической теорией демократии", персонажем и предметом которых, как абсолютно точно сформулировал Шумпетер, выступает умственный "дикарь" и морально "безответственное" лицо, т.е. (вечный) младенец. "Не сокрушать волю людей, но размягчать ее, сгибать и направлять" (46, С. 497) — это и есть самая общая формула "нового деспотизма" и в то же время — его самое существенное отличие от "старого", поскольку тот делал все противоположно "новому"»[241].

Б.Г. Капустин рассмотрел данное понятие в своей книге «Современность как предмет политической теории» достаточно основательно. Он проследил его формирование начиная с пионерских работ А. Фергюссона, за которым последовали работы Г.В.Ф. Гегеля, А. де Токвиля, Й. Шумпетера, М. Фуко, А.А. Зиновьева. Кратко «новый деспотизм» можно охарактеризовать тем, что современные социальные системы развитых обществ как предопределяют практически все основные необходимые потребности человека, так и полностью удовлетворяют их (включая потребность человека в конфликтах). В результате человек становится пленником общественных рутин, и его деятельность фактически становится выполнением какой-то уже определенной программы. «Новый деспотизм» — это тотальная программируемость людей, их жизни, их деятельности. Он сопровождается полной удовлетворенностью человека этим своим «заключением», можно даже сказать, счастьем. В результате своей полной защищенности бытием в «матрице» общественных рутин человек теряет способность брать на себя риск, действовать в условиях неопределенности и давления обстоятельств. Человек теряет волю к свершениям.

В принципе «новый деспотизм» может быть реализован не только в условиях демократии. Подобная система может возникнуть и при авторитарном устройстве правления. В общем случае данное явление характерно именно для Современности, поскольку оно целиком определяется уровнем развития производственных и гуманитарных технологий. Однако лишь в рамках либеральной демократии с ее центральным принципом освобождения людей «новый деспотизм» порождает очень интересную проблему: расширение свободы в обществе сопровождается ощущением ее выхолащивания, ее аннигиляции, ее исчезновения. Понимание подобного ощущения может быть найдено в рамках ресурсной модели свободы, которая будет представлена в следующем разделе. А социальные последствия «нового деспотизма», то, как это явление трансформирует общественную ткань, будут рассмотрены в разделе «Общество и Современность».

Риски демократии

Теперь рассмотрим возможные социальные риски, присутствующие в современном дизайне демократического устройства общества. При этом заметим, что оба представленных здесь риска связаны с конфликтом некоторой «избыточности» требуемого ресурсообеспечения для «гладкого» функционирования демократии с общим требованием общественной эффективности, следующей из доминирования в общественной эпистеме продуктивного метарассказа[243] (см. также главу 1, раздел «Очерк эпистемологии — науки о знаниях» подраздел «Эволюция "великих рассказов" — политические тексты»).

Как уже отмечалось выше, демократия — это модель государственного устройства, обеспечивающая регулярную бескровную смену правящей команды. То есть наряду с командой, находящейся у государственного руля, в обществе необходимо

наличие нескольких резервных команд сравнимого уровня квалификации. Мы видим возникающее противоречие требований демократического устройства общества с продуктивным «великим рассказом»: ведь это очень неэффективно — «кормить» резервные команды, т.е. множество незадействованных высококлассных специалистов. Хотя данная неэффективность является лишь кажущейся. Опыт коллапса СССР показал, что ограничение соревновательности на политическом (и любом другом управленческом) поле приводит к куда более дорогим для общества последствиям — в погоне за сиюминутной выгодой легко можно пренебречь долгосрочными интересами.

Между тем Запад умело управляет данным риском. Не видно, чтобы они пытались экономить на своих экспертных сообществах — обычном «отстойнике» для резервных управленцев. Однако наличие общей тенденции к двухпартийности политических систем подтверждает значимость указанного фактора — очевидна тяга к минимизации количества простаивающих команд при условии сохранения политической конкуренции.

Другой точкой воздействия продуктивного метарассказа на демократические институты является общественный дискурс. Для пояснения механизма данного воздействия рассмотрим самую общую структуру социума национального государства, частным случаем организации которого является демократическая форма правления (см. также главу 2, раздел «Строение общества»). Поскольку нация — это народ страны в своем политическом измерении, а политика — это прежде всего власть, то естественно рассматривать группирование людей по их отношению к функции управления. При этом сразу же выделяется актив нации — те люди, которые занимаются управлением, организуют и координируют других людей для достижения общественных целей. Актив возникает естественным образом в любом социуме, который достиг определенного уровня сложности, т.е. в случае, когда функция управления требует своей специализации и набор решаемых задач заполняет все время деятельности выделенных обществом для этой функции людей.

Ключевая характеристика актива — наличие организаторских (как вариант — предпринимательских) способностей.

Основная же масса людей специализируется на других видах деятельности и служит для управленцев своего рода строительным материалом для создания различного рода общественных структур. К числу последних относятся государство, экономические структуры (фирмы и корпорации), общественные организации различных типов (профсоюзы и ассоциации, саморегулирующиеся профессиональные союзы и кондоминиумы, неправительственные учреждения и кооперативы). Масса обычно делегирует политические функции активу, занимаясь в основном частной жизнью. Актив структурирует себя и массу, задавая «каждому сверчку свой шесток». Масса принимает отводимое ей положение в обществе, определяемое активом, и в большинстве своем лояльна сложившемуся порядку вещей.

Все сказанное вовсе не означает отсутствия конкуренции/соревнования между людьми. Различные части актива борются между собой за статус и влияние на общественное целеполагание и распределение ресурсов. Каждый человек из массы также желает улучшить свое личное положение, выстраивая собственную карьеру. Но в целом общественные правила игры людьми из этих групп под сомнение не ставятся. Вместе с тем лояльность большинства отнюдь не мешает этому самому большинству бороться за заполнение системы наиболее выгодным ему общественным контентом. При этом могут существовать программы реформ, заключающиеся в частичном изменении действующих правил или в косметической перестройке общественного каркаса.

В дополнение к активу и массе можно выделить еще одну группу — национальный коагулят (см. также главу 2, раздел «Социальный коагулят — “малый народ”»). Это люди, которые в принципе не согласны с тем положением в обществе, которое им отводит национальный актив. Претендуя на большее и не находя поддержки ни у актива, ни у масс, данные индивидуумы начинают отвечать им взаимностью. Они принимаются

отрицать существующие ценности массы, ставить под сомнение легитимность актива и, естественно, попадают в изоляцию. Впрочем, это, скорее, самоизоляция, которую данные люди собственными руками и поддерживают. Выбранная ими модель поведения «непризнанных гениев» толкает их к осознанию своей избранности, что завершается такой стандартной формой их группового бытия, как секта. При этом если актив и масса являются системными силами общества, слоями, которые в принципе устраивают существующие порядки, то коагулят имманентно антисистемен.

В силу антисистемности представители коагулята обычно являются сторонниками больших утопических социальных проектов (БУСП). Их неприятие ценностей массы выражается в присвоении себе роли «прогрессоров», стремящихся к развитию «этих отсталых и неспособных к высоким духовным порывам мещан». В центр их идеологии входит «новый человек» в качестве обязательной части их утопии. Понятно, что себя эти люди относят к «новым» уже по факту своей «избранности», а желание мыслить массу как объект изменения в рамках запланированной антропологической революции дегуманизирует народ страны в их глазах, усиливая имманентно присущий им расизм. И вот эти люди очень активны в общественном дискурсе, продвигая свои антисистемные утопические идеи и взгляды, которые в силу отмеченного являются к тому же хорошим основанием для актуализации какого-то варианта тоталитарных практик (см. детали в подразделе «Модернизация общества» раздела «Социальное время: Поздний Модерн» настоящей главы). И то, что все известные истории случаи прихода коагулята к власти сопровождались установлением беззакония и организацией кровавого террора по отношению к политическим противникам, увы, лишь подтверждает отмеченную выше логику.

Именно здесь и возникает еще одна точка риска современных западных демократий. Воздействие продуктивного рассказа, который требует повышения эффективности управления, приводит к тому, что у актива не остается времени на идеологическую работу. В общественном дискурсе начинают доминировать представители коагулята, продвигая различные антисистемные идеи, «отравляя» общественное сознание.

Свобода[244]

Как уже отмечалось, содержание Современности во многом определяется эмансипационным метарассказом — великим рассказом освобождения (см. подраздел «Эволюция “великих рассказов” — политические тексты» раздела «Очерк эпистемологии — науки о знаниях» главы 1). Влияние этого метарассказа на эволюцию общественного порядка в течение нескольких прошедших столетий было очень существенным, причем достигнутые результаты позволяют считать идеологическую победу либерализма в современном мире полной и окончательной. В настоящее время трудно себе представить какую-либо массовую идеологию (пусть даже конфронтирующую с идеологиями, называющими себя либеральными), которая не провозглашала бы своей целью освобождение человека. Все различия между современными идеологиями концентрируются вокруг вопросов: «Что именно считать действительным, а не декларативным, освобождением человека? Какими методами можно достичь максимального уровня свободы людей за минимальное время?»

Свобода человека

Чтобы понять, что представляет собой свобода человека в социальном плане, рассмотрим сначала модель существования индивидуального человека в условиях ограниченной свободы. Данная модель может быть представлена в виде следующих тезисов:

1. Каждый человек имеет свой внутренний «генератор» потребностей. Определенная доля всех потребностей человека обусловлена его биологической природой, остальные — содержимым его сознания, теми самыми ментальными струк-

турами, которые были приобретены человеком в процессе его социализации. Ментальные структуры могут быть различаемы по источникам их возникновения. Часть структур была «встроена» в сознание человека при его воспитании по мере его взросления. Другая часть была приобретена человеком в результате своего жизненного опыта. Я не буду здесь подробно останавливаться на деталях данного «генератора» — в принципе существует множество работ по его моделированию, среди которых особое место занимает знаменитая «пирамида потребностей Маслоу»[245].

2. Возникшие потребности человека пропускаются через его первый ментальный фильтр, который будем обозначать как фильтр В. Данный фильтр, фильтр возможностей, по своей сути представляет собой ментальные структуры, отражающие понимание/представление человеком поля своих возможностей. Обычно эти структуры являются искаженным отражением поля возможностей всей цивилизации с поправкой на имеющиеся у человека табу и другого рода внутренние ограничения. В результате на этом шаге из изначального потока потребностей отделяются мечты-1, примером которых может служить идея: «А я летать хочу, как птица...» То, что проходит данный фильтр, преобразуется в желания человека.

3. Желания человека представляют собой идеи-потребности, к которым на выходе из фильтра В прикрепляется определенный эмоциональный заряд, обеспечивающий, в частности, разницу восприятия человеком между «хорошо бы...» и «хочу...». При этом в течение жизни конкретного желания мощь эмоционального заряда может меняться — как усиливаться, так и ослабляться вплоть до полного исчезновения самого желания.

4. Желания пропускаются через фильтр Р — фильтр ресурсообеспечения, который представляет собой представления человека о наличии у него необходимых ресурсов, о существующих внешних ограничениях (наличии регламентирующих социальных норм и разных других) и о стоимости исполнения желаний. В результате отфильтровываются мечты-2 (типа: «эх, врезать бы

по морде боссу...»). То, что проходит данный фильтр, преобразуется в намерения человека.

5. Намерения представляют собой «черновые наброски» планов действий по исполнению соответствующих желаний, чьи эмоциональные заряды они при данной трансформации наследуют. В принципе намерения переживаются человеком почти так же, как и желания, однако в них уже присутствует небольшой рациональный «привкус»: намерения — это до некоторой степени «продуманные» желания.

6. И наконец, намерения проходят последнюю фильтрацию через фильтр И — выбор к исполнению. При этом отобранное намерение трансформируется в план действий, который поступает человеку на исполнение. При данном преобразовании происходит дополнительное обдумывание намерения, так что план действий может оказаться очень подробным.

В рамках предложенной схемы мы видим основное место возникновения общепризнаваемой неудовлетворенности человека, вызванной отсутствием свободы. Данное место определяется наличием сильных желаний, которые остаются на уровне мечты-2. Именно здесь возникает экзистенциальное переживание человеком своей личной несвободы[246], причем предложенная модель сразу же дает человеку и способы управления состоянием и динамикой своего пула желаний, с тем чтобы снизить накал такого переживания. Для этого человек может:

- Адаптировать свои потребности, с тем чтобы получающиеся желания были бы более адекватными для прохождения фильтра Р.
- Изменить фильтр В, для чего, например, попытаться увидеть новые горизонты своих возможностей и/или ликвидировать разрыв в понимании, «пропускающий» неадекватные желания.
- «Поправить» фильтр Р, например, путем снижения уровня требований для допуска желаний к трансформации в намерения, переоценивая приемлемый уровень риска.

- Снизить уровень заряда желания, ассоциированного с желаниями/намерениями.

Другие способы управления переживаниями свободы/несвободы человека находятся в руках общества. В качестве примера последних можно привести:

- Изменение социальных норм, чем достигается прямое воздействие на фильтр Р.
- Увеличение ресурсообеспечения членов общества, что тоже воздействует на фильтр Р.
- Улучшение информированности членов общества об имеющихся перспективах (включая истории успеха видных представителей общества) — здесь воздействие осуществляется на фильтр В.
- Программы образования/социализации человека — воздействие осуществляется на всю обозначенную выше цепочку.

Обращает на себя внимание тот факт, что ценность свободы дана человеку «от противного», через ее недостаток. Именно ограничение свободы дает человеку сильное экзистенциальное переживание невозможности удовлетворить какое-то желание. Подобным свойством увеличения ценности при своем отсутствии обладают ресурсы — вспомним, например, восприятие человеком ценности воздуха — пока его в достатке, никто на него особо не обращает внимания, однако как меняется картина восприятия, когда воздуха не хватает...

Таким образом возникает идея, что свобода является ресурсом — ресурсом для производства человеком своей биографии. Понимание биографии как основного результата рефлексивного проекта человека по развитию своей личности было предложено А. Гидденсом в рамках своей концепции позднего модерна: *«Ключевой характеристикой посттрадиционной социальной жизни, отражающей в себе ценностный политеизм, некалькулируемость рисков и механизмы активного доверия, является изменение структуры личностной идентичности (self-identity): в период позднего модерна "самость" (self) становится рефлексивным проектом. По Гидденсу, рефлексивный характер самости является отличительной чертой всего модерна, однако только в посттрадиционном обществе она проявляется в полной мере: на предшествующем этапе модерна экспансия рефлексивности сдерживалась и организовывалась традицией. "Личностная идентичность, — отмечает Гидденс, — не является характерной чертой или набором черт, которыми обладает индивидуум. Она представляет собой самость, рефлексивно понимаемую индивидом в терминах ее или его биографии. Идентичность предполагает непрерывность в пространстве и времени, однако самоидентичность является такой непрерывностью, будучи рефлексивно интерпретируемой агентом. (...) Быть "личностью" означает не только быть рефлексивно действующим лицом, но и обладать понятием личности (прилагаемым к себе и другим)" [19, p.53]. Иными словами, идентичность личности не является каким-то объективным свойством человека — она порождается и поддерживается продолжающимся нарративным движением, интегрирующим события, поступки и переживания в связную биографию»*[247].

Биография человека, линия его жизни, во многом определяется как имеющимися у человека возможностями, так и возникающими у него желаниями, ибо лишь совмещение активных действий человека с полем его возможного может породить свершения и достижения — основу разметки личностного жизненного пути. И как мы видели выше, именно возможности и желания являются основными составными частями поведенческой модели, способной объяснить переживание человеком своей несвободы и через данное переживание актуализировать ценностное восприятие им того, что принято называть словом «свобода».

Ресурсная модель свободы дает неожиданный ракурс в плане понимания обсужденного в предыдущем разделе «нового деспотизма». Развитие общества, достижения его эмансипации снимают ограничения человека по такому ресурсу, как свобода,

что приводит к исчезновению его ценности для людей и делает его незаметным для человеческой активности. Практически же это выражается в том, что все возможные поведенческие паттерны, соответствующие удовлетворяющим подавляющее большинство сограждан компромиссам, уже определены, отрефлексированы и зафиксированы в понятиях и социальных нормах, так что люди в своей массе «собирают» свою биографию из уже готовых кусков-заготовок, не выходя за пределы общепринятых общественных рутин, не попадая в ситуации, где они могли бы испытать сильное переживание экзистенциальной несвободы.

При этом действительно ужасным для человека становится его «выпадение» по каким-то причинам за пределы данных рутин, его маргинализация. При «несовпадении» с логикой современного общества человек подвергается террору со стороны самых обыденных вещей и практик, всей своей «шкурой» ощущая диктат главенствующего дискурса и полное отсутствие свободы при существовании вне его.

Свобода в обществе

При переходе от человека к обществу понятие свободы приобретает дополнительные черты. Во-первых, оказывается, что свобода отнюдь не аддитивна, то есть свобода общества не равна сумме свобод индивидов. Действительно, снятие всех ограничений на поведение людей приводит к тому, что сильные порабощают слабых, так что суммарный уровень свободы в подобном обществе оказывается очень небольшим. В этом заключается известный парадокс свободы, открытый еще Платоном. Как отметил К. Поппер: *«Этот парадокс может быть сформулирован следующим образом: неограниченная свобода ведет к своей противоположности, поскольку без защиты и ограничения со стороны закона свобода необходимо приводит к тирании сильных над слабыми. Этот парадокс, в смутной форме восстановленный Руссо, был разрешен Кантом, который потребовал, чтобы свобода каждого человека была ограниченна, но не далее тех пределов, которые необходимы для обеспечения равной степени свободы для всех»*[248].

Таким образом, стандартной целью общества, провозглашающего эмансипацию человека в качестве своей высшей ценности, является разрешение данного «парадокса свободы»: свобода каждого должна быть равно ограниченна, с тем чтобы интегральная свобода всех членов общества стала бы максимальной. Такое ограничение индивидуальной свободы, максимизирующее уровень общей свободы в обществе, можно определить как моральную свободу, свободу справедливости. Конструктивный путь достижения моральной свободы может быть основан на принципе малых социальных изменений К.Поппера (piecemeal engineering)[249]. Планируемые изменения общественной системы в этом случае должны основываться на мониторинге уровня свободы различных социальных групп общества, а разрабатываемые при этом действия должны подталкивать общество к тому, чтобы ликвидировать наиболее вопиющие случаи несвободы и несправедливости. В обществе должны регулярно внедряться новые социальные нормы, адекватные текущему моменту, и столь же регулярно пересматриваться действующие социальные ограничения. Соответствующая работа должна проводиться с программами образования/социализации детей. Нужно отслеживать расширение поля возможностей для жителей страны, проистекающее из-за развития технологий, и фиксировать появляющиеся новые возможности, доводя это знание до сведения людей. Естественно, что информационное обеспечение населения должно также включать пропаганду идей свободы, демонстрировать уже имеющиеся у каждого человека возможности, обучать людей методам психологической самокоррекции для гармонизации своих желаний. При этом очень важно не забыть еще один важный атрибут свободы человека — наличие у него ресурсов для исполнения своих желаний.

Очевидно, что уровень моральной свободы общества не является чем-то постоянным и фиксированным. В частности, данный уровень существенно зависит от развития технологий,

которые во многом определяют поле возможностей для населения страны. Например, двести лет назад еще не было телефона, а сто лет назад телефон был предметом роскоши. Соответственно тогда речь не могла идти о свободе поддержания ежедневного общения с родными и близкими в случае длительной отлучки человека из родной местности. Сейчас свобода такого общения доступна практически каждому человеку, где бы он ни находился, однако постоянно обсуждается проблема защиты таких разговоров от прослушивания посторонними людьми. Или другой пример. Еще пятьдесят лет назад речь в принципе не могла идти об удовлетворении желания поглядеть на Землю со стороны, из космического пространства. Сейчас эта услуга уже доступна богатым людям. И следует ожидать, что еще через некоторое время космический туризм станет массовым, как таковым стали многие другие виды эксклюзивного туризма, еще недавно бывшие уделом лишь очень богатых людей.

Интересно отметить, что сторонники либертариантства — идеологического течения, связанного с требованием минимизации влияния государства на общество в целом и его экономику в частности, — почему-то не артикулируют явно проблему парадокса свободы в своих работах. При этом, однако, они неявно принимают отмеченное выше кантовское решение по необходимости ограничения индивидуальной свободы людей, правда лимитируя данные ограничения индивидуальных свобод лишь областями прямого физического насилия[250], контрактной дисциплины и (некоторые авторы) сознательного искажения информации, приводящего к обману людей и мошенничеству. Из общих соображений в рамках построенной модели ясно, что уровень либертарианской свободы всегда будет ниже уровня моральной свободы, которую общество может достичь при расширении своих возможностей по социальному нормотворчеству. Действительно, если существуют те ограничения индивидуальных свобод, которые увеличивают интегральную свободу общества, то при расширении области регулирования мы можем только увеличить общую свободу, поскольку для сохранения до-

стигнутого уровня свободы достаточно ничего не делать в этих дополнительных направлениях[251].

Еще один интересный момент общественной свободы проявляется при ответе на вопрос: «А все ли достойны быть свободными?» Проблема определения круга «равных», «избранных» для свободы, обсуждалась, например, И. Валлерстайном: *«...Являются ли права* (человека. — *П.К.*) *абсолютными или же они ограничены некими рациональными оценками последствий их применения? ...Последний вопрос может показаться неожиданным. Разве не очевидно, что верный ответ — “все”? Вовсе нет! На самом деле такого никто и никогда не заявлял. Например, почти повсеместно признано, что такими правами не обладают несовершеннолетние, или по крайней мере не все несовершеннолетние, с очевидным основанием, что умственные способности несовершеннолетних не позволяют им пользоваться этими правами разумно и безопасно для себя и для других. Но если исключены несовершеннолетние, то как насчет впавших в маразм стариков, грудных младенцев, социопатов, преступников? А потом список можно будет продолжать до бесконечности: как насчет подростков, невротиков, военнослужащих, неграмотных, бедных, женщин? Где та очевидная линия, которая отделяет способность от неспособности? Такой линии, конечно же, не существует, и уж точно не существует такой линии, которая определялась бы естественным правом. Таким образом, оказывается, что определение лиц, на которых распространяется действие этих прав человека, неизбежно является текучим, зависящим от политики...»*[252]. Значит, при формальном следовании либеральной политике у власть имущих имеется постоянное искушение ограничить круг «равных в правах». Получаем очень интересное измерение либерализма, обычно скрываемое от публики, — область распространения свободы в обществе. То есть в рамках либеральной идеологии равно возможны и эгалитарные общественные системы с равными возможностями для всех, и элитарные системы с допуском в зону свободы только лишь ограниченного круга «своих». В частности, классический капитализм начала XIX века вполне соответствует либеральной

идеологии, правда с очень узким определением круга «достойных».

Таким образом выделяется класс общественных систем, имеющих общественный консенсус по максимально возможному расширению зоны свободы в обществе и соответствующим образом выстроенную внутреннюю политику. Общую часть идеологии таких социумов можно назвать «либерализмом-для-всех» (ЛДВ), фиксируя в названии абсолютное неприятие элитарности в базовых понятиях социума. В принципе к ЛДВ тяготеют политические движения, проповедующие так называемый социальный либерализм и/или коммунитаризм. В то время как сторонники, например, экономического либерализма и/или либертарианства отнюдь не «замарачиваются» правами бедных и социально слабых групп населения[253].

Общество и Современность

Как это уже отмечалось (см. подраздел «Модернизация общества» раздела «Социальное время: поздний модерн» данной главы), Современность требует от всех причастных к ней социальных агентов постоянных усилий по своей адаптации к постоянно меняющимся условиям своего существования. С другой стороны, уровень эмансипации человека в современном обществе уже достиг того уровня, который позволяет говорить о новом качестве общества, характеризуемом термином «новый деспотизм» (см. подраздел «Демократия и свобода» раздела «Демократия» данной главы). В этом плане интересным становится обсудить те особенности, которые приобретают социумы, становясь развитыми и вливаясь в Модерн.

Структура общества Позднего Модерна

Главная составляющая общества Позднего Модерна выявляется при анализе работ западных обществоведов и философов, в которых они изучают «нежелательные» тренды современного западного социума. Утрированный образ этой составляющей был представлен американским фильмом «Матрица». Это именно то, что Б.Г. Капустин обозначил термином «новый деспотизм»[254], проследив формирование концепции по трудам Фергюссона, де Торквиля, Вебера, Шумпетера, Фуко (см. также подраздел «Демократия и свобода» раздела «Демократия» данной главы). Данная подсистема современного общества (я буду также называть ее матрицей, чтобы привязаться к сильному образу, сформированному фильмом) заточена на то, чтобы делать людей счастливыми, довольными собственной жизнью. С этой целью общество старается создать условия для максимально возможного удовлетворения разнообразных желаний людей, и, что особенно не нравится критикам, оно старается взять под контроль формирование желаний людей. Матрица по сути своей является набором рутин, то есть результатом предельной рационализации человеческого общежития в его современном варианте. В матрице люди ставят себе цели из уже известного и утвержденного обществом списка, для достижения этих целей они используют методы из уже известного и утвержденного обществом списка, и существуют механизмы страховки людей от наиболее болезненных жизненных неприятностей. При этом легальные списки целей и методов достаточно обширны, так что подавляющее большинство населения практически не испытывает никакого дискомфорта от отсутствия чего-то для них необходимого в «списках разрешенного».

Однако для обеспечения устойчивости существования такой «матрицы счастья» в современных условиях необходимы и другие общественные подсистемы, что связано с сильной изменчивостью реальности Позднего Модерна. Изменения реальности требуют постоянной «подстройки» матрицы к изменившимся условиям существования, что в свою очередь приводит к необходимости наличия в социуме проектной подсистемы, ответственной за внедрение необходимых изменений. Проектная подсистема не может быть включена в матрицу до конца, поскольку ответы на вызовы Современности могут потребовать выхода за

пределы рутин, прописанных в матрице. Другая необходимая общественная подсистема появляется из необходимости целеполагания для проектной подсистемы, а также для поддержания и постоянного обновления «пантеона богов» общества[255]. И это обычно происходит в рамках того, что можно назвать стратегической подсистемой.

Важной частью функционирования современного общества Позднего Модерна является тенденция к минимизации прямого насилия. Именно желание убрать насилие из жизни людей привело к созданию социальных технологий, основанных на широком социальном консенсусе, которые характерны для «нового деспотизма»[256]. А использование данных консенсусных технологий для организации социального пространства в свою очередь позволяет минимизировать насилие в социальной практике общества. Общественный консенсус может иметь два основных источника и/или компонента — рациональный и харизматический. Рациональный консенсус обеспечивается механизмами согласования интересов людей и их групп, свойственных гражданскому обществу в условиях демократии. Харизматический консенсус имеет иррациональную природу и связан с чувствами людей, находящими свой источник в их коллективной идентичности.

Если привязаться к основным человеческим группам, составляющим современное общество (см. раздел «Строение общества» главы 2), то очевидно, что матрица — это социальное место существования массы и значительной части актива общества, а именно той его части, которая отвечает за ординарное операционное управление обществом в рамках устоявшихся социальных рутин. Наряду с этой частью актива в обществе должна также существовать и другая его часть, ответственная за адаптацию общества к происходящим изменениям, т.е. за стратегическую и проектную подсистемы. Отсутствие адекватного ресурсообеспечения подсистем адаптации матрицы с течением времени приводит к росту социальных напряжений в матрице (и обществе), что может сопровождаться последующими социальными разрывами и даже общественным крахом. Именно поэтому необходимым условием существования современного общества является наличие в активе и элите определенного числа творческих управленцев, способных обеспечить стратегическое управление развитием различных общественных подсистем и снятием в них социальных напряжений[257].

Нормальное функционирование матрицы обеспечивает большинству людей чувство онтологической безопасности (см. приложение 3.1: «Основы социальной теории Э. Гидденса»), а также чувство удовлетворенности своей жизнью. Дискомфорт от существования в таком обществе могут испытывать лишь меньшинства, имеющие значимые для себя потребности, которые не входят в утвержденные общественные списки. Среди таких людей можно выделить различного рода пассивных маргиналов — тех, кто в целом признает правила игры, однако имеет специальные запросы, которые не предусмотрены в рамках стандартных регламентов. Например, длительное время к таким группам принадлежали гомосексуалисты и лесбиянки, члены различных религиозных сект и подобные им люди. Здесь же обычно оказываются и те, кто активно не приемлет правила функционирования доминирующих в обществе рутин. Например, те, кто считает, что стандартная средняя скорость накопления социального капитала не соответствует адекватной оценке обществом их способностей и заслуг. Или те, кто не видит в стандартных рутинах по внесению изменений в списки «разрешенного» возможности учесть свои потребности обществом. Данная группа, активно не приемлющая установленные в обществе правила игры, была определена ранее термином «коагулят» (см. раздел «Социальный коагулят — “малый народ”» главы 2).

Как уже было упомянуто, пассивные маргиналы обеспечивают образование одной из линий напряжений современного общества: меньшинства борются за включение значимых для себя потребностей в списки разрешенного матрицы, обеспечивая одно из направлений социального развития общества. Так в матрицы западных стран уже были интегрированы основные

социальные запросы гомосексуалистов и лесбиянок, включая регулирование имущественных отношений однополых пар, и линия текущей «борьбы за изменения» сместилась в область их права на усыновление/удочерение, с чем многие западные общества пока еще не согласны.

Еще одну линию напряжений создает коагулят. Будучи антисистемными по своей сути, представители коагулята обеспечивают общую критику общественных устоев, выискивая в матрице реальные или мнимые лакуны, которые не покрыты социальными рутинами из утвержденного списка. При этом часто коагулят концентрируется также на слабостях идеологического обеспечения работы матрицы, на «низвержении богов», критикуя моральные основания общества, действующие социальные нормы и порядки и стараясь разрушить общественный консенсус. В этом плане представители данной группы вносят свой вклад в десакрализацию уходящих «богов», приближая «смерть» тех «богов», которые утеряли свою адекватность текущему уровню социального развития, тем самым стимулируя активность стратегической подсистемы по поиску адекватного ответа[258]. Таким образом, коагулят по своей сути является основным «спарринг-партнером» стратегической подсистемы общества, и вследствие этого он способствует ее нормальному функционированию в плане исполнения своей ответственности за реакцию на вызовы, связанные со «смертью старых богов» и «порождением новых богов» общества.

Заметим, что предложенное в данном подразделе представление позволяет вычленить из реальности то основное качество, которое делает современное общество открытым в смысле К. Поппера[259]. Данное качество связано с наличием в обществе адекватно функционирующих стратегической и проектной подсистем.

Если взять для примера США, то можно увидеть, что в XX веке американское общество не только успешно справлялось со всеми выпавшими на его долю вызовами Современности, но и успешно планировало и проводило необходимые для развития реформы. Действительно, в течение этого времени США по меньшей мере два раза кардинально поменяли «богов» экономической сферы — с данной задачей успешно справились «Новый курс» Рузвельта и «рейганомика». Также менялись «боги» и гуманитарной сферы, что оставило свои следы в виде, например, десегрегации 70-х и выравнивания социальных позиций меньшинств 90-х и т.д.

СССР же, хоть ему и удалось трансформироваться к 70-м годам прошлого века в общество современного типа[260], увы, не выдержал испытания изменениями. События 70—80-х годов в стране можно представить в рамках разработанной схемы следующим образом: «Боги» коммунизма постепенно умирали, проектная подсистема не выходила за пределы матрицы, и в результате накопилось отставание от Запада по качеству жизни. Именно информация об этом отставании (рассказы о витринах западных магазинов) вместе с артефактами западного материального успеха (товары повседневного спроса «из-за бугра» и из «Березки», в потреблении которых правящая элита общества не могла себе отказать) делегитимировали матрицу социализма в сознании людей. Неэффективность отечественных управленцев в конце концов породила массовую неудовлетворенность жизнью, и эти два фактора привели к краху системы. То есть для СССР оказалась фатальной именно «закрытость» общества, именно то, что подсистемы разработки и внедрения социальных изменений не работали в СССР как следует.

Демографический переход

Здесь имеет смысл отметить еще один интересный момент, который коррелирует с переходом развитых обществ к Поздней Современности, — особенности изменения рождаемости. Несколько десятков лет назад демографами было отмечено резкое падение рождаемости в развитых странах, причем во многих из них данный показатель упал столь низко, что население практически перестало воспроизводиться в своей численности[261].

Данная ситуация, которую стали называть «демографический переход», оказалась достаточно универсальной, и она наблюдается как для западных либеральных демократий, так и для авторитарных государств Юго-Восточной Азии. При этом в рамках теории эволюции социальных систем возникает достаточно жесткий вопрос о том, что в долгосрочном плане такая ветвь социального развития, как «современное развитое общество», может оказаться тупиковой. Действительно, ведь если какая-то социальная культура не способствует воспроизводству своих носителей, то она заменяется другой культурой просто путем физического замещения — общих законов социальной эволюции пока еще никто не отменял.

Посмотрим теперь в рамках данного вопроса на основные механизмы падения рождаемости в Поздней Современности. Для выявления данных механизмов вспомним некоторые особенности указанного социального времени (см. раздел «Социальное время: Поздний Модерн» выше). Во-первых, данное время характерно тем, что скорость социальных и технологических изменений, к которым вынуждены адаптироваться люди, является очень высокой. Прямым следствием подобной ситуации является бесполезность жизненного опыта старших поколений в плане социального успеха молодежи, что привело к проблематизации традиционных рутин межпоколенческих связей. Во-вторых, социальная среда вынуждает людей постоянно рефлексировать, что стимулируется наличием для каждой их проблемы нескольких предложений по ее разрешению. Такая регулярная необходимость выбора удовлетворяющего варианта из нескольких возможных опций хорошо тренирует человеческую рациональность.

Следующим шагом рассмотрим текущую социальную рамку жизни каждого индивида. Во-первых, следует признать, что дети требуют от человека больших затрат, как прямых — денежных и временных, так и косвенных, примером которых может служить замедление набора вовлеченным в воспитание детей индивидом профессионального опыта и приостановка его карьеры. Во-вторых, одним из достижений Современности является обеспечение человека стабильным социальным страхованием, включая пенсии по старости. Такая социальная рамка делает жизненную стратегию child-free рационально выигрышной. Ведь child-free выигрывает у воспитывающего детей человека дважды. Child-free имеет преимущества и в течение своей активной жизни, когда он может больше потреблять и более интенсивно развивать свою карьеру. Он также не наказан и в старости, когда подросшие дети второго обеспечивают child-free необходимыми жизненными ресурсами, причем часто даже в большей доле, чем своих родителей.

Естественным образом следует ожидать, что по мере охвата рационализацией семейных отношений при сохранении указанной выше социальной рамки доля поведенческих рутин в обществе, ориентированных на child-free, будет только возрастать с увеличением соответствующего вклада в спад рождаемости. Так проясняется главный механизм упомянутого выше демографического перехода[262].

Проведенное рассмотрение позволяет заключить, что воспроизводство численности населения является одним из многих ресурсов Традиции, которые Современность неосознанно потребительски использовала в своем развитии, так что демографический кризис в развитых странах является всего лишь индикацией исчерпания данного ресурса. Здесь же можно вспомнить, что стандартным ответом Модерна на дефицитность какого-либо необходимого для его развития ресурса является рационализация воспроизводства данного ресурса, фактически заключающаяся в создании соответствующей индустрии, чем этот ресурс включается в систему воспроизводства Современности. Таким образом следует ожидать, что выход из демографического кризиса развитых обществ будет искаться на путях создания соответствующих социальных структур, которые могли бы поддержать какую-то рациональную стратегию стимулирования рождаемости[263]. Более подробное обсуждение этого круга вопросов можно найти далее в разделе «Российская демографическая проблема» главы 4.

Особенности постиндустриальной экономики

Рассмотрим далее некоторые общие социальные последствия преобразований экономической сферы, происходящих при переходе общества к Поздней Современности. Для этого зададим сначала нужную общую рамку наблюдения за развитием логики социальной ситуации. Напомню, что любое общество представляет собой людей, живущих и взаимодействующих друг с другом на какой-то территории. При этом его экономическая сфера в основном будет определяться тем, как интенсивно эти люди активничают в своей жизни, куда они вкладывают свои восемь часов рабочего времени, сколько денег они получают взамен, на что они эти деньги тратят. Такой взгляд на социум и его экономику сразу же обращает внимание на один замечательный момент: люди должны иметь возможность активничать завтра не хуже, чем они это делали сегодня. Или, другими словами, ***рабочая сила должна воспроизводиться***.

Назовем какой-то средне-минимальный комплекс товаров и услуг, необходимый для воспроизводства человеческого капитала в обществе, ***«социальной долей — соцдолей»***. Очевидно, что такая социальная доля обязательно должна включать в себя жилье, еду, одежду, какие-то определенные уровни возможностей по досугу, медицинскому обслуживанию, безопасности. В современном обществе в соцдолю также существенно вошла педагогика. Понятно, что в каждом обществе имеется какой-то свой стандарт соцдоли, и чем развитее общество, тем соцдоля богаче по содержанию, но для нас сейчас важно именно то, что такая минимально-достаточная соцдоля для каждого социума вполне определяема. И именно соцдоли определяют какую-то часть прав требования в обществе (см. подраздел «Социализация товаропотоков» приложения 2.3: «Основания экономической теории в социальном контексте»).

Так вот оказывается, что на современном уровне развития производства для обеспечения всех членов общества соцдолями необходима работа всего лишь 20—30% взрослого населения.

И эта квота необходимого труда со временем имеет тенденцию лишь уменьшаться. Труд же остальных людей (когда он есть) направлен на обеспечение того, что можно назвать избыточным потреблением, включающим в себя в том числе и расточительство. Именно такое распределение труда и составляет основную особенность постиндустриального экономического уклада.

Возникающий при этом вопрос: «А как же быть с «избыточным» населением?», каждое общество решает для себя посвоему. При этом различаются два основных подхода. Первый подход связан с тем, что «ненужные» люди где-то локализуются, чтобы «не мешались под ногами», обеспечиваются соцдолями и объявляются профессиональными безработными. При втором подходе человек стимулируется предложить другим членам общества что-то их затрагивающее в качестве избыточного потребления, и при успехе такой своей инициативы он оказывается «зарабатывающим» свою соцдолю за счет продаж такой своей находки. В принципе второй подход и обеспечивает те самые сервисы, растущий объем которых и является знаковым для постиндустриальной экономики. По сути своей данные сервисы являются лишь коммерциализацией сферы общественного распределения. Утрированно последнюю мысль можно разъяснить так: «Я почесал тебя за ухом, ты мне «сбацал» чечетку — мы оба славно поработали, за что и получили свои соцдоли».

И тут возникает интересный момент: а соцдоли для всех нас где-то должны бы иметься. Они должны быть либо произведены в стране, либо быть закуплены за рубежом. А при закупке из-за рубежа мы должны иметь валюту, которую можно получить, лишь что-то туда продав. То есть ***сервисы постиндустриальной экономики отнюдь не отменяют собственного производства общества, хотя бы в экспортной его части, а только дополняют его***, «надувая цифирь» по ВВП за счет коммерциализации распределения. Ведь это достаточно очевидно, что просто раздача соцдолей со склада мало что дает в плане вклада в ВВП — уж больно она эффективна для этого и не содержит места для многих часов

рабочего времени — то ли дело организация перепродаж избыточных сервисов.

Так что получается, что «новая экономика» сервисов может быть лишь надстройкой над старой экономикой производства. А что случается при неуважении данного правила, нам сейчас (лето 2009) демонстрируют республики Прибалтики — там, следуя новомодным экономическим теориям, в течение 90-х годов было в значительной степени ликвидировано свое соцдольное производство, а закупка необходимых для населения соцдолей последние 15 лет осуществлялась в основном на заемные деньги. Теперь же в долг давать перестали, и на людей пролился холодный душ[264].

Посмотрим далее, что может дать подобный подход в рамках российских конкретностей. Сразу же бросается в глаза факт, что российская соцдоля очень бедна. Она такова, что человеческий капитал страны не воспроизводится ни количественно, ни качественно. Если же посмотреть по компонентам, то можно увидеть какой-то уровень насыщения лишь по еде и одежде. Как-то неплохо решаются вопросы с бытовой техникой и другими товарами долговременного спроса. Медицина потихонечку начала выправляться. А вот с жильем совсем плохо. Наблюдается какая-то суета властей в области педагогики, но в целом там тоже глубокий провал.

Так возникают две проблемы, которые общество должно бы разрешить в рамках индустриальной основы своей экономики для обеспечения всех своих членов нормальной соцдолей. Такой соцдолей, которая бы вновь возродила в людях желание жить, причем жить радостно. И эти две проблемы — это жилье и педагогика.

Следующий момент — избыточное потребление. В России с очевидностью велика доля в этом деле демонстративного расточительного потребления, причем потребления именно что за рубежом. Фаллические яхты, «лазурные» виллы и прочее такое — все это могло бы быть преобразовано в достойные рабочие места в лабораториях, НИИ и вузах, с тем чтобы при

правильной организации процесса обернуться инновациями для экономики и научными открытиями для общего престижа общества. Также можно было бы вложиться в отечественное искусство и дизайн, с тем чтобы не только потреблять чужие жизненные стили, но и предложить миру свои. Ведь только экспорт конкурентоспособных и уважаемых другими стилей жизни может наполнить столь полюбившийся многим термин soft power реальным содержанием. И то, что внешний мир в этой части нашего экспорта видит лишь гламур «малиновых пиджаков», здорово выхолащивает силу речей наших первых лиц. А вот подключить бы сюда обсуждаемый в блогосфере «университетский миф»[265], или «миф НИИ», или «космический миф» — это ведь только захотеть. Вспомним хотя бы, как был оценен в свое время фильм «Москва слезам не верит», вспомним другие наши подобные победы, и сразу же может появиться фронт работ по производству достойных жизненных стилей России — только «соцдоли давай»...

Приложение 3.1: Основы социальной теории Э. Гидденса

В основном тексте глав 2 и 3 я представил общество в максимальной степени обобщения, абстрагируясь от конкретного наполнения таких категорий, как человек или взаимодействие между людьми. Очевидно, что принятие во внимание внутреннего содержания элементов модели обогатит саму модель, придаст получаемой картине дополнительные краски. Рассмотрим подобную программу перехода от индивидов к обществу на примере социологических теорий Энтони Гидденса. При рассмотрении концепций Гидденса я буду существенно опираться на обзорную статью[266], которая достаточно полно представляет основные интересующие меня идеи.

В основу социальных проявлений личности Гидденс помещает комплекс, который он назвал «онтологической безопасностью»: *«...Практическое сознание, вплетенное в рутины по-*

вседневности, в когнитивном и эмоциональном планах является основным генератором того чувства онтологической безопасности (ontological security), которое обычно испытывается людьми и антонимом которого является экзистенциальный ужас, рождаемый столкновением с хаосом (Angst в смысле Кьеркегора и Хайдеггера). Обладать чувством онтологической безопасности означает, указывает Гидденс, располагать на уровне непосредственного практического сознания "ответами" на основные экзистенциальные вопросы, неизбежно встающие перед каждым человеческим существом: о конечности человеческой жизни, о сосуществовании с другими, об обеспечении непрерывности личностной идентичности и др. [19, p. 47—55]. *Ядром этого чувства безопасности является "базисное доверие" (basic trust), обычно формирующееся у ребенка на основе отношений с воспитывающими его взрослыми: взаимность с воспитателями образует исходную бессознательную социальность, ту первичную связь, из которой впоследствии вырастают сложные эмоционально-когнитивные ориентации индивида в отношении других людей, вещного мира и самого себя* [19, p. 38—39]. *В дальнейшем переживание онтологической безопасности формируется и поддерживается механизмами рутинизации человеческого поведения в среде повседневности, благодаря чему индивиды от одной ситуации к другой несут на себе своеобразный «защитный кокон», который обеспечивает чувство "неуязвимости", блокирующее негативные возможности в пользу позиции надежды. Иными словами, чувство онтологической безопасности рождает уверенность в том, что на улице первый встречный не пырнет вас ножом, что водитель затормозит перед переходящим улицу пешеходом, что в проблемной ситуации в итоге все устроится благоприятным образом, хотя обратное в этих и всех других подобных случаях никоим образом не исключено»*[267].

Традиционно онтологическая безопасность обеспечивалась передачей опыта внутри семьи, клана, сообщества: накопленный жизненный опыт старших поколений служил основой для решения практических задач молодежью. Этот социальный механизм был достаточно эффективен в условиях постоянства со-

циальной среды (за исключением последних 200 лет люди жили в условиях, когда быт детей был практически таким же, как быт родителей) и закреплялся традиционным доминированием старших, а также всеми общественными порядками и церемониями. Однако нарастание социальной динамики, связанное с развитием человечества в условиях научно-технического прогресса, привело к все более частым сбоям традиционных механизмов обеспечения онтологической безопасности. Действительно, накопленный объем социальных изменений за время смены поколений делает опыт родителей во многом бесполезным для подросших детей. Этот объективный момент привел к вытеснению традиционных механизмов обеспечения онтологической безопасности новыми, которые оказались специфичны для периода развития человеческой цивилизации, обозначенного Гидденсом словами Поздний Модерн.

Необходимость принимать решения в условиях недостатка знаний разрешилась закреплением социальных практик, основанных на так называемом активном доверии. *«Активное доверие — это доверие, которое должно завоевываться, а не следовать из предустановленных социальных позиций или гендерных ролей. Активное доверие предполагает автономию, а не препятствует ей, и является мощным источником социальной солидарности, коль скоро согласие свободно дается, а не навязывается традиционными принуждениями»*[268].

Действительно, при принятии жизненных решений в современных условиях у человека нет другой возможности, кроме как опираться на советы экспертов. Ведь никто не может усвоить весь комплекс наработанной человечеством информации. Волей-неволей люди вынуждены доверять знаниям третьих лиц. При этом они к тому же вынуждены из разных экспертных мнений выбирать наиболее подходящее для них, что стимулирует интенсивную рефлексию современного практического сознания. *«...Переживание близости, принципиально важное для чувства онтологической безопасности, сочетается здесь с пониманием того, что находящееся вблизи скорее "вмещено" в локальный контекст,*

чем органически выросло в нем. Аналогичным образом применительно к модерну можно говорить о сложном пересечении личностного доверия и безличных социальных связей: экспансия абстрактных систем не ведет к тому, что в условиях модерна люди оказываются в "мире чужаков", хотя отношения между людьми и строятся здесь нетрадиционным образом. Более того, само социальное существование абстрактных систем возможно лишь благодаря личностному доверию, инвестируемому им индивидами. Наконец, экспертное знание, с одной стороны, деквалифицирует "профанов", тогда как с другой — оно активно осваивается и самостоятельно используется последними для своих целей; более того, в условиях отсутствия непререкаемых авторитетов именно "профаны" в конечном счете определяют, "что есть истина". В эту диалектику, характеризующую эпоху модерна, органично вписывается установка критической теории, предстающая как простое теоретическое выражение той амбивалентности, которая и так непосредственно испытывается людьми в их повседневной жизни: в своей негативной составляющей критическая теория представляет собой критику форм социального отчуждения как продуктов экспансии абстрактных систем, а в позитивном плане ориентирует действия по их рефлексивному присвоению людьми во имя личностной самореализации»[269].

Активное доверие и вынуждение к интенсивной рефлексии — именно эти качества отличают эпоху Позднего Модерна, поскольку стандартной активностью каждого человека является интерпретация мнения экспертов, выбор из множества данных мнений подходящего и адаптация последнего к своим практическим условиям.

Повышение интенсивности рефлексии практического сознания людей привело к трансформации их восприятия жизненных случайностей, которые генерятся неопределенностью мира. То, что раньше воспринималось как «судьба», «рок», «наказание Божье», — все это было отрефлексировано и привело к возникновению понятия «риск». Риски являются частью жизни человека, их реализация может опрокинуть планы, рисками надо управлять. То есть при принятии жизненного решения (фактически выбора одного из нескольких путей, предложенных экспертами) происходит также оценка влияющих на дело рисков.

Отмеченная трансформация практического сознания людей, связанная с неэффективностью традиционных социальных практик, привела к персонализации людей: *«Ключевой характеристикой посттрадиционной социальной жизни, отражающей в себе ценностный политеизм, некалькулируемость рисков и механизмы активного доверия, является изменение структуры личностной идентичности (self-identity): в период позднего модерна "самость" (self) становится рефлексивным проектом. По Гидденсу, рефлексивный характер самости является отличительной чертой всего модерна, однако только в посттрадиционном обществе она проявляется в полной мере: на предшествующем этапе модерна экспансия рефлексивности сдерживалась и организовывалась традицией. "Личностная идентичность, — отмечает Гидденс, — не является характерной чертой или набором черт, которыми обладает индивидуум. Она представляет собой самость, рефлексивно понимаемую индивидом в терминах ее или его биографии. Идентичность предполагает непрерывность в пространстве и времени, однако самоидентичность является такой непрерывностью, будучи рефлексивно интерпретируемой агентом. <...> Быть "личностью" означает не только быть рефлексивно действующим лицом, но и обладать понятием личности (прилагаемым к себе и другим)"* [19, p. 53]. *Иными словами, идентичность личности не является каким-то объективным свойством человека — она порождается и поддерживается продолжающимся нарративным движением, интегрирующим события, поступки и переживания в связную биографию»*[270].

«Вследствие открытости сегодняшней социальной жизни и плюрализации ценностей и авторитетов возрастающее значение в конституции личностной идентичности приобретает выбор стиля жизни. Это понятие обычно связывается с поверхностным консумеризмом, порождаемым иллюстрированными журналами и рекламными образами, однако оно вполне может быть наполнено серьезным социально-теоретическим содержанием: "Стиль

жизни может быть определен как более или менее интегрированный комплекс практик, который индивид выбирает не только потому, что эти практики удовлетворяют утилитарные потребности, но и потому, что они придают материальную форму специфическому нарративу самоидентичности" [19, p. 81]. *Это понятие вообще не приложимо к традиционным культурам, поскольку стиль жизни предполагает выбор в рамках множества возможных опций. Он включает рутинизированные практики, которые рефлексивно открыты для изменений в свете подвижной природы самоидентичности. На выбор стиля жизни оказывают определяющие воздействия все повседневные решения (что есть, что надевать, как передвигаться и т. п.), коль скоро они касаются вопроса о том, "кем быть". И чем более посттрадиционной становится среда, в которой живет индивид, тем в большей мере стиль жизни затрагивает самое ядро самоидентичности, ее производство и изменение»*[271].

Другими словами, в условиях Позднего Модерна постоянная рефлексия людей при решении жизненных задач, в частности, сопровождается размышлениями и о себе, о своем месте в жизни и обществе. При этом своя жизнь начинает восприниматься человеком как проект, у которого есть какие-то общие и промежуточные цели, есть этапы, есть план, есть результаты.

Характерное для Позднего Модерна «освобождение от традиций» происходит во всех областях жизни: *«Феномен активного доверия, по Гидденсу, является ключом к пониманию трансформаций интимной жизни (intimacy), существенно характеризующих сегодняшний социальный мир. Одна из ведущих "теорем" концепции позднего модерна состоит в том, что существует прямая (хотя и диалектическая) связь между модерновой тенденцией глобализации социальной жизни и трансформацией интимных отношений в контексте повседневности; последняя же должна анализироваться именно в терминах формирования новых механизмов доверия. Трансформация интимности в областях дружбы, сексуального поведения и супружеской жизни заключается главным образом в том, что межличностные и эротические связи формируются здесь*

как "чистые отношения" (pure relationships). Отношение является чистым в том смысле, что в его формировании какие бы то ни было внешние ему обстоятельства социальной или экономической жизни не играют определяющей роли: отношение держится именно тем, что приносит его участникам оно само. Чистое отношение строится на добровольно принятых обязательствах (commitments), приходящих на смену внешним обязанностям и представляющих собой разновидность доверия. Это доверие никогда не бывает "данным", оно активно достигается путем взаимного самораскрытия участников; это значит, что оно рефлексивно организованно. Интимная жизнь является важным элементом самореализации личности; причем в "чистом отношении" индивид не просто признает другого и в его ответной реакции находит подтверждение своей идентичности, скорее сама личностная идентичность индивидуума обретается в развитии интимных отношений, основанных на активном доверии»[272].

В завершение замечу, что персонализация людей, по Гидденсу, отнюдь не связана с их индивидуализацией, тем, что всегда ложится в основу западной социальности всеми ее критиками. Это видно, например, из следующего: *«Таким образом, вопросы политики жизни приобретают для критической теории первостепенное значение в результате объединенного воздействия глобализации и детрадиционализации; более того, политика жизни вообще становится центральным феноменом политической сферы позднего модерна. Для адекватного восприятия этого тезиса следует учитывать, что забота о самореализации вовсе не тождественна нарциссическому бегству от неподконтрольного индивиду и чуждого ему мира, она означает установку на позитивное присвоение обстоятельств, в которых глобальные влияния воздействуют на повседневную жизнь. Политика жизни не имеет также ничего общего с неолиберальным восхвалением индивидуализма, понимаемого по образцу рыночного поведения, ориентированного на максимальную прибыль. Действительно, политика жизни предполагает индивидуальную автономию, которая, однако, не тождественна эгоизму: она предполагает взаимность и взаимозависимость. Се-*

годня, отмечает Гидденс, преобладает скептицизм в отношении самой возможности универсальных ценностей, и это умонастроение кажется совершенно оправданным опытом множественности культурных традиций и этических систем. Однако фрагментация и плюрализация — это лишь одна сторона сегодняшней социальной жизни, другой стороной которой являются как раз универсально разделяемые ценности, вытекающие из ситуации глобальной взаимозависимости, которая предполагает космополитическое принятие различий. Мы живем в мире, говорит Гидденс, где много иных, чем мы сами, но где в то же время вообще нет совершенно чужих: мир без чужих — это мир, где все люди имеют общие интересы уже просто в силу того, что они сталкиваются с глобальными рисками, общими для всех. Отсюда следует, что универсальные ценности, формирующиеся сегодня и являющиеся «приводными механизмами» радикальной политики, рождаются опытом глобального космополитизма: новая этика предполагает признание святости человеческой жизни и всеобщего права на счастье и самореализацию в сочетании с обязанностью содействовать развитию космополитической солидарности и сохранению среды человеческого существования. Как видим, универсальные ценности вовсе не исчезают в глобализующемся посттрадиционном обществе; напротив, возможно, впервые в человеческой истории они получают реальную точку опоры [20, p. 253]»[273].

Приложение 3.2. Модель экономического человека и общество[274]

Применение биологической аналогии к наукам о культуре и знаниях привело к появлению очень интересного понятия — мема[275]. Мем — это культурологический и эпистемологический аналог гена, некой единицы информации, передающейся от человека к человеку, и дающей свой вклад в ментальные структуры человеческого сознания, те самые структуры, которые определяют наши вкусы, предпочтения, специфику нашего восприятия, наш МойМир (см. подраздел «Структура сознания» раз-

дела «Эпистема и индивиды — особенности взаимодействия» главы 1). В качестве примера культурного мема можно привести элемент моды «голого пупка»[276], который последние годы распространяется по сознаниям наших девушек и женщин, захватывая все новые и новые пространства и времена. Победное шествие данного мема по стране привело к тому, что сейчас голый пупок у дамы можно встретить в каком-нибудь российском захолустье даже зимой.

Хорошим примером эпистемологических мемов являются философские категории. Применение данной интерпретации превращает историю философии в один из разделов меметики — науки о мемах, и на этом примере можно отследить как механизмы текущей репликации академических мемов через системы образования и научных дискуссий, так и эволюцию мемов на макроуровне — их зарождение, распространение, угасание, взаимодействия между собой и прочие трансформации.

Категория «экономический человек» как мем

Рассмотрим такую категорию современной экономической теории, как «экономический человек» (ЭЧ), которая по сути своей является эпистемологическим мемом, отражающим определенные взгляды на поведение человека. Теоретическая модель ЭЧ сформировалась в течение двух столетий развития представлений об экономической деятельности людей и представляет собой следующее. Считается, что человек стремится к наиболее полному удовлетворению своих потребностей/предпочтений в условиях ограниченности доступных ему ресурсов (главным образом денег). Предпочтения всегда хорошо внутренне «взвешены» и оценены и всегда сравнимы между собой, так что для каждого человека можно определить некую индивидуальную функцию полезности, максимизация которой и обеспечивает его выбор из имеющихся альтернатив (см. подробности в подразделе «Человек Экономический» приложения 2.2: «Социально значимые характеристики человека»).

Важным в данной модели является то, что подчинение социальным нормам в ней не императивно, а является результатом «взвешивания» при оптимизации. Другими словами, если ЭЧ видит возможность избежать наказания, то он пойдет на нарушение закона, и такое поведение признается сторонниками данной модели вполне разумным. Данный элемент ЭЧ соответствует в классификации американского социолога Р. Мертона[277] «новаторскому» способу приспособления человека к социальным порядкам, когда человек принимает общественные цели, но совершенно не ценит принятые в обществе способы их достижения. Мертоновские «новаторы» являются основным источником преступности в западных обществах, поэтому ведется большая профилактическая работа по их ограничению и переводу в группу нормальной социальной адаптации, когда человек наряду с положенными обществом целями также высоко чтит и общепринятые способы их достижения.

Возникает интересный момент. С одной стороны, общество тратит ресурсы, чтобы воспитать в людях неприятие отклонения от социальных норм, а с другой — тиражирует через преподавание экономики в университетах мем ЭЧ, который, будучи воспринят человеком всерьез, снижает его устойчивость по отношению к криминалу. Рассмотрим данное противоречие поподробнее, чтобы понять основные социальные механизмы, лежащие в его основе.

Модель ЭЧ обладает одной замечательной способностью — на ее основе гладко и просто выводятся все основные результаты классической и неоклассической экономики, которые хорошо согласуются с наблюдаемыми данными. С другой стороны, сравнение модели ЭЧ с реальными людьми показывает столь сильное отклонение, что многие честные экономисты данного направления признают данную модель несоответствующей опыту. При этом они, следуя Дж.С. Миллю (который был одним из первых, кто тщательно анализировал основания экономической теории), заявляют, что модель ЭЧ является составной частью системы аксиом экономики, на основе которой с помощью логической дедукции выводится множество теорий, получающих практическое подтверждение. Поэтому не важно, соответствуют ли аксиомы реальности — полагая их истинными для экономической теории, мы всего лишь должны четко понимать, что интерпретация ЭЧ не должна выходить за пределы предмета данной науки.

Как было указано в подразделе «Неоклассическая экономическая теория» приложения 2.3: «Основания экономической теории в социальном контексте», в силу своей простоты и элегантности данная теория заняла специальное место в системе мирового экономического образования. Вместе с неоклассической экономической теорией университеты тиражируют в обществе и ее составную часть — рассматриваемый нами мем ЭЧ[278]. При этом лишь отдельные въедливые студенты докапываются до основ теории и, «прорвавшись» через фразы типа приведенных выше, приходят к пониманию неадекватности данной модели для реальности. Остальные же вполне принимают модель ЭЧ как истину и пытаются следовать ей в жизни, пополняя при этом группу риска людей, склонных к нарушению законов и социальных норм, — мертоновских «новаторов».

Категория «экономический человек» и предпринимательство

Интересно соотнести данную группу риска с предпринимателями Шумпетера, которые в соответствии с его теорией являются основной движущей силой развития капиталистического общества[279]. При этом сам процесс развития социума осуществляется через внедрение нововведений, чья успешность вроде бы тоже требует пересмотра некоторых существующих социальных норм и практик. В более широком плане шумпетеровские предприниматели являются передовой частью элиты общества, его актива[280], которая несет прямую ответственность за общественное развитие.

Для адекватности подобного анализа необходимо привлечь еще одну социальную характеристику бизнеса — его сложность.

Очевидно, что сложные бизнесы требуют управления большими коллективами. А создать успешную организацию с большим количеством работающих без уважения к ограничениям, налагаемым психологией людей и их социальностью, невозможно. Следовательно, предприниматели, работающие со сложностью окружающего нас мира, не могут происходить из мертоновских «новаторов».

Другое дело — предприниматели, занятые в относительно простых бизнесах, типа финансов, торговли и др. Данные бизнесы хорошо «ложатся» на модель ЭЧ: успех бизнесмену действительно приносит осведомленность (знание котировок/цен на разных рынках) и способность выбрать из известных альтернатив ту, которая максимизирует его доход, представляющий в данном случае функцию полезности. В этом плане интересную характеристику данного слоя дает Дж. Сорос[281] на примере своих коллег-финансистов. Он отмечает, что инвесторы склонны к тому, чтобы «бегать стаями», глядя на своих авторитетных соседей по офисам и рынкам. Сам он хорошо использовал это свойство психотипа данной группы и заработал на этом много денег. Следует отметить, что подобное поведение финансистов имеет своей основой опять же доминирование модели ЭЧ в их сознании. Данная модель дает нам крайнего индивидуалиста — «максимизатора» целевой функции. Более того, она дает пассивного «максимизатора», поскольку в рамках данной модели человеку не нужно заниматься целеполаганием и/или создавать свой индивидуальный план действий. Единственные допустимые моделью активности — это сбор информации и последующая оптимизация. Набор альтернатив также во многом предрешен рынком и универсальностью целевой функции, что приводит к полному детерминизму в поведении ЭЧ, его подчинению внешней воле обстоятельств. Другими словами, укоренение в сознании человека модели ЭЧ дает нам психотип, который обычно определяют жаргонным словом «лемминг».

Таким образом мы видим, что мертоновские «новаторы» могут дать лишь часть предпринимательского сословия, лишь

тех предпринимателей, которые не выносят общественной сложности. Данная часть буржуазии и примыкающих к ней социальных слоев активно не приемлет налагаемые социальностью ограничения в любом виде, и особенно в виде государственного регулирования их деятельности. Именно эта группа национального актива поставляет самых активных апологетов принципа laisser-faire. Будем называть данную часть актива лавочниками, подчеркивая ее специфическое отношение к сложности. В пику лавочникам тех предпринимателей и управленцев, которые любят и умеют иметь дело с общественной сложностью, следуя терминологии Дж. Гэлбрейта[282], будем называть «техноструктурой».

Разница в психотипах между техноструктурой и лавочниками очень значима. Она проявляется, например, даже в основном мотиве неуемности данных людей. В этом плане основным внутренним драйвером представителей техноструктуры является рост в каких-то вариантах: рост фирмы, рост бизнеса, рост карьеры, рост личной сферы ответственности. Для лавочников же таким драйвером всегда является прибыль или другое какое удовольствие. Поэтому лавочника можно представить ушедшим из бизнеса греть пузо на солнце на борту своей яхты или виллы, а для представителя техноструктуры уменьшение зоны его ответственности — это всегда трагедия. Эти люди могут лишь поменять направление своей активности, но рост или достижения в каком-то виде у них обязательно должны присутствовать для полноты самоощущения.

В принципе при ограничении рассмотрения лишь экономической элитой обсуждаемая дихотомия может предстать в виде известного противопоставления промышленники/производственники — финансисты/банкиры. Однако, на мой взгляд, это очень продуктивно — обобщить дифференциацию людей по отношению к сложности мира на весь социальный актив, включая бюрократию. Ведь, посмотрев вокруг, нетрудно найти среди чиновников как представителей техноструктуры, добивающихся функционирования социума как сложного организма, через

гармонию всех составляющих его частей, так и тех, кто уплощает управляемый социальный объект до своего понимания и пытается главным образом тычками и пинками гнать его вперед.

Вспомним далее о такой политэкономической категории, как инкап (см. приложение 2.3: Основания экономической теории в социальном контексте). Инкап — иное капитала — обозначает реализацию доходных схем на основе подключения к «бизнесу» «влиятельных людей», использования в доходных схемах их социальных мест, того, что часто называют словом «коррупция». В этом ракурсе можно видеть, что особенным сродством к преобразованию капитала в инкап обладают именно лавочники, чему в значительной степени способствует такое их вмененное свойство, как этический релятивизм. И действительно, зачем участвовать в честном экономическом соревновании с другими социальными агентами, рискуя проиграть, когда можно получить однозначное преимущество, включив в игру ее «арбитра»?

Завершая тему мертоновских «новаторов», следует указать на еще одну интересную составную часть данной группы, на тех, кого Шумпетер называл «безработными интеллектуалами»[283], а Кошен и Шафаревич — «малым народом»[284]. Это коагулят — слой индивидов, которые вмененно недовольны своим местом в общественной системе[285]. Данные люди лидируют во всех антисистемных движениях в обществе, часто задавая повестку дня общественных дискуссий. Неуважение к имеющимся общественным порядкам — отличительное свойство данного социального слоя.

Мем ЭЧ: Влияние на социальную эволюцию

Возвращаясь к теории Й. Шумпетера, следует заметить, что, обобщив имевшийся у него фактический материал, Шумпетер идентифицировал предпринимателей как основную движущую силу развития человеческого общества Современности. Основанный на предпринимательской способности «капиталистический двигатель» развития через внедрение нововведений существенно увеличил производительные силы социума, что привело

к сильному изменению условий жизни людей. Однако, просматривая сложившиеся в его время тренды, Шумпетер скептически отнесся к будущему капитализма[286]. Среди его аргументов выделим следующие:

(1) Усложнение хозяйственной деятельности приводит к росту управляемой системы, и один человек уже не может удержать в голове весь бизнес; бюрократия же действует на предпринимательскую способность угнетающе.

(2) Капитализм обеспечивает рационализацию всех сторон человеческой жизни, включая и те традиционные социальные нормы, которые среди прочего обеспечивают устойчивость капиталистических отношений и их эффективность. Шумпетер применил здесь аналогию с разъеданием собственного защитного панциря, но я думаю, что ввиду использования им ранее метафоры «капиталистического двигателя» имеет смысл для социальных норм применить метафору «кузов автомобиля». Общество движется вперед, когда корпус может удержать двигатель и направить его энергию в нужном направлении. Коррозия же кузова приведет к тому, что двигатель упадет на землю и будет бесполезно тарахтеть и барахтаться в грязи. О движении вперед при этом можно будет забыть.

По 1-му пункту человеческая практика смогла найти решение по совмещению предпринимательской энергии с растущей общественной сложностью в рамках техноструктуры, которой пока еще удается удержать критический антисистемный натиск коагулята и сохранить целостность общественного автомобиля. Однако недоработка в этом направлении системных сил социума является одним из рисков современного западного общества[287], тем более что в своей борьбе с техноструктурой коагулят обычно находит поддержку у лавочников. Смычка этих двух групп обеспечивается общностью отношения к сложности, которое включает в себя и отношение к действующим общественным ограничениям. К тому же лавочники очень хорошо умеют переводить социальную ткань общества в ликвидность — общественные стрессы от снятия социальных ограничений обычно

оборачиваются для них дополнительными доходами. Это видно, в частности, из данных, представленных на рисунке, где можно увидеть наличие корреляции доли ВВП, достающейся самым богатым гражданам Америки (а также Англии и Франции) с доминированием идеологии laisser-faire в общественной жизни. Действительно, данная доля была велика вплоть до Великой Депрессии, и она резко возросла по итогам рейганомики[288]. В промежутке между этими периодами американское общество развивалось по трендам, заданным Новым Курсом Ф.Д. Рузвельта и определявшимся кейнсианством и социальным либерализмом. Последние же приветствуют государственное регулирование с целью ограничения эгоистических интересов отдельных групп для блага всего общества. Причем тенденция по обузданию эгоизма богатейшей части общества была в странах Запада повсеместной.

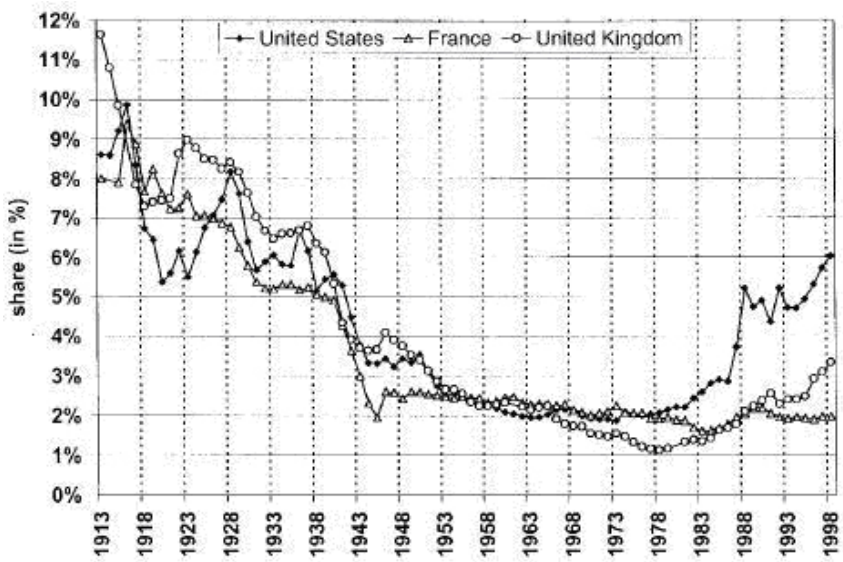

Рис. 3.1. Зависимость доходов 0,1% богатейших семейств (как доли в ВВП) разных стран от времени[289]

Интересно отметить, что экономическое и социальное дерегулирование рейганомики привело к ситуации, когда довольно успешный специалист по «разводу» финансовых леммингов Дж. Сорос начал вдруг бить в набат по поводу массовой моральной деградации представителей своего сословия[290]. По его мнению, основой данной деградации является чрезмерная распространенность жизненной ориентации на успех, выраженный в деньгах, и неуважение к социальным нормам и правилам. И вот по прошествии 10 лет предсказание Сороса о грядущем кризисе сбылось и многие факты безответственности международных лавочников получили широкую огласку. Правительства развитых стран озаботились повышением моральности в этих кругах, а также усилением регулирования финансовой сферы, в том числе и во всемирном масштабе.

В заключение обратимся к России и посмотрим, как делился ее ВВП в 2005 г. Домохозяйствам в этом году перепало 43% ВВП, предприятиям — 37%, бюджету — 20%. Сравнив данные цифры с аналогичными по США (домохозяйствам — 75%, предприятиям — 17%, бюджету — 8%), мы видим, что российские предприниматели брали за свои услуги гораздо дороже, чем их коллеги в Штатах (37% vs 17% ВВП). В свете неоклассической экономической теории это означает, что предпринимательская способность в России является более редким ресурсом, чем в США, и обладатели оной берут с общества существенную дополнительную премию к нормальной рыночной цене за свои услуги. Это делает задачу развития предпринимательской способности людей в России очень актуальной, особенно системной предпринимательской способности, техноструктуры.

А то, как обозначенные в данном разделе понятия позволяют увидеть историю последних 20 лет в России в виде «восстания» лавочников против техноструктуры, описано далее в подразделе «Как мы дошли до жизни такой...» приложения 4.2: «Российское предпринимательство и развитие страны». Естественно, что все эти годы прошли под эгидой неоклассической экономической теории и героя нашего рассказа — мема ЭЧ. В результате по

своим характеристикам наш народ сильно продвинулся в сторону лавочничества, став обществом пассивных трудоголиков и крайних индивидуалистов (см. подраздел «Отношение массы к труду» раздела «Человеческий капитал России» главы 4). Социальная ткань в результате ее перевода в «кэш» чрезвычайно истончилась — кризис доверия в российском обществе является тотальным.

Понятно, что общество в такой форме существовать не может, так что следует ожидать запуска общественных процессов восстановления социальности. Это произойдет в любом случае, окажет государство этим процессам поддержку или нет. Посмотрим теперь, сколько времени потребуется для восстановления социальной ткани общества до какого-то приемлемого уровня. И особенно интересными в этом плане будут процессы, связанные с ограничением и угнетением инкапа — иначе капиталистический «движок» развития так и не заработает.

Приложение 3.3. Очерк концепций генезиса наций

Как уже отмечалось (см. раздел «Национальная модель государства» главы 3), нация является одной из основных коллективных идентичностей людей в Современности и при этом главной политической идентичностью современных стран. Поэтому естественно, что возникновение данного идеального объекта во всей совокупности его особенностей, а также его связь с другими аналогичными объектами вызывают интерес многих мыслителей. Все имеющие место теории возникновения современных наций могут быть рассмотрены в дихотомии примордиализм vs конструктивизм[291].

Термин «нация» в доминирующем ныне контексте по одной из версий был впервые использован немецким философом Гердером и французским иезуитом Барруэлем (Abbé Augustin Barruel)[292], при их осмыслении опыта Великой французской революции. Гердер вместе с Фихте в рамках движения немецких

романтиков положили начало примордиальным теориям нации, провозгласив немецкую нацию результатом естественного развития немецкого народного духа. Гегель обобщил данную концепцию, представив историю человечества в виде борьбы национальных духов, на которые распадается абсолютная идея в процессе своего самопознания.

Именно гегелевское представление послужило источником различного рода восточноевропейских национализмов, которые ставили своей задачей «разбудить» соответствующие «спящие» национальные идеи, с тем чтобы те приобрели бы историческую субъектность. Естественно, что вместилище спящего национального духа апологеты национальных движений искали в соответствующих этносах — уже существующих коллективных идентичностях, которые однако еще не содержали политического измерения.

Такая существенность именно политического содержания для национальной идентичности послужила основой для конструктивистской критики примордиалистских теорий. Конструктивистский переворот (Ч. Тилли, Э. Геллнер, Э. Гидденс, Б. Андерсон)[293] опирался на накопленный эмпирический материал, подтверждавший, что национальная идентичность является результатом политического проекта элиты соответствующей страны. Например, Б. Андерсон в своей книге «Воображаемые сообщества»[294] обосновал данную концепцию на примере национальных государств, созданных европейскими колонистами Латинской и Северной Америки.

При этом наряду с «политической волей», которая в рамках конструктивистских теорий рассматривается в качестве основного фактора формования наций, уже Геллнер предлагал учитывать и другие моменты. Например, он считал значительным для успеха национального строительства наличие «высокой культуры» и многого чего другого из существовавшего прежде, что может быть использовано в национальном проекте[295]. Данная идея о «кристаллизации» нации из чего-то уже существующего позволило ученику Геллнера Э. Смиту выступить с концеп-

цией этносимволизма, которая в какой-то степени наследует примордиальным теориям. Смит, признавая национальную идентичность явлением Современности, тем не менее обращал внимание на то, что в основе любой нации лежит какое-то порождающее этническое ядро, передающее нации язык, культуру, мифологию.

Я разделяю синтетический подход к созданию и сохранению национальной идентичности: *«...взяв «волю к победе» от конструктивизма и важность учета всего уже имеющегося в трансформируемом социуме от примордиализма, при условии фиксации абсолютной важности фактора успешности проекта, можно синтезировать данные подходы на следующей платформе.* ***Создание политической нации и поддержание ее единства — это постоянный проект элиты времени Модерна соответствующей страны. Однако, для того чтобы быть успешным, данный проект должен учесть все трудности и ограничения, связанные с уже наличествующими идентичностями вовлеченных в проект людей и групп****»*[296]. В рамках данного подхода обращается особое внимание на динамику коллективных идентичностей и на возможность управления данной динамикой[297].

В рамках же российского обществоведения существует мощная примордиалистская струя, заимствованная из немецкого национализма И.В. Сталиным и положенная им с согласия В.И. Ленина в основу советского марксизма. В рамках данного подхода у понятия «нация» выхолащивается ее политическое содержание, т.е. термин практически используется не по назначению[298]. Критике данного направления уделено много внимания в подразделе «Очерк теории национального вопроса в советском марксизме» раздела «Станет ли Россия национальным государством?» главы 4.

Конструктивистский подход к понятию «нация» также имеет место в отечественном обществоведении, причем как в классическом умеренном варианте (см., например, работу Ю.И. Семенова)[299], так и в достаточно экстремистском варианте (В.А. Тишков)[300]. Последний, например, предлагает исключить

категорию «нация» из науки, обозначая между тем свое общее понимание ситуации, что успех обеспечения консенсуса в государстве напрямую связан с успехом национального строительства[301]. Сразу же возникает вопрос: «Как может такой важный момент государственной политической практики быть вне внимания науки?» Ответ на данный вопрос показывает специфичность понимания автором связи науки и практики в отличие от других критикуемых им исследователей.

В качестве представителей этнического символизма здесь следует упомянуть М.В. Ремизова[302] и В.Д. Соловья[303].

4. ТЕКУЩЕЕ СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

Рассмотрев в предыдущих главах общие вопросы устройства и функционирования современного социума, перейдем теперь к изучению того, как все это совмещается с конкретной российской действительностью. Уже почти 20 лет прошло со времени краха коммунизма и роспуска СССР, случившихся в фазе высшего подъема последней русской революции (1989—1995). В течение этого срока произошло существенное изменение российского общества, и среди его активной части все более значимую долю начинают занимать те, кто никогда не жил при советском режиме. Российская экономика, трансформируясь, успела потерять половину объема и вновь ее обрести на новых путях своего развития. Произошло становление новой политической системы.

Важно отметить, что заявленные цели общественной трансформации не менялись в течение всего этого срока. Как были изначально провозглашены «переход к рыночной экономике» и «построение капитализма в России», так общество в целом осталось верным данным флагам. Конечно, среди российских общественных сил есть и те, кто ностальгирует по покинутому страной социализму, однако большинство действующих социальных акторов четко определились в своем выборе и действуют в пользу возврата на столбовую дорогу мирового развития, как они себе это представляют.

Поскольку целью данной главы является привязка текущей российской действительности к выявленным в предыдущих главах обществоведческим категориям, то имеет смысл начать данную работу с исторического очерка произошедшей общественной трансформации, концентрируясь при этом на особенностях изменений, имевших место в общественном сознании.

Очерк прошедшей трансформации

Итак, рассмотрим кратко основные исторические моменты произошедших перемен.

Стартовая позиция

К моменту начала горбачевской перестройки советское общество было уже во многом современным (см. подраздел «Структура общества Позднего Модерна» раздела «Общество и современность» главы 3). После деспотии классического типа первой половины XX века общественная система СССР в целом осуществила переход к той форме Позднего Модерна, которую Б.Г. Капустин назвал «новой деспотией»[304], достигнув своего расцвета во времена брежневского «развитого социализма», когда был существенно снижен уровень государственного насилия[305]. Советская матрица того времени достаточно успешно справлялась со своими функциями, обеспечивая основную массу людей условиями жизни в соответствии с формируемыми у них ожиданиями. Набор общественных рутин был достаточно широк и охватывал разнообразные виды деятельности, так что каждый мог выбрать себе жизненный путь «по душе». Социальные лифты были достижимы для выходцев из низов, они исправно работали, производя многочисленные истории успеха.

В целом современность советского общества 70—80-х годов XX века, его системное соответствие западным обществам того времени были сертифицированы западными исследователями, развивавшими так называемую теорию конвергенции[306]. Здесь необходимо отметить, что текущее западное общество после системных реформ типа «Нового курса» Ф.Д. Рузвельта, которые были проведены во всех развитых странах, уже существенно отличается от того, что обычно имеется в виду под названием «классический капитализм». Данные реформы задали то направление социальных изменений в капиталистических обществах, которое системно приближало их к обществам со-

циалистических стран, и к 70-м годам прошлого столетия многие общественные подсистемы во всех этих странах уже функционировали однотипным образом. Общества и там и там были светскими, с высокой степенью урбанизации, с высокой долей промышленности в народном хозяйстве, причем экономика во многом определялась крупными корпорациями. Были внедрены системы всеобщего образования, медицинского обеспечения, социальной поддержки незащищенных слоев. Общества решали в своем развитии одинаковые проблемы, перед ними стояли одинаковые вызовы. Такие различия, как однопартийность на Востоке vs многопартийность на Западе, централизованное планирование vs рыночное регулирование, формальная демократия vs реальная демократия, казались апологетам данного подхода преодолимыми в исторической перспективе и относились к следующему этапу развития и сближения общественных систем.

Для оценки качества советской матрицы можно напомнить, что основная масса советских людей того времени была удовлетворена своей жизнью. Они делали карьеру, интриговали, делили дефицит, пристраивали «к месту» своих детей. Правда советская матрица пока не обеспечивала тот уровень общественного потребления, который был доступен жителям западных стран, но это тоже считалось временным состоянием, которое должно было быть преодолено в рамках дальнейшего общественного развития. Поэтому, естественно, возникло несколько подходов к последующей трансформации страны, среди которых я остановлюсь на двух, особенно сильно повлиявших на дальнейшее. Сформировавшиеся вокруг этих двух подходов соответствующие реформаторские дискурсы можно условно назвать «либеральным» и «национальным».

Советский либеральный дискурс ставил своей целью раскрепощение отечественной мысли[307], с тем чтобы власти разрешили интеллектуалам искать пути развития общества в более широком поле вариантов, чем это дозволялось идеологическим отделом ЦК КПСС. В основу советского либерализма постепенно встала упомянутая выше теория конвергенции. Данная теория

возникла в результате применения так называемого системного подхода к изучению закономерностей человеческого общества, причем в рамках данного подхода оказалось, что функционирование важнейших общественных подсистем, в частности экономики, при социализме и капитализме Позднего Модерна описывается одними структурными моделями. Другими словами, оказалось, что данные общественные подсистемы структурно подобны, а различие идеологий проявляется лишь через разницу управляющих коэффициентов модели, отражающую, например, различие долей разных отраслей в хозяйстве соответствующих стран, или специфику перераспределения в них валового национального продукта.

В рамках такого подхода существенно обострялась проблема неэффективности советской экономики[308]. Специалистам было очевидно существование четких системных ограничений в плане мотивации людей, а также в плане невосприимчивости экономики к новым методам работы, к внедрению нового оборудования. Даже введение купированной конкуренции — социалистического соревнования — слабо помогло в решении данных проблем[309]. Дело к тому же «утяжелялось» слабой сменяемостью неэффективных кадров в партийно-хозяйственном активе и тенденцией к их «размножению» в силу доминировавших общественных практик.

Также стала очевидной потеря управляемости советской экономики. Стремительное увеличение количества предприятий и номенклатуры производимой продукции делало очень затруднительным централизованное назначение цен и распределение произведенного по потребителям. Регулярно стали возникать дисбалансы плана, приводившие к сильным товарным дефицитам[310].

Все это заставило власть обратить внимание на изучение возможностей по адаптации западного опыта к советской экономике[311]. Наряду с легальными группами этого направления в обществе существовало маргинальное диссидентское движение, в рамках которого был сформирован нарратив о гражданских

свободах и правах человека[312]. Одним из авторитетов данного направления советских маргиналов был академик А.Д. Сахаров.

Другое направление проектов реформ советской системы питалось чувством несправедливости, связанным с общим положением русского населения. По большому счету советская система очень сильно эксплуатировала русских, обеспечивая за их счет экономические и социальные преференции национальным окраинам. Данная дискриминация[313] камуфлировалась обильной «промывкой мозгов», основанной на концепции «старшего брата» «в дружной семье народов СССР», однако все равно вызывала напряжения в обществе[314]. Ситуация усугублялась тем, что представителям нерусских этносов в принципе разрешалось кланообразование по этническому признаку, что существенным образом этнизировало внутреннюю политику советской власти и опять же ухудшало позиции русского населения. Как результат, в советском активе возник слой, чьим основным дискурсом стала идея о необходимости уравнения русских в правах со всеми остальными национальными группами. В рамках данного дискурса властям указывалось и об исчерпании такого ресурса существования системы, как повышенная эксплуатация русских областей, и о негативных тенденциях в различных гуманитарных характеристиках русского населения и коренных русских территорий (которые власти цинично обозвали «зоной Нечерноземья»), и о необходимости ослабить их эксплуатацию, чтобы дать им возможность восстановиться.

У национального дискурса также существовало диссидентское крыло, среди авторитетных деятелей которого можно назвать академика (в то время член-корр.) И.Р. Шафаревича и писателя А.И. Солженицына.

Очевидная неэффективность советской экономики в конце концов подвигла власти на реформы. Первая попытка реального реформирования общества была сделана Ю.В. Андроповым, но после его смерти последовал откат. Следующая попытка была предпринята М.С. Горбачевым. Забегая вперед, следует

отметить, что если советская матрица того времени достаточно успешно справлялась со своими функциями, то проектная и стратегическая подсистемы (см. подраздел «Структура общества Позднего Модерна» раздела «Общество и современность» главы 3) были отнюдь не на высоте, и попытка их задействовать оказалась для советского общества фатальной — реформы Горбачева завершились крахом реального социализма и распадом СССР[315].

Реформы Горбачева

Перестройка задумывалась М.С. Горбачевым еще до его избрания руководителем советского государства[316]. В соответствии с исходной стратегией полагалось комплексное всестороннее реформирование общества с тем, чтобы убрать основные осознанные на тот момент препятствия для его развития и добиться увеличения производительности труда[317], причем главными факторами роста последней были признаны автоматизация производства и изменение мотивации людей (то, что в то время называлось человеческим фактором). По большому счету исходная стратегия перестройки опиралась на марксистские наработки в свете адаптации результатов теории конвергенции, вследствие чего основное ядро реформаторов составили представители либерального реформаторского крыла советской номенклатуры.

Первое, что было сделано, — это был ослаблен тоталитарный зажим общества. Политика гласности (1986) с последующей отменой предварительной цензуры ввела в общественный оборот много неизвестной ранее информации. Были прощены и реабилитированы многие диссиденты (1986—1987). В рамках демократизации политической системы (1987) начали проводиться альтернативные выборы руководителей разного уровня. Общество всколыхнулось и забурлило, обсуждая различные альтернативы развития страны.

В экономике к 1987 г. стала очевидной неудача провозглашенной в 1985 г. стратегии «ускорения», что было связано со структурной спецификой сложившейся командно-административной системы, с тем что советская экономика существовала в условиях фактического отсутствия резервов — не было ни свободных мощностей, ни свободных трудовых ресурсов, не охваченных выполнением перенапряженных государственных планов, которыми можно было бы совершить маневр по требуемому изменению структуры производства. В этом плане было принято решение по увеличению самостоятельности экономических агентов — в 1987 г. были приняты законы о государственном предприятии и кооперации. Предполагалось, что предприятия в условиях частичной самостоятельности (хозрасчета) через создание кооперативов и повышение производительности труда смогут совершить необходимый ресурсный маневр и увеличить товарное наполнение экономики.

Забегая вперед, заметим, что действительность обманула ожидания советских лидеров. Конечно, некоторые подвижки в увеличении производства товаров народного потребления все-таки произошли, но основной деятельностью кооперативов стал перевод безналичных рублей в наличные, фактически — накопление инкапа (см. приложение 2.3: «Основания экономической теории в социальном контексте»). Ведь безнаказанно заниматься обогащением в условиях существования мощного аппарата подавления можно было только внутри коррупционных схем. Для обналичивания и «скачивания» денег использовались различные бизнес-каналы, среди которых основными были перепродажа продукции и ресурсов госпредприятий по завышенным ценам (то, что в то время называлось спекуляцией) и выполнение фиктивных договоров на поставку различного рода услуг. Был распространен также и невозврат взятых у госбанков кредитов. Очерк истории ядра этой «новой экономики» — так называемой комсомольской экономики — можно найти, например, в монографии О.В. Крыштановской[318].

К тому же кооперативное движение позволило легализоваться теневому советскому бизнесу вместе с накопленными им ресурсами, существовавшими опять же лишь в форме инкапа.

В это же время (1988) произошли первые межэтнические конфликты в Закавказье (конфликт вокруг Нагорного Карабаха, Сумгаитский погром) и начались процессы этнической мобилизации[319] в Прибалтике и Молдавии.

Летом 1988 года на XIX партийной конференции КПСС было принято решение о реформе политической системы. Осенью того же года из Политбюро ЦК КПСС были выведены все «аксакалы» и началась подготовка к выборам Съезда народных депутатов СССР, в рамках которой оформились основные политические акторы на то время, те общественные силы, которые впоследствии перевели социальные процессы в стране в неуправляемый режим. В 1989 г., после созыва Съезда народных депутатов СССР, реформаторская верхушка СССР начала терять контроль над ситуацией в стране и общественные процессы приобрели те качества, которые позволяют характеризовать их совокупность как революцию.

Революция 1989—1995 — общий аспект

По поводу того, называть ли последующие события в СССР революцией или ограничиться наименованием «реформы», существует много мнений. На мой же взгляд, глубина совершенных общественных преобразований вместе с уровнем стихийной активности масс не оставляет никакой возможности трактовать эти события иначе. Однако, стараясь хранить максимальную степень отвлеченности и доказательности, пройдемся по классическому ленинскому определению революционной ситуации[320], имея в виду российскую действительность тех лет.

Низы не хотели жить по-старому. Во время развертывания кампании гласности до советских людей была доведена ранее скрываемая информация по многим вопросам реальной политики большевиков, которая значительно отличалась от того, что

рисовалось официальной пропагандой, причем существенно не в лучшую сторону. Общество, до того стерильно пребывавшее в созданной большевистским агитпропом[321] картине мира, испытало шок от возникшего когнитивного диссонанса. Создавшееся ощущение тотального вранья привело людей в негодование и разрушило ментальные структуры политической лояльности в их сознании. В данном контексте особенно сильно возбуждала людей информация о привилегиях номенклатуры, о нарушении тех принципов эгалитарности, которые были выписаны золотыми буквами на всех знаменах. В контексте номенклатурных привилегий совсем по-другому воспринималась информация об уровне жестокости обращения служителей системы с ее политическими противниками, о пролитой большевиками крови невинных жертв, обильно пропитавшей фундамент того, что в то время называлось «новым обществом», которое все так дружно строили.

Этот контекст был дополнен обострившимся товарным дефицитом: люди имели деньги, но ничего не могли на них купить. К тому же качество зарубежных товаров существенно превосходило качество продукции отечественного производства. Это создавало у населения ощущение о полной бездарности руководства страной, которое дополнительно подстегивалось тупостью и застойностью низового чиновничества и очевидным маразмом правившей страной геронтократии.

В конечном итоге в общественном сознании того времени стали доминировать ощущения, что так, как жили, больше жить нельзя и что хуже, чем было, быть уже более не может. Люди сильно активизировались политически, в 1989—1991 гг. в Москве и других городах страны были не редкость многотысячные политические митинги.

Верхи не могли управлять по-старому. Кризис лояльности низов лишил прежние методы ведения дел легитимности — люди перестали их принимать как справедливые. В то же время у советского актива возник кризис стратегии — элита не могла предложить стране ясных вызывающих доверие принципов,

выводимых из прежних оснований, которые могли бы помочь в преодолении наступившего политического и экономического кризиса. То есть так называемая точка невозврата реформ была успешно пройдена — вернуться к старым основаниям общественного устройства уже можно было только через насилие, что само по себе было отклонением от методов управления страной в предреволюционное время. И этот факт дополнительно усиливался тем, что прежние принципы перестали разделяться и основной массой самой номенклатуры.

Движущие силы революции. Как уже отмечалось выше, преобразования в стране возглавлялись либеральным крылом номенклатуры, которое сгруппировалось вокруг Горбачева. Со временем в этой части общественно-политического спектра возник дополнительный раскол — начала формироваться группа общественных деятелей, которые были недовольны медлительностью и нерешительностью Горбачева и требовали более радикальных реформ, особенно в плане заимствования западных институтов. К 1989 г. данная группа окончательно самоопределилась и отделилась от Горбачева, попутно интегрировав в себя маргинальных деятелей-диссидентов либерально-антикоммунистического коагулята, а также части обиженной Горбачевым номенклатуры. Среди последней следует отметить Б.Н. Ельцина[322], к которому со временем перешло политическое лидерство по данному направлению.

В национальных республиках по итогам этнической мобилизации сформировались антикоммунистические националистические народные фронты, которые пользовались значительным влиянием на местах. Они также стремились внедрить западные институты, в чем смыкались с российскими радикалами-западниками. В дополнение к этому они были сепаратистами и стремились к независимости соответствующих территорий.

Экономическое дерегулирование предприятий привело к консолидации тех экономически активных людей, которые рискнули связать свою жизнь с новой экономикой. Данная группа возникла как сумма двух основных составляющих. Первой

частью были теневые дельцы советской экономики (цеховики, фарцовщики, валютчики и т.д.), легализовавшиеся через кооперативное движение. Вторая часть была сформирована молодежью: открывшиеся перспективы по решению материальных проблем их жизни завлекли в кооперативную деятельность многих молодых людей. Другой массовый приток активной молодежи в бизнес произошел через «комсомольскую экономику» — через работу в центрах НТТМ (центрах научно-технического творчества молодежи) и других организациях, созданных в рамках ВЛКСМ, и активно участвовавших в обсуждавшемся выше бизнесе по обналичке денег. Здесь следует отметить, что основные направления существовавшего в то время «нового» бизнеса (обналичка и перепродажа товаров и ресурсов), а также постоянная работа «на грани закона» привлекали/воспитывали в кооперативном движении экономически активных людей с психотипом лавочников (см. детали в приложение 3.2: «Модель экономического человека и общество»). Причем в «новый» советский бизнес экстрагировались из общества именно «лавочники» авантюрного склада, приемлющие высокий уровень допустимого персонального риска. Вполне естественно, что свойственная таким людям жажда наживы делала их сторонниками западничества, причем в самой либертарианской его форме.

При этом следует отметить, что основная масса народа была против радикальных реформ. Группа поддержки свободного предпринимательства не превышала 15%[323].

Результатом революции стал распад СССР и глубокая трансформация политических систем во всех вновь образованных странах. Многие стороны личной и общественной жизни людей были освобождены от чрезмерного государственного регулирования. Экономическая система была преобразована в соответствии с нормами так называемого свободного рынка. Накопленное национальное богатство было распределено по «победителям» и примкнувшим к ним старым элитным группам, перейдя в их частную собственность. Социальная защита трудящихся была существенно ослаблена. В целом обществен-

ные изменения в большинстве стран постсоветского пространства шли и продолжают идти в направлении того, что определяется как западная либеральная модель.

Среди ***положительных результатов*** революции в России следует отметить освобождение людей в плане ликвидации многих закрепощающих их активность норм. Общество перестало быть тоталитарным, были сняты практически все ограничения общественной мысли. Свобода стала общепризнанной общественной ценностью.

Произошла легализация и закрепление института частной собственности. Люди массово стали собственниками жилья через проведенную приватизацию квартир.

К ***отрицательным результатам*** революции следует отнести методы приватизации крупных промышленных активов, которые до того находились в так называемой общенародной собственности. Практически данные активы были бесплатно распределены в узком кругу новой элиты. Раздел собственности напоминал пиратское разграбление с высоким уровнем криминализации в условиях сильного ослабления государственной власти.

Соответственно качество новой революционной элиты оставляло желать лучшего. О развитии производства и общества никто не думал. Уровень производства в стране упал почти в два раза. Государство архаизировалось и вновь стало корпорацией по извлечению доходов из территории. Бизнес не платил налоги, откупаясь от властей неформальными поборами. Социальная сфера практически не финансировалась и деградировала.

Политическая система России восстановилась после хаоса революционных лет как федерация, бывшая по сути президентской автократией во главе с Ельциным, который допускал определенную вольницу избиравшихся народом губернаторов. Автократичность общественной системы была поддержана всеми основными революционными силами, которые, однако, продолжали себя называть либералами и демократами. Был сохранен унаследованный от СССР статус многонациональности и все

связанные с данным статусом риски межэтнических конфликтов и сепаратизмов.

Революция 1989—1995 — очерк общественных процессов до роспуска СССР

Планы политической реформы СССР, утвержденные на XIX партийной конференции, включали в себя намерение сохранить доминирующее положение КПСС в обществе. Это было отражено и в правилах выбора народных депутатов для съезда. Однако возрастание активности революционных сил и широкая поддержка данных сил народом поставили крест на этих планах: в начале 1990 г. были организованы народные выступления за отмену монопольного положения КПСС (6-й статьи Конституции СССР), в результате которых Горбачев согласился на многопартийность в стране, которая и была официально узаконена в марте 1990 г. Чувствуя потерю поддержки в партии, которая поляризовалась вслед за обществом, он также пролоббировал введение института президентства СССР. Горбачев был избран Президентом СССР одновременно с принятием многопартийности и использовал президентские структуры для трудоустройства своих сторонников. КПСС продолжила свое кризисное пике. В 1990 г. ее покинули сторонники радикальных реформ во главе с Ельциным, компартии прибалтийских республик. Численность ее в течение этого года сократилась с 20 до 15 млн. Однако Горбачев не решился окончательно покинуть партию, официальным лидером которой он оставался практически до самого ее официального запрета в сентябре 1991 г.

В марте 1990 г. прошли выборы депутатов съезда РСФСР, на которых существенную часть мандатов выиграли сторонники радикальных реформ. С небольшим преимуществом в мае того же года Председателем Верховного Совета РСФСР стал Ельцин, и 12 июня ВС РСФСР принимает декларацию о государственном суверенитете России, а осенью — закон об экономическом суверенитете. Началась борьба между Ельциным и Горбачевым

за российские предприятия, их подчиненность. Эти игры привели к тому, что если с 1990 г. падение ВВП в России было 2%, то в 1991-м — уже 12,9%[324].

В июне 1991 г. по итогам всероссийских выборов Ельцин становится Президентом РСФСР. Тогда же в СССР официально была отменена цензура.

В начале 1990 г. к власти в ряде республик СССР пришли националистические фронты. В марте Верховный Совет Литвы принял декларацию о государственной независимости, которая, однако, не была признана властями СССР. Тогда же Эстония и Латвия провозгласили о начале процесса выхода из Союза. «Парад суверенитетов» затронул и автономные республики. В январе того же года провозгласила независимость Нахичеванская АССР, в июне — Татарстан, в ноябре — Чечня. В апреле 1991 г. о выходе из СССР заявила Грузия (кроме Абхазии и Южной Осетии, которые приняли решения о непризнании независимости Грузии, и о желании остаться в СССР). В этих условиях Горбачев начал торг вокруг нового союзного договора (Ново-Огаревский процесс), однако шесть республик СССР (Прибалтика, Молдавия, Грузия и Армения) отказались от участия в «обновленном» СССР. Подписание нового союзного договора было намечено на 20 августа 1991 г., однако 19 августа произошла попытка государственного переворота со стороны консервативных сил страны (ГКЧП).

История этих трех дней[325] (19—21 августа) показала полную импотентность старой советской номенклатуры. Протест революционных сил, возглавленный Президентом РСФСР Б.Н. Ельциным, был столь ярок, что путчисты, имевшие в своем распоряжении существенно более значимые ресурсы, стушевались и отказались от борьбы за власть. Позиции Горбачева были подорваны, Ново-Огаревский процесс был прерван, все союзные республики объявили о своей независимости.

Осенью 1991 г. нарастал экономический хаос. Отсутствие центральной власти привело к рассогласованию как снабжения предприятий, так и снабжения торговли. Дело дошло до норми-

рования продуктов — практически повсюду в стране были введены продуктовые карточки.

При этом Горбачев продолжал активно цепляться за власть. Он вел позиционную борьбу за свое сохранение в системе власти против натиска революционных сил, используя весь свой опыт советского и партийного аппаратчика. Поскольку основным его аргументом были результаты референдума о сохранении СССР, а какие-либо действия союзных органов было организовать практически невозможно из-за фактического распада страны, революционеры нашли разрубающее этот гордиев узел решение: 8 декабря 1991 г. в Беловежской пуще лидеры России, Украины и Белоруссии приняли решение о прекращении действия заключенного между данными странами в 1922 г. договора об образовании СССР.

Так бесславно завершилась история мирового коммунизма в мессианской его части. Оставшиеся коммунистические страны либо тоже начали либеральную трансформацию своей экономики (Китай, Вьетнам), используя опыт Японии и стран Юго-Восточной Азии (так называемый иной капитализм), либо влачат свое существование в изгоях мирового сообщества (Куба, Северная Корея). Коммунистические партии западных стран вскоре тоже потеряли свое влияние. Например, компартия Франции, набиравшая в конце 80-х более 20% голосов населения, в середине 2000-х имела лишь 2%. Элиту западных стран охватила эйфория от явленного чуда исчезновения врага, державшего ее в напряжении последние полвека. Некоторые интеллектуалы даже начали говорить о «конце истории»[326] в связи с безальтернативностью оставшейся в победителях либерально-демократической модели общественного устройства.

Россия избавилась от дотируемых окраин. При этом в большинстве постсоветских стран были установлены этнократические режимы с дискриминацией представителей нетитульных этносов, среди которых числились и оставшиеся за пределами РСФСР 25 млн. русских людей. Это привело к тому, что в течение последующего десятилетия 7,5 млн. из них сменили место жительства.

На месте Восточного блока из-за слишком быстрого исчезновения «центра силы» возникла геополитическая дыра, которая привела к сильным мировым напряжениям. Данные напряжения вызвали несколько войн по периферии бывшей зоны влияния СССР, затронув все области данной дуги (Средняя Азия, Кавказ, Европа). Не обошла стороной данная нестабильность и территорию РСФСР, вызвав не только межэтнические трения во многих частях страны, но даже и реальные военные действия на Северном Кавказе (Чеченский конфликт). Это все сложилось с существовавшими ранее нестабильностями на Ближнем Востоке и в Центральной Азии (Афганистан). И в настоящее время (2008 г.) пока еще не видно, чтобы мировая ситуация стабилизировалась в каком-то новом положении равновесия, но это уже тема для другой работы.

Революция 1989—1995 — очерк общественных процессов в независимой России

После путча и последовавшей за ним деморализации консервативных сил страны власть в России оказалась в руках радикальных революционеров во главе с Ельциным, которые начали подготовку к трансформации общественной системы страны в либерально-демократическом направлении. Будучи в прошлом марксистами, лидеры общественной трансформации уделили особое внимание своей социальной базе, которую в то время составляли представители «нового бизнеса» и советская интеллигенция прозападного направления. «Правильная» интеллигенция была посажена на бюджет (и около бюджета), а остальные жители страны были ввергнуты в пучину выживания в условиях дикого рынка и быстро усохшей социальной поддержки. Здесь следует также напомнить, что организованная реформаторами галопирующая инфляция «съела» все существовавшие накопления людей.

Далее все развивалось по логике экономики инкапа. В преддверии приватизации была организована «накачка» ресурсами «новых русских» — представителей «нового» бизнеса, и ослабление традиционных советских производственников. Помимо прямого воровства и невозврата кредитов существовали также легальные каналы быстрого обогащения в условиях галопирующей инфляции. Первый канал возник вокруг перекосов российских и мировых цен, что вследствие короткого экономического цикла торговых операций создало первое российское «эльдорадо». После ликвидации денежного навеса (к середине 1992 г.) правительство, поддерживая функционирование данного «эльдорадо», перешло к политике стимулирования импорта, в том числе и за счет завышения курса рубля[327]. Второе «эльдорадо» было создано поддержкой реальной негативной стоимости денег — и деньги потекли из госбанков в частные банки, которые были созданы в большом числе в течение очень короткого времени[328]. При этом успешность банков во многом была контролируема властями, ибо не каждому было дано кредитоваться в госбанках или Сбербанке, не говоря уже об обслуживании бюджетных денег. Крупные предприятия были окружены множеством коммерческих посредников, часть из которых представляла интересы руководства предприятий, другая принадлежала криминальным авторитетам, третья — тем, на кого указывала власть. Здесь следует также напомнить, что советские предприятия по старой памяти и дисциплине еще некоторое время продолжали платить налоги, в то время как «новый» бизнес налогов фактически не платил.

На всех парах шла подготовка к приватизации советского наследия[329].

Поддержание правительством такого мощного перетока ресурсов в пользу «новых русских» в преддверии приватизации не могло не вызвать напряжения в обществе. Советская техноструктура, для которой производственная культура еще что-то значила и которая вследствие этого проигрывала в новых условиях «новым русским», имевших в виду лишь неограниченное

личное обогащение любыми способами, нашла опору в Верховном Совете России. Развернувшаяся политическая борьба вылилась в открытое столкновение парламентских и президентских структур России в октябре 1993 г., которое завершилось расстрелом пропарламентских сил и разгоном Верховного Совета президентом Ельциным.

После успешного государственного переворота была принята новая Конституция Российской Федерации, закрепившая победу сторонников радикальных реформ. В стране фактически установился авторитарный режим Ельцина, так что даже победа коммунистов на последующих выборах в Государственную Думу (1994 г.) не смогла снизить скорости экономических преобразований. Остатки техноструктуры прекратили заниматься спасением производственной культуры страны[330] и всерьез занялись приватизацией. Дух «нового» бизнеса одержал окончательную победу: предприятия не платили работникам зарплату, «элита» бизнеса не платила налогов, массы занимались физическим выживанием в условиях «дикого капитализма». Была достигнута очень высокая степень криминализации общества.

В ряде регионов России происходили этнические мобилизации с установлением региональных этнократий и дискриминацией нетитульного населения. В Чечне дело дошло даже до открытого ограбления «иных», террора и этнических чисток, что привело к вводу в республику в конце 1994 г. федеральных войск и началу 1-й чеченской войны.

В конце 1995 г. прошли так называемые залоговые аукционы, которые по большому счету являлись назначением особо приближенных людей в олигархи посредством фактически бесплатного наделения их большими кусками советской собственности[331]. С этими событиями можно связать окончание активной фазы революции. Новая система общественных отношений утвердилась в России, подмяв под себя все советское материальное наследие.

«Залоговые аукционы» положили начало так называемой Системе элитного обеспечения[332] — изюминке российской эко-

номики инкапа, которая проектировалась так, чтобы навсегда разрешить материальные трудности высшей политической элиты страны. Фактически лакомые куски бывшей советской стоимости были розданы в трастовое управление некоторой группе «счастливчиков», от которых в ответ на данный «дар» ожидалось, что они будут носить «сколько надо» «куда надо», а также оказывать Власти другого рода услуги.

Триумф победителей (1995—1998)

В процессе революции произошло некоторое обновление актива российского общества, однако не очень значительное. Менее всего сменилась политическая элита — 75—80% верхушки исполнительной власти страны, включая управление областей, были представителями старой советской номенклатуры[333], причем следует отметить, что это были в основном представители номенклатуры второго и третьего ряда[334]. Лишь в руководство политических партий и бизнеса было допущено несколько большее количество новых людей (до 40%).

К 1996 г. сложилось такое явление, как олигархия. Наиболее успешные представители бизнеса начали позиционировать себя в том числе и как политиков, занимая очень высокие места в рейтингах влиятельности в плане принятия государственных решений[335]. В общественных отношениях расцвел особого рода цинизм: в то время как основная масса жителей страны занималась ординарным выживанием, «новые русские» на фоне этой тотальной нищеты кичились своим богатством, чиновничество погрязло в коррупции. Цинизма добавляло также освоение элитой СМИ западных методов «промывания мозгов»: отсутствие соответствующего иммунитета у людей и вследствие этого высокая степень их манипулируемости утвердили многих представителей российского актива в том, что «пипл схавает» что угодно, главное — бюджет медийной кампании поддержки.

Особенно ярко все это проявилось во время президентских выборов 1996 г., когда Ельцин, имея в начале года общественную поддержку на уровне 3—6%, был раскручен медийными способами и в конечном итоге выиграл выборы, набрав 54% голосов. Его противник во втором туре — Зюганов — набрал 40%. В воспоминаниях людей об этой предвыборной кампании превалируют негативные оценки. Люди в основном вспоминают о ней как о чем-то грязном, недостойном[336]. И действительно, на всю страну прогремел тогда скандал, связанный с выносом из здания правительства политтехнологами президента 500 тысяч долларов наличными в простой коробке из-под ксероксной бумаги.

Между первым и вторым турами голосования у Ельцина случился инфаркт, который сильно подорвал его здоровье. Сделанная в ноябре того же года операция на сердце не вернула Ельцину былой активности. В это время очень большое влияние на российскую политику приобрело ближайшее окружение Ельцина: так называемая Семья — группа, сформировавшаяся вокруг дочери Ельцина Татьяны и руководителя Администрации Президента (в последующем ее мужа) В. Юмашева.

В стране процветал уход от налогов. Для финансирования своих расходов правительство занимало деньги везде, где только могло. В частности, для займа денег внутри страны был организован рынок ГКО — государственных казначейских обязательств, который представлял собой финансовую пирамиду, ибо каждый последующий транш этих ценных бумаг обслуживал затраты по предыдущему и давал какие-то средства в бюджет.

В целях финансовой стабилизации и понижения уровня неблагоприятных ожиданий был введен валютный коридор — обменный курс доллара поддерживался в определенных пределах, тренд которых объявлялся на некоторое время вперед. Стабилизация валютного курса поддерживалась кредитами МВФ. Однако при этом курс доллара был несколько занижен, что стимулировало импорт и угнетало производство внутри страны. Импорт в основном финансировался с помощью кредитов как товарных от производителей, так и валютных, взятых бизнесменами у отечественных и зарубежных банков. Российские банки тоже злоу-

потребляли зарубежными кредитами, причем часто короткими валютными кредитами они финансировали длинные рублевые проекты.

Существование валютного коридора делало привлекательным инвестирование ГКО для иностранцев, что увеличивало государству базу для заимствований. Однако к середине 1998 г. расширение пирамиды ГКО все-таки достигло своего предела. При этом нужда правительства в деньгах отнюдь не угасла, что взвинтило процентные ставки по займам. Вывоз «заработка» иностранцами давил на валютный рынок, «сжигая» один стабилизационный кредит МВФ за другим. У правительства не оставалось другого выхода, кроме как приостановить выплаты по ГКО (т.е. объявить дефолт по внутреннему долгу) и отменить валютный коридор (август 1998 г.).

Разразился финансовый кризис. Во-первых, у банков значительные средства оказались «замороженными» на рынке ГКО, что поспособствовало кризису ликвидности и «закупорке» платежей, а также панике населения по поводу своих вкладов. Во-вторых, нерезиденты бросились выводить из страны свои деньги, что обрушило рубль. Этому также поспособствовало и то, что люди бросились закупать доллары для сохранения остатков своих средств. В очень сжатые сроки доллар сильно подорожал (примерно в 3 раза). Рост цен на импортные товары остановил их продажи. К тому же импортеры не смогли поднять цены в соответствии с ростом доллара, что привело к разбалансировке их финансов и невозможности погасить товарные и иные валютные кредиты. То же случилось и с зарубежными кредитами банков — получая рубли от своих заемщиков, банки не могли погасить свою задолженность перед своими иностранными партнерами.

В возникшем хаосе владельцы многих банков предпочли обанкротить свои бизнесы и разворовать их активы. Вкладчики и компании, державшие в этих банках свои счета, лишились своих денег. Компании, лишившись оборотных средств, начали банкротиться и увольнять персонал. Также банкротились многие предприятия-импортеры. Люди стали меньше тратить. Упал совокупный спрос. Кризис распространился на всю экономику.

Однако не бывает худа без добра. Слом валютного коридора и подорожание доллара сделали импортные товары неконкурентоспособными, и это переключило спрос людей на более дешевую отечественную продукцию. В ответ на этот спрос предприятия начали наращивать производство. Так, освободившись от оков, наложенных на нее «реформаторами», пошла в рост российская промышленность.

Восстановление страны (1999—2008)

Тем временем состояние здоровья Ельцина катастрофически ухудшилось, и он вместе с ближайшим окружением озаботился вопросами личной безопасности в случае своего ухода с поста. Перебрав несколько кандидатов, он остановил свой выбор на В.В. Путине. В августе 1999 г. Ельцин предложил В.В. Путина на должность премьер-министра, охарактеризовав его как своего желаемого преемника на посту Президента России. Кандидатура Путина была утверждена Государственной Думой.

Осенью того же года, несмотря на то что с лета 1996 г. военные действия в Чечне были прекращены и Чеченская республика была фактически независимой от России, боевики развернули террористические действия на территории России. В Буйнакске, Москве и Волгодонске были взорваны жилые дома (более 300 человек погибших), было организовано вторжение чеченских вооруженных формирований в Дагестан. В ответ Путин начал войсковую операцию по ликвидации повстанческой государственности в Чечне, что привело к повышению его авторитета у жителей России.

В конце 1999 г. Ельцин ушел в отставку, и Путин стал исполняющим обязанности Президента РФ. В марте 2000 г. он выиграл выборы и в мае вступил в данную должность официально.

Первое большое дело, которое ему удалось завершить, — это замирение Чеченской республики. Найденное политическое

решение состояло в том, что один из кланов повстанцев был включен в систему федеральной власти, а остальные сокрушены военным способом. В Чечне была установлена диктатура Кадыровых, которые потихоньку привели к повиновению всю республику. На территории Чечни было прекращено рабство и массовое кровопролитие, платой за что стала регулярная дань, выплачиваемая федеральным центром в пользу республиканских лидеров. К 2006 г. стрелять в Чечне практически перестали.

Следующим делом стала нормализация бюджета. Как уже указывалось, по итогам правления Ельцина крупные предприятия не платили налоги в казну, откупаясь от чиновников к своей выгоде. После силового «разгрома» группы ЮКОСа, которой «посчастливилось» стать козлом отпущения за ельциновский беспредел в экономике, предприятия стали налоги платить. При этом бюджет сверстывался с профицитом, что стабилизировало долговую ситуацию вокруг страны.

Была отлажена система по изъятию природной ренты от экспорта энергоносителей в пользу государства, что позволило погасить основную массу советских и российских долгов. Были произведены действия по консолидации советских активов в рамках крупных корпораций. По сути это было отладкой Системы элитного обеспечения. Поскольку частная форма собственности на розданные «счастливчикам» активы, дополненная неформальными договоренностями, показала свою неустойчивость при смене политического лидера, было решено перевести основные активы Системы в принадлежащие государству акционерные общества и во вновь созданную юридическую форму — госкорпорации. Те «счастливчики», которые не поняли новых правил игры, были репрессированы. Так в Систему были включены основные нефте- и газодобывающие активы, транспортные активы (как трубопроводы, так и авиация с железными дорогами), основные металлургические активы (как черной, так и цветной металлургии), активы атомной и оборонной промышленности. Прозвучало, что в Систему будет включаться

любой бизнес, который вырос настолько, что стал способным повлиять на политическую ситуацию в стране[337].

Государство начало давить на рынок в сторону повышения доходов людей. В течение всего путинского правления реальные доходы населения росли более 10% в год, обеспечив гражданам страны возможность наслаждаться прелестями свободы. Значительно сократилось количество бедных — с 29% в 2000 г. до 13,4% в 2007[338]. Была произведена так называемая монетаризация льгот, когда многочисленные натурные привилегии некоторых групп населения (как оставшиеся с советских времен, так и произведенные во времена ельцинизма) были замещены денежными компенсациями. Были запущены национальные проекты, причем два из них («Образование» и «Здоровье») были направлены на расширение финансирования социальной сферы.

Существенные изменения произошли и в политической сфере. Начиная с 2005 г. были отменены прямые выборы губернаторов. Губернаторы стали избираться региональными законодательными собраниями по представлению Президента РФ. Эта мера позволила заложить условия для консолидации политических элит на единой ценностной основе, что в принципе является необходимым условием для становления либеральной демократии (см. подраздел «Демократия — естественная модель национального государства» раздела «Демократия» главы 3). Наряду с этим данная реформа привела к исчезновению значительного рынка политтехнологических услуг по обслуживанию губернаторских выборов, что задело интересы соответствующего бизнеса и действовавших в данном бизнесе людей, пополнив ряды непримиримой оппозиции.

В плане восстановления государственного стратегического целеполагания Путин в 2003 г. провозгласил необходимость удвоения ВВП к 2010 г. Несмотря на массовый скептицизм экспертного сообщества, данная цель оказалась вполне реализуемой: на начало 2008 г. достижение факта удвоения ВВП ожидалось в 2009 г., хотя, возможно, разразившийся в конце 2008 г. финансовый кризис может внести свои поправки.

В целом время президентства Путина было характерно проведением реформ по методу малых социальных изменений (см. подраздел «Модернизация общества» раздела «Социальное время: Поздний Модерн» главы 3) — видно старание согласовывать интересы разных субъектных групп, и не задевать их попусту. Хотя в то же время, была продемонстрирована решительность в преодолении сопротивления оппозиционных сил, когда они перегибали палку в своем эгоизме.

В марте 2008 г. новым Президентом страны был избран соратник В.В. Путина — Д.А. Медведев, который предложил Путина на должность премьер-министра, и данное предложение было утверждено Федеральным Собранием России.

Некоторые итоги прошедшей трансформации

Сведем некоторые данные, характеризующие российское общество[339], в одну таблицу.

Таблица 4.1. Некоторые показатели трансформации российского общества

Показатели/Год	**1990**	**1995**	**1998**	**2000**	**2005**	**2007**
1	2	3	4	5	6	7
Общая численность населения (млн)	148,3	148,1	146,9	146,3	143,2	141,6
Средняя продолжительность жизни (годы)	69	65	67	65	65	
Смертность детей до пяти лет (на 1000)	27	27		24	17	

Табл. 4.1. Окончание

1	2	3	4	5	6	7
Национальный доход на жителя (ППС, $)	9120	6360	6000	7440	11570	14400
Потребленная электроэнергия (кВт на жит.)	6673	5110	4874	5209	5755	
Энергопотребление (кг нефти на жителя)	5923	4242	3957	4196	4517	
Индустрия, доб. стоимость (% ВВП)	48	37	37	38	39	39
С/х, доб.стоимость (% ВВП)	17	7	7	6	6	5
Среднемес. з/п (в ценах 1991 г., руб.)	548*	246	253	238	459	607
Коэффициент фондов (разы)	4,5*	13,5	13,8	13,9	15,2	16,8
Кол-во телеф.лин. (фикс.+моб. на 100 жит.)	14	17	20	24	112	
Пользователи Интернета (на 100 жит.)	0	0	1	2	15	21
Индекс развития чел.потенциала ООН	0,862	0,769	0,771	0,781	0,802	

* — данные 1991 г.

Опорные даты в данной таблице соответствуют характерным годам завершения определенных этапов преобразований (см. выше): 1995-й — залоговые аукционы — год завершения революционных преобразований, 1998-й — год «дефолта», когда страна вырвалась из «удавки Чубайса», 2000-й — первый год правления Президента В.В. Путина, 2005-й — год окончания многих временных рядов в данных источниках.

Из представленных данных видно, что до 1998 г. все основные характеристики системы монотонно скользили вниз. И только внезапный обрыв «удавки Чубайса» (валютного коридора с переоцененным рублем), державшейся за счет загона государства в долговую трясину, дал стране немного кислорода, чтобы она смогла вздохнуть и начать выходить из кризиса. И если в экономическом плане отрицательные тренды во многом преодолены, то в гуманитарном плане отрицательные тенденции все еще продолжаются. Особенно это проявляется в падении численности населения и нарастании имущественного расслоения в обществе.

Человеческий капитал России

Посмотрим теперь, как преобразования последнего двадцатилетия сказались на людях страны. Напомню, что в современном геосоциоре из-за расслоения социума в поле власти естественным образом выделяются актив, масса и коагулят (см., например, раздел «Строение общества» главы 2). Как происходит наполнение этих понятий конкретикой в современной России, можно понять на основе результатов социологического исследования журнала «Эксперт» по стратификации российского общества, выполненного осенью 2004 г.

Структура современного российского общества

На основе опроса 15 тыс. человек в 408 населенных пунктах[340] и их упорядочению по доходам и занимаемым социальным местам была предложена обсуждаемая далее схема стратификации современного российского общества, что соответствует состоянию социума на осень 2004 г. Все цифры далее из упомянутого выше исследования журнала «Эксперт»[341].

При этом выделяется «зона благополучия», где на 2004 г. пребывало примерно 40% населения страны. Верх данной зоны, в дополнение к очень богатым людям — реальной элите общества, которые не были охвачены исследованием (по оценке авторов исследования — это примерно 0,3—0,4% общей численности взрослого населения[342]), занимают так называемые «белые воротнички» (БВ) — управленцы различного уровня. Их доля — примерно 7,2% всего населения. В данной группе населения выделяются две подгруппы. Первая подгруппа (БВ-1)[343] — это управленцы верхнего звена, владельцы небольших бизнесов, высококвалифицированные профессионалы, которых примерно 1,8%. Вторая группа (БВ-2)[344] — управленцы среднего звена и интеллектуалы (5,4%). Все вместе они представляют актив общества (примерно 7,5—8% населения).

Неожиданным результатом исследования оказалось то, что очень успешной в плане близости к вершине общества в материальном плане оказалась группа высококвалифицированных рабочих — «синих воротничков» (СВ). Причем данная группа (СВ-1; 2,7%)[345] заметно превосходит по всем показателям даже группу БВ-2. Следующая страта рабочих (СВ-2)[346] тоже чувствует себя уверенно в современных условиях. Их в стране — 5,5%. И даже наименее успешный слой рабочих (СВ-3)[347], численность которого составляет 10,8 % населения, все еще входит в зону благополучия. Можно сделать вывод, что квалифицированные рабочие (19% населения страны) перенесли трансформацию российского общества в целом успешно.

Хуже пережили трансформацию служащие — «голубые воротнички» (ГВ). Хотя верх данной группы (ГВ-1; 10%)[348] и входит в зону благополучия, низ группы (ГВ-2, 5%)[349] уже относится к бедным. В принципе ГВ-1 вместе со студентами (3,3%) и завершают страты зоны благополучия.

Зона бедности вместе с ГВ-2 включает в себя пенсионеров (31%), безработных (9,7%) и низкоквалифицированных рабочих — «серых воротничков» (14,8%).

По результатам исследования «Эксперта» люди в целом приняли свершившиеся преобразования. Среди основных своих личностных ценностей они все обозначили трудолюбие и порядочность. А названные следующими в этом плане в верхних стратах интеллект и воля при движении «вниз» по социальной лестнице заменяются милосердием, что, впрочем, тоже вполне понятно.

Обнаруженная в данном исследовании «Эксперта» стратификация вблизи верха общества нашей страны была подтверждена также исследованием «Потребительское поведение. Альтернативный средний класс» российского отделения IPSOS (Франция)[350], выполненным в 2008 г., результаты которого позволили выделить в данной социальной группе страты, обозначенные авторами как «яппи», «купцы» и «мещане».

Словом «яппи» были обозначены управленцы, работающие в крупных корпорациях, которые по своей сути являются современными индивидуалистами и во многом сходны по своим установкам с аналогичными стратами западных стран. Их потребление во многом статусно. Они отдают предпочтение сверхсовременным и модным вещам.

В отличие от «яппи» «купцы» более традиционны по своим поведенческим установкам. Они не склонны к статусному потреблению, надежны, ценят семью и близкий круг друзей. Их отношение к вещам главным образом определяется словами «настоящее», «без понтов». «Купцами», как правило, являются мелкие и средние бизнесмены; есть среди них и управленцы. «Мещане», которые состоят в основном из высококвалифицированных рабочих, являются значительно большими индивидуалистами, чем «купцы», разделяя при этом их остальные психологические установки в отношении личностного потребления.

Так получает свое подтверждение интересный факт позиционирования определенного слоя высококвалифицированных

рабочих вблизи социального верха современного российского общества.

Отношение массы к труду

Рассмотрим далее отношение людей к труду и к социальным условиям вокруг труда. Данное отношение является одним из определяющих социальные качества общества, поскольку люди проводят в социальных ролях, связанных с работой и карьерой, более трети своей жизни.

В этом плане была проделана интересная социологическая работа В.С. Магуном[351], который исследовал изменения трудовых установок и трудовой мотивации людей в России. *«...Данные соцопросов с 1991 по 2004 год показывают, что трудовые ценности россиян за эти 14 лет так сильно изменились, что говорить о неизменности русского характера не приходится. Наиболее важными для россиян стали четыре ценности: хороший заработок (85% опрошенных в 1991 году и 96% в 2004-м), надежность работы (40% и 80%), ее интересность (68% и 72%), а также уже упомянутая возможность чего-то достичь (28% и 44%). Зато россияне стали меньше ценить большой отпуск (46% и 32%), соответствие работы способностям (57% и 34%) и возможность проявить инициативу (30% и 24%). Кое-что не изменилось — или изменения не оказались статистически значимыми. Мы по-прежнему хотим, чтобы наша работа была уважаема (40% и 36%), не готовы к ответственности (21% и 20%), но готовы к напряженной работе (80% и 82%)...*

В результате трудовые ценности россиян сегодня практически идентичны ценностям граждан стран “большой семерки” в том, что касается хорошего заработка, интереса к работе, ее надежности, удобного графика, отпуска и общественного уважения к работе. Однако сохраняются серьезные различия.

Так, возможность проявить инициативу ценят 24% россиян и 54% жителей G7, ответственную работу — 20% в России и 53% в “семерке”, соответствие работы способностям — 34% против

61%. Но, пожалуй, самое главное, что возможность чего-либо достичь ценят только 44% россиян против 67% граждан "семерки". Наш показатель ниже не только корейского (91,8%), но и среднего по пяти исламским странам (56,3% в Саудовской Аравии, Алжире, Иране, Ираке и Пакистане), хотя ислам, как раньше конфуцианство, сейчас признается многими исследователями "антирыночной" религией. При этом россияне готовы много трудиться: 82% против 11% в Корее и 62% в "большой семерке". Интересно, что в Южной Корее структура ценностей тоже отличается от ценностей стран G7, но в другую сторону. Там намного сильнее стремление получить работу ответственную (91% против 20% в РФ и 53% в G7) и уважаемую в обществе (68% против 36% в РФ и 39% в G7)»[352].

Данные результаты показывают, что в своей массе наши люди готовы много работать. При этом в плане мотивации их интересуют только деньги. Их не интересует ни соответствие работы способностям, ни возможность проявить инициативу. Им не хочется чего-то там достигать, им не хочется ответственной работы. К тому же не наблюдается различий между возрастными группами, то есть надеяться на смену поколений не приходится[353].

По большому счету полученные данные согласованы с рассмотренной ранее структурой социальной стратификации современной России, в соответствии с которыми спецификой нашего общества оказывается то, что за исключением управленцев высшего звена наилучшие жизненные показатели достигаются у двух групп населения — у средних управленцев и у высококвалифицированных рабочих. Двум последним стратам общества инициатива противопоказана. Именно эти две группы в силу своей массовости являются ориентиром для других и, что наиболее важно, — для молодежи, вступающей в жизнь.

Мы можем также констатировать, что за время происшедших изменений общество было успешно трансформировано для нужд либеральной экономики. О том, что именно такие качества требует «невидимая рука» от участников рынка труда, вся-

кий может убедиться, прочитав в любом современном западном учебнике по экономике описание «человека экономического» (ЭЧ). (См. также приложение 3.2: «Модель экономического человека и общество»). Данный психотип становится доминирующим в российском обществе, что сопровождается и всеми рассмотренными в упомянутом приложении 3.2 сопутствующими недостатками. При этом условия прошедшей трансформации привели к тому, что универсальные отрицательные моменты данного психотипа дополнительно «обогатились» специфическими российскими чертами, которые обусловливаются тем, что мотивация человека с подобным психотипом практически полностью замыкается на потребностях нижних уровней «пирамиды Маслоу» и это замыкание сакрализуется в его душе вместе с безусловной ценностью денег как цели жизни (см. приложение 4.1: «О доминирующем психотипе российского актива»). Причем именно только денег, что отличает конкретное наполнение модели ЭЧ применительно к российским условиям. Другими словами, российское общество восприняло модель ЭЧ в качестве эталона индивидуального поведения своих членов с функцией полезности в виде контролируемого человеком количества денег и зафиксировало этот свой выбор доксически.

В поисках среднего класса

*«О **среднем классе***[354] *у нас говорятся вещи почти взаимоисключающие. Кто причисляет к нему почти половину российского общества, кто говорит, что его — в привычном для Европы понимании — в России почти и вовсе нет. Среди тех, кто знает, где этот средний класс искать, некоторые называют его "гегемоном", стратой, в наибольшей степени выигравшей от реформ, опорой режима. Но другие именуют средний класс "нажившимся и зажравшимся при стабильности" хомяком или леммингом, в общем — грызуном-вредителем, в условиях кризиса уходящим в оппозицию Кремлю. В среднем классе видят и агента обновления российской экономики и общественной жизни, и охранителя авторитарных тенденций.*

Недаром состоявшееся недавно заседание Форума "Стратегия-2020" так и называлось "В поисках среднего класса"»[355].

Чем же так замечателен этот самый средний класс, что он вызывает столько дискуссий в российском обществоведении? Если взглянуть на его определение и социальное позиционирование в теориях апологетов (см. выше в комментарии по сноске), то можно увидеть, что к среднему классу его сторонники относят как раз примыкающие к элите слои общества. В рамках принятой в настоящей книге основной стратификации средний класс — это внеэлитная часть актива и верхняя часть массы. Данное социальное положение выделяемого таким образом среднего класса сразу же выдвигает вперед такую его характеристику, как важную роль в обеспечении гегемонии наличествующей в обществе политической системы. Кроме того, именно в среднем классе формируются кандидаты на вхождение в элиту эгалитарных общественных систем. И туда же вытесняются элитарии-неудачники — люди, по каким-то причинам не удержавшиеся на самом верху.

По мощности данного слоя в России уже сложился определенный консенсус — все исследователи, которые хоть как-то затрагивали данную проблему всерьез, то есть смотрели на возможность наличия субэлитного слоя, являющегося опорой элиты в ее руководстве обществом, дают оценки численности среднего класса, близкие к 20% от трудоспособного населения[356]. Лишь специалисты из «Левада-центра», положив в основу своей методики исследования нормы, взятые из западного теоретического наследия, пришли к выводу о том, что средний класс в России отсутствует[357].

В принципе верхние 20% общества — это именно те, кто экономически выиграл по результатам проведенных преобразований, причем не только в абсолютных значениях чисел, но и в долях распределения доходов от хозяйствования[358].

Теоретически средний класс обычно охватывает управленцев (актив) и различного рода высококвалифицированных специалистов (новый средний класс). Также, традиционно, сюда

входят мелкие и средние собственники с относительно высоким уровнем дохода (старый средний класс). Исследования показали, что те же самые профессиональные и социальные слои характерны в основном и для среднего класса России. Однако, как уже отмечалось выше в подразделе «Структура современного российского общества», спецификой России является наличие высокодоходных страт работников физического труда. И по данной социальной группе консенсус среди исследователей отсутствует. Одни (представители Института социологии РАН) не включают данную группу в средний класс, другие (представители Института общественного проектирования) включают. На мой же взгляд, хорошо зарабатывающие рабочие, особенно самозанятые, практически ничем не отличаются от владельцев маленьких бизнесов, поэтому я разделяю вторую точку зрения на этот вопрос.

При этом общее отношение мелкого бизнеса и среднего класса тоже совсем непросто. Лишь 60% мелких бизнесов России могут обеспечить своим владельцам доход, который требуется для однозначного отнесения их к данной социальной страте; у остальных 40% доход ниже данного порога[359]. В целом оказывается, что более половины представителей среднего класса работают в госсекторе, треть — в частном секторе и десятая часть — владельцы бизнесов[360]. Однако при переходе к молодой части актива страны (высокодоходные слои до 40 лет) доля госслужащих существенно падает (менее 10%), уступая место работникам частного сектора (75%) и госкомпаний (14%)[361].

В ценностном плане представители среднего класса выдвигают вперед интеллект, трудолюбие, порядочность, волю, уверенность в себе и ответственность за себя и своих близких[362]. Обращает на себя презентуемая заточенность среднего класса на коммунитарную самоорганизацию и его отчуждение от государства: *«... "Середняки" чаще, чем остальные горожане, демонстрируют желание "играть по правилам". Но только не по отношению к государству ...ответственность за судьбу страны и законопослушание попали в список наименее ценных человеческих*

качеств. А уклонение от службы в армии и уплаты налогов — в число "простительных" проступков // Только 34% представителей среднего класса заявили, что готовы в случае необходимости жертвовать личным благополучием ради спасения страны. И всего 31% считает, что всегда и во всем надо соблюдать закон, даже если он устарел. Правда, среди других слоев населения доля таких сознательных граждан еще меньше // Но "прохладные" отношения с государством не мешают россиянам быть патриотами. Слово "Россия" вызывает положительные эмоции у 96% опрошенных»[363]. Но данные заявления — это пока лишь демонстрация чего-то мечтаемого, ибо по сути своей мы имеем *«...множество людей, добившихся хороших доходов и более высокого социального положения, но не рассматривающих себя как «класс», как устойчивую группу, имеющую хорошие шансы на воспроизводство (во времени), отличающуюся структурой идентичности от других социальных групп. Представители этой группы не воспринимают себя как выразителей «большинства», как носителей «нормы», стандартов оценки и интерпретации реальности, служащих эталоном референции для других групп и слоев в обществе. Напротив, они, по их собственному признанию, не имеют влияния на положение дел в стране, не оказывают значимого воздействия на принятие важнейших политических и экономических решений, а потому не претендуют — ни в собственных глазах, ни в глазах других — на социальное признание в качестве элиты или носителей социального авторитета...»*[364]. Такой разрыв между презентуемыми в опросах пожеланиями и реальной деятельностью индивидов в социальной действительности обнажает существование некоего психосоциального разрыва в установках людей, модель которого будет рассмотрена в следующем подразделе. Пока же можно отметить наличие какой-то блокировки, препятствующей созданию соответствующих коллективных идентичностей. В полном соответствии с этим получаем, что средний класс политически пассивен. Более половины его верхнего слоя заявили, что они не интересуются политикой совершенно, и лишь 6% сделали какие-либо шаги, чтобы вовлечься в политическую

деятельность[365]. Да и в своих политических предпочтениях данная страта не обозначила каких-либо значимых отличий от всего российского общества, что опять же указывает на отсутствие какой-либо общей коллективной идентичности, специфической для данного сообщества.

Особенности постсоветского актива

Перейдем далее к рассмотрению верхнего слоя среднего класса — актива страны. Напомню, что здесь термин «актив» используется для обозначения людей, в функции которых входит профессиональное управление другими людьми. Верхний же слой актива, который сосредоточивает в своих руках распоряжение значительными ресурсами, и в котором прорабатываются стратегические вопросы общества и принимаются основные решения, мы будем обозначать словом «элита». При этом следует отметить, что российское общество в целом адекватно понимает значение термина «элита». Согласно данным ВЦИОМ в 2005 г.[366] более 65% опрошенных отнесли к элите тех, кто «нами правит», 26% — тех, «кто у власти, кто влияет на власть», 25% — тех, «кто богат». Тот же опрос показал, что самих себя к элите относят 1% провинциалов и 2% жителей Москвы, что неким образом характеризует мощность данного социального слоя (хоть данные показатели и ниже погрешности опроса по репрезентативной выборке).

Взглянув на источники поставки кадров для нынешней российской элиты, можно увидеть *«...многоисточниковый характер современного процесса элитообразования. К числу основных генерирующих элементов следует отнести социальные институты и организации, оказавшиеся наиболее устойчивыми в процессе слома социальной и политической структур советского общества. В их числе бюрократия, этнические связи, новые экономические корпорации, силовые структуры, а также организованный криминалитет. Какой бы срез современных элит мы ни взяли (высший,*

региональный, местный), везде доминируют и консолидируются представители и выдвиженцы названных структур...»[367].

Специфической чертой российского актива является то, что наряду с доксическим воздействием общесоциальных трендов эволюции общественного понимания того, что считать достойной человека мотивацией к деятельности, представители актива дополнительно обязаны были самоопределиться по своему отношению к власти. Удивительно, но в постсоветском общественном сознании из имеющегося выбора властных мотиваций (см. подраздел «Власть» раздела «Социально-культурные универсалии: Власть, Справедливость и др.» главы 2) особое распространение и закрепление получила самая примитивная — биологическая[368]. Страсть к доминированию над другими была объявлена естественной для человека, любая социальная иерархия стала восприниматься лишь как воплощение иерархии доминирования, то есть стала считаться изоморфной по структуре и взаимосвязям стае диких приматов. Соответственно те, кто сумел прорваться в начальство, исключили из своей психики все остальные драйверы, кроме (1) удержаться на посту, (2) «заработать» как можно больше денег, (3) прорваться «выше». Естественно, что, пытаясь показать себя «соответствующими» положению, они начинают третировать всех остальных, кто не преуспел, считая их «лузерами» и/или «лохами». При этом отсутствие отличных от денег положительных социальных целей лишает этих людей понимания того, где у них в социальном плане находится их личное направление «вперед», и заставляет их оказывать непропорциональное внимание тому, что находится у них «сзади». Так, естественно, массово получается психотип орануса со свойственным ему комплексом «парашецентризма» (см. детали в приложении 4.1: «О доминирующем психотипе российского актива»), который к тому же начинает тиражироваться в обществе доксически (не будем забывать, что рассматриваемая группа людей является социально успешной, т.е. служит примером для остальных).

Подобное разрешение активом в основной своей массе ментальной дихотомии Современность vs Традиция в пользу традиционных мотивационных установок является главной движущей силой отечественной архаизации. Наряду с этим серьезный вклад в психотип актива дает положение его представителей в социальном пространстве. Наличие Системы элитного обеспечения[369] четко выделяет в активе две группы — тех, кто входит в Систему (будем называть их далее словом «счастливчики»), и тех, кто не входит туда (остальные). Счастливчики — это очень небольшое количество людей. Выше в подразделе «Структура современного российского общества» приводилась оценка их численности — 0,3—0,4% от численности взрослого населения (не более 200 тыс. семей). Фактически это реальная элита российского постсоветского общества. Остальные — управленцы различного уровня — составляют 7—8%. При этом следует отметить, что региональные государственные управленцы обычно не входят в Систему даже в высшем своем звене, хотя бывают и исключения.

Остановимся теперь чуть подробнее на «остальных», имеющих традиционалистское мировосприятие[370]. Как уже отмечалось, данные деятели являются основными идейными носителями отечественной архаизации, хотя по своим социальным показателям они выглядят в общем-то неплохо. *«Вот, например, как выглядит этот состав по состоянию на 2002 г. по Южному федеральному округу (13 субъектов РФ): средний возраст — 53,6; образовательный уровень — все имеют высшее образование, 41,2% — два и более высших образования; 33,3% имеют ученую степень кандидата или доктора наук, по первому высшему образованию 72% закончили технические и сельскохозяйственные вузы; 64% имеют опыт партийно-советской работы; средний срок пребывания в партийной номенклатуре — около 10 лет. Более половины характеризуемого слоя региональной элиты начали свою трудовую биографию простыми рабочими или колхозниками (остальные — студентами, военнослужащими)»*[371]. И это все не мешает этим людям мнить себя новой знатью[372], хотя по сути сво-

ей они являются лишь пассивными алчными жуликами, только и умеющими, что стричь административную ренту, обеспечивая запредельный уровень коррупции в стране[373]. Эти люди усвоили самые примитивные установки так называемого человека экономического (см. приложение 3.2: «Модель экономического человека и общество»), т.е. они являются рациональными максимизаторами количества доступных им денег, вследствие чего они могут лишь выбирать наилучшую из уже известных обществу поведенческих стратегий и не способны придумать ничего нового. Как уже отмечалось выше, отсутствие каких-либо позитивных проектных целей оборачивается «парашецентризмом» мировосприятия (см. также Приложение 4.1: О доминирующем психотипе российского актива), т.е. у этих людей при их ориентации в пространстве деятельности напрочь отсутствует направление «вперед», и есть лишь ощущение «сзади» — сзади это там, где остались «лохи», т.е. те жители страны, кто не преуспел в плане денег. Соответственно, они понимают лишь один способ воздействия на других — насилие, в чем вполне согласованы с доминировавшей долгое время в России политической культурой. При этом они очень любят начальство и делают это вполне искренне.

Отсутствие значимых достижений при наличии больших амбиций требует у носителей данного психотипа психологической компенсации, которая находится ими в самоотнесении к чему-то великому, сакральному. Причем данное «прислонение» к великому имеет существенно внешний, наружный характер — оранус не собирается всерьез ставить контролируемый им поток ресурсов в зависимость от каких-то там «идеалов». А вот поговорить на эту тему, вызвать священный трепет у подчиненных, создать красивую рамку для презентации себя публике — это да, это то, что нужно[374]. Этот момент важно учитывать при обработке данных по самопрезентации элиты, получаемых в результате социологических опросов.

В принципе в «остальных» выделяются две основные группы[375]. Первая группа (60%) — это сторонники сохранения ста-

бильности и статус-кво. Вторая же группа (40%)[376] хотела бы модернизации России, приближения ее устройства к западным стандартам.

Если говорить о первой группе, то в силу традиционности мировоззрения ее представителей величие страны ими сводится лишь к имперской экспансии, так что данная часть актива вполне сродственна имперской идее. Именно эта часть актива так специфически откликнулась на патриотическую мобилизацию августа 2008 г.[377], что многие наблюдатели заявили о переходе российского имперского проекта в практическую политику.

Возникший запрос широкого слоя чиновничества на имперскую идеологию может быть удовлетворен уже существующим имперским дискурсом, разрабатываемым рядом российских публицистов патриотического направления, так что взрывное расширение социальной базы поддержки имперства среди регионального чиновничества и связанной с ним буржуазии является одной из реальных возможностей текущего момента в России. При этом в силу специфичности ума участников процесса и компенсационной природы его основного двигателя даже пустота имперской идеологии не будет помехой для ее адаптации данной частью элиты. В принципе этим людям нужен лишь своеобразный идеологический «макияж», чтобы не оставаться наедине с реальными результатами своей деятельности — ведь ничего кроме как клянчить у центра дотации да воровать они пока делать не научились. А тут все это будет закамуфлировано «Служением Империи» — и вроде бы человек уже и не вор, а Служитель...

Единственное, что может помешать такой экспансии имперской идеологии в данном слое, — это какая-нибудь альтернативная идеология, которая будет им спущена начальством. И похоже, что такое вполне может случиться — самый верх российской элиты начинает работать в парадигме национального государства и в этом находит поддержку 2-й элитной группы. Но об этом чуть позже.

Посвятим немного времени российским бизнесменам. Если сравнить распределение ВВП России по источникам доходов в 2005 году[378] (домохозяйствам — 43%, предприятиям — 37%, бюджету — 20%) с таковым же в США (домохозяйствам — 75%, предприятиям — 17%, бюджету — 8%), то видно, что российский бизнес «зарабатывает» существенно большую долю ВВП, чем американский (37% vs 17%). В соответствии с доминирующей в настоящее время в мире неоклассической экономической теорией это означает, что российские буржуа ***требуют (и получают)*** за свои услуги по развитию хозяйства ***существенную дополнительную премию к нормальной рыночной цене*** за подобного рода услуги. Вследствие этого можно сделать вывод, что такой фактор производства, как предпринимательская способность, в России пока еще находится в существенном дефиците, что приводит к необходимости обратить особое внимание на развитие предпринимательства в стране (см. приложение 4.2: «Российское предпринимательство и развитие страны»).

Бизнесмены, почему-то называющие себя предпринимателями, составляют существенную часть актива. Это — традиционалисты-«счастливчики», верхняя часть которых, в принципе входящая в элиту, обычно называется «олигархами». Данные люди в отличие от имперцев меньше «громыхают» в публичном информационном поле, хоть их идейный продукт там устойчиво присутствует[379]. Этот продукт можно определить как «элитарный социализм», что в принципе понятно, поскольку основные апологеты-создатели происходят из «комсы» — вовремя подсуетившихся комсомольских работников 80-х, которые вошли в Систему элитного обеспечения в 90-е годы, практически с момента ее основания. По большому счету данный идейный конструкт представляет собой советский технократизм, очищенный от эгалитарности[380].

В рамках этого продукта предполагается установление в России существенно элитарного общественного устройства, во многом совпадающего с описанным в «Государстве» Платона. Верхний слой — Власть — это те, кто принят в Систему элитного обеспечения. Они концентрируют в своих руках все ресурсы страны и осуществляют управление ими. Неявно предполагается, что они социально защищены всей мощью государства[381] и социальной солидарностью остальных членов элитного клуба. Выпасть из Системы можно, но только в случае личной политической нелояльности ее лидерам.

Остальные жители страны находятся в условиях жесткого социал-дарвинизма. Их доходы и возможности самореализации вне контролируемых элитой структур Системы сведены к минимуму. При этом элитная Система не предполагается замкнутой — считается, что будут существовать социальные лифты, позволяющие элите включать в себя наиболее «успешных» представителей прочего народа.

В принципе данный конструкт несколько неполноценен. Он отвечает на вопрос: «Как все должно быть устроено?», но оставляет за кадром вопрос: «Зачем нужно все так устраивать?». Цели общественного развития старательно обходятся (ну нельзя же всерьез обсуждать, что целью России является приобретение/захват очередного алюминиевого завода одним из активных акторов данного дискурса или покупка очередной фаллической яхты другим его актором). Соответственно, проясняется и психотип носителей данного идейного комплекса — это такие же оранусы-«парашецентристы», как и ранее рассмотренный слой актива, с одним качественным отличием — эти люди способны осуществлять достаточно большие проекты. И именно это их качество востребовано высшим слоем элиты страны, то есть теми, кто сконцентрировал в своих руках государственную власть по итогам прошедшей революции и допустил представителей рассматриваемого слоя в Систему элитного обеспечения на роль «хозяйственников» — рулить «большими бизнесами» и обеспечивать Систему необходимыми ресурсами.

В данном идейном конструкте есть еще один встроенный порок, который не позволяет отнести его носителей к людям «стратегического уровня». Это отсутствие в его текущей презентации понимания того, как Система будет воспроизводиться

в долгосрочном плане. Взгляд с этой точки зрения показывает, что Система, как она пока понимается своими хозяйственниками, является паразитом на наследии советского периода как в плане инфраструктуры, так и в плане человеческого капитала, или, говоря другими словами, «корпорацией по утилизации советского наследства»[382].

Как уже отмечалось выше, около 40% элитной массы считают предпочтительным для России путь быстрой модернизации к состоянию общества, соответствующему европейским стандартам. Данный факт привлекает внимание к вопросу: «А существует ли в России элитный дискурс модернизации?» Задавшись таким вопросом, мы можем немедленно найти искомое в российском публичном пространстве, причем данный дискурс оформляется Посланиями Президента Федеральному собранию и прочими выступлениями обоих последних Президентов России и близких к ним лиц. Оказывается, верховная власть ставит перед страной вполне современные цели — об удвоении ВВП, о росте производительности труда, о переходе к инновационному развитию, о всестороннем развитии личности, о восстановлении науки и совершенствовании системы образования и о прочем таком интересном в плане возврата страны в Современность. Более того, некоторые позитивные подвижки уже состоялись — ВВП со времени провозглашения такой цели практически удвоился, все 2000-е годы, несмотря на сопротивление буржуазии, росли доходы людей, экономический «крупняк» вновь платит налоги, была проведена монетаризация льгот и т.д.

Приглядевшись внимательно к процессу разработки и внедрения социальных нововведений, можно немедленно идентифицировать стратегическую подсистему общества, о необходимости которой для социума Модерна говорилось ранее (см. подраздел «Структура общества Позднего Модерна» раздела «Общество и современность» главы 3). Функции данной подсистемы в настоящее время выполняет Администрация Президента РФ. Немедленно вскрывается и основной недостаток современной России — слабость проектной подсистемы, и именно

здесь нащупывается основное поле битвы за возврат страны в Современность.

Анализ структуры данной «схватки» показывает, что небольшая группа модернизаторов пытается увлечь стоящими перед страной задачами широкие слои орансусов элиты и актива, так что мы имеем вброс в социум структурирующей энергии модернизации, которая демпфируется и «рассасывается» вплоть до исчезновения в обширных слоях чиновничества[383]. Другими словами, в настоящее время мы имеем стандартную ситуацию российской модернизации «сверху», что дает сторонникам Современности некоторые шансы на успех.

Станет ли Россия национальным государством?

Как было показано в разделе «Национальная модель государства» главы 3, логика Современности непротиворечиво принимает только национальную модель государства. Причем этот вывод справедлив для любой государственной формы, опирающейся на народный консенсус. Имеющееся единственное исключение — авторитарная монархия — только подтверждает установленное правило. В связи с тем, что Российская Федерация провозглашена республикой и, более того, демократией[384], возникает вопрос: можно ли считать, что по итогам трансформации последних 20 лет Россия стала национальным государством?

Ответ, к сожалению, отрицателен. Если открыть Конституцию Российской Федерации, то во Введении можно прочитать: «Мы, многонациональный народ Российской Федерации...»[385] И как правильно отметил академик В.А. Тишков: *«Эти старые клише “многонациональности” из советских деклараций, когда за них не нужно было платить процедурой реализации, перекочевали в совершенно новую политическую ситуацию более ответственных смыслов и освобожденных адептов этих смыслов. Какую цену в конечном итоге придется платить за инерцию элитного и ставшего бытовым менталитета, пока еще не ясно. Но ясно, что нашлось*

много желающих внутри и вне России, кто готов наказать ее за интеллектуальную импотенцию»[386]. «Как мне однажды сказала одна из коллег: *«Все, что нахапали русские, теперь надо отдавать»* [30]»[387].

То есть указанная выше самопрезентация страны в виде «многонационалии» создает следующий чисто дискурсивный момент: *« ...в Испании живут самоопределившиеся испанцы, в Англии — англичане, в Китае — китайцы, в Индонезии — индонезийцы, в Пакистане — пакистанцы, во Франции — французы и т.п. И в мире осталась только последняя (после распада Югославии) "многонациональная империя" Россия, где не все нации самоопределились даже после распада СССР, а только четырнадцать, и Россия остается "мини-империей". Россия есть некая историческая аномалия, нуждающаяся в современной коррекции»*[388]. Заданная такой самопрезентацией дискурсивная логика поддерживается и развивается политическими конкурентами России, создавая уже реальные политические проблемы стране и ее населению.

С другой стороны, степень культурной однородности населения, степень принятия населением единых ценностей и мифов очень высока. *«Население нашей страны обладает высокой степенью единства в смысле общих ценностей, культурной гомогенностью, активным межэтническим взаимодействием, которым могли бы позавидовать многие крупные государства, утверждающие с разной долей успеха идею единой нации среди своего населения. Причем население этих стран, в отличие от России, не может разговаривать между собой на одном языке и его части воюют друг с другом десятилетиями. Достаточно назвать Индию, Испанию, Китай, Индонезию, Мексику, Нигерию, ЮАР и десятки других стран, где этнического и языкового однообразия нет, а концепция единой нации есть и реально сплачивает страну.*

В России — наоборот: ***есть реальное единство при сохранении этнокультурного разнообразия среди россиян, но нет представления об едином народе, его национальных интересах и национальной культуре****»*[389].

Таким образом можно видеть, что Российская Федерация не представляется национальным государством только из-за психологических установок (другими словами, содержимого мозгов) ее политической элиты. Данные установки в основном определяются советским наследием, которое при исчезновении модернистского коммунистического порыва немедленно выхолостилось в базу для архаизации общественного сознания, однако в них есть также и вклад узкокорыстных интересов политиков, эксплуатирующих этнический компонент российского социального поля.

Рассмотрим сначала советское наследие.

Очерк теории национального вопроса в советском марксизме

Продолжая традиции либеральных идеологий, марксизм положил в основу своей теории то, что с развитием Современности основным социальным противоречием времени становится противоречие между трудом и капиталом. Вследствие этого по логике марксизма национальная идентичность оказывается вторичной по отношению к классовой, тем самым «пережитком», опираясь на который буржуазия ведет свою игру на сохранение государственной власти в своих руках. Соответственно, пролетарский интернационализм и международная солидарность трудящихся могут существенно помочь в классовой борьбе пролетариата с буржуазией за государственную власть.

Эта линия была продолжена в рамках советского марксизма — официальной идеологии большевизма, победившего по итогам Революции 1917 года в России. Политическое страны переводилось на классовую основу, и соответственно источником государственного суверенитета полагалась уже не нация, а пролетариат[390] — выделенный историей класс-мессия. Вследствие данной базовой установки была переформатирована либеральная теория суверенитета в том плане, чтобы устранить из нее национальные ограничения. Для этого указанное выше первое понимание категории «нация» (нация — источник суве-

ренитета — см. подраздел «Современная модель государственного суверенитета» раздела «Национальная модель государства» главы 3) для социалистического общества было отменено за ненадобностью — источником суверенитета отныне признавался только пролетариат (или, в мягкой форме, трудящиеся массы). Нация была оставлена в теории советского марксизма лишь как выхолощенный элемент ее примордиалистской трактовки: нация — это высшая форма развития этноса. *«Для российских обществоведов отправной категорией является понятие этноса, одна из многочисленных и схожих дефиниций которого следующая: «Этнос — это исторически сложившаяся на определенной территории устойчивая совокупность людей, обладающая единым языком, общими чертами и стабильными особенностями культуры, психологии. Этносы становятся реальностью тогда, когда появляется ощущение внутригруппового единства в противопоставлении с другими, окружающими их общностями, т.е. формируется этническое самосознание... В современной науке этническая общность выступает как национальная общность, т.е. как более высокий и развитый тип этноса. Ибо этносы, возникнув еще в первобытном обществе, консолидируясь и развиваясь, представлены в мировой истории такими типами, как племя, народность, нация» (*)»*[391].

«Было время, когда в нашей науке считалось, что существуют три последовательно сменившиеся в процессе исторического развития формы этнической общности: племя, народность, нация. И даже годы спустя после XX съезда КПСС (1956) многие советские ученые, прежде всего философы и историки, придерживались определения нации, данного И.В. Сталиным (1878—1953) в работе «Марксизм и национальный вопрос» (1912), согласно которому нация характеризовалась четырьмя основными признаками: общностью языка, общностью территории, общностью экономической жизни и общностью психического склада, проявляющейся в общности культуры. Определение это было далеко не оригинальным. Первые три признака И.В. Сталин позаимствовал из работ по национальному вопросу крупного теоретика марксизма К. Каутского (1854—1938), четвертый — из труда другого марксиста О. Бауэра

(1882—1938) «Национальный вопрос и социал-демократия» (1907). В нашей науке считалось, что все эти четыре признака в той или иной степени были присущи и другим формам этнической общности: племени и народности»[392].

*«Вообще нельзя не заметить, что в знаменитом сталинском четырехэлементном определении нации, которое и сейчас полностью не утратило своего влияния на умы людей, занимающихся национальными проблемами, из четырех приписываемых нации признаков два («общность языка» и «общность культуры») относятся к этносу, два («общность территории» и «общность экономической жизни») — к геосоциальному организму (*т.е. к конкретному обществу в целом. — *П.К.) и нет ни одного, который относился бы к собственно нации. Иначе говоря, ни сам И.В. Сталин, ни его последователи, а ими были чуть ли не все советские ученые, которые писали по этому вопросу, по существу не понимали природы нации»*[393].

В свете обозначенной базовой установки было признано право каждого этноса на самоопределение, то есть на формирование какой-то своей государственности. Возникающие при этом национальные антагонизмы должны были по замыслу теоретиков коммунизма демпфироваться интернациональностью пролетариата, который лишь один (в лице своего представителя — партии нового типа) имел право легитимировать суверенитет. Так возникла концепция «многонационалии» — много наций (национальных государств) в одной пролетарской сверхдержаве — СССР. Для практической реализации данного концепта все этносы страны были отранжированы по каким-то признакам, и каждому этносу в соответствии с полученным им рангом было выделено недогосударство с соответственным данному рангу уровнем «недо-». Тем самым Этническое было обильно встроено в Политическое.

Заметим, что советскому марксизму при развитии околонационального дискурса не удалось до конца избавиться и от семантического компонента категории «нация» как основы современного Политического. Во-первых, в обществоведение со

временем было введено понятие «советский народ», которое по сути являлось нацией в первичном либеральном понимании. Во-вторых, этносы/народности стали официально называться национальностями[394], тем самым получая себе отблеск от политического существа категории «нация».

Здесь следует отметить, что на территории будущей РСФСР существовало не так много мест, где этносы, отличные от государствообразующего, являлись бы большинством населения. Вследствие этого выделение автономных национальных образований осуществлялось по сути за счет основного этноса страны, который по общему мнению победивших должен был платить за свою великодержавность, уступая свой социальный капитал различным этническим меньшинствам. С меньшинствами тоже было не все так просто. Например, евреям, претендовавшим на то, чтобы считаться нацией, в том было поначалу отказано по причине отсутствия общности территории[395]. Однако впоследствии, в 20-х годах XX столетия, им были выделены национальные районы в разных местах Белоруссии, Украины и Крыма (до 1954 года Крым входил с состав РСФСР). Потом была организована Еврейская автономная область на Дальнем Востоке. Все делопроизводство в данных административных образованиях велось на идише, хотя нигде евреи так и не достигли большинства населения. В конечном итоге к концу 30-х годов все еврейские территориальные эксперименты (кроме Биробиджанского) были свернуты[396]. В качестве другого примера можно взять историю народностей мокша и эрзя с разными языками и идентичностями, объединенными в рамках единой национальности мордва. В конечном итоге лишь после перестройки изначальные этнонимы этих народностей были признаны официально. Данные примеры показывают, какое широкое поле на ниве реальной политики открывалось перед власть имущими благодаря большевистской концепции решения национального вопроса. Признать этнос народностью — не признать его народностью, выделить республику — не выделить республику, какую республику выделить — социалистическую, или автономную, или

может вообще ограничиться автономной областью — все эти решения, точнее намеки на возможность принятия решений, составляли суть национальной политики большевизма.

Крах СССР и постсоветская Россия

Описанный выше конструкт советской национальной политики работал в соответствии с тем, как это задумывалось властью лишь при существовании угрозы прямого насилия. Как только центрующее насилие ослабло, никто уже не мог удержать созданные большевиками «национальные кадры»[397] — этнократии — от того, чтобы не взять «свое» явочным порядком. Так созданный большевиками дискурс теории национального вопроса советского марксизма начал развиваться по встроенной в нем метафизической логике, которая сильно отличалась от диалектической логики советского обществоведения. Якобы нации (титульные этносы социалистических республик) потребовали себе независимость, многие недонации первого ранга (титульные этносы автономных республик) присоединились к первым, люди стали делить и переписывать историю, собирать себе пантеон своих «великих сынов» и т.д. Эти процессы активной политизации Этнического впоследствии получили название «этническая мобилизация»[398]. Данные процессы составили существенную часть кризиса СССР, который привел к его краху. В результате их последующего развития на уже постсоветском пространстве в большинстве образовавшихся новых государств были установлены этнократические режимы с дискриминацией жителей нетитульных этносов. Аналогичные результаты были достигнуты этнократиями и в некоторых регионах России.

Стандартная схема этнической мобилизации в позднем СССР основывалась на раскручивании дискурса вокруг сохранения «национальной» культуры титульного этноса. При этом основным архимедовым рычагом переворота социального поля служил закон о языке[399]. Типовая последовательность событий разворачивалась следующим образом. Сначала «националь-

ные кадры» разворачивали в СМИ кампанию причитаний и стенаний по поводу происходящей русификации и гибели «национальной» культуры. Потом они лоббировали закон о языке, делающий язык титульного этноса государственным для соответствующей административной единицы. По получении данного инструмента они разворачивали чистку актива, обеспечивая преобладание в нем представителей титульного этноса. Особенно это касалось госаппарата, СМИ, силовых структур и прочих бюджетных организаций. Представители нетитульных этносов вытеснялись из актива, оттеснялись от бюджета. Так формировалась типовая социальная структура этнократий на постсоветском пространстве.

Данная технология была успешно апробирована сначала в Прибалтике и Молдавии, потом она была взята на вооружение большинством государств, образовавшихся из бывших советских республик после роспуска СССР, а также «национальными» элитами части автономных республик России. Если в Прибалтике дело ограничилось лишь дискриминацией нетитульного населения, то в Средней Азии дело дошло до ограниченных этнических чисток, а в Азербайджане, Молдавии, Грузии, России и Таджикистане — и до военных конфликтов. Результатом всех этих процессов в настоящее время (2008 г.) являются вытеснение и дискриминация нетитульного населения в большинстве экс-советских республик[400], а также четыре непризнанных государства (Нагорный Карабах, Приднестровье, Абхазия и Южная Осетия)[401], в трех из которых этнические чистки были доведены до конца. На территории РСФСР мы имеем этнически чистую Чечню, а также дискриминацию и вытеснение нетитульного населения, которая имеет место в ряде других автономных территориальных образований.

Следует отметить, что урок кризиса и развала СССР не пошел российской элите впрок. Как уже отмечалось, в основу Российской Федерации вновь был заложен большевистский конструкт многонациональности, что немедленно привело к разворачиванию аналогичных кризисных процессов, но уже на территории Рос-

сии. При этом данные процессы были поддержаны Западом, что вполне понятно, ибо в свете западной логики (см. схему подраздела «Современная модель государственного суверенитета» раздела «Национальная модель государства» главы 3) любое большое государственное образование, которое не является национальным государством, признается империей. А империи «хорошим парням» положено гнобить. Академик В.А. Тишков по этому поводу написал:

«В этой связи особый интерес представляет вопрос, с какой готовностью западные ученые и политики воспользовались языком давних идеологических оппонентов и самим процессом саморазрушения для возможных интригующих сценариев: сначала — для демонтажа СССР, а ныне — ради перспективы второго круга дезинтеграции за счет России. Позиция западных ученых (независимо от дисциплины и отечественной традиции использования терминологии) довольно быстро консолидировалась, и смысл ее состоит в том, что в "многонациональной России" нет этнических и даже национальных меньшинств, а есть не-статусные нации или "нации без государств" [33]. В эту категорию были зачислены даже и прежде всего те нерусские народы, которые на самом деле имеют высокий уровень этнотерриториальной автономии (республики-государства), собственные конституции, государственные символику и языки, вполне легитимные органы власти и сильное представительство в федеральных органах власти.

Ирония здесь в том, что, например, для американских антропологов и социологов народы навахо или гавайцы остаются в категории этнических групп или меньшинств, хотя в среде этих групп уже давно присутствуют "национальные движения" под лозунгом самоопределения нации навахо или гавайской нации, а ксерокопию паспорта нации одживе одного местного активиста я сделал еще в начале 80-х годов во время полевых работ в районе Великих озер. Мое замечание в адрес американских коллег на съезде Американской антропологической ассоциации в 1996 году по поводу политико-идеологической нагрузки двойной терминологии в отношении одинаковых явлений было встречено комментарием профес-

сора Кэтрин Вердери, что речь идет не о двойном стандарте или о политическом умысле, а об обычной гетероглоссии, которая столь часто встречается в науке и в политическом языке[34].

Слабым аргументом против моего замечания является и ссылка на то, что ученые, особенно работающие среди членов этнической группы антропологи, должны отдавать предпочтение категориям и политическим словам, которыми пользуются сами группы в качестве собственной категоризации. Если якуты или татары называют себя нациями, то политически некорректно ученым писать о них как об этнических группах или о меньшинствах. Этот аргумент можно было бы принять, если бы работы по другим регионам мира также строились на лексике местных активистов и если бы не запальчивые заявления некоторых западных ученых, что они "являются специалистами не по этническим, а по национальным проблемам в России" [35].

Идеологическое послание здесь прочитывается довольно четко: этнические проблемы в многоэтничной России — это проблемы меньшинств и прежде всего их культурных статуса и запросов; национальные проблемы в многонациональной России — это проблемы наций и их самоопределения. Последний подход исключает или делает амбивалентным разговор о России как о государстве-нации и о ее национальных проблемах в гражданском и государственном смыслах. <...>

Следует признать, что 15 лет тому назад, изучая "национальный вопрос" в Канаде и в США, я также занимал позиции самозваного адвоката прав американских индейцев. В 1983 году было опубликовано в газете "Советская культура» мое интервью "Мир должен прийти нам на помощь» с лидером Движения американских индейцев Расселом Минцем, в котором для читателей был сообщен адрес резервации Вундед-Ни, где тогда происходили драматические события индейского сопротивления во главе с Ричардом Бэнксом и Леонардом Пелтиером. Сто лет тому назад здесь же произошло последнее крупное вооруженное выступление американских индейцев против колонистов и американской армии. Я тогда называл это "индейским национальным движением». Мои же американские коллеги иронично отзывались об этом как о политических манипуляциях городских индейских активистов от имени аборигенных общин, где действительно существуют серьезные социальные проблемы. Сегодня эти же коллеги не хотят принимать подобные оценки в отношении чеченских, татарских или дагестанских радикальных активистов. Для них полумиллионная нация навахо — это политическая и эмоциональная риторика лидеров резервации (территория которой в 10 раз больше территории Чечни), а 150 тысяч карачаевцев или 78 тысяч балкарцев и подобных лингвистически «национализированных» общностей в России — это реальные нации, требующие и нуждающиеся в государственном самоопределении.

В свое время "национальную" семантику этническому дискурсу на уровне международного официального языка помогли придать восточноевропейские лоббисты. Именно по настоянию венгерских экспертов и политиков в текст Декларации МОТ "О правах лиц, принадлежащих к этническим, языковым и религиозным меньшинствам" было добавлено определение "национальным". Таким образом типологически сходные ситуации стали квалифицироваться в одних странах той же Европы как "языковые меньшинства» или "этнические меньшинства", а в других — как "национальные меньшинства". Гетероглоссия перестала быть таковой и стала отчетливой политикой, когда был назначен Верховный комиссар ОБСЕ по делам национальных меньшинств. Самой терминологией сфера его деятельности была ограничена странами бывшего СССР и других подобных лингвистических последователей в "национальном вопросе». В Ольстер, Тироль или в Страну Басков Верховный комиссар Ван дер Штул так и не был допущен, поскольку там (по дефиниции) живут "этнические", "религиозные" и "языковые" меньшинства, но никак не "национальные". Однако трудно доказать, что существует принципиальная разница между гагаузами в Молдове, крымскими татарами в Украине, татарами в России и басками в Испании, тирольцами в Италии, ирландцами в Ольстере, кроме традиции внешнего предписания которое отчасти стало и самодефиницией.

И все же радикальный коллапс в понимании и в отношении к национализму произошел на Западе в последние годы. Он произошел по причине инерции менталитета холодной войны и реванша со стороны мощной когорты не ушедших в отставку борцов против коммунизма (сейчас — против "мини-империи"). Именно в последние годы международные юристы стали пересматривать доктрину самоопределения в пользу отказа от принципа территориальной целостности государств и признания самопровозглашенной сецессии. Именно в последние годы политические философы сделали радикальный пересмотр понятия «национальность» в пользу его этнокультурного (советского) смысла [38]. *Именно в последние годы стали доминирующими явно слабые, но политически корректные объяснительные модели крупнейших изменений последнего десятилетия, прежде всего конец коммунизма, распад СССР, войны и конфликты. Эти модели основаны на ставших уже недискутируемыми клише французской ученой Э. Каррер Данкосс о "распадающейся империи" и о "триумфе наций"* [39], *хотя менее политизированный анализ скорее говорит о триумфе самой метафоры «триумф наций».*

Наконец, только в последние годы, когда международные активисты защиты "непредставленных народов и наций" обратились к территории бывшего СССР, эти постулаты нашли откровенную поддержку на уровне государственного внешнеполитического планирования. В 1995 году Американский институт мира и Отдел политического планирования Государственного департамента США провели специальный круглый стол по вопросам самоопределения, в итоге которого была выработана позиция поддержки таких неправительственных организаций, как, например, базирующаяся в Гааге Организация непредставленных народов и наций (ОННН). Автор доклада по итогам круглого стола формулирует следующий вывод в отношении членов ОННН: "Эта группа народов, которая не имеет мест в ООН, существует с 1991 года и была организована как частичный протест в ответ на нежелание их признания со стороны международного сообщества. Среди этих членов чеченцы, татары, баш-

киры, чуваши, гагаузы, абхазы, которые представляют собою самостоятельные народы бывшего Советского Союза, которые живут на территории государства, в котором господствует другая этническая группа. Эти группы не получили независимость после распада СССР просто по причине невезения, а не потому, что они ее меньше заслуживают. Будет ли международное сообщество продолжать игнорировать эту группу народов, находящихся в опасности?"[40][402]».

В этом же ряду находятся действия Евросоюза, возглавляемые Венгрией, Финляндией и Эстонией, по так называемой защите прав финно-угорского населения[403], а также многие другие действия Запада, связанные с отмеченным выше академиком В.А. Тишковым термином «гетероглоссия». Или, говоря без прикрас, альтернативным стандартом, принятым Западом по отношению к анализу общественных отношений в Российской Федерации, который существенно отличается от того, что применяется к анализу аналогичных отношений в западных странах. И опять же хорошо подтверждается обсуждавшаяся ранее в подразделе «Современная модель государственного суверенитета» раздела «Национальная модель государства» главы 3 базовая схема структуры западной политической мысли:

«Нам представляется, что именно в политической значимости и заключен весь смысл подобного деления государств, особенно в ситуации глубоких геополитических трансформаций и возможных мировых переустройств. Ибо в отношении "ненаций-государств" западными экспертами делается вывод, что эти государства «отчаянно нуждаются в укреплении так, чтобы они могли обеспечить первичный порядок, который нам представляется как бы данным самим собой. Это положение ведет к тревожному заключению о возможности реорганизации мировой политики. Нормы суверенитета и невмешательства сейчас своего рода частично обесценены. И вполне возможно, что правило вмешательства, осуществленного с согласия великих держав, может выйти на первый план. С одной стороны, это должно всячески приветствоваться, ибо делает ли-

берализм реальным. Но с другой стороны, это возможно не самая лучшая перспектива...” [52].

Таким образом, суть научной проблемы (а не политической задачи) состоит не в том, чтобы установить номенклатуру “ненациональных государств” (“квази-обществ”, “мини-империй”, “многонациональных государств”) и сделать из них “национальные государства” как некую мировую и естественную форму. Неслучайно Збигнев Бжезинский задает вопрос: “Является ли Россия прежде всего нацией-государством или многонациональной империей?” и отвечает на него призывом “настойчиво создать стимулирующую обстановку, чтобы Россия могла определить себя как собственно Россия... Перестав быть империей, Россия сохраняет шанс стать подобно Франции и Великобритании или ранней постосманской Турции нормальным государством” [53]. *Именно в этом “собственно” (purely) и в “нормальным” (normal) и заключен весь тривиальный смысл столь долго и страстно обсуждаемой типологии. Эта лже-типология нужна только для того, чтобы сделать провокационное предсказание, что “в ближайшие несколько десятилетий Российская Федерация подобно Индии, Пакистану, Южной Африке, Ираку будет разорвана на части волной дезинтеграционного национализма”* [54]»[404].

Резюмируя, следует отметить, что западный подход к интерпретации событий в России существенно определяется мемом «Россия = империя», который утвердился в западном общественном сознании вместе с мемом «СССР = империя». Продвижение данных мемов в мировом общественном сознании именно как пары основано на системной близости государственных устройств СССР и России[405]. При этом интерпретация роспуска СССР как краха империи базируется на следующих явлениях:

1. Произошедшее переформатирование марксистско-ленинской теории национального вопроса в свете базовой политологической структуры западного общественного сознания (см. схему выше): самоопределение СССР и России как многонационалий (то есть фактический отказ этих государственных образований считаться национальными государствами) автоматически относит их в западной политической мысли к империям[406]. К тому же сам факт распада СССР вводит в рассмотрение мем «СССР = империя» по релевантной аналогии — ведь империи всегда распадаются.

2. «Восстание этнократий» в СССР и России в конце XX столетия с необходимостью привело к появлению оппозиции «свободолюбивые народы» — угнетающая империя. Данная «песня» продолжается восточноевропейскими лимитрофами в силу того, что для их самоактуализации им необходим образ врага, на роль которого и была назначена Россия. Это тоже сильно влияет и на западный дискурс.

3. Востребованность имперского мифа российскими псевдолибералами — бывшими советскими западниками. Ведь идейное банкротство данного направления мысли вследствие ужасающих результатов определяемой ею политики в конце XX века в России привело к необходимости самооправдания основными акторами[407] данного направления своей интеллектуальной убогости естественным ходом вещей. Здесь в основу конструкции было помещено положение: «империи всегда распадаются».

Смычка этих трех типов акторов на идеологическом поле и их идейная взаимоподдержка являются одной из основных сил, формующих дискурс российского политического самопознания. К сожалению, правящая российская элита даже в своей государственнической части не обладает достаточным интеллектуальным ресурсом для переформатирования политического дискурса страны в плане исключения из него или хотя бы блокирования наиболее существенных факторов риска. Так что эта работа еще предстоит, ибо альтернативой ей является либо развал страны, либо поддержание какого-то достаточного для удержания целостности государства уровня центрующего насилия, причем данный уровень оказывается слишком высоким для того, чтобы страна развивалась по анонсированному правящей группой демократическому пути.

Рассмотрим далее основные идейные платформы противников становления национального государства в России. Начнем

с постсоветских этнократий и их базовой платформы — этнонационализма.

Противоречия этнонационализма[408]

В принципе все постсоветские этнонационализмы являются логическим следствием марксистско-ленинской теории национальной политики (см. подраздел «Очерк теории национального вопроса в советском марксизме» выше). Как уже отмечалось, при ослаблении демпфирующего центробежные политические устремления центрующего насилия теоретическая парадигма начала развиваться по встроенной в нее логике, похоронив государство-эксперимент. Попробуем далее понять логику этнонационального дискурса «изнутри», с тем чтобы увидеть, что может быть достигнуто на основе данной идеологической парадигмы. Критически посмотреть, естественно, вследствие чего возникает несколько предварительных замечаний.

Суть этнонационализма заключается в том, что нация (напомню, что нация — это политическая ипостась народа страны[409] — источник ее суверенитета[410]) строится на основе какого-то этноса. Другими словами, этнонационализм — это идеология, в которой Этническое считается неотъемлемой частью Политического. В этом плане сразу же появляется первый вопрос, на который интересно посмотреть альтернативные варианты ответа: «А так ли необходимо Этническое для нации? Можно ли в принципе отделить этничность от политики?» Очевидно, что для этнонационализма в этом месте вопроса не существует — связь этноса с политикой принимается по умолчанию, являясь необсуждаемой «священной коровой» соответствующего дискурса. Однако, поглядев по сторонам, мы можем увидеть множество устойчиво существующих полиэтнических наций. И это показывает, что разведение политических и этнических сущностей является именно что правилом для политической устойчивости государственности любого типа, его — данной устойчивости — условием. Приходит понимание того, что на-

ция и этнос резонируют с разными коллективными идентичностями человека. Политическая часть его жизни («правила игры» при сотрудничестве и конфликтах социальных агентов, вопросы власти) находит отзвук в его национальной идентичности, а бытовая часть (на ком и как жениться, какие установки и на каком языке передать детям) связана с его этнической идентичностью. Более подробно мое понимание этничности обсуждено в подразделе «Коллективные идентичности человека» раздела «Социально-культурные универсалии: Власть, Справедливость и др.» главы 2.

Следующий вопрос, требующий внимания, — это вопрос об условиях привлечения Этнического в политику. Здесь из общих соображений возникают два основных момента. Первый — классический и чаще всего обсуждаемый в теории — наличие в государстве дискриминации по этническим признакам. Такая ситуация может поспособствовать этнической мобилизации угнетаемых для борьбы за свои права. Второй момент, более интересный для рассматриваемого случая, — это слабость и комплексы действующей этнической элиты, ее желание ограничить конкуренцию на местном уровне. Другими словами, будучи неконкурентоспособным на уровне страны, этнический актив хочет защитить свое право власти от «чужаков-пришельцев» хотя бы у себя «на деревне». Причем здесь часто не играет роли то, что «чужаки» жили бок о бок с этнократами веками.

Следует отметить, что второй момент может стать гетерогенизирующим даже в гомогенном социуме. И при отсутствии реальной дискриминации неконкурентоспособные местечковые активисты могут «поднять волну», создав симулякр ощущения дискриминации у своей этнической группы, и попытаться провести этническую мобилизацию. Данный механизм очень важен — ведь именно он ликвидировал «ленинскую национальную политику» при ослаблении центрующего насилия в СССР: воспитанные большевиками-герантократами «нацкадры» простонапросто отказались дожидаться своей очереди и взяли власть через политическую мобилизацию своих этносов в условиях

наступившего общественного кризиса. При этом следует обратить внимание на то, что мобилизация этничности в политику не может обойтись без насилия — дискриминация «иных» невозможна без их подавления. Она также не может обойтись без лжи — как еще можно обосновать справедливость угнетения? Проблемы возникают и со свободой — старый вопрос: «Может ли быть свободным народ, угнетающий другие народы?» — никто еще не отменял. Все это делает возникающие этнократии слабо совместимыми с Современностью — как бы они ни пытались обосновать обратное и какие бы успехи ни приводились во имя данного обоснования. Делая мотив «идешь себе, играя автоматом» базовым для национальной идентичности, не стоит удивляться, если под ноги начинают бросаться дети, обвязанные гранатами.

При этом возникают интересные дополнительные эффекты. Во-первых, искушение ограничить конкуренцию по этническому признаку прекрасно тиражируется вниз, т.е. этнократия может вызвать фрагментацию собственного базового этноса, в котором начинают образовываться группы, пытающиеся реализовать этническую мобилизацию уже на своей основе. Этот эффект прекрасно демонстрируется следующей цитатой из статьи Р.С. Хакимова «Кто ты, татарин?»:

«Откуда это у татар? Мне кажется, я нашел ответ на этот вопрос. Рабская психология и униженность. Татарами управляли долгие столетия, разделяя их и натравливая друг на друга. На этой почве родилось неверие в собственные силы. Может быть, есть и другие объяснения.

Столыпин в свое время предложил сделать каждую этническую группу татар отдельным народом с собственным литературным языком и таким образом покончить с нацией.

Большевики успешно продолжили эту политику. На карте появились узбеки, киргизы. Срочно изобрели башкирский язык[411] *и ряд национальных «атрибутов». Своеобразной визитной карточкой башкир стал характерный танец, в котором джигиты выступают в шапках с лисьими хвостами. Этот танец придумал и*

поставил на сцене Файзи Гаскаров — татарин, которому не дали квартиру в Казани и он в 60-е годы уехал в Уфу. Это сценическая конструкция. И весь народ именно так сконструирован, но для политической сцены.

Большевики дело поставили масштабно. Кавказские татары стали не только азербайджанцами, но и кумыками, балкарами, карачаевцами. Ногайцы, среди которых самой знаменитой является казанская царица Сююмбеки, стали самостоятельным народом. А Сафа-Гирей — муж Сююмбеки — оказался представителем совсем другого народа — крымских татар. Спрашивается, что они делали в Казани? Как казанские татары потерпели их на ханском троне? На этот вопрос есть простой ответ. На самом деле был один народ, сформировавшийся в эпоху Золотой Орды. Татары жили в Казани, Астрахани, Сибири, Касимове, Крыму, Мещерской земле, Ногайских, Башкирских степях и т.д., а потому назывались по-разному: казанские, астраханские и сибирские татары, мишары, крымские татары, ногайцы и башкиры. Русских, живущих в Сибири, называют сибиряками, но никому в голову не приходит выделять их в отдельный народ и называть "сибирскими русскими". Но если немного поработать этнографам и политикам, то можно людей так запутать, что они будут говорить — мы не русские, а сибиряки. Придумают им сибирские костюмы, танцы, свой говор. И нация готова.

Ложь и обман лежали в основе национальной политики.

Теперь нагайбаки в соответствии с Постановлением Правительства РФ стали отдельным малочисленным народом, правда, говорящим пока на татарском языке. Несколько лет пытаются сконструировать сибирских татар и свой особый язык, чему наши ученые активно помогают. Политики придумали самостоятельный народ под названием "кряшены". И их поддерживает не только Институт этнологии и антропологии Российской Академии наук, но и Государственная Дума в лице комитета по национальным вопросам, Приволжский федеральный округ и даже сам Патриарх. И теперь будет непросто доказать очевидное, что кряшены те же татары, говорящие не на кряшенском, а татарском языке, поющие

не кряшенские песни, а татарские, танцующие по-татарски, но только православные. А ведь по существу кряшены есть исконные татары. Именно у кряшен сохранились древние пласты татарской культуры. А ведь кое-кто уже стал верить, что кряшены могут стать самостоятельным этносом. Народ, не имеющий ясных и значимых целей, может воспринять любой абсурд. Политика Столыпина торжествует.

Подождите немного, и дело дойдет до тептяр, мишар, астраханских татар. Найдут активистов, которые по заказу объявят существование новых народов. В списке национальностей, подготовленном для переписи 2002 года, значатся, кроме татар, отдельно мишари и казанские татары. Теперь татарин, живущий в Казани и имеющий в роду мишар, должен крепко подумать, прежде чем ответить, кто он: татарин, казанский татарин или все же мишарин. Институт этнологии и антропологии как хочет, так и манипулирует народами, а татары молча все проглатывают, а некоторые поддакивают.

А потом отделят мензелинских татар от арских. И каждому свой язык и свою графику, свою литературу и своих героев.

Куда уходят силы нации, показывает многолетний фарс с «булгаристами». Они бились за признание самостоятельного народа «булгар», через суд добивались записи в паспортах и гордились делом своей жизни. А теперь в новых российских паспортах исчезла графа «национальность» и весь их «гигантский» труд оказался никчемным. «Булгаристы» отработали чей-то заказ и они сегодня никому не нужны, кроме татар.

Та же участь ждет кряшен, сибирских татар и башкир. Они сегодня всего лишь крапленая карта в большой политической игре и по существу никому не нужны, кроме татар![412]*».*

Вот так идеолог этнонационализма не замечает плодов рук своих. Поспособствовав отработке технологий этнической мобилизации — почему надо возмущаться, увидев способных учеников? Ведь в соответствии с отмеченной выше логикой всегда найдется кто-то, кто захочет стать главным «бабаем», пусть даже в своем очень маленьком улусе. А другой логики по данному

предмету в дискурсе этнонационализма просто нет. Вот так люди и делятся: ведь никакая враждебная Москва не сможет создать нового этноса, если у людей нет интереса зафиксировать возникшую каким-то образом этническую границу.

В приведенной выше цитате виден еще один интересный момент. Вмененное насилие этнократии, как и каждое другое насилие, связанное с властью, не желает иметь границ. Другими словами, логика этнократии порождает имперский взгляд на мир, вызывает к жизни имперские практики, пусть даже и в мини-варианте. Не только г-н Хакимов желает объединить под единой властью все тюркские народы России и постсоветского пространства, но и Грузия не может отпустить уже освободившиеся от ее угнетения провинции, укры[413] грезят расширением своих границ до Волги и Москвы, и даже создавшие этнодемократию эстонцы — и те желают взять под свою защиту бесхозных российских угро-финнов[414]. Так что мечте г-на Хакимова: *«Еще я мечтаю о том, чтобы когда-нибудь, наконец, последняя империя на этой планете канула в Лету. Империя должна быть разрушена»*[415] — увы, не суждено сбыться при его жизни, поскольку сам он является одной из «голов дракона», одним из солдат империи.

Здесь также следует отметить, что для разбуженного этнократиями насилия сама этничность уже перестает быть чем-то неприкосновенным. Встроенная в этнократию логика оказывается вполне «национальной» и порождает попытки насильственной ассимиляции или вытеснения «иных». В плане татар можно привести в пример Башкирию, где результаты последней переписи аномально отличаются от результатов предыдущей[416]. Что уж тут говорить о русских: как уже отмечалось, за первые 10 лет после краха СССР количество русскоязычных соседей у представителей «свободных» народов убыло существенно — 7,5 млн из живших там в 1989 г. 25 млн отправились искать лучшей доли[417].

Вот так и получается, что прямым следствием этнократического правления является преобразование своей базовой идеологии в «национализм-против»: против враждебной Москвы,

которая ответственна за все, что не получается и разваливается, против понаехавших «чужаков», которые не желают послушно «быть остриженными», против соседа-«бабая», который насилует «наших», против «наших-своих», которые зачем-то меняют этноним, чтобы избавиться от навалившегося на них счастья. В общем, все в соответствии с логикой дискурса, которая может быть дополнительно усилена обсуждавшимся ранее масштабным ограничением на развитие малых языковых сообществ[418].

Возможен ли выход этнонационализма на рельсы «национализма-за», на путь ускоренного развития представителей своей этнической группы? Вследствие отмеченных масштабных ограничений на развитие малых наций[419] я пока позитивного решения в рамках этнонационализма не вижу. Поддержание национального пантеона «выдающихся сынов» по любому направлению деятельности требует поддержания определенной численности «подтанцовки» — людей, поддерживающих творческий дискурс данного направления, что просто невозможно обеспечить в рамках малочисленных языковых сообществ. Приходим к необходимости вовлечения этноса в дискурсивные сообщества на чужих, но развитых языках, что вытесняет родной язык из сферы высшей творческой деятельности. (См. очерк «Проблемы языка в Современности» в подразделе «Социальное время и эпистема» раздела «Историческое время» главы 1.) Приходим к дилемме: либо смириться с этим, как это сделали скандинавские народы, внедрив для обслуживания интеллектуальной сферы английский язык, и остаться в Современности, либо упереться на своем, на посконном, и вылететь из Современности. Практически же это означает, что малые этнические группы, желающие быть в Современности, должны ментально и культурно ассоциироваться с какими-то крупными языковыми сообществами, поддерживающими разнообразные творческие дискурсы. Данная стратегия равнозначна выводу значительных слоев Этнического из сферы политики, то есть фактической трансформации идеологии из этнонационализма в просто национализм.

Россия и имперский миф

Другим препятствием для становления национального государства в России является имперский миф, который, как уже отмечалось, строится на формировании в общественном сознании четкой связи понятия «империя» с нашей страной. При этом задача решается в два хода: сначала создается привязка «СССР = империя», а потом эта привязка «натягивается» на Россию[420]. Данный миф усиленно формируется именно сейчас и именно как изменение представлений, сформировавшихся исторически по результатам актуальных исследований общественной системы СССР. Вот как охарактеризовал ревизуемые положения академик В.А. Тишков: *«Те, кто работал в гуманитарной науке в 1960—1980-е годы, должны знать, что никто из серьезных ученых и политиков того времени не считал СССР империей. Наше государство воспринималось как национальное государство, даже если внутри страны в политико-пропагандистском и в научном обиходе была формула «многонациональности». «Империя зла», «советская империя» — это были скорее политические метафоры, чем аналитические оценки»*[421].

Российский имперский миф появился в начале 90-х годов прошлого века в патриотической публицистике и представлял собой воплощение мечты о некоем «Большом Деле», которое могло спасти страну от безыдейного хаоса «безвременья» той эпохи. Примерно в таком же качестве он продолжает существовать до настоящего времени, являясь базовым мифом идеологии одного из направлений современного российского консерватизма. В этом варианте имперский миф представляет собой нарратив, который оформляется в виде иррационального бездоказательного откровения, существенно эксплуатирующего исторические и эстетические чувства людей, их потребность «прислониться» к чему-то великому.

В начале нового века имперский миф, как это было отмечено выше, был подхвачен российскими псевдолибералами, которые выступили под флагом ревизии традиционных научных

представлений об империях Современности. Претензия на научность позволяет рассмотреть их аргументацию детально, рационально проанализировать эту часть имперского дискурса. Начнем эту работу, как и положено, с классика жанра. В своей книге «Гибель империи»[422] Е.Т. Гайдар дал свое определение понятия «империя»: *« ...под термином «империя» понимается мощное полиэтническое государственное образование, в котором властные полномочия сосредоточены в метрополии, а демократические институты (если они существуют) — либо по меньшей мере избирательное право — не распространяются на всю подконтрольную ей территорию»*[423]. Действительно, вроде как правильное понимание предмета. Слегка шокирует зацикленность на демократии, но основная черта такого рода государственных образований — территориальная гетерогенность права — схвачена верно. Поэтому будем иметь в виду расширительное понимание гайдаровского «избирательного права» — как метафору правовой системы государства. Также бросается в глаза и отсутствие обычной в такого рода определениях ссылки на дискриминацию провинций и их населения. Впрочем, не будем крючкотворствовать и посмотрим на доказательство относимости СССР к соответствующему приведенному определению классу государств.

И тут начинается удивительное — такое доказательство просто-напросто отсутствует. Причем оно отсутствует на всех 440 страницах книги. Однако при этом идет сплошной поток зомбирования читателей по типу: «СССР — это империя, это же всем очевидно... Вот Британская империя распалась и поимела проблемы с Северной Ирландией, совсем как Россия с Чечней... И Французская империя имела проблемы с Алжиром — совсем как Россия с Чечней...» И так далее.

Казалось бы, сам же ввел определение: в империях избирательное право не распространяется на всю территорию. Но в СССР не было ограничений по избирательному праву. И даже если взять определение Гайдара в расширительном понимании, как территориальную гетерогенность права, это нам не поможет. Разве была в СССР гетерогенность права? Правовой

статус каких конкретных территорий отличался от других существенно? Ничего кроме Москвы, Питера и Киева в голову не приходит, и те — с натяжкой. То есть СССР — это Московско-Ленинградско-Киевская империя? При этом в отношении к европейским империям Гайдар сам же указал в своей книге, что правовой статус Алжира в имперскую эпоху значительно отличался от статуса метрополии, так же как и Северной Ирландии, — и там и там автохтонное население было существенно ограничено в правах...

Такое отсутствие интеллектуальной честности заставляет задуматься о причинах имеющихся у исследователя шор. И тут в книге всплывает высказывание:

«Жизнь сложилась так, что у меня есть некоторые преимущества по сравнению с другими исследователями крушения империй. Я был непосредственным участником связанных с ними событий, одним из авторов Беловежских соглашений, зафиксировавших факт краха последней империи XX в. — Советского Союза. Эта книга — не мемуары, а попытка анализа того, что связано с дезинтеграцией империй, проблем, которые они порождают.

Значение Беловежских соглашений не надо преувеличивать. Они юридически оформили факт состоявшегося развода. Государства, которые не контролируют свои границы, денежную, налоговую и судебную системы, не могут подавлять этнонациональные конфликты (а именно в этом состоянии был Советский Союз после августовских событий 1991 г.), не существуют»[424].

Берем другое свидетельство о той бурной эпохе. Вот как описал свой разговор с Гайдаром тех времен Е.Г. Ясин[425]:

«...Я очень хорошо знаю Гайдара, он мой друг, безусловно, он человек глубоко демократических убеждений. Но я говорю о той задаче, которую он решал. Я вам просто расскажу определенные события в моей жизни, один живой контакт. В конце октября 1991 г. я был в глубоком конфликте с Гайдаром, потому что работал в группе Явлинского по спасению Советского Союза, и не понимал, почему такую позицию занимает Гайдар. Я поехал к нему, потому что он был мне очень дорог как человек. Надеялся, что с

ним поговорю и выясню мотивы, которыми он руководствовался, это мне облегчит понимание его. Он мне объяснил.

Он сказал: «То, что нам предстоит (имея в виду первые самые тяжелые экономические реформы: либерализация, финансовая стабилизация, преодоление инфляции, приватизация), — это такого рода действия, которые осуществляются только тогда, когда есть либо диктатура, либо харизматический лидер. Вот такое стечение обстоятельств, у нас сейчас есть харизматический лидер, можно успеть этим воспользоваться».

Когда после этого мы стали говорить о Союзе и пр., он сказал: «Если мы будем двигаться всем фронтом, вместе со всеми республиками, мы ничего не сделаем. Просто не дадут. У большинства из них другая ментальность, другие особенности местной элиты». Я не говорю только про Узбекистан или Туркмению. Я незадолго до этого был в Белоруссии и видел, что культурный разрыв между Москвой и Минском очень большой. Партийно-хозяйственный актив совершенно иного свойства».

Другими словами, Ясин считает, что в конце 1991 г. отнюдь не было восстания окраин страны против имперского гнета Москвы, как это пытается представить Гайдар в своей книге, а было решение захватившей власть в России клики «по сбросу балласта» — по отделению России от прочих советских республик, выходу России из СССР. Могу сказать, что мое ощущение тех времен было примерно таким же: главной причиной роспуска СССР было то, что Ельцину очень уж хотелось вышибить кресло Президента СССР из-под Горбачева, который вцепился в него мертвой хваткой. Так приходит понимание мотивации одной из группы акторов по продвижению имперского мифа, которая заключается в желании уйти от ответственности за принятые решения, спрятавшись за законами истории.

Посмотрим далее, что говорит по поводу империи другой современный «гуру» от западников — Е.Г. Ясин. Вот что он пишет в одной из своих статей:

«По поводу определения империи среди специалистов идет давняя дискуссия. Я предложу свое определение, которое и буду использовать в статье. Империя — это государство, в котором один народ (государствообразующий) устанавливает господство или доминирование над другим или многими другими народами, обычно с присоединением территорий их расселения, и удерживает их под своей властью силой или угрозой силы.

Империи невозможны без насилия, какими бы мягкими ни были его формы. Это основной идентифицирующий признак империи.

Как правило, господствующий народ стремится получить выгоды от своего господства, в том числе для территории своего расселения (метрополии). Для этого империи и создаются. Господство над другими народами осуществляется с помощью их элит, порой специально формируемых. Эти элиты также получают выгоды от своего положения, от принадлежности к империи, гарантирующей им высокий статус и стабильность. Разумеется, более всего выгод получает элита метрополии, но она обычно ради стабильности всей империи инкорпорирует в свой состав представителей элит подчиненных народов»[426].

«…Был ли империей Советский Союз? Если исходить из данного выше определения, следует признать, что был. Как только исчезла угроза насилия, многие союзные республики вспомнили о своем праве выхода и союз распался. Таким образом, я исхожу из того, что Советский Союз был продолжением Российской империи»[427].

Давайте посмотрим, как сделанный вывод — СССР является империей — следует из приведенного определения. Для этого интересно ответить на вопрос о том, который народ установил господство в СССР над всеми другими народами, извлекая максимальные выгоды из своего имперского положения? По моей памяти первыми на право считаться имперским народом СССР в таком понимании претендуют латыши и евреи. В 20-е годы они здорово пополнили собой ряды элиты, обеспечив значительную часть верхушки управленческого и репрессивного аппарата, а также многих специалистов с высшим образованием. Напомню, что русскому ребенку из образованной семьи в то время получить образование было практически невозможно. Вторыми претендентами на звание господствующего народа

СССР безусловно являются грузины. После того как Сталину удалось «подвинуть» евреев в руководстве СССР, много выходцев из Грузии получили зеленую улицу работать на благо своей республики в органах центральной власти. И даже потом, после хрущевского переворота, в народе ходили легенды о богатстве грузинской элиты, нажитом благодаря поставкам в коренную Россию, прозванную в то время Нечерноземьем, мандаринов и мимоз. Третий народ-претендент — украинцы. После того как Хрущеву удалось «сковырнуть» грузин, Украина поставила трех генсеков и множество других номенклатурных работников. Советский период очень благотворно сказался на формировании украинской государственности — вспомним хотя бы о Крыме и других территориальных приобретениях данной республики.

Таким образом мы видим, что три совершенно разных народа удовлетворяют всем критериям определения г-на Ясина. На каком же из них ему следовало бы остановиться? Видимо, сложность окончательного выбора так и не позволила г-ну Ясину в своей статье явно проговорить, кто же был, по его мнению, тем самым господствующим народом СССР, виновным в угнетении всех прочих народов.

Рассмотрим теперь высказывание г-на Ясина о том, что происшедший распад СССР является подтверждением имперской природы страны. Продолжая подобную линию аргументации, считает ли г-н Ясин Канаду империей? А ведь там Квебек регулярно ставит вопрос о своем выходе из состава страны. Наверное, империей также является Бельгия, которая балансирует на грани развала. Имперский статус современной Великобритании очевиден — англичане и шотландцы тоже регулярно обсуждают условия развода. И на севере Итальянской империи нарастают силы, которые хотят отделиться от своих сограждан с юга...

Далее серьезно. Вот такие вот тексты, не выдерживающие даже самой слабой критики, предлагаются в качестве серьезной аналитической работы. А то, что Ясин для своего анализа выбрал народы в качестве субъектов государственной политики, четко характеризует степень усвоения им либеральной теории[428] — не

будем забывать, что в основе либерального взгляда на мир и политику лежит индивид, личность. Понятие же «народ» в либеральном смысловом поле имеет значение лишь групповой идентичности, влияющая на поведение людей. Хорошо съехидничал по этому поводу В.А. Тишков: *«К сожалению, ни одно из высказанных положений известного экономиста не соответствует современному научному обсуждению проблемы империи и национального государства. Даже у самых известных сторонников традиционного понимания империи именно как исторической формы государства на основе господства и контроля, в котором метрополия господствует над периферией в ущерб интересам последней, речь идет не о «народах», а об иерархическом взаимодействии политических сообществ либо о власти империи над народом, находящимся в разной степени подчинения [10]. Ничего близкого к определению Ясина в научной литературе нами не обнаружено»*[429].

Рассмотрим позицию еще одного российского обществоведа — Э.А. Паина, который тоже относится к современным российским «певцам империи». Посмотрим, как у него обстоят дела с доказательной базой. В одной из статей Паин дает следующее свое понимание предмета:

«В данном докладе используется политологическая трактовка понятия “империя”. В ней основной упор делается на выявлении специфики политической системы государств, территории которых исторически сложились в результате колониальных захватов. В этом случае можно выделить три основных признака империй.

Во-первых, иерархичность взаимоотношений центра и периферии. А. Мотыль уподобил империю колесу без обода: все части такой политической конструкции соединены между собой только вертикально, через центр и слабо связаны горизонтальными отношениями. При этом элита ядра страны (“метрополии”), контролируя государственный аппарат, доминирует над периферийными элитами и обществами [2].

Во-вторых, насильственный характер удержания окраин, особенно ярко проявляющийся в случаях, когда значительная часть населения некой провинции добивается независимости.

В-третьих, такой признак, как специфика государственного суверенитета, источником которого в империях является Imperator (т.е. повелитель). В этом качестве могут выступать: наследственные монархи, диктаторы, вожди, олигархические группы, в том числе и партии при однопартийной политической системе. В империи нет граждан, а есть лишь подданные государя»[430].

Вычленяя основные характеристики, мы видим, что империя по Паину определяется иерархичностью устройства, насилием по отношению к подчиненным и властью в виде источника легитимности политических институтов. Другими словами, любое авторитарное государство подпадает под такую «политическую трактовку понятия империи», показывая безмерную растягиваемость последней. Что и понятно, ведь без подобного «прорезинивания» понятия «натянуть» империю на СССР не удается.

Суть же проделанного «прорезинивания» имперского определения заключается в том, что такие важные атрибуты империи, как метрополия и периферия, хоть и упомянуты Паиным (ибо без них совсем уж будет непрофессионально), но тут же выведены за пределы рассмотрения, поскольку трудности соотнесения данных понятий с реальностями СССР очевидны.

При этом следует заметить, что иерархичность — пока еще общее свойство любых современных социальных систем, и последующие ссылки Паина на значимость сетевых форм взаимодействия в качестве одного из основных характеристик национальных государств, увы, представляются пока еще полной фантазией. Если же под сетями Паин имеет в виду неформальную кооперацию социальных агентов, то тут тоже выходит промашка, поскольку неформальные группировки и коалиции в различных видах деятельности были неотъемлемой частью советской действительности. Для примера можно вспомнить хотя бы правозащитное движение. Я уж умолчу о группировках в Политбюро и ЦК, за которыми тщательно следили западные советологи и разведки.

В другой своей работе Паин пишет по тому же поводу:

«В модернистских теориях, близких моей позиции, понятия «империя» и «нация» рассматриваются как противоположности, как полюса дихотомии, которая обозначает один из основных векторов исторического развития государства и общества. «Империя, — отмечает Доминик Ливен, — по определению является антиподом демократии, народного суверенитета и национального самоопределения. Власть над многими народами без их на то согласия — вот что отличало все великие империи прошлого и что предполагают все разумные определения этого понятия» [12]. *Примерно так же трактует империю и Марк Бейссинджер, определяя ее как «нелегитимное отношение контроля со стороны одного политического сообщества над другим или другими»* [13]. *Егор Гайдар тоже считает важнейшим свойством имперского государства его политический режим, а именно то, что в нем «imperium — власть доминировала в организации ежедневной жизни»* [14]. *Формула «власть без согласия народов» не обязательно означает, что эта власть основана исключительно на насилии. Она лишь показывает, что имперский порядок функционирует независимо от воли граждан и их ассоциаций, например этнотерриториальных сообществ»*[431].

Видно, что в этом случае Паин уже совсем не затрудняется фиксацией понятийной сетки, оставаясь в рамках метафорического подхода: империя — это «власть над многими народами без их на то согласия». В данном варианте бросается в глаза все тот же разрыв с либеральной традицией, который мы уже видели и разобрали выше у Ясина[432] — «тихой сапой» Этническое вводится в политику, и этносы начинают числиться среди основных субъектов Политического.

Приходит адекватное понимание следующей фразы Паина: *«Российские интеллектуалы совсем недавно и с трудом освоили представление о СССР как об империи. Еще труднее им дается оценка современной России в терминах имперского порядка»*[433]. Действительно, можно понять трудности человека, причисляющего себя к цеху ученых, если ему предложено быть настолько «гибким» и «растяжимым» в своих категориях, как это было продемонстрировано выше. Правда внедрение мифа в головы

исследователей потихонечку движется вперед. Вот как свидетельствует об этом один из западных ученых: *«Советский Союз, который четверть века назад характеризовался преимущественно как государство и лишь изредка, да и то консерваторами, как империя, после своего распада стал единодушно восприниматься как империя, в которой обществоведы увидели нелегитимное, составное политическое образование, потенциально неспособное сдержать рост внутренних наций»*[434].

Резюмируя проведенный анализ конкретных примеров, можно видеть, что имеет место попытка создания интересного нарративного конструкта, который позиционируется в качестве безусловной базы для анализа событий краха СССР, и развития современной России. Центральным положением данного мифа является сакрализация тождества «СССР = империя», вокруг которого структурируются прочие высказывания, объединенные в группы разной степени строгости. Высказывания-обоснования данного тождества строятся в основном по методу абдукции, существенно опираясь на аналогии. При этом выделяются три основных потока обоснования.

1-й поток опирается на гегельянский принцип «все сущее — разумно». Рассуждение-обоснование проводится следующим образом: раз СССР распался, следовательно, распад был закономерен. Известно, что все империи закономерно распадаются. Значит, СССР был империей.

2-й поток тоже имеет гегельянскую природу, согласно которой рассуждение выстраивается с привлечением гегелевских «национальных духов»: параллельно роспуску СССР шли процессы этнических мобилизаций (до — в Прибалтике, Молдавии и Грузии, после — во всех остальных республиках). Раз этнократии «возбудились», значит, была дискриминация народов, а дискриминация народов бывает только в империях.

3-й поток рекрутирует западный политический дискурс (см. пять принципов здесь[435], или в подразделе «Современная модель государственного суверенитета» раздела «Национальная модель государства» главы 3): все государства делятся на «хорошие» — на-

циональные государства, и остальные — империи. Долгое время считалось, что СССР был национальным государством. Но после того как он распался, эксперты обратили внимание на то, что СССР сам называл себя многонационалией. То есть если СССР не был национальным государством, значит, он был империей.

Эти дискурсивные потоки также четко определяют основных интересантов в существовании данного конструкта. Во-первых, это постсоветские этнократии, как из стран-лимитрофов, так и существующие на просторах России. Имперский миф дает им хорошее обоснование их существования и актуальности. Во-вторых, это Запад, который, по всей видимости, серьезно рассматривает переформатирование Евразии[436] среди возможных сценариев развития событий, так что российский имперский миф может оказаться очень полезным, если дело дойдет до практической реализации подобного сценария. В-третьих, это российские горе-реформаторы 90-х годов. Имперский миф позволяет им уйти от ответственности за свои действия, спрятаться за якобы «объективными законами истории»: «А что? Мы тут ни при чем... Мы лишь обслуживали естественный ход вещей... Любой на нашем месте был бы вынужден делать то же, что и мы...» Данная гипотеза дополнительно подтверждается апологией этими людьми марксистской философии истории[437]: уж больно им хочется уйти от бремени свободы в тенеты исторического детерминизма.

Особенности национального проекта в России

Завершая рассмотрение проблем, связанных с трансформацией России из текущей многонационалии в нормальное национальное государство, следует согласиться с тем очевидным выводом, что основным препятствием для данного процесса является мировоззрение современной российской элиты. При этом также становится очевидным, что «само собой» содержимое мозгов элиты к нужному состоянию не придет и что для построения национального государства необходимы усилия

по укоренению определенной системы взглядов в головах этой группы людей. Другими словами, необходимо то, что обычно имеют в виду националисты, используя термин «национальный проект».

Спецификой национального проекта в современной России является то, что он не требует формирующего воздействия на массы — люди уже во многом стихийно воспринимают себя единой нацией и готовы следовать соответствующим правилам игры. Так что основным объектом воздействия такого проекта будут именно элитные группы. При этом основная масса российской элиты находится вне соответствующего мировоззрения только из-за инерции советского наследия, в рамках которого понятие национального государства было исключено из дискурса. В этом плане для «разворота» начальственных мозгов будет достаточно авторитетного признания трансформации России в национальное государство верховной властью.

Однако, как это было отмечено выше, среди российской элиты и околоэлитных слоев есть и активные противники трансформации России в нормальное национальное государство. Это прежде всего наши западники, а также представители постсоветстких этнократий. В основе такого неприятия нормализации положения дел в стране данными элитными группами угадывается желание поиметь различного рода выгоды при ее дальнейшем распаде или по меньшей мере от продолжения существования российского общества при имеющемся повышенном уровне системного хаоса. Так что организация национального проекта потребует блокировки враждебной активности данных групп.

Основой деконструкции советского «национального» наследия в массовом сознании может стать идея ***приватизации этнического***, т.е. выведение этнических вопросов за пределы государственной политики и вытеснение их в частную жизнь. Фактически предлагаемая идея аналогична тому, что делалось при отделении церкви от государства, только теперь вместо приватизации религиозных вопросов с целью устранения ре-

лигии из Политического нужно сделать то же самое и с этничностью.

Среди главных объективных трудностей российского национального проекта следует отметить то, что многие люди — представители будущей нации — не воспринимают некоторые периферийные области страны в качестве своей национальной территории. В первую очередь это касается Северного Кавказа, особенно Чечни. Этнические зачистки вайнахами нетитульного населения, проведенные в начале 90-х годов прошлого века в Чечне, вывели чеченский народ за пределы поля солидарности российской нации. В этом плане национальной элите страны придется провести работу с периферийными этнократиями в плане их этнической демобилизации, а в случае уклонения от последнего — и по территориальному размежеванию и исключению контролируемых упорствующими этнократиями территорий из Федерации.

Также нужно быть готовым и к приему родственного населения, желающего влиться в ряды строящейся нации из сопредельных государств. В конечном итоге политическая территория страны должна совпасть с ее национальной территорией.

Проблемы элитного и национального консенсусов

Одной из важнейших функций рассматриваемой здесь такой коллективной метаидентичности верхнего уровня, как «нация», является оформление в Современности Политического страны (см., например, раздел «Национальная модель государства» главы 3). С учетом того, что обычно политическая жизнь современного государства обеспечивается разнообразными субъектными идентичностями, которые как правило выстроены на каких-то своих ценностных солидарностях, возникает необходимость «замыкания» политической системы на некой общей ценностной базе, способной послужить основой кооперации и компромиссов различных политических конкурентов. Такая общая ценностная база политики страны и обусловливает существова-

ние общей национальной идентичности ее населения. Другими словами, нация неотделима по своей сути от национального политического консенсуса, в рамках которого активные политические силы общества создают и поддерживают политические институты — законы, правила и нормы для регулирования допустимого в политических и социальных действиях.

При этом даже поверхностный взгляд на политическое поле России дает возможность сделать заключение о том, что в стране отсутствуют как национальный, так элитный консенсусы. И это в принципе согласуется с ранее сделанным выводом об имеющей место архаизации российского общества. Таким образом, проблематика России как демократического государства тесно переплетается как с проблематикой становления России в качестве национального государства, так и с проблематикой удержания России в Современности.

Отрыв элиты от общества

Опрос населения страны, проведенный ВЦИОМ в августе 2005 г., показал наличие существенного разрыва социального поля на элитной границе[438]. Население считает элиту замкнутым сообществом, которое трудно достижимо для человека, рожденного вне данного слоя. При этом люди одновременно отказывают элите в своем доверии: *«На вопрос, соответствует ли нынешняя элита задачам, стоящим перед страной и обществом, только 3% отвечают твердое “да”, еще 14% считают, что “элита скорее соответствует”. Зато 70% россиян придерживаются обратной точки зрения»*[439].

«Нынешняя российская элита не выдерживает сравнения со старой советской. По мнению 42% россиян, за пятнадцать лет она изменилась явно в худшую сторону, обратного мнения придерживаются только 17%. При этом почти все позитивные качества в восприятии россиян были скорее присущи старой советской элите, а почти все негативные — скорее нынешней.

Вот набор ведущих качеств, которыми россияне характеризуют советскую элиту: патриотизм, озабоченность судьбой страны (57%), ответственность перед страной, народом (39%), трудолюбие, работоспособность (34%), образованность, профессионализм (30%). А вот набор, характерный для элиты нынешней: корыстолюбие, склонность к коррупции (44%), безответственность, склонность ставить личные интересы выше общественных (41%), космополитизм, презрение к интересам своей страны (39%), лень, зазнайство (27%).

Пожалуй, только в одном позитивном качестве нынешняя элита в сознании граждан несколько превосходит советскую — в энергичности, инициативности (соответственно 30% против 21%). Да и то, судя по остальным оценкам, инициативность элиты нынешней направлена отнюдь не во благо страны.

Интересы нынешней элиты и нынешнего российского общества не только не совпадают, но и не могут совпадать в принципе. Так считают 44% опрошенных. Только 6% считают, что интересы эти в целом совпадают»[440].

С другой стороны, такие же опросы общественного мнения показывают значительный общественный спрос на национальный консенсус: более трети населения и трети элиты считают, что Россия может преодолеть текущие проблемы развития лишь в едином всенародном усилии[441]. При этом более половины опрошенных в тех же группах подчеркнули важность наличия сильной государственной власти[442].

Ценностные установки элиты

Рассмотрим далее, на каких ценностях может быть достигнут элитный консенсус. Исследование ценностей российской элиты[443] показало, что подавляющее большинство опрошенных поддержали следующее. Во-первых, основная масса российской элиты оказалась республиканцами (84%)[444] и сторонниками федеративности (86%)[445]. Во-вторых, 90% выступили в поддержку демократической формы правления[446]. В-третьих, 78% раздели-

ли ощущение «большого предназначения России»[447]. И наконец, 89% выразили доверие Президенту Путину[448].

Таким образом, можно заключить о формировании некоего центрального ядра, вокруг которого возможна кристаллизация элитного консенсуса. При этом, однако, не следует забывать, что в социологических опросах обычно проявляется лишь внешний, презентационный слой ментальных структур человека, который может отличаться от его глубинных личностных установок. Так что реальное отношение к заявленным объектам предпочтения требуется верифицировать дополнительно. Например, данные, представленные в другом месте цитируемого исследования, позволяют заключить, что выбор демократии как желаемой формы правления вполне может на самом деле оказаться данью моде. Действительно, когда представителей элиты попросили самоопределиться по отношению к понятию «суверенная демократия», то по результатам опроса оказалось[449], что положительно относятся к данному понятию всего 42% российской элиты. Из них 31% вполне адекватно воспринимают данную В. Сурковым трактовку (см. следующий абзац), а 11% любят данный термин, особенно не вдаваясь в подробности о его значении. При этом 55% опрошенных отметили свое отрицательное отношение к данному понятию. Из них 43% как-то аргументировали свою позицию, причем 25% при аргументации использовали уже озвученную критику данного понятия со стороны Медведева и Путина, а 19% сослались на невозможность понять его смысл. Оставшиеся 11% не любят суверенную демократию, особо не разбираясь за что, — ну не любят, и все.

Поглядим на базовое определение «суверенной демократии», данное В.Ю. Сурковым при введении данного термина в общественно-политическую дискуссию: *«Допустимо определить суверенную демократию как образ политической жизни общества, при котором власти, их органы и действия выбираются, формируются и направляются исключительно российской нацией во всем ее многообразии и целостности ради достижения материального благосостояния, свободы и справедливости всеми гражданами,*

социальными группами и народами, ее образующими»[450], и попробуем понять, что же в данном определении является причиной непонимания и отторжения для человека, заявившего свою приверженность демократическим ценностям? Я, например, не могу ответить на данный вопрос, и мне остается лишь возможность интерпретации приведенных в предыдущем абзаце цифр с точки зрения иррациональной персонализированной фронды опрашиваемых. Или, другими словами, для отвергающих данный термин представителей элиты не так важно то, что он обозначает по своей сути, а существенно важнее то, кто его использует в своих речах. А уж «пнуть» слугу — это первое дело тех убожеств, которые боятся, но не любят, господина. Так мы снова возвращаемся к достаточно примитивной структуре личности многих представителей постсоветской элиты (см. приложение 4.1: «О доминирующем психотипе российского актива»).

В свете предложенной интерпретации уже не вызывает удивления, что 50% элиты не могут определиться со своими идеологическими предпочтениями[451], обозначая себя главным образом «за все хорошее против всего плохого». В глубинных интервью эти люди в основной своей массе не смогли высказать ничего путного по вопросам идеологии, геополитики и экономики, тем самым обозначив свою незаинтересованность данными предметами. В то же время они охотно выражали свои мнения по поводу таких сюжетов, как политическая система, развитие общества, общественные ценности и проблемы духовности, причем высказывания на последнюю тему в среднем были в два раза длиннее, чем высказывания по поводу других вопросов[452].

Несмотря на открытость в плане самовыражения опрошенными своих мыслей по поводу таких ценностей, как свобода и справедливость, было видно, что эти мысли являются «сырыми», и они отрефлексированы достаточно слабо. То есть фактически ценности не являются чем-то актуальным для этих людей, они не обсуждаются в кругу их близких и сослуживцев, являясь чем-то абстрактным и далеким от жизни[453].

В плане государственного устройства практический консенсус был достигнут на федерализме (86%), однако удивило то, что большинство опрошенной творческой элиты (2/3) высказались за унитаризм[454]. Также элитный консенсус можно считать достигнутым по отношению к республиканской форме правления (84%), причем 49% высказались в пользу президентской республики, 24% — в пользу парламентской республики и 11% — в пользу некой смешанной формы[455]. Оставшиеся 16% высказались в пользу монархии, причем монархисты оказались большинством среди духовенства (57%), творческой элиты (57%) и бизнес-элиты (50%). Для сравнения: доля монархистов среди всего населения — 9,2%[456].

Элита в целом поддерживает «вертикаль управления» (73%), но высказывается в пользу выборности губернаторов (69%). В целом она выражает удовлетворенность сложившейся политической системой (75%). При этом 48% удовлетворены ею полностью, а 27% видят возможности небольших усовершенствований. В то же время 21% выразили поддержку более глубокой реформы, а 5% потребовали кардинальных преобразований.

При требовании определения приоритета государства в плане выбора из пары «обеспечение порядка vs обеспечение свобод» 62% определились в пользу порядка и 33% — в пользу свободы[457]. Следующая пара «укрепление государства и закона vs развитие частной инициативы и предпринимательства» привела к распределению ответов 62% vs 32%[458]. На вопрос, что важнее для общества — свобода личности или равенство, 51% представителей элиты ответил, что свобода, и 30% — что равенство.

На просьбу оценить качество местных условий для бизнеса 50% ответили, что условия хорошие, и 47% — что плохие[459]. При этом доля вторых ответов у бизнес-элиты была 58%. На вопрос, помогают ли чиновники развитию бизнеса, 49% ответили положительно (среди бизнес-элиты — 52%) и 48% — отрицательно[460].

Вопрос о состоянии российского общества в целом получил 24% ответов с положительной оценкой и 51% — с отрицательной. При этом в Москве соотношение положительных и отрицательных оценок составляло 45%/22%, в то время как в регионах — 35%/53%.

Таким образом, мы можем заключить, что российская элита крайне неоднородна по своему мировоззрению. При этом в ней наличествует достаточно высокая доля фронды по отношению к существующему порядку — как уже указывалось выше, 25% опрошенных отметили необходимость глубоких политических реформ. С другой стороны, уже складываются условия для создания элитного консенсуса вокруг правящей группы и Путина — как ее символа. Другие объединяющие символы — демократическая республика и федерализм.

Как уже отмечалось, в элите «прощупываются» две большие группы. Во-первых, это сторонники стабилизации достигнутого (примерно 60—70%) и, во-вторых, сторонники чуть более быстрого движения к социальному устройству в соответствии с западными стандартами (примерно 30—40%). Однако данные группы именно что «прощупываются», поскольку представители элиты показывают себя подчеркнуто внеидеологичными и занятыми лишь своими личными делами — «зарабатыванием» денег и устройством личной карьеры, личных имущественных дел и личного потребления.

Следует ожидать, что идеологизация элиты в каком-то аспекте пойдет уже в ближайшем времени с формированием соответствующих коллективных идентичностей. При этом узловым моментом будет отношение элиты к включению народа в Политическое страны. Сторонники такого включения составят российский национальный проект, сторонники исключения народа из политики образуют базу поддержки российского имперства. В плане текущих симпатий с учетом оценок, приведенных выше, доля потенциальных имперцев в элите составляет примерно 2/3 и доля националистов — примерно 1/3, что согласуется с количеством элитных сторонников организации всенародного усилия по выводу страны из текущих неурядиц[461].

Попытка создания элитного консенсуса

Как уже отмечалось, из 90-х годов страна вышла с большим элитным раздраем[462]. Больной Ельцин, «семья» как коалиция неких нелегитимных лиц, «допущенных к телу», обильное кланообразование с такими яркими брендами, как ЧВС (Черномырдинский клан), БАБ, или «Береза (клан Березовского), «люди Альфы», «Таня-Валя» (дочь Ельцина Дьяченко и руководитель его Администрации Юмашев — будущие супруги). Конфликты Администрации Президента с Правительством. Жесткая межфракционная борьба в Госдуме. В Совете Федерации губернаторы организуют коалиции для борьбы с Центром. Наметилась фрондирующая коалиция губернаторов, руководящих регионами-донорами, которая стала в оппозицию верховной власти.

Путин, став Президентом-преемником, провел ряд жестких мероприятий, целью которых было объявлено наведение порядка и восстановление управляемости страной[463]. Фактически элите был предложен новый общественный договор с жесткой контрактной дисциплиной. Все, кто принял данный договор, как-то остались в системе общественного управления. Те же, кто не принял его, были удалены разными способами из большой политики. При этом договор касался не только государственного управления, но и управления крупным бизнесом. Все большие бизнесы, особенно основанные на бывших советских активах, были интегрированы в Систему элитного обеспечения (см. выше раздел «Очерк прошедшей трансформации» данной главы). При этом в элитный консенсус были включены все системные партии, включая вновь созданную партию — профсоюз бюрократии — «Единую Россию», ее «двойник» — «Справедливую Россию», Коммунистическую партию Российской Федерации, Либерально-Демократическую партию России. Партии российских западников («Яблоко» и «Союз Правых Сил»), саботируя предложенный консенсус, окончательно растеряли свое электоральное влияние, и, чтобы поиметь в элитном консенсусе сторонников и этой идеологии, Администрация Президента подключила административный ресурс, для того чтобы помочь западникам сорганизоваться во что-нибудь системное. Так в 2008 г. была создана партия «Правое дело».

К элитному консенсусу были подключены все субъектные люди с лидерскими качествами вне зависимости от их убеждений. Большинство таких людей были интегрированы в «Единую Россию», в которой по итогам оказались две с половиной идеологические платформы. Первую платформу представляет какой-то вид социального либерализма, вторую — консервативные либералы, и третью — патриоты-имперцы.

Из не вошедших в «Единую Россию» известных людей можно отметить такие знаковые фигуры российского западничества, как А.Б. Чубайса, постоянно занимающего важные должности в государственном бизнесе, и Е.Т. Гайдара, продолжающего обслуживать правительство со своим институтом. Помимо них в элитный консенсус были интегрированы и многие другие способные западники, которых можно найти и в правительстве, и в регионах, и в крупном бизнесе. С другого политического крыла в элитный консенсус были интегрированы, например, Д.О. Рогозин и Н.А. Нарочницкая.

Для людей, не умеющих работать в больших коллективах, элитный консенсус предоставил места в экспертном сообществе, обслуживающем элиту. На этом поле вполне успешно сосуществуют разные системные и конструктивные силы: и западники, и центристы, и имперцы, и националисты, — все, кто готов принять и исполнять предложенный правящей командой общественный договор. Причем в консенсусе можно найти представителей как правительственных лоялистов, так и системную оппозицию.

Те же, кто не захотел участвовать в консенсусе (различного рода «несогласные»), — были маргинализованы и «угнетены».

Основой общественного договора, предложенного правящей командой элите и обществу, является определенный набор цен-

ностей, главной из которых был положен патриотизм — признание абсолютной ценности России. Вот как основные ценности консенсуса были сформулированы в Послании Президента Д.А. Медведева Федеральному собранию от 5 ноября 2008 г.:

«Теперь собственно о ценностях. Они хорошо известны.

Справедливость, понимаемая как политическое равноправие, как честность судов, ответственность руководителей. Реализуемая как социальные гарантии, требующая преодоления бедности и коррупции. Добивающаяся достойного места для каждого человека в обществе и для всей российской нации в системе международных отношений.

Это свобода — личная, индивидуальная свобода.

Свобода предпринимательства, слова, вероисповедания, выбора места жительства и рода занятий. И свобода общая, национальная. Самостоятельность и независимость Российского государства.

Жизнь человека, его благосостояние и достоинство. Межнациональный мир. Единство разнообразных культур. Защита малых народов. И признание независимости Южной Осетии и Абхазии — это, кстати, пример такой защиты.

Семейные традиции. Любовь и верность. Забота о младших и старших.

Патриотизм. При самом трезвом, критическом взгляде на отечественную историю и на наше далеко не идеальное настоящее. В любых обстоятельствах, всегда — вера в Россию, глубокая привязанность к родному краю, к нашей великой культуре.

Таковы наши ценности, таковы устои нашего общества, наши нравственные ориентиры. А говоря проще, таковы очевидные, всем понятные вещи, общее представление о которых и делает нас единым народом, Россией.

Это то, от чего мы не откажемся ни при каких обстоятельствах.

Наши ценности формируют и наше представление о будущем. Мы стремимся к справедливому обществу свободных людей. Мы знаем: Россия будет процветающей, демократической страной.

Сильной и в то же время комфортной для жизни. Лучшей в мире для самых талантливых, требовательных, самостоятельных и критически настроенных граждан»[464].

Для перехода от элитного консенсуса к национальному необходимо сделать следующее. Во-первых, надо «ткнуть носом» элиту в нужды населения, заставить ее признать простых людей как «своих». Во-вторых, надо добиться признания ценностной платформы элитного консенсуса всем обществом. Многое в этом деле определяется возможностями перестройки элитной границы в общественном сознании, того, что задает степень отчужденности элиты страны от ее населения.

Проблемы национального консенсуса

Указанная выше ментальная граница, отделяющая элиту от массы, является одним из тех ментальных комплексов общественного сознания, которые препятствуют объединению людей в единой национальной идентичности. При этом структура данной границы в российском обществе достаточно сложна, поскольку наряду с элитной границей обычного традиционного общества, которая активно формируется в течение последних 20 лет, имеется еще один фрагмент ментальных структур, унаследованный российским социумом от советских времен (см. приложение 4.3: «Очерк истории субъектных идентичностей России»).

Данный унаследованный фрагмент по большому счету был сформирован в качестве элитной границы советского периода, однако специфические условия формирования отяготили его повышенным потенциалом исключения по отношению к «другим», тем, которые не «свои». Этот эмоциональный заряд советской элитной границы тесно связан с социально-психическим комплексом, который обычно называют русофобией и который был существенной частью якобы интернационализма советского элитного слоя[465]. Напомню, что термином «русофобия» я обозначаю культурно-психические установки человеческого

восприятия мира, связанные с отличением чего бы то ни было как более плохого только по причине наличия у этого самого характеристики «русский»[466]. То есть русофобия в моем понимании — это источник скорее пассивных переживаний. Она создает в сознании пассивно отрицательное отношение к объекту, отнюдь не порождая чувств, взывающих к поведенческой активности, как это делает, например, другой ментальный комплекс этой группы, который по аналогии со многими другими «анти-» можно обозначить термином «антирусизм».

В Приложении 4.3 подробно обсужден механизм становления советской элитной русофобии, основой которого явилось «прогрессорство» большевиков, то есть мессианизм конкретной группы людей с западнической идентичностью, возомнивших себя носителями знания о некоем «Новом мире», который они обязались построить на территории России, населенной отсталыми «туземцами». Необходимость блюсти свою «чистоту» с одновременным насильственным «вытягиванием к свету» автохтонов создает условия для формирования специфической ментальной границы «мы—они», в которой отношение к «ним» дегуманизируется до восприятия «их» как враждебной внешней среды, подлежащей преобразованию, с одной стороны, и в то же время глупо сопротивляющейся этому благотворному для них воздействию — с другой. Поскольку большинством тех самых «их», предназначенных для преобразования, было русское крестьянство, то естественно, что большевистская идентичность «преобразователей» конституировалась именно в своем отталкивании главным образом от русскости, пропитывая свою суть русофобией. Немалый вклад сюда внесла и принятая к реализации концепция индустриализации страны за счет нещадной эксплуатации деревни.

Со временем символы «нового мира» пожухли, коммунизм десакрализировался и был постепенно заменен в пантеоне наследников большевиков восстановленным в правах культом Запада[467]. При этом особо ярые приверженцы восстановленного культа «Сияющего города на холме» сформировали свою

идентичность с обильной интеграцией туда русофобских мемов. Энергия русофобской поляризации данной идентичности поддерживается ее носителями через сравнение различных неидеальностей российской действительности с идеальным Западом их культа. Социально данная группа советской элиты принадлежала культурной и идеологической обслуге советского начальства. Представители последнего в силу своей консервативности продолжали чтить умирающих богов коммунизма, но в то же время они отдавали должное и очевидным достижениям Запада, от которого страна под их управлением потихонечку отставала.

В процессе последовавшей революции именно советские западники дали обществу смыслы, мобилизовавшие его на слом коммунистической системы. Однако в постреволюционном развитии социума данное сообщество было вытеснено на обочину, где и продолжает существовать последнее десятилетие. При этом историческое поражение только усилило русофобию данных людей, идентичность которых приняла очень интересную форму — форму «вертухаев»-лимитрофов, обороняющих Сияющий Запад от этих орков с востока (см. приложение 4.3: «Очерк истории субъектных идентичностей России»). Следует отметить, что легитимация всех сторон жизни данного сообщества происходит только через одобрение Западом, так что, несмотря на кажущийся модернизм их риторики, мы имеем дело с традиционалистами религиозного типа[468], прекрасно вписывающимися в тренд текущей архаизации России.

Номенклатурная идентичность после самоотделения западников некоторое время продолжала нести в себе русофобский заряд. Однако характерным моментом здесь было то, что у значительной части позднесоветского начальства механизм поддержания энергии русофобской поляризации уже отсутствовал, так что русофобия основной массы номенклатуры была скорее связана с накопленной инерцией социальных рутин из прошлого. При этом со временем происходила потеря данной энергии,

и данная разрядка элитной границы особенно усилилась после последней революции вследствие маргинализации российских западников. Так что наличествующая элитная граница российского общества уже потеряла какие-либо иные «отталкивания», кроме поляризации, связанной с имущественным расслоением. Энергия данной поляризации выше у представителей элитного социализма и не так высока у имперцев (о структуре российской элиты/актива см. выше подраздел «Особенности постсоветского актива» раздела «Человеческий капитал России» текущей главы). При этом основной механизм поддержания данного заряда на границе связан со сформировавшимся в 90-е годы XX века ментальным комплексом «парашецентризма» (см. детали в Приложении 4.1: «О доминирующем психотипе российского актива»).

В заключение следует отметить, что деполяризация элитной границы в современном российском обществе вполне возможна и одним из подходов к этому является восстановление требования к элите выполнять свою общественную функцию в плане обеспечения общественного развития. Это может быть достигнуто постановкой перед страной внятных социальных целей и включением элитного отбора на основе критериев успешности движения вверенных их заботам сообществ к данным целям. И можно лишь порадоваться, что правящая страной команда начала подвижки в этом направлении[469].

Перспективы элитного и национального консенсусов

Как то было обосновано выше, наличие национального консенсуса является необходимым условием развитого общества Современности. При этом элитный консенсус может быть первым шагом в этом направлении, создавая базовые условия для расширения выстроенного консенсуса на все население страны в последующем. К тому же именно некоторые качества элитного консенсуса определяют, будет ли государство демократическим или авторитарным.

В свете проделанного анализа один из возможных сценариев социально-политической модернизации России выглядит следующим образом. Система элитного обеспечения продолжает развиваться, включая в себя наиболее толковых людей общества и исключая недоговороспособных, а также тех, кто предпочитает использовать силу там, где можно обойтись переговорами. В Системе вырабатывается культура делиберации, выявляются единые удерживающие ценности, создается общенациональная идентичность. Последняя транслируется на все общество, порождая национальный консенсус. В какой-то момент «Единая Россия» распадается на две (или более) партии.

Другой сценарий основан на том, что рост доходов населения и создание внутреннего рынка дают возможность развития низовому внесистемному предпринимательству. Укрупнение данного сектора экономики структурирует народ, порождая национальный консенсус и связанное с ним гражданское общество. На каком-то этапе низы «продавливают» свои интересы в Системе и интегрируют Систему в созданную таким образом нацию.

Оба этих сценария могут развиваться одновременно.

При развитии страны по второму сценарию возможен вариант, когда нация свергает и деконструирует Систему.

Некоторые экономические аспекты общественного развития

Как было указано в конце предыдущего раздела, интересные сценарии развития гражданской самостоятельности людей были бы возможны, если бы у них «в руках» оказались бы некоторые ресурсы. В этом плане интересно посмотреть, как это принято делить «общественный пирог» в постреволюционной России[470]. Из данных табл. 4.2 можно увидеть, что в редкие годы доля зарплат людей превышала 50%. Для сравнения

можно привести данные по США за 2005 г.: домохозяйствам в том году перепало 75% ВВП, предприятиям — 17%, бюджету — 8%. Тем самым можно зафиксировать положение, что население России в течение всего постреволюционного времени было существенно недофинансировано по сравнению с населением западных стран. Чего не скажешь о той части ВВП, которая представляет собой прибыль корпораций. То есть по факту в стране была реализована обсуждавшаяся выше программа сторонников «элитного социализма»: «Нет жизни вне крупных корпораций» (см. подраздел «Особенности постсоветского актива» раздела «Человеческий капитал России» данной главы). И даже рост зарплат на более чем 10% в год в реальном исчислении, наблюдавшийся в 2000-х, как это видно из данных той же таблицы, являлся лишь компенсацией того изъятия части «пирога», которое было произведено буржуазией во время предыдущего кризиса (1998—1999). Причем, увы, не полной компенсацией.

Таблица 4.2. Структура ВВП по источникам доходов (в процентах к ВВП)[471]

	1995	1996	1997	1998	1999	2000	2001
Валовой внутренний продукт	**100**	**100**	**100**	**100**	**100**	**100**	**100**
В том числе: оплата труда наемных работников (включая скрытую)	45,4	51,0	51,3	48,1	40,1	40,2	43,0
чистые налоги на производство и импорт	11,9	14,2	15,2	16,0	15,7	17,1	15,7
валовая прибыль экономики и валовые смешанные доходы	42,7	34,8	33,5	35,9	44,2	42,7	41,3

Табл. 4.2. Окончание

	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008
Валовой внутренний продукт	**100**	**100**	**100**	**100**	**100**	**100**	**100**
В том числе: оплата труда наемных работников (включая скрытую)	46,7	47,1	46,0	43,8	44,5	46,2	45,6
чистые налоги на производство и импорт	17,0	16,0	16,8	19,6	20,0	18,8	20,2
валовая прибыль экономики и валовые смешанные доходы	36,3	36,9	37,2	36,6	35,5	35,0	34,2

Здесь имеет смысл обратить внимание на основной аргумент, который используется противниками увеличения уровня зарплат в стране, который связан с признанием необходимости соответствия роста оплаты труда людей увеличению его производительности. Очевидно, что данный в общем-то справедливый тезис ориентирован именно на сохранение текущей структуры распределения доходов от экономической деятельности, и выводит за рамки рассмотрения вопрос о том, насколько данная структура оптимальна. В конкретных российских условиях такой аргумент направлен на сохранение сложившейся структуры распределения ВВП, которая обусловливает сверхвысокую эксплуатацию людей, а также малую емкость внутреннего рынка. Другими словами, сохранение текущей системы распределения доходов снижает возможности по самофинансированию гражданской деятельности общества и по развитию внеолигархической национальной буржуазии. То есть в сложившихся российских условиях политика ограничения роста зарплат может служить лишь порабощению населения в рамках обсуждавшейся выше концепции сторонников «элитного социализма».

Еще один интересный момент в этом плане может быть получен на основе данных Мирового банка по ВВП на человека, пересчитанному по покупательной способности (см. данные табл. 4.1 в подразделе «Некоторые итоги прошедшей трансформации» раздела «Очерк прошедшей трансформации» настоящей главы). По ощущениям многих людей в 2007-м (предкризисном) году в стране был наконец-то достигнут предперестроечный уровень жизни, что в принципе подтверждается данными рис. 4.1. Однако по сравнению с 1990 г., как это указывают упомянутые данные по ВВП, производительность труда в России выросла в 1,6 раза. То есть если соотнестись по показателям распределения доходов с «развитым социализмом», то в настоящее время по зарплатам людей мы имеем запас роста примерно в полтора раза. При гипотетической реализации такого роста зарплат доля населения в ВВП поднимется до 70% и станет сравнимой с аналогичным значением по распределению ВВП США (75%). Данная оценка показывает масштабы изъятия ресурсов у населения России, если сохранять равнение на развитые западные страны.

Следующий важный вопрос в плане затронутой проблематики распределения доходов страны состоит в том, чтобы понять, насколько актуальны для развития страны высокие доходы бизнеса, насколько эффективно доходы предприятий могут быть преобразованы в инвестиции, в рост капитала[472].

Анализ данного вопроса начнем с того, что попробуем различить инвестиции. Действительно, есть инвестиции в бизнес, в его развитие, в поиск нового, в расширение успешного и есть финансовые инвестиции, инвестиции в деньги, инвестиции ради того, чтобы денег было все больше и больше[473]. Посмотрим далее на базовый цикл экономики «деньги — товар — деньги», который, в частности, дает уравнение Фишера, являющееся любимым уравнением монетаристов: MV=PQ. Суть этого уравнения заключается в том, что количество денег в экономике, умноженное на скорость их обращения, должно быть равно произведенной товарной массе, оцененной в тех же деньгах.

Или, говоря другими словами, все, произведенное обществом, должен кто-то купить.

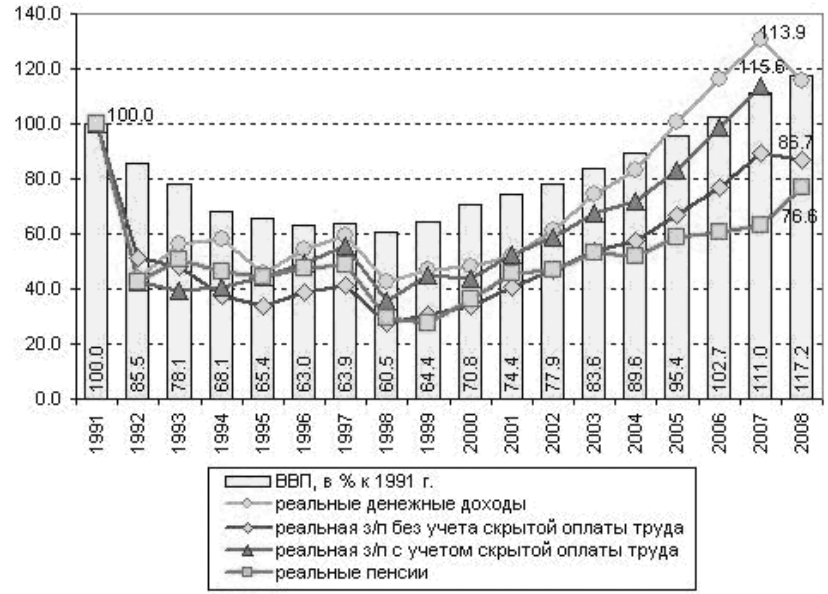

Рис. 4.1. Данные[474] по доходам людей в России

Теперь вспомним, что заработная плата представляет только часть стоимости товара. Другая компонента совокупного спроса формируется прямыми инвестициями. Однако даже если четко учесть все компоненты распределяемого дохода, то общей массы денег, направляемых обществом для финансирования спроса, ***не будет хватать*** для покупки всего произведенного товара как раз на величину доли прибыли, которую собственники предприятий «складируют на стороне», то есть отправляют на финансовый рынок. Понятно, что в какой-то своей части этот недостаток компенсируется денежной эмиссией, а в другой — кредитованием населения, осуществляемым в основном из тех

же «отложенных» денег. При этом ссудный процент приводит к возрастанию массы данного финансового капитала, и, поскольку «деньги должны работать», все это приводит к активному поиску финансовым капиталом точек своего приложения. Понятно, что если доля финансового капитала в экономике становится слишком большой, то реальных точек приложения начинает не хватать «на всех», и в конечном итоге излишки финансового капитала находят себе какой-нибудь «рыночный пузырь», чтобы там «сгореть». Так можно перефразировать стандартную теорию экономического цикла, с тем чтобы оттенить нужные мне для дальнейшего нюансы.

Для проверки обозначенного понимания «вредности» слишком высокой прибыли для экономической сферы общества рассмотрим временные данные по доходам 0,1% самых богатых людей в США (см. рисунок в подразделе «Мем ЭЧ: Влияние на социальную эволюцию» приложения 3.2: «Модель экономического человека и общество»). Мы видим, что когда доля сверхбогатых в ВВП США превышает 6% (обычный конечный результат политики в стиле laisser-faire), то возникающие «пузыри» могут стать очень уж большими, вызывая при своем схлопывании катастрофические последствия (типа Великой депрессии или текущего мирового кризиса (2009 г.). При этом, например, понижение данной доли вследствие Нового курса Ф. Рузвельта и заложенных им тенденций отнюдь не остановило развитие страны — США успешно развивались экономически в течение периода 30—60-х годов. Лишь в 70-е в экономике США возникли застойные явления, которые послужили спусковым крючком для последующей рейганомики. Как результат, доходы сверхбогатых людей выросли опять до 8% и «пузыри» в Штатах пошли один за другим.

Для дополнения картины можно посмотреть также на данные по производительности и оплате труда в США[475]. Эти данные показывают, что в постоянных ценах 2001 г. средняя ставка работников в период 1965—1980 превышала уровень $14 в час, к которому она впоследствии откатилась по итогам рейганомики.

Проведенное здесь рассмотрение позволяет заключить, что структура распределения общественного дохода в плане социально-экономического развития общества имеет оптимум, отклонения от которого сопровождаются негативными процессами в экономике страны. В частности, например, для США справедливо заключение, что в 70-х годах доля оплаты труда была выше, а прибыль предприятий — ниже оптимальной, и это привело к застойным явлениям в экономике. В настоящее же время имеем обратные отклонения — и вот нам всем серия финансовых и экономических кризисов конца XX — начала XXI века.

Становится также очевидным, что в России доля оплаты труда в ВВП пока еще существенно ниже оптимальной. Это определяет как высокую прибыльность экономики страны, так и узость ее внутреннего рынка. Как результат, полученные российской буржуазией доходы отнюдь не становятся инвестициями (несмотря на высокую прибыльность российской экономики), а создают спрос на недвижимость и на продукцию индустрии роскоши, причем не столько в России, сколько, главным образом, за рубежом.

Так выявляется основная проблема текущего экономического развития страны — проблема преобразования денег в капитал, которая в свою очередь упирается в проблему наличия адекватной предпринимательской способности.

В общем текущей бедой страны в самом широком ее понимании являются отнюдь не население (очень распространенный элитный миф), которое готово трудиться много и качественно (см., например, выше подраздел «Отношение массы к труду» раздела «Человеческий капитал России» данной главы), а ленивая и жадная российская элита (см. приложение 4.1: «О доминирующем психотипе российского актива»). *«Мы должны осознать, что главным злом бизнеса стала коррупция, неуправляемый рост государственной машины, когда вымывается всякая инициатива, вначале налоговый, а затем цинично бюрократический грабеж свободной экономики, бесконтрольный рост внеправовых механизмов*

регулирования, полная атрофия совести и понимания смысла своей деятельности у ряда представителей управленческой элиты, когда тупое чванство, вера в некую свою небожительность заменили смысл, а право оценивалось лишь как инструмент для слабых»[476]. При этом должны нести свою долю ответственности и те, кто почему-то зовет себя предпринимателями и при этом не выполняет основную предпринимательскую функцию — функцию развития экономики. Те, кто ***требует (и получает)*** за свои услуги по развитию хозяйства ***существенную дополнительную премию к нормальной рыночной цене*** за подобного рода услуги. Приведенные выше данные показывают, что у нашей буржуазии никак не получается развивать страну, имея «в руках» 36% ВВП в качестве прибыли, в то время как их штатовские коллеги вполне управляются с подобными задачами при наличии в их распоряжении всего 17% ВВП. И это не считая традиционно принятого у нас «эффективного» управления финансовыми потоками, результаты которого не попадают в статистику.

Так что же мешает развитию и накоплению в стране такого фактора производства, как предпринимательская способность? Не тот ли факт, что норма прибыли более 100% может покрыть любую неэффективность, любую бесхозяйственность? И именно высокая норма прибыли дает возможность поддерживать административные барьеры, которые наши бизнесмены возводят вокруг своих «угодий», с тем чтобы ограничить конкуренцию и спокойно стричь свою ренту, особо не заморачиваясь поддержанием своей «спортивной формы» в плане предпринимательской способности.

Так что в наших сложившихся на 2009 г. условиях дальнейший рост оплаты труда просто необходим стране для продолжения развития. Во-первых, такой рост актуализирует борьбу предприятий с другими издержками, что приведет к развороту мозгов нашего бизнеса в сторону реальной эффективности и заставит рентоизвлекателей начать «шевелиться». И такое шевеление есть благо, ибо оно будет способствовать развитию и накоплению предпринимательской активности. Во-вторых, зарплаты людей образуют внутренний рынок, что опять же открывает дверь развитию и накоплению предпринимательской способности из-за возможности развития собственного бизнеса вне действующих олигархических структур (которые к тому же пока еще являются отстойниками специфически понимаемой у нас культуры «эффективного менеджмента» по «управлению» денежными потоками). В-третьих, деньги в карманах людей могут позволить зародиться отечественному гражданскому обществу, ибо людям будет чем скинуться для защиты своих интересов в случае нужды. Вследствие этого все, кто заинтересован в развитии страны, обязаны требовать от нашей буржуазии наступить на горло своей жадности и не препятствовать росту зарплат.

Российская демографическая проблема

Как это уже отмечалось (см. подраздел «Демографический переход» раздела «Общество и Современность» главы 3), доминирующим механизмом падения рождаемости при переходе общества в Поздний Модерн является преимущество поведенческих паттернов жизненного стиля child free в рациональном плане. Действительно, человек, не обремененный детьми, имеет для себя больше ресурсов как материальных, так и временных. Он может больше инвестировать в свой профессиональный и социальный рост и этим получает преимущество перед теми, у кого есть дети, поскольку нормальное воспитание последних требует достаточно много ресурсов. Современная пенсионная система также не дает стимулов к инвестициям во имя пополнения рядов тех, кто будет кормить ныне живущих в старости. Ведь любая пенсионная система — это лишь способ перераспределения благ, создаваемых работающими людьми, между ними и теми, кто уже вышел из трудоспособного возраста. И можно видеть, что бездетный человек получает двойное преимущество перед тем, кто растит детей, — первый раз он имеет премию, когда направляет «детские» ресурсы на свое потребление и профессиональное развитие, а второй раз, когда он забирает свою

долю из общего котла, наработанного детьми второго. И его доля вследствие сделанных инвестиций в свой профессиональный рост может оказаться даже больше доли второго.

В российских условиях все вышесказанное усугубляется еще одним моментом, связанным с тем, что в соответствии со сложившимися традициями человеческая активность в плане рождения и воспитания детей абсолютно не ценится в обществе[477]. Более того, в последнее время была существенно девалоризована и педагогическая деятельность[478].

Важность же разрешения проблемы рождаемости для обществ Позднего Модерна очевидна — ведь если какая-то социальная культура не способствует воспроизводству своих носителей, то она заменяется другой культурой просто путем физического замещения. Реализуемый в настоящее время многими развитыми странами подход, основанный на идее, что можно завезти в страну иммигрантов из «третьего мира», которые со временем будут кормить стариков-аборигенов, имеет значительный рисковый компонент. События начала 90-х прошлого века в Чечне показали, как люди традиционной культуры могут решать вопросы с чужими стариками. К тому же уже набрано достаточное количество свидетельств о том, что необходимая ассимиляция таких иммигрантов и их потомков до уровня стоящих перед обществом задач может потребовать гораздо больше времени, чем оно было заложено в изначальные расчеты, лежащие в основе подобной иммиграционной политики. И главная цель последней — сохранение необходимого количества высококвалифицированной рабочей силы, требуемой для поддержания желаемого социального развития, — может оказаться недостижимой.

Исследования показали, что воздействие факторов Современности на мировую демографическую ситуацию достаточно хорошо аппроксимируется показателем образования женщин. Учет в математической модели наблюдаемого факта, что рост количества образованных женщин в обществе сопровождается общим снижением рождаемости, привел к очень хорошему согласию с данными мировой статистики[479]. Так что ключ к спасению современного образа жизни находится в руках прекрасной половины человечества. Спасение Современности заключается в создании гуманитарной технологии, которая позволила бы ввести детей в моду у образованных женщин. Только наличие такой технологии уберет висящий над Современностью дамоклов меч гибели под натиском архаики, порождаемой мусульманскими, индуистскими и другими женщинами, которые продолжают быть верными ценностям Традиции[480].

Если сравнить все имеющиеся в современном обществе аргументы в поддержку рождения и воспитания детей с аналогичными аргументами в пользу стиля жизни child-free, то можно увидеть, что первые в основном эксплуатируют традиционные ценности людей и главным образом их чувство долга, а вторые вполне рационально выводятся из условий жизни современного человека. Так мы приходим к пониманию, что ***в плане деторождения Современность эксплуатирует один из последних оставшихся в ее распоряжении ресурсов Традиции***. Здесь уместно вспомнить, что ранее Современность использовала для своего развития многие другие подобные ресурсы, пока те не подходили к своему исчерпанию. Стандартным действием после такового исчерпания была рационализация ресурса в плане своего воспроизводства, чем подобный ресурс включался в структуру Современности. Такой путь обычно приводил к созданию соответствующей индустрии. Таким образом продуктивная стратегия рационализации воспроизводства населения, или, другими словами, стратегия расшивки дефицитности по такому общественно важному ресурсу, как дети, не может не содержать в качестве своей составной части создания соответствующей педагогической индустрии. Альтернативой такому перемещению проблемы недостаточного деторождения в Современность может быть лишь архаизация семейного социального поля, консервация разлагающихся традиционных установок.

Перед тем как перейти к описанию конкретного дизайна для решения проблемы рождаемости в рамках Современности, сформулируем кратко условия, в которых данному решению

предстоит функционировать. Во-первых, в России имеется уникальная ресурсная база — жители провинции, особенно депрессивных регионов, где стоимость жизни, а следовательно, и стоимость содержания ребенка пока еще очень невелики. Однако наличествуют ограничения, сдерживающие принятие решения о рождении ребенка родителями. Данные ограничения могут быть обобщены словами «низкий социальный статус деторождения», и эта ситуация обусловлена тем, что рождение и воспитание ребенка требует значительных материальных, временных и прочих затрат, при этом обычно у семьи значительно понижается уровень жизни, и все эти трудности остаются не оцененными обществом даже в моральном плане.

Для того чтобы решить статусную проблему, можно создать Педагогическую корпорацию России (ПКР), в рамках которой должна быть создана адекватная педагогическая инфраструктура по воспитанию будущих членов общества с требуемым уровнем навыков и умений. В рамках данной корпорации каждому приписанному ей ребенку следуют ежемесячные адресные выплаты. Величина выплат соответствует реальному уровню затрат, требуемых для воспитания подрастающего поколения с теми навыками и умениями, которые необходимы обществу.

Данными средствами, полностью или частично, могут распоряжаться лишь взрослые, ассоциированные с ПКР. При этом прием взрослых в данную корпорацию жестко обусловлен отсутствием аномии и девиантности в их поведенческих установках. Другими словами, например, алкоголики и наркоманы или же преступники-рецидивисты, все они остаются вне корпорации. А также их партнеры и сожители. Дети из девиантных семей принимаются в корпорацию лишь при самоограничении асоциальными родителями своих прав по их воспитанию. Так решается вопрос нецелевого использования детских денег — основной аргумент против общественной помощи семье с детьми. И в то же время сохраняется принцип «равного старта» — основа социальной справедливости по отношению к детям.

Успешные педагоги и родители морально поощряются в рамках ПКР, наделяются там адекватным социальным статусом. ПКР позволяет добиться реальной эмансипации женщин — ведь нынешняя ситуация, когда общество статусно поддерживает лишь карьерно ориентированных женщин, является дискриминацией по отношению к тем женщинам, которые хотели бы посвятить свою жизнь семье и детям. В рамках ПКР вторые могут найти общественное признание и, поддерживая сеть точек предоставления педагогических услуг, при этом помочь первым вкусить радости материнства без прерывания своего профессионального роста.

Качество воспитательного процесса может быть поддержано дополнительными мерами, например надбавками к зарплатам и пенсиям за хорошо воспитанных детей, показывающих различного рода выдающиеся достижения, и вычетами за тех из них, кто пополнил ряды асоциальных элементов.

Источником финансирования ПКР может быть дополнительное налогообложение потребления, например специально определенная часть НДС. Тем самым создадутся условия для существенного снижения привлекательности жизненного стиля child-free, ибо будет ликвидировано его рациональное основание.

И в заключение можно отметить, что развертывание инфраструктуры ПКР может быть проведено таким образом, что оно «вдохнет жизнь» в депрессивную провинцию, поставив ее экологию на службу обществу.

Проблемы инновационного развития России

Ранее уже отмечалось (см. раздел «Общество и современность» главы 3), что практики успешного выживания в изменчивых условиях Современности являются неотъемлемой частью всех развитых обществ. И очевидно, что подобными навыками должно обладать не только общество в целом, но и все входящие в него социальные структуры, вплоть до отдельных индивидов.

Необходимые институциональные основания инновационной деятельности

Изменчивость Современности дана социальным агентам в виде новизны, которая может принимать в социальном поле общества две основные формы. Во-первых, новизна (что мы имеем в большинстве случаев) может проявиться для агента в качестве вызова. В этой своей форме новизна приходит к агенту «снаружи» и начинает влиять на условия его существования, заставляя его адаптировать свои функционально-поведенческие рутины к новым изменившимся условиям. Во-вторых, новизна может создаваться и самим социальным агентом, что обычно имеет целью обеспечение себе конкурентного преимущества в своем соревновании с другими агентами. Именно такую новизну сейчас принято называть ***инновациями***[481]. Агенты, порождающие инновации и навязывающие таким образом социальную среду существования другим агентам, зачастую являются ***лидерами*** в избранной ими сфере деятельности, что выявляет четкую связь между способностью к инновационной деятельности и лидерским развитием.

Если взять общество в целом, то наряду с лидерством в развитии существует и так называемое догоняющее развитие. В современном мире лидирующая роль принадлежит западным странам. Именно они во главе с США торят миру путь в будущее. Остальные страны двигаются уже по проложенному лидерами пути с той или иной степенью успешности. Среди наиболее успешно развивающихся стран можно выделить Китай и другие страны Юго-Восточной Азии, темпы развития которых достигают 10% в год. Средние же темпы развития наиболее успешных стран Запада за последние 15 лет были на уровне 3—4% в год, что порождает разговоры о возможности скорой смены лидеров, о скором экономическом крахе Запада, etc. Однако подобная ситуация уже была. Опыт СССР и Японии показывает, что темпы роста на уровне 10% в год возможны лишь на стадии догоняющего развития, и по мере сокращения отставания от лидеров закономерно происходит снижение данного параметра вплоть до стагнации. При этом на этапе стагнации СССР потерпел крах, а Япония стагнировала все 90-е годы и только в 2000-х начала понемногу вновь наращивать свою экономику.

Анализ приведенных в предыдущем абзаце данных показывает, что при хорошем уровне управления дел в стране стоимость существования инновационного цикла для общества — минус 7% к росту экономики. И в принципе понятно, куда уходят эти затраты. Ведь при штурме неизвестности из большого количества попыток создания новых продуктов до стадии реально покупаемого продукта доходят лишь единицы. Другими словами, имеем пирамиду — для обеспечения заданного притока инноваций необходимо поддерживать значительно большее количество разработок новых идей, большинство из которых не даст никакой отдачи. Эти якобы напрасно затрачиваемые ресурсы и являются платой за лидерство, на чем при хорошей организации дела обычно экономят догоняющие страны, которые имеют уже возможность сконцентрироваться на копировании лишь уже хорошо апробированных практикой вариантов. Однако при отсутствии добротного инновационного цикла страна обречена плестись за лидерами, ведь следующую максиму никто не может отменить: ***«Для того чтобы стать лидером, ты должен выйти из-за спины других и подставить свою грудь ветру»***.

Рассмотрим стандартный инновационный цикл:

- *Мониторинг вызовов*: изучение напряжений в обществе, изучение ресурсных и символьно-ценностных ограничений для поставленных целей, изучение новшеств у соседей; формирование списка актуальных текущих вызовов;
- *Мониторинг потребностей*: изучение стилей жизни разных страт общества, точек дискомфорта людей, точек их напряжения, поиск вновь открывающихся возможностей; формирование списков возможностей для новых продуктов, услуг и действий;

- *Оценка вызовов/возможностей*: регулярная проработка списка вызовов/возможностей, выработка способов адекватной реакции, первичная проработка способов по затратам и достижениям, группировка близких способов по принципам общности и взаимодополнительности в заготовки для проектов;
- *Оценка проектов и назначение их к исполнению*;
- *Мониторинг проектов*, корректировка/перепланировка проектов в случае необходимости.

Инновации здесь возникают на стадии выявления «способов реакции» на группы вызовов/возможностей, и их внедрения становятся целями соответствующих проектов. Однако в плане стимулирования инноваций очень важным является работа с вызовами/возможностями. Обычно вызов возникает в месте разрыва между реальностью и привычной человеческой рутиной, «окормляющей» данное место реальности. В принципе то, насколько далеко ушла реальность от привычной рутины, может быть определено понятием «величина разрыва». При этом «тупые» социальные системы начинают осознавать вызов лишь тогда, когда «закрывать на него глаза» уже совсем не получается, т.е. когда разрыв между рутиной и реальностью уже превратился в пропасть. Что уж тут говорить о возможностях? «Тупые» общества их предпочитают «в упор» не видеть — настолько сладка для них «стабильность», понимаемая прежде всего как неизменность уже существующих социальных рутин. В соответствии с этим, чтобы перестать «валиться» из одной революции в другую, надо научиться различать вызовы и возможности на возможно более ранних стадиях развития соответствующих разрывов. Получаем необходимость такой характеристики воспринимающего элемента социальной системы, как ***интеллектуальная чувствительность***.

Следующим этапом следует умение обрабатывать вызовы. С одной стороны, здесь играет свою роль ***интеллектуальное творчество***, однако при этом сюда может внести существенный

вклад и методология. Достаточно вспомнить, например, такой хорошо проявивший себя методический комплекс в помощь изобретателю, как ТРИЗ[482]. В целом на данном этапе обработки вызова/возможности производится лишь ***гипотетический вариант*** реакции, причем часто и не один. Все варианты реакции в плане своего дальнейшего развития требуют заинтересованного обсуждения, критики. Так приходим к необходимости существования коммуникационного пространства, участники которого были бы способны перейти в отличное от своего смысловое поле с тем, чтобы вложиться в процесс обработки вызова/возможности с помощью своей заинтересованной в успехе дела критики рассматриваемых вариантов реакции. Тут наряду с интеллектуальной свободой проявляется еще и установка на понимание другого, что нетривиально из-за множественности и обычной несводимости друг к другу социальных полей, в которых существуют интеллектуалы — см. подраздел «Мировоззренческие системы» раздела «Очерк эпистемологии — науки о знаниях» главы 1.

Таким образом получается, что для перехода к инновационному обществу нам необходимо развитие среды, которая была бы толерантна к новому, поощряла бы интеллектуальную чувствительность, интеллектуальное творчество, интеллектуальную мощь (без которой невозможны переходы между разными смысловыми полями). И наблюдаемый разрыв между этими требованиями к интеллектуальной среде общества и текущей ситуацией в России, где доминирует догматичное талмудическое мышление, склонное к истерикам и насилию, — это тот самый разрыв, который можно было бы уже вполне воспринять как вызов и запустить в соответствующую интеллектуальную проработку вариантов решения проблемы[483].

Эпетаксис и служение

Достаточно общим местом является признание связи успехов Запада в плане развития науки, техники и экономики с

внедрением в практику общества специального типа психических установок, основанных на концепции призвания — то, что М. Вебер обозначил термином «протестантская этика»[484]. Как показал Ю.В Тихонравов[485], исторически философия призвания базируется на категории православной теологии ***эпетаксис***, которая отражает такое свойство человека, как его постоянное и неуемное стремление вперед. Учение об эпетаксисе сформулировал Григорий Нисский (IV в.), который опирался на следующую фразу из Послания апостола Павла филиппийцам: ***«Забывая заднее и простираясь вперед, стремлюсь к цели»***[486].

В принципе нельзя сказать, что эпетаксис так уж чужд российскому менталитету. В российском обществе существует очень много людей, которые работают с утра до ночи, создают бизнес, двигают науку, изобретают, ищут пути решения различных задач, не считаясь со временем. В российском мировосприятии эпетаксис оформляется тем, что можно обозначить словом «служение». Как лучшие образцы общественного поведения в общественной ткани России просматриваются служение науке (ученые), служение делу (предприниматели, менеджеры), служение Богу (религиозные деятели), служение Родине (солдаты и служилая бюрократия), служение семье (российские женщины), служение общественной нравственности (русские писатели). По большому счету, ***служение/эпетаксис*** — это некий психо-поведенческий комплекс человека, заставляющий его усердно и творчески работать во благо общества в рамках избранной профессии. Здесь я имею в виду понятие, передаваемое англицизмом *драйвер* — driver.

Рассмотрим это понятие подробнее. Служение/эпетаксис тесно связаны с чувством долга и интересом. Без долга или интереса эпетаксиса не бывает. Позитивная мотивация личности при этом обеспечивается удовлетворением от сделанного, чувством, которое в эмоциональном плане очень близко божественной благодати. Данное чувство в высших своих проявлениях принимает форму восторга, близкого по остроте к оргазму, когда человек вдруг ощущает себя равным Богу. Достаточно хотя

бы раз пережить это чувство в сильной форме, чтобы навсегда расставить для себя приоритеты, отнеся все прочее, кроме объекта служения, на второй план. Люди, охваченные эпетаксисом, понимают, какой восторг скрывался за словами поэта: «Ай-да Пушкин, ай-да сукин сын!»

В принципе источник подобных эмоций был рассмотрен и в рамках постмодернистской философии, где он был отражен категорией ***«трансгрессия»***[487]. Трансгрессия — это выход субъекта за свои пределы, который обычно обеспечивается автодеконструкцией ограничивающих его устремления ментальных структур. Ибо в основном предел задается индивиду его же внутренними ограничителями. И когда напряжение воли или какое другое внутреннее действие «выбрасывает» человека за пределы подобного ограничения, резко делая «недостижимый» прежде абсолют мелкой относительностью, то следующая за этим эмоциональная эйфорическая волна его захлестывает и несет куда-то некоторое время.

Отрицательная же мотивация для следования своему служению связана прежде всего с желанием личности избежать таких самооценок, как неудачник, бестолочь, неумеха. При отсутствии объекта служения у российских мужчин формируется комплекс неудовлетворенности собой, обычно сопровождающийся пьянством и деградацией личности. При этом если прислушаться к пьяным разговорам, то многие из них крутятся вокруг следующих вечных тем: (1) было время, когда *я делал дело*, и (2) *я мог бы сделать многое, но мне не дали*.

Таким образом, мы видим, что введенное понятие «эпетаксис/служение» вполне сродственно российскому мировосприятию. Приводившиеся выше социологические исследования отношения российского населения к труду (см. подраздел «Отношение массы к труду» раздела «Человеческий капитал России» настоящей главы) также подтверждают данный вывод: наши люди готовы работать очень много и качественно. Высокие трудовые достоинства российского населения подтверждаются и успехами наших людей, выехавших на постоянное место жительства за ру-

беж. В частности, бывшие российские граждане в США занимают по доходам более высокое положение, чем другие иммигрантские сообщества и даже чем коренные американцы[488].

Понимание основного препятствия для расширения охвата населения эпетаксисом приходит при обращении внимания на тот факт, что эпетаксис, как психоповеденческий комплекс, совершенно противоположен по своим свойствам «парашецентризму», который доминирует среди постсоветской элиты (см. приложение 4.1: «О доминирующем психотипе российского актива»). То есть и в плане развития инновационной деятельности в стране ключ успеха опять же лежит в области повышения качества российской элиты и актива, маргинализации среди данного слоя психоповеденческого комплекса «парашецентризма». Особенно это касается бизнес-актива, который напрямую ответственен за качество развития экономики общества (см. приложение 4.2: «Российское предпринимательство и развитие страны»)[489]. И данная проблема отягощена тем, что в стране отсутствует элитный консенсус по вопросам необходимости модернизации страны, на что обращают внимание многие российские эксперты, занимающиеся проблемами развития[490].

Приложение 4.1.
О доминирующем психотипе российского актива

Как это уже отмечалось выше, вместе с быстрым получением экономического образования по современным западным программам все, кто хотел преуспеть в преобразованиях 90-х, усвоили для себя среди прочего установки так называемого человека экономического (ЭЧ — см. приложение 3.2: «Модель экономического человека и общество»). Эти установки хорошо «легли» на специфику деятельности, в которую были втянуты вновь пришедшие в «молодой» российский бизнес люди, и которая главным образом была связана с ростовщичеством и коммерцией, так что мемы человека экономического закрепились в сознании индивидов и начали реплицироваться по всему обществу. Ранее уже отмечалось, что согласно анализу результатов социологических исследований и трудовая мотивация многих обычных наемных работников также во многом определяется этими мемами (см. подраздел «Отношение массы к труду» раздела «Человеческий капитал России» главы 4).

Модель ЭЧ основана на представлении, что каждый при принятии решения перебирает различные варианты своих действий, выбирая из них тот, который соответствует максимуму его личной функции полезности. По большому счету данная модель исключает творчество и волю, ибо в ней человек полагается перебирающим для оптимизации лишь уже известные стратегии, цена которых хорошо просчитана. Реальным прототипом данной модели были биржевые брокеры и купцы, профессионализм которых обеспечивался знанием ими котировок цен товаров на различных рынках, чего было вполне достаточно для успешного ведения бизнеса с целью максимизации прибыли. Следуя бирже, наши люди выбрали в качестве целевого функционала самый примитивный из всех возможных — количество доступных им денег. Вот как описал победное шествие ***религии денег*** по России С. А. Белковский:

«С начала 1990-х годов классический русский человек свято и безоговорочно верует, знает и исповедует, что все благо — от денег, в них — все начала и концы, а вне и помимо денег нет ничего, кроме страданий и зла.

Деньги для современного русского сознания — это не средство комфорта и инструмент бытовой свободы. Нет — это орудие свободы трансцендентной, рычаг, позволяющий преодолеть земное притяжение.

В этом смысле отношение к «презренному металлу» в России отнюдь не обывательское. Небуржуазный и даже антибуржуазный по духу своему русский народ научился любить и уважать деньги, фактически лишив их классического буржуазного измерения. Если при коммунистах в СССР мало что можно было купить за деньги, то в сегодняшней России можно купить все, то есть совсем, абсолютно, включая оправдательный приговор Страшного суда. Вопрос

лишь — в сумме и правильном канале ее передачи «кому следует». <...>

Притом, в отличие от американского миллиардера-протестанта, русский богач никогда не отдаст большую часть своего состояния на благотворительность.

Почему? Потому что Деньги для жреца русского культа Мамоны — священная субстанция, которую нельзя доверять профанам. Ее можно аккумулировать только в жреческих умелых руках, причастных некоей тайне религии денег. А человек, оставшийся без Больших Денег, — ничто, пыль, неодушевленный объект.

Деньги (настоящие, Большие, достаточные для трансформации реальности) ***даются человеку один раз****, и здесь нет и не может быть никаких строгих правил, никакой упорядоченности, тем более справедливости (воздаяния по заслугам) — святая финансовая субстанция дышит где хочет, и сама, по своей собственной воле, находит того, кого следует осчастливить. И потому главное — беречь субстанцию и преумножать ее всеми силами и любой ценой. Ведь тому, кто безрассудно растратил чудотворный финансовый эликсир, шанса вернуться в число избранных уже никогда не дадут»*[491].

В отсутствие активного целеполагания вне сферы денег мироощущение людей немедленно скукоживается до того, что можно определить словом «парашецентризм»[492]. Действительно, лишь наличие позитивных жизненных целей, личное участие в каком-то жизненном проекте дает индивиду ощущение своего социального «направления вперед», того, куда ему следует стремиться двигаться в социальном плане. Без таких личных целей у человека остается только ощущение «сзади»: «сзади» — это там, где остались те, кто не преуспел в этой жизни, там, где сгрудились лузеры и лохи, там, где находится жизненная «параша»[493]. Соответственно главным жизненным мотивом для такого человека становится удалиться от этой «параши» как можно дальше. Так «параша» превращается в центр координат его мира и возникает естественный синтез с упомянутой религией «золотого тельца»: чем больше у человека денег, тем дальше он в своем мнении от этого начала социальных координат.

Становится также понятным, почему сами деньги не могут задать для человека социальное направление «вперед»: деньги слишком универсальны для этого. Слишком много жизненных путей может привести к богатству. Поэтому и остается четко определенным для этих людей лишь положение исходной точки, того места, где существуют люди без денег.

Так и получается, что уйти от «параши» как можно дальше — стержень всей жизненной мотивации служителей «золотого тельца». При этом направление к «параше» задается широко распространившимся в 90-х годах словом «лох». Ядром всех личностных конфликтов в этой среде, как это можно увидеть из анализа соответствующих дискурсивных практик, обычно является выяснение факта, кто из спорящих ближе к «параше», кто их них больший лох.

Интересно, что понятие «лох» не имеет антонима. Так еще раз семантически подчеркивается, что в этом мире нет положительного направления. Жизненный успех определяется только отрицательным направлением. Главное — оказаться как можно дальше от «параши», причем даже в географическом плане. Наиболее ценимым жизненным результатом является особняк в Лондоне и/или вилла в Марбелье. Однако символично и то, что сверкающие вершины Куршавеля или лазурные берега Антиба могут вдруг оказаться «парашей» города Лиона[494]. Мир «параши» цепко держит своих избранников и не отпускает их далеко.

Такая «цепкость» данного мира — еще один интересный факт. Похоже, что для человека, который волею судьбы прислонился к «золотому тельцу», уже нет пути обратно. Этакий странный аттрактор, втягивающий жизненные траектории оказавшихся поблизости людей.

Исторически такой «парашецентризм» вполне понятен. Крах государственности в начале 90-х позволил повылазившим из всех щелей уголовникам внедрить свою субкультуру в качестве базовой для культуры нашей элиты. И что удивительно, со временем не произошло очистки — уголовный сленг все еще является значимым в структуре языка этих людей. Я уж не говорю

о доминирующих образах и символах захватившей практически все площадки культуры. Обо всех этих «улицах разбитых фонарей», «братьях» и прочих «жмурках»[495].

Казалось бы, какое нам дело. Живут эти люди в мире «параши», да и ладно. Однако здесь есть один нюанс, и данный нюанс заключается в том, что это не маргинальные слои и не население уголовного мира. Это наша нынешняя российская элита, которая, избрав мир «параши», при этом сбросила с себя бремя ответственности за общество. Традиционная российская элитная измена случилась в очередной раз, изобретя для этого своего действа такую новую интересную форму.

Еще один момент социальности данного психотипа проявляется в обыденном наблюдении: «считающий себя высокостатусным скорее съест дерьмо, чем даст подняться низкостатусному»[496]. И данное наблюдение прекрасно ложится в рассматриваемую психологическую модель. Действительно, отсутствие положительных жизненных целей приводит к значимости для такого деятеля всего того, что творится у него за спиной. Для субъективного осознания человеком своего положения по отношению к «параше» становится важным общее количество народа в пространстве между ним и этим местом — началом его мира, а также относительное распределение людей в этом пространстве. Поэтому каждый в этом зазоре, кто улучшает свое личное относительное положение по отношению к «параше», смещает распределение игроков, ухудшая относительное положение рассматриваемого деятеля, со всеми проистекающими отсюда субъективными последствиями. Именно это и заставляет «парашецентриста» старательно гнобить тех, кто «сзади», по мере сил не выпуская их далеко от исходного отхожего места.

При наличии же у человека положительной цели ему становится все равно, что там у него творится далеко за спиной. Сзади для него может оказаться интересным лишь ближнее к нему поле, главным образом те игроки, которые могут его обойти. Основное же внимание человека концентрируется на пространстве перед собой и на том, как далеко он продвинулся вперед

к своей цели. Таким образом, без создания у элиты общества положительного целеполагания механизм социальных изменений через организацию игр с положительной суммой перестает работать, поскольку элита воспринимает любые игры лишь как игры с нулевым (или даже отрицательным) результатом.

Еще один важный момент связан с «заземленностью» такого рода деятелей. Вся их мотивация укладывается в нижние этажи диаграммы Маслоу. При этом даже намек на что-либо идеальное может быть воспринят именно как оскорбление, ведь идеализм — это удел лохов. Такая концентрация на «земном» и исключение всего идеального может быть утрированно связана с замыканием человека на своем пищевом тракте, на сакрализации им своего орально-анального материального потока, что хорошо передается термином «оранус»[497], который я иногда и буду использовать в этой книге.

Приложение 4.2. Российское предпринимательство и развитие страны[498]

Стабилизация общественно-политической жизни страны и укрепление ее экономики все более актуализируют вопрос целей общественного развития. После длительного невнятного молчания Власть наконец-то выдвинула несколько концептуальных лозунгов, что обрадовало всех лояльно настроенных граждан. Среди этих слоганов можно, например, отметить такие, как «сбережение народа», «обеспечение конкурентоспособности страны», «снятие России с нефтяной иглы», которые в принципе задают желаемое Властью направление развития экономики и человеческого потенциала России.

В этом плане становится интересным посмотреть, насколько имеющиеся общественные институты могут обеспечить требуемое изменение социума (напомню, что в соответствующем направлении экономической теории институтами называют всю совокупность правил, определяющих взаимоотношения экономических субъектов в социальном поле страны, как легальных —

законы, стандарты, нормативы; так и неформальных — обычаи, «понятия», нравы; и это в отличие от другого термина — «организации», который отражает иерархические структуры людей).

Фигура предпринимателя в теории капитализма

Общая теория капитализма связывает основной источник развития экономики с фигурой предпринимателя. Данный подход восходит к основополагающим работам Вебера («Протестантская этика и дух капитализма», 1905)[499] и Шумпетера («Теория экономического развития», 1911)[500].

Известный результат экономической теории о том, что в условиях идеальной конкуренции экономическое равновесие характеризуется отсутствием прибыли, привлек внимание Шумпетера к факту, что в реальности экономические системы обычно неравновесны и постоянно меняются во времени. Исследуя причины роста экономики, Шумпетер обнаружил, что основной механизм экономического развития связан с наличием в обществе людей, которые постоянно ищут и внедряют нововведения. Каждый акт внедрения сопровождается отклонением экономической системы от равновесия, причем образующаяся при этом прибыль по праву достается новатору. Каждое нововведение — это либо (1) создание нового продукта, либо (2) использование новой технологии производства, либо (3) использование новой организации производства, либо (4) открытие новых рынков сбыта/закупки, либо какая-то группа из этих элементов.

По Шумпетеру лишь те люди достойны называться предпринимателями, которые находятся в постоянном поиске новых возможностей для бизнеса. При этом роль предпринимателя отличается по своему вкладу в деятельность фирмы как от роли капиталиста-собственника, так и от роли управленца высшего звена (хотя данные три роли могут исполняться разными людьми в разных пропорциях, а классический капиталист-предприниматель играет все три роли разом). Различия в сути данных ролей сопровождаются разными формами компенсации их участия в деятельности фирмы. Для капиталиста основным вознаграждением является возврат

от капитала (дивиденд плюс рост капитализации), для управленца — зарплата, а для предпринимателя — прибыль. Административная рента (при ее наличии) обычно делится каким-то образом между этими ролями, обеспечивая мотивацию вовлеченных в принятие решений лиц к ее извлечению.

Изучив предпринимательский класс своего времени, Шумпетер выделил основные характеристики этих людей, ключевой из которых является стремление привнести в свой бизнес что-то новое, особое, нетрадиционное. Данная жажда особого пути обычно дополняется такими чертами, как (1) независимость и уверенность в себе, опора на собственные силы, (2) отсутствие боязни риска, (3) доверие своему чутью, своей интуиции, (4) потребность в самореализации, в достижении успеха, (5) достаточно взвешенное отношение к деньгам[501].

Взгляды Шумпетера на предпринимательство вошли в «золотой фонд» экономической науки. Именно идеи Шумпетера легли в основу широкого признания предпринимательской способности четвертым фактором производства (в дополнение к капиталу, труду и земле, введенных в науку Сэем (1803)). Здесь можно отметить, что Маркс при разработке своей теории оперировал лишь тремя факторами Сэя. Вследствие этого советская экономическая наука не признавала важности предпринимательской способности для функционирования экономики. Правда этот фактор играл существенную роль в партийной и государственной практике СССР через использование таких институтов, как «номенклатура», «партхозактив» и «кадровый резерв». Да и сам Маркс во многих своих трудах отмечал важную преобразующую и новаторскую роль капиталиста для обществ того времени, однако он так и не ввел связанный с этим фактор позитивным образом в свою социально-экономическую теорию.

Предприниматели России: штрихи к портрету героев

Существует множество исследований предпринимательского слоя России, результаты которых хорошо согласуются между собой. Процитируем некоторые из них:

«Какими же мотивами руководствуется предприниматель в своей деятельности, зачем он ею занимается и что от нее ожидает получить? При ответе на этот вопрос необходимо учитывать две точки зрения: мнение предпринимателей о самих себе и взгляд со стороны, т.е. непредпринимателей.

Сами предприниматели основными целями бизнеса считают реализацию своих творческих способностей, экономическую свободу и укрепление национальной экономики. Никто из респондентов не считает своей целью власть над людьми, и лишь 7% отмечают обогащение в качестве цели. Эти данные говорят о том, что деньги отнюдь не самоцель для предпринимателей, хотя и выступают важным мотивом их деловой активности. Более всего эти люди стремятся обрести материальную и моральную независимость от государства. Одной из составляющих независимости является для них достойный уровень жизни.

Однако большинство опрошенных "не предпринимателей" (56%) считают, что основной целью предпринимательства является обогащение, в то время как реализацию творческих способностей отмечают лишь 7%. Только 6% думают, что целью предпринимателей является укрепление национальной экономики и 3% — рост материального благополучия народа. Таким образом, опрошенные считают предпринимателей людьми, которых волнует прежде всего собственное материальное благополучие, все же остальные цели у них остаются на втором плане.

...В целом образ бизнесмена в сознании людей — это образ эгоистичного человека, стремящегося исключительно к собственной выгоде и накоплению богатств, «делающего деньги» ради денег»[502].

«...доминирующей чертой их (предпринимателей. — *П.К.*) *облика для россиян продолжает оставаться энергичность, инициативность и находчивость. При этом следующими по значимости чертами их портрета в массовом сознании являются безразличие к государственным интересам, безжалостное, потребительское отношение к людям»*[503].

Мы можем видеть, что хотя представление предпринимателей о самих себе соответствует модели Шумпетера, их имидж

в глазах окружающих несколько отличается от данной модели. Этот факт, возможно, связан с тем, что шумпетеровская модель предпринимателя очень симпатична сама по себе и к тому же в нее встроена важная миссия — развитие экономики и общества. Вследствие этого люди, относящие себя к предпринимательскому слою, имеют возможность повысить свой психологический комфорт и свой социальный статус ссылкой на данную модель, что стимулирует их самоидентификацию с ней.

В то же время окружающие, которые в целом признают важность предпринимательства (это тоже является результатом многих исследований и в принципе ослабляет степень возможной предвзятости оценок), получают информацию о данном слое из своего непосредственного опыта взаимодействия с его представителями. Напомню, что, по мнению людей, предприниматели — это в массе своей энергичные инициативные находчивые люди, эгоистично преследующие лишь свои личные цели, главной из которых является обогащение.

Обращаю внимание, что ключевая характеристика шумпетеровской модели — творческий подход к делу, выражающийся в стремлении к нововведениям, — к сожалению, пока не прослеживается массово в нашем предпринимательском слое. Максимум, что происходит в их деятельности нового, — это заимствование готовых бизнес-концепций с Запада, что в принципе тоже не плохо, поскольку многие из них не занимаются даже этим, а просто продолжают воспроизводить советские коммерческие и управленческие практики, эксплуатируя административный ресурс. При этом бросается в глаза соответствие изучаемого слоя другой предпринимательской модели, являющейся частью неоклассической экономической теории, которая определяет экономических субъектов как крайних индивидуалистов, максимизирующих свою функцию полезности, и в частности свою прибыль. То есть результатом капиталистического развития России последних 15 лет является явное доминирование человеческого психотипа, определяемого мемами «человека экономического» неоклассической экономической теории (см. подраздел

«Отношение массы к труду» раздела «Человеческий капитал России» данной главы, а также приложение 3.2: «Модель экономического человека и общество»).

Интересно отметить, что все исследования концентрируются на предпринимателях-собственниках, которые обычно сами управляют своим делом. Численность данной группы, то есть тех, кто определяет себя предпринимателем и в то же время не работает по найму, составляет 2,7% населения России (в Москве — 3%)[504]. Такая малочисленность данного слоя в целом отражает мировые тенденции, связанные с концентрацией капитала, хотя, конечно, мала по сравнению с западными странами. Рассмотрим эту ситуацию подробнее.

Еще чуть-чуть экономической теории

В принципе «золотой век» предпринимательства имел место где-то до конца 2-й трети XIX века. До этого времени бизнес был еще достаточно простым, чтобы один человек без труда мог бы «держать» его в голове и выполнять одновременно все три главные роли, обозначенные выше, то есть быть одновременно владельцем, управляющим и предпринимателем. В то же время начиная с половины XIX века логика развития бизнеса во многих отраслях потребовала значительного укрупнения предприятий с соответствующим возрастанием сложности бизнеса. Наступило время, когда один человек уже не мог выполнять все три функции. Сам Шумпетер со скорбью отмечал эту тенденцию вытеснения из бизнеса единой фигуры предпринимателя-владельца и связывал с этим «умирание» капитализма и переход к использованию социалистических практик.

Однако жизнь оказалась интереснее. Конечно, некоторая адаптация социалистических практик имела место. Например, повсюду на Западе законодательно была установлена минимальная зарплата, была ограничена трудовая неделя, были введены меры социальной поддержки безработных и т.д. Наряду с этим западным странам в целом удалось сохранить необходимый уровень предпринимательской способности в обще-

стве, в чем предсказание Шумпетера не сбылось. При этом в экономике укрепилась роль управленца (то, что иногда называют революцией менеджеров). Собственники были вытеснены с предприятий и трансформировались в инвесторов. Функция производителей инноваций была перенесена на наемных работников-профессионалов с формированием соответствующих профессиональных групп. А управленцы верхнего звена четко связали себя с функцией поиска и внедрения инноваций, исполняя по сути роль предпринимателей. Данный переход в целом завершился к середине XX века, когда общественный продукт стал производиться в основном крупными корпорациями. Теоретически данный переход был оформлен Гэлбрейтом в книге «Новое индустриальное общество» (1967) путем введения термина «техноструктура».

Техноструктура — это совокупность управленцев верхнего и среднего звена вместе с соответствующими профессионалами, которые определяют деятельность и успешность предприятия. По сути техноструктура является коллективным предпринимателем. Правда изначально она не была связана с ролью собственника, однако в последнее время распространенной практикой является вовлечение основных представителей техноструктуры в акционерный капитал управляемых корпораций.

Как уже отмечалось, необходимость возникновения техноструктуры была определена возрастанием сложности — как сложности выпускаемой продукции, так и сложности структуры соответствующих бизнесов. Другими словами, основная функция техноструктуры связана с управлением сложностью. Управление сложностью в свою очередь требует дисциплины больших групп людей и хорошо налаженной координации, поэтому люди, составляющие техноструктуру, — это «системные» люди по своему психотипу. И этим они отличаются от определенного выше психотипа шумпетеровского предпринимателя, а также и от психотипа, диктуемого неоклассической моделью «человека экономического» — ЭЧ.

Для полноты картины следует отметить, что существуют виды техноструктуры, которые работают с не очень сложными объектами. Это, например, армия. Другие виды техноструктуры склонны чрезмерно упрощать управляемый объект, как это часто делает государственная бюрократия. Однако в общем случае техноструктура все-таки работает с разными видами сложности, успешно с ними управляясь, что дает свои плоды всему обществу.

В принципе в экономике еще остается место и для классических предпринимателей. Это малый бизнес, а также средний бизнес с невысокой сложностью. Неоклассический оптимизатор, например, может хорошо функционировать в коммерции и финансах. Эти отрасли являются модельными для ситуации совершенной конкуренции с малыми транзакционными издержками — основы неоклассического подхода, поскольку условия бизнеса в данных отраслях определяются лишь знанием котировок. Имея информацию по котировкам на разных рынках, нетрудно наметить стратегию, максимизирующую прибыль. Однако поведение управленцев из техноструктуры уже сильно отклоняется от предписанного неоклассикой, что доказывается большим количеством исследований в рамках психологической, бихевиористской и других экономических школ.

С точки зрения управления сложностью возникает измерение, в котором можно отранжировать имеющиеся психотипы бизнесменов. На одном полюсе концентрируется техноструктура, на другом — бизнесмены-индивидуалисты неоклассического типа, взращенные на модели ЭЧ. Назовем последних для простоты «лавочниками». Наличие же у людей предпринимательской способности является дополнительной характеристикой, которая и определяет качество бизнеса в плане развития страны, ее экономики и общества.

Как мы дошли до жизни такой...

Возвращаясь к России, мы можем заключить, что качество российского бизнеса с точки зрения необходимости развития

страны не очень высоко. В российском обществе наблюдается явный дефицит предпринимательской способности. Я говорю здесь именно о массовом бизнес-сегменте, прекрасно зная, что в стране существуют отдельные предприниматели, реализующие шумпетеровскую модель. Однако скорость развития страны с бизнесом в качестве локомотива определяется характеристиками среднего бизнесмена. И очевидно, что, имея в этом качестве психотип, избегающий нововведений в бизнесе и склонный к использованию административного ресурса для защиты своего дела от конкурентов, мы вряд ли дождемся серьезных инвестиций частного бизнеса в российскую модернизацию. Данный вывод хорошо согласуется с представлениями современной экономической теории. Если сравнить распределение ВВП России по источникам доходов в 2005 году (домохозяйствам — 43%, предприятиям — 37%, бюджету — 20%) с таковым же в США (домохозяйствам — 75%, предприятиям — 17%, бюджету — 8%), то видно, что российский бизнес «зарабатывает» существенно большую долю ВВП, чем американский (37% vs 17%). В соответствии с экономической теорией это значит, что соответствующий ресурс — предпринимательская способность — в России находится в дефиците, поэтому общество вынуждено за него переплачивать.

Рассматривая генезис современного состояния дел с предпринимательской способностью в России и качеством отечественного бизнеса, возникает интересная концепция нашей последней революции как восстания «лавочников» против техноструктуры. Действительно, в СССР техноструктура была представлена руководителями промышленности, сотрудниками отраслевой и академической науки, работниками госуправления — элитой тогдашнего общества. «Лавочников» представляли различные маргинальные деятели — цеховики, спекулянты, фарцовщики, и все они были под постоянным репрессивным давлением государства.

Теоретическое развитие концепции техноструктуры в рамках институционального направления экономической теории

привело к возникновению идей конвергенции (60—70-е годы), которые были основаны на сродстве задач и вызовов для индустриальных систем вне зависимости от их идеологии. Идеи конвергенции постепенно овладели умами руководства СССР и вдохновили его на «перестройку». Фактически это был пакт техноструктур по интеграции советской техноструктуры в мировую. Однако запущенные в СССР социально-экономические процессы привели к активизации «лавочников» и массовой мобилизации в «лавочники» активной молодежи (сначала через простой кооперативный бизнес типа «купи-продай», потом через биржи, банки, фондовый рынок).

Накопление массы «лавочников» привело к их восстанию, в котором «лавочники» были поддержаны частью государственной бюрократии. «Лавочники» обрушились на техноструктуру (разгром «красных директоров»), победили и создали эту страну под себя (1990—1998). Основные виды деятельности, приносящей успех, — это различного рода спекуляции (торговля, финансы, фондовый рынок) и воровство (скачивание денежных потоков, разворовывание стабилизационных кредитов МВФ через ГКО, обогащение на внешнем долге страны). Накопленные запасы в перерабатывающей промышленности и науке были быстро исчерпаны, и потихоньку самые-самые «лавочники» сконцентрировались на полезных ископаемых и первом переделе. Расцвело рейдерство — бизнес по ограблению все еще шевелящихся (или вновь возникающих) системных предпринимателей — элементов техноструктуры.

Победа российских «лавочников» во многом была обусловлена сложившимся союзом с частью техноструктуры — силовым компонентом государственной бюрократии, которому тоже свойственно неуважение сложности мира и общества. В данном союзе «лавочники» обеспечивали идейное содержание движения, а служилая бюрократия — ударную мощь. В силу пренебрежения сложностью все преобразования той эпохи по сути были упрощениями и архаизацией. Процессы разложения охватили все стороны общественной жизни, включая и государство. Соответственно произошло истончение социальной ткани, население атомизировалось, все общественные структуры деградировали. Однако большие дела могут делаться лишь большими коллективами. И такие дела в большой стране по определению есть. Потыркавшись, «лавочники» пришли к консенсусу по необходимости завоза техноструктуры из-за рубежа, что было равносильно решению о сдаче страны иностранцам.

И здесь возник конфликт между «победителями». Государственная бюрократия испугалась перспективы своей ликвидации более эффективной техноструктурой Запада. Данный испуг привел к обострению «суверенности», и процесс пошел вспять. Наиболее «активные» «лавочники» были ликвидированы. Остальным было предложено стать техноструктурой.

Однако этот процесс трансформации «лавочников» в техноструктуру массово не пошел в силу значительного различия требований по психотипу. Функционирование в большой системе и работа со сложностью «лавочникам» не свойственны в принципе. Тогда был опробован другой путь по воссозданию адекватной техноструктуры — создание госкорпораций. Но об этом в следующем разделе.

Завершая тему «восстания “лавочников”», следует отметить, что качество советской техноструктуры было очень низким, иначе «лавочникам» не удалось бы победить. Как это не удалось, например, сделать «лавочникам» США, где начиная с начала 80-х годов прошлого века они инициировали политическую волну в свою пользу (рейганомика). В результате проведенных экономических преобразований верхней группе «лавочников» удалось существенно обогатиться, перераспределив общественный пирог в свою пользу, однако в целом социально-экономические институты Америки, отстроенные в предыдущий период, устояли.

Современные тенденции развития России

В России после нового обретения своей субъектности Власть попала в ситуацию стратегического вакуума, поскольку крах общественной поддержки псевдолиберального курса совпал

по времени с «равноудалением» «лавочников». Решая задачи по реанимации общественной и экономической жизни, отвечая на внешние вызовы, Власть предпочла оставаться в рамках либерально-экономического подхода, правда не афишируя это громко. За ее действиями угадывалось ожидание, что макроэкономическая и общественная стабилизация вместе с разумным протекционизмом вызовет подъем инвестиций отечественного бизнеса и оживление экономики страны. Что в принципе и произошло, однако не в том объеме, который ожидался.

Российские бизнесмены предпочитали не платить налоги, держать низкими зарплаты людей, ограничивать конкуренцию своему бизнесу через коррупцию и через взаимодействие с административным ресурсом, что равносильно развитию инкапа вместо желанного упрочнения позиций капитала — см. определения категорий в подразделе «Капитал и его иное (инкап)» приложения 2.3: «Основания экономической теории в социальном контексте». Уровень отсечения проектов для инвестирования по норме прибыли был не ниже 100%. Оставшиеся значительные суммы денег выводились за рубеж, где просаживались в кабаках. Многие их тех, кто получил крупные куски советской индустрии, готовили свои предприятия к продаже иностранцам.

Разбираясь с наследством 90-х, Власть во многом действовала интуитивно в соответствии со сложившейся ситуацией. Прежде всего была перераспределена природная рента, связанная с добычей нефти, и было объяснено, что налоги платить надо. В бюджете зашевелились деньги, пошел подъем зарплат бюджетников, а с ними и других работников по найму, вследствие чего стал расти внутренний рынок. И вот следующим шагом, решая проблему развития стратегических отраслей, Власть нащупала адекватный подход — концентрацию капитала путем создания крупных корпораций. В свете рассмотренного выше понятно, что по сути это процесс воссоздания адекватной техноструктуры. И вот тут-то «лавочники» «заголосили».

Попробуем разобраться в причинах их недовольства. Во-первых, Власть образует корпорации путем слияния принадлежащих ей активов. Как это касается частный бизнес? Только через денежные потоки — деньги уходят «наверх», и многие «эффективные» менеджеры и прочие другие «мастера отката» остаются не у дел. Конечно, «наверху» наверняка есть своя коррупция, но положительный эффект от концентрации бросается в глаза.

Во-вторых, корпорации поднимают зарплаты своим работникам, соответственно влияя на весь рынок труда. Одна из возможных гипотез, почему они так делают, заключается в предположении неформального давления Власти на «крупняк» с целью повышения уровня жизни людей в стране. При этом частный бизнес давится от жадности и заявляет (sic!) о своей неконкурентоспособности по сравнению с крупными корпорациями[505].

Если рассмотреть аргументацию противников крупных корпораций, то можно выделить пять основных направлений критики:

1. Госкорпорация — это новая правовая форма, еще не апробированная практикой (данный аргумент касается лишь ставших недавно популярными некоммерческих образований с таким названием и не затрагивает корпорации, образованные в виде ОАО).

2. Государство в качестве владельца понизит эффективность управления.

3. Возрастет уровень коррупции.

4. Крупные корпорации оказывают повышающее влияние на рынок труда.

5. Государство будет заниматься протекционизмом, давать крупным корпорациям различного рода льготы. В корпорации уйдет весь госзаказ.

Пункты 2 и 3 были рассмотрены выше. Пока очевидно, что объединение нескольких предприятий в корпорацию снижает уровень коррупции, хотя бы за счет концентрации закупок и денежных потоков, и делает проще задачу подбора адекватного управленца, ибо одного хорошего работника найти легче, чем десяток. Пункт 4 тоже освещался ранее: при существующей

практике раздела общественного пирога если даже доля зарплат в ВВП вырастет за счет прибыли предприятий раза в полтора, то мы только приблизимся к структуре распределения ВВП в США — самой эффективной экономике мира.

Пункт 5 собрал все аргументы, проистекающие из предположения, что государство будет ограничивать конкуренцию для своих питомцев. Однако текущая практика управления нефтяной отраслью, где компании с большой долей государственного участия конкурируют с полностью частными компаниями, имея в виду влияние на рынок на 100% государственной «Транснефти», показывает, что Власть достаточно бережно обращается с экономическими субъектами, продолжая высоко ставить принцип конкурентности. Другое дело — влияние масштаба на снижение издержек и рост эффективности, который делает крупные производства более конкурентоспособными по сравнению с мелкими. Но это чисто экономический фактор, который «взламывает» административную защиту небольших частных компаний, заставляя их «бегать» более интенсивно. А победа сильнейшего в честном экономическом поединке — это один из принципов экономической конкуренции, за который мы все так ратуем.

Таким образом, разбор аргументации противников создания крупных корпораций в России дает неожиданный разворот темы. Оказывается, что интуитивная находка Власти в виде слияния своих активов в крупные компании отнюдь не уменьшает конкуренцию, как это ожидается в свете популярных экономических теорий, а, напротив, увеличивает ее. Таким путем «взламываются» ограды мелких загончиков, где в течение длительного времени кормились многие, и соответствующие бизнесмены ставятся перед реальностью в виде исчезновения кормивших их коррупционных схем, имея в виду в качестве альтернативы необходимость «бегать» по рынку и честно соревноваться за свой доход. Что, естественно, им не нравится.

В заключение рассмотрим еще один аспект крупных корпораций, связанный с необходимостью воссоздания в стране

адекватной техноструктуры, способной управлять современной сложностью. Если для руководства корпорацией подобрать костяк управленцев с хорошей бизнес-культурой, то можно организовать схему восстановления техноструктуры в стране следующим образом. Корпорация постоянно набирает способную молодежь, дает ей возможность приобрести необходимый опыт работы в большой системе, а затем стимулирует ее к переходу в другие фирмы, набирая новых. Такой подход используют многие компании по бизнес-консалтингу, расширяя свою клиентскую базу. В данном случае этот опыт можно перенять для воспитания адекватной техноструктуры, желательно не забыв при этом о предпринимательской способности экономических субъектов.

Приложение 4.3. Очерк истории субъектных идентичностей России

Рассмотрим, как менялись основные субъектные идентичности в течение советского и постсоветского периодов эволюции российского общества[506]. Напомню, что под субъектной идентичностью я понимаю коллективную идентичность только тех сообществ, которые оказываются способными к внутренней солидарности своих членов и которые могут сформировать общее понимание своих групповых интересов, проводя согласованную политику по их отстаиванию.

Исходную позицию интересующего процесса задают идентичности, существовавшие в империи Романовых и имевшие в основном сословный характер. Этнические идентичности тоже существовали в Империи, но государство официально распознавало лишь некоторые из них (поляков, немцев, евреев). У поляков, финнов, некоторых других к тому же были зачатки национальных идентичностей. При этом в плане субъектности абсолютно доминировала аристократия, которая в основном и составляла элиту общества. Аристократия рекрутировала бюрократию, образуя Власть, которая вместе с прочими дворянами

и буржуазией представляла собой имперский актив. Массу общества представляли крестьяне, рабочие, мещанство, казаки и прочие сословия. Коагулятом была так называемая интеллигенция, состоявшая в основном из различного рода недоучек, которые не смогли найти себя профессионально, вследствие чего они сублимировали в бесконечные дискуссии об общественном устройстве. Однако из-за неграмотной работы социальных лифтов в коагуляте также оказались и люди с организаторскими способностями, которые стали фактической контр-элитой общества, активно действуя через создаваемые ими революционные организации. При этом российская «прогрессивная общественность» выкристаллизовала свою идентичность, в которой она «оторвала» себя как от актива Империи, так и от массы, хоть она и презентовала себя в качестве «радетелей» интересов низов. Субъектную часть этой «прогрессивной общественности» представляла отмеченная выше контр-элита — «русская революция».

Революция 1917 г. и Гражданская война. Кризис Империи по итогам неудач Первой мировой войны сопровождался эскалацией противоречий внутри имперского актива, что затронуло и контр-элиту, которая увидела в этом ослаблении актива свой шанс. Часть контр-элиты взяла курс на разжигание гражданской войны, в чем она вполне преуспела. Начало данной войны привело к появлению двух дополнительных крупных метаидентичностей — красных и белых, причем носители идентичности «красная революция» атаковали на уничтожение как традиционный имперский актив, так и «белую революцию». В результате были уничтожены все идентичности традиционного актива. Носители данных идентичностей были частично ликвидированы, в другой какой-то своей части они были интегрированы в «красную революцию», в третьей атомизировались в так называемых попутчиках. «Красная революция» успешно провела расказачивание, практически ликвидировала духовенство.

Очевидно, что «попутчики» не имели своей специальной идентичности. «Попутчики» — это фактически была социальная ниша, в которой социально атомизированным и деморализованным людям позволялось доживать, обслуживая интересы «красной революции». Периодически там проводилось что-то вроде децимации: оттуда выдергивали какой-то процент бедолаг и показательно их наказывали. Интересно, что с течением времени строгость наказаний лишь возрастала. И так все это продолжалось до середины 50-х годов, когда их наконец-то оставили в покое.

НЭП (20-е). Победившая в Гражданской войне «красная революция» продолжила очистку страны от остатков традиционного актива и развернула мероприятия по созданию «своего» красного актива что сопровождалось трансформацией «красной революции» в то, что потом было обозначено словом «номенклатура». Начался процесс расслоения «победителей». Завершилась тоталитаризация общества, сопровождавшаяся жестокими репрессиями против любых форм независимой социальной ассоциации людей в массе — все солидарности, которые выходили за пределы утвержденного Властью списка, репрессировались, а их носители переводились в «попутчики» или «антисоветские элементы». В то же время новая элита страны организовала себе столь выделенное социальное положение, что можно ее далее называть словом «небожители».

В этом месте имеет смысл остановиться на некоторых чертах логики формирования идентичности «красная революция». Поскольку целью революции было провозглашено «построение нового мира», то в основу общей идентичности революционеров легла логика «прогрессорства»: Мы — «новые люди», лидерская часть пролетариата. Массы же — это объект преобразования в «новых людей». Фактически тем самым была заявлена программа антропологической революции, целью которой являлось создание новой транснациональной универсальной метаидентичности, которая была выведена с помощью идеализации пролетариата в свете теории марксизма-ленинизма. Таким образом было заложено разделение массы и актива на «чистых» и «нечистых» при отнесении селекции к функциям особо «чисто-

го» слоя номенклатуры (будем называть их далее «жрецами»). Переход из массы в актив был возможен лишь через «преодоление себя», через «трансформацию себя в нового человека». Результат успешности такой «трансформации» определялся чутьем «жрецов». При этом регулярно проходили чистки «своих» от «примазавшихся».

Особенностью «трансформации» было полное подчинение себя «делу Партии» и «бремени прогрессорства», отказу от любых других личных моментов: «Твое одиночество веку под стать // Оглянешься — а вокруг враги; // Руки протянешь — и нет друзей; // Но если он скажет: “Солги”, — солги // Но если он скажет: “Убей”, — убей» (Э. Багрицкий, 1929)[507]. В результате имеем активную отстраненность актива «нового общества» от массы, его «избранность». Отказ от индивидуальности с целью слияния со многими другими «своими» в единой коллективной идентичности компенсировался наделением человека огромной властью, густо замешанной на насилии: «А если в партию сгрудились малые // — сдайся, враг, замри и ляг! // Партия — рука миллионопалая, // сжатая в один громящий кулак // <...> Сегодня приказчик, а завтра // царства стираю в карте я // Мозг класса, дело класса, сила класса, слава класса — // вот что такое партия» (Маяковский, 1924)[508]. И такая избранность актива, а особенно его элиты («небожителей») сохранялась в течение всего срока существования советской власти[509].

Мы видим, что для носителей идентичности «красная революция» предполагалась очень высокая степень сплоченности и взаимной солидарности («сам пропадай, а товарища выручай»), а также «растворенности» в партии и послушания в партийной иерархии. При этом абсолютная верность вождям (делу Партии) была тем основным ароматом, который вынюхивали «жрецы» при «посвящении» человека в «свои».

Нетрудно видеть, что отношение к массе как к отсталому объекту перевоспитания влекло за собой отчуждение и дегуманизацию массы в сознании «прогрессорского» актива («эти» там — не люди; так, расходный материал построения «нового мира»),

что становилось неотъемлемым содержимым рассматриваемой идентичности. Плюс к этому борьба с «великоросским шовинизмом», которая сопровождалась дополнительным социальным «опусканием» людей с этническим маркером «русский» по сравнению с представителями других этносов. Другими словами, в сознании носителей идентичности «красная революция» все «другие» не дотягивали «до уровня» человека в силу своей исторической «отсталости», а русские были «опущены» еще и, более того, из-за своего «шовинизма». Так русофобия стала основой идентичности красного актива.

Основной барьер, который необходимо было преодолеть в себе человеку, желавшему приобщиться к «бремени прогрессора», можно обозначить словом «людоедство», которое обобщает все следствия резкого обесценивания человеческой жизни в сознании «прогрессоров». Плюс к этому запредельная этическая гибкость, ведь иногда переход от оценки чего-либо как хорошего, к оценке того же как плохого и обратно, делавшийся по указке вождей, проходил до неприличия быстро.

Экономика была построена на абсолютном доминировании отношения «сдачи-раздачи» над отношением «купли-продажи» (см. приложение 2.3: «Основания экономической теории в социальном контексте»), что явилось основой для порождения сетей номенклатурных патронажев. Здесь следует также отметить, что традиционные архаические формы ассоциации людей (кланы, патронажи) репрессиями особо не затрагивались, в отличие от современных форм (ассоциации, клубы). Это, по всей видимости, связано с тем, что носителями КИ «красная революция» были в основном «акселераты» — представители архаических триб, сумевшие воспользоваться имперскими социальными лифтами. Поэтому современные формы ассоциации, к которым они были непривычны, им «резали глаз», в то время как традиционные формы были естественны и понятны. К тому же дополнительно к неприязни к современным формам ассоциации могли добавиться неприятные воспоминания «заводил» «красной революции» времен их «вхождения в обще-

ство», когда они были молодыми и многообещающими кадрами Империи.

Интересен еще один момент. Для молодежи естественные формы ассоциаций системой допускались. Однако по мере взросления все люди попадали «под пресс», и только те, кто хорошо показал себя в плане преодоления естественности, могли быть рекрутированы в актив. Остальные атомизировались и «дожимались» в «попутчиках».

В заключение заметим, что вместе с традиционной элитой «красная революция» хотела было выкинуть «на свалку истории» и традиционную культуру (вспомним РАПП и прочее такое), но со временем передумала и присвоила «русскую культурку» себе, старательно истребляя или переформатируя ее подлинных носителей.

Индустриализация (30—60-е). В начале 30-х годов произошла ликвидация крестьянства и крестьянской идентичности. Большинство населения страны было жесточайшим образом переведено в «попутчики» и направлено на пополнение рядов пролетариата, где тоже протекали интересные процессы. С одной стороны, была разработана и «выставлена на витрину» идентичность «рабочий класс». С другой — активно ликвидировались любые формы независимой ассоциации рабочих. То есть реальные рабочие люди в большинстве своем числились в «попутчиках». По результатам социального развития на конец 40-х годов в стране фактически остались две идентичности, имевшие хоть какую-то свою субъектность: номенклатура и криминал, возглавлявшийся ворами «в законе». Все остальные городские жители и славянское крестьянство были переведены в атомизированную и деморализованную массу, боявшуюся всего и вся. При этом репрессировались любые независимые формы современной ассоциации людей. То же происходило и с любыми выражениями протеста, которые обычно подавлялись силовыми методами и очень жестоко. В то же время инородцам было позволено существовать в традиционных клановых структурах.

Здесь также следует отметить, что изменения затронули и идентичность номенклатуры — вместе с «романтикой революции» ушли в прошлое горизонтальные связи людей, оставив в актуальном состоянии единственную форму номенклатурной солидарности — солидарность через лояльность начальнику. Так патрон-клиентские отношения стали в номенклатуре структурообразующими. В дополнение к этому следует отметить, что количество желающих «причаститься власти» стало систематически оказываться больше, чем появлялось вакансий среди «прогрессоров». Это сопровождалось отбором «наиболее способных» и оставлением за бортом всех прочих желающих когда-нибудь туда попасть. Так сформировался социальный слой «вертухаев» — верных псов номенклатурного начальства — низовых активистов режима. В принципе это тоже была форма идентичности, которая, однако, не обладала политической субъектностью.

После смерти Сталина расслоение номенклатуры существенно ускорилось, что привело к четкому выделению в данном слое «начальства». Лузеры процесса сформировали две дополнительные номенклатурные идентичности — интеллигенцию и еврейство. По итогам научно-технической революции формируется еще один интересный социальный слой — техноструктура, представители которого в принципе обладали некими навыками организации больших дел, но при этом данное сообщество все же не было субъектным. Как результат эволюции идентичностей к концу 60-х годов имеем в советском обществе четыре субъектных слоя — (1) начальство, (2) интеллигенция, (3) еврейство, (4) криминал, и два «недосубъектных» слоя — техноструктура и «вертухаи». Последние обычно заполняли отделы кадров, 1-е отделы, профсоюзы, прочие официальные общественные организации. Начальство структурировалось множеством патрон-клиентских сообществ, которые могли выходить и за пределы номенклатуры. В начальстве можно было также выделить несколько очевидных страт, объединенных общими интересами («жрецы», военные, чекисты, ВПК, «националы»,

и т.д.), взаимодействие которых при дележе ресурсов и обеспечивало всю политику в стране. Интеллигенция и еврейство потихоньку «коагулировали», сохраняя, однако, множество социальных связей с номенклатурой.

Тщательное сохранение номенклатурой своей отделенности от этнических групп (официальный интернационализм) и резкое ограничение экзогамии (внегрупповых браков) позволяет предположить, что номенклатурные идентичности стали приобретать этнические черты, причем в случае еврейства это была просто прямая актуализация исторических традиций. Такая этнизация всех трех слоев номенклатуры помогала стабилизировать зазор между ними и народной массой, а также освятить монопольное наследуемое право на занятие данными сообществами захваченными видами деятельности[510].

При этом русофобия продолжала оставаться ядром номенклатурных идентичностей. Как и людоедство, которое, впрочем, несколько трансформировалось в сторону самооблагораживания. При этом данные ментальные комплексы советского актива дали интересные отклики в общественном сознании управляемого им народа. Рассмотрим образование одной из серий таких откликов. Известно, что в основу индустриализации была положена сверхсильная эксплуатация крестьянских областей и развития за их счет как промышленности, так и периферии страны. Вследствие этого на периферийных территориях изъятия до некоторой степени компенсировались дотациями, а вот в центральных русских областях тяжесть наложенного большевиками бремени была запредельной. Данная дискриминация камуфлировалась обильной «промывкой мозгов», основанной на концепции русских как «старшего брата» «в дружной семье народов СССР», обязанного помогать «младшим братьям» преодолеть свою отсталость. При этом из-за постоянного неэквивалентного обмена, порождаемого централизованным ценообразованием, дополненного прямыми бюджетными изъятиями, русские регионы начали существенно отставать в развитии от окраинных, что со временем стало бросаться в глаза. Данный

разрыв породил миф о том, что причиной такого положения дел являются русские лень и пьянство. Данный миф в свете пропаганды идеи «старшего брата» породил другой миф — об эксплуатации окраин русскими бездельниками. При этом миф о лени и пьянстве дополнительно воспроизводил низкую самооценку в массах русских людей, что позволяло их еще более эксплуатировать и «задвигать». А те из русских, кто все-таки прорывался «наверх», естественно, ставили в своем сознании блокировку на русскость (ибо никому не хочется иметь происхождение из пьяниц и бездельников) и начинали добавлять свой вклад в фоновую русофобию СССР. Так находит свое объяснение и то, почему среди русских людей в советское время значительно ослабла этническая идентичность и получила широкое распространение идентичность «советский человек». Ведь люди на подсознательном уровне стремились избавиться от напастей судьбы простейшим древним способом — сменив имя.

Развитой социализм (70—80-е) был характерен инерционным развитием советской системы. При этом в массу перестали по любому поводу стрелять[511] и дозволили некоторые формы социальности (гаражные и жилищные кооперативы, общества филателистов и прочее). Отказ от предельных форм насилия привел к активному развитию общественных подсистем Модерна (см. раздел «Общество и современность» главы 3). В течение этого периода техноструктура и масса активно строили «матрицу» современного общества. Начальство царило. При начальстве юродствовали интеллигенты и евреи.

Однако этнизация основных субъектных идентичностей актива страны привела к их вырождению: дети не всегда дотягивали до уровня родителей, в том числе и в своей преданности идеалам. «Боги» коммунизма перестали быть святыней, что проявилось в их постепенном «отмирании» и замещении преклонением перед успехами Запада, в том числе и в сознании общества в целом. Резко замедлили свою работу номенклатурные социальные лифты — старики не спешили уходить на покой, породив геронтократию и застой.

Перестройка (конец 80-х). Застой и «смерть богов» коммунизма завершились номенклатурным кризисом, который сопровождался номенклатурным же восстанием против «жрецов». Действующие силы восстания — другие слои номенклатуры: «националы», «комса», интеллигенция, еврейство. Восстание было активно поддержано техноструктурой. «Жрецы» с «вертухаями» оборонялись. Начатые реформы открыли двери в актив для «фарцы» и криминала. Военные и чекисты отсиживались в стороне.

В плане генерации новых идентичностей, происходивших в это время, очень интересны протекавшие на периферии страны процессы этнических мобилизаций[512], которые были успешно проведены «националами». Именно данные процессы создали основу для роспуска СССР.

Ельцинизм (90-е). Номенклатурный шабаш и роспуск СССР привели к образованию «Новой России», которая в плане действующих идентичностей являлась копией советской системы за некоторыми исключениями — большинство «националов» были отделены с соответствующими кусками периферийных территорий, а еврейство в большинстве своем съехало из страны. Советская экономика «сдачи-раздачи» адаптируется к новым условиям, создавая основу для Системы элитного обеспечения, куда поначалу включен также и актив СНГ. Материально-хозяйственная база Системы — это крупная советская собственность («труба», транспорт, металлургия, «оружие»), которая была в какой-то своей части распределена «среди своих»[513].

Начальство, не вошедшее в Систему, постепенно десубъективируется. В то же время данная страта архаизируется и примитивизируется в своих установках (см. приложение 4.1: «О доминирующем психотипе российского актива»), концентрируясь лишь на извлечении доходов из всего, что находится в зоне контроля. Наблюдается ренессанс этнических идентичностей во главе с этноначальством. Кое-где в РФ создаются этнократии.

По итогам революции в конечном итоге определились основные субъектные идентичности. Это, во-первых, разнообразное начальство: как начальство Системы, так и другие формы начальства — региональные и этнические. Во-вторых, субъектностью обладали российские западники (продукт революционной трансформации советской интеллигенции) и коммунисты (фактически ностальгирующие пенсионеры и «вертухаи», ведомые остатками разгромленных «жрецов»). Здесь можно также помянуть этнические ассоциации, включая преступные группировки, которые тоже потихоньку начинают приобретать свою солидарность и субъектность.

Народ же в основной своей массе оказался сильно атомизированным. Причем атомизация людей наблюдается даже в этнократиях, где практически вся субъектность определяется опять же лишь этноначальством. Соответственно полным ходом идет архаизация социума. Среди форм общественной ассоциации доминируют кланы и патронажи. В то же время сняты ограничения на другие формы ассоциации граждан.

При стыковке полученной картины к той, что наличествовала в поздние советские времена, в дополнение к обсужденному выше можно видеть, что криминал практически целиком был интегрирован в новое начальство, во многом определив трансформацию его культуры и установок. Советское еврейство в массе своей съехало из страны. Техноструктура была угнетена и деклассирована.

Путинизм (2000-е). Продолжается инерционное развитие «Новой России». Совершенствуется Система элитного обеспечения, где произошли первые чистки. От Системы были постепенно отлучены элиты СНГ. Система стала «натаскиваться» на эффективное совершение целерациональных действий. В Системе начали осваивать стратегическое планирование.

Был восстановлен в современном виде госбюджет. При этом не включенное в Систему начальство продолжает считать коррупционные действия естественными для своего существования, тем самым давая свой вклад в дальнейшую архаизацию страны.

Было начато унифицирующее воздействие на политическое поле, что в случае успеха может создать элитный консенсус —

то, что является объективно необходимым для последующего демократического развития. При этом, однако, актив страны все еще остается сильно фрагментированным.

Народу увеличили доходы, приоткрыв окно возможностей для активных солидарных действий. Это сразу же привело к появлению ростков низового гражданского общества.

Произошло структурирование субъектных сообществ с легитимацией начальства Системы в качестве главного игрока на политическом и хозяйственном полях страны. В качестве «подтанцовки» 1-й линии можно различить прочее региональное начальство, западников, сторонников КПРФ и ЛДПР. Во 2-й линии (среди маргиналов «с претензией») имеем главным образом различные этнонациональные группировки.

Отдельных слов заслуживает эволюция большевистских установок советского актива, в которых постепенно защита от буржуазии и мещанства «Нового мира» 20—30-х трансформировалась в защиту от русского «быдла» западного «Города на холме» 1980—2000-х. Особенно четко данное замещение произошло в сознании советских (а потом и российских) западников. При этом, продолжая проживать в России и почему-то не меняя своего места жительства, эти идейные наследники большевиков оказываются в положении лимитрофа — одной из линий обороны светлого Запада против темных орков Востока. И здесь получает объяснение эмпатия данной страты к географически лимитрофным странам — люди бьются на одном фронте против общего врага.

Правда лимитрофное положение играет с этими людьми плохую шутку: принимая его, они тем самым исключают себя из «белого мира» и занимают позицию «вертухаев» при найденных для себя «хозяевах» — элите стран «золотого миллиарда». Именно из этого положения прорастает их «карго-жизнь»[514]: ведь внешняя легитимизация своего стояния делает сознание этих людей традиционным и несовместимым с Современностью, так что современные «штучки» «белых людей» часто бывают понимаемы ими лишь в каком-либо карго-варианте, чему есть многочисленные примеры.

Соответственно существенно замкнута на себя их коммуникация.

Лимитрофное же положение определяет и социальную стратификацию этих людей. Четко просматриваются две основные страты. Во-первых, это те, кто уже «выслужился» перед «белыми людьми». И, во-вторых, те, кто еще в процессе «нагуливания» своего авторитета. Такое положение придает данному сообществу структурную устойчивость в виде гетерогенных групп / кланов/патронажев.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ. РОССИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ: ПРОБЛЕМЫ СОВМЕЩЕНИЯ

Сформулируем основные результаты проведенного исследования в части основных обнаруженных проблем российского общества начала XXI века и возможных подходов по их разрешению.

1. Социальная архаизация

Было обнаружено, что доминирующим социальным трендом российского социума все еще является архаизация — скатывание страны в какое-то новое традиционное состояние, для обозначения которого можно использовать термин «карго-модерн». Данное социальное состояние характерно тем, что доля принимаемых в обществе решений, легитимация которых обеспечивается разумом и связанными с ним процедурами, продолжает убывать. В то же время действительно традиционные практики и рутины (то, что было отобрано и апробировано веками социальной эволюции) уже не могут вновь стать источником подобной легитимации, ибо они были успешно разрушены и уничтожены за годы советской модернизации. Соответственно легитимация решений во всевозрастающей доле обеспечивается ссылками на различного рода «талмуды» — наборы некритически воспринимаемых текстов, которые соответствующие политические сообщества назначают «священными» для себя.

Здесь следует заметить, что основную массу подобных «талмудов» нашей российской элите поставляет Запад. При этом либо просто берутся западные «талмуды» и пропагандируются к использованию в нашей практике напрямую, либо такие «талмуды» служат основой для компиляции своих «доморощенных» «талмудов». При этом подобные компиляции могут быть как заимствующими, то есть изготовленный «на месте» «талмуд» создается собранием выжимок из западных «священных» книг, так и отрицающими — это когда контент создаваемого «талмуда» «отстраивается» от какого-то набора западных идей путем какой-то формы отрицания последних. При таком «отстраивании» к делу могут быть подключены и альтернативные западные тексты, и марксистские тексты советского периода, и отечественные тексты, созданные во времена романовской империи.

Именно такое «заталмуживание» социальных практик легитимации принимаемых управленческих решений и позволяет привлечь к пониманию специфики наступающего в России социального времени то, что антропологи называют «карго-культ»[515]. Отсюда и следует предложенный термин «карго-модерн», поскольку все основные игроки политического и социального полей говорят о модернизации, но никто не предлагает в этом плане ничего отличного от какого-либо карго-варианта данного дела.

2. Качество российской элиты

Как было установлено в книге, основным драйвером российской архаизации является качество российской элиты. При этом в распространенных элитных психотипах видны и черты вырождения, унаследованные от советского периода, и вновь приобретенные подобные черты, возникшие и заполнившие сознание представителей элиты по итогам революции 1989—1995 гг.

Заметим, что такие характеристики типового элитного психотипа, как «талмудизм» и «бегство от разума», были широко распространены уже в советской номенклатуре. Это прежде всего было связано с победой догматизма в той линии ортодоксального марксизма, которая была избрана верхушкой КПСС для идеологического обоснования своей власти. Монополия дозволенных интерпретаций и высокие персональные риски за отклонения от «линии партии» вытеснили возможности творческого рассмотрения большинства обществоведческих проблем

в маргинальные слои общества, ликвидировали возможность критики, чем изгнали разум из этой сферы интеллектуальной деятельности. Как результат, легитимация любого решения, любого обществоведческого исследования обеспечивалась только ссылкой на авторитеты из некоего утвержденного на «самом верху» списка, что глубоко въелось в социальные практики советских обществоведов. И замена авторитетов-марксистов на авторитеты других направлений западной мысли, которая была произведена в андеграунде различных направлений советского западничества (на «поверхности» все они оставались «преданными марксистами»), совершенно не задела социальные практики подавляющего большинства этих сообществ — критика «устоев» и собственное творчество продолжали ограничиваться строгими табу. Именно эти люди спроектировали социальный дизайн преобразований 90-х годов, для чего ими были задействованы различные идеи западной транзитологии в их карго-варианте.

Очень интересно пронесшиеся «ветры перемен» отразились на трансформации элитной идентичности. В мемы общественного успеха наряду с унаследованными от марксизма вульгаризациями «бытие определяет сознание», «капитал — это деньги», были интегрированы мем примитивно понятой теории М. Вебера «жизненный успех — это капитал», а также заимствованные из неоклассической экономической теории мемы о «невидимой руке рынка, которая все расставляет по своим местам», и о «главной задаче человека успешного — это быть эгоистом и максимизировать свою функцию полезности». Эта смесь была сдобрена привнесенной из уголовного мира струей об успехе как результате биологического доминирования и породила в головах российского актива очень специфический «парашецентристский» психотип (см. приложение 4.1: «О доминирующем психотипе российского актива»), который с тех пор во многом и задает тон в российском общественном сознании. Следствием этого является сильная деградация низовой солидарности российской массы, а также кризис всех институтов массового межчеловеческого доверия. Бутерброд, когда на сильно атомизированную массу накладывается слой «парашецентризма» с соответствующей «пропиткой» основы, является достаточно адекватным представлением текущего российского общественного сознания.

3. Политэкономия РФ

Вынос денег в центральное положение в системе элитных ценностей с их последующей сакрализацией в рамках созданной общественной мифологии породил не только «парашецентризм» в качестве доминирующего элитного мировоззрения, но и инкап в качестве сути экономической практики. Инкап — иное капитала — это такое качество экономических структур, при котором сторонние по отношению к бизнесу социальные места заинтересованных лиц являются существенной частью доходной схемы предприятий. Соответственно развитие инкапа с конца 80-х — начала 90-х годов резко ограничило возможности капитала в стране. Как результат, условием существования сколь либо значимого бизнеса в России в настоящее время является его обязательная связь с каким-то центром власти, что резко снижает уровень экономической конкуренции, и связанные с ней движущие силы экономического и социального развития. В центре российской экономики инкапа царит Система элитного обеспечения, куда были собраны все основные предприятия экспортных отраслей СССР, а также транспорт. Система обеспечивает ресурсами команду, реализующую в РФ верховную власть.

В рамках экономики инкапа раздел общественного пирога смещен в сторону бизнеса и стоящих за ними властных бенефициаров. В течение последних 20 лет домохозяйствам редко в какие годы перепадало более 50% ВВП — и это не считая результатов «скачивания» ресурсов владельцами предприятий в рамках «эффективного управления» денежными потоками. Плодами такой экономической политики является то, что массовый внутренний рынок в стране очень узок, и это не дает возможности развернуться внеолигархическому предпринимательству. По-

лучается, что вне крупных корпораций в стране жизни нет, что усиливает застойные явления и ограничивает столь желаемое официозом развитие малого и среднего бизнеса. Наблюдается отсутствие необходимого жизненного пространства для развития отечественного предпринимательства. Фактически же получается, что называемое в современной России капитализмом по своей сути является опять же всего лишь каким-то карговариантом того, чего на самом деле хотелось бы иметь.

Основным бенефициаром проведенных в стране преобразований оказываются верхние 20% населения, доля которых в ВВП постоянно росла за счет доли нижних 60%. Особенно же значительно выросли доходы самого верха социальной пирамиды, что сделало динамику коэффициента фондов просто неприличной даже в рамках официальной статистики. Из-за сложившегося распределения общественного богатства у основной массы населения не оказывается ресурсов, чтобы поддерживать хоть сколь-нибудь значимые систематические низовые солидарные действия, что совершенно не способствует ограничению дефрагментирующих общество социальных практик. Сюда же примыкает и отсутствие сильного профсоюзного движения, что также не способствует выправлению пропорций раздела общественного пирога к долям, характерным для развитых стран Запада. Это замораживает отставание российской экономики и сдерживает ее развитие, ибо концентрируемые таким образом ресурсы лишь в очень ограниченной степени направляются на развитие России, а в основной своей части они расточаются российской элитой, обеспечивая заказы для западной индустрии роскоши.

4. Демографическая проблема

Очерченная выше специфика постреволюционных преобразований, особенно в части ее угнетающего воздействия на материальные условия жизни и психические установки людей, ускорила наступление негативных тенденций демографического транзита: в России резко упала рождаемость.

В общем плане демографический транзит совпадает с переходом развитых стран к Поздней Современности. Падение рождаемости при данном транзите обусловлено главным образом значительным персональным выигрышем, который в сложившихся социальных условиях получает индивид, поддавшийся child-free давлению в плане выбора личных поведенческих стратегий, в своем профессиональном росте и качестве своего личного потребления. Имея в виду такую базу для рационального выбора определенного жизненного стиля, образованные женщины начинают успешнее бороться со своей природой, гася ее позывы к деторождению. В результате в обществе утверждается стандарт малодетной семьи, что также добавляет аргументы в пользу отказа от многодетности. В постреволюционной России все это дополнительно усугубляется обеднением основной массы населения, сопровождающейся остротой жилищной проблемы и плохим качеством работы педагогической индустрии. Помимо этого существенный вклад в отказ людей от трудностей выращивания потомства дает навязываемое им ощущение бесперспективности России.

5. Ключевые точки по расшивке узких мест общественного развития

В фундаменте текущей российской архаизации находится то, что можно было бы определить словами «бегство от разума». Обратив внимание на такое определяющее качество, как «талмудизм» обществоведческой мысли, можно увидеть, что тенденция к его нарастанию появилась в СССР еще в 60-е годы прошлого века. Это, в частности, проявилось в общей рутинизации советской жизни — люди дореволюционной выучки, которые еще были способны к социальному творчеству, массово стали уходить на пенсию, и им на смену пришли уже полностью советские люди-исполнители, которые могли лишь «крутить» существующие в обществе рутины, особо не заморачиваясь их смыслом.

К середине 80-х, когда КПСС приоткрыла «окно для дискуссий», среди дипломированных обществоведов уже не осталось индивидов, кто мог бы мыслить хоть как-то самостоятельно. В конечном итоге максимально самостоятельное действие, которое смогли совершить обществоведы и гуманитарии «отечественного разлива», — это сменить свой «талмуд», что они в массовом порядке и сделали, покинув марксизм в конце 80-х. К сожалению, ничем особым не выделялись из общей массы и те, кто прорвался в интеллектуальную обслугу правительства. Списав дизайн социальных преобразований с западных учебников транзитологии, они подложили большую свинью своим «заказчикам», которые оказались вынужденными нести ответственность за все те «через пень-колоды», которые всплыли при реализации предложенной политики.

Управленцы 90-х годов тоже не блистали способностью решать неожиданные практические задачи. У основной массы из них за плечами был тот же советский исполнительский опыт, в рамках которого творческой рациональности было взяться просто неоткуда — ведь бюрократический ритуализм может жить лишь на иррациональной основе. Привычка управленцев жить вне рациональности не способствовала смягчению недостатков социального дизайна при его внедрении, и мы поимели все то, что с нами случилось в 90-е. В конечном итоге российское общество к концу 90-х годов оказалось тем, что можно было посчитать практическим воплощением постмодерна[516].

Мемы новых «талмудов» и сброс социальных норм породили специфический социально-психический комплекс, который пустил корни в групповом сознании нашей элиты. Данный комплекс, для которого я предложил термин «парашецентризм», много обсуждался в этой книге. Без его деконструкции, то есть делегитимации соответствующих социальных практик в элитном сознании, какое-либо возвратное движение общества в сторону Современности, увы, невозможно. И именно торжество данного комплекса является основным препятствием по восстановлению в правах меритократии и связанной с ней жажды

свершений как основного властного драйвера личности. Тут же находится и основной ступор для научно-технического, экономического и управленческого творчества, то есть для столь желаемых властями массовых социально-технических инноваций.

Масса российского общества существенно недофинансирована. Это негативно сказывается не только на емкости внутреннего рынка, но и на возможностях воспроизводства и развития человеческого капитала. Возрождение низовой солидарности людей тоже, наверное, сможет произойти легче, если низы будут иметь в руках какие-то свободные ресурсы. В конечном итоге текущая атомизация российского общества, истончение его социальной ткани, на мой взгляд, уже находится где-то на грани его выживания как целостности. И я здесь даже не заикаюсь о других негативных моментах массовой социальной аномии, которую мы имеем в России.

6. Нюансы социального нормотворчества

Вопросы истончения социальной ткани общества и атомизации российской массы в значительной своей части упираются в проблему социального нормотворчества. Это именно то, на что делается запрос в следующем высказывании:

«Мы не можем посадить 3/4 страны или даже больше, с коррупцией связано почти все взрослое население страны», — заявил на круглом столе в Госдуме главный советник департамента государственно-правового управления президента Валентин Михайлов. <...> Михайлов призвал выработать такую установку, «чтобы тот, кто дает взятку, считался подлецом, а не героем»[517].

Уже известно, что подчинение людей социальным нормам в основной их массе является условным. Это означает, что большинство людей принимают на себя обязанность придерживаться нормы лишь при условии, что все другие вокруг тоже следуют данной норме. Наличие же девиантов в сообществе является раздражителем для кооперирующегося большинства и стимули-

рует его к отказу от нормы. Однако для поддержания тех норм, которые люди признают для себя целесообразными, они готовы вступать в конфликт и наказывать девиантов. Устойчивые социальные нормы характерны тем, что ради них люди готовы вступать в конфликт с девиантами, а девианты не чувствуют себя вправе их нарушать и уступают давлению.

В исследованиях особенностей протекания конфликтов вокруг сотрудничества людей среди разных стран было установлено следующее. В группах швейцарцев систематически оказывалось примерно 60% «кооператоров» и 20% «эгоистов». При этом «эгоисты» в своем поведении оказались достаточно «пугливыми», и, будучи призываемы «к порядку» через наказания от «кооператоров», они подчинялись и поддерживали командную игру (социальную норму). В российских же группах, где было столько же «кооператоров» (60%) и всего 10% «эгоистов», «эгоисты» показали себя устойчиво асоциальными — при «призыве к порядку» они начинали наказывать «кооператоров» и ломать командную игру.

7. Возможные социальные действия в плане выправления ситуации

По результатам текущего исследования проявляются следующие элементы, которые могут быть включены в среднесрочную стратегию развития России:

1. ***Возрождение общественного целеполагания.*** Это позволит вновь наполнить смыслом понятие «общественная эффективность»[518], напрямую даст эффект «измеримости» качества работы бюрократии, что позволит осмысленно отсеивать неэффективные кадры во время ротации. С этим же связан один из самых сильных факторов по ограничению/ликвидации «парашецентризма». В этом же месте находится и ключ по превращению государства из бюрократической «самоценности» обратно в машину по обслуживанию общества.

2. ***Ротация бюрократии*** (и элиты в целом), набор на освободившиеся посты лучших и эффективных, вывод в «отстойники» худших и неэффективных. Организация кадровой работы очень важна, но без формализации эффективности (см. предыдущий пункт) не имеет смысла. Здесь же находится пункт по созданию работающих социальных лифтов для талантливой молодежи, поддерживаемых реальными историями личного успеха.

3. ***Продолжение давления на капиталистов в плане роста зарплат.*** Смещение общих доходов экономики в сторону домохозяйств имеет три важных следствия. Во-первых, снижение реальной нормы прибыли подключит буржуазию к борьбе с коррупционными изъятиями из бизнесов, ибо ей нечем станет делиться с бюрократией. Во-вторых, у массы появятся ресурсы для борьбы за свои права, что создаст объективные предпосылки для ограничения общественной аномии. В-третьих, рост внутреннего рынка создаст условия для развития внеолигархического предпринимательства, что увеличит влиятельность в обществе реального капитала и усилит поддержку его борьбы с инкапом, а также создаст новые низовые центры субъектности для гражданской активности.

4. ***Самоограничение Системы элитного обеспечения.*** Ликвидация рейдерства как Системного и Околосистемного (губернаторского), так и «дикого». Освобождение российского капитала от риска криминального захвата — это лишит капиталиста смысла идти «под крышу» «сильных мира сего», преобразовывая свой капитал в инкап, и увеличит шансы на подключение его к борьбе с коррупцией.

5. ***Активизация работы по построению национального консенсуса***, ибо только создание нации позволит полностью избавиться от общественной аномии. Именно здесь лежит ключ к ликвидации отчуждения массы от государства и от элиты. Основные принципиальные пункты национального строительства: деконструкция элитной ментальной границы, делохизация массы и отделение этнических вопросов от политики.

6. ***Отработка центров репликации и распространения «враждебных» мемов*** с целью ликвидации их воспроизводства. Основные мемы, на которых следует сосредоточиться в первую оче-

редь, следующие. Во-первых, это криминальная группа мемов (биодоминирование, бабло). Во-вторых, это мемы «вульгарного веберизма» и «вульгарного марксизма» (капитал — это деньги, бытие определяет сознание), а также неоклассической экономической теории («невидимая рука рынка», «человек экономический»). Деконструкция данных мемов в массовом общественном сознании представляется обязательной, если нам действительно хочется хоть в каком-то варианте восстановить в правах меритократию, а также восстановить жажду свершений в качестве основного личностного драйвера.

7. ***Продвижение в элите и нации принципов меритократии***. Пропаганда соответствующего стиля жизни, создание соответствующей мифологии, а также историй успеха.

8. ***Поддержание эффективного социального нормотворчества***. Здесь необходимо найти методы воздействия на российских «эгоистов». Возможно, решение проблемы может быть найдено на пути устрожения санкций (по сравнению с европейскими), возможно, на пути эффективного исключения «эгоистов» из сообществ. В любом случае надо соответствующим образом адаптировать воспитательные программы в школах и детсадах, с тем, чтобы смягчить социальные проявления «эгоизма» в будущих поколениях.

Справочный материал

Использованные сокращения

БВ — «белые воротнички», управленцы.

БСЭ — Большая Советская Энциклопедия.

БУСП — Большой утопический социальный проект.

ГВ — «голубые воротнички», те, кто занимается в основном умственным трудом, но не управленцы.

ИМ — индекс Макиавелли. Показатель, характеризующий склонность человека к эгоистичности поведения и нарушению социальных норм, если это ему выгодно; оценивается специальными методиками; см., например, статью (Spitzer, Fischbacher, Herrnberger, Gron, Fehr // Neuron, 2007).

ИФЭ — История философии: Энциклопедия.

КР — метод критического рационализма.

МДК — метафизический дедуктивный комплекс. Является составляющим компонентом «слоя» знаний, примыкающего к науке и обыденному знанию, однако, в отличие от структур последних, МДК не фальсифицируем. Частный случай МДК — философские системы.

НДС — налог на добавленную стоимость.

НФС — Новейший философский словарь.

ПК — Павел Крупкин, автор.

ПКР — Педагогическая корпорация России.

РФ — Российская Федерация.

СВ — «синие воротнички», рабочие, люди, которые занимаются в основном физическим трудом.

СМИ — средства массовой информации.

СССР — Союз Советских Социалистических Республик.

США — Соединенные Штаты Америки.

СЭ — Социология: Энциклопедия.

ТНК — транснациональная корпорация.

ЭЧ — человек экономический — модель человеческого поведения, принятая в неоклассической экономической теории.

IPSOS — Французская фирма маркетинговых исследований.

Источники статистических данных и данных опросов

1. ВЦИОМ. Социологические опросы разных лет.
2. Деловая пресса № 4 (378) от 25.01.2007.
3. Демоскоп-Weekly. № 49—50.
4. КоммерсантЪ, газета. Заметки разных лет.
5. Комсомольская правда от 08.02.2007.
6. Роскомстат. Данные с сайта.
7. ФОМ. Социологические опросы разных лет.
8. Эксперт. 2005. № 19 (466). 23—30.05.2005. URL: http://www.expert.ru/printissues/expert/2005/19/ (Дата обращения: 01.07.2009).
9. INSEE: France in facts and figures. Demographic balance sheet 2007 — Births and fertility.
10. Russian-Americans Market. URL: http://russianamericansarts.com/market.pdf (Дата обращения: 30.05.2009).

Библиография

1. Авен против Прилепина. URL: http://www.zaharprilepin.ru/ru/pressa/aven-protiv-prilepina.html (Дата обращения: 16.07.2009).

2. *Автономов В.С.* Человек в зеркале экономической теории (очерк истории зап. экон. мысли). М.: Наука, 1993. С. 174. URL: http://liberty-belarus.info/content/view/1150/36/ (Дата обращения: 27.06.2009).

3. *Автономов В.С.* Модель человека в экономической теории и других социальных науках // Истоки: вопросы истории народного хозяйства и экономической мысли. Вып.3. М.: ГУ-ВШЭ, 1998. С. 24—71. URL: http://c-society.ru/data/200607/avtonomov.doc (Дата обращения: 27.06.2009).

4. *Альтшуллер Г.С., Шапиро Р.Б.* О психологии изобретательского творчества // Вопросы психологии. 1956. № 6. С. 37—49. URL: http://www.altshuller.ru/triz0.asp (Дата обращения: 25.05.2009).

5. Анализ процессов приватизации государственной собственности в Российской Федерации за период 1993—2003 годы (экспертно-аналитическое мероприятие)/Руководитель рабочей группы — Председатель Счетной палаты Российской Федерации С. В. Степашин. М.: Издательство «Олита», 2004. URL: http://rusref.nm.ru/priv00.htm (Дата обращения: 09.03.2009).

6. *Андерсон Б.* Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. М.: КАНОН-Пресс-Ц, 2001. С. 288.

7. *Антонов А.И.* Причины и последствия депопуляции в России // Почему вымирают русские: Последний шанс. М.: Эксмо, 2004. С. 35—55.

8. *Архимандрит Плакида (Дезей).* Смерть побеждена // Альфа и Омега. 2004. № 2 (24). С. 172—183. URL: http://www.pagez.ru/olb/392.php (Дата обращения: 30.05.2009).

9. *Асмолов Н.* Феноменальное интервью Олега Дерипаски. URL: http://www.lebed.com/2006/art4517.htm (Дата обращения: 16.07.2009).

10. *Аузан А.А.* Национальные ценности и конституционный строй. Лекция // Полит.ру (сетевое издание). 06.12.2007. URL: http://www.polit.ru/lectures/2007/12/06/auzan.html (Дата обращения: 07.04.2009).

11. *Афанасьев М.* Российская элита: запрос на новый курс // Либеральная миссия (сетевой ресурс), 9.09.2008. URL: http://liberal.ru/Publications_DisplayPublication.asp?Num=793 (Дата обращения: 01.07.2009).

12. *Багдасарян В.Э.* Управляема ли демография? URL: http://rusrand.ru/public/public_18.html (Дата обращения: 10.06.2009).

13. *Багрицкий Э.* ТВС (1929). URL: http://www.litera.ru/stixiya/authors/bagrickij/pyl-po-nozdryam.html (Дата обращения: 23.03.2009).

14. *Бауман З.* Текучая современность. СПб: Питер, 2008. С. 240.

15. *Белановский С.А.* Предпринимательский класс в России // Полит.ру (сетевое издание). 01.11.2005. URL: http://www.polit.ru/analytics/2005/11/01/businessmen.html (Дата обращения: 07.02.2009).

16. *Белковский С.А.* Итоги с Владимиром Путиным. Россия нашей мечты // АПН (сетевой ресурс), 20.02.2008. URL: http://www.apn.ru/publications/article19239.htm (Дата обращения: 01.07.2009).

17. *Белковский С.А.* Россия против Запада: война, религия, любовь // АПН (сетевой ресурс), 23.06.2008. URL: http://www.apn.ru/publications/article20160.htm (Дата обращения: 07.07.2009).

18. *Белковский С.А.* Апология Авена // АПН (сетевой ресурс), 30.10.2008. URL: http://www.apn.ru/publications/article20932.htm (Дата обращения: 01.07.2009).

19. *Березовский Б.А.* Как заработать большие деньги? // URL: http://boris-b.biz/finish.html (Дата обращения: 05.07.2009).

20. *Бессонова О.Э.* Образ будущего России в контексте теории раздаточной экономики. Лекция // Полит.ру (сетевой ресурс), 12.05.2008. URL: http://www.polit.ru/lectures/2008/12/05/bessonova.html (Дата обращения: 26.03.2009).

21. *Бодрийар Ж.* В тени молчаливого большинства, или Конец социального. Екатеринбург, 2000. 95 с. URL: http://www.highbook.narod.ru/philos/bodr_mass.htm (Дата обращения: 26.06.2009).

22. *Болдачев А.В.* К формализму диалектической логики // On-line кабинет А.Болдачева (сетевой ресурс). 21.12.2007. URL: http://www.boldachev.com/notebook/form-dailogic/ (Дата обращения: 22.07.2009).

23. *Болдачев А.В.* Интегральная эпистемология // On-line кабинет А.Болдачева (сетевой ресурс). 18.04.2008. URL: http://www.boldachev.com/text/intent/ (Дата обращения: 25.06.2009).

24. БСЭ: Большая Советская Энциклопедия./Изд. в 30-ти томах. М.: Советская энциклопедия. 1969—1978.

25. *Бромлей Ю.В.* К вопросу о сущности этноса // Природа. 1970. № 2. С. 51—55.

26. *Бурдье П.* Социология политики. М.: Socio-Logos, 1993. 336 с.

27. *Бурдье П.* Дух государства: генезис и структура бюрократического поля // Русский архипелаг (сетевой ресурс). URL: http://www.archipelag.ru/geoeconomics/kapital/statute/spirit/ (Дата обращения: 22.06.2009).

28. *Бызов Л.* Кем богаты — тем не рады // Время Новостей. № 154 от 24.08.2005. URL: http://www.vremya.ru/print/132661.html (Дата обращения: 01.07.2009).

29. *Валлерстайн И.* Анализ мировых систем и ситуация в современном мире. СПб: Университетская книга, 2001. 416 с. URL: http://www.archipelag.ru/geoculture/concept/transform/antagonisms/ (Дата обращения: 28.06.2009).

30. *Валлерстайн И.* Миросистемный анализ: Введение. М.: Территория будущего, 2006. 248 с.

31. *Вебер М.* Протестантская этика и дух капитализма // Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990. 808 с. С. 44—271. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Sociolog/Veb_PrEt/index.php (Дата обращения: 30.05.2009).

32. Википедия (сетевой ресурс). URL: http://ru.wikipedia.org (Дата обращения: 25.06.2009).

33. *Витгенштейн Л.* Логико-философский трактат. М.: Наука, 1958. 133 с.

34. *Власова О.* Они испугались. Интервью с Ричардом Лахманном // Эксперт, 26.02.2007, № 8 (549). URL: http://www.expert.ru/printissues/expert/2007/08/interview_lahmann/ (Дата обращения: 29.06.2009).

35. *Волков А., Привалов А.* Апология собственности // Эксперт. № 16 (463) от 25.04.2005. URL: http://www.expert.ru/printissues/expert/2005/16/16ex-1/ (Дата обращения: 06.03.2009).

36. *Воробьев А.В, Еньков А.Л., Силков П.Ю., Тихонравов Ю.В.* «Дело Йукоса» как зеркало русской адвокатуры. М.: Цитадель, 2008. 800 с. URL: http://russian-lawyers.ru/2-1.shtml (Дата обращения: 26.05.2009).

37. *Гайдар Е.Т.* Гибель империи. Уроки для современной России. М.: РОССПЭН, 2006. 440 с.

38. *Гайдар Е., Мау В.* Марксизм: между научной теорией и «светской религией» (либеральная апология) // Вопросы экономики. 2004. № 5. С. 4—27. То же. № 6. С. 28—56.

39. *Гидденс Э.* Социология. М.: УРСС, 2005. 632 с.

40. *Голубев А.В.* Социальный портрет современного предпринимателя // Интернет-портал «Меценат». (сетевое издание). URL: http://maecenas.ru/doc/2003_9_3.html (Дата обращения: 07.02.2009).

41. *Гозман Л.Я., Шестопал Е.Б.* Политическая психология. Ростов-на-Дону: Феникс, 1996. 448 с.

42. *Григорьев С.* Похищение имен, или История о том, как и зачем Русь превратили в Украину, а русский язык — в «іноземну російську мову» // Академия Тринитаризма. М., Эл № 77—6567, публ.14440, 05.06.2007. URL: http://www.trinitas.ru/rus/doc/0228/004a/02281243.htm (Дата обращения: 02.07.2009).

43. *Гриффин Р.* Палингенетическое политическое сообщество: переосмысление легитимации тоталитарных режимов в межвоенной Европе // Форум новейшей восточноевропейской истории и культуры — Русское издание. 2007. № 2. С. 1—19. URL: http://www1.ku-eichstaett.de/ZIMOS/forum/docs/2Griffin.pdf (Дата обращения: 30.06.2009).

44. *Губогло М.Н.* Языки этнической мобилизации. М.: Школа «Языки русской культуры», 1998. 811 с.

45. *Гудков Л.Д., Дубин Б.В., Левада Ю.А.* Проблема «элиты» в сегодняшней России: Размышления над результатами социологического исследования. М.: Фонд «Либеральная миссия», 2007. 372 с.

46. *Гудков Л.Д., Дубин Б.В.* Социология власти: Назначенные элиты и проблема реформ // Ведомости. № 154 (1928) от 20.08.2007. URL: http://www.vedomosti.ru/newspaper/article.shtml?2007/08/20/131259 (Дата обращения: 01.07.2009).

47. *Гудков Л., Дубин Б., Зоркая Н.* «Средний класс» as if: мнения и настроения высокодоходной молодежи в России // Вестник общественного мнения. 2008. № 3 (95). С. 27—41. См. также: Полит.ру (сетевой ресурс). URL: http://www.polit.ru/research/2008/08/26/middleclass_print.html (Дата обращения: 07.07.2009)).

48. *Гусейнов А.А.* Об Александре Зиновьеве и его социологии // Зиновьев А.А. На пути к сверхобществу. М.: Центрполиграф, 2000. 638 с.

49. *Гуц А.К.* Глобальная этносоциология. — Омск: ОмГу, 1997. 212 с.

50. *Гэлбрейт Дж.К.* Экономические теории и цели общества. М.: Прогресс, 1976. 406 с.

51. *Давыдов А.А.* Системная социология — социология XXI века? // Социологические исследования. 2006. № 6. С. 20—25.

52. *Давыдов А.А.* Конкурентные преимущества системной социологии. (электронное издание.) М.: ИС РАН, 2008. URL: http://www.isras.ru/publ.html?id=855, http://www.ecsocman.edu.ru/db/msg/324618.html (Дата обращения: 09.08.2009).

53. *Джонсон С.* Тихий переворот // Русский журнал (сетевой ресурс), 13.04.2009. URL: http://www.russ.ru/pole/Tihij-perevorot (Дата обращения: 15.07.2009).

54. *Докинз Р.* Эгоистичный ген. М.:Мир, 1993. 317 с.

55. *Дугин А.Г.* Постантропология // Политический класс. 2009. № 6 (54). URL: http://www.politklass.ru/cgi-bin/issue.pl?id=1199 (Дата обращения: 07.07.2009).

56. *Зиновьев А.А.* На пути к сверхобществу. М.: Центрполиграф, 2000. 356 с. URL: http://www.zinoviev.ru/rus/textsverch.pdf (Дата обращения: 22.06.2009).

57. *Илларионов А.Н.* Российские экономические реформы: Потерянный год // Вопросы экономики. 1995. № 1. С. 4—21.

58. *Илларионов А.Н.* Слово и дело // Континент. 2007. № 134. URL: http://magazines.russ.ru/continent/2007/134/il7.html (Дата обращения: 30.06.2009), и 2008. № 136. URL: http://magazines.russ.ru/continent/2008/136/ill10.html (Дата обращения: 30.06.2009).

59. *Ильин И.П.* Постмодернизм. Словарь терминов. М.: Интрада, 2001. 384 с.

60. *Иноземцев В.Л.* Что такое модернизация и готова ли к ней Россия // Модернизация России: условия, предпосылки, шансы. Вып.1. М.: Центр исследования постиндустриального общества, 2009. С. 5—78.

61. *Ионин Л.Г.* Социология культуры: путь в новое тысячелетие: Учеб. пособие для студентов вузов. М.: Логос, 2000. 431 с.

62. *Ипполитов Л.М.* Социально-устойчивое развитие как критерий реформирования национальных экономических систем // Ассоциация исследователей экономики общественного сектора. URL: http://www.aspe.spb.ru/Series/Ippolitov.pdf (Дата обращения: 30.06.2009).

63. ИФЭ: История философии: Энциклопедия. Мн.: Книжный Дом, 2002. 1376 с.

64. *Капустин Б.Г.* Современность как предмет политической теории. М.: РОССПЭН, 1998. 308 с. URL: http://shulenina.narod.ru/Polit/kapustin/sovremennost/contents.html (Дата обращения: 09.06.2009).

65. *Капустин Б.Г.* Посткоммунизм как постсовременность. Российский вариант // Полис, 2001. № 5. С. 6—28.

66. *Капустин Б.Г.* Что такое «гражданское общество»? // ЦПФ (сетевой ресурс), 18.02.2009. URL: http://www.politphilosophy.ru/m/275 (Дата обращения: 03.08.2009).

67. *Кара-Мурза С.Г.* История советского государства и права. М.: Былина, 1998. URL: http://www.hrono.info/libris/lib_k/pravo9.html (Дата обращения: 29.06.2009).

68. *Кара-Мурза С.Г.* Манипуляция сознанием. М.: Алгоритм. 2000. 688 с.

69. *Касьянова К.* О русском национальном характере. М.: Институт национальной модели экономики, 1994. 267 с.

70. *Кияткин А.* Мастер-класс помощника президента Аркадия Дворковича в Московской финансово-промышленной академии // Slon.ru (сетевой ресурс). 11.06.2009. URL: http://slon.ru/articles/53140/ (Дата обращения: 08.07.2009).

71. *Констан Ж.-М.* Повседневная жизнь французов во времена Религиозных войн. М.: Молодая Гвардия, 2005. 341 с.

72. Конституции РФ. URL: http://www.kremlin.ru/articles/ConstChapter1.shtml (Дата обращения: 02.06.2009).

73. *Коротаев А.В., Крадин Н.Н., Лынша В.А.* Альтернативы социальной эволюции (вводные замечания) // Альтернативные пути к цивилизации. М.: Логос, 2000. С. 24—83.

74. *Коротаев А.В., Малков А.С., Халтурина Д.А.* Математическая модель роста населения Земли, экономики, технологии и образования. М.: Препринт ИПМ РАН, 2005. URL: http://www.keldysh.ru/papers/2005/prep13/prep2005_13.html (Дата обращения: 29.06.2009).

75. *Кошен О.* Малый народ и революция. Сборник статей об истоках Французской революции. М.: Айрис-пресс, 2004. 296 с.

76. *Крупкин П.Л.* Народ, национальность, нация // АПН (сетевое издание), 15.01.2007. URL: http://www.apn.ru/publications/article11285.htm (Дата обращения: 07.04.2009).

77. *Крупкин П.Л.* Капитализация человека // На злобу (сетевой ресурс), 01.02.2007. URL: http://www.nazlobu.ru/publications/article1426.htm (Дата обращения: 29.06.2009).

78. *Крупкин П.Л.* «Параша» — как центр мира гламура // На злобу (сетевое издание). 02.03.2007. URL: http://www.nazlobu.ru/publications/article1529.htm (дата обращения: 07.02.2009).

79. *Крупкин П.Л.* Вновь о нации и о ее структуре // АПН (сетевой ресурс), 4.04.2007. URL: http://www.apn.ru/publications/article16832.htm (Дата обращения: 25.06.2009).

80. *Крупкин П.Л.* Проблемы демократии постмодерна. Об искажении идеала в поле мира знаний // Политический класс (сетевое издание), 03.07.2007. URL: http://www.politklass.ru/cgi-bin/issue.pl?id=802 (Дата обращения: 23.07.2009).

81. *Крупкин П.Л.* На западном фронте без перемен... // АПН (сетевое издание), 12.07.2007. URL: http://www.apn.ru/publications/article17244.htm (Дата обращения: 28.07.2009).

82. *Крупкин П.Л.* О современном риске возврата тоталитарных практик // Выборы.орг (сетевой ресурс), 22.07.2007. URL: http://vybory.org/articles/784.html (Дата обращения: 30.06.2009).

83. *Крупкин П.Л.* Как разделывают динозавров // АПН (сетевое издание), 19.09.2007. URL: http://www.apn.ru/publications/article17863.htm (Дата обращения: 07.04.2009).

84. *Крупкин П.Л.* «Человек экономический» — похождения одного мема // АПН (сетевой ресурс), 07.12.2007. URL: http://www.apn.ru/publications/article18641.htm (Дата обращения: 25.06.2009).

85. *Крупкин П.Л.* Станет ли Россия nation-state? // Русский проект (сетевой ресурс), 17.12.2007. URL: http://arc.rus-obr.ru/idea/2832.html (Дата обращения: 27.06.2009).

86. *Крупкин П.Л.* Станет ли Россия национальным государством? // АПН (сетевой ресурс), 30.01.2008. URL: http://www.apn.ru/publications/article19063.htm (Дата обращения: 30.06.2009).

87. *Крупкин П.Л.* Разоружиться перед народом! // АПН (сетевой ресурс), 06.02.2008. URL: http://www.apn.ru/publications/article19133.htm (Дата обращения: 28.06.2009).

88. *Крупкин П.Л.* Зачем США этнонационализм? // Русский журнал (сетевой ресурс), 19.03.2008. URL: http://www.russ.ru/pole/Zachem-SSHA-etnonacionalizm (Дата обращения: 27.06.2009).

89. *Крупкин П.Л.* Мем доминирования: К проекту архаизации России // АПН (сетевой ресурс), 25.03.2008. URL: http://www.apn.ru/publications/article19550.htm (Дата обращения: 01.07.2009).

90. *Крупкин П.Л.* Ревизия международного права // Русский журнал — Штаты (сетевой ресурс). 23.05.2008. URL: http://states2008.russ.ru/V-fokusednya/Reviziya-mezhdunarodnogo-prava (Дата обращения: 27.06.2006).

91. *Крупкин П.Л.* Читая Хакимова. Противоречия этнонационализма // АПН (сетевой ресурс), 07.06.2008. URL: http://www.apn.ru/publications/comments20054.htm (Дата обращения: 27.06.2009).

92. Крупкин П.Л. Парашецентизм как идеология российской элиты. Опыт скана современного элитного психотипа // АПН (сетевое издание). 27.06.2008. URL: http://www.apn.ru/opinions/comments20195.htm (Дата обращения: 07.02.2009).

93. *Крупкин П.Л.* Имперский дискурс в современной России // АПН (сетевой ресурс), 29.09.2008. URL: http://www.apn.ru/publications/article20749.htm (Дата обращения: 27.06.2009).

94. *Крупкин П.Л.* Пора говорить о свободе по-русски // Полярная звезда (сетевой ресурс), 13.09.2008. URL: http://www.zvezda.ru/antrop/2008/09/13/svoboda.htm (Дата обращения: 24.07.2009).

95. *Крупкин П.Л.* Человек и мир знаний: Модели взаимодействия // Концепция двух продолжений (сетевой ресурс). URL: http://nounivers.narod.ru/pub/pk_epist.htm (Дата обращения: 11.07.2009).

96. *Крупкин П.Л.* О «костылях» для этноса // АПН (сетевое издание), 31.10.2008. URL: http://www.apn.ru/opinions/article20939.htm (Дата обращения: 26.06.2009).

97. *Крупкин П.Л.* Социальный номинализм и системный подход: вопросы методологии // Материалы III Всероссийского социологического конгресса. Москва, 21—24 октября, 2008 г. Тезисы докладов и выступлений. М.: ИС РАН, 2008. URL: http://www.isras.ru/abstract_bank/1209299582.pdf (Дата обращения: 22.06.2009).

98. *Крупкин П.Л.* Российская государственность: основные тренды на конец 2008 г. // Полярная Звезда. 23.11.2008. URL: http://www.zvezda.ru/politics/2008/11/23/statehood.htm (Дата обращения: 09.03.2009).

99. *Крупкин П.Л.* В защиту труда.// АПН (сетевой ресурс), 23.12.2008. URL: http://www.apn.ru/publications/article21180.htm (Дата обращения: 01.07.2009).

100. *Крупкин П.Л.* Не препятствуйте росту зарплат! // Русский журнал (сетевой ресурс), 23.12.2008. URL: http://www.russ.ru/pole/Ne-prepyatstvujte-rostu-zarplat! (Дата обращения: 01.07.2009).

101. *Крупкин П.Л.* Россия: предпринимательство и развитие страны // Политический класс. 2008. № 12 (48). С. 61—70. URL: http://www.politklass.ru/cgi-bin/issue.pl?id=1119 (Дата обращения: 01.07.2009).

102. *Крупкин П.Л.* Национальное государство: Вопросы теории. Полярная Звезда (сетевой ресурс), 19.01.2009. URL: http://www.zvezda.ru/politics/2009/01/19/nationstate.htm (Дата обращения: 27.06.2009).

103. *Крупкин П.Л.* Исторические корни россиянской русофобии // АПН (сетевое издание). 20.01.2009. URL: http://www.apn.ru/publications/article21235.htm (Дата обращения: 15.03.2009).

104. *Крупкин П.Л.* Что же все-таки нам надо? // Русский журнал (сетевой ресурс), 11.06.2009. URL: http://russ.ru/pole/CHto-zhe-vse-taki-nam-nado (Дата обращения: 11.07.2009).

105. *Крупкин П.Л.* Читая Дугина: о плясках в ночи // АПН (сетевой ресурс), 06.07.2009. URL: http://www.apn.ru/publications/article21778.htm (Дата обращения: 07.07.2009).

106. *Крупкин П.*Л. О власти... // Полярная Звезда (сетевой ресурс), 16.06.2009. URL: http://www.zvezda.ru/antrop/2009/06/16/power.htm (Дата обращения: 26.06.2009).

107. *Крупкин П.Л.* К теории текущей российской коррупции. Часть 1. Общесоциальная рамка явления // АПН (сетевой ресурс), 19.06.2009. URL: http://www.apn.ru/publications/article21740.htm (Дата обращения: 07.07.2009).

108. *Крылов К.А.* О происхождении денег // Как я уже сказал... (сетевой ресурс), 18.10.1999. URL: http://traditio.ru/dixi/11.htm (Дата обращения: 14.07.2009).

109. *Крылов К.А.* «Талантливые» и «способные» // На злобу (сетевой ресурс), 23.07.2006. URL: http://www.nazlobu.ru/publications/article2030.htm (Дата обращения: 16.07.2009).

110. *Крылов К.А.* Опыт анализа мировоззрения: россиянский баблоцентризм // Живой журнал (сетевой ресурс), 25.01.2009. URL: http://krylov.livejournal.com/1787527.html (Дата обращения: 07.07.2009).

111. *Крыштановская О.В.* Трансформация старой номенклатуры в новую российскую элиту // Общественные науки и современность. 1995. № 1. С. 51—65 // URL: http://www.ecsocman.edu.ru/images/pubs/2004/10/29/0000181819/005_Kryshtanovskaya.pdf (Дата обращения: 06.03.2009).

112. *Крыштановская О.В.* Трансформация бизнес-элиты России: 1998—2002 // Социологические исследования. 2002. № 8. С. 17—49. URL: http://www.ecsocman.edu.ru/images/pubs/2006/01/27/0000248019/002.KRYSHTANOVSKAYA.pdf (Дата обращения: 06.03.2009).

113. *Крыштановская О.В.* Анатомия российской элиты. М. Захаров. 2005. 384 с.

114. *Кун Т.* Структура научных революций. С вводной статьей и дополнениями 1969г. М.: Прогресс, 1977. 300 с.

115. *Лакатос И.* Фальсификация и методология научно-исследовательских программ. М.: Медиум, 1995. 236 с.

116. *Ленин В.И.* Государство и революция: Учение марксизма о государстве и задачи пролетариата в революции // Полное собрание сочинений. 5-е изд. Т. 33. М.: Политиздат, 1974. С. 1—120. URL: http://grachev62.narod.ru/Lenin/l33_01.htm (Дата обращения: 02.06.2009).

117. *Лиотар Ж.-Ф.* Состояние постмодерна. URL: http://lib.ru/CULTURE/LIOTAR/liotar.txt (Дата обращения: 22.06.2009).

118. *Любарский Г.Ю.* На случай если кому подумать: университетский миф // Живой журнал, 27.05.2009. URL: http://ivanov-petrov.livejournal.com/1176176.html (Дата обращения: 22.08.2009).

119. *Лютер М.* К христианскому дворянству немецкой нации. (URL: http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/protestant/lyuter/15.php (Дата обращения: 31.05.2009).

120. *Магун В.* Смена диапазона // Отечественные записки. 2003. № 3(11). URL: http://www.strana-oz.ru/?numid=12&article=544 (Дата обращения: 01.07.2009).

121. *Малева Т., Овчарова Л.* Социальная модернизация и средний класс // Полит.ру (сетевой ресурс), 28.06.2009. URL: http://www.polit.ru/research/2009/06/28/demoscope381.html (Дата обращения: 04.07.2009).

122. *Маркс К.* К критике гегелевской философии права // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 1. С. 335—357.

123. *Маркс К.* Капитал. Т.1. URL: http://www.esperanto.mv.ru/Marksismo/Kapital1/index.html (Дата обращения: 05.04.2009).

124. *Маслоу А.* Мотивация и личность. СПб.: Евразия, 1999. 478 с.

125. *Мау В.А.* Экономика и власть. История экономической реформы в России 1985—1994. М.: АСТ-Пресс. 2005. 251 с.

126. *Маяковский В.* В.И. Ленин (1924). URL: http://tov.lenin.ru/titan/about/mayak.htm (Дата обращения: 23.03.2009).

127. *Медведев Д.А.* Послание Президента РФ Федеральному собранию России, 05.11.2008. URL: http://www.kremlin.ru/appears/2008/11/05/1349_t

ype63372type63374type63381type82634_208749.shtml (Дата обращения: 01.07.2009).

128. *Медведев Д.А.* Выступления разных лет.

129. *Мертон Р.* Социальная структура и аномия // Социология преступности (Современные буржуазные теории). М.: Прогресс, 1966. С. 299—313.

130. *Миллер А.* «Историческая политика» в Восточной Европе: плоды вовлеченного наблюдения. Лекция // Полит.ру (сетевое издание), 24.04.2008. URL: http://www.polit.ru/lectures/2008/05/07/miller.html (Дата обращения: 07.04.2009).

131. *Миллер А.* «Нация» и «народность» в России XIX века. Лекция // Полит.ру (сетевой ресурс). 29.12.2008. URL: http://www.polit.ru/lectures/2008/12/29/nation.html (Дата обращения: 31.05.2009).

132. *Миллер А.* Империя Романовых и национализм: Эссе по методологии исторического исследования. М.: Новое литературное обозрение, 2008. 248 с.

133. *Моска Г.* Правящий класс // Социологические исследования. 1994. № 10. С. 187—198.

134. *Мудрак О.А.* Язык во времени. Классификация тюркских языков. Лекция // Полит.ру (сетевой ресурс), 30.04.2009. URL: http://www.polit.ru/lectures/2009/04/30/mudrak.html (Дата обращения: 02.07.2009).

135. *Наймарк Е.* Обмен технологиями и высокая плотность населения поддерживают культурный уровень // Элементы (сетевое издание), Новости, 09.06.2009. URL: http://elementy.ru/news/431095 (Дата обращения: 14.06.2009).

136. Народное хозяйство СССР в 1990 г. М.: Финансы и статистика, 1991. 752 с.

137. *Нейдер Р.* Интервью: В США одна из наименее декократических систем во всем мире // Полярная Звезда (сетевой ресурс), 08.03.2009. URL: http://zvezda.ru/politics/2009/03/08/nader.htm (Дата обращения: 15.07.2009).

138. *Неклесса А.И.* Homines Aeris. Люди воздуха, или Кто строит мир. М.: Институт экономических стратегий, 2005. 224 с.

139. *Неклесса А.И.* Битва за будущее. Беседа первая // АПН (сетевое издание), 06.02.2007. URL: http://www.apn.ru/publications/article11425.htm (Дата обращения: 26.06.2009).

140. *Нифонтов В.* «Русский либерал» как религиозный тип // АПН (сетевое издание), 25.05.2006. URL: http://www.apn.ru/publications/article9735.htm (Дата обращения: 14.06.2009).

141. НФС: Новейший философский словарь. 3-е изд., исправл. Мн.: Книжный Дом. 2003. 1280 с.

142. *Норт Д.* Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М.: Фонд экономической книги «Начала», 1997. 538 с.

143. *Ослон А.А.* Мир теорий в эпоху «охвата» // Отечественные записки. 2003. № 4 (12). URL: http://www.strana-oz.ru/?article=578&numid=13 (Дата обращения: 25.06.2009).

144. *Ослон А.А.* Мир теорий в эпоху «охвата» // Социальная реальность, 2006, № 1, С. 94—101. URL: http://socreal.fom.ru/?link=ARTICLE&aid=12 (Дата обращения: 25.06.2009).

145. Особенности экономического сознания россиян // Сайт ИСПИ РАН. (сетевое издание). URL: http://www.ispr.ru/SOCOPROS/socopros204.html (Дата обращения: 07.02.2009).

146. От А до Я: 300 лет американского афоризма / Сост. А. Ливергант. М.: Терра-Книжный клуб,1998. 205 с.

147. *Павловский Г.О.* Посечь теоретиков за нашу демократию. Интервью // Русский журнал (сетевое издание). 8.08.2006. URL: http://russ.ru/pole/Posech-teoretikov-za-nashu-demokratiyu (Дата обращения: 30.05.2009).

148. *Павловский Г.О.* Иным либерализм уже был. Диссидентство в советско-русской политической традиции // Русский журнал. Рабочие тетради. 2008. № 2. С. 94—95. URL: http://www.russ.ru/workbooks/vypusk_2_leto_2008 (Дата обращения: 30.06.2009).

149. *Паин Э.А.* Империя в себе. О возрождении имперского синдрома // После империи /Под ред. И.М. Клямкина. М.: Фонд «Либеральная миссия», 2007. С. 102—123. // http://www.liberal.ru/imper/imper020407.pdf (Дата обращения: 14.07.2009).

150. *Паин Э.А.* Россия между империей и нацией // Pro et Contra. 2007. № 3. С. 45. URL: http://www.carnegie.ru/ru/pubs/procontra/Vol11num3-03.pdf (Дата обращения: 02.07.2009).

151. *Палмер Дж., Палмер Л.* Эволюционная психология. Секреты поведения Homo sapiens. СПб: Прайм-ЕВРОЗНАК, 2003. 384 с.

152. *Пелевин В.О.* Generation «П». М.: Вагриус, 1999. 306 с.

153. *Петров А.А.* Анализ перестройки и реформы российской экономики методами математического моделирования // Экономическая наука современной России. 1999. № 4. С. 7—44. URL: http://www.ecsocman.edu.ru/images/pubs/2004/11/29/0000184827/03-Petrov.pdf (Дата обращения: 30.06.2009).

154. *Пирлстайн С.* Вернем Аляску России — ей там самое место // Вашингтон Пост, 23.11.2005. Иносми (сетевой ресурс). URL: http://www.inosmi.ru/translation/223857.html (Дата обращения: 16.07.2009).

155. *Плигин В.Н., Фадеев В.А., Плескачевский В.С.* и др. Соблазн простых решений // Эксперт (Сетевая версия), 22.12.2008. URL: http://www.expert.ru/articles/2008/12/22/antikriz/ (Дата обращения: 13.04.2009).

156. *Понеделков А.В., Старостин А.М.* Современные российские элиты: особенности генезиса, взаимодействия и позиционирования во власти // Политическая наука. 2004. № 1. С. 119—138. URL: http://www.polit.ru/research/2004/03/24/polit_studies.html (Дата обращения: 01.07.2009).

157. *Поппер К.* Открытое общество и его враги. Т. 1: Чары Платона. М.: Культурная инициатива, 1992. 448 с.

158. *Поппер К.* Открытое общество и его враги. Т. 2: Время лжепророков: Гегель, Маркс и другие оракулы. М.: Культурная инициатива, 1992. 528 с.

159. *Поппер К.* Пропорциональная система противоречит демократии // Журнал о выборах. 2004. № 4. С. 55—57. URL: http://www.democracy.ru/curious/democracy/Popper_democracy.html (Дата обращения: 28.06.2009).

160. *Привалов А.* Приговор по нераскрытому делу // Эксперт, № 29—30 (476) от 15.08.2005. URL: http://www.expert.ru/printissues/expert/2005/29/29ex-hodar1/ (Дата обращения: 24.07.2009).

161. *Пригожин И.* От существующего к возникающему. М.: КомКнига, 2006. 296 с.

162. *Пряников П., Егоров М.* «Средний класс: микст купечества и мещан» // BFM.ru (сетевой ресурс), 22.12.2008. URL: http://www.bfm.ru/news/2008/12/22/nash-srednij-klass-mikst-kupechestva-i-meshhan.html (Дата обращения: 01.07.2009).

163. Психологический лексикон. Энциклопедический словарь в шести томах. М.: ПЕР СЭ, 2006. 128 с.

164. *Пти-Дютайи Ш.* Феодальная монархия во Франции и в Англии X—XIII веков. СПб: Евразия, 2001. 448 с.

165. Путч. Хроника тревожных дней. М.: Прогресс, 1991. 288с. URL: http://old.russ.ru/antolog/1991/ (Дата обращения: 30.06.2009).

166. *Райзберг Б.А., Лозовский Л.Ш., Стародубцева Е.Б.* Современный экономический словарь. М.: ИНФРА-М, 2007. 495 с.

167. *Ремизов М.* Введение в национализм. Часть 1 //АПН (сетевой ресурс), 30.08.2007. URL: http://www.apn.ru/publications/article17695.htm (Дата обращения: 30.06.2009).

168. *Рорти Р.* Постмодернистский буржуазный либерализм // Логос. 1999. № 9. С. 96—104. URL: http://www.ruthenia.ru/logos/number/1999_09/1999_9_08.htm (Дата обращения: 26.06.2009).

169. Росгосстрах: Средний класс в России уже сложился и растет — исследование Росгосстраха // RosInvest.com, 26.02.2008. URL: // http://www.rosinvest.com/news/381848/ (Дата обращения: 01.07.2009).

170. *Семенов Ю.И.* Введение во всемирную историю. Вып. 1. Проблема и понятийный аппарат. Возникновение человеческого общества. Учеб. пособие. М.: МФТИ, 1997. 202 с. URL: http://www.scepsis.ru/library/id_1036.html (Дата обращения: 26.06.2009).

171. *Семенов Ю.И.* Этнос, нация, диаспора // Этнографическое обозрение, 2000, № 2. С. 64—78. URL: http://scepsis.ru/library/id_160.html (Дата обращения: 07.04.2009).

172. *Семенов Ю.И.* Этнополитология: Трудный путь становления новой научной дисциплины (Размышления над книгой М.Н. Губогло «Языки этнической мобилизации». М.: Школа «Языки русской культуры». 1998. 811 с.) // Отечественная история. 2001. № 4. С. 170—178. URL: http://club.fom.ru/books/semen_ch13.pdf (Дата обращения: 25.06.2009).

173. *Семенов Ю.И.* Философия истории. (Общая теория, основные проблемы, идеи и концепции от древности до наших дней). М.: Современные тетради, 2003. 776 с.

174. *Семенов Ю.И.* Общество как целостная система // Социальная философия. Курс лекций. Учебник /Под ред. И.А.Гобозова. М.: Издатель Савин С.А., 2003. С. 61—79. URL: http://www.scepsis.ru/library/id_65.html (Дата обращения: 26.06.2009).

175. *Семенов Ю.И.* Производство и общество // Социальная философия. Курс лекций. Учебник /Под ред. И.А.Гобозова. М.: Издатель Савин С.А., 2003. С. 97—116. URL: http://www.scepsis.ru/library/id_67.html (Дата обращения: 26.03.2009).

176. *Семенов Ю.И.* Этническая культура и политическая борьба // Философия. Культура. Философия культуры / Московский социально-гуманитарный институт. Научные труды. Вып. 1. М., 2004. С. 110—133. URL: http://scepsis.ru/library/id_712.html (Дата обращения: 25.06.2009).

177. *Семенов Ю.И.* Политарный («азиатский») способ производства: Сущность и место в истории человечества и России. М.: Волшебный ключ, 2008. 402 с.

178. Словарь русского языка XVIII века. Вып. 6. Л.: Наука, 1991. 296 с.

179. *Сулакшин С.С.* Российский демографический кризис: от диагностики к преодолению. М.: Научный эксперт, 2006. 112 с.

180. *Соловей В.Д.* Исторические смыслы русского национализма // АПН (сетевой ресурс), 30.11.2006. URL: http://www.apn.ru/publications/article11044.htm (Дата обращения: 30.06.2009).

181. *Сорос Дж.* Кризис мирового капитализма. Открытое общество в опасности. М.: ИНФРА-М, 1999. 262с. URL: http://capitalizm.narod.ru/ (Дата обращения: 29.06.2009).

182. Социальная психология. Словарь / Под ред. М.Ю. Кондратьева // Психологический лексикон. Энциклопедический словарь в шести томах / Ред.-сост. Л.А. Карпенко; под общ. ред. А.В. Петровского. М.: ПЕР СЭ, 2006. 176 с.

183. СЭ: Социология: Энциклопедия / Сост. А.А. Грицанов, В.Л. Абушенко, Г.М. Евелькин, Г.Н. Соколова, О.В. Терещенко. Мн.: Книжный Дом, 2003. 1312 с.

184. *Сталин И.В.* Марксизм и национальный вопрос // Сочинения. Т. 2. М.: ОГИЗ, 1946. С. 296—297

185. *Струве П.Б.* Социальный либерализм // Избранные сочинения. М.: РОССПЭН, 1999. С. 412—423.

186. *Суворов В.* Аквариум. М.: Новое время, 1993. глава X. URL: http://lib.ru/WSUWOROW/akwarium.txt (Дата обращения: 15.03.2009).

187. Сумма идеологии: Мировоззрение и идеология современной российской элиты. М.: ИНОП, 2008. 296 с.

188. *Суни Р.Г.* Империя как она есть: Имперский период в истории России, «национальная» идентичность и теория империи // Национализм в мировой истории / Под ред. В.А. Тишкова, В.А. Шнирельмана. М.: Наука, 2007. С. 36—81.

189. *Сурков В.Ю.* Суверенное государство в условиях глобализации: демократия и национальная идентичность // Единая Россия (сетевой ресурс). 30.08.2006. URL: http://old.edinros.ru/news.html?id=115114 (Дата обращения: 30.05.2009).

190. *Сурков В.Ю.* Национализация будущего. Параграфы pro суверенную демократию // Российская нация (сетевой ресурс). 20.11.2006. URL: http://www.rosnation.ru/index.php?D=62 (Дата обращения: 30.05.2009).

191. *Сурков В.Ю.* Национализация будущего // Эксперт. 2006. № 43 (537). 20.11.2006. URL: http://www.expert.ru/printissues/expert/2006/43/nacionalizaciya_buduschego/ (дата обращения: 07.02.2009).

192. *Тарусин М.А.* Средний класс и стратификация российского общества. Лекция // Полит.ру (сетевой ресурс), 02.02.2005. URL: http://www.polit.ru/lectures/2005/02/02/mid.html (Дата обращения: 01.07.2009).

193. *Тарусин М.А.* Реальная Россия: Социальная стратификация современного российского общества. М.: Эксперт, 2006. 680 с.

194. *Тилли Ч.* Демократия. М.: ИНОП, 2007. 264 с.

195. *Тилли Ч.* Принуждение, капитал и европейские государства. 1990—1992. М.: Территория будущего, 2009. 328 с.

196. *Тишков В.А.* Забыть о нации (пост-националистическое понимание национализма) // Вопросы философии. 1998. № 9. С. 3—26.

197. *Тишков В.А.* Реквием по этносу: Исследования по социально-культурной антропологии. М.: Наука, 2003. 544 с.

198. *Тишков В.А.* Российская нация как состоявшийся проект. Доклад на заседании подкомиссии «Россия в глобальном миропорядке (геополитические, институциональные и ценностные аспекты)». 14 июня 2006. Москва. Общественная палата РФ. URL: http://www.oprf.ru/ru/chambermembers/members/user/37/publications/233 (Дата обращения: 02.06.2009).

199. *Тишков В.А.* О российском народе // Дружба народов. 2006. № 6. С. 179—197.

200. *Тишков В.А.* Что есть Россия и российский народ? // Pro et Contra. 2007. № 3. С. 24. URL: http://www.carnegie.ru/ru/pubs/procontra/Vol11num3-02.pdf (Дата обращения: 02.07.2009).

201. *Тишков В.А.* Русский язык и русскоязычное население в странах СНГ и Балтии / Доклад на Общем собрании РАН 19 декабря 2007 г. URL: http://www.valerytishkov.ru/cntnt/publikacii3/publikacii/russkij_yazyk_i_russkoyazychnoe_naselenie_v_stranah_sng_i_baltii.html (Дата обращения: 02.06.2009).

202. *Тишков В.А., Шабаев Ю.П.* Финно-угорская проблема: ответ Евросоюзу. Институт этнологии и антропологии РАН. Исследования по прикладной и неотложной этнологии № 196. М.: ИЭА РАН, 2007. 31 с.

203. Т*ретьяков В.Т.* Что и как делают интеллигенты в политике // Живой журнал, 20.12.2008. URL: http://v-tretyakov.livejournal.com/190583.html (Дата обращения: 16.07.2009).

204. *Фадеев В.А.* Средний класс = 25%. Интервью // Полит.ру (сетевой ресурс), 29.10.2007. URL: http://www.polit.ru/analytics/2007/10/29/srednijk.html (Дата обращения: 01.07.2009).

205. *Фадеев В.А.* Или великая, или несуществующая // Русский журнал (сетевой ресурс). 02.07.2009. URL: http://russ.ru/pole/Ili-velikaya-ili-nesuschestvuyuschaya (Дата обращения: 04.07.2009).

206. *Фейерабенд П.* Против метода. Очерк анархистской теории познания // Избранные труды по методологии науки. М., 1986. С. 125—467.

207. Философский словарь / Под ред. И.Т. Фролова. 4-е изд. М.: Политиздат, 1981. 445 с.

208. Философский словарь / Под ред. И.Т. Фролова. 7-е издание. М.: Республика, 2001. 719 с.

209. *Фурс В.Н.* «Критическая теория позднего модерна» Энтони Гидденса. URL: http://www.nir.ru/sj/sj/sj1-01furs.html (Дата обращения: 22.07.2009).

210. *Хабермас Ю.* Философский дискурс о модерне. М.:«Весь Мир», 2003. 416 с.

211. *Хайек Ф.* Либерализм // Милтон Фридман и Фридрих Хайек о свободе. М.: Социум, 2003. С. 145—162.

212. *Хантингтон С.* Столкновение цивилизаций // Полис. 1994. № 1. С. 33—48.

213. *Хигли Дж.* Демократия и элиты. Лекция // ИНОП (сетевой ресурс). 20.10.2006. URL: http://www.inop.ru/files/Higley.doc (Дата обращения: 08.07.2009).

214. *Хокинс Дж., Блейксли С.* Об интеллекте. М.: Вильямс, 2007. 240 с.

215. *Шафаревич И.Р.* Русофобия // Сочинени. В 3 т. Т. 2. М.: Феникс, 1994. С. 86—172.

216. *Шохина Е.* Стремимся к нулю // Эксперт. 03.10.2007. (сетевое издание). URL: http://www.expert.ru/articles/2007/10/03/exp_400_forum/ (Дата обращения: 09.03.2009).

217. *Шумпетер Й.* Теория экономического развития (исследование предпринимательства, прибыли, капитала, кредита, процента и цикла конъюнктуры). М.: Прогресс, 1982. 455 с.

218. *Шумпетер Й.* Капитализм, Социализм и Демократия. М.: Экономика, 1995. 540 с. URL: http://www.libertarium.ru/libertarium/lib_capsocdem (Дата обращения: 26.06.2009).

219. *Щербаков М.* 7 путешествий в структуру сознания (теория и практика развития личности). М.: Институт развития личности, 1998. 304 с. URL: http://www.ipd.ru/articles/bookad.shtml (Дата обращения: 12.07.2009).

220. *Энгель В.В.* Курс лекций по истории евреев в России. URL: http://jhistory.nfurman.com/russ/rus001.htm (Дата обращения: 02.06.2009).

221. Энциклопедия «Кругосвет» (сетевой ресурс). URL: http://slovari.yandex.ru/dict/krugosvet (Дата обращения: 20.07.2009).

222. *Юргенс И.Ю.* Средний класс: не искать, а поддерживать // Независимая газета. 12.12.2008. URL: http://www.ng.ru/ideas/2008-12-12/5_contract.html (Дата обращения: 04.07.2009).

223. *Ясин Е.Г.* Приживется ли у нас демократия? // Полит.ру (сетевой ресурс), 13.10.2005. URL: http://www.polit.ru/lectures/2005/10/19/yasin.html (Дата обращения: 02.07.2009).

224. *Ясин Е.Г.* Фантомные боли ушедшей империи // После империи./Под ред. И.М. Клямкина. М.: Фонд «Либеральная миссия», 2007. С. 5—49. URL: http://www.liberal.ru/imper/imper020407.pdf (Дата обращения: 02.07.2009)

225. *Apostollou N., Crumbley D.L.* The Tally Stick: The First Internal Control? // The Forensic Examiner. 2008, Spring. P. 60—62. URL: http://www.bus.lsu.edu/accounting/faculty/lcrumbley/Tally%20Stick%20Article.pdf (Date: 16.07.2009).

226. *Atkinson A.B., Piketty T.* Towards a unified data set on top incomes [chap.13] // Top incomes over the twentieth century: a contrast between continental european and english-speaking countries. Oxford: Oxford university press, 2007. P. 531—565. URL: http://www.jourdan.ens.fr/piketty/fichiers/public/0-19-928688-4_chap13.pdf (Date: 29.06.2009).

227. *Calhoun C.* Nationalism and Ethnicity // Annual Review of Sociology. 1993. V. 19. P. 211—239. URL: http://www.columbia.edu/itc/sipa/U6800/readings-sm/calhoun.pdf (Дата обращения: 07.04.2009).

228. *Chandler D.* The Sapir-Whorf Hypothesis. URL: http://www.aber.ac.uk/media/Documents/short/whorf.html (Date: 20.07.2009).

229. *De Roover R.* Money, Banking and Credit in Mediaeval Bruges — Italian Merchant Bankers, Lombards and Money Changers — A Study in the Origins of Banking. READ BOOKS, 2008. 464 p.

230. *Fehr E., Fischbacher U.* The nature of human altruism // Nature 425, 23 October 2003. P. 785—791. URL: http://www.iew.uzh.ch/chairs/fehr/team/fehr/publications/NatureOfHumanAltruism.pdf (Date: 27.06.2009).

231. *Fischbacher U., Güchter S.* Heterogeneous social preferences and the dynamics of free riding in public goods // CeDEx Discussion Paper 2006-01, University of Nottingham, 2006. 42 p. URL: http://www.nottingham.ac.uk/economics/cedex/papers/2006-01.pdf (Date: 27.06.2009).

232. *Frank R.H., Gilovich T., Regan D.T.* Does Studying Economics Inhibit Cooperation? // Journal of Economic Perspectives, 1993. V. 7, No 2. P. 159—171. URL: http://www.gnu.org/philosophy/economics_frank/frank.html (Дата обращения: 29.06.2009).

233. *Fridrich C., Brzezinski Z.* Totalitarian Dictatorship and Autocracy. Cambridge MA: Harvard University Press, 1956.

234. *Giddens A.* Beyond Left and Right: The future of radical politics. Cambridge: Polity Press, 1994.

235. *Griffin R.* The Palingenetic Political Community: Rethinking the Legitimation of Totalitarian Regimes in Inter-War // Totalitarian Movements and Political Religions, 2000, Vol. 3. No 3. P. 24—43).

236. *Henrich J.* Demography and Cultural Evolution: Why adaptive cultural processes produced maladaptive losses — The Tasmanian Case // American Antiquity. 2004. V. 69 (2). P. 197—214.

237. *Herrmann B., Thüni C.* Measuring Conditional Cooperation: A Replication Study in Russia // CeDEx Discussion Paper No. 2007-07, University of Nottingham, (2007). 7 p. URL: http://www.nottingham.ac.uk/economics/cedex/papers/2007-07.pdf (Date: 27.06.2009).

238. *Herrmann B., Thüni C., Güchter S.* Antisocial Punishment Across Societies // Science, 2008, Vol.319, No. 5868. P. 1362—1367.

239. How Europeans see themselves — Looking through the mirror with public opinion surveys. Luxembourg: Office for Official Publications of the European Communities, 2001. P.11. URL: http://ec.europa.eu/publications/booklets/eu_documentation/05/txt_en.pdf (Date: 27.06.2009).

240. *Mankiw G.* The Wealth Trajectory: Rewards for the Few // New York Times. 20.04.2008. URL: http://www.nytimes.com/2008/04/20/business/20view.html?_r=2&ref=business&oref=slogin&oref=slogin (Дата обращения: 29.06.2009).

241. *Muller J.* Us and Them: The Enduring Power of Ethnic Nationalism // Foreign Affairs, March/April 2008. URL: http://www.foreignaffairs.org/20080301faessay87203/jerry-z-muller/us-and-them.html (Дата обращения: 28.06.2009).

242. *Piketty T., Saez E.* Income Inequality in the United States, 1913—1998 // The Quarterly Journal of Economics. 2003. V. 108. No 1. P. 1—39. URL: http://elsa.berkeley.edu/~saez/pikettyqje.pdf (Date: 29.06.2009).

243. *Polanyi K.* The Great Transformation, Rinehart & Company, Inc, 1944. Chapter IV, Societies and Economic Systems. P. 43—55. URL: http://members.tripod.com/~taodesigns/polyani/polyani44IV.html (Дата обращения: 26.03.2009).

244. *Powell A., Shennan S., Thomas M.* Late Pleistocene Demography and the Appearence of Modern Human Behavior // Science. 2009. V. 324. P. 1298—1301.

245. *Spitzer M., Fischbacher U., Herrnberger B., Gron G., Fehr E.* The Neural Signature of Social Norm Compliance // Neuron 56 (1), 4 October 2007. P. 185—196.

246. *Touraine A.* Critique de la modernité. P.: Fayard, 1992. 463 p.

247. *Vishnevsky A.G.* Family, Fertility and Demographic Dynamics in Russia: Analysis and Forecast // Russia's Demographic «Crisis».Rand, 1996. P. 1—34. URL: http://www.rand.org/pubs/conf_proceedings/CF124/CF124.chap1.html (Дата обращения: 07.06.2009)

248. *Wallerstein I.* World-Systel Analysis. An Introduction. Durham: Duke University Press, 2004. 110 p.

ССЫЛКИ И КОММЕНТАРИИ

[1] «Спор выявил, однако, что концепционно демократия в России не разработана, это слабость, за это теоретиков стоит посечь». — Цитата из интервью: (Павловский // Русский журнал, 8.08.2006).

[2] Заместитель Руководителя Администрации Президента — помощник Президента РФ В.Ю. Сурков, начиная с 2005-го года, очень часто говорит о необходимости создания собственных смыслов. Например: Из выступления на «круглом столе» «Суверенное государство в условиях глобализации: демократия и национальная идентичность», 30.08.2006. URL: http://old.edinros.ru/news.html?id=115114 (Дата обращения: 30.05.2009):

«Я вообще считаю, что вопросы смыслообразования, вопросы терминов, вопросы производства образов — это признак действующей нации, признак актора истории. Если народ не производит сам образы и смыслы, если он не посылает сообщения другим народам, то он в политическом и культурном смысле не существует. И мы как-то к этому относимся, понятно почему, скептически после нашего сверхидеологизированного государства, от которого мы так драматично уходим, и, может быть, даже еще не ушли. Наверное, вызывает всегда дурные ассоциации, но надо понять важность разговора. Мы в европейском дискурсе, из которого мы не выпадали даже в советские времена (что там

ни говори, и те идеи были вполне европейскими, и мы тоже должны об этом не забывать, в том числе и в дискуссии с нашими критиками оттуда), мы должны иметь свой голос. Не думаю, что мы должны стремиться создать какую-то неслыханную экзотику и говорить какие-то герметические вещи, не доступные пониманию наших собеседников. Конечно, нет. Но у нас должна быть своя версия политического языка. Иначе мы обречены на то, как говорится, «кто не говорит, тот слушает». А тот, кто слушает, тот слушается. Если мы самостоятельный народ, мы должны участвовать в разговоре. Конечно, говорить мы должны приемлемым для наших собеседников тоном и тоже уметь слышать их.

Если мы в России не создадим свой дискурс, свою публичную философию, свою приемлемую хотя бы для большинства, а желательно для всех наших граждан, идеологию (я не говорю о государственной идеологии, я говорю о национальной идеологии, хотя мне не нравится термин «национальная идея», он уже какой-то затертый и девальвированный), то зачем разговаривать с немым? — с нами и не будут разговаривать. Если мы не будем говорить, с нами не будут считаться. Поэтому задача нашей культуры в широком смысле слова — и художественной ее части, и политической культуры — создать свою систему образов и смыслов. Это поможет и поддерживать целостность нации, поскольку она административно держаться не может, а сейчас она скорее скреплена на скорую административную руку, пусть и довольно сильную. Но это ведь все временная штопка. Жить, органично развиваться может только народ, имеющий целостное представление о себе: действительно, кто мы, куда мы идем и зачем мы идем. Мне кажется, это самое главное в нашем разговоре и об этом не нужно забывать».

Или из его *Параграфов pro суверенную демократию: § 8. Работа*. 20.11.2006. URL : http://www.rosnation.ru/index.php?D=62 (Дата обращения: : 30.05.2009):

«Культура как организм смыслообразования и идейного влияния. Россия должна говорить, что делает, а не делать, что говорят, в роли не рядового обывателя, а соавтора и соактора европейской цивилизации.

Производство смыслов и образов, интерпретирующих всеевропейские ценности и называющих российские цели, позволит ментально воссоединить расстроенную было нацию, собранную пока условно-административно, на скорую (пусть и сильную) руку.

В полемике культур российское сообщение должно быть весомо и внятно, по природе свободно, по существу справедливо, по форме интересно, по тону приемлемо.

Нужно утвердить собственные позиции в философском, социо- и политологическом дискурсах Запада. А поддержкой искусства (кино и литературы прежде всего) постепенно вернуть покоряющее обаяние отечественной культуры».

[3] Более подробно избранный мной метод исследования будет обсужден в главе 1. Здесь имеет смысл обозначить только самые общие моменты. Во-первых, мою веру в благостность для познания критики наличествующих концепций, в то, что критическое осмысление всех возможных альтернатив построения моделей бытия обогащает наше понимание, и делает выбор рабочей модели более обоснованным. И, во-вторых, само понятие рациональности. Оказалось, что данное понятие довольно слабо проработано в современной философской литературе, где обычно используется отсылка к нашему интуитивному пониманию значения слова «рациональность» «по умолчанию». Я в данной книге буду считать рассмотрение вопроса или ситуации рациональным, если (1) при таком рассмотрении учтены и критически обсуждены все относящиеся к делу аргументы, и (2) каждый из привлеченных к рассмотрению аргументов допускает в отношении себя аналогичную процедуру рационального обсуждения.

[4] Понятие ***техноструктуры*** было введено американским экономистом и социологом Дж.К. Гэлбрейтом. Данный слой общества представляет собой менеджеров и экспертов-профессионалов крупных корпораций. Гэлбрейт утверждает, что именно данный слой определяет цели корпораций и через них цели общества. Подробности в его книге: (Гэлбрейт, 1976).

[5] Этот момент? в частности? обсуждал Т. Кун в дополнение к своей монографии: Кун, 1977.

[6] «***Эпистемология*** (греч. episteme — знание, logos — учение) — философско-методологическая дисциплина, в которой исследуется знание как таковое, его строение, структура, функционирование и развитие. Традиционно отождествляется с теорией познания. Одна-

ко в неклассической философии может быть зафиксирована тенденция к различению Э. и гносеологии, которое основано на исходных категориальных оппозициях. Если гносеология разворачивает свои представления вокруг оппозиции “субъект — объект”, то для Э. базовой является оппозиция “объект — знание”. Эпистемологи исходят не из “гносеологического субъекта”, осуществляющего познание, а скорее из объективных структур самого знания. Основные эпистемологические проблемы: Как устроено знание? Каковы механизмы его объективации и реализации в научно-теоретической и практической деятельности? Какие бывают типы знаний? Каковы общие законы “жизни”, изменения и развития знаний?» — Цитата из словарной статьи: (Бабайцев А.Ю. Эпистемология // НФС).

В данной книге я буду использовать понятие «эпистемология» для науки о знаниях, оставляя за наукой о познании термин «гносеология».

[7] Подобную «библиотеку», или, другими словами, структурированное множество текстов, отражающих накопленные обществом знания, я буду в этой книге называть словом «эпистема» (греч. episteme — знание).

В принципе термин «эпистема» впервые был использован М. Фуко, для которого это была ментальная «структура, существенно обусловливающая возможность определенных взглядов, концепций, научных теорий и собственно наук в тот или иной исторический период».— Цитата из словарной статьи: (*Грицанов А.А.* Эпистема // НФС). Другими словами, эпистема по Фуко — это неявно заданный (в коллективном бессознательном) свод правил и нормативов, определяющий все имеющиеся в данный период времени для данного общества дискурсы.

Однако следует все-таки признать, особенно имея в виду рассмотренный ранее термин «эпистемология», что понятие «эпистема» гораздо лучше согласуется со смыслом, предложенным мной в начале данного комментария, чем с тем, как его впервые ввел М. Фуко. Соответственно, в данной книге термин «эпистема» будет иметь только такой смысл: эпистема — множество всевозможных текстов, регистрирующих накопленные человечеством знания.

[8] Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна.

[9] «Великие рассказы» (фр. grands récits, métarécits) — перевод на русский язык соответствующих понятий Ж.-Ф. Лиотара, сделанный при подготовке книги (*Лиотар Ж.-Ф.* Состояние постмодерна). Встречается также в виде термина «большие рассказы» и в виде калек с английского «большие нарративы» и «метанарративы».

[10] На мой взгляд, продуктивные рассказы все же следует считать рассказами Модерна. Действительно, значимость понятия эффективности возникло в капиталистическом производстве, откуда оно получило распространение на другие сферы жизни и было унаследовано через марксизм социализмом. Такая поправка к взглядам Лиотара делает концепцию более стройной и логичной. Конечно, это сдвигает начало эпохи лиотаровского Постмодерна с 30-х годов XX века на конец 60-х, но именно это и вписывается в хронологию постмодерна, следующую из других оснований (общество потребления, дальнейшая эмансипация западных обществ из-за студенческих волнений и т.д.).

Кроме того, я считаю постмодернистскую критику разума не состоявшейся, так что достаточных аргументов в пользу того, что Модерн закончился, в наличии нет. Поэтому имеет смысл считать текущее социальное время продолжением Модерна/Современности. При этом все же имеет смысл признать многие позитивные находки постмодернистов и отличить текущий период Модерна от его более ранних стадий. Вследствие этого я буду называть текущий этап Современности Поздним Модерном (см. подробнее раздел «Историческое время» настоящей главы и раздел «Социальное время: Поздний Модерн» главы 3).

[11] ***Телантропия*** (греч. telos — завершение, цель, antropos — человек) — термин, объединяющий собой все, что основано на идее всестороннего развития личности как цели общественного развития.

[12] «***Калокагатия*** (греч. kalos kai hagatos — красивый и хороший) — этико-эстетический идеал древнегреческой культуры, предполагающий гармонию телесного и душевного совершенств, вызревающую в смене поколений (в отличие от внезапной вспышки красоты, таланта или добродетели, взятых в отдельности); в философии Платона — идеал гармонического сочетания физических и духовных способностей человека, естественно, дополняемых его богатством и благородством

души. Человек — носитель К. — в истинном призвании своем должен был всецело стремиться к осуществлению коллективных чаяний полиса. Общественно-этическое измерение К. в античности трансформировалось в его этико-эстетический парафраз в границах классического философствования Европы Нового времени (гармоничное воспитание, реализующееся в адекватном образе жизни). В коммунистической идеологии идеал всесторонне (разносторонне) развитой личности — строителя коммунизма — редуцирует идеал К. применительно к индивиду, лишенному национального и социально-стратификационного своеобразия». — Статья из словаря: (Грицанов А.А. Калокагатия // НФС).

[13] «Согласно Ф. (Фурье. — *П.К.*), естественные страсти человека, подавляемые и искажаемые при строе цивилизации, будут направлены на творческий труд, полный разнообразия и радостного соревнования. Разумно организованные могучие трудовые армии — региональные, национальные и международные — преобразуют лик Земли. В новых условиях общественной жизни будет формироваться и новый человек как целостная, всесторонне развитая личность». — Цитата из статьи из БСЭ: (Фурье // БСЭ).

[14] История данного направления либерализма хорошо изложена в статье: Струве, 1999.

[15] Wallerstein, 2004. P. 2—3.

[16] Витгенштейн, 1958.

[17] Здесь следует, однако, учесть замечания Фейерабенда — см. книгу: Фейерабенд, 1986 — о том, что получение научных фактов существенно опирается на имеющееся теоретические установки исследователей. Вследствие этого независимость фактов от теорий, доминирующих в сообществе ученых в данный момент времени, может быть лишь «условной».

[18] Часто теория сравнивается не с фактами напрямую, а с человеческим «опытом» — неким эвристическим обобщением уже накопленных фактов, принятым на данный момент в социуме. При переходе же

от фактов к «опыту» исследователи обычно неосознанно используют различного рода дополнительные положения, которые и содержатся в принятой версии «опыта» неявным образом. Многочисленные примеры подобного рода разобраны в указанной выше книге Фейерабенда.

[19] См. также работу: (Крупкин П.Л. Человек и мир знаний).

[20] Введенное таким образом понятие смыслового поля/парадигмы резко упрощает понимание приема «контриндукции», пропагандируемого Фейерабендом (см. там же). В этом случае «контриндукция» — это не что иное, как обсуждение теоретического конструкта, выстроенного внутри одного смыслового поля/парадигмы, в рамках другого смыслового поля/парадигмы. При этом возникает возможность «синтеза» — такого переформатирования смысловых полей/парадигм, при котором они сливаются в одно смысловое поле/парадигму.

[21] См. например, книгу: (Лакатос, 1995).

[22] См. например, книгу: (Кун, 1977).

[23] Влияние на работу научной группы принятого ею языка и наличествующего по умолчанию неявного знания обсуждалось, в частности, в книгах: (Кун, 1977; Лакатос, 1995; Фейерабенд, 1986).

[24] Кун, 1977.

[25] Цитата из книги: (Поппер, Т. 2).

[26] Принцип экономии мышления был введен в современную гносеологию Э. Махом («Принцип сохранения работы», 1872) и Р. Авенариусом («Философия как мышление о мире сообразно принципу наименьшей траты сил», 1876) как универсальный критерий истинности. — Данные из словарной статьи: «Экономии мышления принцип» // Философский словарь, 1981). Такое использование данного принципа порождает субъективно-идеалистическую картину мира (т.е. отрицание объективности существования мира вещей). С другой стороны, опыт показал, что данный принцип является достаточно продуктивным, если он (а) не выставляется в качестве критерия ис-

тинности, и (б) применяется наряду с другими критериями отбора гипотез. Такой подход был развит А. Пуанкаре на примере математики и математической физики. «Пуанкаре полагал, что основные положения (принципы, законы) любой теории (т.е. то, что я здесь называю базовыми понятиями, базовыми принципами. — *П.К.*) в принципе не могут быть ни моделями-отражениями объективной реальности (согласно французским материалистам 18 в.), ни априорными синтетическими истинами (согласно Канту). По Пуанкаре, они могут быть только непротиворечивыми соглашениями. Произвольность же выбора некоей теории из множества возможных ограничена потребностью человеческого мышления в простоте имеющей быть выбранной теории и необходимостью успеха в ее применении. Эта философская доктрина, испытавшая на себе влияние теории Канта, позднее была названа конвенционализмом. ...В книге “Ценность науки” Пуанкаре писал, что стремление познать законы природы “имело самое постоянное и самое счастливое влияние на развитие математики... Если бы чистый математик забыл о существовании внешнего мира, то он уподобился бы художнику, который умеет гармонически сочетать краски и формы, но у которого нет моделей. Его творческая сила скоро иссякла бы”. Следуя Канту, Пуанкаре считал, что соответствие между математикой и внешней действительностью обусловлено разумом человека: “Но та гармония, которую человеческий разум полагает открыть в природе, не существует ли она вне человеческого разума? Без сомнения — нет; невозможна реальность, которая была бы полностью независима от ума, постигающего ее. Такой внешний мир... никогда не был бы нам доступен. Но то, что мы называем объективной реальностью... есть то, что общо нескольким мыслящим существам и могло бы быть общо всем. Этой общей стороной... может быть только гармония, выражаемая математическими законами” («Ценность науки»)». — Цитата из словарной статьи: (Силков С.В. Пуанкаре // ИФЭ).

[27] Уильям Оккам (около 1285—1349) первым ввел в рассмотрение позитивистский принцип экономии мышления в виде знаменитой «бритвы Оккама»: «Сущностей не следует умножать без необходимости». — Данные из словарной статьи: (Усманова А.Р. Уильям Оккам // ИФЭ).

[28] Валлерстайн, 2006.

[29] См., в частности, статью: (Крупкин // Русский журнал, 11.06.2009).

[30] «***Социализация*** — (от лат. socialis — общественный) — совокупность взаимосвязанных процессов усвоения и воспроизводства индивидом необходимого и достаточного для полноценного включения в общественную жизнь социокультурного опыта...» — Цитата из статьи в энциклопедии (Абушенко В.Л. Социализация // СЭ).

[31] Понятие «ментальные структуры», используемые в данной книге, являются основным объектом разработки в рамках специального подхода гуманитарного направления человеческой мысли, заложенного в рамках структурализма. Ментальные структуры, как элементарные, так и составные, полагаются образующими элементами сознания человека, определяющими восприятие им информации, принятие им решений, его действия. С точки зрения психологии данный подход хорошо изложен в рамках *кластерной теории интеграции (КТИ)* М. Щербакова (см., например, книгу: (Щербаков, 1998)), где сознание рассматривается в виде динамической системы *элементарных паттернов и их кластеров*, которые и соответствуют используемому в настоящей работе термину «ментальные структуры».

В принципе данные структуры находят свое основание и в современных нейрофизиологических исследованиях, где они предстают в виде взаимосвязей множества нейронных столбиков коры головного мозга — см., например, книгу: (Хокинс, Блейксли, 2007).

[32] Здесь видно, что предлагаемый в настоящей книге подход к структуре индивидуального сознания в виде набора ментальных структур, в частности, интегрирует в себя гипотезу лингвистической относительности Сепира-Уорфа (Sapir-Whorf), в соответствии с которой *«существующие в сознании человека системы понятий, а следовательно, и существенные особенности его мышления определяются тем конкретным языком, носителем которого этот человек является»*. — Цитата из энциклопедической статьи («Лингвистической относительности гипотеза» // Энциклопедия «Кругосвет»).

Кстати, интересно отметить, что оригинальная аргументация самого Уорфа может обеспечить переход и к более широкому пониманию данной концепции — на абсолютно все ментальные структуры,

воспроизводящиеся обществом при социализации своих членов, а не только языковые. Это видно, например, из следующей цитаты:

«The categories and types that we isolate from the world of phenomena we do not find there because they stare every observer in the face; on the contrary, the world is presented in a kaleidoscopic flux of impressions which has to be organized by our minds — and this means largely by the linguistic systems in our minds. We cut nature up, organize it into concepts, and ascribe significances as we do, largely because we are parties to an agreement to organize it in this way — an agreement that holds throughout our speech community and is codified in the patterns of our language. (Whorf 1940. P. 213—214.)» — Цитата из статьи: (Chandler, The Sapir-Whorf Hypothesis).

Русский перевод: *«Те категории и типы, которые мы выделяем из внешнего мира явлений, не ждут нас там в каком-то готовом состоянии. Напротив, внешний мир нам дан в калейдоскопическом потоке впечатлений и образов, которые должны быть как-то организованы в нашем сознании, — и это делается именно нашей лингвистической системой. Мы «режем» внешний мир на куски, наделяем «вырезанное» смыслами, организуем их в теории и концепции. При этом избранный нами способ такой активности во многом определяется тем, что мы являемся частью соглашения делать данную работу именно так — соглашения, которое поддерживается всеми членами языкового сообщества, и которое определяет структуры нашего языка»*.

Очевидно, что приведенная здесь аргументация без труда переносится, например, и на невербальные поведенческие паттерны, из которых составляются воспроизводящиеся социальные рутины сообщества. Хотя доминирование именно языковых структур в обеспечении качества умственной деятельности достаточно очевидно.

[33] Введенное здесь понятие ***МойМир*** близко тому, что в западной психологии принято обозначать термином ***Umwelt*** в традиции, восходящей к немецкому ученому Якобу фон Эйкскуллу (Jakob von Uexküll, 1909). См., например, главу 9 книги: (Палмер, 2003).

[34] См., например, статью: (Крупкин // Русский журнал, 11.06.2009).

[35] «***Суггестия*** (внушение) — форма межличностного и межгруппового общения, при котором передача информации происходит

посредством частично неосознаваемого, направленного сигнала на вербальном и/или невербальном уровнях. Отличается от убеждения сниженным уровнем критичности и потребности в верификации информации. Внушаемость, или подверженность суггестивному воздействию, зависит от состояния сознания суггерента (объекта) и внешних условий, при которых С. осуществляется. Так, эффективность С. повышается в состоянии транса, при утомлении, в условиях неопределенности, в экстремальных условиях, в толпе, при использовании СМИ. С. затрагивает как нервно-психические процессы, так и социальные представления, установки, общественные нормы, ценности, мнения, а также индивидуальное самосознание. Разделяют гетеросуггестию — внушение, производимое другим лицом, и аутосуггестию — самовнушение // С. может быть прямой и косвенной. При прямой С. источник внушения осознается и прослеживается связь между ней и ее действием. При косвенной С. внушение производится опосредованно с использованием промежуточных факторов, на которых и делается основной акцент. Эффективность косвенной С. выше, чем прямой. Распространенность методов и техник С. зависит от уровня развития общественного сознания и культуры социума». — Статья из энциклопедии: (Шапошникова О.В. Суггестия // СЭ).

[36] «***Трансгрессия*** — одно из ключевых понятий постмодернизма, фиксирующее феномен перехода непроходимой границы, и прежде всего границы между возможным и невозможным: “трансгрессия — это жест, который обращен на предел” (Фуко), “преодоление непреодолимого предела” (Бланшо). Согласно концепции Т. мир налично данного, очерчивая сферу известного человеку возможного, замыкает его в своих границах, пресекая для него какую бы то ни было перспективу новизны. Этот обжитой и привычный отрезок истории лишь длит и множит уже известное; в этом контексте Т. — это невозможный (если оставаться в данной системе отсчета) выход за его пределы, прорыв того, кто принадлежит наличному, вовне его». — Цитата из словарной статьи: (Можейко М.А. Трансгрессия // НФС).

[37] См. работу: (Крупкин П.Л. Человек и мир знаний).

[38] См., например, книгу: (Кун, 1977).

[39] Напомню, что под научными знаниями в настоящей книге я понимаю лишь фальсифицируемые теории (см. подраздел «Научные знания: Структура и особенности смыслового поля» раздела «Очерк эпистемологии — науки о знаниях» данной главы). При этом сама наука представляет собой научные знания и связанные с данными знаниями вненаучные теории и гипотезы. Последние в существенной степени включают в себя базовые принципы науки, категориальный аппарат ее представления.

[40] Ядром метафизических дедуктивных комплексов являются, например, различного рода хорошо логически структурированные философские и мировоззренческие системы. Здесь же возможны и другие аналогичным образом оформленные знания, например психоанализ Фрейда, теория архетипов Юнга или астрология.

[41] См. работу: (Крупкин П.Л. Человек и мир знаний).

[42] Предлагаемый здесь подход может быть также соотнесен с направлением, которое иногда называют «меметикой». «***Меметика*** — подход к эволюционным моделям передачи информации, который основывается на концепции мемов, рассматривающей идеи как единицы культурной информации, распространяемые между людьми посредством имитации, научения и др.». — Цитата из статьи Википедии: (Меметика // Википедия).

«Мем — это культурологический и эпистемологический аналог гена — некой единицы информации, передающейся от человека к человеку, и дающий свой вклад в ментальные структуры человеческого сознания, те самые структуры, которые определяют наши вкусы, предпочтения, специфику нашего восприятия. В качестве примера культурного мема можно привести элемент моды “голого пупка”, который последние годы распространяется по сознаниям наших девушек и женщин, захватывая все новые и новые пространства и времена. Победное шествие данного мема по стране привело к тому, что сейчас голый пупок у дамы можно встретить в каком-нибудь российском захолустье даже зимой // Хорошим примером эпистемологических мемов являются философские категории. Применение данной интерпретации превращает историю философии в один из разделов меметики — науки о мемах, и на этом примере можно отследить как механизмы текущей репликации

академических мемов через системы образования и научных дискуссий, так и эволюцию мемов на макроуровне — их зарождение, распространение, угасание, взаимодействия между собой и прочие трансформации». — Цитата из статьи: (Крупкин // АПН, 07.12.2007).

Интересная меметическая модель эволюции различного рода идеологий, во многом пересекающаяся с тем, как это все представляется в настоящей книге, была описана А.А. Ослоном: Ослон, 2003; Ослон, 2006.

[43] Здесь естественным образом в предлагаемую модель интегрируются утилитарный и конвенциальный подходы к отбору знаний.

[44] Здесь привлекается механизм «активного доверия», предложенный Э. Гидденсом для понимания современных социологических процессов. См., например, работу: (Фурс, «Критическая теория позднего модерна» Энтони Гидденса).

[45] См. главу 24 в книге: (Поппер, Т. 2).

[46] «Анализ следствий той или иной моральной концепции, будь то рациональный анализ или анализ, проводимый с помощью воображения, имеет определенное сходство с научным методом. В науке мы также не признаем абстрактной теории только потому, что она убедительна сама по себе. Мы предпочитаем решать, стоит признавать ее или отвергать лишь после того, как исследуем те конкретные, практические выводы из нее, которые могут быть проверены экспериментом. Однако существует и фундаментальное отличие между рациональным анализом моральной и научной проблемы. В случае научной теории наше решение зависит от результатов экспериментов. Если они подтверждают теорию, мы принимаем ее на то время, пока не найдется более подходящая теория. Если эксперименты противоречат теории — мы отвергаем ее. Когда же мы имеем дело с моральной концепцией, мы можем сопоставить выводы из нее только с нашей совестью. И если вердикт эксперимента от нас не зависит, то вердикт совести зависит». — Цитата оттуда же.

[47] «Тот факт, что рационалистический подход принимает во внимание прежде всего доказательства, а не личность доказывающего, имеет

далеко идущие последствия. В соответствии с этим фактом мы должны признавать всякого, с кем общаемся, потенциальным источником доказательств и разумной информации, устанавливая тем самым то, что можно назвать “рациональным единством человечества”. — Цитата оттуда же.

[48] «Иррационализм же, не связанный ни с какими требованиями логической последовательности, может быть соединен с совершенно различными убеждениями. В частности, он нередко оказывается опорой романтической уверенности в существовании избранных, в делении людей на ведущих и ведомых, естественных господ и естественных рабов». — Цитата оттуда же.

[49] Насилие и другие политические методы интеллектуальной борьбы обычно проистекают из невозможности объективизации истинности. В конечном итоге интеллектуальные споры между разными философскими школами фактически вырождаются в сравнение авторитетности авторитетов. Такое «толкание пузиками» становится единственным способом дележа наличествующего социального капитала между сторонниками противоборствующих школ. И может случиться так, что в победителях окажется единственное направление, возглавляемое человеком с максимальным политическим весом, а остальные направления могут быть загнаны в подполье. Вот как осветил данную проблему Б.Г. Капустин (Капустин, 1998):

«Если нет той независимой от суждений людей авторитетной реальности (божественной, моральной, экономической, политической), ссылка на которую открывала бы им истину их существования, то каждый имеет равное право на свою “истину”, и эти “истины” равноценны, так как у нас нет мерила, чтобы измерить их относительную ценность. Мы можем только предположить, что таким условным мерилом будет возможность их ненасильственного совмещения. Но это мерило условно, ибо его содержание и обстоятельства применимости также предстоит определять нам, тем “ненадежным” существам, у которых страсти не молчат перед размышляющим разумом».

«...разные “видения” создают разные миры, в каждом из которых — свои факты или, вернее, то, что принимается за таковые. При столкновении таких миров, пользуясь формулировками Томаса Куна из его исследования столкновения научных парадигм, возникают “ситуации,

где не может быть доказательства” (1, С. 200). <...> Если научные вопросы и ответы относительно них и впрямь невозможны (точнее, бесполезны), то мы все же можем — в логике того же Куна — перейти от анализа “аргументов”, “подкрепляющих” то или иное видение мира, к рассмотрению “типов сообществ” (1, С. 201), являющихся носителями этих разных видений. <...> Со временем культурные проблемы могут *изживаться* — наподобие того, что в изложении Томаса Куна происходит с научными парадигмами, существующими до тех пор, “пока не останется в живых ни одного защитника старой парадигмы...” (1, С. 200) // На смену им приходят другие. ...»

В цитате была использована ссылка: 1. *Кун Т.* Структура научных революций. М.: Прогресс, 1977.

[50] «Утверждая это, мы вновь сталкиваемся с проблемой природы и соглашения. Ни природа, ни история не могут сказать нам, что мы обязаны делать. Факты, будь то факты природы или истории, не могут решить за нас, какую цель нам следует выбрать. Именно мы привносим цель и смысл в природу и историю. Люди не одинаковы, но мы можем решить бороться за равные права. Человеческие институты — такие, как государство, — не являются рациональными, но мы можем решить бороться за то, чтобы сделать их более рациональными. Мы сами и наш обычный язык в целом скорее эмоциональны, чем рациональны, но мы можем стараться стать немного рациональнее и научиться использовать язык не как инструмент самовыражения (на что ориентирует нас романтическое образование), а как средство рациональной коммуникации. Сама по себе история — я имею в виду, разумеется, историю политической власти, а не романтический рассказ о развитии человечества — не имеет цели, не имеет смысла, но в наших силах придать ей и то, и другое. Мы можем сделать это, вступив в борьбу за открытое общество с его противниками (которые, попав в трудное положение, всегда заявляют о своих гуманных чувствах, следуя совету В. Парето). Соответственно, мы можем интерпретировать историю как процесс такой борьбы. В конечном счете то же самое можно сказать и о “смысле жизни”. В наших силах решить, к чему следует стремиться в жизни для того, чтобы определить наши цели». — Цитата из книги: (Поппер, Т. 2).

[51] См. главу 24, там же.

[52] «Мы приветствуем любой источник знания, но ни одно высказывание, каков бы ни был его “источник”, не исключено из сферы критики. В частности, традиция, к отрицанию которой склонялись и интеллектуалисты (Декарт), и эмпирики (Бэкон), с нашей точки зрения, вполне может считаться одним из важнейших “источников” знания. Действительно, ведь почти все, чему мы учимся (у старших, в школе, из книг и т.п.), проистекает из традиции. Поэтому я считаю, что антитрадиционализм следует отбросить за его пустоту. Однако и традиционализм — подчеркивание авторитарности традиции — следует также отбросить, но не за пустоту, а за его ошибочность. Традиционализм такого рода ошибочен, как и любая другая эпистемология, признающая некоторый источник знания (скажем, интеллектуальную или чувственную интуицию) в качестве непреложного авторитета, гарантии или критерия истины». — Цитата оттуда же.

[53] «***Диалектическая логика*** — наука о наиболее общих законах развития природы, общества и мышления. Эти законы отражаются в виде общих понятий — категорий. Поэтому Д. л. можно определить и как науку о диалектических категориях. Представляя собой систему диалектических категорий, она исследует их взаимную связь, последовательность и переходы одной категории в другую». — Цитата из статьи в БСЭ (Новиков А.Г. Диалектическая логика // БСЭ).

Однако по результатам долгого монопольного положения в России марксизма-ленинизма, положившего диалектическую логику в свои основания, особой продуктивности в развитии мысли замечено не было. «Оценивая в целом традицию, исходящую из идеи особой Диалектической логики и использующую сам этот термин с позиций современной философско-методологической мысли, следует признать неправомерность установок на разработку особой логической дисциплины Диалектическая логика — противостоящей формально-логической традиции». — Цитата из словарной статьи: (*Швырев В.С.* Диалектическая логика // Философский словарь, 2001. С. 158).

Если при этом отвлечься от универсализма и всеобщности, то в рамках Д. л. был наработан определенный опыт так называемого разрешения противоречий в рамках процесса познания. Данный опыт существенно опирается на то, что обычно называют диалектическим синтезом (ДС). Обобщая накопленный вокруг ДС позитив, можно сформулировать следующие принципы:

1. Конструирование ДС является интеллектуальным усилием, которое связано с тезисом (T) и антитезисом (R) лишь опосредствованно. Часто бывает, что на основе выделенных T и R можно сконструировать несколько совершенно равнозначных синтезов.

2. То, что полученный конструкт является именно что синтезом, требует специального доказательства, которое обычно заключается в формально-логическом выводе аналогов T и R из данного сконструированного ДС. Другими словами, каждый синтез является фактическим «переформатированием» исходных смысловых полей/парадигм, и то, что выводится из ДС, имеет уже несколько другой смысл (T1 и R1), причем в своих новых смыслах T1 и R1 уже не противоречат друг другу.

В случае науки требуется совершить еще одно независимое усилие — провести верификацию найденного ДС. При этом в случае существования нескольких разных синтезов процедура верификации позволяет определить один истинный, определяющий итоговую теорию. Именно эта необходимость показывает, что сконструированные ДС — это всего лишь гипотезы, требующие последующей проверки.

В случае нефальсифицируемых смысловых полей процедура надежной верификации отсутствует и определение истинного синтеза отдается на волю авторитета. Ведь если удается сконструировать еще один ДС (ДС2), то это равнозначно созданию еще одного смыслового поля, объемлющего старые, в котором T и R приобретают новые смыслы T2 и R2, не совпадающие с T1 и R1, то есть поле ДС2 отличается от поля ДС1, как отличаются разные философские системы. В качестве примера такого случая рассмотрим теорию классического капитализма (Смит/Рикардо/марджиналисты), для которой Маркс показал наличие определенных противоречий. Проведя свой синтез (ядро синтеза — огосударствление экономики) он получил свое учение — марксизм, развитие которого привело к одной из форм социализма, реализованной в СССР. Некоторое время спустя был проведен другой синтез (Бернштейн, Каутский, Кейнс и другие), ядром которого явилось перераспределение доходов в обществе при сохранении капиталистического «движка» развития. Данный синтез привел к социальному либерализму, который развивается западными социал-демократиями и поныне.

В целом пункты 1 и 2 выше являются моей интерпретацией результатов А.В. Болдачева (URL: http://www.boldachev.com/notebook/form-

dailogic/ (Дата обращения: 09.06.2009)), творческая дискуссия с которым по затронутому кругу вопросов была очень продуктивной.

[54] «***Системный подход*** — направление методологии специально-научного познания и социальной практики, в основе которого лежит исследование объектов как систем. С.п. способствует адекватной постановке проблем в конкретных науках и выработке эффективной стратегии их изучения. Методология, специфика С.п. определяется тем, что он ориентирует исследование на раскрытие целостности объекта и обеспечивающих ее механизмов, на выявление многообразных типов связей сложного объекта и сведение их в единую теоретическую картину». — Цитата из статьи из БСЭ: (Блауберг И.В., Юдин Э.Г. Системный подход // БСЭ).

[55] Зиновьев, 2000.

[56] «Возможно ли преодолеть трудности, связанные с неопределенностью и многосмысленностью языковых выражений, которые стали обычным состоянием сферы социального мышления и говорения? В науке для этой цели была изобретена особая логическая операция — экспликация языковых выражений. Суть этой операции заключается в том, что вместо языковых выражений, характеризующихся упомянутыми неопределенностью и многосмысленностью, исследователь для своих строго определенных целей вводит своего рода заместителей или дубликаты этих выражений. Он определяет эти дубликаты достаточно строго и однозначно, явным образом выражает их логическую структуру. И в рамках своего исследования он оперирует такого рода дубликатами или заместителями выражений, циркулирующих в языке, можно сказать — оперирует экспликатами привычных слов. Обычно в таких случаях говорят об уточнении смысла терминологии. Но тут мало отмечать аспект уточнения, ибо экспликация к уточнению не сводится. К тому же уточнение есть некоторое усовершенствование наличных языковых средств, тогда как в случае экспликации имеет место нечто более серьезное: фиксируется полная непригодность данных выражений и вводятся дубликаты, заместители для них.

Задача экспликации состоит не в том, чтобы перечислить, в каких различных смыслах (значениях) употребляется то или иное языковое выражение, и не в том, чтобы выбрать одно какое-то из этих употреблений как наилучшее (т.е. подобрать объект для слова), а в том, чтобы выделить достаточно определенно интересующие исследователя объекты из некоторого более обширного множества объектов и закрепить это выделение путем введения подходящего термина. Особенность ситуации тут состоит в том, что вводимый термин является не абсолютно новым языковым изобретением, а словом, уже существующим и привычно функционирующим в языке именно в качестве многосмысленного и аморфного по смыслу выражения. Возникает, естественно, вопрос: а почему бы тут не ввести совершенно новый термин? Часто так и делается. Но тогда эта операция не является экспликацией. При экспликации использование старого слова имеет вполне серьезные основания. В случае введения совершенно нового термина создается впечатление, будто речь пойдет о чем-то другом, а не о таких объектах, к которым так или иначе относятся привычные слова. Например, когда я вводил термин “коммунизм” как экспликат этого слова в широком разговорном языке, мне многие читатели советовали изобрести другое слово, поскольку каждый понимает коммунизм по-своему. Но я все же настаивал именно на этом слове, поскольку оно ориентировало внимание именно на тот объект, который меня интересовал и мое понимание которого, отличное от обывательских и идеологических представлений, я хотел изложить.

Экспликация стремится ориентировать внимание читателя на те объекты, о которых читатель уже имеет некоторые представления, но она при этом стремится придать такой поворот мозгам читателя, какой необходим (по убеждению автора) для научного понимания этих объектов. главным в этой операции является именно поворот мозгов, который стоит за определением слов, а не сами эти определения как таковые. Так что ошибочно рассматривать экспликаты слов просто как одно из употреблений многосмысленных слов в дополнение к уже имеющимся смыслам». — Цитата оттуда же. С. 17—18.

[57] «При рассмотрении сложных социальных объектов, состоящих из многих различных объектов, приходится давать определения объекту в целом и его компонентам. При этом должно быть построено одно сложное определение, расчлененное на ряд частичных определений, а не просто некоторое число разрозненных определений. В этом сложном определении между его частичными определениями и определением в целом должна иметь место логическая связь. Объект в целом

должен быть определен через его составные части, а части — в отношении друг к другу и к целому. В логике этот тип определения не описан должным образом. В дальнейшем нам с такими определениями придется иметь дело неоднократно. Забегая вперед, упомяну здесь об определении общества и его социальной организации совместно с определениями основных компонентов этой организации — государства, экономики и других. Если брать элементы этого сложного комплекса по отдельности и изолированно друг от друга, они превращаются в предмет бесконечного словоблудия. А будучи взяты именно как элементы единого комплекса, они оказываются сравнительно простыми для понимания». — Цитата оттуда же. С. 16.

[58] Крупкин // Материалы, 2008.

[59] Бурдье, Дух государства.

[60] Можейко М.А. Социальное время // ИФЭ.

[61] От А до Я: 300 лет американского афоризма.

Известно также высказывание Антифонта времен античности: «самое драгоценное достояние — время». — Данные из словарной статьи: (Можейко М.А. Социальное время // ИФЭ).

[62] Цитата из книги: (Хабермас, 2003. С. 23.) В цитате использована ссылки: (Koselleck R. Erfahrungsraum und Erwartungshorizont // Koselleck R., 1979. S. 359 — [54]. S. 363 — [55].)

[63] Хабермас, 2003.

[64] Touraine, 1992.

[65] Капустин, 1998.

[66] См., например, книгу: (Хабермас, 2003. С. 7—8.):

«По Веберу, внутреннее (т.е. не только случайное) отношение между модерном и тем, что он называл западным рационализмом [7], было само собой разумеющимся. В качестве “рационального” он описывает процесс демифологизации, который в Европе привел к вы-

свобождению профанной культуры из распадающихся религиозных картин мира. С эмпирическими науками эпохи модерна, автономными искусствами, моральными и правовыми теориями, основанными на определенных принципах, в Европе сложились сферы культурных ценностей, которые и сделали возможным формирование образовательных процессов в соответствии с внутренними закономерностями теоретических, эстетических или морально-практических проблем.

Однако с точки зрения рационализации Макс Вебер описывал не только обмирщение западной культуры, но и развитие современных обществ. Новые структуры общества создавались посредством размежевания двух функционально связанных друг с другом систем, как они оформились вокруг организационного ядра капиталистического производства и бюрократического государственного аппарата. Этот процесс Вебер понимает как институционализацию целерационального хозяйственного и управленческого действия. По мере того как культурная и общественная рационализация захватывала повседневную жизнь, распадались традиционные (в период раннего модерна — прежде всего профессионально дифференцированные) жизненные формы. Разумеется, модернизация жизненного мира определена не только структурами целевой рациональности. На взгляд Э. Дюркгейма и Дж. Г. Мида, рационализированные жизненные миры создаются скорее посредством рефлексии традиций, которые утратили свою самобытность; посредством универсализации норм действия и генерализации ценностей, освобождающих ситуации “более широких возможностей” и коммуникативное действие от ограниченных контекстов; наконец, посредством таких образцов социализации, которые рассчитаны на формирование абстрактных Я-идентичностей и форсируют индивидуацию подрастающего поколения. Это и есть в общих чертах тот образ модерна, каким его рисовали классики теории общества».

В цитате использована ссылка: ([7] Ср.: Habermas J. Theorie des kommunikativen Handelns. Ffm., 1981. Bd. I. S. 225ff.).

[67] Хабермас, 2003. С. 16—17:

«Гегель первым возвышает до уровня философской проблемы процесс освобождения модерна от внушающего воздействия со стороны внешних по отношению к нему норм прошлого. В ходе критики традиции, которая вбирает в себя опыт Реформации и Возрождения и реагирует на зарождение современного естествознания, философия

нового времени — от поздней схоластики до Канта — уже выражает и самопонимание модерна. Но только к концу XVIII столетия проблема самообоснования, самоподтверждения модерна обостряется настолько, что Гегель может воспринять этот вопрос в качестве философской проблемы и притом в качестве основной проблемы своей философии. Беспокойство, вызванное тем, что лишенный образцов модерн вынужден стабилизироваться, исходя из им самим порожденных несоответствий и разрывов, Гегель понимает как "источник потребности в философии" [32]. Вследствие того, что модерн пробуждается к самосознанию, возникает потребность в самоподтверждении, которую Гегель трактует как потребность в философии. Перед философией, по его мнению, поставлена задача постичь в мысли свое время, а оно есть для него время модерна. Гегель убежден, что вне философского понятия модерна он не сможет прийти к понятию, которое философия строит как понятие о себе самой».

В цитате использована ссылка: ([32] — Hegel G.W.F. Suhrkamp-Werkausgabe. Bd.2. S.20.)

[68] Лиотар. Состояние постмодерна.

[69] См., например, следующую интерпретацию «гибели» мифа о Прометее в Современности:

«Новое время и Просвещение дублировались подъемом мифа о Прометее, который вдохновлял и рационалистов, и романтиков, и людей дня, и поэтов ночи. Титан, трикстер, обманщик богов (ночь) Прометей (выступающий то как Фауст, то как Люцифер) нес людям огонь и знания (день). Мифом о Прометее вдохновлялись Шеллинг, Гюго, Гегель, Маркс, либералы и социалисты. Даже в фашизме — через ницшеанскую призму "сверхчеловека" и вагнерианство — он нашел своеобразное выражение.

Но с конца XIX века Прометея стал теснить Дионис. Из декадентских салонов он проник в культуру, а потом стал основным мифом работников СМИ (как правило, недоучек, пьяниц, развратников, наркоманов — как метко замечает Дюран), сотрудников киноиндустрии и позже — телевидения, интеллигентов, художников — типичных людей ночи практически во всех обществах. Постепенно индивидуально-гедонистический стиль журналистов, завзятых скептиков и противников любой рациональной организации (то есть врагов социального

логоса) перенесся на все общество, которое стало обществом развлечений и наслаждений ("общество спектакля").

Дионис вытеснил Прометея (конец мифа о Прометее описан в великолепной ироничной книге Андре Жида "Плохо прикованный Прометей"). Но и сам Дионис постепенно утратил свою притягательность, свою динамику и энергию — декадентские перверсии элиты, имевшие в себе нечто стилистически привлекательное, превратились в омерзительное гниение разлагающихся масс, сползающих в ночь. Плебейские гей-парады превратили изысканную атмосферу салонов Оскара Уайльда, солнечное помешательство Артюра Рембо или поэтический жест Михаила Кузьмина в китч (еще одно значение выражения "не мечите бисер перед свиньями"). Миф о Дионисе, в свою очередь, достиг точки насыщения и превратился из источника свежести в застойное стимфалийское болото.

Цикл западной культуры подошел к концу. Постмодерн с его эпифеноменами — убедительная иллюстрация этого». — Цитата из статьи: (Дугин, 2009).

В пику этому приведем другую интерпретацию событий вокруг мифа о Прометее, изложенную «с другой точки говорения»:

«...Когда доля рационально обоснованных решений стала значимой — наступило время Модерна, которое сопровождалось резким ускорением социальной эволюции, ибо исторически выживали лишь те сообщества, которые оказывались выше определенного уровня отсечения по эффективности социальных, политических и технологических рутин. Началась европейская "гонка инноваций", со временем охватившая весь мир.

Прометей же, как воплощение способности человека к творчеству, стал героем. И поскольку инновационные откровения изобретателей еще были редки — то они очень ценились, что придавало Прометею уважения и социальной значимости. Одновременно с этим не очень еще высокая производительность труда оставляла мало места коагуляту — различного рода антисоциальным девиантам, а также и Дионису, воплощавшему психосоциальный комплекс расточительства. И мал был круг желающих "хоронить" героя.

Однако постепенно рост производительности труда расширил возможности расточения. К тому же он открыл дверь в клубы расточителей коагуляту. Именно так возникли упомянутые Дугиным салоны декаданса, но возникли они именно что благодаря заботам Прометея.

Потеснил ли Дионис Прометея в реальности? Да ни капли, ибо Прометей рос быстрее, охватывая все новые сферы применения своим талантам, облагораживая жизнь людей, обеспечивая «кормовую базу» своим хулителям. Правда при этом произошла его социальная девалоризация, как это всегда случается с тем, чего становится много, — герой, размножившись в клонах и превратившись в армии инженеров, ученых, предпринимателей, рутинизировался и перестал восприниматься как герой. Фактически же, внедрив свой инновационный тип рутин как обязательные в институциональное ядро общества, титан стал богом.

Именно за это и ухватились люди ночи, зафиксировав смерть титана. Но умолчали они при этом о рождении бога.

Так что сами разговоры о смерти Прометея не очень интересны — ну выдает пьянь декадентская желаемое за действительное, да и Бог чай с ней. Более интересен нижележащий драйвер. Так что же заставляет этих людей твердить о несбыточном, сея в обществе ложь и обман в отношении прогресса? Чему в их душе так ненавистен Прометей? Что же это такое, то, что вот уже пару сотен лет с завидной регулярностью порождает разговоры о его кончине? Ведь слух о смерти Прометея передавался этими людьми друг другу и в разговорах при свечах, и смешком по телефону при включенной лампе, и эсэмэской по мобильнику, и постом в ЖЖ (“Живой журнал” — популярная в России социальная сеть. — *П.К.*)...

Не любят ребята почему-то ни облегчения жизни людей, даваемом прогрессом, ни растущей сложности мира с ее требованиями по квалификации работников, ни радости творчества и создания нового...» — Цитата из статьи: (Крупкин // АПН, 06.07.2009).

[70] Хороший обзор взглядов Э. Гидденса представлен здесь: (Фурс. «Критическая теория позднего модерна» Энтони Гидденса).

[71] Для данного социального времени иногда используются и другие названия — Другой Модерн (У. Бек), Текучий Модерн (З. Бауман).

[72] Выделение универсальных стадий присваивающего, аграрного, индустриального и постиндустриального хозяйства широко распространено в общей теории социальных систем. См., например, статью: (Коротаев, Крадин, Лынша, 2000).

[73] Под рациональным обсуждением вопроса/ситуации я буду понимать такую процедуру, которая включает в себя обязательность принятия во внимание и рассмотрения всех релевантных вопросу/ситуации аргументов. При этом, что важно, каждый привлеченный аргумент также открыт для процедуры рационального обсуждения.

[74] Цитата из статьи: (Семенов // Отечественная история. 2001). См. также: (Семенов // Философия. Культура. Философия культуры. 2004).

[75] В дополнение к литературному среди эпистемных языков можно перечислить различные системы символов, используемых в живописи и архитектуре, нотную запись, различные способы фиксации чертежей.

[76] Вот как по этому поводу написал Ю.И. Семенов: «В большинстве классовых доиндустриальных обществ сосуществовали две культуры: элитарная культура общества в целом и простонародная — крестьянских общин. В первобытных и предклассовых обществах существовала только одна культура. Первобытную и простонародную культуру классовых обществ обычно объединяют под названием традиционной. С переходом к индустриальному обществу традиционная культура с неизбежностью разрушается и исчезает. В классовых обществах идет «опускание» и трансформация ранее элитарной культуры, которая постепенно становится достоянием широких масс, превращается в общенациональную. При этом для народов, находящихся на стадии первобытного и предклассового общества, нет никакого другого выхода, кроме усвоения культуры более развитых народов». — Цитата из работы: (Семенов // Отечественная история. 2001). См. также: (Семенов // Философия. Культура. Философия культуры. 2004).

[77] Здесь следует отметить, что предлагаемая языковая классификация отражает лишь имеющееся положение дел с эпистемами на разных языках, и никак не связана с сущностью данных языков. Любой язык может быть развит до неоментального и, наоборот, при остановке усилий по поддержанию его уровня утратить свой неоментальный статус. Однако следует отметить, что поддержание значимого контен-

та на неоментальном и палеоментальном уровне, который необходим для воспроизводства адекватных людей умственного труда, конкурентоспособных на мировом уровне, требует значительных усилий всего языкового сообщества, и здесь при малочисленности данной группы людей могут возникнуть естественные ограничения. Более подробно данные ограничения будут обсуждены в подразделе «Вмененный риск развития малых наций» раздела «Национальная модель государства» главы 3).

[78] «***Лингвистической относительности гипотеза*** (известная также как “гипотеза Сепира — Уорфа”), тезис, согласно которому существующие в сознании человека системы понятий, а следовательно, и существенные особенности его мышления определяются тем конкретным языком, носителем которого этот человек является». — Цитата из энциклопедической статьи: (Лингвистической относительности гипотеза // Энциклопедия «Кругосвет»).

[79] В принципе в попытках применения системного подхода в социологии нет ничего нового. Как отмечает автор книги (Гуц, 1997): *«... основные принципы системности встречаются в трудах Платона, Аристотеля, Спинозы, Канта, Шеллинга, Гегеля, Маркса. Представление о системе можно найти и в работах социологов XIX — начала XX века — О. Конта, Г. Спенсера, Э. Дюркгейма, П. Сорокина. <...> Наиболее последовательно системный подход к обществу был применен в структурном функционализме — направлении, выросшем из социологии Конта, Спенсера, Дюркгейма и достигшем апогея своего развития в 30—50-е годы XX века* (Парсонс, Мертон, впоследствии — Луман. — *П.К.*)». При этом, однако, как показывает анализ результатов применения системного подхода к социальным объектам, сделанный в работе: (Давыдов // Социологические исследования. 2006), в этой области существует еще много нерешенных задач. См. также книгу: (Давыдов, 2008).

[80] Крупкин // Материалы, 2008.

[81] «***Институты*** — это “правила игры” в обществе, или, выражаясь более формально, созданные человеком ограничительные рамки, которые организуют взаимоотношения между людьми. Следовательно,

они задают структуру побудительных мотивов человеческого взаимодействия — будь то в политике, социальной сфере или экономике». — Цитата из книги: (Норт, 1997. С. 17).

[82] Семенов Ю.И. Общество как целостная система. 2003.

[83] Зиновьев, 2000. С. 49:

«Человейником я называю объединение людей, обладающее следующим комплексом признаков. Члены человейника живут совместно исторической жизнью, т.е. из поколения в поколение, воспроизводя себе подобных людей. Они живут как целое, вступая в регулярные связи с другими членами человейника. Между ними имеет место разделение функций, они занимают в человейнике различные позиции. Причем эти различия лишь отчасти наследуются биологически (различие полов и возрастов), а главным образом они приобретаются в результате условий человейника. Члены человейника совместными усилиями обеспечивают самосохранение человейника. Человейник занимает и использует определенное пространство (территорию), обладает относительной автономией в своей внутренней жизни, производит или добывает средства существования, защищает себя от внешних явлений, угрожающих его существованию. Он обладает внутренней идентификацией, т.е. его члены осознают себя в качестве таковых, а другие его члены признают их в качестве своих. Он обладает также внешней идентификацией, т.е. люди, не принадлежащие к нему, но как-то сталкивающиеся с ним, признают его в качестве объединения, к которому они не принадлежат, а члены человейника осознают их как чужих».

[84] «***Культура*** (лат. cultura — возделывание, воспитание, образование) — система исторически развивающихся надбиологических программ человеческой деятельности, поведения и общения, выступающих условием воспроизводства и изменения социальной жизни во всех ее основных проявлениях. Программы деятельности, поведения и общения, составляющие корпус К., представлены многообразием различных форм: знаний, навыков, норм и идеалов, образцов деятельности и поведения, идей и гипотез, верований, социальных целей и ценностных ориентаций и т.д. В своей совокупности и дина-

мике они образуют исторически накапливаемый социальный опыт. К. хранит, транслирует (передает от поколения к поколению) и генерирует программы деятельности, поведения и общения людей. В жизни общества они играют примерно ту же роль, что и наследственная информация (ДНК, РНК) в клетке или сложном организме; они обеспечивают воспроизводство многообразия форм социальной жизни, видов деятельности, характерных для определенного типа общества, присущей ему предметной среды (второй природы), его социальных связей и типов личностей — всего, что составляет реальную ткань социальной жизни на определенном этапе ее исторического развития». — Цитата из энциклопедической статьи: (Степин В.С. Культура // СЭ).

[85] Крупкин // Материалы, 2008.

[86] Э. Гидденс называет это рутинными социальными практиками. — Данные из статьи: (Фурс. «Критическая теория позднего модерна» Энтони Гидденса).

[87] В последнее время появились модели, описывающие технологическое развитие триб на основе распространения «лучших практик» через обучение — см. работы (Powell, Shennan, Thomas // Science, 2009; Henrich // American Antiquity, 2004) и их обзор в статье: (Наймарк // Элементы, 09.06.2009). Кратко результаты исследования могут быть сформулированы следующим образом:

«...исследование показало, что общий культурный уровень увеличивается в том случае, если плотность всей популяции превышает пороговое значение. Чем сложнее цивилизация (сложнее обучение), тем выше должна быть эта пороговая плотность населения. Кроме того, культурный навык накапливается тем быстрее, чем выше темпы обмена или миграции. При этом хорошо видно, что в отсутствие обмена для поддержания нужного уровня цивилизованности плотность населения должна быть в десятки, а то и в сотни раз выше, чем при налаженных связях. Если плотность населения падает или снижается число подгрупп (поселений), то культурный уровень постепенно снижается».

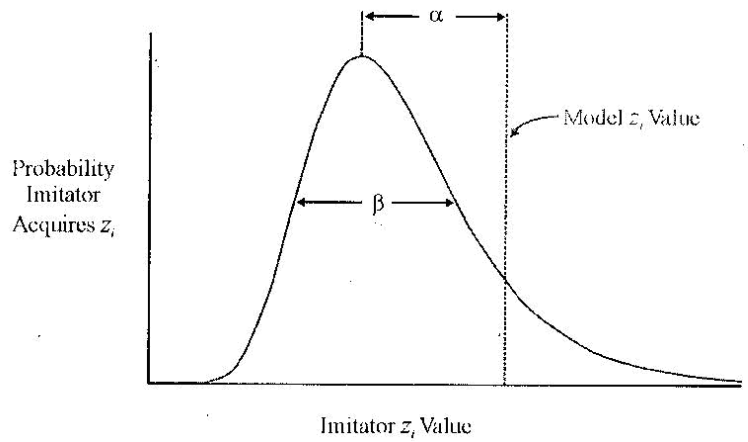

Рис. К1. Механизм усвоения технологии путем обучения копированием в модели «технологического развития трибы» (Henrich // American Antiquity, 2004). Пояснения — в тексте.

В основе данных моделей лежит следующий механизм распространения «лучших практик» (см. рис.К1). При обучении через повторение образцов поведенческих рутин (на рисунке — Model z Value) копирующий индивид из-за своих ошибок и отклонений обычно систематически «отстает» от копируемого образца, но иногда по тем же самым причинам он может найти и более хорошее решение. Так появляются два параметра в распределении усвоенного знания технологии при обучении — систематическое отставание обучающихся (a) и дисперсия приобретенных ими навыков (b). Социальная сложность технологии определяется отношением (a/b). «Игра» же модели проявляется из-за фактора доступности примеров «лучших практик» для индивидов и их желания данные практики перенимать. Например, если для копирования/обучения всегда доступен лишь средний образец технологии по сообществу, то на следующем поколенческом шаге получается естественная деградация группы. Доступность же «лучшего образца» в модели проявляется через логарифм плотности населения с поправкой на «информационную прозрачность» ситуации. На рисунке К2 представлен результат анализа теории на предмет распространения простого и сложного навыков. Видно, что в малочисленных сообществах происходит «вымывание» сложных поведенческих рутин, что, по всей

видимости, и произошло, например, у аборигенов Тасмании в период с 8-го по 3-е тысячелетие до нашей эры.

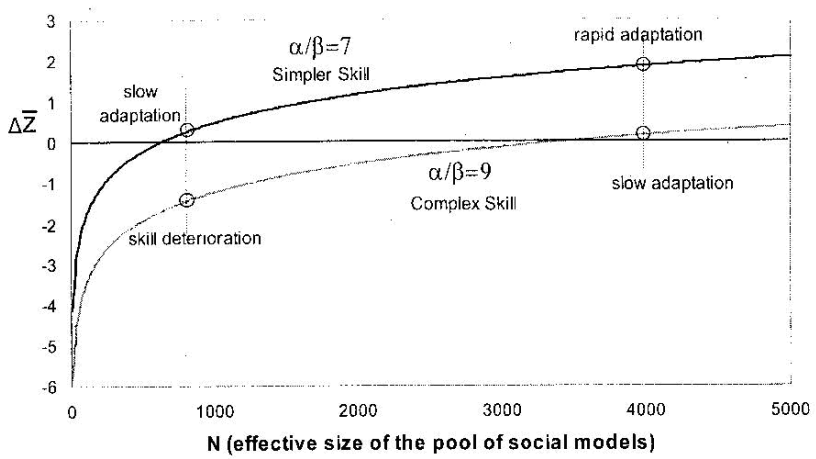

Рис. К2. Результаты расчета по модели «технологического развития трибы» (см. статью J. Henrich выше). Отношение a/b характеризует сложность технологии. Получается, что простые технологии улучшаются при распространении в трибе легче, чем сложные. Также для каждого уровня сложности получается наличие порога по численности трибы такого, что при меньшем количестве народа технологии данной сложности деградируют, а при большем — развиваются. При этом такой технологический порог для сложных технологий — выше.

[88] О компенсации культурой недостатков того, что можно определить как коллективное бессознательное, в частности, писала К. Касьянова (псевдоним В.Ф. Чесноковой) в своей книге (Касьянова, 1994). Исторически же концепция компенсации в плане анализа культурных процессов была впервые применена к генезису религии (см., например, работы Д. Юма , Л. Фейербаха), после чего она заняла определенное место в теологии.

См. также заметку: (Крупкин // АПН, 31.10.2008).

[89] «Еще в “Зияющих высотах” высказана мысль, что социальные законы порождают тенденцию к одноплановой ориентации сознания

и “возникают своего рода силовые линии, разворачивающие мозги людей в одном и том же направлении” (Зияющие высоты. Т. 1. М., 1990, С. 34)» (Гусейнов, 2000).

Основные механизмы такого «согласования» систем взглядов изучаются в рамках социальной психологии. Среди таких механизмов можно упомянуть конформность, когда человек «подстраивается» под систему взглядов группы, в которую он вовлечен, суггестию — внушение, когда человек неосознанно поддается символьному воздействию со стороны как вербальному, так и невербальному, убеждение, когда человек адаптирует свое мировоззрение под действием авторитета или каких-то аргументов.

[90] Спин-спиновое взаимодействие сводится к тому, что спины (магнитные моменты) соседних атомов, которые можно представить векторами, стремятся встать параллельно друг другу (то, что я назвал словом «подстраиваются»). Данное стремление к упорядоченности, дополненное тепловыми флуктуациями в системе (энтропийный фактор), с учетом исторической фрагментации порождает очень интересную динамику, частным случаем которой является образование относительно упорядоченных доменов — областей пространства с одинаково развернутыми спинами.

[91] Пригожин, 2006.

[92] Гидденс, 2005.

[93] Представленная в данном абзаце схема распространения квантов идеального в общественном сознании в целом совпадает с тем, что принято в меметике. Меметика — это наука о мемах: тех самых квантах идеального, квантах культуры в человеческом сознании, набор которых определяет культурное содержимое личности. В основе данной системы представлений лежит идея Р. Докинза, который в своей книге (Докинз, 1993) предложил использовать в культурологии мемы по аналогии с биологическими генами. Данная аналогия и определяет весь понятийный аппарат меметики.

Интересная попытка интеграции меметики в социологию была сделана А.А. Ослоном: (Ослон // Отечественные записки, 2003); Ослон // Социальная реальность, 2006).

[94] Краткое изложение данной теории Хайека (цитируется по работе: (Хайек, 2003. С. 150—152):

«...только признание некоторых принципов права, прежде всего институтов частной собственности и обязательности договоров, может обеспечить такое взаимное согласование планов разных людей, при котором у каждого появятся хорошие шансы на реализацию собственных планов. Как позднее с большей ясностью показала экономическая теория, именно такое взаимное приспособление индивидуальных планов позволяет людям быть взаимополезными и, одновременно, достигать собственных целей в соответствии со своим разумением и способностями.

Таким образом, функцией правил поведения было не организовать индивидуальные усилия для решения конкретных согласованных задач, но обеспечить всеохватывающий порядок действий, в рамках которого каждый, стремясь к собственным целям, сможет получать наибольшую выгоду от усилий других. Правила, благоприятствующие формированию такого спонтанного порядка, рассматривались как результат длительного экспериментирования. И хотя полагали, что эти правила могут быть улучшены, считалось, что само улучшение должно протекать медленно, шаг за шагом, чтобы новый опыт мог показать свою желательность.

Большим преимуществом такого самопорождающегося порядка считалось не только то, что каждый получал свободу преследовать собственные цели — эгоистические или альтруистические. Преимущество видели и в том, что такой порядок делает возможным использование рассеянных в обществе знаний об обстоятельствах места и времени, которые существуют только как знания отдельных людей и никаким способом не могут стать достоянием какого-либо органа управления. Именно благодаря такой утилизации большего числа конкретных знаний, чем было бы возможным при любой централизованной системе управления экономической деятельностью, совокупный общественный продукт оказывается настолько велик, насколько он может быть при имеющихся знаниях.

Предоставив формирование такого порядка спонтанным силам рынка, действующим в рамках соответствующих правовых установлений, мы получаем более охватывающий порядок и более полную адаптацию к конкретным обстоятельствам, но при этом конкретное содержание этого порядка не может быть объектом направленного

контроля и определяется преимущественно случаем. Наличие правовых ограничений и деятельность всевозможных специальных институтов, служащих формированию рыночного порядка, могут влиять только на его общие или абстрактные характеристики, но не предопределяют результаты для отдельных лиц или групп. Хотя оправдание такого порядка в том, что он увеличивает шансы для всех и делает положение каждого серьезно зависящим от его личных усилий, все-таки результат в немалой степени зависит от непредвиденных обстоятельств, которыми никто не в состоянии управлять. Со времен Адама Смита процесс, определяющий долю индивида в рыночной экономике, нередко уподоблялся игре, в которой результаты каждого зависят не только от его умения и усердия, но и от везения. Участие в этой игре имеет смысл, поскольку она в большей степени, чем какой-либо иной метод, увеличивает сумму, подлежащую распределению. Но одновременно доля каждого оказывается подверженной всем видам случайности, и, безусловно, нет гарантий, что доля индивида всегда соответствует его субъективным заслугам или тому, как другие оценивают его усилия».

[95] Бурдье, 1993.

[96] Крупкин // АПН, 31.10.2008.

[97] «***Капитал социальный*** — понятие, введенное П. Бурдье... в статье “Формы капитала” (1983) для обозначения социальных связей, которые могут выступать ресурсом получения выгод...» — Цитата из словарной статьи: (Сивуха С.В. Капитал социальный // СЭ). См. также Бурдье, 1993.

[98] «***Бюрократия*** (bureaucracy) (от франц. bureau — канцелярия и греч. кратос — власть) — система управления, основанная на вертикальной иерархии и призванная выполнять поставленные перед нею задачи наиболее эффективным способом. “Бюрократией” часто называют не только систему управления, осуществляемую специальным властным аппаратом, но и сам этот аппарат. Термины “бюрократия” и “бюрократизм” могут также использоваться в негативном смысле для обозначения неэффективной, чрезмерно формализованной системы управления.

Впервые понятие “бюрократия” возникло в 1745. Термин был образован французским экономистом Винсентом де Гурне, в момент своего образования слово имело уничижительный смысл — им подразумевалось, что бюрократы-чиновники отнимают реальную власть у монарха (при монархии) или у народа (при демократии).

Первым, кто продемонстрировал достоинства бюрократии как системы управления, был немецкий социолог Макс Вебер. Он предложил понимать под ней рациональную работу учреждений, в которой каждый элемент работает максимально эффективно. После этого в ситуациях плохой работы чиновников (волокита, требующая оформления многих лишних документов и долгого ожидания решения) стали вести речь не о бюрократии, а о бюрократизме, разведя два этих понятия. Если первоначально понятие «бюрократия» употребляли только в связи с правительственными учреждениями, то сейчас его используют при определении любой крупной организации, имеющей большой и разветвленный штат управленцев (“корпоративная бюрократия”, “профсоюзная бюрократия” и др.)». — Цитата из статьи в энциклопедии «Кругосвет» (Латова Н. Бюрократия // Энциклопедия «Кругосвет»).

[99] Там же.

[100] «***Тейлоризм***, система организации труда и управления производством, возникшая в США на рубеже XIX—XX вв. Характеризуется использованием достижений науки и техники в целях извлечения максимума прибавочной стоимости путем усиления эксплуатации рабочего класса. Названа по имени американского инженера Ф.У. Тейлора (F.W. Taylor; 1856—1915). Т. представляет собой совокупность разработанных им и его последователями методов организации и нормирования труда и управления производственными процессами, подбора, расстановки и оплаты рабочей силы, направленных на существенное повышение производительности и интенсивности труда. Т. предусматривает детальное исследование трудовых процессов и установление жесткого регламента их выполнения, а также режимов работы оборудования, установление высокого “поденного” (или почасового) урока (нормы выработки), подбор и специальную тренировку рабочих, пригодных для выполнения различных видов работ при очень высоких темпах труда.

Разработанный Тейлором аналитический метод нормирования труда основан на непосредственном измерении затрат времени на выполнение определенных операций и видов работ с помощью хронометражных наблюдений. Этот метод сводится к расчленению всех трудовых операций на простые трудовые действия и приемы, к устранению излишних и бесполезных, к изучению способов выполнения самыми квалифицированными рабочими отдельных элементов работы и отбору наиболее быстрых и удачных. При установлении нормы выработки Тейлор выбирал наиболее физически сильного, ловкого и искусного рабочего, предварительно обученного самым совершенным методам труда. Показатели выработки этого рабочего, зафиксированные поэлементно с помощью хронометражных наблюдений, устанавливались в качестве нормы, обязательной для выполнения всеми рабочими // Чтобы материально заинтересовать всех рабочих в выполнении и перевыполнении этой высокой нормы, Тейлор разработал специальную систему сдельной заработной платы, в соответствии с которой рабочие, выполнившие и перевыполнившие норму, оплачивались по повышенным против обычных тарифным ставкам и расценкам, а рабочие, недовыполнившие норму (хотя бы на долю процента), оплачивались по пониженным (как правило, на 20—30%) ставкам, то есть подвергались штрафу. Т. предусматривал также определенное чередование элементов труда и отдыха. Тейлор рекламировал введение им регламентированного отдыха как показатель гуманности и научности его методов: в действительности это служило поддержанию высокой интенсивности труда рабочих на протяжении всего рабочего дня.

Введение Т. на американских предприятиях в начале XX в. привело к резкому росту интенсивности труда. Рабочих, не выдерживавших высоких темпов труда, либо переводили на хуже оплачиваемые работы, либо увольняли». — Цитата из энциклопедической статьи: (Мошенский М.Г. Тэйлоризм // БСЭ).

[101] «***Отчуждение*** — философская категория для обозначения общественного процесса, в границах которого происходит превращение результатов и продуктов деятельности людей в независимую силу, становящуюся выше своих творцов и подавляющую их». — Цитата из словарной статьи: (Грицанов А.А. Отчуждение // НФС).

[102] «... смысл слова «ритуализм» восходит к определению, данному Р. Мертоном. Для него ритуализм — это тип индивидуальной адаптации, когда индивид отвергает культурно определенные цели по причине неспособности их достижения, но продолжает исполнять институциональные правила и нормы, предназначенные для достижения этих целей. Такое понимание можно рассматривать как концептуализацию ритуала в обыденном смысле, о котором сказано выше. Мертон разъяснял ритуализм следующим образом: индивид чувствует себя защищенным, следуя рутинным процедурам, предписанным для достижения успеха. Даже если он уверен, что никогда не преуспеет и не поднимется на более высокую ступень в организации, само это ритуальное соответствие институциональной модели предохраняет его от острой тревоги и нервных срывов, которые провоцируются провалом попыток достижения цели». — Цитата из раздела 3.1 «Ритуалы и ритуализм» книги: (Ионин, 2000). См. также статью: (Мертон, 1966).

[103] «***“Человеческих отношений”*** теория — (Human relations theory), концепция принципов и задач управления людьми в организациях (прежде всего промышленных), разрабатываемая в буржуазной социальной науке. Возникла в 20-х гг. XX в. в США как мировоззренческая и методологическая основа индустриальной социологии труда. Ведущие представители “Ч.о.”т. в США — Ф. Дж. Ретлисбергер, У. Мур, Э. Мэйо, во Франции — Ж. Фридман // “Ч.о.”т. сформировалась как оппозиция тейлоризму. Отказавшись от биологического и механического подходов тейлористского “научного руководства”, она выдвинула задачу внедрения методов обращения с работником как “социально-психологическим” существом. В основе новых методов интенсификации и повышения производительности труда “Ч.о.”т. предложила учитывать психологические и моральные качества человека (установки, мотивы, ценностные ориентации и т.п.). Использование данных эмпирических исследований удовлетворенности работника трудом, влияния коллективных требований и психологического климата в трудовой ячейке на производительность труда стимулировали попытки разработать программу “гармонизации” отношений различных групп и индивидов в целях наиболее эффективного функционирования организации в целом. Эта программа учитывала требования, вытекающие из современного технического прогресса. Новая технология, автоматизация и механизация производственных процессов вы-

двинули на первый план задачу воспитания работника, способного к постоянному совершенствованию трудовых навыков. Кроме того, выявилась неэффективность потогонных методов повышения производительности труда. Практические нужды капиталистического производства подтолкнули исследование важных проблем в рамках “Ч.о.”т.: факторов, обусловливающих положительное или отрицательное отношение к труду, влияния коллектива на личность, эффективности форм и методов руководства, улучшения условий труда, отдыха, проведения свободного времени и т.д». — Цитата из энциклопедической статьи: (Новиков Н.В. «Человеческих отношений» теория // БСЭ).

[104] «***Элиты теории*** (франц. élite — лучшее, отборное, избранное) — социально-философские, социологические и политологические концепции, утверждающие, что Э. — доминирующие (господствующие) общественные группы, вырабатывающие и осуществляющие государственную, культурную и социально-экономическую политику, — являются необходимыми и жизненно важными структурными элементами для функционирования социума любого типа. (Понятие “Э.” употреблялось в Западной Европе для обозначения товаров высшего качества, а также лучших сортов в генетике и семеноводстве, начиная с 17 в. Согласно Оксфордскому словарю 1823, термин “Э.” применялся в качестве определения в первом приближении социальных категорий высшей знати, “избранных” людей.) Идейными предтечами классических и современных Э.т. были Платон (идея правящего класса, состоящего из философов-профессионалов), Т. Карлейль (противопоставление “героев” и “толпы”), Ницше (ряд возможных интерпретаций идеала “сверхчеловека”).

Придание Э. легитимного статуса в категориально-понятийных комплексах социальных и гуманитарных дисциплин, оформление Э.т. как целостных систем представлений традиционно связываются с творчеством В. Парето, итальянского социолога Г. Моски, немецкого политолога Р. Михельса и др. Исходя из представлений о социальной гетерогенности, предопределенной, с его точки зрения, изначальным психологическим неравенством индивидов, Парето утверждал, что в каждой области человеческой деятельности индивиду дается некий (реальный либо предполагаемый) индекс, являющийся оценкой его способностей. Совокупность людей, каждый из которых получил в своей области самую высокую оценку, Парето и предлагал назвать

"Э.". По мнению Парето, Э. — избранная часть общества, остальная его часть лишь приспосабливается к полученным от нее стимулам. Согласно Парето, история человечества — это история постоянной смены Э.: одни возвышаются, другие приходят в упадок, происходит "классовая циркуляция, или круговорот Э." (или, по Парето, революции). Э. у Парето присущи "продуктивность, высокая степень деятельности", а также умение убеждать, манипулируя эмоциями людей вкупе с готовностью применять силу там и тогда, где и когда это неизбежно. Механизмом обновления правящей Э., по Парето, выступает социальная мобильность — чем больше "открыт" правящий класс, тем более он способен сохранить свое господство. По Г. Моска, во всех обществах и во все времена возникают два класса людей — класс, который правит, и класс, которым правят. Первый, всегда менее многочисленный, выполняет ведущие политические функции, монополизируя власть и наслаждаясь преимуществами, которые она дает, в то время как другой, более многочисленный управляется и контролируется первым, причем традиционно таким образом, который обеспечивает легитимное функционирование политического организма. (Адекватная социальной реальности "политическая формула", по Моска, предполагает веру "некомпетентного большинства" в то, что оно подчиняется не столько реальной силе, сколько абстрактным принципам осуществления власти.) Э. согласно Моска формируется как политический класс посредством таких социальных процедур, как наследственность, кооптация, выбор/выборы. Оптимальной моделью функционирования политической Э., по мнению Моска, выступает некая "равнодействующая" между ее "закрытой кристаллизацией" и перманентным существенным обновлением. Михельс, анализируя исторические судьбы политических Э. Европы первой трети 20 в., сформулировал тезис о неизбежности исторического краха любой бюрократически организованной партийно-государственной Э. Согласно Михельсу всякая демократическая структура атрибутивно содержит в себе потенциал олигархии ("железный закон олигархии"): "человек-масса", в отличие от представителей Э., не способен действительно участвовать в социальном управлении. Антидемократические тенденции в эволюции любой общественной системы очевидны и не поддаются системному анализу, ибо их первооснова в самой человеческой природе и в сущности "организаций вообще" как таковых.

Дальнейшее развитие Э.т. в 20 ст. еще более акцентировало полемический аспект данной проблемы. Э. именовались люди, обладающие интеллектуальным или моральным превосходством над массой, наивысшим чувством ответственности (Ортега-и-Гассет); люди, пользующиеся в обществе наибольшим престижем, статусом, богатством и, очевидно, принадлежащими власти (А. Этциони); люди, располагающие формальной властью в организациях и институтах, определяющих общественную жизнь (Т. Дай); "боговдохновленные личности" харизматического типа (Л. Фройнд); творческое меньшинство общества в противоположность нетворческому большинству (Тойнби) и т.д.

В целом же в 20 в. для исследователей феномена Э. (за исключением Моски и его последователей, отождествляющих Э. с правящим классом) наиболее типично акцентированное противопоставление дихотомии "Э. — масса" марксистской теории классов и классовой борьбы. Так, по мнению американских политологов К. Прюита и А. Стоуна, "теории элит находятся в конфликте с марксовой теорией классовой борьбы. Если «Коммунистический манифест» провозглашает, что история до сих пор существовавших обществ была историей борьбы классов, то кредо элитистов заключается в том, что история до сих пор существующих обществ была историей борьбы элит. Неэлиты — пассивные наблюдатели этой борьбы". В конце 1930 — начале 1940-х эмигрировавшие из Германии в США Дж. Шумпетер и Мангейм реконструируют Э.т., стремясь совместить их постулаты с идеалами и пафосом атлантических демократических институтов и ценностей. В концепции Шумпетера различные Э. выносят на рынок свои политические программы, а массы "покупателей" на выборах принимают или отвергают их. По Мангейму же, отличительная черта демократии — не отсутствие Э., а конкуренция между относительно открытыми Э. за власть в контексте "демократического оптимума" отношений Э. и масс. Начиная с 1940-х авторы идей и приверженцы идеалов "демократического элитизма" (Г. Лассуэлл и его школа) становятся ведущими в США, разрабатывая теорию множества Э., выражающих интересы различных социальных групп, уравновешивающих друг друга и предотвращающих тоталитаризм. В 1970—1990-х в американской социальной и политической науке полемизируют сторонники элитного плюрализма и "неоэлитаристы" (Т. Дай, Х. Зиглер и др.). Последние считают, что небольшая по численности элита осуществляет в

США власть де-факто, и эта власть «структурна», в принципе не являясь зависимой от исхода тех или иных выборов.

В СССР официальная идеология полностью отрицала существование Э. в государствах и социумах социалистического типа. В действительности дихотомия “Э. — масса” оказалась приложимой к общественному устройству “реального” социализма в неизмеримо большей степени, чем к моделям западных демократий: в СССР сформировался правящий слой, сосредоточивший в своем ведении неограниченную экономическую и политическую власть и пользовавшийся многочисленными институциональными привилегиями. Так называемая перестройка в СССР была задумана не столько в целях ликвидации власти партократической Э., сколько как ее реформирование и модернизация. Однако национальные и региональные Э. советского государства, призванные противопоставить апатии масс и разрушительному потенциалу неадекватных реформ собственные знания, опыт и конструктивную волю, предпочли этому пути на протяжении 1990-х поиск парциальных, местных разрешений кризисных явлений. Результатом в подавляющем большинстве случаев явилась трансформация единой тоталитарной Э. Советского Союза в совокупность все более обособляющихся друг от друга посттоталитарных Э. в большинстве случаев криминального характера». — Статья из энциклопедии: (Грицанов А.А. Элиты теории // СЭ).

[105] Крупкин // АПН, 04.04.2007.

[106] ***Элита общества*** (франц. élite — лучшее, отборное, избранное) — верхний слой общества, в котором сосредоточено принятие стратегических решений. Обычно для определения элиты и массы приводится цитата из работы Г. Моска: «Среди неизменных явлений и тенденций, проявляющихся во всех политических организмах, одно становится очевидно даже при самом поверхностном взгляде. Во всех обществах (начиная со слаборазвитых или с трудом достигших основ цивилизации вплоть до наиболее развитых и могущественных) существуют два класса людей — класс правящих и класс управляемых. Первый, всегда менее многочисленный выполняет все политические функции, монополизирует власть и наслаждается теми преимуществами, которые дает власть, в то время как второй, более многочисленный класс управляется и контролируется первым в форме, которая в настоящее время более или менее законна, более или менее произвольна и насильственна и обеспечивает первому классу, по крайней мере внешне, материальные средства существования и все необходимое для жизнедеятельности политического организма». — Цитата из статьи: (Моска, 1994).

При этом следует отметить, что более детальное рассмотрение функции управления в обществе требует дополнить классификацию Моска. Ведь многие из тех, кто работает управленцем в какой-либо социальной структуре все свое рабочее время, увы, отлучены от решения стратегических вопросов. Поэтому для более широкой страты профессиональных управленцев имеет смысл ввести термин «***актив***», зарезервировав термин «***элита***» лишь для тех, кто действительно вовлечен в принятие важных для всего общества решений самого верхнего уровня. Что и сделано в настоящей книге.

[107] Нифонтов // АПН, 25.05.2006.

[108] В принципе если вместо достаточно четко определенной функции «управления» взять традиционно используемую в теории элит функцию «правление», то вычленяться в качестве верхнего слоя будет именно элита — те, кто правит (Г. Моска). При этом на следующем логическом шаге встанут вопросы: а на кого опирается элита в своем правлении? Кто помогает элите обеспечить ее гегемонию в обществе? И ответ на данный вопрос вводит в рассмотрение то, что обычно называют «средним классом» — субэлитные слои общества, несущие основную нагрузку по поддержке гегемонии текущей элиты. Опираясь на основную стратификацию данной книги, можно отметить, что к среднему классу следует прежде всего отнести внеэлитный актив, дополненный верхними слоями массы. Именно эти люди находятся в зоне видимости для остальной массы, и именно они задают остальному обществу стандарты поведения. Поэтому, чем больше численность среднего класса, тем шире база гегемонии текущей элиты в обществе.

[109] Вспомнилась дискуссия, имевшая место лет двадцать назад. Мы обсуждали тогда роль активных людей в обеспечении воспроизводства жизнедеятельности общества. Один мой знакомый выдвинул концепцию, что существует некая величина, характеризующая необходимый порог активности. Если доля активных людей в населении превыша-

ет данный порог, то страна может естественно развиться в общество всеобщего благоденствия. Если же нация не производит достаточного количества активных людей, то она обречена вечно искать свои пути к построению хорошей жизни. Мой знакомый также настаивал на том, что плотность генерации активных людей есть национальная детерминанта, и она максимальна у англосаксов, достаточно высока в Европе, и ниже порогового значения во всех остальных странах мира. (Естественно, что под активными людьми мы понимали лишь позитивных людей, благоустраивающих мир вокруг себя.)

Идея показалась мне продуктивной, но ее расовая направленность была для меня неприемлема. Поэтому я слегка переделал предложенную идею, введя географический фактор. ***Существует необходимая пороговая концентрация активных людей на единицу территории, и если доля активных людей в плотности населения превосходит данную пороговую величину, то общество может воспроизводимо самоорганизоваться в общество всеобщего благоденствия.*** Под такой формулировкой лежит интуитивное понимание, что активный человек может благоустроить лишь какую-то определенную территорию. Если такие зоны покрытия не пересекаются друг с другом, то хаос разрушения может развиться в лакунах и снести островки благоденствия. В этом случае эффективное существование институтов гражданского общества невозможно и позитивное развитие общества может происходить лишь в рамках тоталитарной, авторитарной, или другой подобной системы. При существенном перекрытии зон покрытия активным людям удается удержать хаос под контролем, создать позитивную конкурентную среду, и становится возможным эффективное функционирование институтов гражданского общества с передачей им от государства многих важных функций.

Такая формулировка позволяет понять генезис современных обществ западного типа исторически — ведь были времена, когда в Европе и не пахло демократией, а жизнь там была менее комфортной, чем мы имеем сейчас в России. Также становится понятной и географическая дифференциация — в однородных условиях Российского законодательства: жизнь в Москве более комфортна жизни в Подмосковье, а жизнь в Подмосковье лучше жизни в провинции. Здесь же можно вспомнить недавний скандал в США по поводу коррупции на Аляске — оказалось, что нравы на Аляске отличаются от нравов в других американских штатах отнюдь не в лучшую сторону — см. статью: (Пирлстайн // Вашингтон Пост, 23.11.2005).

И было радостно узнать, что с начала XXI века данная идея пошла в научную разработку — см. обзор (Наймарк // Элементы). Конкретные детали разрабатываемых моделей были приведены выше в одном из комментариев к разделу «Социальная микродинамика» настоящей главы.

[110] Гэлбрейт, 1976.

[111] Бодрийар, 2000.

[112] Кошен, 2004.

[113] Шафаревич, 1994.

[114] Шумпетер, 1995. Цитата из главы 13: «Определить людей этого типа (интеллектуалов, “малый народ”, коагулят. — *П.К.*) не так-то легко. Сама эта трудность на самом деле симптоматична. Интеллектуалы — это не социальный класс в том смысле, в каком им являются крестьяне или промышленные рабочие; они приходят из всех уголков социального мира, а занимаются главным образом тем, что воюют между собой или формируют передовые отряды борьбы за чужие классовые интересы. Тем не менее у них возникают групповые установки и групповые интересы, причем достаточно сильные, чтобы заставить многих из них вести себя таким образом, который в нашем представлении обычно ассоциируется с понятием социального класса. Опять-таки их нельзя определить просто как совокупность всех людей, получивших высшее образование, — это бы заслонило от нас самые важные черты этого типа. При этом все, кто имеет высшее образование, являются потенциальными интеллектуалами, и никто из тех, кто его не имеет, таковым за редким исключением не является; а то обстоятельство, что их головы сходным образом оснащены, облетает взаимопонимание и сплачивает. Не приблизит нас к цели и попытка связать это понятие с принадлежностью к людям свободных профессий; врачи и юристы, например, не являются интеллектуалами в том смысле, который мы имеем в виду, если они не рассуждают письменно или устно о предметах, лежащих за пределами их профессиональной

компетенции, хотя они, безусловно, имеют такую склонность и делают это весьма часто — особенно юристы. И все же между интеллектуалами и свободными профессиями существует очень тесная связь. Дело в том, что некоторые профессии — особенно если считать профессией журналистику — на самом деле действительно почти целиком относятся к сфере обитания интеллектуалов; представители любой свободной профессии имеют возможность стать интеллектуалами; и многие интеллектуалы зарабатывают себе на жизнь, практикуя ту или иную свободную профессию. Наконец, определение интеллектуалов через противопоставление умственного и физического труда оказалось бы слишком широким. *(К своему сожалению, я обнаружил, что Оксфордский толковый словарь английского языка не приводит того значения, который мне хотелось бы вложить в это слово. Он приводит выражение dinner of intellectuals ("пиршество интеллектуалов"), но в связи со значением "высшие виды умственной деятельности", которое уводит нас в совершенно иную плоскость. Как я ни старался, мне не удалось подыскать другое слово, которое столь же верно отвечало моим целям.)* Выражение же герцога Веллингтона "братия бумагомарателей" представляется слишком узким. *(Эти слова герцога приведены в "The Croker Papers" (cd. L.J. Jennings, 1884.) То же относится и к термину hommes de lettres (литераторы)* // Впрочем, мы не совершили бы слишком большой ошибки, если бы воспользовались определением Железного герцога. На самом деле интеллектуалы — это люди, владеющие устным и письменным словом, а от других людей, делающих то же самое, их отличает отсутствие прямой ответственности за практические дела. Вообще говоря, с этой чертой связана и другая — а именно отсутствие практических знаний, знаний, которые даются только личным опытом. Установка на критику, которая объясняется не только положением интеллектуала как наблюдателя, причем в большинстве случаев наблюдателя стороннего, но в не меньшей мере и тем, что его главный шанс самоутвердиться заключается в его фактической или потенциальной способности досаждать, добавляет к портрету интеллектуала третий штрих. Профессия непрофессионалов? Профессиональный дилетантизм? Люди, которые берутся рассуждать обо всем, поскольку они ничего не понимают? <...> Все те, кто не имеет постоянной работы, недоволен своей работой или непригоден к работе вообще, постепенно оказываются на местах, где предъявляемые к ним требования наиболее расплывчаты или где ценятся знания и способности совершенно иного

рода. Они пополняют собой армию интеллектуалов в строгом смысле этого слова, ряды которых, таким образом, непомерно возрастают. Они вступают в нее, испытывая глубокое недовольство. Недовольство порождает неприятие. А неприятие рационализуется в ту самую установку на критику общества, которая, как мы уже видели, является типичной установкой наблюдателя-интеллектуала по отношению к людям, классам и институтам, во всяком случае, в цивилизации, построенной на принципах рациональности и утилитарности».

[115] Очерк истории слоя «интеллектуалов», приведенный Шумпетером в главе 13 своей книги: (Шумпетер, 1995):

«... подходящий экспонат, снабженный четкой этикеткой, мы найдем в музее греческой истории. Софисты, философы, риторики V и IV вв. до н.э. как бы они ни возражали против того, чтобы их всех валили в одну кучу, все они принадлежали к одной породе людей, идеально иллюстрируют мою мысль. То обстоятельство, что практически все они были учителями, не делает эту иллюстрацию менее ценной.

<...> оставляя в стороне греко-римский мир, мы находим их в чисто докапиталистических условиях, например в королевстве франков и в странах, на которые оно распалось. Однако число их было невелико; это были священнослужители, в основном монахи, а их писания были доступны лишь бесконечно малой части населения. Конечно, время от времени появлялись сильные личности, которым удавалось выработать неортодоксальные взгляды и даже донести их до широкой аудитории. Однако это, как правило, грозило вызвать враждебность очень жестко организованного окружения, из которого в то же время трудно было вырваться, и идя на этот шаг, человек рисковал обречь себя на участь еретика. Но мало было решиться на подобные действия, требовалась еще поддержка или доброе расположение какого-нибудь влиятельного сеньора или вождя, и тактика миссионеров убедительнейшее тому свидетельство. В целом, таким образом, интеллектуалов крепко держали в узде, и проявление своего норова было делом нешуточным даже во времена крайнего хаоса и смуты, как это было, например, в эпоху эпидемий чумы (в 1348 г. и позже).

Но если колыбелью интеллектуалов средневекового образца служили монастыри, то капитализм отпустил их на волю и снабдил печатным станком. Медленная эволюция интеллектуалов-мирян была лишь одним из аспектов этого процесса; то, что возникновение гума-

низма совпало во времени с появлением капитализма, — факт весьма примечательный. Большинство гуманистов составляли поначалу филологи, однако и это прекрасно иллюстрирует высказанную выше мысль — они не замедлили освоить сферы морали, политики, религии и философии. Виной тому было не только содержание классических работ, по которым они изучали свою грамматику, ведь от критики текста до критики общества путь короче, чем это может показаться. Как бы то ни было, типичный интеллектуал не лелеял мечту быть сожженным на костре, который все еще угрожал еретикам. Как правило, почести и комфорт нравились ему гораздо больше. А получить все это можно было в конечном счете лишь из рук властителей, светских или духовных, хотя гуманисты были первыми интеллектуалами, имевшими массовую аудиторию в современном смысле этого слова. Установка на критику крепчала с каждым днем. Но социальная критика если не считать того, что содержалось в некоторых нападках на католическую церковь и в особенности на ее главу, в подобных условиях расцвета не получила.

Однако почестей и приличных доходов можно добиваться разными путями. Лесть и подхалимство часто вознаграждаются хуже, чем их противоположность. Аретино [Пьетро Аретино (1492—1556)] не был первым, кто открыл эту истину, но ни одному смертному не удалось превзойти его в умении ею пользоваться. Карл V был преданным мужем, но во время своих походов, которые на много месяцев отлучали его от дома, он жил жизнью джентльмена своей эпохи и своего класса. Ну и прекрасно, общество и, что особенно было важно для Карла, императрица не должны были об этом узнать, и великий критик политики и морали своевременно получал убедительные и весомые доводы. Карл откупался. Но дело все в том, что это не был простой шантаж, который, как правило, одну сторону обогащает, а другой наносит ничем не компенсируемый ущерб. Карл знал, почему он платил, хотя, несомненно, он мог бы заручиться молчанием более дешевым и радикальным методом. Он не выказывал недовольства. Напротив, он даже превзошел самого себя и воздал почести этому человеку. Очевидно, ему необходимо было нечто большее, чем просто молчание, и, кстати говоря, его дары воздались ему сторицей.

<...> Таким образом, в некотором смысле перо Аретино было действительно сильнее меча. Однако, возможно, виной тому мое невежество, мне неизвестно о случаях такого рода за последующие сто пять-

десят лет [Впрочем, в Англии роль и масштабы такого явления, как сочинение памфлетов, в XVII в. резко возросли], в течение которых интеллектуалы, похоже, не играли сколько-нибудь заметной роли вне и независимо от устоявшихся профессий, а это были главным образом право и богословие. Характерно, что это затишье примерно совпадает с задержкой в эволюции капитализма, которая имела место в этот период смуты в большинстве стран континентальной Европы. И позже, когда капитализм стал наверстывать упущенное, интеллектуалы не замедлили к нему присоединиться. Дешевые книги, дешевые газеты и памфлеты, а также расширение аудитории, достигнутое отчасти благодаря возросшей доступности печатного слова, но частично представлявшее собой независимое явление, явившееся результатом пришедших к промышленной буржуазии богатства и веса и по времени совпавшего с этим усиления политической значимости анонимного общественного мнения, все эти блага, равно как и возросшая свобода от всяческих пут, являются побочными продуктами капиталистической машины.

В течение первых трех четвертей XVIII в. утрата той первостепенной важности, которую на первых порах в карьере интеллектуала играл его персональный патрон, происходила неспешно. Но, по крайней мере в случаях самых ярких удач мы явственно различаем возрастание важности нового элемента поддержки коллективного патрона буржуазной публики. В этом, как и во всех иных отношениях, бесценный пример дает нам Вольтер. Сама его поверхностность, которая позволяла ему охватывать все, начиная от религии, кончая ньютоновой оптикой, в сочетании с неукротимой энергией и ненасытной любознательностью, совершенным отсутствием внутренних тормозов и умением безошибочно угадывать настроения эпохи и безраздельно их воспринимать позволила этому некритичному критику и посредственному поэту и историку заворожить публику, и труды его шли нарасхват. Он также спекулировал, жульничал, принимал дары и назначения, но в нем ощущалась независимость, основанная на прочном фундаменте его успеха у публики. Пример Руссо, хотя случай его совершенно иной и представляет он совершенно иной тип интеллектуала, не менее поучителен.

В последние десятилетия XVIII в. один поразительный эпизод высветил природу могущества независимого интеллектуала, который по характеру своей работы ни с чем иным, кроме как с социопсихологиче-

ским механизмом, именуемым “общественное мнение”, дела не имеет. Произошло это в Англии, стране, которая в то время намного дальше других продвинулась по пути капиталистического развития. Следует признать, что Джон Уилкс развернул свои атаки против политической системы Англии при исключительно благоприятном стечении обстоятельств; к тому же нельзя сказать, чтобы именно он опрокинул правительство, возглавляемое герцогом Бьютом, правительство, у которого и так никогда не было шансов выжить и которое должно было пасть в силу дюжины других причин; однако “Северный бритт” — листок, выпускавшийся Уилксом, оказался тем не менее той последней соломинкой, которая сломала ... политический хребет лорда Бьюта. Номер 45 “Северного бритта” оказался первым залпом в кампании, которая добилась отмены безымянных ордеров на арест и сделала огромный шаг вперед по пути к свободной прессе и свободным выборам. Пусть этого недостаточно, чтобы считаться творцом истории или создателем условий, позволивших изменить социальные институты, но этого вполне достаточно, чтобы заслуженно претендовать на роль, скажем, подручного повитухи *(Я не боюсь, что какой-либо специалист по истории политики обвинит меня в том, что я преувеличил значение успеха Уилкса. Чего я боюсь, так это возражений против того, что я назвал его независимым деятелем, откуда получается, что он всем был обязан коллективу и ничем индивидуальному патрону. В начале своей карьеры он, безусловно, опирался на поддержку coterie (кружка доброжелателей). Но если разобраться, придется, я думаю, признать, что решающего значения это не имело и что вся поддержка, все деньги и почести, которые он впоследствии заслужил, были лишь следствием его предыдущего успеха и данью тому общественному авторитету, который он приобрел самостоятельно)*. Неспособность врагов Уилкса помешать ему — вот самый значительный факт во всей этой истории. Они имели в своем распоряжении всю мощь организованного государства, и все же что-то заставило их отступить.

Во Франции годы, предшествовавшие революции, и сама революция тоже ознаменовались выпуском мятежного листка (Марат, Демулен), который, однако, в отличие от своего английского аналога не полностью выкинул за борт литературный стиль и грамматику. Но не будем на этом задерживаться, нам пора двигаться дальше. Террор и Первая империя, взявшиеся за дело более методично, положили этому конец. Затем последовал период, ненадолго прерванный периодом

правления roi bourgeois (буржуазного короля) *(*Имеется в виду Луи Филипп Орлеанский. — *Прим. ред.)*, более или менее жестких репрессий, который длился до тех пор, пока Вторая империя не была вынуждена ослабить узду, произошло это примерно в середине 60-х годов. В центральной и южной Европе этот период длился примерно столько же, а в Англии аналогичные условия преобладали с начала революционных войн до прихода к власти Каннинга».

И далее различного рода революционеры, включая марксистов, анархо-синдикалистов и прочих интеллектуальных маргиналов...

[116] Цитата из статьи: (Неклесса // АПН, 06.02.2007).

[117] Рорти // Логос, 1999.

[118] И. Валлерстайн писал о роли коагулята в истории (Wallerstain, 2004. P.37): «... Households also socialize members into rebellion, withdrawal, and deviance. To be sure, up to a point even such antisystemic socialization can be useful to the system by offering an outlet for restless spirits, provided that the overall system is in relative equilibrium. In that case, one can anticipate that the negative socializations may have at most a limited impact on the functioning of the system. But when the historical system comes into structural crisis, suddenly such antisystemic socializations can play a profoundly unsettling role for the system». Русский перевод: «Домохозяйства также могут социализировать своих членов как повстанцев, эскапистов и девиантов. Конечно, до некоторой степени даже такая антисистемная социализация может быть полезной для системы, поскольку она открывает выход неугомонному человеческому духу. Однако это справедливо лишь в условиях относительного системного равновесия, в случае чего следует ожидать ограниченности воздействия людей с негативной социализацией на функционирование системы. Но, когда историческая система входит в структурный кризис, такая антисистемная социализация может быть очень разрушительной для нее».

[119] Расширенный вариант эссе, опубликованного в статье: (Крупкин П.Л. // Полярная Звезда, 16.06.2009).

[120] Цитата из словарной статьи: (*Фурс В.Н.* Вебер (Weber) Макс (Карл Эмиль Максимилиан) (1864—1920) // НФС).

[121] Дефолтная — от английского on default, «по умолчанию».

[122] «***Конформность*** (лат. conformis — подобный, сходный) — податливость человека реальному или воображаемому давлению группы, проявляющаяся в изменении его поведения и установок в соответствии с первоначально не разделявшейся им позицией большинства. Различают внешнюю (публичную) и внутреннюю (личную) К. Первая представляет собой демонстративное подчинение навязываемому мнению группы с целью заслужить одобрение или избежать порицания, а возможно, и более жестких санкций со стороны входящих в группу лиц; вторая — действительное преобразование индивидуальных установок в результате внутреннего принятия позиции окружающих, оцениваемой как более обоснованная и объективная, чем собственная точка зрения. Внутренняя К., как правило, сопровождается внешней, которая, напротив, отнюдь не всегда предполагает личностное согласие с поневоле соблюдаемыми групповыми нормами. При всех различиях обе формы К. близки в том, что служат специфическим способом разрешения осознанного конфликта между личным и доминирующим в группе мнением в пользу последнего: зависимость человека от группы вынуждает искать подлинного или мнимого согласия с ней, подстраивать свое поведение под кажущиеся чуждыми или непривычными эталоны». — Цитата из словарной статьи: (Донцов А.И. Конформность // Социальная психология. Словарь).

[123] «***Докса***. От древнегреч. — “общепринятое мнение, представление”. Термин Р. Барта, восходящий к Аристотелю <...>. “Барт, — считает Майкл Мориарти, — следует за Аристотелем вплоть до того, что принимает его различие между теми областями, где возможно знание (научное. — *И.И.*), и теми сферами, где неизбежно господствует мнение, такими как закон и политика” (Moriarty:1991. С. 111). Здесь действует не строгое доказательство, а “лишь фактор убеждения аудитории. Убеждение основывается не на научной истине, а на правдоподобии: правдоподобное — это просто то, что публика считает истинным. И научный и риторический дискурс прибегают к доказательствам: но если доказательства первого основаны на аксиомах и, следовательно, достоверны, то доказательства последнего исходят из общих допущений и, таким образом, они не более чем правдоподобны. <...>” // “Докса вбирает в себя все негативные ценности, принадлежащие понятию мифа. То, что масса людей считает истинным, не просто является “истиной”, принятой лишь в определенных сферах деятельности, включая литературу: это то, во что буржуазия хочет заставить нас поверить, и то, во что мелкая буржуазия хочет верить и во что рабочему классу остается лишь поверить» (Moriarty:1991. С. 111). Как тут не вспомнить, как презрительно характеризовал доксу Барт в своей книге «Ролан Барт о Ролане Барте» (1975): «“Докса” — это общественное Мнение, Дух большинства, мелкобуржуазный Консенсус, Голос Естества, Насилие Предрассудка» (Barthes:1975. С. 51)». — Цитата из статьи «Докса» из книги: (Ильин, 2001).

Подробнее о доксической власти см., например, здесь: (Бурдье П. Дух государства).

[124] ***Делиберация*** — «Лат. deliberatio, непоср. и через фр. délibération, пол. deliberacja. <...> Рассуждение, обсуждение». — Цитата из словарной статьи «Делиберация» из книги: (Словарь русского языка).

[125] «Один из ключевых разделов труда Грамши — учение о гегемонии. Это часть общей теории революции как слома государства и перехода к новому социально-политическому порядку. Вот кратко суть учения, прямо касающаяся нашей проблемы.

Согласно Грамши власть господствующего класса держится не только на насилии, но и на согласии. Механизм власти — не только принуждение, но и убеждение. Овладение собственностью как экономическая основа власти недостаточно — господство собственников тем самым автоматически не гарантируется и стабильная власть не обеспечивается.

Таким образом, государство, какой бы класс ни был господствующим, стоит на двух китах — силе и согласии. Положение, при котором достигнут достаточный уровень согласия, Грамши называет гегемонией. Гегемония — не застывшее, однажды достигнутое состояние, а тонкий и динамичный, непрерывный процесс. При этом “государство является гегемонией, облеченной в броню принуждения”. Иными словами, принуждение — лишь броня гораздо более значительного содержания. Более того, гегемония предполагает не просто согласие, но благожелательное (активное) согласие, при котором граждане желают того, что требуется господствующему классу. Грамши дает такое определение: “Государство — это вся совокупность практической и

теоретической деятельности, посредством которой господствующий класс оправдывает и удерживает свое господство, добиваясь при этом активного согласия руководимых”». — Цитата из книги: (Кара-Мурза, 2000. С. 47).

[126] См. например, главу 7 книги: (Палмеры, 2003).

[127] Там же.

[128] Там же.

[129] Там же.

[130] «***Вторая сигнальная система*** — присущая только человеку система обобщенного отражения окружающей действительности в виде понятий, содержание которых фиксируется в словах, математических символах, образах художественных произведений. Термин предложен И.П. Павловым. В.с.с. сформировалась в процессе общения людей, объединенных совместной трудовой деятельностью, как средство передачи своих знаний другим членам сообщества». — Статья из словаря: (Безруких М.М., Фарбер Д.А. // Психофизиология. Словарь.)

[131] Один из механизмов такой компенсации предложен Ю.И. Семеновым (см., например, работу: (Семенов, 1997). Данный механизм основан на следующих положениях. Во-первых, основной механизм ограничения доминирования (и других вредных для социальности биологических инстинктов) был связан с формированием в сообществах соответствующих табу — социальных запретов на конкретное поведение; в рассматриваемом случае — агрессии по отношению к слабым членам стаи при распределении продуктов питания. Во-вторых, основное эволюционное конкурентное преимущество проточеловеческой стаи было связано с производством орудий труда, а основное ограничение — с распределением мяса. Далее предполагается включение механизма группового отбора — те сообщества, которые при распределении продуктов «обижали» своих «ремесленников» — производителей орудий, — проигрывали борьбу за существование тем сообществам, в которых появилось табу против внутреннего насилия.

[132] Такое социальное поведение («восстание» «бет» против «альфы») может быть также развито в результате группового отбора. Действительно, предположим (как и в случае механизма Ю.И. Семенова — см. предыдущий комментарий), что ограничение иерархии доминирования связано с развитием табу на насилие против «своих» во время распределения пищи. В этом случае легко видеть, что сообщества с кооперативным поведением окажутся более конкурентоспособными, чем иерархии доминирования, особенно в условиях существенно ограниченных ресурсов. Ведь человек — это «пороговое» существо по отношению к потребляемому питанию. Пусть, например, ему надо количество еды X, чтобы поддерживать свое физическое состояние на определенном уровне. При этом физическое насыщение наступает при потреблении 3X еды. Пусть мы имеем две стаи по альфе с тремя бетами в каждом и данные стаи добыли по 5X еды. В первой стае (с иерархией доминирования) альфа съел 3X, оставшиеся 2X поделили три беты, что привело к их ослаблению ввиду недоедания. Во второй стае (с табу на насилие) каждому члену досталось по 1,25X еды. При столкновении таких стай с очевидностью вторая «забьет» единственного оставшегося бойца из первой и выгонит эту стаю с занимаемой территории. При этом вдохновить голодающих бет на восстание против альфы может инстинкт самосохранения (начало работы данного фактора для группового отбора), а успех восстания будет обеспечен согласованностью действия бет, которая обеспечивается возможностью их кооперации из-за развития второй сигнальной системы и постоянной тренировки такой кооперации во время охоты.

Возникает еще один важный момент, обеспечивающий работу данного механизма, — наличие ситуации длительного существенного недостатка ресурсов. Другими словами, длительное существование стай протолюдей впроголодь, поскольку при ресурсном изобилии предложенный механизм группового отбора работать не будет, и давление на ограничение «альфовости» со стороны внешней среды будет отсутствовать. В этом плане получается дополнительное подтверждение правдоподобия предлагаемой гипотезы, поскольку генезис человека был существенно завязан на Великое оледенение. В жестких условиях ресурсной нищеты групповой отбор привел к развитию разума вместе с табуизацией насилия против «своих» — фактически созданию человеческого социума с каким-то представлением о справедливости.

Кстати, последующая «расшивка» по ресурсам (смягчение климата и повышение производительности труда) привела к восстановлению иерархий, однако представления о справедливости были уже неотделимы от разума и социальности, так что сообщества с совсем уж «отмороженными» лидерами опять же быстро ликвидировались соседями. В итоге можно считать, что разум, социальность и справедливость, возникшие вместе по результатам группового отбора в голодные тысячелетия, стали уже неотделимыми друг от друга.

[133] «На уровне физиологических реакций поведение в иерархии доминирования обусловлено нейротрансмиттером серотонином. Когда социальный ранг примата растет, у него повышается активность серотонина, отчего увеличивается двигательная активность и возникает хорошее настроение. Когда происходит понижение статуса, активность серотонина падает, а с ней и двигательная активность, что обеспечивает сохранение энергии. <...>

С изменением социального статуса колеблется и уровень мужского полового гормона — тестостерона. Особям высокого ранга требуется более высокий уровень тестостерона, чтобы использовать благоприятные возможности для спаривания и быть подготовленными к защите своего социального положения от соперников.

Стрессовые гормоны, опосредующие реакцию борьбы и бегства, также вовлечены в физиологию жизни в иерархии доминирования. У особей с высоким статусом выброс стрессовых гормонов в критической ситуации, как правило, помогает. И наоборот, у подчиненных индивидов хронический стресс ухудшает физиологическую эффективность стрессовых реакций и влечет за собой проблемы со здоровьем и снижение продолжительности жизни». — Цитата из главы 7 книги: (Палмеры, 2003).

[134] «В своей работе “Психопатология и политика” Г. Лассуэлл разработал гипотезу, согласно которой определенные люди обладают необычайно сильной потребностью во власти и/или в других личностных ценностях, таких как любовь, уважение, нравственная чистота, как в средствах компенсации травмированной или неадекватной самооценки. Эти личные ценности или потребности могут быть рассмотрены как важнейшая часть мотивационной структуры политического лидера». — Цитата из книги (Гозман, Шестопал, 1996. С. 62—64).

[135] Там же.

[136] Там же.

[137] Цитата из энциклопедической статьи: (Справедливость // БСЭ).

[138] Группа/стая — Племя — Вождество — Государство. См., например, статью: (Коротаев, Крадин, Лынша, 2000).

[139] Как правило, среди последних обязательно числится уровень развития технологий.

[140] См., например, книгу: (Семенов, 2008).

[141] Тезис о войне и подготовке к войне как основных факторах эволюции государств Европы обосновывает Ч. Тилли в своей книге: (Тилли, 2009).

[142] На основе имеющегося фактического материала можно дать определение классических империй Современности:

Империя — это иерархически оформленное гетерогенное государственное образование, в котором можно выделить ядро (метрополию) и периферию (провинции, колонии), имеющие между собой следующие отношения:

1. Колонии находятся в прямом политическом подчинении властям метрополии.

2. Жители метрополии имеют четко определенные в законодательстве правовые преференции по сравнению с жителями колоний (правовая дискриминация колоний).

3. Колонии эксплуатируются метрополией как через прямое изъятие средств (налоги и прочие платежи из колоний в метрополию), так и через неэквивалентный экономический обмен.

Данное определение покрывает все характерные случаи, известные из истории Европы. Оно также четко отделяет империю как от национального государства (гомогенное в правовом смысле и в смысле политической идентичности государственное образование), так и от традиционного не имперского государства (наличие правовой гетеро-

генности при отсутствии выделенных и сознательно дискриминируемых территорий). Оно также не исключает случая, когда метрополия является национальным и даже демократическим государством (каковыми были некоторые империи XX века).

[143] Здесь следует также отметить идущую в настоящее время тенденцию к смене объекта, обозначаемого термином «империя». Ввиду того, что основная масса классически понимаемых империй прекратила свое существование, термином «империя» все чаще начинают обозначать авторитарные полиэтнические государства — см., например, работу: (Крупкин // АПН, 29.09.2008). Данная тенденция во многом связана с политическим запросом на эксплуатацию отрицательных коннотаций, сформировавшихся вокруг понятий «империя», «империализм», как ярлыка. Этот запрос обеспечивается интеллектуальным поиском части западных элит, которым по разным причинам хочется упростить свой взгляд на мир до дихотомического «мы — враги». Такое упрощение достигается через навязывание интеллектуальной среде мировоззренческого фильтра о том, что определяющей для нашего времени является логика противостояния демократических и авторитарных государств — см., например, работу: (Крупкин // Русский журнал — Штаты, 23.05.2008) и ссылки там).

[144] См., например, статьи: (Крупкин // Русский проект, 17.12.2007; Крупкин // Полярная Звезда, 19.01.2009). См. также подраздел «Современная модель государственного суверенитета» раздела «Национальная модель государства» главы 3.

[145] См., например, статью: (Крупкин // Русский журнал, 19.03.2008). См. также подраздел «Современная модель государственного суверенитета» раздела «Национальная модель государства» главы 3.

[146] Там же.

[147] «...Основная проблема при попытках дать определение гражданского общества возникает из-за того, что гражданское общество имеет два разных аспекта, социальный и политический. Со времен Аристотеля и вплоть до Локка эти две сферы рассматривались в нераздельном единстве. Гражданского общества как такового словно бы вообще не

существовало. Общность, государство, koinonia, civitas были единым социальным и политическим целым. Общества были политическими обществами, и это положение все еще сохранялось в 1690, когда Джон Локк написал свой Второй трактат о правлении. Одна из его глав названа “О политическом и гражданском обществе”. Локк полагал, что общество в этом смысле отличается от природного состояния; оно существенным образом отличается от общности супругов, семьи. Кроме того, гражданское общество несовместимо с абсолютной монархией. Вместе с тем оно является политическим образованием (“телом”); для Локка общественный договор и договор граждан с государством — одно и то же.

Спустя столетие терминология изменилась. В труде Адама Фергюсона Опыт истории гражданского общества (1767) отмечается разрыв между политической и социальной сферами. Примерно в то же время Дж. Мэдисон в своих статьях в “Федералисте” подчеркивал роль гражданского общества как противовеса произволу государства. Он считал, что гарантией от тирании большинства служит наличие в обществе различных групп с разнонаправленными интересами. В этом смысле гражданское общество стоит на страже прав человека». <...>

«Иммануил Кант — величайший теоретик гражданского общества. Кант расширил это понятие, говоря об обществе граждан мира, космополитов. Впрочем, Гегель с помощью своей диалектики вскоре разъяснил, что Кантово гражданское общество — всего лишь “момент” в историческом развитии, шаг вперед, преодоление природного состояния (тезис, или утверждение), однако и он обречен (антитезис, или отрицание). После этого обязательно наступает отрицание отрицания, или синтез (Гегель полагал, что синтез уже осуществился — в форме прусского государства). В любом случае государство, по Гегелю, “действительность морального идеала”, является высшей целью человеческой организации.

Стоит заметить, что и Кант и Гегель пользовались немецким выражением burgerliche Gesellschaft, и двусмысленность слова burgerlich (“буржуазный”, “гражданский”) внесла некоторую путаницу в осмысление проблем гражданского общества в Центральной Европе. Эта двойственность позволила Марксу, не утруждая себя различением “гражданского” и “буржуазного”, высмеивать и то и другое одновременно. В любом случае это дискредитировало понятие гражданского общества, связывая его с интересами одного класса — буржуазии. Вы-

ходило так, что государство представляло все сообщество в целом, а буржуазное гражданское общество — лишь одну его часть.

Получается, что “гражданское общество” (civil society) — специфически англосаксонское понятие. Оно легко переводится на романские языки, в других же языках правильное его осмысление сопряжено с трудностями». — Цитата из энциклопедической статьи: (Лорд Дарендорф Гражданское общество // Энциклопедия «Кругосвет»).

[148] «***Суверенитет государственный*** (нем. Souverénitét, от франц. Souveraineté — верховная власть), верховенство и независимость государственной власти, проявляющиеся в соответствующих формах во внутренней и внешнеполитической деятельности государства. Термин “С.” в государственно-правовом смысле был впервые введен в 16 в. французским ученым Ж. Боденом. <...> // С. реализуется прежде всего в порядке осуществления государством его функций, однако наиболее непосредственно он проявляется в системе прав государства, в том числе суверенных прав. Именно правомочия государства обеспечивают действительное осуществление государственной власти, а следовательно, и государственного С. Установление в обществе правопорядка, наделение правами и возложение обязанностей на должностных лиц, общественные организации и граждан — все это характеризует верховенство государственной власти, ее определяющее положение по отношению к любым иным властным отношениям (например, семейным, внутриколлективным и др.). Только государственная власть способна оказывать авторитетное воздействие, а при необходимости и принуждение на все стороны жизни общества, что придает ей всеобъемлющий, суверенный характер. С. государственной власти внутри государства тесно связан с ее независимостью вовне. С. государства делает его независимым в международных отношениях, где оно выступает как самостоятельный субъект международного права». — Цитата из энциклопедической статьи: (Суверенитет // БСЭ).

[149] О войне и подготовке к войне как основных факторах эволюции государств Европы. См. книгу: (Тилли, 2009).

[150] См., например, книгу (Пти-Дютайи, 2001).

[151] Там же.

Здесь можно также отметить, что со-правление по своей сути близко к более общему институту кооптации.

[152] «***Общественный договор*** — философская и юридическая доктрина, объясняющая возникновение государственной власти соглашением между людьми, вынужденными перейти от необеспеченного защитой естественного состояния к состоянию гражданскому. Первое формулирование О.д. принадлежит Эпикуру и его последователю Лукрецию Кару.

Новая эпоха в истории теории О.д. (договорная теория происхождения государства) связана с развитием буржуазных отношений в Западной Европе; эта теория послужила идейной основой борьбы с абсолютистской феодальной монархией, подвергла критике феодальные институты и идеологию. В противоположность учению о божественном происхождении власти, ее неограниченности и неответственности сторонники теории О.д. на основе доктрины естественного права утверждали, что государство, образованное волеизъявлением свободных и независимых индивидов, обязывается обеспечить соблюдение их неотъемлемых прав. Родоначальником новой доктрины О.д. считается Г. Гроций. В своем развитии эта теория получает различную интерпретацию: от консервативно-охранительной (Т. Гоббс) до революционно-демократической (Ж. Ж. Руссо). В учениях Б. Спинозы и Дж. Локка дается иная концепция О.д. Например, Локк отвергает идею “естественного состояния” Гоббса, считая, что догосударственное общество есть общество свободы и равенства индивидов и что договор, который они затем заключают с государством, имеет целью обеспечение, а не отчуждение их “естественных прав”. В варианте Локка теория О.д. являлась правовым обоснованием конституционно-монархического правления.

Наиболее радикально концепция О.д. разработана Руссо в его книге “Об общественном договоре”. Руссо не только критиковал институты феодального государства и права, он отрицал всю систему феодализма в целом, призывал к изменению всего существующего строя, считал, что, поскольку государство возникает на основе О.д., граждане вправе расторгнуть этот договор в случае злоупотребления властью. Учение Руссо было положено в основу политической и практической деятельности якобинцев. <...>

В разных вариантах идею О.д. развивали Дж. Лилберн и Дж. Мильтон в Великобритании, И. Кант, И. Фихте в Германии, Т. Пейн в Америке. Идея О.д. лежит в основе политических взглядов А.Н. Радищева. Она оказала серьезное влияние на формирование политического мировоззрения декабристов (демократическая трактовка идей О.д. содержится в “Русской правде” П. Пестеля)». — Цитата из энциклопедической статьи: (Общественный договор // БСЭ)

[153]«***Экономика*** (от греч. éikos — дом, хозяйство и nomos — правило, закон; в совокупности — правила ведения хозяйства) — 1) хозяйство, совокупность средств, объектов, процессов, используемых людьми для обеспечения жизни, удовлетворения потребностей путем создания необходимых человеку благ, условий и средств существования с применением труда; 2) наука о хозяйстве, способах его ведения людьми, отношениях между людьми в процессе производства и обмена товаров, закономерностях протекания хозяйственных процессов». — Цитата из словарной статьи «Экономика» в значении 1: (Райзберг, Лозовский, Стародубцева, 2007).

[154] Цитата из книги: (Кузьминов, Бендукидзе, Юдкевич, 2006. С. XXXIX).

[155] Андерсон, 2001.

[156] Рассмотрим для примера определение, данное Ю.И. Семеновым в книге (Семенов, 2003): *«этнос, или этническая общность, есть совокупность людей, которые имеют общую культуру, говорят, как правило, на одном языке, обладают общим самоназванием и осознают как свою общность, так и свое отличие от членов других таких же человеческих групп, причем эта общность чаще всего осознается как общность происхождения»*. Видно, например, что сообщество работников отрасли информационных технологий вполне соответствует данному определению, если под общностью происхождения посчитать получение профильного образования в соответствующих университетах.

Другие аналогичные примеры определения понятия этноса можно почерпнуть из обзора концепций, выполненного Ю.В. Бромлеем (Бромлей, 1970): *«...Этническая общность без отграничения от других таких же общностей — фикция. Но, разумеется, само единство внешних, ограничительных особенностей этноса представляет собой выражение его определенной внутренней целостности // Согласно существующим представлениям об этносе, характерной его чертой является также сравнительная устойчивость. И такое представление обычно относится не только к этносу в целом, но и к его основным отличительным признакам. Наконец, общепризнанным типичным свойством дифференцирующих признаков этноса служит их наглядность. < ... > // Но такое общее определение, конечно, отнюдь не избавляет от необходимости конкретизировать те сферы, в которых наиболее отчетливо проявляются эти свойства. Ведь, хотя указанные общие критерии в той или иной мере характерны для всех существующих дефиниций этноса, однако это не помешало появлению значительных расхождений между ними в конкретном определении этнических признаков. Так, одни авторы в качестве главных признаков этого рода называют язык и культуру [4]; другие добавляют к этому территорию и этническое самосознание [5]; третьи указывают, кроме того, на особенности психического склада[6]; четвертые включают также в число этнических признаков общность происхождения и государственную принадлежность [7]; пятые усматривают сущность этноса в особенностях психических стереотипов [8]»*. — В данной цитате использовались следующие ссылки: [4] П.И. Кушнер. Этнические территории и этнические границы. М., 1951. С. 6. [5] Н.Н. Чебоксаров. Проблемы типологии этнических общностей в трудах советских ученых. «Советская этнография». 1967. № 4. С. 5. [6] В.И. Козлов. О понятии этнической общности. «Советская этнография». 1967. № 2. С. 26. [7] С. А. Токарев. Проблема типов этнических общностей (к методологическим проблемам этнографии). «Вопросы философии». 1964. № 11. С. 44.; Г.В. Шелепов. Общность происхождения — признак этнической общности. «Советская этнография». 1968. № 4. С. 65—73. [8] См., например, Гумилев Л.Н. О термине «этнос». «Доклады отделений и комиссий Географического общества СССР». Л., 1967, вып. 3.

[157] Предлагаемый анализ можно завершить синтетической формулировкой определения этнической идентичности (см. Крупкин // АПН, 07.06.2008):

Этничность *— это групповая идентичность, охватывающая детей, имеющая имя (этноним), никак не связанная с положением своих носите-*

лей в социуме. С данной идентичностью неотъемлемо связаны следующие моменты:

— воспроизводство себя через биологическое выживание и биологическое размножение своих носителей (включая регламентацию сексуальных отношений); а также через социализацию детей;

— наличие определенного комплекса поведенческих стереотипов; социальных табу, кодов, норм общения; а также (возможно) мифа об общем происхождении и общего языка.

Соответственно этнически специфическая культура человека представляет собой культурный слой, привязанный к его жизненному циклу в плане все тех же вопросов выживания и размножения. Данный подход подтверждается тем, что в антропологических исследованиях к этнической культуре обычно относят различные обряды (свадебные, похоронные, другие), способы устной передачи накопленного знания (эпос, сказки, приметы, пословицы и поговорки), методы поддержания эффективной трудовой деятельности (традиции, песни).

[158] «***Архетип*** (греч. arche — начало и typos — образ; первообраз, проформа) — понятие, восходящее к традиции платонизма и играющее главную роль в “аналитической психологии”, разработанной Юнгом. Под слоем “личностного бессознательного”, составлявшего основной предмет изучения в классическом психоанализе Фрейда, Юнг обнаруживает “коллективное бессознательное”, трактуемое как общечеловеческое основание (“грибница”) душевной жизни индивидов, наследуемое, а не формирующееся на базе индивидуального опыта. Если в личностном бессознательном основную роль играют “комплексы” (например, комплекс Эдипа, комплекс неполноценности), то структурообразующими элементами коллективного бессознательного являются А. — универсальные модели бессознательной психической активности, спонтанно определяющие человеческое мышление и поведение. А. сравнимы с кантовскими “априорными формами” познания, однако лишены их абстрактности и эмоционально насыщены. Собственно А. не имеют конкретного психического содержания (Юнг уподоблял их осям кристалла); другое дело — архетипические представления (символы) как результат совместной работы сознания и коллективного бессознательного. Символы есть единство прозрачного сознанию образа и стоящего за ним сокровенного и неэксплицируемого смысла, уводящего в бессознательные глубины психики. Мифология и религия (оцениваемые Юнгом чрезвычайно высоко) строят “защитную стену символов”, позволяющую сознанию ассимилировать опасно-самостоятельную энергию А. бессознательного и гармонизирующую тем самым человеческую психику. За исторической изменчивостью конкретных символов Юнг усматривал инвариантность А., объясняющую поразительные сходства в различных мифологических и религиозных системах и факты воспроизведения в сновидениях и психотическом бреде фрагментов древних эзотерических систем. Разработанная Юнгом концепция А. оказала значительное влияние на современную культурологию». — Статья из словаря: (Фурс В.Н. Архетип // НФС).

[159] «***Коллективное бессознательное*** — универсальные, всеобщие образы и идеи, имеющие психически унаследованный характер, передающиеся из поколения в поколение и лежащие в основе деятельности людей // Термин “К.Б.” был введен в психоаналитическую литературу швейцарским психотерапевтом К.-Г. Юнгом, который в работе “Психология бессознательного процесса” уделил внимание рассмотрению не только личностно-человеческих характеристик, но и мифологических фигур, выражающих чувства пациентов. В разделе, названном им “Архетипы коллективного бессознательного”, он подчеркнул, что некоторые атрибуты нельзя отнести целиком и полностью к человеческой личности, а следует рассматривать в качестве содержаний “сверхличностного или коллективного бессознательного”. Поясняя свою точку зрения, Юнг отметил, что “коллективное бессознательное — нечто вроде осадка опыта и одновременно — образ мира как некая его априорность”. В этом образе содержатся определенные черты, так называемые доминанты, или архетипы. В другом разделе данного труда, озаглавленном “Личное, сверхличное, или коллективное бессознательное”, он писал о том, что в глубинном слое К.Б. дремлют изначальные общечеловеческие образы, а само по себе оно представляет объективно-психическое, в отличие от субъективно-психического индивидуального бессознательного // В понимании Юнга содержание К.Б. — это не только осадки архаических способов функционирования людей, но и осадки функционирования животного ряда предков. В отличие от индивидуального, личного бессознательного, состоящего из содержаний, которые некогда были сознательными, но в силу вытеснения исчезли из сознания, К.Б. характеризуется тем, что его

содержания никогда не были в сознании, никогда не были приобретены индивидуально, а обязаны своему существованию всеобщему унаследованию...» — Цитата из энциклопедической статьи: (Лейбин В.М. Коллективное бессознательное // СЭ).

[160] В данной книге я буду использовать только одно значение прилагательного «национальный» — как производное от существительного «нация». Второе его значение — производное от слова «национальность» — я буду отражать прилагательным «этнический» или, когда не будет выбора, буду брать данное прилагательное в кавычки.

[161] Семенов, 2003.

[162] Хантингтон, 1994.

[163] Неклесса, 2005.

[164] How Europeans see themselves, 2001.

[165] Fehr, Fischbacher, 2003.

[166] См., например, библиографию Эрнста Фера — URL: http://www.iew.uzh.ch/chairs/fehr/team/fehr/publications.html (Дата обращения: 27.06.2009).

[167] Fehr, Fischbacher, 2003.

[168] На английском возбуждающаяся часть мозга называется brain's reward circuit (components of the mesolimbic dopamine system including the striatum and the orbitofrontal cortex) — см. там же.

[169] Spitzer, Fischbacher, Herrnberger, Gron, Fehr, 2007.

[170] Fischbacher, Gächter, 2006.

[171] Herrmann, Thöni, 2007.

[172] Herrmann, Thöni, Gächter, 2008.

В приложении к данной статье (URL: http://www.sciencemag.org/cgi/data/319/5868/1362/DC1/1 (Date: 27.06.2009)) приведены данные по произведенным игроками наказаниям. Наказания «нормальными» кооперирующимися людьми «эгоистов» дают вклад в левые столбцы, наказания «эгоистами» тех, кто кооперируется, — в правые столбцы. Видно, что паттерны западных стран (с «провалом» около нуля) отличаются от паттернов стран с традиционной культурой (Греция, Саудовская Аравия, Оман — где наблюдается равномерность наказаний по выделенным группам). Возрастание наказаний в правой части графа («эгоисты» наказывают «нормальных» кооперирующихся) характеризует отмеченную в основном тексте статьи асоциальность поведения представителей данной страты. Видно, что асоциально вели себя представители традиционных культур, а также датские и немецкие студенты.

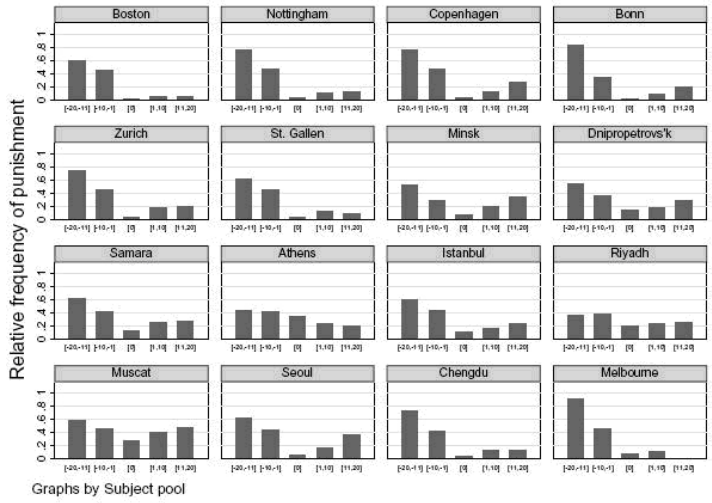

Figure S2. Relative frequency of punishment for a given deviation from the punisher's contribution. The deviations of the punished subject's contribution from the punisher's contribution are grouped into five intervals, where [-20,-11] ([-10,-1]) indicates that the punished subjects contributed between 11 and 20 tokens (1 and 10 tokens) less than the punishing subject; [0] indicates that the punished subject contributed exactly the same amount as the punishing subject and [1,10] ([11,20)] indicates that the punished subject contributed between 1 and 10 tokens (11 and 20 tokens) more than the punishing subject.

Рис. К3. Распределения частот наказания в групповых играх в зависимости от вклада участников. Видно, что для западной культуры

характерно, что в основном «кооператоры» наказывают «эгоистов» и те «поправляются». В то же время для альтернативных культур характерно более активное участие в наказаниях «эгоистов», которые тем «ломают» групповую игру.

В этом же приложении приведены данные, отражающие средний вклад игроков в кооперацию между собой. Сначала проводилась серия игр без наказаний, а потом — серия с наказаниями. Опять же можно выделить две группы паттернов. Первая группа, характерная для западных стран, показывает существенное ухудшение кооперации в случае невозможности наказывать «нарушителей»; однако кооперация сразу же восстанавливается, как только «включаются» наказания. Вторая группа, характерная для стран с традиционной культурой, отличается практической независимостью вклада игроков от наличия/отсутствия возможности наказания «сачков».

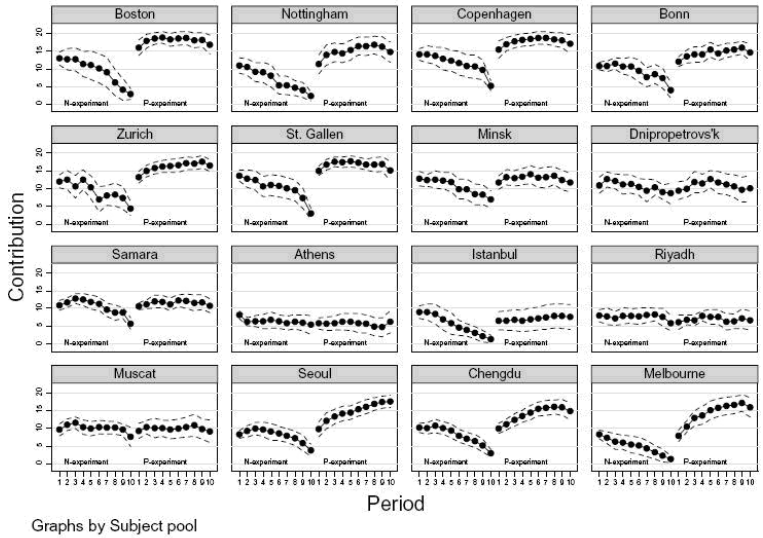

Figure S4: Development of average contributions in the N- and P- experiments, separately for each subject pool. The dashed lines indicate ±SEM.

Рис. К4. Типовые паттерны групповых игр, показывающие уровень кооперации со временем. При этом после 10 игр без возможности наказывать других были 10 игр с возможностью наказания. Типовой паттерн западной культуры — падение уровня кооперации в первой серии и восстановление во второй. В альтернативных культурах наказания не влияют на уровень кооперации в группах — что связывалось с активным оппортунизмом «эгоистов».

[173] ***Экономический империализм*** — течение в обществоведении, связанное с распространением методов и наработок экономической науки на смежные области обществознания. Экономический империализм получил свое развитие в результате обобщения опыта маржиналистской революции в теории экономики. Автор общепринятого современного определения предмета экономической теории Л. Роббинс считал, что экономика является «наукой, изучающей человеческое поведение с точки зрения соотношения между целями и ограниченными средствами, которые могут иметь различное употребление» (*), т.е. включает в себя все виды целерациональной деятельности людей.

Цитата, отмеченная выше знаком (*), относится к работе: (Роббинс Л. Предмет экономической науки //THESIS, 1993, Вып. 1. С. 18.) и взята из текста: (Автономов, 1998).

[174] Процитируем здесь очерк концепции Бентама, приведенный в книге: (Автономов, 1993):

«Целью всякого человеческого действия и “предметом каждой мысли любого чувствующего и мыслящего существа” Бентам провозгласил “благосостояние (well-being) в той или иной форме” [35], и, следовательно, единственной универсальной общественной наукой, по его мысли, должна стать “эвдемоника” — наука или искусство достижения благосостояния.

Благосостояние же трактовалось им в последовательно гедонистском духе: “Природа отдала человечество во власть двум суверенным повелителям: страданию и наслаждению. Они одни указывают нам, что мы должны делать, и определяют, что мы сделаем” [36]. Страдания и наслаждения, естественно, не ограничиваются сферой чисто экономических интересов: так, любовь (силу которой Бентам сопоставлял с силой пара в физике) вполне способна превзойти денежный интерес [37]. Бентам признавал и альтруистические мотивы, но не верил в их искренность, и предполагал, что за ними кроются те же личные удовольствия (от хорошей репутации и т.д.) [38]. Весьма любопытен такой

пассаж: Бентам полагал, что эгоистическая мотивация не проходит через стадию рефлексии, т.е. самоосознания человеком своих целей. Часто жена может гораздо лучше мужа объяснить причины его поступков. Но и здесь Бентам находит гедонистическую трактовку: человеку просто неприятно заниматься самокопанием, потому что это обнажает его эгоистические, не одобряемые обществом мотивы.

Но безусловная оригинальность Бентама проявилась не в области мотивации, а в степени рациональности, которую он приписывал каждому человеку. Бентам исходил из того, что наслаждения и страдания поддаются количественному измерению и соизмерению: “Кто не станет подсчитывать, когда речь идет о таких важных материях, как страдания и наслаждения? Люди считают, одни менее, другие более точно, но считают все” [39].

Наслаждения и страдания согласно Бентаму являются своего рода векторными величинами. Основными компонентами этих векторов он считает: 1) интенсивность, 2) продолжительность, 3) вероятность (если речь идет о будущем), 4) доступность (пространственная), 5) плодотворность (связь данного удовольствия с другими), 6) чистота (отсутствие элементов обратного знака, например удовольствие, сопряженное со страданием, чистым не является), 7) охват (количество людей, затронутых данным чувством) [40]. Важнейшими компонентами считаются первые два. Соответственно благосостояние, как предполагает автор, может измеряться следующим образом: берется сумма интенсивностей всех удовольствий за данный период времени, умноженных на их продолжительность, и из нее вычитается общее количество страданий (рассчитанное по аналогичной формуле), испытанных за тот же период [41]. <...>»

В цитате использовались ссылки: «[35]. Jeremy Bentham's economic writings. L., 1952. Vol. 1. P. 82. [36]. Works of Jeremy Bentham. Edinburgh, 1843. Vol. 1. P. l. [37]. См.: Mack M. Jeremy Bentham: An Odyssey of ideas 1748—1792. L., 1962. P. 212. [38]. Lofihouse S., Vint J. Some conceptions and misconceptions concerning economic man // Riv.lntern. Sci. econ. e Gammer. 1978. N I. P. 593. [39]. Works of Jeremy Bentham. Vol. l. P. 209. [40]. Jeremy Bentham's economic writings. Vol. 3. P. 435—436. Разумеется, сейчас же возникает проблема, какой единицей следует измерять интенсивность наслаждений и страданий (все другие компоненты имеют естественные единицы измерения). Однозначного ответа Бентам не дает, но то, что он говорит по этому поводу, нам придется вспомнить

впоследствии. С одной стороны, у него можно найти высказывания в пользу того, что измерителем может служить минимальное единичное ощущение — в этом можно уловить предвосхищение предельной полезности. С другой стороны, Бентам указывает, что величина удовольствий, покупаемых человеком, пропорциональна уплачиваемым за них деньгам (Ibid. P. 438), а это очень напоминает будущий подход Маршалла. [41]. Ibid. P. 440».

[175] Цитата оттуда же:

«Он (Дж. Милль. — *П.К.*) подчеркивал, что политическая экономия охватывает не все поведение человека в обществе: “Она рассматривает его лишь как существо, желающее обладать богатством и способное сравнивать эффективность разных средств для достижения этой цели. Она полностью абстрагируется от любых других человеческих страстей и мотивов, кроме тех, которые можно считать вечными антагонистами стремления к богатству, а именно, отвращения к труду и желания безотлагательно пользоваться дорогостоящими наслаждениями” [24]. Таким образом, согласно толкованию Милля экономический анализ движется как бы в двухмерном пространстве, на одной оси которого — богатство, а на другой — неприятности, подстерегающие человека на пути к этой цели.

Милль считал этот подход безусловно односторонним: действительная мотивация человека намного сложнее, однако утверждал, что такая абстракция, когда “главная цель рассматривается как единственная” [25], есть подлинно научный способ анализа для общественных наук, в которых невозможен эксперимент и опирающаяся на него индукция.

Политическая экономия, по Миллю, ближе к геометрии, ее исходный пункт — не факты, а априорные предпосылки (абстракция человека, стремящегося только к богатству, может быть уподоблена, по мнению Милля, абстракции прямой линии, имеющей длину, но не имеющей ширины [26]). Однако из всех наук наиболее родственной политической экономии он считал механику, оперирующую отдельными, не растворяющимися друг в друге телами. Результаты их взаимодействия можно вычислить теоретически, а затем проверить эти дедуктивные выводы на практике, учтя действие прочих равных, от которых мы абстрагировались вначале.

Аналогично и абстрактный характер политической экономии, по Миллю, вовсе не означает ее неприменимости к практической жизни: “то, что верно абстрактно, верно и конкретно, но с надлежащими допущениями” [27], т.е., применяя принципы политической экономии к конкретному случаю, необходимо ввести в рассмотрение все “возмущающие воздействия”, от которых абстрагировалась эта наука.

Силой своей отточенной логики Милль попытался поставить не высказанную методологию Смита и Рикардо, их основанные на здравом смысле представления о человеческой природе на строгую научную основу. Однако в таком безупречном с точки зрения логики виде концепция “экономического человека” кое-что потеряла. Понимание ее Миллем как чисто теоретической абстракции оказало определяющее влияние на дальнейшее развитие методологии политической экономии, причем последующая эволюция, как будет показано ниже, состояла в нарастающей степени абстрактности анализа, увеличивающемся отрыве поведенческих предпосылок от повседневной реальности и житейского опыта.

Есть в статье Милля и еще один пункт, который на первый взгляд обобщал опыт классиков, но в то же время вел к отступлению от них. Речь идет о том месте, где упоминаются различные факторы, противодействующие стремлению к богатству. Казалось бы, налицо всего лишь смена акцента: и Смит, и Рикардо писали о том, что стремление к богатству нельзя сводить к погоне за деньгами. Вектор благосостояния (говоря более современным языком) включал у них, помимо главного компонента — денежного богатства, также и общественный престиж, “приятность” занятия, надежность помещения капитала и т.д. (см.выше). Однако и Смит, и Рикардо предполагали, что эти неденежные выгоды, отличающие одно помещение капитала от другого, постоянны во времени [28] и “возмещают малые размеры денежного вознаграждения в одних отраслях и уравновешивают слишком высокое вознаграждение в других” [29]. Таким образом, здесь мы имеем дело с конкретизацией целевой функции капиталиста — максимизации богатства (благосостояния). У Милля же речь идет об отвращении к труду вообще как к средству добывания богатства, а это свойство никак не присуще целеустремленному, энергичному, трудолюбивому и прижимистому капиталисту у Смита и Рикардо».

В цитате использовались ссылки: «[23]. См.: Mill J. S. On the definition of political economy and on method of investigation proper to it // Collected works. Toronto, 1970. Vol. 4. P. 309—339. [24]. Ibid. P. 321. [25]. Ibid. P. 323. [26]. Ibid. P. 325—326. [27]. Ibid. P. 326. [28]. Рикардо Д. Соч. Т. 1.— М., 1955. С. 83. [29]. Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. М., 1962. С. 39».

[176] Автономов, 1998.

[177] См. по этому поводу: (Kirchgassner G. Homo okconomicus. Das okonomische Modell individuellen Verhaltens und seine Anwendung in den Wirtschafts — und Sozialwissenschaften. Tubingen, 1991. P. 12—63.) — Цитата из указанной выше работы В.С. Автономова — ссылка 1.

[178] «Отметим, что в этом, казалось бы, естественнейшем предположении заложено определенное историческое допущение: европейский человек христианской культуры с его фаустовской неограниченностью потребностей (см.: *Красильщиков В.А.* Превращения доктора Фауста (Развитие человека и экономический прогресс Запада). М., 1994). Очевидно, что, например, для буддиста такое предположение весьма проблематично (о буддистском взгляде на экономические проблемы см.: Kolm S.— C. Philosophie de Teconomie. Paris, 1986)». — Цитата из указанной выше работы В.С. Автономова — ссылка 2.

[179] «См.: Bleaney M., Stewart I. Economics and Related Disciplines // Companion to Contemporary Economic Thought/Ed. by D. Greenaway, M. Bleaney, I. Stewart. L.; N.Y., 1993. P. 730». — Цитата из указанной выше работы В.С. Автономова — ссылка 3.

[180] «Brunner K., Meckling W.H. The Perception of Man and the Conception of Government // Journal of Money, Credit and Banking. 1977. N 1. P. 60—85». — Цитата из указанной выше работы В.С. Автономова — ссылка 4.

[181] «Другими формами взаимодействия могут быть, например, отношения любви или угрозы (см.: *Boulding K.E.* The Economy of Love and Fear: A Preface to Grant Economics. Wadsworth, 1973)». — Цитата из указанной выше работы В.С. Автономова — ссылка 5.

[182] «См.: Hausman D.M. The inexact and separate science of economics. Cambridge, 1992. P. 18». — Цитата из указанной выше работы В.С. Автономова — ссылка 6.

[183] «См.: McKenzie R.B., Tullock G. Modem Political Economy: An Introduction to Economics. N.Y., 1978. P. 26—27». — Цитата из указанной выше работы В.С. Автономова — ссылка 7.

[184] «“Ключевая поведенческая предпосылка в моделях, используемых в современной микроэкономике, заключается в том, что поведение людей мотивируется желанием максимизировать чистый выигрыш, получаемый при осуществлении операций” (*Хайман Д.Н.* Современная микроэкономика: анализ и применение. В 2-х т. М., 1992. Т. 1. С. 14). Упоминание о микроэкономических моделях связано не только с тем, что учебник Хаймана посвящен именно микроэкономике. Дело в том, что в макроэкономических теориях предпосылка максимизационного поведения не является столь же универсальной». — Цитата из указанной выше работы В.С. Автономова — ссылка 8.

[185] Вебер, 1990.

[186] Шумпетер, 1982.

[187] Понятие «техноструктура» было введено американским экономистом и социологом Дж.К. Гэлбрейтом. Данный слой общества представляет собой менеджеров и экспертов-профессионалов крупных корпораций. Автор утверждает, что именно данный слой определяет цели корпораций и через них цели общества. Подробности в его книге: (Гэлбрейт, 1976).

[188] Мертон, 1966.

[189] По всей видимости, когнитивный диссонанс имеет своей причиной такое фундаментальное свойство человеческой психики, как стремление к онтологической безопасности. Подробности см. в приложении 3.1: «Основы социальной теории Э. Гидденса» или в обзоре: (Фурс: «Критическая теория позднего модерна» Энтони Гидденса).

[190] В русскоязычной экономической литературе принято переводить термин use value словами «потребительская стоимость», однако

я думаю, что в используемом контексте слово «ценность» лучше отражает смысл важности продукта в плане удовлетворения им чьей-то потребности. Термин «потребительская стоимость» я введу чуть позже для денежной оценки потребительской ценности какого-либо продукта как конкретным человеком, так и неким сообществом.

[191] Фактически же полагается, что активность человека на рабочем месте будет направлена именно на совершение какой-то предписанной операции, а не, например, на танец или на не относящиеся к делу разговоры с соседями. То есть требуемая активность человека на рабочем месте — это активность плюс технологические предписания, активность, интегрированная в процессинг. При этом не каждая активность может быть совмещена с каким-то конкретным процессингом — ведь часто производственная операция имеет ограничения по квалификации исполнителя. Так получаем фильтрующее влияние процессинга на используемую в производстве рабочую силу, выводящее нас на теоретическое осмысление такой характеристики труда, как его квалификация. Этот момент иногда выводится за скобки творцами экономических теорий, как это, например, сделал Маркс. Другими словами, не каждый труд может быть принят в себя процессингом. Это значит, например, что команда из десяти землекопов не сможет управиться с самолетом, хоть по стоимости труда эта команда вполне может быть равна одному летчику.

[192] ***Оборот капитала*** — стандартное понятие экономической деятельности, возникающее по ассоциации с производственным и/или торговым циклом.

[193] Несмотря на то что обычно сторонники неоклассической теории концентрируют практически все свое внимание на обмене, многие из них все-таки отмечают равновеликую важность распределения, правда при этом вынося ее за скобки рассмотрения, — см., например, работу: (Маршалл, 1993). Сторонники большей включенности социальности в экономическое знание уделяют распределению гораздо больше внимания. Например, К. Поланьи построил свою теорию на основании следующих важных, по его мнению, принципов образования связей между людьми — дарообмен (реципрокность), перераспределение (редистрибуция) и рынок — см., например, работу: (Polanyi, 1944.

Chapter IV. P. 43—55). Здесь же можно упомянуть взгляды марксиста Ю.И. Семенова (Семенов: Производство и общество // Социальная философия, 2003), выделяющего такие важные для него элементы экономической жизни, как производство, распределение, обмен, потребление. Можно привести в качестве еще одного примера данного направления экономической мысли работы О.Э. Бессоновой, которая считает отношения «сдачи-раздачи» базовым для российской экономики — см., например, текст лекции: (Бессонова, 2008).

Говоря о сравнении важности операций распределения и обмена в человеческом обществе, имеет смысл упомянуть о том, что даже в экономической сфере социума внутренние экономические потоки всех хозяйственных ячеек определяются прежде всего распределением, пусть даже сами ячейки-товаропроизводители хорошо вписаны в рыночную среду. Что уж тут говорить о государственной сфере, где распределение абсолютно доминирует. И это вновь возвращает нас к экономической сфере общества через такое «граничное условие» для каждого предприятия, как налоги. Ведь налоги по сути своей являются именно что реализацией прав требования государства к экономике, и обеспечиваются они односторонним движением ресурсов из экономической сферы в государственную (и далее), то есть самым неприкрытым распределением.

[194] Детали по азиатскому способу производства могут быть найдены в книге: (Семенов, 2008).

Здесь также имеет смысл напомнить об общей архетипичности данного социального устройства, которая диктует универсальность некоторых его проявлений (см. подраздел «Государство» раздела «Власть, Справедливость...» главы 2). Данный факт может дать богатейшую пищу для размышлений о путях становления многих экономических реалий.

[195] Подобный механизм появления денег обсуждался в работе: (Крылов, 1999). Кратко идея данного механизма заключается в том, что, имея в виду регулярные выплаты людей в центр (налоги), соответствующий управленец центрального имущественного комплекса может расплачиваться со своими поставщиками какими-либо сертификатами своих обязательств, которые он потом примет к оплате в счет вносимого налога. Именно это обязательство к принятию в счет

налога и обеспечивает функционирование данных сертификатов как платежного средства между людьми сообщества.

В пользу адекватности данного механизма говорит изначальная локальность всех денежных систем древнего времени и специфическая роль менял в денежном обороте. При этом обычно центр каждого сообщества строго регламентировал все виды допустимых сертификатов платежа на контролируемой территории, и никакие другие виды сертификатов к хождению не допускались под угрозой наказания. Работоспособность денежной системы в плане трансграничных товарно-денежных перетоков обеспечивалась менялами, которые были по своей сути специально уполномоченными чиновниками центра сообщества, ответственными за поддержание хождения на рынке сообщества лишь разрешенных платежных сертификатов. — См., например, книгу: (De Roover, 2008).

Использование металлов для изготовления платежных сертификатов было, по-видимому, сначала ситуационным (см. указанную выше работу Крылова), а потом этот материал для изготовления монет (средств платежа) оценили по достоинству в ассоциациях локальных сообществ с интенсивной трансграничной торговлей — металлы «чужих» денег могли быть переплавлены на локальных монетных дворах, послужив материалом для выпуска своих платежных сертификатов. Основным же недостатком металлических платежных сертификатов была возможность «порчи монеты» путем изъятия небольшого количества материала основы с целью последующей перепродажи накопленного таким образом вещества. Естественно, что номинал монет обычно был всегда чуть выше стоимости материала основы, чтобы исключить возможность бизнеса по их сбору, переплавке и последующей продаже слитков, с одной стороны, и не слишком много проигрывать при обмене монет на сторонних рынках — с другой.

Интересная форма платежных сертификатов существовала длительное время на Британских островах. Начиная с Генриха 1-го (1100) до 1826 г. в Англии ходили деревянные деньги — tally sticks — см. статью: (Apostollou, Crumbley, 2008). По данной версии механизм эмиссии был следующим. Локальные шерифы изготовляли ореховые палочки, на одной из граней которых поперечными насечками обозначали сумму, пускаемую в оборот, после чего расщепляли палочку вдоль через эти насечки с отрубом в районе «рукоятки». В результате получалась длинная часть с рукояткой (stock), и короткая часть (foil), дополняю-

щая эту длинную часть до полной палочки. Насечки были на обеих частях. По совпадению этих частей проводился контроль. Говорят, что из-за фактуры древесины орешника подделка была невозможна. Далее, используя foil (короткую часть), они покупали что-либо нужное короне или выплачивали кому-либо королевское жалованье. Эти палочки (foil) принимались потом шерифами обратно в качестве налогов по насеченному на них номиналу — операция, на которой и нужен контроль подлинности. Так получалось денежное обслуживание локального рынка.

И еще. Говорят, что значительная часть первоначального капитала Банка Англии была выплачена в конце XVII века именно ореховыми палочками. Я уж не говорю здесь о том, что именно в подобных «деревянных» операциях возникли святые для многих слова stockholder и stockmarket.

Кстати, интересен еще один замечательный факт. Фиксация обязательств частных лиц путем описанной выше процедуры изготовления соответствующих деревянных палочек поддерживается законодательством Франции до сих пор — см. Гражданский кодекс, статью 1333.

В принципе обсуждаемый здесь механизм появления денег лежит в рамках так называемого номиналистического подхода — см., например, статью: (Деньги // БСЭ), и примыкает к государственнической концепции немецкого политэконома Г.Ф. Кнаппа, выдвинутой им в 20-е годы XX века. Согласно данной концепции деньги являются прежде всего «продуктом правопорядка», результатом государственного законотворчества. При этом особенно следует отметить гладкость эволюционного социального процесса, приведшего к появлению денег в рамках обсуждаемого механизма, ибо вводимые центральной властью платежные сертификаты уже учитывали (и закрепляли) сложившуюся структуру цен обмена товарами и услугами в данном локальном сообществе.

[196] Данное свойство рынка в рамках некоторых экономических концепций обобщается в постулат о «невидимой руке рынка», который представляет собой предположение, что усилия по максимизации каждым экономическим агентом своей функции полезности (индивидуального блага) в условиях идеальной и конкурентной рыночной среды суммируются в максимизацию общего блага всего социума. То есть считается, что достигаемое по результатам действия агентов равновесие является единственным и наилучшим из всех возможных. При этом апологеты «невидимой руки» зачем-то противопоставляют распределение обмену, превознося последний как основу эффективности экономических систем и объявляя первый виновным во всех грехах неэффективности.

Хорошим ответом-критикой подобного философствования стало рассуждение Р. Коуза, который обратил внимание на тот факт, что несмотря на наличие на рынке всех функций, которые задействованы в фирмах в процессе их деятельности, данные организации тем не менее продолжают существовать, а не разваливаются, раздавая свои функции на аутсорсинг. Более того, экономические предприятия часто имеют тенденцию к укрупнению.

Данное рассуждение показало, что распределение, как форма организации экономических потоков, в некоторых случаях оказывается эффективнее обмена. В более широком контексте имеет смысл обратить внимание на то, что распределение действительно является основным механизмом поддержания функционирования большинства существующих хозяйственных ячеек в плане внутреннего ресурсообеспечения их частей, пусть даже сами эти ячейки хорошо вписаны в рыночную среду. Упоминавшиеся права требования структурных подразделений в этом случае реализуются через технологию бюджетирования, а права требования индивидов — через штатное расписание.

[197] Известен также альтернативный подход к природе прибыли, связанный с именем К. Маркса — см., например, книгу: (*Маркс*: Капитал. Т. 1.). Данный подход основан на концепции прибавочной стоимости — имманентном свойстве такого специфического товара, как рабочая сила. В плане критики данного подхода следует обратить внимание на некоторые узловые моменты рассуждений Маркса при построении своей теории. Во-первых, Маркс постулирует наличие лишь одного, причем объективного, показателя для отражения стоимости товара, жестко связывая его с трудом, и объявляет, что именно данный показатель актуализируется в обменах, которые при этом полагаются обменами равными стоимостями. И таким образом он попадает в ловушку, ибо, с одной стороны, у товара есть лишь одна объективно определяемая стоимость, с другой — в производстве получается прибыль. Для разрешения данного противоречия Маркс делает следующий трюк. Он берет и соотносит всю наблюдаемую прибыль лишь с

одной составной частью товара — с заключенном в нем вкладе труда. При этом зарплату рабочего он называет необходимой стоимостью, а прибыль — прибавочной стоимостью.

Приглядевшись к данному трюку внимательнее, можно заметить следующее. Во-первых, зарплата обычно отличается от того, что Маркс имел в виду под им же введенным понятием «необходимая стоимость» (что есть необходимые расходы по воспроизводству рабочей силы). Это различие, которое по сути является «прибылью» работника при продаже своей рабочей силы, служит основой для избыточного потребления семьи или формирует ее накопления. Во-вторых, если выделить в товаре составляющую — общий вклад труда, то по отношению к данному вкладу Маркс фактически сделал то же, что предложено в данной книге, — он ввел две стоимости. Мы можем видеть, что его необходимая стоимость рабочей силы — это себестоимость трудового вклада в продукт, а необходимая плюс прибавочная стоимости — это меновая стоимость трудового вклада в продукт. То есть перейти от концепции Маркса к концепции данной книги достаточно просто — надо лишь универсализировать тот трюк, который Маркс допустил лишь для трудового вклада в продукт, и распространить его на все прочие компоненты производства.

[198] См., например, статью: (Крупкин // АПН, 19.06.2009).

[199] Заметим, что в современном российском экспертном и публицистическом дискурсе категория «инкап» уже вполне проявляется. Правда для ее обозначения обычно используется либо просто общее слово «деньги» — см., например, статью: (Белковский // АПН, 23.06.2008), — либо слово из российского элитного и околоэлитного жаргона — «бабло» — см., например, текст: (Крылов // Живой журнал, 25.01.2009).

[200] См., например, статью: (Джонсон, 2009).

[201] См., например, замечание об американских кредитных союзах в интервью: (Нейдер, 2009).

[202] Цитата из книги: (Гэлбрейт, 1976).

[203] В статье (Коротаев, Крадин, Лынша, 2000) убедительно показано, что не существует универсального пути развития социальной системы во времени, который мог бы отобразить основные закономерности эволюции всех общественных систем. Более того, имеющийся в наличии фактический материал не может быть сгруппирован в два или даже в большее количество таких универсальных путей.

[204] См., например: (Фурс: «Критическая теория позднего модерна» Энтони Гидденса).

[205] Хабермас, 2003.

[206] Touraine, 1992.

[207] Данное разделение аналогично тому, что использовал Батай в своей теории расточительности: «Человеческую деятельность нельзя полностью свести к процессам производства и воспроизводства, и потребление должно распределяться по двум разным областям. Первая, подлежащая сокращению, для живущих в обществе индивидов включает минимальное потребление, необходимое для поддержания жизни и продолжения продуктивной деятельности... Вторая область охватывает так называемые непродуктивные расходы: роскошь, траурные церемонии, войны, культы, постройка дворцов, игры, театр, искусства, извращенная (т.е. освобожденная от генитальности) сексуальность — все это представляет многочисленные виды деятельности, которые, по крайней мере первоначально, имеют цель в самих себе» [24]. — Цитируется по книге: (Хабермас Ю. Философский дискурс о модерне. М.:«Весь Мир», 2003. С. 233). В цитате используется ссылка [24] Bataille G. Das theo-retische Werk. Bd. 1. Mu., 1975. S.12ff.

[208] Хороший обзор идей Э.Гидденса сделан в работе (Фурс: «Критическая теория позднего модерна» Энтони Гидденса).

[209] Капустин, 1998.

[210] Ключевые слова для поиска соответствующей литературы — Change Management.

[211] Поппер, Т. 1. С. 53—56.

[212] Логика актуализации тоталитаризма в рамках БУСП выглядит следующим образом — см. также детали в статье: (Крупкин // Выборы, 22.07.2007).

Задача построения «нового мира», не имеющего корней в настоящем, является настолько глобальной, что она естественно требует концентрации всех общественных ресурсов. Организация такого проекта вне государства невозможна, поэтому естественным образом государство становится проектным офисом провозглашенного БУСП. Любой проект имеет два измерения — мобилизацию и управление материальными ресурсами и мобилизацию и управление человеческими ресурсами. Возникает необходимость в централизованном управлении экономикой и обществом в целом, с созданием соответствующих средств и методов контроля «проектного офиса БУСП» — государства — за управляемыми системами.

Одной из задач в рамках БУСП может оказаться антропологическая революция — создание «нового человека», удовлетворяющего запросам нового общества. Это значит, что (1) в текущем обществе «хорошенькие овечки» должны быть отделены от «козлищ» и (2) должна быть налажена работа по продвижению «новой» системы личностных ценностей среди людей. Естественным образом получаем массовую партию из носителей «новых» ценностей и тотальный контроль над СМИ, системой образования и прочими инструментами социализации людей с целью угнетения «козлиных» черт в человеке и культивирования необходимых для светлого будущего «правильных» черт. А для чрезмерно активных «козлищ» создается система сепарации, то есть эти «несогласные» отделяются от общества с тем, чтобы они не мешали строить «новый мир».

Мы видим, что простое требование по организации процесса реализации БУСП, естественно, порождает структуру, удовлетворяющую всем шести требованиям «синдрома тоталитаризма» в функциональном плане, — см., например, работу: (Fridrich, Brzezinski, 1956). Формальные признаки «синдрома тоталитаризма» кроме идеологии БУСП охватывают еще и бюрократизацию жизни вместе с культивированием коллективизма, но, на мой взгляд, эти формальные признаки определяются главным образом уровнем развития управленческих и коммуникационных технологий.

Здесь следует отметить, что ограничение свободы мысли в тоталитарных обществах задается прежде всего задачами антропологической революции, которые появляются из необходимости воспитания «нового человека». А то, что антропологическая революция обязательно входит в инструментарий тоталитарных режимов, это уже отмечалось в литературе — см., например, статьи: (Гриффин, 2007; Griffin, 2000), в которых Р. Гриффин отслеживает данную линию мысли, начиная с К. Поппера (книга «Открытое общество и его враги», 1945). Среди последователей Поппера Гриффин особо отмечает С. Торми (книга «Понимание тирании», Manchester University Press, 1995) и Э. Джентиле (статья 2000, книга «Le religioni della politica»). Такая нацеленность на создание «нового человека» была отмечена введением специального термина — «палингенез». Интересной чертой палингенетических обществ Гриффин считает обязательность наличия некой «гражданской религии», то есть такую сакрализацию политики, которые обеспечивает харизматический консенсус как основу легитимации тоталитарного режима в глазах граждан.

[213] Капустин, 1998.

[214] Крупкин // АПН, 19.09.2007.

[215] Крупкин // АПН, 15.01.2007.

[216] Андерсон, 2001.

[217] Calhoun, 1993.

[218] Андерсон, 2001.

[219] Семенов, 2000.

[220] Крупкин // Русский журнал, 19.03.2008.

[221] Вот как определяет понятие национальной территории А. Миллер в своей книге: (Миллер, 2008. С. 150.):

«Терминами “национальная территория” и “идеальное отечество” я обозначаю националистическое представление о том, какое про-

странство должно принадлежать данной нации “по праву” именно как нации, как “наша земля”, а не подвластная территория (так в оригинале. — *П.К.*) Аргументы в пользу такой принадлежности могут быть самыми разными — от фактической демографической ситуации на данный момент до “исторического права” (“наши предки здесь жили”), геополитических резонов (“выход к морю”, “жизненное пространство”), ссылок на кровь, пролитую “нашими» солдатами за эту землю, и т.д. См.: Миллер А. Конфликт “идеальных отечеств” // Родина, 1999, № 8. С. 79—82».

[222] О влиянии национального мира на современную историографию см. лекцию: (Миллер // Полит.ру, 24.04.2008).

[223] «***Симулякр*** — (фр. simulacres, от simulation — симуляция) — термин философии постмодернизма, в онтологической проекции фиксирующий способ осуществления событийности, который реализуется в акте семиозиса и не имеет иной формы бытия, помимо перцептивно-символической; в гносеологической своей проекции используется для обозначения внепонятийного средства фиксации трансгрессивного опыта. Генетически восходит к термину “С.” (“симулакрум”), обозначавшему у Платона “копию копии”. Введен в оборот постмодернизма Батаем, интерпретировался Клоссовски, Кожевым, Бодрийяром и др.». — Цитата из словарной статьи: (*Можейко М.А.* Симулякр // НФС).

В современном дискурсе данный термин часто используется для обозначения идеальных объектов общественного сознания, якобы отражающих какую-то реальность, хотя никакой реальности за ними нет.

[224] Тишков, 1998.

[225] «***Аксиология*** (греч. axia — ценность, logos — слово, учение) — философская дисциплина, занимающаяся исследованием ценностей как смыслообразующих оснований человеческого бытия, задающих направленность и мотивированность человеческой жизни, деятельности и конкретным деяниям и поступкам». — Цитата из словарной статьи: (Абушенко В.Л. Аксиология // НФС).

[226] «***Ценностей теория*** — аксиология, философское учение о природе ценностей... их месте в реальности и о структуре ценностного мира, т.е. о связи различных ценностей между собой, социальными и культурными факторами и структурой личности.

Проблема ценностей в предельно широком значении неизбежно возникала в эпохи обесценивания культурной традиции и дискредитации идеологических устоев общества. Кризис афинской демократии заставил Сократа впервые поставить вопрос: “Что есть благо?” Это основной вопрос общей Ц.т. В античной и средневековой философии ценностные (этико-эстетические и религиозные) характеристики включались в само понятие реальности, истинного бытия. Вся традиция идеалистического рационализма от Платона до Гегеля и Б. Кроче отличается нерасчлененностью онтологии и аксиологии, бытия и ценности. Аксиология как самостоятельная область философского исследования возникает тогда, когда понятие бытия расщепляется на два элемента: реальность и ценность как объект разнообразных человеческих желаний и устремлений. главная задача аксиологии — показать, как возможна ценность в общей структуре бытия и каково ее отношение к «фактам» реальности. В подходе к аксиологической проблеме можно выделить следующие типы Ц.т.: натуралистический психологизм, трансцендентализм, персоналистический онтологизм, культурно-исторический релятивизм и социологизм.

К первому типу учений о ценности относятся взгляды А. Мейнонга, Р. Б. Перри, Дж. Дьюи и К. И. Льюиса. Общим для них являются утверждения о том, что источник ценностей — в биопсихологически интерпретированных потребностях человека, а сами ценности могут быть эмпирически фиксированы как специфические факты наблюдаемой реальности. <...>

Для аксиологического трансцендентализма, развитого баденской школой неокантианства (В. Виндельбанд, Г. Риккерт), ценность — это идеальное бытие, бытие нормы, соотносящееся не с эмпирическим, а с “чистым”, трансцендентальным, или “нормальным”, сознанием. Будучи идеальными предметами, ценности не зависят от человеческих потребностей и желаний; возникает проблема онтологической природы “нормативного сознания”. Идеальное бытие должно опираться на реальность; но тут возможны два варианта: либо вернуться к субъективному эмпирическому сознанию, идеализирующей абстракцией от которого и выступает чистая нормативность, либо

встать на позиции чистого спиритуализма, постулирующего сверхчеловеческий “логос”. Это последнее решение избирает персоналистический онтологизм, наиболее видным представителем которого был М. Шелер. Реальность ценностного мира, согласно Шелеру, гарантирована “вневременной аксиологической серией в боге”, несовершенным отображением которой служит структура человеческой личности. Тип личности определяется свойственной ей иерархией ценностей, которая и образует онтологическую основу личности. Н. Гартман попытался освободить аксиологию от религиозных предпосылок, но это снова поставило его перед проблемой независимого существования сферы ценностей.

Для культурно-исторического релятивизма, у истоков которого стоял В. Дильтей, характерна идея аксиологического плюрализма, т.е. множественности равноправных ценностных систем, опознаваемых с помощью исторического метода. По существу, это означало критику самой программы общей Ц.т. как абстрагирования от культурно-исторического контекста и произвольного увековечивания какой-либо одной “подлинной” системы ценностей. При этом для многих последователей Дильтея был характерен интуитивистский подход к истолкованию ценностного смысла культур (например, у О. Шпенглера, А. Тойнби, П. Сорокина и др.). М. Вебер в своей “понимающей социологии” воспринял у неокантианцев представление о ценности как норме, способом бытия которой является значимость для субъекта, и применил его к интерпретации социального действия и социального знания. В дальнейшем у Ф. Знанецкого и особенно в школе структурно-функционального анализа Т. Парсонса понятие ценности приобрело обобщенно методологический смысл как средство выявления социальных связей и функционирования социальных институтов: социальная система любого масштаба предполагает существование неких разделяемых всеми общих ценностей. При этом не учитываются общественные противоречия и преувеличивается роль ценностных механизмов в регуляции человеческой деятельности». — Цитата из статьи: (Киссель М.А. Ценностей теория // БСЭ).

[227] Определение понятий «архетип» и «коллективное бессознательное» содержится в соответствующих ссылках к подразделу «Идентичность человека» раздела «Социально-культурные универсалии: Власть, Справедливость и др.» главы 2.

[228] Аузан, 2007.

[229] О принципе компенсации при развитии культуры см. заметку: (Крупкин // АПН, 31.10.2008). Обоснование данной концепции также дано в разделе «Социальная микродинамика» главы 2. См. также книгу: (Касьянова, 1994). Исторически же концепция компенсации в плане анализа культурных процессов была впервые применена к генезису религии (см., например, работы Д. Юма, Л. Фейербаха), после чего она заняла определенное место в теологии.

[230] Здесь имеется очевидный разрыв в логике. Напомню, что нацией в 1-м понимании является коллективная идентичность, наполненная политическим содержанием вплоть до наличия собственного государства. В этом плане классовая идентичность, если ее положить в основу государственного строительства, становится по сути своей национальной идентичностью. Данный момент был во многом урегулирован впоследствии введением в советское обществоведение категории «советский народ».

[231] «Нация есть исторически сложившаяся устойчивая общность людей, возникшая на базе общности языка, территории, экономической жизни и психического склада, проявляющегося в общности культуры... Только наличие всех признаков, взятых вместе, дает нам нацию». — Цитата из работы: (Сталин, 1946. С. 296—297).

[232] Крупкин // АПН, 12.07.2007.

[233] «And as scholars such as Chaim Kaufmann have noted, once ethnic antagonism has crossed a certain threshold of violence, maintaining the rival groups within a single polity becomes far more difficult». — Перевод: «Исследователи, такие как Шэйм Кауфман, заметили, что если этнический антагонизм превысил определенный порог насилия, то удержать борющиеся группы внутри одного сообщества становится очень трудно». — Цитата из статьи: (Muller, 2008).

[234] Крупкин // АПН, 12.07.2007.

[235] См. главу 21 в книге: (*Шумпетер, 1995).

[236] В качестве примера можно напомнить, что в США в 1824 г. на президентских выборах голосовало всего 3,5% населения. К концу XIX века данный показатель подрос до величин чуть менее 20%. — Данные из книги: (Тилли, 2007. С. 122—123.)

[237] Поппер, 2004.

[238] Развитие определения, данного в статье: (Крупкин // АПН, 06.02.2008).

[239] Там же.

[240] Цитата из лекции: (Хигли, 2006).

[241] Цитата из книги: (Капустин, 1998). В цитате содержится ссылка: [46] де Токвиль А. Демократия в Америке. М.: Прогресс, 1992. 554 с.

[242] Там же.

[243] Крупкин // Политкласс, 03.07.2007.

[244] Содержимое данного раздела является несколько расширенным вариантом эссе: (Крупкин // Полярная звезда, 13.09.2008).

[245] Маслоу, 1999.

[246] Примеры переживаний, связанных с недостатком экзистенциальной свободы: «Хочу эту женщину! — не дается... Хочу убить того гада, который с ней! — не дают, пугают наказанием... Хочу пойти туда, где я ее увижу! — не пускают, нет денег на входной билет...»

[247] Цитата из работы: (Фурс: «Критическая теория позднего модерна» Энтони Гидденса). В цитате используется ссылка: [19]. Giddens A. Modernity and self-identity: Self and society in the Late Modern Age. Cambridge: Polity Press, 1991.

[248] Поппер, Т. 2. С. 56.

[249] Поппер, Т. 1. С. 53—56.

[250] Здесь можно вспомнить знаменитое высказывание судьи Холмса: «The right to swing my fist ends where the other man's nose begins» — «Свобода движения моего кулака кончается у носа другого человека». См., например, сайт: (URL: http://www.quotedb.com/quotes/1524 (Дата обращения: 28.06.2009)).

[251] Существенным в этом рассуждении является то, что нашей целью является именно расширение интегральной свободы, то есть все вносимые нами изменения в общественные институты и структуры могут быть оправданы лишь действительным сохранением и/или увеличением достигнутого общего уровня социальной эмансипации.

[252] Валлерстайн, 2001.

[253] Особенности интеграции свободы в общество могут быть подчеркнуты следующим микроэссе об идеологиях как компенсациях человеческой некомпетентности:

«Каждый человек имеет сильные и слабые стороны. И людям естественно хочется усилить себя в конкуренции, защитив свои слабые места. Для чего они могут создать, например, социальные табу, запрещающее активность в тех областях человеческой деятельности, где они слабы.

Исторически жизнь долгое время управлялась физической силой — совершенно свободной и ничем не ограниченной. И это структурировало общество во вполне конкретную пирамиду. “Помни, сынок: умный никогда не свяжется с сильным” — эта максима из “Женитьбы Фигаро” вобрала в себя мудрость веков.

В таких условиях хитроумные чувствовали себя несвободными и недооцененными — у них всегда был риск по результатам своей деятельности огрести неприятности от сильного — что их ограничивало в их возможностях. И тогда возникла идеология, ставящая во главу всего ограничение силы, при полной свободе для хитроумствования. Так выводом за рамки закона свободы физического насилия (того, в чем хитроумные обычно некомпетентны) заявило о себе ***либертарианство*** в формах изначального либерализма.

Другие были некомпетентны в хитроумствовании и положили в основу своей картины мира дополнительный запрет на бизнес, на предпринимательство, породив таким образом коммунизм.

Третьи не могли выносить покушения на устои. Их воротит от предлагаемых то и дело разными безответственными деятелями изменений, а адаптация к новому для них слишком большой стресс. Соответственно эти люди поддерживают запрет на нововведения, создавая спрос на ***консерватизм***.

И если поставить задачу "раскрытия" всех социальных полей, с тем чтобы выгоды от талантов и силы сильных не отравлялись бы чрезмерным угнетением слабых, — что получится? ***Социальный либерализм? Коммунитаризм? Либеральный социализм?***»

[254] Капустин, 1998.

[255] Здесь используется аллюзия на представление в виде «богов» существенно важных для общества культурных символов. Вот как это представляет Б.Г. Капустин:

«Итак, я определил Современность как проблему. <...> Это можно было бы вслед за Максом Вебером назвать "расколдованием мира" в смысле профанирования всего святого и превращения всего безусловного в обусловленное. <...>

<...> "Расколдованию мира" как инструментальной рационализации всего сущего, т.е. превращению (потенциально) всего, с чем сталкивается современный человек, в средство осуществления принципиально бесцельного круговращательного процесса по модели "производство ради производства" (Д. Рикардо) (или "искусство ради искусства", или "власть ради власти"), не следует придавать значения некоего всеобъемлющего закона, исчерпывающим образом объясняющего динамику Современности. Это лишь одна, хотя и очень важная, сторона и составляющая такой динамики. "Расколдованию мира" в этом смысле противостоит — особенно в нынешних западных обществах — его новое "околдование", прежде всего в виде гедонистической, высоко манипулятивной, лишенной практически какого-либо познавательно-рационального содержания, "идолообразующей" потребительской культуры. Эрнст Геллнер в связи с этим остроумно заметил, что сейчас кошмарный веберовский образ "железной клетки" инструментальной рациональности, которую создавало для себя

раннеиндустриальное общество, уступает место образу "резиновой клетки", более подходящему для общества, в котором строгая рациональная мысль и воплощающие ее виды деятельности "все более сжимаются (как по доле населения, так и по доле времени индивидов [которые ими охватываются. — *Б.К.*]), тогда как занятия, предполагающие легкие, интуитивные, почти самоочевидные реакции, разрастаются" (7. С. 155). Конечно, остается открытым вопрос о том, является ли "резиновая клетка" привлекательнее "железной".

<...> "Расколдование мира" не нужно понимать в том смысле, что "боги" (высшие ценности, смыслы, значения, не сводимые к логике инструментальной рациональности средств) вообще покидают людей в "современном мире". Напротив, сам Вебер к концу своего пути усматривал трагизм Современности не столько в этом, сколько в "борьбе богов", в том, что он обозначал как "несовместимость наиболее принципиальных, вообще возможных жизненных позиций и непримиримость борьбы между ними, а следовательно, необходимость между ними выбирать" (8. С. 730). И действительно: даже при рассмотрении только специфического западного варианта "исполнения" Современности, даже при упрощающем отождествлении Просвещения и его духа с инструментальной рациональностью становится очевидным, что Современность в той же мере есть изгнание "богов", в какой она есть их новое производство. Романтизм (в самом широком смысле) есть столь же необходимый продукт и компонент Современности, как и Просвещение, alter ego и противовес последнего. Для романтизма же, как отмечал Исайя Берлин, характерно именно то, что "ценности не обнаруживаются, они создаются; не находятся, но делаются актом способной к воображению творческой воли — в виде произведений искусства, в виде политики, планов, образцов жизни, которые творятся" (9. С. 42). Таким образом, в центре Современности оказывается проблема плюрализма, имеющая, как минимум, две оси: по первой "обезбоживающий" эффект Просвещения и инструментальной рациональности сталкивается с романтическим производством "богов"; по второй — разворачивается "борьба богов" в рамках нового "многобожия", поскольку новые "боги" всегда имеют "авторство" — это мои или наши "боги" против твоих или ваших "богов". И при этом нам всем приходится как-то жить вместе». Цитата из книги: (Капустин, 1998). В цитате использоны ссылки: 7. Gellner E. The Rubber Cage: Disenchantment

with Disenchantment // Gellner E. Culture, Identity and Politics. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1987. 8. Вебер М. Наука как призвание и профессия // Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990. 9. Berlin I. The Decline of Utopian Ideas in the West // Berlin I. The Crooked Timber of Humanity/Ed. H.Hardy. L.: John Murray, 1991.

[256] Данная связь «нового деспотизма» и минимизации насилия по всей видимости является универсальной. В эволюции СССР после эпохи Сталина можно также проследить социально-экономические процессы создания матрицы, которые были вполне аналогичны процессам, шедшим в западных странах после Второй мировой войны. Это, в частности, признавалось в то время и западными экспертами — именно эти процессы и их результаты послужили основой развивавшейся в 70-е годы западными обществоведами теории конвергенции.

[257] Переход к снятию социальных напряжений в матрице может сопровождаться возрастанием социально-политической активности массы и актива, их солидарными действиями против тех сил, которые связались в сознании людей с причинами данных напряжений. Кроме того, снятие напряжений в матрице, ее перестройка — это всегда нарушение привычных до того социальных норм, выход за установленные ранее и «вбитые» в сознание людей пределы, то есть какой-то вид коллективной трансгрессии. Эйфория от соучастия в такой совместной активности остается в памяти людей надолго после того, как соответствующие социальные действия были завершены, придавая эмпатию тому, что зовется словами «гражданское общество».

«... Коли так, то гражданское общество оказывается не постоянным структурным компонентом современного общества, а возникающей и исчезающей характеристикой способа его деятельного самопреобразования (изменения некоторых институтов, процедур, норм, существенных на определенной стадии его развития). “Гражданское общество” может возникать для решения проблем, с которыми современное общество сталкивается. Но может и не возникнуть, даже когда нужда в нем велика. Или не суметь решить задачи, вызвавшие его к жизни. Словом, “гражданское общество” есть возможная практика современного мира, а не его “признак” и тем менее — гарантированный атрибут // ... в условиях современности практика, называемая “гражданским обществом”, осуществлялась в самых разных организационных

формах, зависящих от обстоятельств “места и времени”, — от городских собраний периода Американской революции, воспетых Ханной Арендт, до гандистского движения сатьяграхи, “народных фронтов” Центральной и Восточной Еропы, участвовавших в демонтаже коммунизма, и движения анти- или альтерглобализма. Нет и не может быть единого организационного шаблона, по которому строится “правильное” гражданское общество». — Цитата из статьи: (Капустин // ЦПФ, 18.02.2009).

В свете развиваемой в данном разделе теории общества Поздней Современности эта идея может быть переформулирована следующим образом. При недоработке стратегической подсистемы в общественной матрице могут возникнуть сильные напряжения, которые порождают социальную активность людей и через нее — трансформацию матрицы. При этом «течение» матрицы, снимающее возникшие социальные напряжения, не обязательно требует революционной ситуации — матрица вполне может быть трансформирована в рамках текущей власти, но в этом случае с необходимостью стратегическая подсистема должна подключиться к процессу общественных изменений.

То есть получается, что гражданское общество либо дополняет стратегическую подсистему, либо является ее частью. В любом случае это хороший индикатор для социальных «стратегов», поэтому эффективные «стратеги» будут поддерживать в обществе россыпь структурных «зародышей» потенциальных структур гражданского общества, с тем чтобы отслеживать их активность, и предпринимать адекватные меры при возрастании «температуры». В стабильных же условиях активность гражданского общества затухает вплоть до «абсолютного нуля» и отмирания соответствующих структур, чего «умная» стратегическая подсистема старается не допустить. Отсюда и ажиотаж вокруг гражданского общества в развитых странах, поддерживаемый памятью эйфории от тех кратких периодов социальной активности в моменты деформации общественной матрицы, которые случались при неэффективной работе социальных «стратегов».

И еще. Приведенная выше схема «вызова к жизни» гражданского общества имеет хорошую аналогию с тем, как течет кристалл под действием сильных напряжений. Сам кристалл моделирует общественную матрицу. Поток дислокаций, снимающий внутренние напряжения в кристалле, играет роль общественной активности гражданского общества, чьи структурные «зародыши» идентифицируются в виде раз-

личных дефектов кристалла, поскольку обычно именно на дефектах кристаллического тела генерятся потоки дислокаций при росте напряжений в кристалле выше определенной критической величины. Что и порождает его деформацию.

[258] Отмеченная здесь «работа с богами» современного общества является также составной частью теории Антонио Грамши о гегемонии. Вот как определил суть данной теории С.Г. Кара-Мурза (Кара-Мурза, 1998):

«Исходя из постулата Макиавелли, что государство стоит на силе и согласии, Грамши называет гегемонией положение, при котором государством достигнут достаточный уровень согласия граждан ("государство является гегемонией, облеченной в броню принуждения"). Гегемония — не застывшее, однажды достигнутое состояние, а динамичный, непрерывный процесс. Гегемония — не просто согласие, но благожелательное (активное) согласие, при котором граждане желают того, что требуется господствующему классу. Грамши подчеркивает, что «гегемония, будучи этикополитической, не может также не быть экономической». Но он уходит от "экономического детерминизма" истмата, который делает упор на базисе, на отношениях собственности.

Вопрос стабильности политического порядка и, напротив, условия его слома (революции) сводятся к вопросу о том, как достигается или подрывается гегемония. И установление, и подрыв гегемонии — "молекулярный" процесс. Он протекает не как столкновение классовых сил, а как невидимое, малыми порциями, изменение мнений и настроений в сознании каждого человека.

Гегемония опирается на "культурное ядро" общества, включающее в себя совокупность представлений о мире и человеке, о добре и зле, прекрасном и отвратительном, множество символов и образов, традиций и предрассудков, знаний и опыта многих веков. Пока это ядро стабильно, в обществе имеется "устойчивая коллективная воля", направленная на сохранение существующего порядка. Подрыв этого "культурного ядра" и разрушение этой коллективной воли — условие революции. Подрыв совершается через "молекулярную" агрессию в культурное ядро.

Для подрыва гегемонии надо воздействовать не на теории противника, а на обыденное сознание, повседневные, "маленькие" мысли

среднего человека. И самый эффективный способ воздействия — неустанное повторение одних и тех же утверждений, чтобы к ним привыкли и стали принимать не разумом, а на веру. главное действующее лицо в установлении или подрыве гегемонии — интеллигенция. Именно создание и распространение идеологий, установление или подрыв гегемонии того или иного класса — главный смысл существования интеллигенции в современном обществе.

Когда "кризис гегемонии" созрел и возникает ситуация "войны", нужны уже, разумеется, не только "молекулярные" воздействия на сознание, но и быстрые целенаправленные операции, особенно такие, которые наносят сильный удар по сознанию, вызывают шок, заставляющий большие массы людей перейти от пассивности к активной позиции. Грамши считает это цепной реакцией ("цепочка синтезов") и называет катарсисом — подобно просветляющему коллективное сознание зрителей действию трагедии в театре (4)».

В данной цитате есть ссылка на следующий комментарий: «(4) Самая крупная проверка теории Грамши — успешная стратегия партии Индийский национальный конгресс по ненасильственному освобождению Индии от колониальной зависимости множеством «малых дел и слов». Теория Грамши положена в основу современной рекламы, в изучение роли вещи (особенно автомобиля), телевидения и спорта в поддержании гегемонии в западном обществе. Исходя из этой теории изучается и гласность в СССР и соцстранах (например, роль театра в подрыве гегемонии)».

[259] Поппер, Т1, Т2.

[260] Здесь следует отметить, что я согласен с оценками Б.Г. Капустина и А.А. Зиновьева, которые считали брежневский социализм вполне современной формой развития западной цивилизации. Более подробно этот круг вопросов будет обсужден далее, в подразделе «Стартовая позиция» раздела «Очерк трансформации» главы 4. См. также, например, книгу: (Капустин, 1998).

[261] См., например, данные в работе: (Vishnevsky, 1996).

[262] В принципе предлагаемый здесь механизм по своей сути является интегральным и многофакторным. Например, он включает в себя

такой фактор, как влияние на рождаемость женской грамотности, который обсуждался в работе (Коротаев, Малков, Халтурина, 2005). Или то, что современные женщины доксически и экономически обрекаются заниматься карьерой, даже когда им более хочется вложиться в семью и детей.

[263] Этим тезисом настоящая работа включает себя в направление, которое признает демографические процессы возможным объектом социального управления. Другие примеры работ данного направления: (Антонов, 2004; Сулакшин, 2006; Багдасарян «Управляема ли демография?»).

[264] Падение ВВП Литвы во 2-м квартале 2009 г. зафиксировано на уровне 22,4% (1-й квартал — падение 13,6%). Промышленное производство с долей 20% в ВВП при этом упало на 20,4%. (URL: http://www.balticbusinessnews.com/Default2.aspx?ArticleID=b22a95d4-4acc-40cc-9db9-8cec2e7281b9).Падение ВВП Латвии во 2-м квартале 2009 г. зафиксировано на уровне 19,6% (1-й квартал — падение 19,6%). Промышленное производство при этом упало на 19%. (URL: http://www.balticbusinessnews.com/Default2.aspx?ArticleID=b48c24a6-2b59-4986-8a16-4091d5ac8461). Падение ВВП Эстонии во 2-м квартале 2009 г. зафиксировано на уровне 16,6% (1-й квартал — падение 15,1%). (URL: http://www.balticbusinessnews.com/Default2.aspx?ArticleID=03aeb4d4-611d-4c12-bd38-276a3fcd30a3).

[265] См., например, пост: (Любарский, 2009).

[266] Фурс: «Критическая теория позднего модерна» Энтони Гидденса.

[267] Там же. В цитате использовалась ссылка: [19] Giddens A. Modernity and self-identity: Self and society in the Late Modern Age. Cambridge: Polity Press, 1991.

[268] Giddens, 1994. P. 14.

[269] Фурс: «Критическая теория позднего модерна» Энтони Гидденса.

[270] Там же. В цитате использовалась ссылка: [19] Giddens A. Modernity and self-identity: Self and society in the Late Modern Age. Cambridge: Polity Press, 1991.

[271] Там же. В цитате использовалась ссылка: [19] Giddens A. Modernity and self-identity: Self and society in the Late Modern Age. Cambridge: Polity Press, 1991.

[272] Там же.

[273] Там же. В цитате использовалась ссылка: [20] Giddens A. Beyond Left and Right: The future of radical politics. Cambridge: Polity Press, 1994.

[274] Данное приложение содержит переработанный вариант статьи: (Крупкин // АПН, 07.12.2007).

[275] Докинз, 1993.

[276] Здесь имеется в виду стиль одежды, оставляющий пупок открытым. Данный стиль вошел в моду в начале 2000-х и очень быстро распространился по всей России.

[277] Мертон, 1966.

[278] Исследования американских социальных психологов показали, что студенты, изучающие экономику, в своей повседневной жизни более эгоистичны и менее склонны к кооперации и благотворительности, чем студенты других направлений. См., например, работу: (Frank, Gilovich, Regan, 1993).

[279] Шумпетер, 1982.

[280] Понятия «актив» и «элита» раскрыты в разделе «Строение общества» главы 2 настоящей книги. См. также статью: (Крупкин // АПН, 04.04.2007).

[281] Сорос, 1999.

[282] Гэлбрейт, 1976.

[283] См. главу 13 книги: (Шумпетер, 1995), а также соответствующие комментарии к разделу «Строение общества» и «Социальный коагулят — «малый народ»» главы 2.

[284] См. разделы «Строение общества» и «Социальный коагулят — “малый народ”» главы 2, а также статью: (Крупкин // АПН, 04.04.2007).

[285] Там же.

[286] Шумпетер, 1995.

[287] Крупкин // Политкласс, 03.07.2007.

[288] Аналогичные данные из другого источника: по итогам рейганомики «сверхбогатые увеличили свою долю в общественном пироге. В 1980-м верхние 0,01% по доходам имели 0,87% всех доходов. К 2006-му их доля возросла более чем в 4 раза до 3,89% — уровня, который не наблюдался с 1916 г.». — Цитата из статьи: (Mankiw, 2008). На языке оригинала: «What’s more, the superrich have been getting an increasing slice of the economic pie. In 1980, the top 0.01 percent of the population had 0.87 percent of total income. By 2006, their share had more than quadrupled to 3.89 percent, a level not seen since 1916».

[289] Данные из статьи: (Piketty, Saez, 2003). Аналогичные данные по большему количеству западных стран представлены в работе: (Atkinson, Piketty, 2007).

Аналогичные данные по США также присутствуют в интервью с Ричардом Лахманом, опубликованном в журнале «Эксперт»: (Власова, 2007).

[290] Сорос, 1999.

[291] Термин «примордиализм» используется для обозначения подхода к генезису наций, при котором считается, что национальная идентичность создается на основе уже существующей этнической или

какой-нибудь другой идентичности. Конструктивисты же настаивают на возможности создания новой национальной идентичности вне этнического контекста. См., например, (Calhoun, 1993).

[292] Там же, P. 213.

С другой стороны, недавние исследования А. Миллера по русскоязычному употреблению данного понятия показали, что в значении «народ» слово «нация» в России было известно с начала XVIII века:

«Оказалось, что слово “нация” входит в русский язык уже в Петровскую эпоху. По указанию Петра составлялся словарь иностранных слов в русском языке. Он не был опубликован, но рукопись его сохранилась. Там есть слово “нация”, которое объясняется так, что “нация” — это народ германский, русский, польский и т.д.”. Есть еще изданные в 1724 году правила для шкиперов, где говорится, что когда чужестранный шкипер найдет в воде что-нибудь “потерянное людьми нашей нации”, он должен это вернуть. И наконец, краткий список иностранных слов, который датирован 1730 годом и который был, кстати, обнаружен в собрании старых рукописей, принадлежащих сыну того знаменитого графа Уварова, о котором я уже здесь рассказывал. Там тоже есть слово “нация” как народ». — Цитата из лекции: (Миллер // Полит.ру, 29.12.2008).

Таким образом, можно предположить, что в западноевропейских языках слово «нация» начало использоваться в данном понимании существенно раньше. Данное предположение находит свое подтверждение в виде наличия работы Лютера от 1520 г. «К христианскому дворянству немецкой нации» — «An den christlichen Adel deutscher Nation». То есть уже в начале XVI века в Германии термин «нация» вышел за пределы университетов, где он существовал длительное время до того — в 14—15 вв.: («In the University of Paris there were the French, Normans, Picards, and the English, later Alemannian nation. Jean Gerson was twice elected procurator for the French natio (i.e. the French-born students at the University) in 1383 and 1384, while studying theology at Paris. Also at Paris, Germans and Scotsmen were grouped in a single natio Germanorum et Scotorum // There were also smaller subdivisions, even cities, like Natio Misnensium for students from Meissen at the University of Leipzig, established in 1409, where other nationes were those of the Saxonum, Bavarorum, and Polonorum. A similar division of students had been adopted at the Charles University in Prague, where from its opening in 1347 the studium generale

was divided among Bohemian, Bavarian, Saxon, and Polish nations. When there was not a “natio” of a given nationality, students were choose another nation. In Italy, Poles were customary signed into “northern” or “German” nations, sometimes even when a Polish natio existed in given university. At the University of Bologna, Nicolaus Copernicus in 1496 enrolled into the natio germanorum (Natio of the Germans)». — Цитата из статьи в Википедии «Nation (University)». Соответствующий русский перевод: «В университете Парижа были французская, нормандская, пиккардийская и английская нации. Позднее к ним добавилась еще и германская нация. Жан Джерсон был дважды избран прокуратором французской нации, т.е. сообщества студентов университета, рожденных во Франции. Это случилось в 1383 и 1384 годах, когда он изучал теологию в Париже. Также в Париже выходцы из Германии и Шотландии были объединены в рамках одной германо-шотландской нации // В то время существовали и более мелкие различения наций, вплоть до городов, например мейсенская нация для студентов Лейпцигского университета, кто был родом из города Мейсена. Данная нация была основана в 1409 г. в дополнение к уже существовавшим саксонской, баварской и польской нациям. Аналогичное подразделение существовало в Карловом университете в Праге, где со дня его открытия в 1347 г. студенты разделялись на богемскую, баварскую, саксонскую и польскую нации. Когда не было полного соответствия по происхождению, студенты обычно записывались в “близкую” нацию. Более того, в Италии выходцы из Польши часто были записаны в северную или германскую нации, даже когда польская нация существовала в университете. Например, в Болонском университете в 1496 г. Николай Коперник был членом германской нации».

«Погружение» же в упомянутый выше лютеровский текст с целью понимания смысла использования им слова «нация» позволяет заключить, что Лютер в своем обращении имеет в виду именно немецкую часть всего христианского дворянства. Другими словами, термин «нация» в тексте Лютера имеет смысл «части некоего целого сообщества, происходящей из одного региона», что очень близко к тому, как данный термин использовался в университетах. Хотя уже можно заметить «дрейф» смысла в сторону обобщения на «народ данной страны». Данное наблюдение дает основания для выдвижения следующей гипотезы о генезисе термина. С социальной точки зрения наемные армии из представителей разных народов вполне аналогичны студенческим со-

обществам университетов. К тому же «вечные студенты» вполне могли подрабатывать наемниками в военных отрядах. Не произошло ли вследствие этого «скольжение» понятия нации из мира университетов в мир разношерстных коалиционных войск? То есть сначала по аналогии со студенческими землячествами так стали называть военные отряды из представителей одной местности в составе всего войска, с естественным последующим расширением на всех людей из одной местности. Возникает также понимание возможной «промежуточной целостности» для такого «дрейфа»: это было европейское христианское воинство в своем противостоянии исламу вообще и турецкой экспансии в частности.

[293] Calhoun, 1993.

[294] Андерсон, 2001.

[295] «...nationalism is not the awakening and assertion of these mythical, supposedly natural and given units. It is, on the contrary, the crystallization of new units, suitable for the conditions now prevailing, though admittedly using as their raw material the cultural, historical and other inheritances from the pre-nationalist world. (Gellner 1983:49)». — Цитируется по (Calhoun, 1993), ссылка в цитате на: (Gellner, E. 1983. Nations and Nationalism. Ithaca: Cornell Univ. Press). Соответствующий русский перевод: («... национализм — это не пробуждение к жизни и самоутверждение этих мифических, предположительно естественных и уже существующих сущностей. Это, напротив, именно выкристаллизовывание новых сущностей, пригодных для ныне доминирующих условий, хотя и использующих в качестве сырья для своего образования культурные, исторические и другие артефакты, полученные в качестве наследства от до-националистического мира».)

[296] Крупкин // АПН, 30.01.2008.

[297] Там же. См. также подраздел «Идентичность человека» раздела «Социально-культурные универсалии: Власть, Справедливость и др.» главы 2.

[298] См., например, дискуссионную статью В.А. Тишкова: (Тишков, 1998):

«Для российских обществоведов отправной категорией является понятие этноса, одна из многочисленных и схожих дефиниций которого следующая: “Этнос — это исторически сложившаяся на определенной территории устойчивая совокупность людей, обладающая единым языком, общими чертами и стабильными особенностями культуры, психологии. Этносы становятся реальностью тогда, когда появляется ощущение внутригруппового единства в противопоставлении с другими, окружающими их общностями, т.е. формируется этническое самосознание... В современной науке этническая общность выступает как национальная общность, т.е. как более высокий и развитый тип этноса. Ибо этносы, возникнув еще в первобытном обществе, консолидируясь и развиваясь, представлены в мировой истории такими типами, как племя, народность, нация” (*)». — В цитате использована цитата (*) из книги: (Кравченко С. А., Мнацаканян М.О., Покровский Н.Е. Социология: Парадигмы и темы. М.: Анкил, 1997. С. 251—253.)

[299] Семенов, 2000.

[300] См. главу 4 в книге: (Тишков, 2003) или статью: (Тишков, 1998).

[301] Можно сравнить две следующие цитаты из статьи: (Тишков, 1998):

«Мой подход основан на том, что нация — это категория семантико-метафорическая, которая обрела в истории большую эмоциональную и политическую легитимность и которая не стала и не может быть категорией анализа, т.е. стать научной дефиницией. Как и почему так произошло — это другой вопрос, но достаточно ясно, что эта дефиниция не работает применительно к основным формам человеческих коллективов, на которые она распространяется как учеными, так и представителями самих этих коалиций. Я имею в виду государственные образования и этнические общности, которые ведут борьбу за право исключительного обладания называться нациями».

«Вопрос заключается не в том, какие государства можно научно определить как “национальные”, а какие нет. Все попытки составить такие списки носят наивный и бесполезный характер. В равной мере не очень убедительна из-за недостатка аргументации попытка разделить понятия “нация-государство” и “национальное государство”. Можно только говорить о степени успеха того или иного государства в

осуществлении интеллектуально-эмоциональной операции утверждения понятия единой нации среди своих граждан, т.е. о состоянии умов, а не о реальной этнокультурной, социальной и территориальной гомогенности и основанной на этом типологии государств».

[302] «Национализм, как было сказано, не считает, что создает новую общность, а считает, что актуализирует старую. Соответственно традиционалистские “культурные системы”, такие как “религиозная общность” или “династический принцип”, он признает своими предшественниками в деле формирования национального. Говоря точнее, он признает их органическими (спонтанными, дорефлексивными) формами существования этнической реальности, которые, однако, обречены на трансформацию в мире, где произошло рождение политического». — Цитата из статьи: (Ремизов //АПН, 30.08.2007).

[303] «Не бывает “политических наций” без этнических ядер, “гражданского” национализма — без этнической подоплеки, государственного строительства, включая демократическое, — без националистической мобилизации». — Цитата из статьи: (Соловей // АПН, 30.11.2006).

[304] Детали данного анализа см. в книге: (Капустин, 1998). См. также подраздел «Структура общества позднего модерна» раздела «Общество и Современность» главы 3.

[305] Вот, например, как характеризует динамику подавления протестов населения советскими властями Е.Т. Гайдар (цитируется по книге: Гайдар, 2006. С. 131—132.):

«...Число массовых беспорядков, вынуждающих власти применять оружие, с середины 1960-х годов начало сокращаться. В 1963—1967 гг. были лишь отдельные рецидивы волнений, для подавления которых пришлось использовать вооруженную силу. Например, в 1967 г. в Ченгене, Фрунзе, Степанакерте. Во время расцвета брежневской эпохи власти научились минимизировать риски, связанные с антиправительственными выступлениями. 7 из 9 массовых выступлений против режима во времена правления Л. Брежнева пришлись на первые годы его прихода к власти. В 1969—1977 гг. не зафиксировано ни одного подобного эпизода. Если в годы правления Н. Хрущева в 8 случаях из

11 при подавлении беспорядков власти применяли оружие, то в брежневскую эпоху лишь в 3 случаях из 9. Начиная с 1968 г., вплоть до смерти Брежнева для подавления беспорядков оружие не применялось ни разу. Режим научился обходиться без крайних форм насилия, гасить вспыхивающие проявления недовольства без стрельбы [l]».

В цитате использована ссылка: [l]. Козлов В.А. «Массовые беспорядки в СССР при Хрущеве и Брежневе (1953 — начало 1980-х гг.). Новосибирск: Сибирский хронограф, 1999. С. 8».

[306] «***Теория конвергенции*** — это теория, согласно которой экономические, политические и идеологические различия между капиталистической и социалистической системами постепенно сглаживаются, что приведет, в конечном счете, к их слиянию. Самый термин “конвергенция” заимствован из биологии <...>. К.т. возникла в 50—60-х гг. 20 в. под влиянием прогрессирующего обобществления капиталистического производства в связи с научно-технической революцией, возрастанием экономической роли буржуазного государства, внедрением элементов планирования в капиталистических странах. <...> Наиболее видные представители К.т.: Дж. Гэлбрейт, П. Сорокин (США), Я. Тинберген (Нидерланды), Р. Арон (Франция), Дж. Стрейчи (Великобритания) // Одним из решающих факторов сближения двух социально-экономических систем К.т. считает технический прогресс и рост крупной промышленности. Представители К.т. указывают на укрупнение масштабов предприятий, повышение удельного веса промышленности в народном хозяйстве, возрастающее значение новых отраслей промышленности и прочее как на факторы, способствующие все большему сходству систем. <...> // Сторонники К.т. выдвигают также тезис о схожести капитализма и социализма в социально-экономическом отношении. Так, они говорят о все большем сближении экономической роли капиталистического и социалистического государства: при капитализме направляющая экономическое развитие общества роль государства якобы усиливается, при социализме — уменьшается, так как в результате проводимых в социалистических странах экономических реформ происходит якобы отход от централизованного, планового ведения народного хозяйства и возвращение к рыночным отношениям. <...> // Иной вариант К.т. выдвинут Дж. Гэлбрейтом. Он не говорит о возврате социалистических стран к системе рыночных отношений, а, напротив, заявляет, что в любом обществе при совершенной технике

и сложной организации производства рыночные отношения должны быть заменены плановыми отношениями. При этом утверждается, что при капитализме и социализме якобы существуют сходные системы планирования и организации производства, которые и послужат основой для конвергенции этих двух систем. <...>» — Цитата из энциклопедической статьи: (*Брегель Э.Я.* Конвергенции теория // БСЭ).

[307] Напомню, что в рамках стандартных общественных практик СССР существовал жесткий идеологический контроль над духовной сферой. В частности, каждая публикация при своей подготовке проходила цензуру. Особенно жестко контролировались гуманитарные науки, тексты которых не должны были отклоняться от «линии партии» ни на йоту.

[308] Напомню, что в рамках марксизма существовало положение о том, что передовой общественный строй должен обеспечивать более высокую производительность труда. В этом плане систематически низкая производительность труда при реальном социализме/коммунизме (которая в лучшие годы была не выше половины американской в промышленности и четверти американской в сельском хозяйстве) была существенным теоретическим вызовом марксизму в силу провозглашенного принципа практики как критерия истинности любой теории.

[309] Можно предположить, что именно наличие возможности «потерять все» при проигрыше в конкурентной борьбе определяет то самое качество, которое делает механизм конкуренции эффективно работающим.

[310] Основные структурные слабости советской экономической системы показаны, например, в статье: (Петров, 1999):

«...Исследования, которые мы провели, показали, что главные особенности эволюции советской экономики в 70—80-х годах можно объяснить немногими характерными чертами экономических отношений, сложившихся в рамках планово-административной системы.

Государственная собственность на средства производства породила жесткую иерархическую вертикаль: директивные органы — плановые органы — хозяйственные органы — производители, которая

осуществляла административное регулирование производства и распределения большей части продукции. Значительная часть доходов от экономической деятельности централизовалась в государственном бюджете, а затем административно распределялась между субъектами экономики. Обращение безналичных рублей законодательно отделялось от обращения наличных рублей и служило рычагом административного регулирования расходов и доходов производителей.

В условиях жесткого административного контроля производители не имели стимулов к внедрению технологических нововведений. Планирование сводилось, главным образом, к распределению ресурсов между сложившимися отраслями и к попыткам "расшить" узкие места в них за счет расширения производства. Поэтому структура выпусков изменялась медленно, в основном за счет ввода в строй новых мощностей. Старые, морально и физически устаревшие мощности не выводились из производства. Советской экономике была свойственна низкая эластичность замещения производственных факторов.

Малоподвижное производство порождало товарные дефициты, которые были особенно заметны на потребительском рынке. Потребительский спрос населения, перестав быть нормированным, с 50-х годов стал более подвижным, ориентировался на цены, качество товаров и практически не поддавался административному регулированию. С конца 50-х годов и предложение рабочей силы с учетом ее реальной производительности столь же плохо поддавалось административному регулированию. Потребительский спрос населения и предложение рабочей силы были главными неопределенными факторами, которые влияли на реализацию планов.

Все эти существенные черты реальных производственных отношений были явным образом описаны в модели плановой административно регулируемой экономики.

Учитывалось, что директивные и плановые органы не располагали точной информацией о состоянии экономики, неточно прогнозировали реальное предложение рабочей силы с учетом ее производительности и потребительский спрос населения. Так как директивные и плановые органы не могли контролировать эти главные внутренние возмущения, то реальное развитие экономики систематически отклонялось от планового. Заметим, что исследование модели показало: в идеальном случае (полная информированность директивных и плановых органов) экономические механизмы планово-административной

системы ведут экономику точно по плану. Беда в том, что этот идеальный случай не может быть реализован принципиально.

Не имея полной информации и точного прогноза неконтролируемых факторов, директивные и плановые органы объективно были вынуждены, во-первых, предлагать производителям перенапряженный народнохозяйственный план, не обеспеченный ресурсами. Исследование модели показало, что в условиях неопределенности сбалансированный напряженный план не будет выполнен. Во-вторых, плановые органы должны принимать специальные меры для сведения баланса доходов и потребительских расходов населения.

В свою очередь, производители, получив перенапряженный план, вынуждены скрывать информацию, чтобы, произведя некачественный (к нему относится и не комплектный, не пользующийся потребительским спросом, и просто фиктивный) продукт, валовая стоимость которого равна плановой, отчитаться за выполнение плана. Через административную систему материально-технического снабжения можно было сбыть весь произведенный продукт, но значительная часть его омертвлялась в виде сверхнормативных запасов и выходила из хозяйственного оборота. Возникала материально-финансовая разбалансированность хозяйства. Во-первых, вследствие ее ужесточалось плановое фондирование, что усиливало перенапряженность планов. Во-вторых, выпуск некачественного, неходового продукта вызывал рост материалоемкости производства, вследствие чего происходило наращивание оборотных фондов и рост кредитной задолженности производителей. В-третьих, выпуск некачественного продукта вызывал рост фондоемкости производственных мощностей, увеличение капитальных затрат, которые финансировались через бюджет и увеличивали расходы государственного бюджета. А с другой стороны, рост вынужденных сбережений населения оборачивался сокращением выручки розничной торговли, которая зачислялась в доходы бюджета. В результате постоянно рос дефицит государственного бюджета.

Почему выпускался некачественный продукт? В советской экономике производственные мощности не были сбалансированы с реальным предложением рабочей силы. Существовали избыточные мощности, которые должны быть полностью загруженными по перенапряженному плану. Рабочая сила свободно мигрировала и могла так распределиться по предприятиям разных возрастов (следовательно, разной производительности), чтобы "выбить" самую большую

замыкающую ставку заработной платы. В результате относительно старые производственные мощности не могли быть полностью загруженными, и на них план выполнялся за счет фиктивного снижения трудозатрат на единицу продукции, а реально — за счет выпуска некачественного продукта. Рост выпуска некачественного, неходового продукта, сопровождаясь ростом материалоемкости и фондоемкости производства, снижением предельного возраста полностью загруженных мощностей, приводил к снижению коэффициента использования производственных мощностей и росту ставки заработной платы, не обеспеченной ростом реальной производительности труда. Таким образом, в условиях неопределенности планово-административные механизмы регулирования производства и распределения вызывали снижение эффективности экономики.

В конечном счете рост материалоемкости и фондоемкости производства уменьшал долю продукции народного потребления в валовом продукте, а рост приоритетного оборонного государственного заказа снижал ее еще более.

В то же время как макроэкономический показатель фонд оплаты труда формировался по относительно стабильному нормативу от совокупного валового продукта. Поэтому совокупные доходы населения росли, хотя не имели надлежащего материального покрытия. Возникал дефицит товаров народного потребления и связанные с ним вынужденные сбережения населения.

В системе реальных экономических отношений особое место занимала розничная торговля, потому что располагалась на границе относительно контролируемого производственного сектора и практически неконтролируемого сектора личного потребления населения. Во-первых, чем больше выпускалось неходового продукта, тем больше затоваривалась розничная торговля. Однако чтобы обеспечить “выполнение” плана, плановики вынуждены были определять норматив запасов розничной торговли “от достигнутого”, и это открывало ей свободу маневра запасами и дефицитной продукцией. Во-вторых, чем больше выпускалось некачественного продукта, тем выше приходилось поднимать реальный уровень розничных цен (с учетом изменения номенклатуры товаров), чтобы свести баланс доходов и расходов населения. А чем выше торговая наценка, тем выше относительная прибыльность розничной торговли. Реально прибыльность была еще выше из-за теневых доходов от спекуляции дефицитными товарами.

Принцип планирования “от достигнутого” в условиях неконтролируемого потребительского спроса объективно ставил розничную торговлю в привилегированное положение. Снижение общей макроэкономической эффективности ухудшало состояние производителей, но улучшало состояние розничной торговли.

В реальной экономике выпуском некачественного продукта поддерживалось своеобразное равновесие между перенапряженным плановым спросом на труд и реальным предложением труда. Однако по информации, которую получали директивные и плановые органы, народнохозяйственный план выполнялся по всем показателям, которым властная партийно-бюрократическая корпорация отдавала приоритет. Выдерживался запланированный темп роста валового продукта и государственный заказ на выпуск конечной продукции, в котором велика была доля заказов ВПК. Рост выпуска некачественного продукта по отчетам выглядел как рост общественной производительности труда.

Все эти явления были описаны моделью, в том числе — как наряду с реальной экономикой возникает отчетная, бумажная экономика. В реальной экономике увеличивается доля некачественного продукта, вызывающая снижение эффективности производства, увеличение материально-финансовой разбалансированности, создающей “инфляционный навес”. В бумажной экономике рост выпуска некачественного продукта выглядит как рост общественной производительности труда, и план выполняется за счет фиктивного роста эффективности производства». (С. 13—17.)

[311] См., например, историю образования в 1966—1972 гг. Международного института прикладного системного анализа (IIASA), заработавшего в 1972 г., по информации, размещенной на его сайте: URL: http://www.iiasa.ac.at/docs/history.html?sb=3 (Дата обращения: 30.06.2009)). Замечу, что сначала для данного исследовательского центра предполагалось имя International Center for the Study of Problems Common to Advanced Industrialized Societies — Международный центр изучения общих проблем индустриальных обществ. См. также воспоминания о Московско-Ленинградской экономической группе, в которую входили Е.Т. Гайдар, А.Б. Чубайс, и многие другие, в интервью А. Илларионова журналу «Континент»: (Илларионов // Континент, 2007, 2008).

[312] См., например, статью: (Павловский // Русский журнал. Рабочие тетради. 2008).

[313] См., например, данные по пересчету межреспубликанских товарных потоков за 1989 г. в мировые цены (млрд. руб.), взятые из книги: (Народное хозяйство СССР в 1990 г. М.: Финансы и статистика. 1991. С. 642—643):

	Ввоз (включая импорт)		Вывоз (включая экспорт)		Сальдо	
	Внутр. цены	Мир. цены	Внутр. цены	Мир. цены	Внутр. цены	Мир. цены
РСФСР	144,27	108,91	109,81	141,02	–34,66	+32,11
Украина	54,54	52,79	48,06	47,73	–6,48	–5,06
Белоруссия	19,35	20,24	20,30	18,75	+0,95	–1,49
Узбекистан	14,18	12,33	10,17	7,79	–3,99	–4,54
Казахстан	17,57	16,56	9,09	9,38	–8,48	–7,18
Грузия	6,47	5,49	6,09	3,40	–0,38	–2,09
Азербайджан	5,19	4,45	7,12	5,00	+1,93	+0,55
Литва	7,35	8,16	6,33	4,84	–1,02	–3,32
Молдавия	6,61	5,91	5,46	2,79	–1,15	–3,12
Латвия	6,03	5,68	5,41	4,42	–0,62	–1,26
Киргизия	4,29	3,68	2,60	2,18	–1,69	–1,50
Таджикистан	3,93	3,38	2,53	1,81	–1,40	–1,57
Армения	4,90	3,71	3,69	2,36	–1,21	–1,35
Туркмения	3,33	2,86	2,66	2,60	–0,67	–0,26
Эстония	3,82	3,49	3,12	2,09	–0,70	–1,40

Аналогичные данные за 1988 г. по товарным потокам только в мировых ценах, взятые из книги: (Гайдар, 2006. С. 299):

Республика	Межресп. обмен	Внешнеэк. обмен	Всего
Россия	+23,88	+6,96	+30,84
Украина	–1,57	–1,32	–2,89
Казахстан	–5,94	–0,64	–6,58
Белоруссия	–1,59	–0,46	–2,05
Узбекистан	–2,63	+0,09	–2,54
Азербайджан	–0,24	-0,21	–0,45
Литва	–3,33	–0,36	–3,69
Грузия	–1,61	–0,30	–1,91
Молдавия	–2,22	–0,41	–2,63
Латвия	-0,99	–0,32	–1,31
Армения	–1,06	–0,31	–1,37
Киргизия	–0,54	–0,52	–1,06
Эстония	–1,06	–0,24	–1,30
Таджикистан	–1,20	+0,08	–1,12
Туркмения	+0,1	–0,06	+0,04

Особенно хорошо смотрится итог, если данное скрытое субсидирование пересчитать на душу населения:

Республика	Население, млн (1989)	Рублей/чел.
Россия	147,4	–209
Украина	51,7	56
Казахстан	16,5	399

Республика	Население, млн (1989)	Рублей/чел.
Белоруссия	10,2	201
Узбекистан	19,9	128
Азербайджан	7,0	64
Литва	3,7	997
Грузия	5,4	354
Молдавия	4,3	612
Латвия	2,7	485
Армения	3,3	415
Киргизия	4,3	246
Эстония	1,6	812
Таджикистан	5,1	220
Туркмения	3,5	–11

[314] Можно представить одну из схем возникновения такого напряжения. Исходный пропагандистский тезис: «Русские — это старший брат в семье народов СССР, и должны помогать другим». Пусть будет так. Однако из-за неэквивалентного обмена, порождаемого централизованным ценообразованием, русские регионы начали существенно отставать в развитии от окраинных, что стало бросаться в глаза. Возник миф, что причиной такого состояния дел является русская лень и пьянство. Данный миф вместе с пропагандой комплекса «старшего брата» породил другой миф — об эксплуатации окраин русскими бездельниками. При этом миф о лени и пьянстве дополнительно воспроизводил низкую самооценку в массах русских людей, что позволяло их еще более эксплуатировать и «задвигать». А те из русских, кто прорывался «в начальство», ставили в своем сознании блокировку на русскость (ибо никому не хочется происходить из пьяниц и бездельников) и начинали добавлять свой вклад в фоновую русофобию СССР.

Данный механизм также объясняет то, почему среди русских людей получила широкое распространение идентичность «советский человек».

Замечу, что результатом такой общественной практики стало продвижение самоуверенных, но бестолковых «национальных кадров», которые только и умели, что быть «баями» при русских специалистах. При ослаблении централизующего насилия именно эти «баи» составили кадровую базу постсоветских этнократий, причем массово выбирая антирусский расизм в качестве базовой идеологии.

[315] С другой стороны, существуют множественные версии, что события последующих 20-ти лет двигались по подготовленному частью советской номенклатуры плану. В пользу данных версий работает, например, факт, что оффшоры, которые финансировали приватизационные приобретения М. Ходорковского, были зарегестрированы еще в 1984 г. — см. статью: (Привалов, 2005).

[316] См., например, очерк исходной стратегии перестройки, данный В.А. May (May, 2005. С. 6—8):

«Выступления М.С. Горбачева, предшествующие его избранию на пост Генерального секретаря ЦК КПСС, свидетельствуют, что на протяжении всего 1984 г. он напряженно размышлял о проблемах и трудностях советской хозяйственно-политической системы. И вполне понятно, что ответы на вызов времени он искал в рамках самой системы, в ее идеологических догматах и хозяйственной практике предшествовавших десятилетий. Да собственно и сам термин “перестройка” впервые обозначился у него в марте 1984 г. в докладе на Всесоюзном экономическом совещании по проблемам агропромышленного комплекса — первом крупном выступлении Горбачева в качестве второго человека в партии. Об этом же позднее шла речь и в получившем широкую известность программном выступлении Горбачева с характерным названием “Живое творчество народа” (декабрь 1984 г.).

Исторические корни перестройки восходят не к популярному на рубеже 50—60-х годов лозунгу “догнать и перегнать”, а еще дальше — к ускоренной индустриализации СССР в 30-е годы. Налицо было отставание от развитых стран Запада по всем параметрам экономической и социальной жизни. И новое советское руководство, чья политическая молодость пришлась на хрущевскую “пору надежд”, считало себя го-

товым к решению амбициозных экономических и социальных задач. О политических реформах речь зашла позднее.

Трансформация (перестройка) советского общества с самого начала мыслилась как многогранная, комплексная задача. В соответствии с традициями коммунистической риторики целями реформ провозглашались “дальнейшее повышение благосостояния народа, улучшение условий его материальной и духовной жизни”. Это конкретизировалось в задаче обеспечения населения необходимыми продовольственными и промышленными товарами, бытовыми услугами, развития здравоохранения, культуры и образования. Решение “проблем благосостояния” обусловливалось, в свою очередь, двумя группами задач: с одной стороны, резкой динамизацией роста производительных сил, с другой стороны, совершенствованием хозяйственного механизма.

Что касается первого, то здесь акцент был сделан на проведение глубокой структурной перестройки промышленности в пользу ускоренного роста машиностроения. Идея <...> была примерно такова. Для проведения сколько-нибудь осмысленной социальной политики в условиях снижения мировых цен на нефть и продолжающейся гонки вооружений необходимо обеспечить как минимум 4% рост национального дохода. За годы одиннадцатой пятилетки даже по официальным данным этот показатель до 4% явно не дотягивал. Возможности роста за счет вовлечения новых материальных и людских ресурсов были также практически исчерпаны: для подобного роста национального дохода экстенсивным путем требовалось за пятилетие увеличивать добычу топлива и сырья на 15%, инвестиции — на 30—40%, вовлекать в производство до 2 млн. человек ежегодно.

Оставался единственный путь, вполне естественный для технократического подхода — “существенный рост производительности труда посредством внедрения прогрессивного оборудования, автоматики”. Для этого была выдвинута задача в ближайшие годы увеличить темпы роста машиностроительных отраслей в 1,5—2 раза. Приоритет здесь связывали с ускорением развития станкостроения, приборостроения, электротехники и электроники. Иными словами, речь шла о перенесении центра тяжести в инвестиционной политике на отрасли машиностроительного комплекса. Собственно, это отвечало интересам наиболее влиятельной в то время социально-экономической группировки — военно-промышленного комплекса.

Вместе с тем принципиальной особенностью 80-х годов стало дополнение технократического подхода социально-экономическим. Пожалуй, впервые в официальной коммунистической риторике речь зашла об активизации человеческого фактора как условии трансформации всей системы производственных отношений. Экономистам и политикам предстояло более тщательно определиться с этими установками, наполнить их конкретным содержанием. И на практике именно эти проблемы, а вовсе не вопросы структурных преобразований народного хозяйства, встали в центр экономических дискуссий и политической борьбы.

Тем самым определились и основные лозунги перестройки, составившие ее опорные точки и своеобразные распознавательные знаки. Можно сказать, что для них были даже определены специальные термины, делающие экономическую политику последней фазы социализма наглядной и легкоузнаваемой. Этими лозунгами стали:

1. ускорение как необходимость придания динамизма развитию производительных сил путем сосредоточения инвестиционных ресурсов на машиностроительных отраслях;

2. перестройка как осуществление трансформации производственных отношений, изменение общественно-экономической организации позднесоветской системы;

3. человеческий фактор как необходимость гуманизации системы общественных отношений, преодоления однобокого технократического подхода к решению производственных и экономических задач. Именно из этого тезиса несколько позднее выросли идеи гласности и демократизации;

4. “цельный социализм” как попытка теоретического объяснения характера начинаемых преобразований, подразумевавшая, что сложившаяся система общественных отношений может и должна быть трансформирована достаточно глубоко, чтобы обеспечить переведение социализма на новую ступень его “развитости”, но без изменений самой сути социалистического уклада хозяйствования (который уже стал “зрелым”)».

[317] Напомню, что тезис о производительности труда как основном критерии качества общественно-экономической системы был базовым постулатом марксизма — доминировавшей в то время идеологии.

[318] Крыштановская, 2005. С. 294—307.

[319] Перестроечные процессы этнической мобилизации более подробно рассмотрены ниже в подразделе «Крах СССР и постсоветская Россия» раздела «Станет ли Россия национальным государством?» настоящей главы.

[320] «***Революционная ситуация*** — политическая обстановка, предшествующая революции и характеризующаяся массовым революционным возбуждением, включением широких слоев угнетенных классов в активную борьбу против существующего строя. Р.с. служит показателем зрелости социально-политических условий для революции, для завоевания власти передовым классом // Р.с. отличают следующие основные признаки: 1) "кризис верхов", т.е. невозможность для господствующих классов сохранить свое господство в неизменном виде. Кризис политики господствующего класса создает ту трещину, в которую прорываются недовольство и возмущение угнетенных классов. Для наступления революции, отмечал В.И. Ленин, "... обычно бывает недостаточно, чтобы "низы не хотели", а требуется еще, чтобы "верхи не могли" жить по-старому. 2) Обострение, выше обычного, нужды и бедствий угнетенных классов" (Полное собрание соч., 5-е изд. Т. 26. С. 218). Это обострение может быть вызвано ухудшением экономического положения широких слоев населения, социальным бесправием и обездоленностью масс, резким углублением социальных антагонизмов и др. причинами, вытекающими из противоречий данного строя (например, угроза войны, наступление реакционных сил и др.); 3) значительное повышение политической активности масс (см. там же). Боевые настроения стремительно нарастают, массы буквально рвутся к политике». — Цитата из энциклопедической статьи: (Красин Ю.А. Революционная ситуация // БСЭ).

[321] ***Агитпроп*** — обобщенное название всей совокупности структур, ответственных за агитацию и пропаганду в СССР.

[322] Б.Н. Ельцин был с начала перестройки в команде М.С. Горбачева. С должности 1-го секретаря Свердловского обкома он был назначен 1-м секретарем Московского городского комитета КПСС и введен в Политбюро ЦК КПСС. После выступления на Октябрьском пленуме ЦК КПСС 1987 г. попал в опалу и был выведен со всех значимых партийных постов, после чего включился в деятельность радикального либерального крыла.

[323] См., например, следующие цитаты из книги (Гудков, Дубин, Левада, 2007. С. 85):

«В конце 1980-х *"среди опрошенных в большей степени распространены ожидания твердых гарантий со стороны государства, чем расширение возможностей выбора деятельности, форм экономического поведения. Ценности, связанные с экономической и гражданской свободой, имеют пока значительно меньшее число приверженцев. <...> Всего 10—15% опрошенных реальные положительные сдвиги связывают с расширением свободы деятельности"* [43]».

«Идеи, например, глубокой социально-политической и экономической реформы, перехода к рыночной экономике, институционализации частной собственности, привлечения иностранных капиталов разделяла очень незначительная часть советского общества. Даже среди наиболее образованных слоев (директора предприятий, ИТР, гуманитарная интеллигенция, служащие) подобные цели одобряло не более тех же 10—15%. Резко отрицательно относились к этим идеям военные, юристы, работники правоохранительных органов, чиновники, не говоря уже об основной массе населения, настаивавшей на том, что перемен к лучшему можно добиться в первую очередь за счет наведения в стране «твердого порядка» (50% в 1988 г., 55% в 1989 г.), «улучшения качества планирования» (34% — 1988 г., 22% — 1989 г.), «сокращения военных расходов» (26% — 1988 г., 18% — 1989 г.), а также предоставления колхозникам и рабочим совхозов права владеть землей и техникой (35% — 1988 г., 31% — 1989 г.; правда, среди самих земледельцев это мнение было крайне непопулярным). Сторонников легализации частного предпринимательства и поощрения частной собственности («под должным контролем») было всего 13% в 1988 г. и 10% в 1989 г., привлечения иностранных инвестиций — 8% в 1988 г. и 11% в 1989 г. [44]».

В данных цитатах использовались следующие подстрочные сноски: [43] Есть мнение! Итоги социологического опроса. М., 1990. С. 50. В другом опросе (ноябрь 1989 г.) процент опрошенных, считавших главной задачей, стоявшей перед страной, «снятие всех запретов и ограничений с предпринимательской деятельности», составлял всего 7%,

«построение свободного демократического общества» — 19%. Для сравнения: «обеспечение народу материального благополучия» — 38%, «возрождение деревни» — 24%, «строительство подлинного социализма» — 9%. (См.: Советский простой человек. Опыт социального портрета на рубеже 90-х. М., 1993. С. 280). [44] Есть мнение! С. 70, 282.

[324] Данные взяты из работы: (Илларионов, 1995).

[325] См., например, книгу: (Путч, 1991).

[326] Фукуяма: Конец истории?

[327] Завышенный курс рубля сначала «питался» долларизацией экономики в условиях галопирующей инфляции, включая завоз больших количеств наличных долларов для обслуживания «черного» оборота, а потом политикой «валютного коридора», приведшей к дефолту 1998 г. Напомню, что завышение курса валюты обычно приводит к угнетению экспорта и стимулированию импорта.

[328] Поддержание властями отрицательной стоимости денег привело к взрывному росту количества коммерческих банков в стране. Уже на 1.01.94 в России было зарегистрировано 2019 коммерческих банков и 4539 филиалов — данные из заметки: (Основные итоги деятельности коммерческих банков за первое полугодие // Коммерсант. № 192 (660) от 11.10.94. URL: http://www.kommersant.ru/doc.aspx?fromsearch=8170ac68-4e98-4a11-9cbc-ee4bd3d154c1&docsid=92112 (Дата обращения: 30.06.2009)); на 1.01.95 — уже 2517 банков и 5486 филиалов — данные из заметки: (Сведения о числе российских коммерческих банков // Коммерсант. № 016 (734) от 31.01.95. URL: http://www.kommersant.ru/doc.aspx?fromsearch=d8a0608b-b406-4ee4-bef0-8bac2d6b9835&docsid=100807 (Дата обращения: 30.06.2009).

[329] Из моего разговора с одним из «новых русских»: «Ты же помнишь то время? Перед нами лежала богатейшая страна, и она была — ***ничья***...»

В то же время тот факт, что оффшоры, которые финансировали приватизационные приобретения М. Ходорковского, были зарегистрированы еще в 1984 г. — см. статью: (Привалов, 2005), — позволяет сделать

вывод, что к приватизации определенные люди начали готовиться существенно загодя, еще в советское время. Вот как, например, представляет в той же статье свое понимание схемы разворота событий А. Привалов:

«...Лет эдак тридцать пять назад некая группа отечественных функционеров пришла к выводу о бесперспективности советского режима — для страны, а не для себя лично. Они стали оставлять за рубежом часть выручки от экспорта, прежде всего нефтяного. К середине 80-х годов на Западе были сосредоточены значительные деньги (как минимум многие десятки миллиардов долларов), и эти деньги двинулись устанавливать в России порядки, соответствующие целям группы.

Кто был в этой группе? По всему видно, что ядром ее были люди из КГБ. Там наверняка были люди из Минвнешторга; люди из именно тогда разворачивавшейся сети внешнеторговых объединений; возможно, из каких-то еще ведомств. Сколько их было? Как их звали? Какова была техника “невозврата”? Как управлялись деньги за рубежом? Кто принял решение, что пора двигаться назад? Не знаю и, честно говоря, не очень хочу знать. Для денег, собранных в таком количестве, становится осмысленной метафора самодвижения: такая сумма как бы сама становится отчетливо консервативной силой, все больше тяготеющей к своим истокам, — она сама, выждав нужный момент, стронулась в нужном ей направлении. Для наших целей этой метафоры довольно — потому что нам важно, не как каша варилась там и тогда, а как она поперла из горшка здесь и сейчас.

Работают эти деньги с Россией через операторов — ключевой термин гипотезы. Вообще-то так следовало бы называть только — очевидно, немногих — людей, которые непосредственно управляют теми разбухшими счетами. Но удобнее использовать этот термин широко, обозначая им и тех людей, которые здесь, в России, сотрудничают с собственно операторами. Так, в начале девяностых активнейшими операторами были лидеры нескольких российских банков первого уровня со шлейфами ведомых ими структур. В середине девяностых ряды перестроились — в частности, в результате залоговых аукционов, едва ли не самой яркой страницы в истории операторства: виднейшими операторами стали «олигархи». Но, конечно же, в несколько опосредованном смысле операторами были и видные правительственные фигуры, работающие над устроением, условно говоря, современного государства (не важно, в темную они использовались или в светлую), и в совсем уж опосредованном (а потому — диалектика! — в самом прямом) смысле оба президента. Операторы внутри

России — серьезные фигуры; нет речи о том, чтобы кто-то держал их на коротком поводке. Нет, они действуют с огромной степенью самостоятельности, порой даже с излишней — как, например, в памятных “олигархических войнах”, в одной из которых сильно пострадало и правительство. Тем не менее общая их работа вела к тому, чтобы сделать страну достаточно капиталистической и вместе с тем не слишком капиталистической — максимально комфортабельной для тех самых, западных по форме и русских по происхождению, денег».

[330] См., например, свидетельство: «...приватизация так изменила отношения собственности, что администрация предприятий почувствовала себя реальным хозяином, независимым от трудового коллектива, и обнаружила, что можно не платить обещанную зарплату. Прежние ее цели — сохранить трудовой коллектив и стабилизировать производство — теперь сменились чисто рыночным стимулом увеличения собственных доходов. Это способствовало распространению в сферу производства различных форм нелегального и полулегального оборота платежных средств». — Цитата из статьи (Петров, 1999).

[331] Подробности о схемах организации «залоговых аукционов» можно найти в отчете Счетной палаты РФ (Анализ процессов приватизации, 2004).

[332] См., например, статью: (Крупкин // Полярная Звезда, 23.11.2008).

[333] См., например, таблицу 10 на с. 65 из работы (Крыштановская, 1995): «Рекрутация ельцинской когорты из отраслевых субэлит старой номенклатуры (в процентах)»:

	Высшее руководство	**Партийная элита**	**Региональная элита**	**Правительство**	**Бизнес-элита**	**В целом**
Всего из номенклатуры	75,0	57,1	82,3	74,3	61,0	69,9
в том числе						

	Высшее руководство	**Партийная элита**	**Региональная элита**	**Правительство**	**Бизнес-элита**	**В целом**
из партийной	21,2	65,0	17,8	0	13,1	23,4
из комсомольской	0	5,0	1,8	0	37,7	8,9
из советской	63,6	25,0	78,6	26,9	3,3	39,5
из хозяйственной	9,1	5,0	0	42,3	37,7	18,8
из другой	6,1	10,0	0	30,8	8,2	11,0

[334] См. там же, таблицу 11: «Рекрутация ельцинской когорты из высшего слоя старой номенклатуры (в процентах)»:

	Высшее руководство	**Партийная элита**	**Региональная элита**	**Правительство**	**Бизнес-элита**	**В целом**
Всего из номенклатуры	75,0	57,1	82,3	74,3	61,0	69,9
в том числе:						
из высшей номенклатуры	24,2	35,0	8,9	15,4	5,0	17,7

[335] См. детали, например, в работе: (Крыштановская, 2002).

[336] См., например, обследование общественного мнения ФОМ от 06.07.2006 «Президентские выборы-1996: десять лет спустя» (URL: http://bd.fom.ru/report/cat/eltzin_/of062624 (Дата обращения: 06.03.2009)):

«Сохранившиеся же воспоминания о 1996 годе окрашены чаще всего негативно, о чем свидетельствуют ответы 20% респондентов (*“грязные выборы”; “денег много истратили, чтобы Ельцина протолкнуть”; “мало приятного, так как верили в Ельцина, думали, что-то в*

корне изменится в нашей жизни, в жизни страны — а что получили?"; "обливали грязью коммунистическую партию"; "Ельцин мне не нравился никогда, мне за него всегда было стыдно, за его поступки"; "Ельцин пьяный"; "зло брало за Ельцина").

Менее четверти высказываний (6% по выборке в целом) составили нейтрально-описательные суждения (*"выбирали Ельцина на второй срок"; "голосовал за Ельцина"; "дебаты, прямые трансляции, агитация"; "лозунги"; "митинги"; "когда Ельцина выбирали, пришли, проголосовали, ушли, я в комиссии была"*). Столько же (6%) реплик, в которых звучат те или иные позитивные ассоциации (*"был душевный подъем, надеялись на лучшее"; "всеобщий подъем политической сознательности"; "люди активно голосовали"; "патриотический подъем"; "повышение пенсий Ельциным, в то время пенсию повышали на больший процент, чем сейчас"; "была радость от выборов"*)».

[337] См., например, статью (Волков, Привалов, 2005).

[338] Данные Роскомстата: (URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b08_11/IssWWW.exe/Stg/d01/07-01.htm (Дата обращения: 16.07.2009)

[339] Данные по общей численности населения (млн), средней продолжительности жизни (годы), смертности детей до 5-ти лет (умерших детей на 1000), национальному доходу на одного жителя (ППС, текущий $), потребленной электроэнергии (кВт на жителя), энергопотреблению (кг-эквивалент нефти на жителя), долям индустрии и сельского хозяйства в ВВП, количествам телефонных линий и пользователей Интернета на 100 жителей взяты из базы данных Мирового банка (http://www.worldbank.org/). Данные по индексу развития человеческого потенциала ООН (Human Development Index — HDI) взяты из отчетов UNDP (http://hdr.undp.org/en/reports/). Данные по среднемесячной начисленной зарплате в ценах 1991 г. взяты из таблицы Роскомстата (URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b08_11/IssWWW.exe/Stg/d01/07-08.htm (Дата обращения: 30.06.2009)) и статьи (Реальный размер заработной платы превысил докризисный уровень агуста 1998 года // Демоскоп-Weekly. № 49—50. 1-20.01.2002. URL: http://demoscope.ru/weekly/2002/049/barom03.php (Дата обращения: 30.06.2009). Коэффициент фондов (отношение доходов верхней и нижней децильных групп) взят из таблицы Роскомстата (URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b08_11/

IssWWW.exe/Stg/d01/07-01.htm (Дата обращения: 30.06.2009)) и статьи (Ипполитов Л.М. Социально-устойчивое развитие как критерий реформирования национальных экономических систем // Ассоциация исследователей экономики общественного сектора. URL: http://www.aspe.spb.ru/Series/Ippolitov.pdf (Дата обращения: 30.06.2009).

[340] Данные из статьи: (Реальная Россия // Эксперт. 2005. № 19 (466). 23—30.05.2005. URL: http://www.expert.ru/printissues/expert/2005/19/19ex-tema1/ (Дата обращения: 01.07.2009).

Более подробное описание методики исследования: «В выборку попало 2800 представителей мегаполисов, 1400 жителей городов с населением от 500 до 1 млн. жителей, 2950 жителей средних городов, 2900 жителей малых городов и 5100 жителей поселков городского типа и деревень. Анкета включала в себя почти 200 вопросов».

[341] См., например, журнал: (Эксперт. 2005. № 19 (466). 23—30.05.2005. URL: http://www.expert.ru/printissues/expert/2005/19/ (Дата обращения: 01.07.2009)) или книгу: (Тарусин, 2006). См. также обсуждение исследования: (Тарусин, 2005) и (Фадеев, 2007).

[342] Эти данные в принципе согласуются с данными, полученными в 2007 г. в исследовании Центра стратегических исследований (ЦСИ) Росгосстраха: «Согласно оценкам, сделанным Центром стратегических исследований Росгосстраха, число семей с годовым доходом более 1 млн долларов составляет сейчас в России около 200 тысяч против примерно 100 тысяч годом ранее». (Росгоссстрах, 2008).

[343] Основные характеристики группы БВ-1 описаны в статье (Менеджеры, или «белые воротнички» (7,2%) // Эксперт. 2005. № 19 (466). 23—30.05.2005. URL: http://www.expert.ru/printissues/expert/2005/19/19ex-tema12/ (Дата обращения: 01.07.2009)):

«Белые воротнички-1» (1,8%) — это топ-менеджеры, владельцы собственных небольших предприятий и высококвалифицированные специалисты. Здесь с большим преимуществом доминируют мужчины — 68% против 32%.

Это самая образованная группа — здесь 63% имеют высшее образование, в то время как, например, в группе интеллигенции таковых 48%. Помимо этого представители группы без конца занимаются

саморазвитием: 30% имеют либо второе высшее образование, либо окончили курсы повышения квалификации, 20% собираются учиться в ближайшее время. У этой группы и самое «образованное» происхождение — родители 33% респондентов имели высшее образование (в других слоях эта цифра не превышает 15%).

Большинство «белых воротничков-1» работают в ***частном секторе*** хозяйства — 69% против 31. На ***рынке труда*** эти люди чувствуют себя абсолютно уверенно — лишь 9% говорят, что будут долго искать работу, и более 50% уверены, что найдут ее легко. Обычно предполагается, что люди с большим достатком — это менеджеры огромных нефтяных компаний. Отнюдь нет. 80% представителей «белых-1» работают в компаниях численностью до 500 человек.

<...> Это люди очень семейные (69% состоят в браке, при том что для других социальных групп этот показатель, как правило, не превышает 60%). В 80% случаев в семье работает не только основной кормилец.

«Белые воротнички-1» — явление не крупных компаний, но крупных и быстроразвивающихся городов, тех городов, где в полной мере расцвел капитализм. 59% «белых-1» говорят, что их город быстро развивается (норма — 25—30%).

Очевидно, что «белые-1» — весьма обеспеченные люди. <...> 64% «белых-1» говорят, что они сравнительно легко смогут дать детям платное образование. Фактически уровень жизни этой социальной группы сегодня уже выше, чем у элиты советских времен.

Положение этой группы продолжает улучшаться: 58% говорят, что их положение улучшилось за прошедший год, и всего 6% — что ухудшилось. Почти половина ожидает улучшений и дальше.

Очевидно, что эта группа целиком одобряет переход к рынку. 90% относятся к предпринимателям хорошо. 88% говорят, что их знакомые приспособились к условиям рыночной жизни.

Социальная психология группы — ориентация на состоятельность за счет собственного труда и частной ответственности за частную жизнь. Ключевое высказывание: «Я прилагаю много усилий, чтобы заработать много денег и тем самым обеспечить свое будущее» (как мы увидим ниже, этот принцип разделяет еще очень большая часть общества). главные ценности: интеллект, трудолюбие и уверенность в себе.

[344] Основные характеристики группы БВ-2 описаны в статье (Менеджеры, или «белые воротнички» (7,2%) // Эксперт. 2005. № 19 (466). 23—30.05.2005. URL: http://www.expert.ru/printissues/expert/2005/19/19ex-tema12/ (Дата обращения: 01.07.2009):

«Белые воротнички-2» (5,4%) — это люди, которые определяют свой род занятий как «менеджер среднего звена управления» и «работник интеллектуального труда высокой и средней квалификации». В этой группе мы видим паритет полов: по 50% мужчин и женщин. Это вторая по уровню образования группа — 57% имеют высшее образование, 23% — среднее специальное (прочие — незаконченное высшее). Так же как и «белые-1», менеджеры среднего звена стремятся к повышению своей квалификации, получая разного рода дополнительное образование. Так же как и «белые-1», менеджеры среднего звена имеют самых образованных родителей.

Половина «белых-2» занята в частном бизнесе, половина в госсекторе. 80% представителей этой группы работают на предприятии численностью до 500 человек и 60% — на предприятии численностью до 100 человек. С точки зрения отраслевой принадлежности «белые-2» работают прежде всего в торговле и промышленности. Престижность своей работы они оценивают выше среднего.

Профессиональная адаптированность «белых воротничков-2» довольно высокая. 37% говорят, что легко найдут работу в случае потери нынешней. 20% полагают, что будут долго искать работу. Это устойчивое положение на рынке труда во многом объясняется тем, что живут «белые-2» в основном в экономически развивающихся городах. Лишь 10% говорят, что их город приходит в упадок.

<...> В большинстве своем представители группы являются главными добытчиками в семье. <...> По российским меркам этот класс выглядит очень обеспеченным: треть его представителей говорит, что они испытывают затруднения только при покупке автомобиля и квартиры.

Социальная идеология группы — принятие рыночных условий жизни, и это естественно, поскольку очевидно, что менеджеры среднего звена изрядно выиграли от наступления капитализма. 76% полагают, что переход к рынку был нужен. 70% говорят, что их знакомые приспособились к жизни в условиях рынка. 86% хорошо относятся к предпринимателям.

Социальная психология группы такая же, как у топ-менеджеров. Ценности — интеллект, трудолюбие, порядочность.

[345] Основные характеристики группы СВ-1 описаны в статье (Квалифицированные рабочие, или «синие воротнички» (19%) // Эксперт. 2005. № 19 (466). 23—30.05.2005. URL: http://www.expert.ru/printissues/expert/2005/19/19ex-tema14/ (Дата обращения: 01.07.2009):

«Синие воротнички-1» (2,7%) — малочисленная, но очень интересная группа. На 90% состоит из мужчин, которые занимаются высококвалифицированным физическим трудом, переходящим в интеллектуальный. Характерный представитель этой группы — прораб на стройке (а заметная часть группы работает в строительстве) или оператор высокотехнологичного оборудования на любом промышленном предприятии. 70% «синих-1» работает в частном секторе экономики.

Эта группа имеет относительно высокий уровень образования — у 14% высшее, у 76% — среднее специальное. И весьма ***высокий уровень адаптированности к современному рынку труда***, сопоставимый только с топ-менеджерами. Лишь 9% опасаются, что не смогут найти работу.

С материальной точки зрения «синие-1» абсолютно благополучны. <...> Более явное свидетельство отличного материального положения — способность достаточно легко оплатить образование детей: 52% готовы сделать это. Прекрасна и динамика материального положения: 50% говорят, что их положение за последний год улучшилось, и лишь 11% — что ухудшилось. Пожалуй, это одна из самых динамично развивающихся групп в стране.

Столь высокий уровень жизни — следствие двух обстоятельств: работа в частном секторе и проживание в городе, сильно вовлеченном в капитализм. 46% представителей группы говорят, что их город быстро развивается. Это обеспечивает и высокий заработок основного кормильца, и возможность найти хорошую работу второму члену семьи. При этом «синие воротнички-1» — явление не только городов-миллионников. В городах-миллионниках проживают 42% «синих-1», в городах численностью от 100 до 500 тыс. — 20%, в остальных типах населенных пунктов, включая село, — по 10%.

Социальная идеология — полное принятие рынка. 75% полагают, что переход к рынку был необходим, 94% хорошо относятся к предпринимателям, 81% считают, что их знакомые вполне приспособились к новой жизни.

Социальная психология группы — доминирование принципов жесткой трудовой этики и ставка на индивидуальную ответственность. главные ценности — трудолюбие, интеллект и воля. Ключевое высказывание — «Я прилагаю много усилий, чтобы заработать много денег и тем самым обеспечить свое будущее».

[346] Основные характеристики группы СВ-2 описаны в статье (Квалифицированные рабочие, или «синие воротнички» (19%) // Эксперт. 2005. № 19 (466). 23—30.05.2005. URL: http://www.expert.ru/printissues/expert/2005/19/19ex-tema14/ (Дата обращения: 01.07.2009):

«Синие воротнички-2» (5,5%) — это просто квалифицированные рабочие, преимущественно из частного сектора и преимущественно промышленности. Тоже в подавляющем большинстве мужчины (80% против 20% женщин).

По сравнению с «синими-1» и «синими-3» эту группу отличает довольно низкий уровень образования — доля получивших всего лишь общее среднее образование составляет 70%, что и объясняет их более низкое положение в социальной иерархии. Однако пол, место проживания (по структуре почти такое же, как у «синих-1») и работа преимущественно в частном секторе обеспечивают им относительно высокое качество жизни.

«Синие-2» ***достаточно хорошо адаптированы к рынку труда***: 34% говорят, что им будет легко найти работу при потере нынешней, и лишь 8% работают на данном месте только потому, что не могут найти другую работу. 34% утверждают, что их город быстро развивается, и только 7% — что их город приходит в упадок.

Социальная идеология группы — принятие капитализма. 87% хорошо относятся к предпринимателям. 72% говорят, что их знакомые приспособились к жизни в условиях рынка. 46% хотят, чтобы их дети имели собственный бизнес.

Социальная психология такая же, как и у «синих-1». Ценности — трудолюбие, порядочность, воля.

[347] Основные характеристики группы СВ-3 описаны в статье (Квалифицированные рабочие, или «синие воротнички» (19%) // Эксперт. 2005. № 19 (466). 23—30.05.2005. URL: http://www.expert.ru/printissues/expert/2005/19/19ex-tema14/ (Дата обращения: 01.07.2009):

«Синие воротнички-3» (10,8%) — самая большая и наименее благополучная часть квалифицированных российских рабочих. При этом эта группа, как уже было сказано, более образованна, нежели «синие-2». Основные факторы, которые определяют более низкое качество жизни «синих-3», — относительно высокая доля занятых в госсекторе (здесь соотношение 50:50), большая доля женщин и проживание в небольших городах (средняя численность населения города, где живут «синие-3», — 400 тыс. человек). При этом нельзя сказать, что это жители умирающих городов — всего 10% представителей группы говорят, что их город приходит в упадок.

На рынке труда «синие-3», естественно, чувствуют себя не слишком уверенно, но при этом баланс ответов — «мне будет трудно найти работу при потере нынешней» или «мне будет легко найти работу при потере нынешней» — остается в пользу «легко» (29% против 25%). Невысок и показатель высказывания «Я работаю здесь, потому что не могу найти другую работу» — всего 10%. Это характеризует группу скорее как профессионально и социально стабильную. <...>

Внушает уважение и социальный оптимизм небогатых квалифицированных рабочих. Баланс ответов на вопрос: «Ожидаете ли вы улучшения или ухудшения своего материального положения?» — 33% против 10%.

С точки зрения ***социальной идеологии и психологии*** группа практически ничем не отличается от вышестоящих. 86% хорошо относятся к предпринимателям. 68% говорят, что их знакомые приспособились к условиям рынка. 45% хотят, чтобы их дети занимались бизнесом. Точно так же они разделяют принципы индивидуальной ответственности и трудовой этики. Их ценностная база отличается лишь в одном: после трудолюбия и порядочности свое место занимает «милосердие».

[348] Основные характеристики группы ГВ-1 описаны в статье (Интеллигенция/служащие, или «голубые воротнички» (15,5%) // Эксперт. 2005. № 19 (466). 23—30.05.2005. URL: http://www.expert.ru/printissues/expert/2005/19/19ex-tema13/ (Дата обращения: 01.07.2009):

«Голубые воротнички-1» (10%). Типичные «голубые воротнички-1» — это педагоги, врачи и так называемые служащие, работающие либо в государственном, либо в частном секторе хозяйства. Здесь явно доминируют женщины, их доля составляет почти 70%. Это люди с высоким уровнем образования (почти половина имеет

высшее образование), готовые к постоянному образовательному росту. 20% группы уже повышали уровень своего образования, посещая всевозможные курсы.10—15% либо учатся сейчас, либо собираются учиться в ближайшее время. По этим показателям группа не сильно уступает лидерам социальной иерархии, менеджерам, что характеризует ее как социально активную и способную к адаптации при наличии минимальных условий для этого.

Похоже, что сегодня таких условий для представителей группы недостаточно. С точки зрения ***степени адаптированности к рынку труда*** «голубые воротнички-1» заметно уступают менеджерам. На вопрос: «Легко ли вы найдете работу, если потеряете нынешнюю?» — только 27% отвечают утвердительно (у менеджеров этот показатель составляет 37%, у топ-менеджеров — более 50%). Значимая причина такой относительно низкой адаптированности к рынку труда — доминирование в группе женщин. Однако основная причина заключается в том, что эта группа работает преимущественно в государственном секторе хозяйства (66%) и заметную долю в ней составляют работники сферы образования (23%) и здравоохранения (13%).

Несмотря на тревожность, связанную с работой, ***текущее материальное положение*** группы выглядит абсолютно стабильным. <...> Субъективная оценка своего экономического положения у них хорошая: число отвечающих, что их материальное положение за последний год улучшилось, заметно опережает число тех, кто говорит, что оно ухудшилось.

Что определяет такой относительно высокий материальный уровень? Во-первых, удачное место жительства. Люди из этой группы крайне редко говорят, что «их город приходит в упадок» (всего 13%). Во-вторых, важное значение имеет наличие нормальной семьи. В семьях «голубых воротничков-1» работают, как правило, два-три человека <...>.

Что касается ***социальной идеологии***, то эта группа, несмотря на то что ее представители работают в госсекторе, безусловно является рыночно ориентированной. 70% говорят, что переход к рынку был нужен (в среднем по России таковых 55%). 89% хорошо относятся к предпринимателям средним и мелким, 71% — к крупным предпринимателям. 68% утверждают, что их знакомые приспособились к рыночным условиям. 50% хотят, чтобы их дети в будущем занимались бизнесом.

Если говорить о ***социальной психологии***, то главное высказывание, которое характеризует настроение группы, — «Сегодня для меня важно достичь успеха в жизни». Три важнейшие ценности группы — интеллект, трудолюбие и милосердие.

[349] Основные характеристики группы ГВ-2 описаны в статье (Интеллигенция/служащие, или «голубые воротнички» (15,5%) // Эксперт. 2005. № 19 (466). 23—30.05.2005. URL: http://www.expert.ru/printissues/expert/2005/19/19ex-tema13/ (Дата обращения: 01.07.2009)):

«Голубые воротнички-2» (5% населения страны) — это первая социальная группа, где мы сталкиваемся с бедностью. В этой группе еще в большей степени, чем в группе «голубые воротнички-1», доминируют женщины (82%). По сравнению с предыдущей группой заметно ниже уровень образования — доля людей с высшим образованием составляет всего 16% («голубые воротнички-1» — 57%). При этом люди из этой группы тоже стремятся к образовательному росту, чтобы стать социально успешными, но не находят такой возможности.

На рынке труда положение «голубых воротничков-2» выглядит очень неустойчивым — 35% опасаются, что не смогут найти работу, потеряв нынешнюю, и 16% говорят, что работают на этой работе только потому, что нет возможности найти другую.

Столь шаткое положение на рынке труда объясняется двумя факторами: во-первых, принадлежностью группы к госсектору экономики (75% группы работает в госсекторе), прежде всего к системе здравоохранения и образования («голубые воротнички-2» — это прежде всего медсестры, санитарки, учительницы начальных классов, воспитательницы детских садов, нянечки и т. д.), а во-вторых, проживанием в местах, до которых капитализм еще не дотянулся. О последнем свидетельствует тот факт, что 24% группы говорят, что с удовольствием покинули бы свой город, но нет такой возможности, и 20% утверждают, что их город или село (а заметная доля этой группы проживает в сельской местности) приходит в упадок.

С точки зрения влияния на материальное положение фактор жизни группы вне капитализма оказывается доминирующим. Несмотря на то что в этих семьях работают два-три человека, живут «голубые воротнички-2» бедно. <...>

Однако, несмотря на бедность, ***социальная идеология*** группы — прорыночная. 61% считают, что переход к рынку был необходим. 89%

хорошо относятся к предпринимателям. 62% говорят, что их знакомые приспособились к рынку.

С точки зрения ***социальной психологии*** эта группа, как и «голубые воротнички-1», ориентирована на успех (характерное высказывание — «сегодня для меня крайне важно достичь успеха в жизни») и, несмотря ни на что, демонстрирует социальный оптимизм. На вопрос: «Ожидаете ли вы улучшения или ухудшения своего материального положения в ближайшем будущем?» — 30% ответили, что ожидают улучшений, и лишь 12%, что ожидают ухудшений.

[350] Пряников, Егоров, 2008.

[351] Магун, 2003. См. также статью: (Этика национального капитализма // Коммерсантъ. № 198/П (3529) от 23.10.2006. URL: http://www.kommersant.ru/doc.aspx?fromsearch=682f67ec-57a1-4ea9-a313-c231410d6812&docsid=715472 (Дата обращения: 01.07.2009)).

[352] Цитата из статьи: (Этика национального капитализма // Коммерсантъ. № 198/П (3529) от 23.10.2006. URL: http://www.kommersant.ru/doc.aspx?fromsearch=682f67ec-57a1-4ea9-a313-c231410d6812&docsid=715472 (Дата обращения: 01.07.2009)).

[353] Магун, 2003.

[354] «***Средний класс*** (middle class — англ.) — часть общества, которая занимает по статусным позициям среднее положение между высшим (элитой. — *П.К.*) и низшим классами.

Основные признаки и структура среднего класса. Впервые понятие “средние слои” применительно к обществу начал употреблять еще Аристотель. Именно он высказал идею, которая с тех пор регулярно повторяется многими учеными: чем больше будет эта средняя часть общества, тем стабильнее будет и само общество. В 20 в. понятие “средний класс” получило очень широкое распространение, поскольку именно в это время наблюдалось его резкое численное увеличение. Анализом среднего класса занимались Макс Вебер, Норман Элиас, Л. Уорнер, Д. Голдторп и др. Даже марксисты, несмотря на абсолютизацию биполярности классовой структуры (пролетариат — буржуазия), признавали существование среднего класса, относя его к промежуточ-

ным социальным группам. Наиболее глубоко и всесторонне проблемы среднего класса рассматриваются в рамках стратификационного (функционального) подхода в социологии.

В начале 20 в. к среднему классу относили мелких собственников и независимых предпринимателей. Но по мере развития "общества массового благосостояния" в развитых странах произошло повышение жизненного уровня квалифицированных работников наемного труда, которые существенно пополнили ряды представителей среднего класса. Кроме представителей таких элитных высокооплачиваемых профессий, как высшие менеджеры, адвокаты, бухгалтеры, научные работники и т.д., на уровень среднего класса вышли и зарабатывающие немногим меньше торговые агенты, преподаватели школ и вузов, врачи, клерки, представители многих других массовых профессий.

Среди ученых постоянно идут дебаты по поводу критериев выделения среднего класса. Чаще всего в качестве основных объективных критериев называют уровень образования и доходов, стандарты потребления, владение материальной или интеллектуальной собственностью, а также способность к высококвалифицированному труду. Кроме этих объективных критериев большую роль играет субъективное восприятие человеком своего положения — то есть его самоидентификация как представителя "социальной середины".

Существует два подхода к характеристике структуры среднего слоя.

Одни ученые рассматривают средний класс как некое довольно однородное образование. При этом подчеркивается, что представитель среднего класса имеет более высокий доход и более выгодные условия труда, чем люди из низшего класса, но у него менее выгодные позиции по этим же параметрам, чем у людей, относящихся к высшему классу.

Более распространен второй подход, сторонники которого подчеркивают неоднородность среднего класса. Например, согласно современному британскому социологу Энтони Гидденсу внутри его можно выделить две основные категории. Первая — "старый средний" класс — включает в себя мелких предпринимателей. Данная категория характеризуется непостоянством численности, хотя ее удельный вес в составе населения остается довольно высоким. Это является результатом того, что постоянно происходит процесс выбывания разорившихся предпринимателей, который уравновешивается притоком новых людей, желающих попробовать свои силы в собственном бизнесе. Вторая категория — "новый средний" класс — состоит из высокооплачиваемых наемных работников, как правило, занятых интеллектуальным

трудом. Высший слой "нового среднего" класса включает менеджеров и специалистов, работающих в сфере крупного бизнеса. Эти люди, как правило, имеют высшее образование и являются высококлассными специалистами. К низшему слою относятся учителя, врачи, конторские служащие и т.д. Это очень разнородная группа людей, по многим параметрам схожая с рабочим классом.

Четко выраженных границ между этими категориями не существует. Более того, между ними наблюдается интенсивная диффузия. Так, численность "старого среднего" класса (класса собственников) неуклонно сокращается и, наоборот, увеличивается количество "новых средних" слоев. Сейчас большинство среднего класса — это люди, источником дохода которых служит их личный труд, профессиональные навыки, а не владение частной собственностью, как было раньше». — Цитата из энциклопедической статьи: (Латова Н. Средний класс // Энциклопедия «Кругосвет»).

Как уже упоминалось выше (см. раздел «Строение общества» главы 2), средний класс является основной опорой гегемонии элиты общества, поэтому он должен охватывать субэлитные слои населения. Привязываясь к основной стратификации данной книги, мы видим, что средний класс любого общества должны включать в себя актив и верхние страты массы. В настоящее время в России это примерно 20% населения.

[355] Цитата из статьи: (Юргенс, 2008).

[356] *«Если к концу 90-х средний класс составлял 7 процентов населения, то сейчас уже 20—25%. После 1998 года произошел скачкообразный рост и, в принципе, все, кто хотел стать средним классом, им уже стал».* — Цитата из интервью: (Фадеев, 2007).

«На самом деле, как свидетельствуют исследования Института современного развития, средний класс — это около 20% российского взрослого населения; примерно четверть из них вполне считались бы средним классом в любой европейской стране, остальные — приближаются к нему по большинству параметров». — Цитата из статьи: (Юргенс, 2008).

«По словам М. Горшкова (директора Института социологии РАН. — *П.К.*), *главный вывод исследования состоит в том, что за 15 лет реформ в России сложился массовый средний класс. На конец 2006 года в составе взрослого городского населения он был равен 20—22%. Однако доля среднего класса в разных типах поселений варьируется: в городах с численностью жителей до 250 тыс. человек она составляет 13% экономически*

активного населения, в городах с численностью жителей от 250 тыс. человек до 1 млн человек — 24%, в городах-миллионниках — 28%». — Цитата из статьи: (Есть ли в России средний класс? // Деловая пресса № 4 (378) от 25.01.2007. URL: http://www.businesspress.ru/newspaper/article_mId_43_aId_406901.html (Дата обращения: 04.07.2009).

«По материальным критериям в 2007 году ...к среднему классу было отнесено чуть более четверти российских домохозяйств (26%), социально-профессиональный средний класс составляет около 20% (19,5), субъективный средний класс — 30%. Всеми тремя базовыми характеристиками среднего класса обладают лишь 5% российских домохозяйств — это «идеальный средний класс», но не менее чем двумя (любыми) значительно больше — около 20%. Эти 20% в итоге и были отнесены к среднему классу». — Цитата из статьи: (Малева, Овчарова, 2009).

[357] См., например, работу: (Гудков, Дубин, Зоркая, 2008).

Кстати, это достаточно стандартный пример «нормативного подхода» российского западнического толка: за что ни возьмутся — ну ничего в России не находят.

Однако следует заметить, что авторы в рамках данной работы обследовали группу, которую в рамках основной социальной стратификации данной книги можно определить как молодежная часть актива. И эти данные я включу в свое обсуждение и в данном подразделе, и в подразделе, посвященном активу.

[358] См., например, данные по распределению доходов, выделенных домохозяйствам в рамках общего распределения ВВП, по 20%-м группам. Данные взяты из работы: (Малева, Овчарова, 2009). См. также таблицу: (URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/B08_44/IssWWW.exe/Stg/html1/05-02.htm (Дата обращения: 04.07.2009).

Годы	20%-ные группы				
	первая (с наименьш. доходами)	вторая	третья	четвертая	пятая (с наибольш. доходами)
1991	11,9	15,8	18,8	22,8	30,7
1992	6,0	11,6	17,6	26,5	38,3

Годы	20%-ные группы				
	первая (с наименьш. доходами)	вторая	третья	четвертая	пятая (с наибольш. доходами)
1995	5,5	10,2	15,0	22,4	46,9
1998	6,0	10,4	14,8	21,2	47,6
2000	6,0	10,4	14,8	21,2	47,6
2005	5,4	10,1	15,1	22,7	46,7
2007	5,1	9,8	14,8	22,5	47,8
2008	5,1	9,7	14,8	22,5	47,9

При анализе данных цифр имеет смысл помнить, что помимо регистрируемых доходов домохозяйств есть еще и результаты «эффективного управления денежными потоками», которые достаются элитным группам и не вошли в эту таблицу.

[359] См. там же.

[360] «...по результатам исследования, наибольшую долю среднего класса составляют работники государственного сектора — 54%, а работники частных предприятий — 35%. Чаще всего представители среднего класса работают в сфере промышленности, транспорта и строительства. Весьма представительна доля среднего класса в сфере образования, в армии, правоохранительных органах, торговле. Незначительна доля среднего класса в науке и ЖКХ // ...отмечаются существенные отличия между “старым” и “новым” средним классом. В составе “старого” среднего класса — малые и средние частные собственники, а в составе “нового” — работники, владеющие навыками интеллектуальной деятельности (интеллигенция, менеджеры, служащие, руководители различного уровня). При этом “старый” средний класс не растет: по словам М.Горшкова, можно говорить о стагнации малого бизнеса. Те же процессы наблюдаются и в “новом” среднем классе, многие представители которого, входившие в него еще пять лет назад, “выпали” из его состава, оказавшись в числе рабочих». —

Цитата из статьи: (Есть ли в России средний класс? // Деловая пресса № 4 (378) от 25.01.2007. URL: http://www.businesspress.ru/newspaper/article_mId_43_aId_406901.html (Дата обращения: 04.07.2009).

[361] «Три четверти из них заняты в частном секторе. Такой высокий показатель свидетельствует об очень интенсивном развитии бизнеса, привлекающего амбициозных молодых и образованных людей. В государственных компаниях работают 14%, остальные — самозанятые или государственные служащие». — Цитата из статьи: (Гудков, Дубин, Зоркая, 2008).

[362] См. выше комментарии к подразделу «Структура современного российского общества», а также статью: (Как живет средний класс в России // Комсомольская правда от 08.02.2007. URL: http://www.kp.ru/daily/23852.3/63128/ (Дата обращения: 05.07.2009)).

[363] Цитата из статьи: (Как живет средний класс в России // Комсомольская правда от 08.02.2007. URL: http://www.kp.ru/daily/23852.3/63128/ (Дата обращения: 05.07.2009)).

[364] Цитата из статьи: (Гудков, Дубин, Зоркая, 2008).

[365] Там же.

[366] Всероссийский опрос общественного мнения был проведен ВЦИОМ 6—7 августа 2005 г. Опрошен 1591 человек в 153 населенных пунктах 46 субъектов РФ. Погрешность не превышала 3,4%. Результаты опубликованы в статье: (Бызов, 2005).

[367] Цитата из статьи: (Понеделков, Старостин, 2004).

[368] Крупкин // АПН, 25.03.2008.

[369] ***Система элитного обеспечения*** — хозяйственный комплекс на основе бывших советских активов, который сформировался в России в 90-е годы прошлого века по условиям «приватизации» — см., раздел «Очерк прошедшей трансформации» настоящей главы. Система была существенно гармонизирована по итогам президентства В.В. Путина.

Основная цель Системы — материальная поддержка российской элиты. См. также: (Крупкин // Полярная Звезда, 23.11.2008).

[370] Крупкин // Полярная Звезда, 23.11.2008.

[371] Цитата из статьи: (Понеделков, Старостин, 2004).

[372] Процесс самоотделения современной российской элиты от общества, превращения ее в эндогамное сословие, отмечается многими элитологами: см., например, статью, цитировавшуюся в предыдущем комментарии. О высоком барьере входа в элиту говорит также опрос общественного мнения ВЦИОМ: (Бызов, 2005):

«Что нужно человеку, чтобы оказаться в элите российского общества? С огромным отрывом лидируют такие факторы, как наличие денег (75%) и связи во властных структурах (56%). Гораздо меньшее значение, с точки зрения россиян, имеют энергия, предприимчивость, талант, высокая квалификация (20%). Хотя среди высокодоходных групп населения, а также молодежи и людей с высшим образованием высока доля тех, кто прежде всего настроен обратить внимание на личные качества потенциального члена элиты, а не на его зажиточность.

У российских граждан сложилось представление об элите скорее как о замкнутом сообществе, даже касте, куда простым людям не пробиться (так полагают 59% опрошенных; альтернативного мнения придерживаются 38%). Зато личные качества, даже самые выдающиеся, для принадлежности к элите имеют существенно меньшее значение (33%), чем связи и происхождение (64%). Во многом такое отношение воспроизводит и отношение к советской элите, также превратившейся в замкнутое номенклатурное сословие».

[373] А.В. Дворкович, помощник Президента Д.А. Медведева: «Когда мы планируем бюджет, то заранее имеем в виду, что 30% куда-то денется. У нас не только в бюджете, у нас вообще везде 30% куда-то девается. В бизнесе тоже. Только у хороших компаний девается 10%, а у плохих 50%». — Цитата из заметки: (Кияткин, 2009).

[374] Приведем цитату по результатам одного элитного исследования (Афанасьев, 2008):

«В целом, однако, ни жажду перемен, ни приверженность республиканским ценностям в отечественных элитных группах не стоит преувеличивать. Абсолютное большинство успешных людей новой России поглощено проблемами личного преуспеяния и благосостояния своих семей — они чураются общественной активности и склонны к социальному цинизму. Совокупность их частных мнений по вопросам национального развития пока не стала общим мнением и общим делом, а до тех пор и сами они не стали полноценной национальной элитой. Не потому что они глупы или безвольны, но потому что их разум и воля сосредоточены сегодня на выживании, конкуренции и потреблении. Глубоко укоренившийся социальный цинизм мешает им взаимодействовать, объединяться и влиять на власть не только по «глобальным» вопросам, но и в ситуациях непосредственно затрагивающих их жизненные интересы. Нет достаточных — ни теоретических, ни практических — оснований считать потребительский индивидуализм и социальный цинизм новой российской элиты «детской болезнью», которая сама пройдет по мере взросления. Запущенные в детстве болезни не проходят. Для лечения общественной недостаточности российской элиты начальственное попечение не годится — необходима концентрация, как сказал бы Н.А. Бердяев, просветленной энергии, проще говоря, доброй воли состоявшихся и успешных людей».

[375] См., например, данные из книги: (Сумма идеологии, 2008. С. 26).

[376] Там же.

Оценка 2-й группы была также получена авторами (Гудков, Дубин, 2007) на уровне 35%:

«Хотя основная масса опрошенных (из числа относимых к элите) не сомневается, что Россия так или иначе движется либо будет двигаться в сторону рынка и демократии, мнения об оптимальном характере этого движения у разных подгрупп элиты расходятся. 35% полагают, что предпочтительнее была бы модель европейской модернизации — быстрое и последовательное движение к рынку и демократии, к правовому государству. Почти столько же (31%) склоняются к медленному, эволюционному развитию страны в сторону рыночной экономики, направляемой сильным централизованным государством, которое базируется на традиционных национальных ценностях и особенностях. 18% респондентов считают желательным не копирование чужого опыта, а следование особому российскому пути, который не похож ни на один из названных выше, т. е. опять-таки ссылаются на национальные особенности».

В дискуссии (Афанасьев, 2008) была также озвучена оценка данного слоя в 45%:

«Теперь либеральная часть элиты. Прошу понять меня правильно. Я либеральной частью элиты называю не партийных или околопартийных либералов. Под либеральной частью элиты в данном случае подразумеваются люди, которые на протяжении исследования последовательно выбирали следующие позиции: верховенство закона в обществе, в том числе и над властью, честная конкуренция с общими правилами игры, открытость, подотчетность власти обществу. Если угодно, можно сказать словами Президента РФ: “...свобода лучше несвободы”. Либеральная часть российской элиты, которая вполне с этим тезисом согласна, достигает более 45%...»

[377] Напомню, что в ответ на нападение грузинских войск на Южную Осетию и российских миротворцев, случившееся 08.08.2008, Россия ввела свои войска в Ю. Осетию, и разгромила грузинских агрессоров.

[378] Данные по России — Роскомстат. Данные по США — мои расчеты на основании национальных счетов американской статистики. См. также статьи (Крупкин // Политкласс. 2008; Крупкин // АПН, 07.12.2007; Крупкин // АПН, 23.12.2008; Крупкин // Русский журнал, 23.12.2008).

[379] Крупкин // Полярная Звезда, 23.11.2008.

[380] См. детали в статье: (Крупкин // Полярная Звезда, 23.11.2008). Некоторые образцы текстов данного направления — см. в подборке: (Авен против Прилепина). См. также текст: (Асмолов: Феноменальное интервью Олега Дерипаски).

[381] См., например, статью: (Белковский // АПН, 30.10.2008).

[382] Белковский // АПН, 20.02.2008.

[383] Из послания Президента РФ Д.А. Медведева Федеральному собранию России, 05.11.2008. (URL: http://www.kremlin.ru/appears/2008/11/05/1349_type63372type63374type63381type82634_208749.shtml (Дата обращения: 01.07.2009):

«Конституция предопределила путь обновления России как государства свободной нации. Как общества, для которого высшей ценностью являются права и достоинство каждого человека. <...>

Считаю, что граждане России сейчас в гораздо большей степени, чем в начале реформ, готовы к свободной деятельности (и профессиональной, и общественно-политической). Деятельности без государственной опеки. Все большее число людей рассчитывают прежде всего на себя. Полагают, что только от них зависит и их личный успех, а следовательно, и успех всей страны. Поэтому возможно и просто необходимо повышать уровень доверия в обществе.

Между тем государственная бюрократия по-прежнему, как и 20 лет назад, руководствуется все тем же недоверием к свободному человеку, к свободной деятельности. Эта логика подталкивает ее к опасным выводам и опасным действиям. Бюрократия периодически «кошмарит» бизнес — чтобы не сделал чего-то не так. Берет под контроль средства массовой информации — чтобы не сказали чего-то не так. Вмешивается в избирательный процесс — чтобы не избрали кого-нибудь не того. Давит на суды — чтобы не приговорили к чему-нибудь не тому. И так далее.

В результате государственный аппарат у нас — это и самый большой работодатель, самый активный издатель, самый лучший продюсер, сам себе суд, сам себе партия и сам себе в конечном счете народ. Такая система абсолютно неэффективна и создает только одно — коррупцию. Она порождает массовый правовой нигилизм, она вступает в противоречие с Конституцией, тормозит развитие институтов инновационной экономики и демократии».

[384] Статья 1 Конституции РФ гласит: «Российская Федерация — Россия есть демократическое федеративное правовое государство с республиканской формой правления». — Цитата из текста: (Конституция РФ).

[385] Цитата из первой строки Введения к Конституции Российской Федерации: (URL: http://www.kremlin.ru/articles/ConstIntro01.shtml (Дата обращения: 02.06.2009)).

[386] Цитата из статьи: (Тишков, 1998).

[387] Там же. Комментарий автора по ссылке: [30] Замечание С.М. Червонной, скромные по своему научному уровню тексты которой охотно издаются на Западе по причине политико-идеологических предпочтений. См., напр., явно антироссийскую интерпретацию грузино-абхазского конфликта: S. Chervonnaya. Conflict in the Caucasus. Georgia, Abkhazia and the Russian Shadow. London, 1994.

[388] Там же.

[389] Цитата из выступления: (Тишков, 2006).

Удивительна позиция автора. Адекватно диагностируя проблему и убедительно показывая, что необходимы политические усилия по созданию национальной идентичности, академик В.А. Тишков тем не менее заявляет, что национальный проект России не нужен. Видимо, так и должна выглядеть логика постмодернизма.

[390] Ленин, 1974.

[391] Цитата из статьи: (Тишков, 1998). В цитате использована цитата (*) из книги: (*Кравченко С. А., Мнацаканян М.О., Покровский Н.Е.* Социология: Парадигмы и темы. М.:Анкил, 1997. С. 251—253.)

[392] Цитата из работы: (Семенов: Производство и общество).

[393] Там же.

[394] О том, как вводилась категория учета населения «национальность» хорошо описано в главе 5 книги: (Тишков, 2003. С. 193—195):

«Именно тогда в острых спорах рождалось понятие о категории «национальность» или «народность», которые до этого отсутствовали в научной и политической практике, в том числе и при проведении переписей. Население страны вообще не понимало смысл этого понятия, ибо пользовалось другими идентификационными категориями (православные, инородцы, местные самообозначения, в том числе и по этнокультурным параметрам). Председатель комиссии С.Ф. Ольденбург рекомендовал придерживаться языка и религии как основных

показателей национальной принадлежности, тем самым ориентируясь на перепись 1897 г. Кстати, именно по принципу “национальности, определяемой по языку”, была произведена в 1919 г. делимитация границ между Украиной, Белоруссией и РСФСР. Другие этнографы, например, В.В. Богданов, считали, что для неевропейской России язык не может использоваться в качестве показателя национальности (среди значительной части населения уже имела место значительная языковая русификация). Уже к 1920 г. КИПС (КИПС — Комиссия по изучению племенного состава населения России при Российской академии наук. — *П.К.*) перестал рассматривать язык в качестве основного определителя народности. Был выработан довольно сложный метод определения национальной принадлежности, т.е. национальности. Этнографы, в частности, С.И. Руденко, сочли перепись 1897 г. в этой части ошибочной из-за отсутствия вопроса о национальности и предложили Наркомнацу ввести эту категорию в предстоящую перепись. В 1924—1926 гг. в КИПС были разработаны инструкции по регистрации национальности и составлен Список национальностей СССР. Руководитель подкомиссии по переписи В.П. Семенов Тян-Шанский подготовил список из пяти вопросов для переписчиков при определении национальности. Переписчику рекомендовалось узнать национальную принадлежность родителей опрашиваемого, вероисповедание, в “котором он родился”, вероисповедание во время опроса, язык детства, язык домашнего общения, владение русским языком. Предлагались и другие перечни “объективных критериев” национальной принадлежности. Некоторые этнографы предупреждали, что население не понимает смысл этих вопросов, а в некоторых языках даже нет и аналогов таких терминов. Специалист по Средней Азии Зарубин рекомендовал переписывать ответы в пользу “правильных” словоупотреблений: если назвался сартом, значит, нужно записывать узбек.

Так в итоге родилась система двухступенчатой регистрации национальной принадлежности: фиксация ответов в ходе переписи и последующая их перекодировка и сведение к заранее заданному перечню. Сложность такой методики вынудила ЦСУ использовать разные подходы для разных регионов страны, чтобы население могло дать “правильные” ответы. На Украине вопрос задавали в форме “национальность (народность)”, в Закавказье дополнительно спрашивали о племени, роде и т.п. Для Средней Азии и для населения Сибири существовали свои отдельные инструкции.

С позиции сегодняшнего дня легко высказывать критическое отношение к тогдашней увлеченности этнографов вместе с властью способствовать процессу “национального самоопределения” некогда “угнетенных наций”. Однако бесспорен сам факт, что именно тогда и с активным участием ученых самого высокого ранга была сконструирована категория национальность (народность), которая сегодня кажется столь непререкаемо фундаментальной не только для ученых и политиков, но и для “национализированного” населения».

[395] Энгель: Курс лекций по истории евреев в России.

[396] Там же.

[397] Выдерживая терминологическое согласование книги, я буду помещать слова «нация», «национальный» и их производные в кавычки, когда они имеют этнический смысл.

[398] Губогло, 1998.

[399] См., например, работы: (Семенов, 2001) или (Семенов, 2004).

[400] Данные по убыли русских в странах постсоветского пространства из работы: (Тишков, 2007):

Таблица 1. Постсоветское изменение численности русских в государствах ех-СССР.

	Перепись 1989 г. тыс. чел.	**Постсоветский учет**		**убыль, %**
		тыс. чел.	**год переписи**	
Россия	119865,9	115868,5	2002 г.	–3,3
Украина	11356	8334,0	2001 г.	–26,6
Казахстан	6228	4479,6	1999 г.	–28,1
Узбекистан	1653	1362,0	оценка	–17,6

	Перепись 1989 г. тыс. чел.	Постсоветский учет		убыль, %
		тыс. чел.	год переписи	
Белоруссия	1342	1141,7	1999 г.	–14,9
Латвия	906	703,2	2000 г.	–22,4
Киргизия	917	603,2	1999 г.	–34,2
Эстония	475	351,2	2000 г.	–26,1
Литва	344	219,8	2000 г.	–36,1
Молдавия	562	198,1	2004 г.	–64,8
Туркмения	334	156,8	оценка	–53,1
Азербайджан	392	141,7	1999 г.	–63,9
Таджикистан	388	68,2	2000 г.	–82,4
Грузия	341	67,7	2002 г.	–80,1
Армения	52	15,0	2001 г.	–71,2
всего	145155,9	133710,7		–7,9
без РФ	25290,0	17842,2		–29,4
СНГ	143430,9	132436,5		–7,7
страны Балтии	1725,0	1274,2		–26,1

[401] Абхазия и Южная Осетия были признаны Россией в августе 2008 г.

[402] Цитата из статьи: (Тишков, 1998). В цитате присутствуют комментарии автора: 33. См.: I. Bremmer and R. Taras, eds. Nations and Politics in the Soviet Successor States. Cambridge, 1993. 34. V. Tishkov. U.S. and Russian Anthropology: Unequal Dialogue in a Time of Transformation, pp. 1—17 (с комментариями и ответом), Current Anthropology, Vol. 39, N. 1, February 1998. См. также комментарии Кэтрин Вердери (Ibid, p. 13—14). 35.

D. Orlovsky, ed. Beyond Soviet Studies. Washington, 1995, p. 137. 38. D. Miller. On Nationality. Oxford, 1995. 39. H. Carrere d'Encausse. The End of Soviet Empire — The Triumph of Nations. New York, 1993. 40. P. Carley. Self-determination: Sovereignty, territorial integrity, and the right to secession. Report from a roundtable held in conjunction with the U.S. Department of State's Policy Planning Staff, United States Institute of Peace. Washington, 1996, p.15.

[403] Тишков, Шабаев, 2007.

[404] Цитата из статьи: (Тишков, 1998). В цитате присутствуют комментарии автора: 52. J. A. Hall. Nationalism, Classified and Explained, p. 27 in S. Perival, ed. Notions of Nationalism. Budapest-London-New York, 1995. 53. Zbigniew Brzezinski. 'The Premature Partnership', Foreign Affairs, March/April 1994, pp. 72, 79. 54. Michael Lind. 'In Defense of Liberal Nationalism', Foreign Affairs, May/June 1994, p. 99.

[405] См., например, высказывание: «Если можно было назвать империей Советский Союз в канун его распада, когда страна не проявляла ни малейших признаков территориальной экспансии и стремилась лишь удержать завоеванные территории, то почему не допустить, что это определение подходит и для современной России?» Цитата из статьи (Паин, 2007. С.103).

[406] См., например, высказывание: «Советский Союз, который четверть века назад характеризовался преимущественно как государство и лишь изредка, да и то консерваторами, как империя, после своего распада стал единодушно восприниматься как империя, в которой обществоведы увидели нелегитимное, составное политическое образование, потенциально неспособное сдержать рост внутренних наций». — Цитата из статьи: (Суни, 2007. С. 41).

[407] См., например, книгу (Гайдар, 2006).

[408] Данный подраздел является версией эссе: (Крупкин // АПН, 07.06.2008).

[409] Крупкин // АПН, 15.01.2007. См. также подразделы «Современная модель государственного суверенитета» и «Национальное государ-

ство: Логика общих принципов» раздела «Национальная модель государства» главы 3.

[410] Крупкин // Русский журнал, 19.03.2008. См. также подраздел «Современная модель государственного суверенитета» раздела «Национальная модель государства» главы 3.

[411] Для справки: по данным изучения различных тюркских языков накопленное в башкирском и татарском языках различие позволяет отнести разделение сообществ — носителей этих языков к началу XIII века: «Башкирская и татарская веточки распадаются примерно в 1220-х гг.». — Цитата из лекции: (Мудрак, 2009).

[412] Цитата из статьи: (Хакимов, 2002). Процитированную здесь версию Р.С. Хакимова о «насильственном делении этноса» имеет смысл сопоставить с данными по сравнительному изучению тюркских языков, приведенными, например, в лекции О.А. Мудрака по ссылке в предыдущем комментарии.

[413] Укры — фантастический народ, прародитель современных украинцев. Термин был выдуман польским графом Тадеушем Чацким, который «в псевдонаучном труде “О названии “Украина” и зарождении казачества” (1801 г.) уверял, будто украинцы произошли от укров — особой варварской орды (в действительности никогда не существовавшей), которая якобы в VII в. прикочевала из-за Волги в Среднее Поднепровье и передала ему свое имя». — Цитата из статьи: (Григорьев, 2007). В настоящее время данная идея независимого этногенеза украинцев проповедуется различными этнонационалистически настроенными украинскими исследователями, правда с заменой в академических кругах этнонима «укры» на термин «протоукраинцы». Слово же «укры» иногда используется в публицистике как в положительном значении вместо слова-синонима «протоукраинцы», так и в саркастическом, намекая на излишний апломб фантазий украинского этнонационального мифотворчества.

[414] См., например, препринт: (Тишков, Шабаев, 2007).

[415] Цитата из статьи: (Хакимов, 2002).

[416] См., например, статью: (Тишков, 2006):

«Перепись показала численный рост башкир, который объясняется не только демографическими причинами, но и факторами политического характера, т.е. административным давлением в пользу перезаписи части населения из татар в башкир. Численность татар практически не изменилась: было 5,52, стало 5,55 миллиона. Демографические процессы — не единственная причина замедления роста. Отчасти проблема связана с процессами ассимиляции, отчасти — с неточностями переписного учета. В отношении татар, проживающих в Башкирии, можно говорить о намеренном искажении переписных данных. Теперь ясно, что если бы Госкомстат не включил в состав татар кряшен и сибирских татар, тогда не было бы и этого минимального прироста [1]. Кроме того, в нынешней переписи Госкомстат правомерно посчитал отдельно этническую группу нагайбаков, которая раньше учитывалась в составе татар [2].

Тем не менее эти исключения не являются статистически значимыми на фоне более пяти миллионов человек, определивших себя как татары. Речь на самом деле должна идти не о демографическом сокращении численности татар, а о достоверности произведенного учета населения в Башкортостане, где, как показала последняя советская перепись, татар насчитывалось больше, нежели башкир [3]. Теперь соотношение получилось в обратной пропорции [4]».

В данной цитате есть ссылки на следующие комментарии:

«[1] В сумме эти группы составили, по данным переписи, более 36 тысяч человек.

[2] В Челябинской области и др. уральских регионах проживает небольшая группа, 9,6 тысячи человек, называющая себя “нагайбаки” (“нагайбэклэр”). Исследователи полагают, что нагайбаки — потомки либо крещеных ногайцев, либо крещеных казанских татар.

[3] По переписи населения 1989 г. в Башкортостане русские составляли 39,3 процента населения, татары — 28,4 процента, башкиры — 21,8 процента, и республиканской власти очень хотелось бы изменить это соотношение.

[4] Перепись 2002 г. показала, что в Башкортостане русские составляют 36,3 процента населения, башкиры — 29,8 процента, татары — 24,1 процента».

[417] Тишков, 2007.

[418] Крупкин // АПН, 12.06.2007. См. также подраздел «Вмененный риск развития малых наций» раздела «Национальная модель государства» главы 3.

[419] Там же.

[420] См., например, высказывания Э. Паина в статье: (Паин, 2007):

«Российские интеллектуалы совсем недавно и с трудом освоили представление об СССР как об империи. Еще труднее им дается оценка современной России в терминах имперского порядка. <...> Если можно было назвать империей Советский Союз в канун его распада, когда страна не проявляла ни малейших признаков территориальной экспансии и стремилась лишь удержать завоеванные территории, то почему не допустить, что это определение подходит и для современной России?» (с.103). И: *«На мой взгляд, империя для современной России не только прошлое, но и настоящее»*. (с. 102).

[421] Цитата из статьи: (Тишков // Pro et Contra. 2007).

[422] Гайдар, 2006.

[423] Цитата оттуда же. С. 8.

[424] Цитата оттуда же. С. 14.

[425] Цитата из лекции: (Ясин // Полит.ру, 13.10.2005).

[426] Цитата из статьи: (Ясин, 2007. С. 7).

[427] Цитата оттуда же. С. 9.

[428] Е.Г. Ясин четко позиционирует себя как носителя либерального мировоззрения.

[429] Цитата из статьи: (Тишков // Pro et Contra. 2007). В цитате присутствует комментарий автора: (10. См. подробнее ставшие уже классическими работы: Doyle M. W. Empires. Ithaca, N. Y.: Cornell Univ. Press, 1986; Armstrong J. A. Nations Before Nationalism. Chapell Hill, NC: Univ. of North Carolina Press, 1982.)

[430] Цитата из статьи: (Паин, 2007. С. 103). В цитате присутствует комментарий автора: ([2]. Мотыль А. Пути империй: упадок, крах и возрождение имперских государств. М.: МШПИ, 2004. С. 13.)

[431] Цитата из статьи: (Паин // Pro et Contra). В цитате присутствует комментарий автора: ([12]. Ливен Д. Империя, история и современный мировой порядок // Ab Imperio. 2005. № 1. С. 79. [13]. Бейссинджер М. Переосмысление империи после распада Советского Союза // Ab Imperio. 2005. № 3. С. 68. [14]. Гайдар Е.Т. Гибель империи: Уроки для современной России. М.: РОСПЭН, 2006. С. 18.)

[432] Э.А. Паин тоже четко позиционирует себя как носителя либерального мировоззрения.

[433] Цитата из статьи: (Паин, 2007. С. 103).

[434] Цитата из статьи: (Суни, 2007. С. 41.)

[435] Крупкин // Русский журнал, 19.03.2008.

[436] См., например, статью: («Кровавые границы»: карта «Нового Ближнего Востока» — до и после // ИА Регнум (сетевой ресурс). 01.02.2007. URL: http://www.regnum.ru/news/776025.html (Дата обращения: 02.07.2009), с помощью которой произошел «вброс» в мировое коммуникационное поле одного из сценариев замирения Ближнего Востока через глобальный пересмотр почти всех границ. При этом новые границы соответствуют принципу максимально возможного совпадения с территориальным расселением этнических групп — протонаций.

[437] См., например, статью: (Гайдар, Мау, 2004).

[438] Результаты данного опроса изложены в статье: (Бызов, 2005). В частности, там говорится о высоком барьере входа в элиту:

«Что нужно человеку, чтобы оказаться в элите российского общества? С огромным отрывом лидируют такие факторы, как наличие денег (75%) и связи во властных структурах (56%). Гораздо меньшее значение, с точки зрения россиян, имеют энергия, предприимчи-

вость, талант, высокая квалификация (20%). Хотя среди высокодоходных групп населения, а также молодежи и людей с высшим образованием высока доля тех, кто прежде всего настроен обратить внимание на личные качества потенциального члена элиты, а не на его зажиточность.

У российских граждан сложилось представление об элите скорее как о замкнутом сообществе, даже касте, куда простым людям не пробиться (так полагают 59% опрошенных; альтернативного мнения придерживаются 38%). Зато личные качества, даже самые выдающиеся, для принадлежности к элите имеют существенно меньшее значение (33%), чем связи и происхождение (64%). Во многом такое отношение воспроизводит и отношение к советской элите, также превратившейся в замкнутое номенклатурное сословие».

[439] Цитата оттуда же.

[440] Цитата оттуда же.

[441] Данные из книги: (Сумма идеологии, 2008) — см. диаграмму 13.15 на с. 290.

[442] Там же.

[443] Исследование было выполнено Институтом общественного проектирования в 2007 г. методом глубинных неформальных интервью, и опубликовано в книге: (Сумма идеологии, 2008). Исследование охватывало 30 субъектов РФ, и использовало стратифицированную случайную систематическую квотную выборку. Объем выборки был 326 человек.

[444] Там же. С. 93.

[445] Там же. С. 89.

[446] Там же. С. 117.

[447] Там же. С. 245.

[448] Там же. С. 287. В дополнение к этому элитный консенсус в поддержке Президента Путина был отмечен в исследовании (Гудков, Дубин, Левада, 2007). При этом 86% элиты (97% руководителей федеральных округов и правоохранительных органов, 68% московских интеллектуалов) считают, что цели развития страны задаются в основном Президентом Путиным (там же, С. 100), и среди этих целей числятся как модернизация экономики, так и подъем благосостояния населения (84% элиты; там же, вопрос 16 на С. 310).

[449] Сумма идеологии, 2008. С. 46—51.

[450] Цитата из статьи: (Сурков, 2006).

[451] Сумма идеологии, 2008. С. 27.

[452] Там же.

[453] Там же. С. 65. С. 85.

[454] Там же. С. 89.

[455] Там же. С. 93.

[456] Там же. С. 101.

[457] Там же. С. 287.

[458] Там же. С. 288.

[459] Там же. С. 285.

[460] Там же. С. 286.

[461] Там же. Диаграмма 13.15 на С. 290.

[462] См., например, описание структуирования верхнего слоя российской элиты конца 90-х в книге: (Крыштановская, 2005. С. 231—235).

[463] Там же. Достаточно подробно реформы Путина описаны на С. 236—286.

[464] Цитата из Послания Президента Д.А. Медведева Федеральному Собранию. 05.11.2008. URL: http://www.kremlin.ru/text/appears/2008/11/208749.shtml (Дата обращения: 13.08.2009).

[465] Об этнических установках советской элиты, в частности, свидетельствует последний абзац из следующей цитаты, взятой из книги (Крыштановская, 2005. С. 11—12):

«... Мы нашли нескольких бывших членов Политбюро ЦК КПСС, которые были настроены доброжелательно, и они стали нам помогать — звонили своим хорошим знакомым — бывшим министрам, первым секретарям обкомов партии, и просили принять нас. Это была неоценимая помощь, без нее доступ ко многим высшим руководителям был бы просто невозможен.

Очевидно, что для того, чтобы расположить высокопоставленного собеседника к себе, надо было хорошенько подготовиться. Мало было знать его биографию, надо было выучить учебник "История КПСС". Иначе ничего не получалось. Если собеседник говорил: "Помните, как на апрельском пленуме ЦК...", мы должны были реагировать, а не спрашивать у него: "А что там было?" Наша некомпетентность дорого стоила: собеседник закрывался, понимая, что мы несерьезные люди и говорить с нами не о чем.

Вскоре мы обнаружили, что и этого недостаточно. Важно было учитывать "этнический фактор". Не секрет, что антисемитские настроения были распространены среди советской элиты. Поэтому, чтобы не рисковать, мы вынуждены были заняться выяснением пятого пункта наших интервьюеров. Хороший эффект давало этническое совпадение интервьюера и респондента, и мы стали посылать к украинцу — украинца, а к армянину — армянина. Часто у наших сотрудников складывались теплые человеческие отношения с респондентами: им дарили рукописи воспоминаний, кормили обедами, помогали консультациями».

[466] Крупкин // АПН, 20.01.2009.

[467] Напомню, что определяющий идентичность части общества культ Запада возник в российской культуре где-то в первой половине

XIX столетия, и его носителями были активные образованные люди. Сразу после революции 1917-го года данный культ был вытеснен с передней линии, уступив место культу «Построения Коммунизма — Нового светлого мира». Однако постепенно во 2-й половине XX столетия культ Запада был восстановлен в правах, вновь став основой коллективной идентичности определенной части общества.

[468] См., например, работу: (Нифонтов, 2006).

[469] Летом 2007 г. была введена система показателей для оценки эффективности работы губернаторов (Указ Президента РФ от 28 июля 2007 № 825). Весной 2008 г. аналогичного рода показатели были введены для органов местного самоуправления (Указ Президента РФ от 28.04.2008 № 607). Была начата работа с кадровым резервом («президентская тысяча»). И т.д.

[470] Основные идеи данной части изложены в работе: (Крупкин // АПН, 23.12.2008). См., также: (Крупкин // Русский журнал, 23.12.2008).

[471] Таблица представляет собой данные Госкомстата России (URL: http://www.gks.ru/bgd/free/b01_19/IssWWW.exe/Stg/d000/i000360r.htm (Дата обращения: 13.04.2009)) и (URL: http://www.gks.ru/bgd/free/b01_19/IssWWW.exe/Stg/d000/i000860r.htm (Дата обращения: 13.04.2009). При этом следует отметить некоторое расхождение в данных за 2002—2004 гг., соответственно в представленную в тексте таблицу были взяты цифры из второго (более «свежего») источника.

[472] Напомню, что под капиталом в данной книге понимается имущественный комплекс, который воспроизводимо производит доход. То есть капитал в предлагаемом здесь понимании — это именно работающий бизнес, а отнюдь не деньги на счету или золото в сундуке.

[473] На обсуждаемую далее идею о негативном воздействии ссудного процесса на макроэкономическую ситуацию в стране мое внимание обратил Андрей Максон (URL: http://malchish.org/ (Дата обращения: 02.07.2009), за что я ему очень благодарен.

[474] Малева, Овчарова, 2009.

[475] См. график 3 к статье: (Власова, 2007).

[476] Цитата из заявления: (Плигин, Фадеев, Плескачевский, 2008).

[477] Приведу здесь характерный текст объявления, размещенного на дверях отделения Сбербанка в спальном районе г. Москвы: «Вход с собаками и колясками запрещен».

[478] Напомню, что в XIX веке общественный статус учителя был очень высок: священник, врач и учитель представляли собой ядро элиты любого местного поселения.

[479] Коротаев, Малков, Халтурина, 2005.

[480] В этом плане интересен опыт Франции, которая в рамках своей семейной политики подняла рождаемость с 1,7 в середине 90-х годов прошлого века до 2,0 в 2007 г. (INSEE: France in facts and figures. Demographic balance sheet 2007 — Births and fertility). Ведь французское общество (в отличие, например, от общества США, где все еще очень значительно влияние традиционных установок) является в существенной степени именно что современным.

[481] Й. Шумпетер, который первым структурировал проблемы развития принятым в настоящей книге образом, ввел для новизны данного типа термин «нововведения» — см., например, книгу: (Шумпетер, 1982).

«Известное положение экономической теории о том, что в условиях идеальной конкуренции экономическое равновесие характеризуется отсутствием прибыли, привлекло внимание Шумпетера к факту, что в реальности экономические системы обычно неравновесны и постоянно меняются во времени. Исследуя причины роста экономики, Шумпетер обнаружил, что основной механизм экономического развития связан с наличием в обществе людей, которые постоянно ищут и внедряют нововведения. Каждый акт внедрения сопровождается отклонением экономической системы от равновесия, причем образующаяся прибыль по праву достается новатору. Подобное нововведение может быть:

— созданием нового продукта;
— использованием новой технологии производства;
— использованием новой организации производства;
— открытием новых рынков сбыта/закупки;
— либо какой-то группой из перечисленных направлений».

— Цитата из работы: (Крупкин // Политический класс, 2008). См. также приложение 4.2: «Российское предпринимательство и развитие страны».

[482] «***ТРИЗ — теория решения изобретательских задач***, основанная Г.С. Альтшуллером и его коллегами в 1946 году и впервые опубликованная в 1956 году [1], — это технология творчества, основанная на идее о том, что “изобретательское творчество связано с изменением техники, развивающейся по определенным законам”, и что “создание новых средств труда должно независимо от субъективного к этому отношения подчиняться объективным закономерностям” [1]. Появление ТРИЗ было вызвано потребностью ускорить изобретательский процесс, исключив из него элементы случайности: внезапное и непредсказуемое озарение, слепой перебор и отбрасывание вариантов, зависимость от настроения и т.п. Кроме того, целью ТРИЗ является улучшение качества и увеличение уровня изобретений за счет снятия психологической инерции и усиления творческого воображения.

Основные функции и области применения ТРИЗ:

- решение изобретательских задач любой сложности и направленности;
- прогнозирование развития технических систем;
- развитие творческого воображения и мышления;
- развитие качеств творческой личности и развитие творческих коллективов.

ТРИЗ не является строгой научной теорией. ТРИЗ представляет собой обобщенный в абстрактной форме опыт изобретательства и развития науки и техники.

В результате своего развития ТРИЗ вышла за рамки решения изобретательских задач в технической области и сегодня используется в нетехнических областях (бизнес, искусство, педагогика, политика и др.)».

— Цитата из статьи в Википедии. В цитате использована ссылка на статью: (Альтшуллер, Шапиро, 1956).

[483] Похоже, что отсутствие прогресса в деле перехода экономики на так называемые «инновационные рельсы» в конце концов озаботило российскую верховную власть. После ряда публичных заявлений Президент РФ Д.А. Медведев организовал Комиссию при Президенте по модернизации и технологическому развитию экономики России (Указ Президента РФ от 20.05.2009 № 579. URL: http://document.kremlin.ru/doc.asp?ID=052509 (Дата обращения: 26.05.2009)). При этом Д.А. Медведев заявил: «Ввиду того, что тема провальная, возглавлю эту комиссию сам для того, чтобы все-таки был самый высокий уровень принятия решений». (Цитата взята из материала: (В возглавляемую Медведевым комиссию по инновациям войдут... // Полит.ру. Новости. 21.05.09. 17:00. URL: http://www.polit.ru/news/2009/05/21/comission.html (Дата обращения: 26.05.2009).

[484] См., например, работу: (Вебер, 1990).

[485] Ю.В. Тихонравов сделал очень интересный очерк истории возникновения основных категорий философии призвания — см. С. 83—90 в книге: (Воробьев, Еньков, Силков, Тихонравов, 2008).

[486] Очерк учения об эпетаксисе, данный Архимандритом Плакидой (Дезеем):

«Еще один вопрос может быть поставлен относительно вечного блаженства избранных: должно ли понимать его как неподвижное насыщающее созерцание или оно может заключать в себе возрастание, постоянно возобновляющееся открытие неисчерпаемой Реальности?

Один из самых оригинальных аспектов мысли святителя Григория Нисского — это его учение об эпектасисе, о том, что обожение человека здесь на земле и в вечности предполагает прогресс и непрерывное стремление, как это наглядно показывает образ бегущего в Послании к филиппийцам (3: 13—14): “Забывая заднее и простираясь вперед (επεκτεινόμενοζ, откуда термин επέκτασιζ), и бегу к цели...” [9]. Один из лучших исследователей великого каппадокийца Жан Даниелу объясняет это следующим образом: “Душе, с одной стороны, свойственны устойчивость, обладание, которое есть ее причастность к Богу, с

другой стороны — движение, преодолевающее бесконечный разрыв между тем, чем она обладает от Бога, и тем, каков Бог в Своей сущности [...] Духовная жизнь таким образом есть постоянное изменение души в Иисусе Христе в виде возрастающего рвения, жажда Бога, усиливающаяся по мере все большей причастности к Нему, и в виде все возрастающей устойчивости, когда она (то есть душа. — *Ред.*) все более и более соединяется и прилепляется к Богу”» [10].

Многие авторы патристической эпохи хотя и не восприняли идею возрастающего блаженства (в частности, преподобный Максим Исповедник), использовали образы желания, ненасытности при самом глубинном видении Бога, когда хотели выразить вечно обновляющуюся радость избранных. Отзвук этого на Западе встречается у святителя Григория Великого. Он ставил перед собой задачу примирить два антиномичных утверждения Священного Писания: На что желают взглянуть Ангелы (1Пет.1:12) [11] и Ангелы [...] на небесах всегда видят лице Отца Моего Небесного (Мф.18:10). “Сравнивая эти два утверждения, мы видим, — пишет святитель Григорий, — что они ни в чем не противоречат друг другу. Ведь Ангелы в одно и то же время видят Бога и желают видеть Его; они жаждут созерцать Его и созерцают Его. Если бы они желали этого, но не наслаждались бы результатом желания, то такое бесплодное желание рождало бы страх, а страх рождал бы муку. Блаженным же Ангелам чуждо какое бы то ни было мучительство страха, ибо несовместимы мука и блаженство [...] Значит, для того, чтобы страх не примешивался к желанию, они насыщаются, продолжая желать, а чтобы насыщение не влекло за собой отвращения, они не перестают желать, будучи насыщенными [...] То же самое произойдет с нами, когда мы придем к источнику жизни: мы усладимся одновременно и жаждой и насыщением” [12]». — Цитата из статьи: (Архимандрит Плакида (Дезей), 2004). В цитате были использованы следующие комментарии статьи: [9] Синодальный перевод: забывая заднее и простираясь вперед, стремлюсь к цели. — Пер. [10]. Danielou J. Platonisme et theologie mystique. Paris, 1944. P.305-307. [11]. Синодальный перевод: во что желают проникнуть Ангелы. — Пер. [12]. Moralia in beatum Job, 18,54,91 // PL 76,94AC.

[487] «***Трансгрессия*** — одно из ключевых понятий постмодернизма, фиксирующее феномен перехода непроходимой границы, и прежде всего границы между возможным и невозможным: “трансгрессия —

это жест, который обращен на предел” (Фуко), “преодоление непреодолимого предела” (Бланшо). Согласно концепции Т. мир налично данного, очерчивая сферу известного человеку возможного, замыкает его в своих границах, пресекая для него какую бы то ни было перспективу новизны. Этот обжитой и привычный отрезок истории лишь длит и множит уже известное; в этом контексте Т. — это невозможный (если оставаться в данной системе отсчета) выход за его пределы, прорыв того, кто принадлежит наличному, вовне его». — Цитата из словарной статьи: (Можейко М.А. Трансгрессия // НФС).

[488] «...Overall, the Russian market based on 1999 income as reported in the 2000 census represents a $142 billion opportunity // The high degree of educational attainment has translated into economic advantage. Russian American households are 50% more likely to report income of $75,000 or more».

Households Income 1999	Russian Market	United States
Less than $10,000	7.2	9.5
$10,000 to $14,999	5.2	6.3
$15,000 to $24,999	9.5	12.8
$25,000 to $34,999	9.7	12.8
$35,000 to $49,999	13.8	16.5
$50,000 to $74,999	18.7	19.5
$75,000 to $99,999	12.4	10.2
$100,000 to $149,999	12.3	7.7
$150,000 to $199,999	4.8	2.2
$200,000 or more	6.6	2.4

«The Russian culture places a strong emphasis on educational accomplishment. In fact, business cards used in Russia will often include educational degrees attained. More than nine in ten Russian Americans 25 years and older have graduated from High School (92% versus 80% of the total US population). Similarly, Russian Americans are twice as likely to have graduated from college (48% versus 24% of the total US population 25 years and older). Currently 181,110 Russian Americans 18 to 24 years are enrolled

in college or graduate school // Russian education strongly emphasizes science. Russians immigrating to America have found an economic niche as scientists, professors and engineering technical specialists where their skill sets are advantageously utilized».

Русский перевод: «...В целом же русские американцы могут купить на 142 млрд. долларов, как это было оценено на основе доходов 1999 г // При этом следует отметить, что высокий уровень образования был успешно конвертирован русскими в успех: их домохозяйства на 50% чаще сообщают о доходе в 75 000 долларов и выше // В русской культуре наличествует большое уважение к образовательным достижениям. На практике ученая степень очень часто указывается на их визитных карточках. Более чем 9 из 10-ти русских американцев 25-ти лет и старше имеют среднее образование — 92% против 80% в среднем по Америке. Аналогичным образом, русские американцы из того же слоя в два раза чаще имеют законченное высшее образование — 48% против 24% в среднеи по Америке. В настоящее время 181 110 русских в Америке от 18 до 24 лет учатся в школах или университетах // Образование русских сильно ориентировано на науку. Русские иммигранты в Америке освоили нишу ученых, преподавателей или инженеров, где и приносят пользу стране».

— Данные из статьи: (Russian-Americans Market. URL: http://russianamericansarts.com/market.pdf (Дата обращения: 30.05.2009)).

[489] Понимание особой ответственности бизнес-сообщества за инновационное развитие начали демонстрировать и лидеры страны (май 2009). Приведу две цитаты из выступлений Президента РФ Д.А. Медведева:

*«Не все российские компании понимают преимущества этого (*необходимости инноваций. — *П.К.). Немножко избаловались, откровенно сказать. Ведь за этот период, когда все росло и пухло, что называется, когда норма прибыли огромная, ничего особенно делать не надо, а экономика растет и растет, стоимость компаний — особенно, конечно, если речь идет о публичных компаниях, о компаниях, акции которых находятся на бирже, — тоже увеличивается. Вроде ничего не делаешь, а все это растет и растет».*

«И вообще, я уже тоже об этом говорил, в том числе в последнее время, наш бизнес никак не мотивирован на такого рода деятельность (инновационную активность. — *П.К.*). *Вообще никак. Наш бизнес просто*

не хочет этим заниматься. И я считаю, что это проблема не только налоговых стимулов, хотя, наверное, это тоже очень важно, и нам нужно будет продумать эти вопросы, но это и, если хотите, проблема психологических установок. Не хочется вкладывать деньги в то, что не принесет быстрой и высокой отдачи // Каким образом поменять установку — это как раз тема, которую нам тоже следует обсудить. В противном случае нас ждет довольно печальное будущее».

1-я цитата — из текста: (об «экономике знаний» в России (из встречи с программистами 6 мая 2009 года. URL: http://blog.kremlin.ru/post/12/transcript (Дата обращения: 30.05.2009)). 2-я цитата — из стенограммы: (Вступительное слово на совещании по вопросам модернизации и технологического развития экономики. 15.05.2009. URL: http://www.kremlin.ru/appears/2009/05/15/1701_type63378type82634_216352.shtml (Дата обращения: 30.05.2009).

[490] См., например, статью: (Иноземцев, 2009), или: (Фадеев, 2009).

[491] Цитата из статьи: (Белковский // АПН, 23.06.2008).

[492] См., например, статьи: (Крупкин // На злобу, 02.03.2007; Крупкин // АПН, 27.06.2008).

[493] Здесь используются достаточно распространенные смыслы из криминального мира, представители которого обильно пополняли ряды российского актива в 90-е годы. В частности, слово ***параша*** — обозначает отхожее место в тюремной камере, которое в то же время выполняет там роль статусного антицентра. Статусным же центром камеры является наиболее удобное место (часто — место около окна), и находящиеся в камере располагаются в полном соответствии со своими статусами, так что низкостатусные в данной среде люди получают свои места «возле параши». ***Лохи*** на уголовном жаргоне — это наивные простодушные люди, те, кого обычно обирают мошенники. ***Лузеры*** — заимствование из американского жаргона, обозначающее людей, которые не преуспели в жизни.

[494] Здесь содержится намек на случай с российским миллиардером А.М. Прохоровым, который был арестован во время своего ежегодного «катания на лыжах» в Куршавеле (Франция) по обвинению в организации проституции. Некоторые представительницы веселой кампании олигарха привлекли внимание французской полиции.

[495] Отсылка к названиям фильмов и сериалов 1990—2000-х с милицейско-уголовной тематикой.

[496] См., например, свидетельство Б.А. Березовского — человека, который активно поучаствовал в «создании» послереволюционной России:

«Одержимый злом вольпинист (человек, участвующий в забеге за богатством или другим видом социального капитала; термин Б.А. Березовского, который происходит от слов “воля” и “альпинист”. — *П.К.*) не следует мудрому правилу “хлеба к обеду в меру бери”, он самоутверждается не в приобретении вещей себе, а в унижении и додавливании неудачников вокруг себя, в их нарочитом третировании. Богатство рассматривается не как “мое наличное”, а как “чужое отсутствие”, величие не в имении самом по себе, а в возвышении над уровнем других // В современной России это очень развито. Стремление “отсечь дверью” идущих следом, “понаоткусывать, чего не съем” постоянно прослеживается красной нитью российских реформ. Рождается “гиперофилия”, любовь к фактору нищеты у власти, глубоко ущербное чувство власть имущих. В итоге вольпинисту из народа приходится преодолевать не только собственные страхи и комплексы, но и мощную чужую волю, направленную вниз, на сбрасывание последователей». — Цитата из брошюры: (Березовский. Как заработать большие деньги?).

[497] Термин «оранус» заимствован из романа В.О. Пелевина «Generation П» (Пелевин, 1999). Наряду со словом «оранус» Пелевин также использовал слово «ротожопа», которое дает очень богатые и правильные коннотации для того понятия, которое хочется ввести. Хотя, на мой взгляд, для единичного носителя вычленяемого психотипа можно было бы использовать вариант данного слова в мужском роде — «ротожоп».

[498] По материалам статьи: (Крупкин // Политкласс, 2008). Статья была написана осенью 2007 г.

[499] Вебер, 1990.

[500] Шумпетер, 1982.

[501] Нетрудно увидеть за этим описанием, восходящим к Шумпетеру, тот самый драйвер «эпетаксис», который был обсужден выше в подразделе «Эпетаксис и служение» раздела «Проблемы инновационного развития России» главы 4.

[502] Голубев: Социальный портрет современного предпринимателя.

[503] Особенности экономического сознания россиян.

[504] Белановский, 2005.

[505] «Борис Титов (Председатель общероссийской общественной организации “Деловая Россия”, член Президиума Национального совета по корпоративному управлению. — *П.К.*) <...> обратил внимание на рост зарплат, который провоцируют крупнейшие компании. “В “Газпроме” зарплаты в 16 раз выше, чем в среднем по стране. В то же время другим компаниям очень трудно обеспечивать тот же уровень”, — сказал Титов. ...Хороших специалистов мало, и все они идут на самые высокооплачиваемые места». — Цитата из статьи: (Шохина, 2007).

[506] Крупкин // АПН, 20.01.2009.

[507] Фрагмент стихотворения Э. Багрицкого «ТВС», опубликованного в 1929 г.

[508] Фрагмент стихотворения В. Маяковского «В.И. Ленин», опубликованного в 1924 г.

[509] Фрагмент текста более поздних времен — из книги (Суворов, 1993. глава X):

«...— Вы знаете, Виктор Андреевич, в ГРУ и в КГБ очень редко находятся люди, бегущие на Запад.

Я киваю.

— Все они несчастны. Это не пропаганда. Шестьдесят пять процентов невозвращенцев из ГРУ и КГБ возвращаются с повинной. Мы их расстреливаем. Они знают это и — все равно возвращаются. Те, которые не возвращаются в Советский Союз по своей собственной воле, кончают жизнь самоубийством, спиваются, опускаются на дно. Почему?

— Они предали свою социалистическую родину. Их мучает совесть. Они потеряли своих друзей, родных, свой язык...

— Это не главное, Виктор Андреевич. Есть более серьезные причины. Тут, в Советском Союзе, каждый из нас — член высшего сословия. Каждый, даже самый незначительный офицер ГРУ — сверхчеловек по отношению ко всем остальным. Пока вы в нашей системе, вы обладаете колоссальными привилегиями в сравнении с остальным населением страны. Когда имеешь молодость, здоровье, власть, привилегии — об этом забываешь. Но вспоминаешь об этом, когда уже ничего нельзя вернуть. Некоторые из них бегут на Запад в надежде иметь великолепную машину, особняк с бассейном, деньги. И Запад платит им действительно много. Но, получив “мерседес” и собственный бассейн, предатель вдруг замечает, что все вокруг него имеют хорошие машины и бассейны. Он вдруг ощущает себя муравьем в толпе столь же богатых муравьев. Он вдруг теряет чувство превосходства над окружающими. Он становится обычным, таким, как все. Даже если вражеская разведка возьмет этого предателя на службу, все равно он не находит утраченного чувства превосходства над окружающими, ибо на Западе служить в разведке — не считается высшей честью и почетом. Правительственный чиновник, козявка, и ничего более.

— Я никогда об этом не думал...

— Думай об этом. Всегда думай. Богатство — относительно. Если ты по Москве ездишь на “Ладе”, на тебя смотрят очень красивые девочки. Если ты по Парижу едешь на длинном “ситроене”, на тебя никто не смотрит. Все относительно. Лейтенант на Дальнем Востоке — царь и бог, повелитель жизней, властелин. Полковник в Москве — пешка, потому что тысячи других полковников рядом. Предашь — потеряешь все. И вспомнишь, что когда-то ты принадлежал к могущественной организации, был совершенно необычным человеком, поднятым над миллионами других. Предашь — почувствуешь себя серым, незаметным ничтожеством, таким, как и все окружающие. Капитализм дает деньги, но не дает власти и почестей. Среди нас находятся особо хи-

трые, которые не уходят на Запад, но остаются, тайно продавая наши секреты. Они имеют деньги капитализма и пользуются положением сверхчеловека, которое дает социализм. Но мы таких быстро находим и уничтожаем...

— Я знаю. Пеньковский...

— Не только. Пеньковский всемирно известен. Многие неизвестны. Владимир Константинов, например. Он вернулся в Москву в отпуск, а попал прямо на следствие. Улики неопровержимы. Смертный приговор.

— Его сожгли?

— Нет. Он просил его не убивать.

— И его не убили?

— Нет, не убили. Но однажды он сладко уснул в своей камере, а проснулся в гробу. Глубоко под землей. Он просил не убивать, и его не убили. Но гроб закопать обязаны. Такова инструкция. Иди, Виктор Андреевич. Успехов тебе. И помни, что в ГРУ уровень предательства гораздо ниже, чем в КГБ. Храни эту добрую традицию.

...»

[510] Вспомним анекдот: «Вопрос — может ли сын генерала стать маршалом? Ответ — увы, нет. Ведь у маршала есть свои дети». Другие свидетельства о наследуемости занятий у советской интеллигенции — см., например, статью: (Крылов, 2006), или заметку: (Третьяков // Живой журнал, 20.12.2008).

[511] См., например, книгу: (Гайдар, 2006. С. 131—132.):

«...Число массовых беспорядков, вынуждающих власти применять оружие, с середины 1960-х годов начало сокращаться. В 1963—1967 гг. были лишь отдельные рецидивы волнений, для подавления которых пришлось использовать вооруженную силу. Например, в 1967 г. в Ченгене, Фрунзе, Степанакерте. Во время расцвета брежневской эпохи власти научились минимизировать риски, связанные с антиправительственными выступлениями. 7 из 9 массовых выступлений против режима во времена правления Л. Брежнева пришлись на первые годы его прихода к власти. В 1969—1977 гг. не зафиксировано ни одного подобного эпизода. Если в годы правления Н. Хрущева в 8 случаях из 11 при подавлении беспорядков власти применяли оружие, то в брежневскую эпоху лишь в 3 случаях из 9. Начиная с 1968 г., вплоть до смерти Брежнева, для подавления беспорядков оружие не применялось ни разу. Режим научился обходиться без крайних форм насилия, гасить вспыхивающие проявления недовольства без стрельбы [1]».

В цитате использовалась ссылка: [1] Козлов В.А. Массовые беспорядки в СССР при Хрущеве и Брежневе (1953 — начало 1980-х гг.). Новосибирск: Сибирский хронограф, 1999. С. 8.

[512] См., например, книгу: (Губогло, 1998).

[513] Некоторые детали по приватизации советского наследия можно найти в статье: (Крыштановская, 1995), или книге: (Крыштановская, 2005).

[514] Здесь наличествует отсылка к понятию «карго культ» — см. следующий комментарий.

[515] «***Карго культ*** — термин, широко применяемый в культурной антропологии и социологии религии. Описывает разновидность новых религиозных движений, родившихся в Меланезии в эпоху колонизации и получивших наиболее яркое выражение в период Второй мировой войны. <...> Наблюдая за военными грузовыми самолетами в аэропортах, они убедились в возможности доставки благ современной цивилизации с небес и приступили к сооружению имитаций взлетных полос, разжиганию посадочных огней и т.п. с надеждой также дождаться железных птиц, несущих желанные грузы от духов предков не чужестранцам, а коренным меланезийцам. <...> Термин был популяризован известным физиком Р. Фейнманом, описавшим «науку типа карго культа» (cargo cult science) — псевдонауку, не обладающую встроенной нормой систематического критицизма и не требующую от ученого соблюдения универсалистских стандартов академической честности. В качестве примеров такой псевдонауки Фейнман рассмотрел некоторые разновидности гуманистической психологии, педагогики и социологии. Благодаря этой трактовке, диапазон применения термина К.к. расширился и включил в себя также социологию науки». — Цитата из статьи: (Девятко И.Ф. Карго культ. URL: http://www.ecsocman.edu.ru/db/msg/81156.html (Дата обращения: 20.08.2009).

Карго культ по сути своей представляет экстремальную форму ритуализма. Обычно в рамках ординарного ритуализма происходит

достаточно тривиальное вытеснение целей, порождающих сакрализуемые рутины, лишь за пределы операционной области сознания индивида. При этом представление о данном отношении «цели => рутины» вместе с порождающим его комплексом причинно-следственных связей вполне может оставаться на периферии сознания и может быть вновь актуализировано в его операционной области в случае надобности. Например, если вдруг начальство попросит объяснить необходимость его работы по поддержанию данных рутин. В случае же карго культа отнесение видимых рутин к обусловливающим данные рутины целям и соответствующим комплексам причинно-следственных связей в сознании его приверженца отсуствует напрочь. Это сопровождается «отстройкой» верующими нового, уже сакрального причинно-следственного комплекса, что и составляет суть культа.

Соответственно любое увлечение некой формой при полном непонимании порождающего данную форму содержания, сопровождающееся подменой этого исходного содержания в своем сознании на некий приемлемый для мировоззрения, но необсуждаемый особо вариант, правомерно интерпретировать как разновидность карго-культа.

[516] См., например, статью: (Капустин, 2001).

[517] Цитата из текста: (Администрация Президента обещает доработать порядок декларирования имущества чиновников к концу мая. Новости // Полит.ру (сетевой ресурс), 21.04.2009, 18:45. URL: http://www.polit.ru/news/2009/04/21/mihailov.popup.html (Дата обращения: 21.08.2009)).

[518] Напомню, что общественная эффективность — это способность социального агента достигать поставленных целей с затратами ниже, чем средние по референсной группе.

Научное издание

Серия «Открытая исследовательская концепция»

Крупкин Павел Ливерьевич

Россия и Современность: Проблемы совмещения
Опыт рационального осмысления

Монография

Подписано в печать 14.01.2010. Формат 60×88/16. Печать офсетная.
Усл.-печ. л. 34,8. Уч.-изд. л. 28,2.
Тираж 500. Изд. № 2071. Заказ.

ООО «Флинта», 117342, г. Москва, ул. Бутлерова, д. 17-Б, комн. 324.
Тел./факс: (495)334-82-65; тел. (495)336-03-11.
E-mail: flinta@mail.ru; WebSite: www.flinta.ru

Издательство «Наука», 117997, ГСП-7, г. Москва, В-485, ул. Профсоюзная, д. 90.